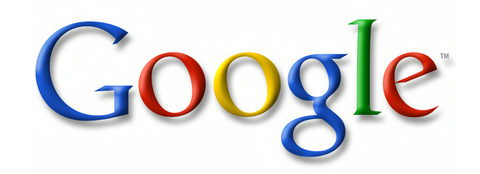
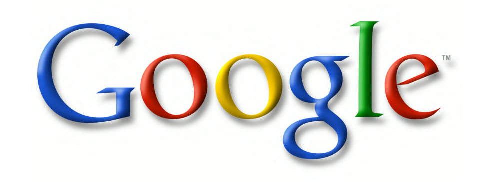
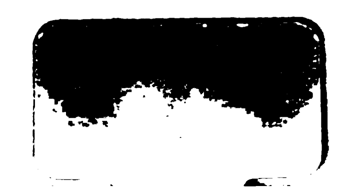

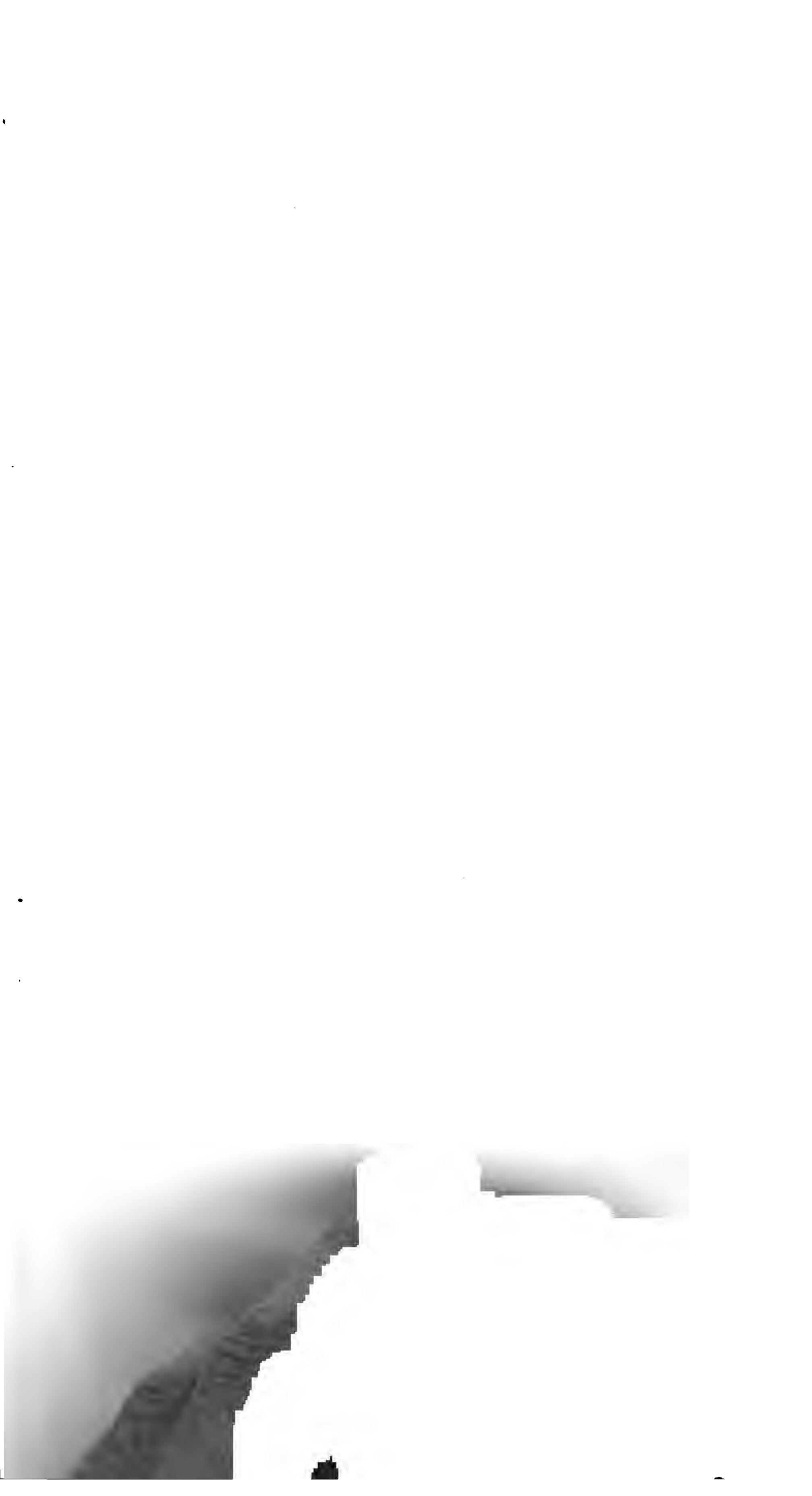

БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

ПРОФЕССОРОВЪ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,

за истекающее столѣтіе,

со дня учрежденія января 12-го 1755 года,

по день

СТОЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ

января 12-го 1855 года,

составленный

ТРУДАМИ ПРОФЕССОРОВЪ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ,

занимавшихъ каѳедры въ 1854 году,

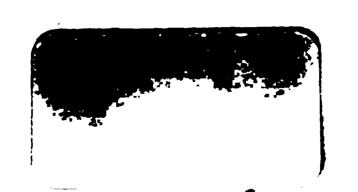
и расположенный по азбучному порядку.

ЧАСТЬ I.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1855.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

10. Рауль.........	1757—1759.	*Лект. Пако.*
11. Папафило......	1757—1758.	*Лект. Рубини.*
12. Франкози......	1757—1757.	*Пр. Шевыревъ.*
13. Керштенсъ......	1758—1770.	— *Щуровскій.*
14. Билонъ........	1759—1764.	*Лект. Пако.*
15. Лобановъ......	1761—1762.	*Пр. Зерновъ.*
16. Аничковъ......	1762—1788.	— —
17. Гелтергофъ.....	1764—1779.	*Лект. Гериней.*
18. Лангеръ.......	1764—1774.	*Пр. Лешковъ.*
19. Эразмусъ......	1764—1768.	— *Анке.*
20. Өедоровъ......	1764—1767.	— *Зерновъ.*
21. Дери (де)......	1764—1765.	*Лект. Пако.*
22. Зыбелинъ	1765—1802.	*Пр. Анке.*
23. Лави (де)......	1765—1770.	*Лект. Пако.*
24. Десницкій......	1768—1787.	*Пр. Баршевъ.*
25. Третьяковъ.....	1768—1776.	— *Крыловъ.*
26. Веніаминовъ....	1768—1775.	— *Анке.*
27. Сибирскій.	1770—1780.	— *Щуровскій.*
28. Афонинъ.......	1770—1777.	— —
29. Сенъ-Никола....	1770—1772.	*Лект. Пако.*
30. Бордельеръ.....	1772—1773.	— —
31. Бодуэнъ.......	1773—1796.	— —
32. Керестури......	1775—1805.	*Пр. Анке.*
33. Вечь..........	1776—1779.	— —
34. Скіаданъ.......	1777—1802.	— —
35. Сырейщиковъ...	1779—1784.	— *Терновскій.*
36. Чеботаревъ, отецъ.	1780—1815.	— *Соловьевъ.*
37. Маттеи........	1780—1811.	— *Менщиковъ.*
38. Шварцъ.......	1780—1782.	*Канд. Тихонравовъ.*
39. Геймъ........	1782—1822.	*Пр. Вернадскій.*
40. Гильдебрандтъ, Готтлибъ.....	1782—1795.	— *Анке.*
41. Шнейдеръ......	1782—1788.	— *Морошкинъ.*
42. Политковскій....	1783—1809.	*Пр. Щуровскій.*
43. Бели..........	1784—1809.	*Лект. Гарве.*
44. Вигандъ.......	1784—1793.	*Пр. Грановскій.*
45. Курика........	1784—1785.	— *Щуровскій.*
46. Горюшкинъ.....	1786—1811.	*Ад. Бѣляевъ.*
47. Сиъковскій.....	1786—1794.	*Пр. Терновскій.*
48. Страховъ, дядя. .	1787—1813.	*П. Ил. Страховъ.*

49. Баузе.	1787—1810.	*Канд. Тихонравов.*
50. Пургольдъ.	1787—1790(?)	*Пр. Орнатскій.*
51. Антонскій	1788—1828.	*Пр. Шевырев и Пр. Щуровскій.*
52. Брянцевъ.	1788—1821.	*Пр. Терновскій.*
53. Аршеневскій. . . .	1789—1808.	— *Зернов.*
54. Рихтеръ, отецъ. .	1790—1819.	— *Анке.*
55. Панкевичь	1791—1812.	— *Зернов.*
56. Мелльманъ	1792—1795.	— *Менщиков.*
57. Барсукъ-Моисеевъ	1795—1811.	— *Анке.*
58. Биндгеймъ	1795—1804.(?)	— —
59. Гавриловъ, отецъ.	1796—1829.	*Ад. Гаврилов.*
60. Снегиревъ, отецъ.	1796—1820.	*Заслуж. Пр. Давыдов.*
61. Сохацкій	1796—1809.	*Пр. Буслаев.*
62. Ватэ.	1796—1809.	*Лект. Пако.*
63. Двигубскій	1798—1833.	*Пр. Рулье и Пр. Спасскій.*
64. Черепановъ	1799—1823.	— *Грановскій.*
65. Щеголевъ	1803—1820.	— *Анке.*
66. Венсовичь.	1803—1811.	— —
67. Котельницкій. . . .	1804—1835.	— —
68. Фишеръ, отецъ . .	1804—1832.	— *Рулье.*
69. Рейсъ.	1804—1832.	— *Гейман.*
70. Мерзляковъ	1804—1830.	— *Шевырев.*
71. Гильтебрандтъ, отецъ	1804—1830.	— *Иноземцев.*
72. Гофманъ	1804—1826.	— *Максимович.*
73. Шлецеръ.	1804—1826.	— *Вернадскій.*
74. Буле.	1804—1812.	*Канд. Тихонравов.*
75. Рейнгардъ.	1804—1812.	*Пр. Терновскій.*
76. Роговъ.	1804—1811.	— *Зернов.*
77. Гольдбахъ, отецъ.	1804—1810.	*Ад. Драшусов.*
78. Немировъ	1804—1810.	— *Анке.*
79. Десангленъ.	1804—1807.	
80. Иде.	1804—1807.	— *Зернов.*
81. Грелльманъ.	1804—1804.	— *Буле.*
82. Цвѣтаевъ.	1805—1835.	— *Крылов.*
83. Перелоговъ.	1805—1825.	— *Зернов.*
84. Загорскій.	1805—1810.	— —
85. Андреевскій.	1805—1809.	— *Анке.*
86. Каченовскій.	1806—1842.	— *Соловьев.*

87.	Мягковъ	1806—1835.	*Пр. Зерновъ.*
88.	Штельцеръ	1806—1812.	— *Баршевъ.*
89.	Воиновъ	1806—1808.	— *Анке.*
90.	Турнейзенъ	1806—1807.	*Ад. Мильгаузенъ.*
91.	Ульрихсъ	1807—1832.	*Пр. Кудрявцевъ.*
92.	Данилевскій	1807—1815.	— *Анке.*
93.	Чеботаревъ, сынъ	1807—1811.	— *Ершовъ.*
94.	Мудровъ	1808—1831.	— *Страховъ.*
95.	Эвансъ	1809—1826.	*Лект. Гарве.*
96.	Тимковскій	1809—1820.	*Пр. Леонтьевъ.*
97.	Грузиновъ	1809—1812.	— *Анке.*
98.	Виллерсъ	1809—1812.	*Лект. Пако.*
99.	Суворовъ	1810—1815.	*Пр. Зерновъ.*
100.	Болдыревъ	1811—1837.	*Ад. Петровъ и Пр. Буслаевъ.*
101.	Смирновъ	1811—1834.	*Пр. Морошкинъ.*
102.	Сандуновъ	1811—1832.	— —
103.	Рейнеръ	1811—1816.	— *Анке.*
104.	Сидорацкій	1812—1815.	— —
105.	Мухинъ	1813—1835.	— *Армфельдъ.*
106.	Чумаковъ	1813—1832.	— *Брашманъ.*
107.	Ромодановскій ...	1813—1830.	— *Полунинъ.*
108.	Ризенко	1813—1827.	— *Кохъ.*
109.	Побѣдоносцевъ ..	1814—1831.	— *Шевыревъ.*
110.	Арнольдъ	1814—1816.	*Лект. Пако.*
111.	Денисовъ	1815—1830.	*Пр. Ершовъ.*
112.	Бекетовъ	1815—1829.	— *Вернадскій.*
113.	Аѳанасьевъ	1815—1816.	— *Зерновъ.*
114.	Снегиревъ, сынъ .	1816—1835.	
115.	Пельтъ	1816—1829.	*Лект. Пако.*
116.	Каменецкій	1816—1824.	*Пр. Вернадскій.*
117.	Тростинъ	1816—1819.	— *Зерновъ.*
118.	Альфонскій	1817—	
119.	Давыдовъ	1817—1847.	
120.	Бунге	1817—1842.	
121.	Щепкинъ	1817—1834.	*Пр. Зерновъ.*
122.	Гольдбахъ, сынъ .	1817—1824.	— *Фишеръ.*
123.	Перевощиковъ ...	1818—1851.	
124.	Воскресенскій ...	1818—1820.	*Пр. Анке.*
125.	Ивашковскій	1819—1835.	— *Менщиковъ.*

126. Лодеръ	1819—1832.	*Пр. Соколовъ.*
127. Маловъ........	1819—1831.	— *Лешковъ.*
128. Левитскій.......	1819—1824.	— *Терновскій.*
129. Поповъ Я. А...	1819—1823.	— *Зерновъ.*
130. Павловъ........	1820—1840.	— *Щуровскій, Пр. Рулье и Пр. Калиновскій.*
131. ТерновскійАл.Гр.	1820—1835.	*Пр. Полунинъ.*
132. Любимовъ......	1820—1822.	
133. Страховъ, плем.	1821—1846.	
134. Рихтеръ, сынъ..	1822—1851.	
135. Іовскій Ал. Ал.	1822—1844.	
136. Василевскій.....	1822—1834.	*Ад. Капустинъ.*
137. Эвеніусъ........	1823—1846.	
138. Веселовскій.....	1823—1839.	
139. Кистеръ........	1823—1834.	*Лект. Герингъ.*
140. Ловецкій	1824—1840.	*Пр. Рулье и Пр. Калиновскій.*
141. Коцауровъ......	1824—1834.	
142. Иннокентій	1824—1828.	*Пр. Терновскій.*
143. Тихоновичь.....	1825—1830.	
144. Фишеръ, сынъ..	1826—	
145. Гейманъ........	1826—1854.	
146. Погодинъ.......	1826—1844.	
147. Кубаревъ	1826—1839.	
148. Лебедевъ, Н. Д.	1826—1836.	
149. Рясовскій.......	1826—1835.	
150. Щедритскій.....	1826—1835.	
151. Максимовичь....	1826—1834.	
152. Бакстеръ.......	1826—1828.	
153. Ежевскій	1826—1827.	*Пр. Пѣховскій.*
154. Рубини.........	1827—	
155. Эйнбродтъ......	1827—1840.	*Пр. Соколовъ.*
156. Геннекень......	1827—1830.	*Лект. Пако.*
157. Терновскій П. М.	1828—	
158. Гарве..........	1828—	
159. Васильевъ Н. С.	1828—1845.	
160. Жодейко.......	1828—1835.	*Пр. Зерновъ.*
161. Гавриловъ, сынъ.	1828—1835.	
162. Васильевъ, Ил. В.	1828—1829.	*Ад. Бѣляевъ.*

163.	Топоровъ.......	1829—	
164.	Декампъ.......	1829—1837.	*Лект. Пако.*
165.	Герингъ........	1830—	
166.	Куртенеръ......	1830—1848.	
167.	Коркуновъ......	1830—1836.	
168.	Погорѣльскій.....	1830—1835.	
169.	Лебедевъ, К. В..	1831—1836.	
170.	Надеждинъ.....	1831—1835.	
171.	Щуровскій......	1832—	
172.	Дядьковскій.....	1832—1835.	*Пр. Глѣбовъ.*
173.	Морошкинъ.....	1833—	
174.	Шевыревъ......	1833—	
175.	Гильтебрандтъ...	1833—1845.	
176.	Оболенскій......	1833—1843.	*Пр. Пѣховскій.*
177.	Коноплевъ......	1833—1836.	*Ад. Петровъ.*
178.	Басовъ.........	1834—	
179.	Брашманъ......	1834—	
180.	Зерновъ........	1834—	
181.	Протасовъ......	1834—1835.	
182.	Анке..........	1835—	
183.	Баршевъ.......	1835—	
184.	Иноземцевъ.....	1835—	
185.	Крыловъ.......	1835—	
186.	Филомаѳитскій...	1835—1849.	*Пр. Полунинъ.*
187.	Рѣдкинъ........	1835—1848.	
188.	Крюковъ.......	1835—1845.	*Пр. Леонтьевъ.*
189.	Шиховскій......	1835—1835.	
190.	Іовскій, Петръ А.	1835—1835.	
191.	Пако...........	1836—	
192.	Чивилевъ.......	1836—1849.	
193.	Сокольскій......	1836—1848.	
194.	Книримъ.......	1836—1845.	*Л. Герингъ.*
195.	Армфельдъ......	1837—	
196.	Клинъ.........	1837—	
197.	Гофманъ, Карлъ.	1837—1849.	
198.	Тернов.-Платоновъ	1837—1839.	*Пр. Терновскій.*
199.	Варвинскій......	1838—	
200.	Спасскій.......	1838—	
201.	Даниловичь.....	1838—1841.	*Пр. Коровицкій.*
202.	Грановскій......	1839—	

203.	Лешковъ	1839—	
204.	Менщиковъ.....	1839—	
205.	Якубовичъ......	1839—1842.	*Пр. Леонтьевъ.*
206.	Рулье	1840—	
207.	Драшусовъ	1840—	
208.	Севрукъ........	1840—1853.	*Пр. Соколовъ.*
209.	Коровицкій	1841—	
210.	Залозѣцкій......	1841—1848.	*Пр. Циммерманнъ.*
211.	Глѣбовъ........	1842—	
212.	Оверъ	1842—	
213.	Бодянскій	1842—	
214.	Буслаевъ	1842—	
215.	Ершовъ........	1843—	
216.	Матюшенковъ...	1843—	
217.	Ефремовъ.......	1843—1846.	
218.	Соколовъ.......	1844—	
219.	Кавелинъ.......	1844—1848.	
220.	Линовскій.......	1844—1846.	*Пр. Калиновскій.*
221.	Броссе..........	1845—	
222.	Соловьевъ	1845—	
223.	Фелькель.......	1845—	
224.	Катковъ........	1845—1851.	
225.	Поль..........	1846—	
226.	Кохъ	1846—	
227.	Лясковскій.......	1846—	
228.	Гивартовскій....	1846—	
229.	Поповъ Ал. П..	1846—	
230.	Кикинъ.........	1846—1852.	*Пр. Полунинъ.*
231.	Полунинъ.......	1847—	
232.	Леонтьевъ......	1847—	
233.	Кудрявцевъ.....	1847—	
234.	Желѣзновъ	1847—1853.	
235.	Мильгаузенъ....	1847—	
236.	Орнатскій	1848—	
237.	Калачовъ.......	1848—	
238.	Пѣховскій	1848—	
239.	Млодзіовскій.....	1848—	
240.	Циммерманнъ...	1849—	
241.	Варнекъ	1849—	
242.	Швейцеръ......	1849—	

243. Монастье....... 1849—1852.
244. Григоровичь.... 1849—1850.
245. Вернадскій..... 1850—
246. Давидовъ........ 1850—
247. Пикулинъ....... 1850—
248. Шестаковъ...... 1850—
249. Бѣляевъ........ 1852—
250. Николаевъ...... 1852—
251. Петровъ........ 1852—
252. Капустинъ...... 1852—
253. Клименковъ..... 1852—
254. Калиновскій..... 1853—
255. Шоръ.......... 1853—
256. Любимовъ Н. Л.. 1854—

Если бы угодно было кому нибудь прослѣдить біографіи Профессоровъ по наукамъ, ими читаннымъ и читаемымъ, то онъ можетъ удовлетворить желанію своему, слѣдуя порядку прилагаемаго списка по Факультетамъ.

Догматическое и Нравоучительное Богословіе: Левитскій, Иннокентій, Терновскій (П. М.).

Церковная Исторія: Снегиревъ (М. М.), предъидущіе по порядку.

Церковное Законовѣдѣніе: Терновскій (П. М.)

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ ФАКУЛЬТЕТЪ.

Философія: Фроманнъ, Шаденъ, Аничковъ, Сырейщиковъ, Синьковскій, Рейнгардъ, Брянцевъ, Давыдовъ, Снегиревъ, Любимовъ, Надеждинъ, Терновскій - Платоновъ, Катковъ, Терновскій (П. М.).

Греческая Словесность и Древности: Поповскій, Барсовъ, Шаденъ, Папафило, Маттеи, Мелльманъ,

Сохацкій, Буле, Тимковскій, Ивашковскій, Ежовскій, Оболенскій, Гофманъ (К. К.), Менщиковъ, Пѣховскій.

Римская Словесность и Древности: Поповскій, Барсовъ, Шаденъ, Маттеи, Мелльманъ, Сохацкій, Буле, Тимковскій, Давыдовъ, Снегиревъ, Кубаревъ, Крюковъ, Клинъ, Якубовичь, Леонтьевъ, Шестаковъ.

Русская Словесность: Поповскій, Барсовъ, Чеботаревъ, Сохацкій, Мерзляковъ, Побѣдоносцевъ, Давыдовъ, Гавриловъ, Шевыревъ, Буслаевъ.

Славяно-церковный языкъ: Гавриловъ (М. Г.).

Славянскія нарѣчія: Каченовскій, Бодянскій.

Всеобщая Исторія: Кельнеръ, Рейхель, Чеботаревъ, Вигандъ, Черепановъ, Шлецеръ, Бекетовъ, Ульрихсъ, Коркуновъ, Каченовскій, Погодинъ, Крюковъ, Грановскій, Кудрявцевъ.

Русская Исторія: Чеботаревъ, Каченовскій, Погодинъ, Соловьевъ.

Политическая Экономія: Шлецеръ, Бекетовъ, Васильевъ, Чивилевъ, Вернадскій.

Статистика: Рейхель, Шлецеръ, Грелльманъ, Бекетовъ, Каченовскій, Каменецкій, Щедритскій, Чивилевъ, Вернадскій.

Всеобщая Географія: Савичь, Чеботаревъ, Геймъ, Каменецкій, Каченовскій, Гастевъ, Коркуновъ, Щедритскій, Ефремовъ.

Педагогія: Шварцъ, Баузе, Буле, Шевыревъ.

Восточные языки: Шаденъ, Болдыревъ, Петровъ.

Ученая Исторія: Рейхель, Баузе.

Теорія изящныхъ искусствъ: Сокацкій, Буле, Гавриловъ отецъ, Гавриловъ сынъ, Надеждинъ.

Археологія: Геймъ, Буле, Гавриловъ отецъ, Надеждинъ.

Французскій языкъ и Словесность: Рауль, Билонъ, Лери, Лави, Сенъ-Никола, Борделъеръ, Бодуэнъ, Ватэ, Виллерсъ, Арнольдъ, Пельтъ, Геннекенъ, Декампъ, Пако, Куртенеръ, Монастье, Шоръ.

Нѣмецкій языкъ и Словесность: Рейхель, Кельнеръ, Гелтергофъ, Геймъ, Гавриловъ, Десангленъ, Ульрихсъ, Кистеръ, Герингъ, Книримъ, Фелькель.

Англійскій языкъ и Словесность: Ростъ, Десницкій, Бели, Перелоговъ, Эвансъ, Бакстеръ, Гарве.

Италіянскій языкъ и Словесность: Папафило, Рубини.

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКІЙ ФАКУЛЬТЕТЪ.

Математика чистая: Барсовъ, Лобановъ, Аничковъ, Өедоровъ, Аршеневскій, Иде, Перелоговъ, Загорскій, Суворовъ, Чумаковъ, Аөанасьевъ, Тростинъ, Щепкинъ, Перевощиковъ, Поповъ (Якимъ), Кацауровъ, Жодейко, Погорѣльскій, Зерновъ.

Математика Прикладная: Савичь, Ростъ, Панкевичъ, Чумаковъ, Перевощиковъ, Брашманъ, Давидовъ.

Астрономія: Панкевичъ, Гольдбахъ отецъ, Перевощиковъ, Дращусовъ, Швейцеръ.

Физика: Франкози, Ростъ, Савичь, Страховъ, Двигубскій, Перевощиковъ, Павловъ, Веселовскій, Спасскій.

Физическая Географія: Спасскій.

Натуральная Исторія: Афонинъ, Сибирскій, Политковскій, Курика.

Минералогія и Геогнозія: Керштенсъ, Сибирскій, Афонинъ, Политковскій, Антонскій, Фишеръ отецъ, Павловъ, Щуровскій.

Ботаника: Керштенсъ, Афонинъ, Веніаминовъ, Политковскій, Курика, Годи, Антонскій, Гофманъ (Георгъ Францъ), Гольдбахъ сынъ, Двигубскій, Максимовичь, Шиховскій, Фишеръ сынъ.

Зоологія: Афонинъ, Политковскій, Курика, Антонскій, Фишеръ отецъ, Ловецкій, Рулье.

Сравнительная Анатомія человѣка и животныхъ: Глѣбовъ, Варнекъ.

Химія: Керштенсъ, Сибирскій, Гильтебрандтъ, Биндгеймъ, Политковскій, Рейсъ, Страховъ, Іовскій (Ал. Ал.), Гейманъ, Гивартовскій, Лясковскій.

Технологія: Чеботаревъ сынъ, Двигубскій, Денисовъ, Страховъ (П. Ил.), Ершовъ.

Сельское Хозяйство: Афонинъ, Антонскій, Ловецкій, Павловъ, Линовскій, Желѣзновъ, Калиновскій.

Лѣсоводство: Желѣзновъ, Калиновскій.

Практическая Механика и Начертательная Геометрія: Ростъ, Ершовъ.

Архитектура: Ростъ.

Военныя науки, Артиллерія и Фортификація: Десангленъ, Мягковъ.

ЮРИДИЧЕСКІЙ ФАКУЛЬТЕТЪ.

Философское и Энциклопедическое изученіе права: Дильтей, Шаденъ, Лангеръ, Десницкій, Третьяковъ,

Скіаданъ, Шнейдеръ, Баузе, Пургольдъ, Буле, Рейнгардъ, Цвѣтаевъ, Рѣдкинъ, Орнатскій.

Русское Практическое Законоискусство: Аничковъ Иванъ, Горюшкинъ, Сандуновъ, Смирновъ, Морошкинъ.

Исторія Русскаго Законодательства: Горюшкинъ, Смирновъ, Васильевъ (Ил. В.), Морошкинъ, Кавелинъ, Калачевъ, Бѣляевъ.

Римское Право и его Исторія: Десницкій, Третьяковъ, Баузе, Пургольдъ, Цвѣтаевъ, Штельцеръ, Маловъ, Морошкинъ, Крыловъ.

Народное право и Дипломація: Лангеръ, Скіаданъ, Рейнгардъ, Шлецеръ, Бекетовъ, Василевскій, Васильевъ (Н. С.), Іовскій (П. А.), Лешковъ, Баршевъ, Капустинъ.

Россійскіе Государственные Законы: Дильтей, Десницкій, Рѣдкинъ, Орнатскій.

Гражданскіе Законы: Дильтей, Десницкій, Шнейдеръ, Маловъ, Морошкинъ.

Законы Благоустройства и Благочинія: Даниловичъ, Лешковъ.

Законы о состояніяхъ и губернскихъ учрежденіяхъ: Смирновъ, Лешковъ, Кавелинъ, Калачовъ.

Законы о Государственныхъ повинностяхъ и финансахъ: Турнейзенъ, Васильевъ (Н. С.), Мильгаузенъ.

Законы Полицейскіе и Уголовные: Дильтей, Десницкій, Штельцеръ, Маловъ, Барщевъ.

Законы Царства Польскаго: Даниловичъ, Коровицкій, Залозѣцкій, Циммерманъ.

ВЪ МЕДИЦИНСКОМЪ ФАКУЛЬТЕТѢ:

Анатомія: Эразмусъ, Зыбелинъ, Керестури, Венсовичь, Грузиновъ, Мухинъ, Воскресенскій, Лодеръ, Терновскій (Ал. Гр.) Эйнбродтъ, Севрукъ, Соколовъ.

Анатомія Патологическая: Полунинъ.

Физіологія: Сибирскій, Скіаданъ, Барсукъ-Моисеевъ, Венсовичь, Грузиновъ, Мухинъ, Филомаѳитскій, Глѣбовъ.

Патологія: Вечь, Скіаданъ, Барсукъ-Моисеевъ, Немировъ, Мудровъ, Ромодановскій, Ризенко, Топоровъ, Лебедевъ (Козьма Вас.).

Терапія Общая: Вечь, Скіаданъ, Барсукъ-Моисеевъ, Немировъ, Мудровъ, Ромодановскій, Лебедевъ (К. В.), Сокольскій, Топоровъ, Дядьковскій, Полунинъ.

Психіатрія: Скіаданъ, Топоровъ, Сокольскій.

Хирургія: Зыбелинъ, Керестури, Гильтебрандтъ отецъ, Сидорацкій, Альфонскій, Эвеніусъ, Басовъ.

Теоретическая: Альфонскій, Басовъ.

Оперативная: Иноземцевъ, Гильтебрандтъ сынъ, Матюшенковъ.

Офталміатрія: Эвеніусъ, Броссе, Басовъ.

Акушерство: Рихтеръ отецъ, Венсовичь, Данилевскій, Ризенко, Рихтеръ сынъ, Кохъ, Николаевъ.

Женскія болѣзни: Рихтеръ отецъ, Ризенко, Рясовскій, Рихтеръ сынъ, Кохъ.

Дѣтскія болѣзни: Рихтеръ отецъ, Данилевскій, Ризенко, Рихтеръ сынъ, Кохъ.

Врачебное Веществословіе, или Фармакологія, Фармація, Рецептура и Токсикологія: Керштенсъ, Веніаминовъ, Зыбелинъ, Гильтебрандтъ Готтлибъ, Щеголевъ, Котельницкій, Воиновъ, Іовскій (Ал. Ал.), Тихоновичъ, Анке, Лясковскій.

Практическая Медицина: Зыбелинъ, Политковскій.

Клиника: Мудровъ.

Терапевтическая Клиника: Бунге, Варвинскій, Оверъ, Млодзіёвскій, Пикулинъ.

Хирургическая Клиника: Иноземцовъ, Матюшенковъ, Поль, Поповъ.

Судебная Медицина и Полиція: Венсовичь, Грузиновъ, Мухинъ, Армфельдъ.

Діэтетика и Гигіэна: Вечь, Барсукъ-Моисеевъ, Ризенко, Ромодановскій, Терновскій (Ал. Гр.), Кикинъ, Клименковъ.

Гигіена военная: Мудровъ.

Скотоврачебная наука: Андреевскій, Реннеръ, Бунге, Страховъ (П. Ил.), Рясовскій, Протасовъ, Кикинъ.

Энциклопедія Медицинскихъ наукъ: Армфельдъ.

Исторія Медицины: Котельницкій, Воиновъ, Лебедевъ (Никиф. Дм.), Армфельдъ.

Редакторъ Словаря,

О. Профессоръ С. Шевыревъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

БІОГРАФІЙ ПРОФЕССОРОВЪ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ ПЕРВОМЪ ТОМѢ СЛОВАРЯ,

СЪ ОБОЗНАЧЕНІЯМЪ ГОДОВЪ ИХЪ СЛУЖЕНІЯ ВЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

			Стран.
1.	**Альфонскій**, Аркадій Алексѣевичь...	1817— .	1
2.	**Андреевскій**, Иванъ Самойловичь...	1805—1809.	4
3.	**Аничковъ**, Дмитрій Сергѣевичь.....	1762—1788.	5
4.	**Анке**, Николай Богдановичь.........	1835 — .	9
5.	**Антонскій - Прокоповичь**, Антонъ Антоновичь......................	1788—1828.	12
6.	**Армфельдъ**, Александръ Осиповичь.	1837— .	38
7.	**Арнольдъ**, Иванъ	1814—1816.	39
8.	**Аршеневскій**, Василій Кондратьевичь.	1789—1808.	—
9.	**Афонинъ**, Матвѣй Ивановичь........	1770—1777.	42
10.	**Аѳанасьевъ**, Пафнутій Алексѣевичь..	1815—1816.	49
11.	**Барсовъ**, Антонъ Алексѣевичь......	1755—1791.	50
12.	**Барсукъ-Моисеевъ** (**Мойза**), Ѳома Ивановичь.....................	1795—1811.	62
13.	**Баршевъ**, Сергѣй Ивановичь........	1835— .	63
14.	**Басовъ**, Василій Александровичь.....	1834— .	67
15.	**Баузе**, Ѳедоръ Григорьевичь........	1787—1810.	68
16.	**Бекетовъ**, Николай Андреевичь......	1815—1829.	89

/

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стран.
17. **Бели**, Иванъ	1784—1809.	90
18. **Билонъ**, Николай	1759—1764.	91
19. **Биндгеймъ**, Іаковъ	1795—1804.	—
20. **Бодуэнъ**, Жанъ Жакъ Стефанъ	1773—1796.	92
21. **Бодянскій**, Осипъ Максимовичъ	1842—	—
22. **Болдыревъ**, Алексѣй Васильевичъ	1811—1837.	95
23. **Борделльеръ**, Францискъ Берландъ-де-ла	1772—1773.	98
24. **Брашманъ**, Николай Дмитріевичъ	1834—	99
25. **Броссе**, Петръ Ѳедоровичъ	1845—	102
26. **Брянцевъ**, Андрей Михайловичъ	1788—1821.	109
27. **Буле**, Іоганнъ Ѳеофилъ	1804—1812.	112
28. **Бунге**, Христофоръ Григорьевичъ	1817—1842.	128
29. **Буслаевъ**, Ѳедоръ Ивановичъ	1842—	134
30. **Бѣляевъ**, Иванъ Дмитріевичъ	1852—	136
31. **Бякстеръ**, Яковъ Николаевичъ	1826—1828.	139
32. **Варвинскій**, Іосифъ Васильевичъ	1838—	140
33. **Варнекъ**, Николай Александровичъ	1849—	143
34. **Василевскій**, Дмитрій Ефимовичъ	1822—1834.	144
35. **Васильевъ**, Николай Семеновичъ	1828—1845.	146
36. **Васильевъ**, Илларіонъ Васильевичъ	1828—1829.	148
37. **Ватэ**, Карлъ Абіа-де	1796—1809.	150
38. **Веніаминовъ**, Петръ Дмитріевичъ	1768—1775.	151
39. **Венсовичъ**, Иванъ Ѳедоровичъ	1803—1811.	153
40. **Вернадскій**, Иванъ Васильевичъ	1850—	155
41. **Веселовскій**, Иванъ Семеновичъ	1823—1839.	163
42. **Вечь**, Игнатій Іосифъ	1776—1779.	165
43. **Вигантъ**, Іоганнъ	1784—1793.	—
44. **Виллерсъ**, Фредерикъ	1809—1812.	166
45. **Воиновъ**, Иванъ Павловичъ	1806—1808.	163
46. **Воскресенскій**, Петръ Герасимовичъ	1818—1820.	—
47. **Гавриловъ**, Матвѣй Гавриловичъ	1796—1829.	169
48. **Гавриловъ**, Александръ Матвѣевичъ	1828—1835.	177

ОГЛАВЛЕНІЕ.

			Стран.
49.	ГАРВЕ, Эдуардъ Васильевичъ.........	1828— .	175
50.	ГЕЙМАНЪ, Родіонъ Григорьевичъ.....	1826—1854.	177
51.	ГЕЙМЪ, Иванъ Андреевичъ..........	1782—1822.	188
52.	ГЕЛТЕРГОФЪ, Францискъ...........	1764—1779.	191
53.	ГЕННЕКЕНЪ, Иванъ Петръ..........	1827—1830.	192
54.	ГЕРИНГЪ, Іог. Христоф. Эргардъ.....	1830— .	193
55.	ГИВАРТОВСКІЙ, Генрихъ Антоновичъ.	1846— .	197
56.	ГИЛЬДЕБРАНДТЪ, Готлибъ.........	1782—1796.	199
57.	ГИЛЬТЕБРАНДТЪ, Ѳедоръ Андреевичъ.	1804—1830.	—
58.	ГИЛЬТЕБРАНДТЪ, Иванъ Ѳедоровичъ.	1833—1845.	208
59.	ГЛѢБОВЪ, Иванъ Тимоѳеевичъ.......	1842— .	209
60.	ГОЛЬДБАХЪ, Фридрихъ............	1804—1810.	225
61.	ГОЛЬДБАХЪ, Левъ Ѳедоровичъ......	1817—1824.	242
62.	ГОРЮШКИНЪ, Захарій Аникѣевичъ....	1786—1811.	247
63.	ГОФМАНЪ, Георгъ Францъ.........	1804—1826.	254
64.	ГОФМАНЪ, Карлъ Карловичъ........	1837—1849.	262
65.	ГРАНОВСКІЙ, Тимоѳей Николаевичъ...	1839— .	263
66.	ГРЕЛЛЬМАННЪ, Гейнрихъ Маврицій Готлибъ........................	1804—1804.	265
67.	ГРИГОРОВИЧЪ, Викторъ Ивановичъ....	1849—1850.	271
68.	ГРУЗИНОВЪ, Илья Егоровичъ........	1809—1812.	273
69.	ДАВИДОВЪ, Августъ Юліевичъ.......	1850— .	275
70.	ДАВЫДОВЪ, Иванъ Ивановичъ.......	1817—1847.	276
71.	ДАНИЛЕВСКІЙ, Алексѣй Ивановичъ...	1807—1815.	286
72.	ДАНИЛОВИЧЪ, Игнатій Николаевичъ...	1838—1841.	627
73.	ДВИГУБСКІЙ, Иванъ Алексѣевичъ.....	1798—1833.	290
74.	ДЕКАМПЪ, Амедей................	1829—1837.	294
75.	ДЕНИСОВЪ, Ѳедоръ Алексѣевичъ.....	1815—1830.	295
76.	ДЕСАНГЛЕНЪ, Яковъ Ивановичъ......	1804—1807.	298
77.	ДЕСНИЦКІЙ, Семенъ Ефимовичъ......	1768—1787.	297
78.	ДИЛЬТЕЙ, Филиппъ Генрихъ.........	1756—1781.	301
79.	ДРАШУСОВЪ, Александръ Николаевичъ.	1840— .	311
80.	ДЯДЬКОВСКІЙ, Іустинъ Евдокимовичъ..	1832—1835.	315

			Стран.
81.	**ЕЖОВСКІЙ**, Іосифъ................	1826—1827.	325
82.	**ЕРШОВЪ**, Александръ Степановичь...	1843—	. 326
83.	**ЕФРЕМОВЪ**, Александръ Павловичь...	1843—1846.	328
84.	**ЖЕЛѢЗНОВЪ**, Николай Ивановичь....	1847—1853.	329
85.	**ЖОДЕЙКО**, Флоръ Антоновичь......	1828—1835.	331
86.	**ЗАГОРСКІЙ**, Василій Андреевичь.....	1805—1810.	333
87.	**ЗАЛОЗѢЦКІЙ**, Карлъ Акинѳіевичь...	1841—1848.	335
88.	**ЗЕРНОВЪ**, Николай Ефимовичь......	1834—	. 336
89.	**ЗЫБЕЛИНЪ**, Семенъ Герасимовичь...	1765—1802.	340
90.	**ИВАШКОВСКІЙ**, Семенъ Мартыновичь.	1819—1835.	344
91.	**ИДЕ**, Иванъ А....................	1804—1806.	351
92.	**ИННОКЕНТІЙ** Платоновъ............	1824—1828.	352
93.	**ИНОЗЕМЦЕВЪ**, Ѳедоръ Ивановичь...	1835—	. 353
94.	**ІОВСКІЙ**, Александръ Алексѣевичь...	1822—1844.	359
95.	**ІОВСКІЙ**, Петръ Алексѣевичь.......	1835—1835.	364
96.	**КАВЕЛИНЪ**, Константинъ Дмитріевичь	1844—1848.	364
97.	**КАЛАЧОВЪ**, Николай Васильевичь....	1848—	. 366
98.	**КАЛИНОВСКІЙ**, Яковъ Николаевичь..	1853—	. 374
99.	**КАМЕНЕЦКІЙ**, Титъ Алексѣевичь....	1816—1824.	379
100.	**КАПУСТИНЪ**, Михаилъ Николаевичь..	1852—	. 380
101.	**КАТКОВЪ**, Михаилъ Никифоровичь...	1845—	. 381
102.	**КАЧЕНОВСКІЙ**, Михаилъ Трофимовичь.	1806—1842.	383
103.	**КЕЛЛНЕРЪ**, Христіанъ Готтлибъ.....	1757—1760.	403
104.	**КЕРЕСТУРИ**, Францъ Францовичь....	1775—1805.	404
105.	**КЕРШТЕНСЪ**, Іоганнъ Христіанъ....	1758—1770.	407
106.	**КИКИНЪ**, Алексѣй Ивановичь.......	1846—1852.	410
107.	**КИСТЕРЪ**, Ѳедоръ Ивановичь.......	1823—1834.	412
108.	**КЛИМЕНКОВЪ**, Степанъ Ивановичь....	1852—	. 415
109.	**КЛИНЪ**, Эрнстъ Ѳедоровичь.......	1837—	. 419
110.	**КНИРИМЪ**, Егоръ Ивановичь........	1836—1845.	422
111.	**КОНОПЛЕВЪ**, Николай Гавриловичь.	1833—1836.	423
112.	**КОРКУНОВЪ**, Михаилъ Андреевичь..	1830—1836.	—
113.	**КОРОВИЦКІЙ**, Александръ Сикстовичь.	1841—	. 429

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стран.
114. **КОТЕЛЬНИЦКІЙ**, Василій Михаиловичь.	1804—1835.	430
115. **КОХЪ**, Владиміръ Ивановичь........	1846— .	431
116. **КОЦАУРОВЪ**, Николай Васильевичь...	1824—1834.	432
117. **КРЫЛОВЪ**, Никита Ивановичь.......	1835— .	435
118. **КРЮКОВЪ**, Дмитрій Львовичь.......	1835—1845.	438
119. **КУВАРЕВЪ**, Алексѣй Михайловичь...	1826—1839.	443
120. **КУДРЯВЦЕВЪ**, Петръ Николаевичь...	1847— .	444
121. **КУРИКА**, Θеодосій Константиновичь..	1784—1785.	—
122. **КУРТЕНЕРЪ**, Θедоръ Θедоровичь....	1830—1848.	445
123. **ЛАВИ**, Генрихъ де................	1765—1770.	447
124. **ЛАНГЕРЪ**, Карлъ Генрихъ..........	1764—1774.	—
125. **ЛЕБЕДЕВЪ**, Козьма Васильевичь.....	1831—1836.	453
126. **ЛЕБЕДЕВЪ**, Никифоръ Дмитріевичь...	1826—1836.	451
127. **ЛЕВИТСКІЙ**, Григорій Александровичь.	1819—1824.	452
128. **ЛЕОНТЬЕВЪ**, Павелъ Михайловичь...	1847— .	455
129. **ЛЕРИ**, Яковъ Прекло де...........	1764—1765.	450
130. **ЛЕШКОВЪ**, Василій Николаевичь.....	1839— .	—
131. **ЛИНОВСКІЙ**, Ярославъ Албертовичь..	1844—1846.	458
132. **ЛОБАНОВЪ**, Семенъ..............	1761—1762.	462
133. **ЛОВЕЦКІЙ**, Алексѣй Леонтьевичь....	1824—1840.	463
134. **ЛОДЕРЪ**, Христіанъ Ивановичь......	1819—1832.	469
135. **ЛЮБИМОВЪ**, Семенъ Ивановичь.....	1820—1822.	474
136. **ЛЯСКОВСКІЙ**, Николай Эрастовичь...	1846— .	475

ДОПОЛНЕНІЯ.

1. **АНИЧКОВЪ**, Иванъ..................	1783—1786.	481
2. **ГАСТЕВЪ**, Михаилъ Степановичь......	1830—1833.	—
3. **ГОДИ**, Петръ......................	1788—1789.	484
4. **ЛЮБИМОВЪ**, Николай Алексѣевичь....	1854— .	485

ПРИМѢЧАНІЕ

къ первому тому Словаря, для переплетчика.

Къ 44-й страницѣ, въ біографіи Профессора Афонина, должны быть приложены два литографированныхъ снимка съ собственноручныхъ аттестатовъ, данныхъ ему въ Стокгольмѣ Линнеемъ и Валлеріемъ.

А.

Альфонскій, Аркадій Алексѣевичь, Ректоръ Императорскаго Московскаго Университета, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Заслуженный Профессоръ, Докторъ Медицины и Хирургіи и орденовъ св. Анны 1-й степени, св. Станислава 1-й ст., св. Владиміра 3-й ст. Кавалеръ, Почетный Членъ Университета и Общества С.-Петербургскихъ врачей, Членъ разныхъ Ученыхъ Обществъ, имѣющій знакъ отличія безпорочной службы за XXXV лѣтъ, православнаго исповѣданія.

Родился 1796 года Февраля 8-го дня, въ Вологдѣ. По кончинѣ родителя своего, бывшаго извѣстнымъ въ городѣ врачемъ, на 4-мъ году былъ перевезенъ родительницею въ Москву, гдѣ постоянно и находился. Въ 1805 году поступилъ въ извѣстное въ то время Училище при новой Лютеранской церкви, управляемое знаменитымъ Пробстомъ Гейдеке. Во время своего ученія заслужилъ онъ расположеніе Гейдеке, который былъ для него истиннымъ благодѣтелемъ; онъ предлагалъ для дальнѣйшаго образованія отправить его на собственной счетъ въ Дерптъ или Германію, на что родительница его не могла согласиться, и потому, по выходѣ изъ Училища, поступилъ онъ 10-го Авг. 1810 г. въ Императорскій Московскій Университетъ Студентомъ по Медицинскому Факультету. При самомъ вступленіи въ Университетъ, былъ онъ обласканъ, какъ родной, незабвеннымъ Матѳіемъ Яковлевичемъ Мудровымъ, бывшимъ въ то время Деканомъ и знавшимъ отца его. Первый годъ пребыванія своего въ Университетѣ провелъ онъ у Профессора Данилевскаго; въ началѣ же 1812 года былъ приглашенъ въ домъ Профессора Хирургіи и тогдашняго Декана, Ѳедора Андреевича Гильтебрандта. При вступленіи непріятелей въ Москву, онъ вмѣстѣ съ своимъ благодѣтелемъ и наставникомъ, Гильтебрандтомъ, выѣхалъ во Владиміръ на Клязьмѣ, сопутствуя многимъ раненымъ, ѣхавшимъ во

Владиміръ нарочно для Профессора Гильтебрандта. Будучи его помощникомъ при перевязываніи раненыхъ, не только прибывшихъ съ ними, но и многихъ другихъ, найденныхъ уже въ городѣ, ревностнымъ исполненіемъ порученій заслужилъ онъ истинное расположеніе знаменитаго своего наставника. 22-го Ноября 1812 года возвратившись въ Москву, онъ постоянно находился въ домѣ его до окончанія ученія въ Университетѣ, почти до конца 1817 года. До самой кончины незабвеннаго своего покровителя, онъ пользовался искреннимъ его расположеніемъ и былъ постоянно его помощникомъ по обширной хирургической практикѣ. По достиженіи степени Доктора Медицины, былъ оставленъ при Университетѣ по каѳедрѣ Хирургіи (1817 г. Іюля 4). Въ томъ же 1817 году, Сентяб. 20-го, поступилъ на службу въ Московскую больницу для бѣдныхъ, переименованную въ послѣдствіи въ Маріинскую. По избранію Совѣта Университета утвержденъ Адъюнктомъ 1819 г. Іюля 20-го. Утвержденъ Докторомъ Хирургіи 1820 г. Іюля 20-го. Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ св. Анны 3-й степ. 1821 г. Мая 23-го, за усердіе по службѣ въ больницѣ для бѣдныхъ. Въ 1823 г. Февраля 10-го утвержденъ Экстраординарнымъ Профессоромъ Хирургіи. Произведенъ въ Надворные Совѣтники 1822 г. Іюля. 4-го. Всемилостивѣйше пожалованъ орд. св. Владиміра 4-й степ. 1825 г. Апр. 21-го. Въ знакъ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны благоволенія награжденъ золотою табакеркою 1826 г. Окт. 7-го. Всемилостивѣйше пожалованъ орд. св. Анны 2-й степ. 1828 г. Апр. 14-го. — Произведенъ въ Коллежскіе Совѣтники 1828 г. Іюля 4-го.—Утвержденъ Ординарнымъ Профессоромъ Хирургіи 1829 г. Дек. 3-го. — Опредѣленъ Консультантомъ въ Маріинскую больницу 1830 г. Іюня 5-го.—Во время бывшей эпидемической холеры опредѣленъ въ должность Главнаго Доктора Императорскаго Воспитательнаго Дома 1830 г. Окт. 27-го.—По распоряженію Комитета, учрежденнаго при Университетѣ для охраненія отъ холеры живущихъ въ ономъ и заведеніяхъ, ему подвѣдомыхъ, имѣлъ главный надзоръ за временными больницами Университетской Типографіи и Благороднаго Пансіона съ 12-го Сент. 1830 по 17-е Февр. 1831 г. — Высочайше утвержденъ Главнымъ Докторомъ Воспитательнаго Дома 1831 г. Марта 23-го.

По Комитету охраненія отъ холеры при Университетѣ удостоенъ Высочайшаго благоволенія 1831 г. Авг. 25-го. — Всемилостивѣйше пожалованъ въ Статскіе Совѣтники 1832 г. Апр. 21-го.— Всемилостивѣйше пожалованъ орд. св. Анны 2-й степени съ Императорскою короной 1834 г. Марта 4-го. — При введеніи въ дѣйствіе новаго Устава Университета назначенъ для преподаванія Общей и Частной Хирургіи. — Пожалованъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени 1836 г. Апр. 13-го. — Кавалеромъ орд. св. Станислава 2-й степ. со звѣздою 1838 г. Іюня 21-го.— Высочайшимъ Указомъ пожалованъ въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники 1840 г. Сент. 21-го.—По избранію Совѣта Университета былъ Членомъ Училищнаго Комитета, Деканомъ Факультета въ теченіе 8 лѣтъ, Проректоромъ Университета 4 года, съ оставленіемъ въ должности Декана. Высочайше утвержденъ Ректоромъ Университета 1842 года Іюня 2-го, каковую должность исполнялъ по день увольненія изъ Университета съ званіемъ Заслуженнаго Профессора 1848 г. Марта 11-го. — За ревностную службу и особые труды по Университету Всемилостивѣйше пожалованъ орд. св. Станислава 1-й степ. 1844 г. Окт. 28-го.— По увольненіи изъ Университета, Совѣтъ удостоилъ его избранія въ Почетные Члены. — Службу свою по Воспитательному Дому онъ продолжалъ и по выходѣ изъ Университета, и за отличное усердіе и особые труды Всемилостивѣйше пожалованъ бриліантовымъ перстнемъ съ вензеловымъ изображеніемъ имени Его Императорскаго Величества 1849 г. въ Ноябрѣ мѣсяцѣ. — 1850 г. Января 9-го, съ Высочайшаго утвержденія вновь поступилъ Ректоромъ Московскаго Университета съ увольненіемъ отъ должности Главнаго Доктора при Воспитательномъ Домѣ. Въ воздаяніе отличнаго усердія и постоянной дѣятельности при исполненіи возложенныхъ на него обязанностей, Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ орд. св. Анны 1-й степ. 1851 г. Декабря 28-го. — Во время отсутствія Господина Попечителя Московскаго Округа неоднократно исполнялъ его должность. Для достиженія Докторской степени написалъ диссертацію de Keratonyxide 1817 г. — Читалъ въ торжественномъ Собраніи Университета 27-го Іюня 1827 г., написанную имъ рѣчь: De localibus morborum causis, quae sic dictam constitutionem climaticam spectant, et de diverso morborum charactere exinde oriundo.

АНДРЕЕВСКІЙ, Иванъ Самойловичъ, Экстраординарный Профессоръ Ветеринарной науки, Докторъ Медицины. Родился въ Малороссіи, 1759 года. Сначала обучался въ Кіевской Академіи, а потомъ въ Московскомъ Университетѣ. Съ 1796 года опредѣленъ былъ Прозекторомъ при анатомическомъ театрѣ Университета. Въ 1803 году удостоенъ степени Доктора Медицины. Въ 1805 году опредѣленъ Адъюнктомъ Медицинскаго Факультета и въ 1807 году Экстраординарнымъ Профессоромъ. Съ 1805 года читалъ на Русскомъ языкѣ Физіологію, Гигіену, Патологію и Терапію домашнихъ животныхъ, въ особенности же о скотскихъ падежахъ и предохраненіи отъ оныхъ, придерживаясь сначала системъ Пленциза и Вите, а потомъ слѣдуя болѣе своему собственному сочиненію. Излагая физіологію животныхъ, онъ сравнивалъ экономію ихъ тѣла съ экономіею тѣла человѣческаго. Читалъ также науку о лекарствахъ простыхъ, приготовленныхъ и сложныхъ, изъясняя ихъ доброту, дѣйствіе, употребленіе и способъ прописывать оныя сообразно каждому животному. Сверхъ того поручено ему было преподаваніе Практической Медицины о любострастныхъ болѣзняхъ, при чемъ слѣдовалъ онъ Фрицце, Пленку и Фальку. Желая приносить пользу помѣщикамъ своими познаніями въ ветеринарной наукѣ, онъ бралъ къ себѣ ихъ служителей для обученія. Самъ въ практикѣ отличался особенно успѣшнымъ леченіемъ золотушныхъ болѣзней. Скончался въ Москвѣ, въ Нояб. мѣсяцѣ 1809 г., на 50 г. жизни. Въ Вѣстникѣ Европы, № 21, который тогда издавался Каченовскимъ и Жуковскимъ, напечатано было нѣсколько добрыхъ словъ въ похвалу его нравственныхъ качествъ. Сочиненія его: 1. I. T. Waltheri Myologiae liber manualis, in usum Anatomes studiosorum translatus in linguam Latinam. Mosquae 1795. 2. Dissertatio inauguralis medica, sistens observationes anatomicas, susceptionem intestinorum verminosam illustrantes. Mosquae 1803. 3. *Краткое начертаніе Анатоміи домашнихъ животныхъ*. Москва. 1804. 4. *Начальныя основанія Медицины Ветеринаріи, или о скотолеченіи*. Москва 1805 г. 5. *Г. Прингля наставленіе, руководствующее къ предупрежденію армейскихъ болѣзней и сохраненію здравія военнослужащихъ*. Переводъ съ Французскаго. Москва. 1807 г.

АНИЧКОВЪ, Дмитрій Сергѣевичь, Логики, Метафизики и Чистой Математики Публичный Ординарный Профессоръ, Надворный Совѣтникъ, происходилъ изъ небогатой дворянской фамиліи. Предки оставили ему въ неотъемлемое наслѣдство только доброе имя и честныя правила.

Кончивши съ похвалою курсъ наукъ въ Троицкой Лаврѣ, онъ не переставалъ заниматься дальнѣйшимъ образованіемъ своимъ; Философія и Математика были его любимыми науками. Имя его украшаетъ списки Московскаго Университета почти съ самаго начала его существованія, т. е. съ 1756 г., когда въ званіи Студента онъ получилъ золотую медаль. Той же награды признается онъ достойнымъ въ 1758 году по Праву Естественному отъ Проф. Дилтея, по Философіи отъ Проф. Фромана, по Математикѣ отъ Проф. Роста. Въ 1759, 60, 61 годахъ онъ получаетъ опять золотыя медали, въ послѣдній разъ именно отъ Проф. Керстенса за сочиненіе изъ Химіи. По окончаніи курса въ самомъ Университетѣ, открылось ему новое поприще ученой славы, на которое онъ вступилъ съ твердымъ намѣреніемъ принести отечеству пользу образованіемъ и наставленіемъ юношества. Барсовъ, сначала его наставникъ, и Веніаминовъ были его сотоварищами и сотрудниками, образцомъ Ломоносовъ, а покровителемъ незабвенный Шуваловъ, доставившій ему въ новообразованномъ разсадникѣ Музъ средства трудиться для общей пользы и для своей чести.

Служба его началась съ 1762 г., въ одинъ годъ въ Гимназіи, преподаваніемъ Тригонометріи и Алгебры, и въ Университетѣ, преподаваніемъ Геометріи и Тригонометріи. Къ этимъ предметамъ съ 1765 прибавились въ Университетѣ Логика и Метафизика. Онъ преподавалъ Философію на Латинскомъ языкѣ, придерживаясь господствовавшей тогда системы Вольфа, въ первые годы по изложенію Винклера, а въ послѣдующіе — Баумейстера; Математику же сначала по Вейдлеру,* а съ 1780 года по своимъ книгамъ (вѣроятно на Русскомъ языкѣ). Изъ каталоговъ Университетскихъ лекцій, которые хотя не вполнѣ дошли до насъ, видно, что въ чтеніяхъ Проф. Аничкова Логика и Метафизика повторялись ежегодно, и на нихъ онъ употреблялъ по 8 часовъ въ не-

---

* См. біографію Проф. *Роста*.

дѣлю. Преподаваніе же Математики имѣло большею частію двухлѣтній кругооборотъ: въ одинъ годъ Ариѳметика съ Геометріею, а въ слѣдующій Геометрія съ Тригонометріею. На эти предметы назначалось 4 часа въ недѣлю.

Въ 1777 году Аничковъ произведенъ былъ «Публичнымъ Ординарнымъ Профессоромъ Логики, Метафизики и Чистой Математики»; въ 1785 получилъ онъ чинъ Надворнаго Совѣтника. Вольное Россійское Собраніе, уважая труды сего Профессора, приняло его въ свои сочлены. Кромѣ преподаванія лекцій, Аничковъ занималъ должность Инспектора въ обѣихъ Гимназіяхъ при Университетѣ. Подъ его надзоромъ и руководствомъ получили воспитаніе и образованіе многіе отличные юноши, приносившіе честь мѣсту своего ученія и своему почтенному образователю. Аничковъ, исполненъ будучи ревностію къ общему благу, всю жизнь свою посвящалъ единственно должности своей, отъ коей однѣ только немощи его могли удалить. Остатокъ жизни своей провелъ онъ въ долговременной болѣзни, изнурившей его тѣло, но не ослабившей духа, укрѣпленнаго высокими правилами вѣры и любомудрія. Чтеніе Св. Писанія и размышленіе служили ему облегченіемъ въ его страданіяхъ, и питали благочестивую душу его сладостными надеждами на блаженную вѣчность. Сей добродѣтельный и трудолюбивый Профессоръ спокойно скончался въ объятіяхъ своего семейства, 1788 года.

Для слушателей своихъ онъ написалъ и издалъ въ свѣтъ слѣдующія книги: *Annotationes in Logicam, Metaphysicam et Cosmologiam*, *Курсъ Чистой Математики*, если не ошибаемся, первый оригинальный на Русскомъ языкѣ; также напечаталъ особенно съ дополненіями и перемѣнами: *Ариѳметику*, *Алгебру*, *Геометрію*, *Теоретическую и Практическую Тригонометрію*, *Начальныя основанія Фортификаціи и Артиллеріи*. Сіи книги, неоднократно перепечатанныя, долго служили руководствомъ для учащихъ и учащихся.

Въ современномъ журналѣ: «Ежемѣсячныя сочиненія и извѣстія о ученыхъ дѣлахъ,» который издавала Академія Наукъ, въ книжкѣ за Декабрь 1764 года напечатанъ слѣдующій отзывъ объ Ариѳметикѣ Аничкова.

«Эта Ариѳметика кажется тѣмъ прочихъ исправнѣе, что въ «ней наблюденъ точно Математическій ученія порядокъ, и по-

«слѣдовано славному учителю Вольфію, коего лучшаго примѣра «Господину Автору избрать и не можно было.»

Не только въ то время, но и нынѣ по справедливости должно сознать достоинство сего сочиненія. Профессоръ Аничковъ, какъ преподаватель мыслящій, показалъ себя здѣсь достойнымъ послѣдователемъ Вольфа. Онъ начинаетъ Ариѳметику изложеніемъ «Математическаго способа ученія,» развивая понятіе о теоремѣ, задачѣ, прибавленіи (corollarium vel consectarium) и пр., и выводя раздѣленіе Математики Чистой и Прикладной на части. Далѣе всякая главная задача, напр. *умножить дробь на дробь, раздѣлить дробь на дробь* и т. д. сопровождается рѣшеніемъ и *доказательствомъ*. На Русскомъ языкѣ безъ сомнѣнія въ первый разъ данъ такой видъ Ариѳметикѣ: въ знаменитой Ариѳметикѣ Магницкаго, имѣющей своего рода немаловажныя достоинства въ другихъ отношеніяхъ, мысль о приведеніи Ариѳметическихъ дѣйствій къ опредѣленнымъ началамъ еще весьма неясна. Въ концѣ книги Аничкова приложена преподробная таблица иностранныхъ мѣръ, вѣсовъ, монетъ, съ которою случится иногда и нынѣ справиться. Эта таблица заимствована изъ «Описанія различныхъ мѣръ и вѣсовъ, соч. Михаиломъ Матинскимъ»; а сей послѣдній заимствовался Нѣмецкимъ «Гамбургскимъ контористомъ Крузе.»

О Геометріи Аничкова помѣщено библіографическое свѣдѣніе въ Russische Bibliothek von Bacmeister T. V. стр. 394, какъ о книгѣ замѣчательной въ Русской литературѣ. Всѣ другіе его учебники проникнуты тѣмъ же духомъ точности. Но въ упомянутомъ раздѣленіи Математики на части, о Дифференціальномъ и Интегральномъ исчисленіяхъ пока ни слова. Впрочемъ ясная мысль о безконечно маломъ и даже о флюксіи и во всемъ свѣтѣ тогда еще далеко невполнѣ утвердилась, не смотря на ея существованіе уже около ста лѣтъ.

Рѣчи и разсужденія, произнесенныя Профес. Аничковымъ въ торжественныхъ собраніяхъ Университета, суть слѣдующія: 1) Слово на торжественный день Тезоименитства *Императрицы Екатерины II — о мудромъ изреченіи Греческаго Философа: разсматривай всякое дѣло съ разсужденіемъ*, 20 Ноября 1762 г.; 2) Слово на восшествіе на престолъ *Императрицы Екатерины II — о томъ, что міръ сей есть явнымъ доказательствомъ пре-*

мудрости Божіей, и что въ немъ ничего не бываетъ по случаю, 30-го Іюня 1767 г.; 3) Dissertatio philosophica de órtu et progressu religionis apud diversas maximeque rudes gentes, quam pro munere Professoris Publici Ordinarii consequendo, communi omnium eruditorum judicio discernendam submittet Philos. et LL. AA. Magister Demetrius Anitschkow, 1769, Augusti ad 25 diem. 4) Слово *о свойствахъ познанія человѣческаго и средствахъ, предохраняющихъ умъ смертнаго отъ различныхъ заблужденій,* Іюня 30-го 1770 г.; 5) Заключительная рѣчь на торжествѣ въ день рожденія *Императрицы Екатерины II,* 1772 г. Апрѣля 22-го; 6) *О разныхъ причинахъ, немалое препятствіе причиняющихъ въ продолженіи человѣческаго познанія,* Іюня 30-го 1774 г.; 7) *О невещественности души и изъ оной происходящемъ ея безсмертіи,* Апрѣля 22-го 1777 г.; 8) *О превратныхъ понятіяхъ человѣческихъ, происходящихъ отъ излишняго упованія, возлагаемаго на чувства,* Іюня 30-го 1799 г.; 9) *О разныхъ способахъ, тѣснѣйшій союзъ души съ тѣломъ объясняющихъ,* Апрѣля 22-го 1783 г.

Кромѣ сего, находятся еще въ періодическихъ изданіяхъ нѣкоторыя сочиненія и переводы трудолюбиваго Аничкова. Во время претерпѣннаго имъ пожара, пропали у него многія ученыя сокровища, стяжаніе которыхъ для ученаго мужа бываетъ столь важно и трудно.

Сей почтенный Профессоръ, всѣми знавшими его достойно уважаемый и любимый, имѣлъ характеръ твердый, но скромный и благородный. При наружномъ хладнокровіи, онъ питалъ чувствительность въ сердцѣ своемъ, и при нѣкоторой угрюмости вида, былъ ко всякому привѣтливъ, со всѣми дружелюбенъ и въ обхожденіи простъ. Внушая видомъ своимъ почтеніе и довѣренность, онъ искалъ случая *дѣлать добро,* а не *казаться добрымъ.* Коварство и честолюбіе были чужды благородной его души. Любя подчиненность, онъ гнушался гордости и лести: сотоварищамъ своимъ всегда готовъ былъ помогать и совѣтомъ, и дѣломъ. Сколько намъ извѣстно о семейной жизни и дружественныхъ связяхъ достопочтеннаго Профессора нашего — онъ былъ добръ, постояненъ, сострадателенъ и всегда готовъ забывать обиды. Любя Русскіе старинные обычаи, онъ любилъ водить хлѣбъ-соль съ добрыми людьми, и въ пріятельскомъ кругу яв-

лялся не философомъ, но веселымъ и привѣтливымъ собесѣдникомъ: великодушно извиняя или кротко вразумляя невѣжество или недоумѣніе, всегда предпочиталъ простоту сердца и доброту души кичливому просвѣщенію ума; онъ говорилъ: *все наше благополучіе состоитъ или въ добродѣтели, или въ ученіи, соединенномъ съ добродѣтелію.* Отъ природы Аничковъ былъ одаренъ умомъ, хотя не блистательнымъ, но твердымъ и основательнымъ. Сей самый умъ, сдѣлавшій его способнымъ къ исполненію его обязанностей, научилъ его провести въ мирѣ и покоѣ жизнь, посвященную общему благу.

Анкe, Николай Богдановичь, Ординарный Профессоръ Фармакологіи, Общей Терапіи и Токсикологіи, вѣроисповѣданія Лютеранскаго, сынъ Россійскаго подданнаго, Московскаго купца. Родился въ Москвѣ Декабря 6-го 1803 года.

Первоначально воспитывался въ домѣ родителей, а послѣ у дяди своего, извѣстнаго Пробста Гейдеке. 1813 года вступилъ въ Училище при Лютеранской церкви Св. Михаила, гдѣ и пробылъ полныхъ пять лѣтъ. До 14-го года своего возраста онъ не оставлялъ Москвы, даже не исключая года нашествія Наполеона; 1818 г. поступилъ въ Дерптскую Губернскую Гимназію. По истеченіи трехъ лѣтъ, вышелъ изъ высшаго класса и былъ принятъ Студентомъ Медицинскаго Факультета въ Императорскій Московскій Университетъ. 1823 года перешелъ онъ въ Дерптскій Университетъ и окончилъ тамъ курсъ въ 1827 г. Кромѣ изученія предметовъ медицинскихъ, особенно занимался филологическими науками. 1832 г. удостоенъ былъ въ Дерптскомъ Университетѣ, по экзамену, степени Доктора Медицины. 1833 г. Января 16-го вступилъ въ службу палатнымъ ординаторомъ Московской Голицынской больницы; отъ сей должности уволенъ, по прошенію, 1839 г. Января 9-го. За шестилѣтнюю службу въ оной больницѣ, получилъ въ награду годовой окладъ жалованья 750 руб. асс. 1835 г. Декабря 31-го опредѣленъ въ Московскій Университетъ Адъюнктомъ, для преподаванія Фармакологіи и Общей Терапіи. 1838 г. Ноября 17-го утвержденъ Экстра-Ординарнымъ, а 1845 г. Января 18-го Ординарнымъ Профессоромъ. Особые труды его были слѣдующіе: 1831 г. съ 25-го Мая до 4-го Іюля, во время холерной эпидеміи въ городѣ Ригѣ, былъ

онъ Его Сіятельствомъ Графомъ Сергіемъ Григорьевичемъ Строгановымъ прикомандированъ въ госпиталь Московскаго форштата, и въ особенности было ему препоручено посѣщеніе холерныхъ, остававшихся въ своихъ жилищахъ, въ Московскомъ и Петербургскомъ форштатахъ города Риги. — По окончаніи жестокой эпидеміи, преимущественно въ Московскомъ форштатѣ свирѣпствовавшей, получилъ онъ лестныя свидѣтельства о дѣятельности своей отъ Графа Сергія Григорьевича, отъ Лифляндскаго Гражданскаго Губернатора фонъ Фелькерзана и отъ Инспектора Лифляндской Врачебной Управы Дирсена, съ изъявленіемъ благодарности жителей Московскаго и Петербургскаго форштатовъ Риги. Графъ Сергій Григорьевичь заключаетъ свое свидѣтельство слѣдующими словами: «долгомъ считаю довести до свѣдѣнія Вашего Превосходительства (Рижскаго Губернатора), что Г. Анке дѣйствовалъ какъ искуснѣйшій врачъ и благороднѣйшій человѣкъ, и что дѣятельность и усердіе его весьма способствовали къ прекращенію свирѣпствующей эпидеміи въ Московскомъ форштатѣ». Выгодное мнѣніе Графа Сергія Григорьевича имѣло рѣшительное вліяніе на будущность молодаго врача: по прошествіи четырехъ лѣтъ, Его Сіятельство, какъ Попечитель Московскаго Университета, случайно узнавъ, что этотъ ему лично извѣстный врачъ находится въ Москвѣ, предложилъ ему вступить на поприще Университетскаго преподавателя. Вотъ причина, по которой онъ имѣлъ счастіе начать настоящую службу свою въ Московскомъ Университетѣ. 1834 г. онъ былъ избранъ Членомъ Императорскаго Московскаго Человѣколюбиваго Общества и опредѣленъ врачемъ при Якиманской богадѣльнѣ, состоящей подъ вѣдѣніемъ сего Общества. Должность врача исправлялъ безвозмездно до закрытія оной богадѣльни. За труды, какъ Члену Общества, было ему изъявлено Монаршее благоволеніе, Іюня 16-го 1838 г. 1837 г. началъ, по порученію Господина Попечителя, изъяснять Студентамъ 3-го курса, Цельса, что и продолжалъ до введенія въ дѣйствіе Высочайше утвержденнаго дополнительнаго постановленія для Медицинскаго Факультета, Сен. 6-го 1846. 1840 г. Августа 1-го поручено ему было преподаваніе Фармакологіи и Токсикологіи въ бывшей Московской Медико-Хирургической Академіи; отъ сей должности, по случаю закрытія 3-го класса Академіи, былъ уволенъ по предписанію Господина То-

варища Министра Народнаго Просвѣщенія, Сентября 27-го 1843 г. 1845 г. Августа 6-го, Г. Попечитель Московскаго Учебнаго Округа назначилъ его Членомъ отъ Университета (вмѣстѣ съ Ординарнымъ Профессоромъ Фишеромъ) въ Высочайше утвержденной Коммиссіи для изслѣдованія злоупотребленій по чайной торговлѣ. Онъ участвовалъ въ занятіяхъ сей коммиссіи до упраздненія оной, по окончаніи возложеннаго на нее порученія, 1846 г. въ концѣ Января. 1848 г. Января 24-го утвержденъ Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія въ должности Инспектора надъ частными въ Москвѣ учебными заведеніями, и былъ ежегодно вновь утверждаемъ въ этой должности; послѣдній разъ Декабря 9-го 1853 г. 1848 г. преподавалъ онъ публичныя лекціи Токсикологіи. Эти лекціи заключались преимущественно въ опытахъ, имъ производимыхъ въ присутствіи врачей. Извлеченіе изъ оныхъ напечатано въ Московскомъ Врачебномъ Журналѣ 1848 г. При введеніи въ дѣйствіе Высочайше утвержденной инструкціи Ректору Университета и Деканамъ Факультетовъ, избранъ Совѣтомъ и утвержденъ Г.Товарищемъ Министра Народнаго Просв. въ званіи Декана Медицинскаго Факультета на четыре года, Января 11-го 1850 года. Въ 1854 году вновь избранъ Медицинскимъ Факультетомъ въ Деканы на четыре года и утвержденъ въ этой должности Г. Товарищемъ Министра Народн. Просв. Января 20-го. Произведенъ былъ въ Надворные Совѣтники, 1840 года, (со старш. 1836), въ Коллежскіе 1843 г., (со старш. 1839) и въ Статскіе 1844 г. (со старш. Ноября 18-го 1843 г.). Получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ 1849 г. Объявлена ему, въ числѣ прочихъ, Господиномъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія благодарность Его Сіятельства за найденный имъ въ Московскомъ Университетѣ порядокъ по учебной части, Августа 20-го 1850 г. Пожалованъ Кавалеромъ ордена св. Анны 2-й степени 1851 г. Объявлено ему было Высочайшее благоволеніе Января 4-го 1854 г. Состоитъ Дѣйствительнымъ Членомъ Императорскаго Общества Испытателей Природы въ Москвѣ, съ 1834 г.; Дѣйствительнымъ Членомъ Московскаго Физико-Медицинскаго Общества, съ 1836 г.; Членомъ-Корреспондентомъ Высочайше утвержденнаго Общества Русскихъ врачей, въ С.-Петербургѣ съ 1840 г., и Почетнымъ Членомъ Высочайше утвержденнаго Фармацевтическаго Общества въ С.-Петербургѣ, съ

1845 г. Сверхъ того онъ членъ-корреспондентъ многихъ иностранныхъ Медицинскихъ Обществъ. Сочиненія его: 1. Ueber die Nachkrankheiten der Cholera. (Protokollextracte der Aerzte in Riga.) Riga. 1831. 2. De vitiis nonnullis rarioribus cordis observationes quaedam. Dissertatio inauguralis. Dorpati-Livonorum. 1832. 3. Beiträge zur Lehre von der Blutbewegung in den Venen, dem Venenpulse und der Abdominalpulsation. Moskau. 1835. 4. De Cornelio Celso quaestiones quaedam. Oratio. Mosquae. 1840. 5. Ueber Blausäure und ihre Verbindungen. (Pharmazeutisches Centralblatt.) St.-Petersburg, 1844. 6. Philologisch-medicinische Bemerkungen. Moskau, 1846. 7. De Hippocratis praeceptis nostra aetate valentibus. Oratio. Mosquae, 1847. 8. *О различіи между ломотной лихорадкой и острымъ ревматизмомъ, со вступительнымъ обзоромъ ломоты и ревматизмовъ вообще.* Москва, 1850 г. 9. *Замѣчанія объ эпидемической дифтерической жабѣ.* (Московскій Врачебный Журн. Пр. Полунина) 1853 г. 10. Вмѣстѣ съ Докторами Блюменталемъ и Левестамомъ онъ издалъ: Mittheilungen aus dem Gebiete der Heilkunde. Leipzig. 1845. Здѣсь между прочими помѣщена статья его: Ueber den Antagonismus zwischen den Lungen und den weiblichen Sexualorganen.

АНТОНСКІЙ, Антонъ Антоновичь (**ПРОКОПОВИЧЪ**), Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Заслуженный Профессоръ, бывшій Ректоромъ М. У., Кавалеръ Св. Владиміра 3-й степени, Св. Анны 2-го класса и Св. Станислава 1-й степени.

Малороссія, родина столь многихъ даровитыхъ мужей нашего Отечества, была родиною и Антона Антоновича. Имя Прокоповичей было уже славно въ нашей духовной литературѣ. Въ происхожденіи своемъ онъ соединилъ два сословія: отецъ его былъ дворянинъ и священникъ Черниговской губерніи. Года рожденія его мы не знаемъ. Кіевская Академія была мѣстомъ его образованія. Въ 1773 году вступилъ онъ въ нее, конечно уже не отрокомъ, а зрѣлымъ юношею, и учился въ ней разнымъ языкамъ и наукамъ, какъ сказано въ его послужномъ спискѣ. Академія процвѣла тогда попеченіями и щедростію Митрополита Гавріила Кременецкаго, который улучшилъ нѣсколько положеніе учителей и обогатилъ ея библіотеку. Ректоромъ и Профессоромъ

Богословія былъ Никодимъ Панкратьевъ, а за нимъ Кассіанъ Лехницкій. Георгій Щербацкій преподавалъ философію. Грамматика, Піитика и Риторика слѣдовали постепенно по классамъ. Кромѣ Греческаго языка и Латинскаго, которому учили съ нисшаго класса, усилено было преподаваніе языковъ новыхъ, особенно Французскаго, которому обучали тогда Марга де Зеемиляръ и потомъ Василій Люппа. Было намѣреніе усилить и Естественныя науки. Академія, своими малыми средствами, своимъ экономическимъ устройствомъ, могла внушить Антонскому ту бережливость и образовать въ немъ ту хозяйственную распорядительность, посредствомъ которыхъ онъ умѣлъ изъ малаго извлекать многое. Въ 1782 году онъ перешелъ изъ Академіи въ Московскій Университетъ, гдѣ былъ Студентомъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Михаиломъ Антоновичемъ, на иждивеніи Дружескаго ученаго Общества. Товарищами его были Матвѣй Десницкій (впослѣдствіи Митрополитъ Михаилъ) и Стефанъ Глаголевскій (послѣ Митропол. Серафимъ). Антонскій слушалъ лекціи въ Медицинскомъ и Философскомъ Факультетахъ; въ 1784 г., изъ Медицинскаго Факультета по каѳедрѣ Профессора Химіи и Медицинской практики, Зыбелина, получилъ серебряную медаль; тогда же, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Михаиломъ, Подшиваловымъ, Сохацкимъ и другими, является онъ въ числѣ издателей «Покоющагося Трудолюбца». Въ 1785 году получилъ вторую серебряную медаль изъ Факультета Философскаго; въ 1786 вновь изъ Медицинскаго, также серебряную, первымъ. Въ 1784 году произведенъ Баккалавромъ учительскаго Института; былъ репетиторомъ Университетскихъ Гимназистовъ въ Латинскомъ Риторическомъ классѣ и Предсѣдателемъ въ Собраніи Университетскихъ питомцевъ. Въ 1787 г. опредѣленъ Секретаремъ по дѣламъ Университета при Кураторѣ Мелиссино. Въ томъ же году поступилъ въ Университетскій Благородный Пансіонъ для обученія Натуральной Исторіи и преподавалъ ее тамъ 15 лѣтъ. Въ 1788 году Марта 7-го сдѣланъ Адъюнктомъ съ занятіемъ въ Университетѣ каѳедры Энциклопедіи и Натуральной Исторіи. Въ послужномъ его спискѣ сказано, что онъ эту науку началъ читать въ Университетѣ первый на Русскомъ языкѣ. Тогда же сдѣлалъ описаніе Кабинету Натуральной Исторіи и привелъ его въ систематическій порядокъ; выдавалъ Магазинъ Натуральной Исторіи, Физики и Химіи (1788—1792),

всего 10 томовъ. Нѣсколько времени былъ Смотрителемъ Ботаническаго сада. Составилъ Уставъ Общества Любителей Учености, учрежденнаго при Университетѣ, и былъ Секретаремъ онаго съ 1789 года. Въ 1790 году Февр. 28-го произведенъ Экстраординарнымъ Профессоромъ Натуральной Исторіи, а въ 1791 г. назначенъ Инспекторомъ Университетскаго Благ. Пансіона. Тогда же новое для Пансіона постановленіе начертано было имъ — и онъ выдалъ разныя учебныя книги для воспитанниковъ Пансіона. Въ 1794 году Ноября 28-го, произведенъ Ординарнымъ Профессоромъ, а въ 1804 году, при введеніи новаго Устава, получилъ каѳедру Сельскаго Хозяйства и Минералогіи. Съ 1807 года шесть разъ былъ избираемъ и утверждаемъ Деканомъ Физико-Математическаго Факультета. Въ 1817 г. избранъ и утвержденъ Проректоромъ, въ 1818 г. въ первый разъ Ректоромъ, а въ 1821 г. вторично, въ 1824 г. въ третій разъ и уволенъ по болѣзни отъ сей должности въ 1826 г.; въ 1828 году исправлялъ должность Проректора. Въ 1818 г. изъ Инспекторовъ переименованъ въ Директоры Университетскаго Пансіона и продолжалъ исправлять эту должность до Сентября 3-го 1824 года. Будучи посыланъ нѣсколько разъ Визитаторомъ въ училища разныхъ губерній Московскаго Учебнаго Округа, въ 1808 году подалъ проэктъ о приведеніи въ лучшее состояніе Ярославскаго Демидовскаго Училища Высшихъ Наукъ: проэктъ утвержденъ былъ Высшимъ Начальствомъ.

Съ 1795 года былъ Цензоромъ книгъ, печатаемыхъ при Университетской Типографіи. Въ 1796 году опредѣленъ Цензоромъ Московской Цензуры, зависѣвшей отъ Правительствующаго Сената, и составлялъ штатъ оной. По упраздненіи Московской Цензуры, вновь опредѣленъ Цензоромъ книгъ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи. Въ 1803 году былъ назначенъ Членомъ Цензурнаго Комитета и во все время исправленія имъ этой должности ни одна книга, пропущенная имъ въ печать, не была остановлена Правительствомъ.

Въ 1805 году Антонскій Всемилостивѣйше пожалованъ былъ бриліантовымъ перстнемъ; 1807 г. за образованіе юношества орденомъ Св. Анны 2-го класса; 1808 г. въ Статскіе Совѣтники; 1811 г. Орденомъ Св. Равноап. Кн. Владиміра 3-й степени за долговременную службу и пользу принесенную Московскому

Университету, особенно же учрежденному при оном Благородному Пансіону. Въ 1816 году получилъ бронзовую дворянскую медаль 1812 года. Въ 1817 г. пожалованъ въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники. Въ 1818 году Дек. 31-го утвержденъ въ званіи Заслуженнаго Профессора.

Антонъ Антоновичь былъ Членомъ Общества Соревнованія Физическихъ и Медицинскихъ Наукъ при Университетѣ съ 1804 года; Членомъ Комитета при Университетѣ о составленіи Ученой Россійской Исторіи (1805); Членомъ Императорскаго С.-Петербургскаго Вольнаго Экономическаго Общества (1805); Почетнымъ Членомъ Императорскаго Общества Натуралистовъ въ Москвѣ (1806); Членомъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ (1807); съ 1811 года Предсѣдателемъ Общества Любителей Россійской Словесности, которое, съ того времени, при немъ выдало въ печать 26 томовъ Трудовъ Общества, четыре тома Рѣчей Профессоровъ и внесло пять тысячъ рублей въ Воспитательный Домъ на вѣчное время для содержанія одного или двухъ Студентовъ при Московскомъ Университетѣ; Членомъ Императорской Россійской Академіи (1813 г.); Почетнымъ Членомъ Общества Словесности при Ярославскомъ Демидовскомъ Училищѣ (1814); Почетнымъ Членомъ С.-Петербургскаго Общества Соревнователей Просвѣщенія и Благотворенія (1818); Почетнымъ Членомъ С.-Петербургскаго Общества Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ (1820); Д. Членомъ Императорскаго Моск. Общества Сельскаго Хозяйства (1820); Почетнымъ Членомъ Общества Любителей Коммерческихъ Знаній (1821); Почетнымъ Членомъ И. Моск. Унив. съ Дек. 7-го 1833 г.

Что бы изобразить вполнѣ жизнь Антонскаго, какъ одного изъ дѣятельнѣйшихъ Членовъ Московскаго Университета, надобно прослѣдить ее на трехъ его поприщахъ: ученомъ, литературно-общественномъ, педагогическомъ.

Въ 1791 году при Гимназіяхъ Университета былъ учрежденъ классъ *Энциклопедіи* и *Натуральной Исторіи*, и вслѣдъ за тѣмъ при Философскомъ Факультетѣ Университета для тѣхъ же предметовъ была учреждена особая каѳедра. И классъ и каѳедра, вновь учрежденные, были предоставлены Баккалавру Антону Антоновичу Антонскому, съ званіемъ Экстраорд. Профессора, а въ послѣдствіи онъ удостоенъ и званія Ординарнаго Профессора.

По каѳедрѣ Натуральной Исторіи предшественникомъ Антонскаго былъ извѣстный въ Москвѣ врачь, Ѳедоръ Герасимовичь Политковскій.* Въ изложеніи естественныхъ предметовъ, именно минераловъ, Антонскій слѣдовалъ Бомару, а растенія и животныя описывалъ по Линнеевой системѣ, въ то время господствовавшей. Въ самый годъ своего опредѣленія на новую каѳедру, Іюля 1-го дня, въ торжественномъ собраніи Университета, Антонскій говорилъ Слово: *о началѣ и успѣхахъ наукъ, въ особенности Естественной Исторіи.* Въ этомъ Словѣ, написанномъ по тогдашнему времени весьма изящнымъ языкомъ, ораторъ гораздо болѣе говоритъ о наукахъ вообще, нежели объ Естественной Исторіи. Опредѣливъ предметъ этой науки, Антонскій, въ слѣдствіе своего постояннаго практическаго направленія, прямо переходитъ къ тѣмъ выгодамъ, которыя человѣкъ можетъ извлечь изъ познанія Естественной Исторіи. «Проистекающая отъ Естественной Исторіи польза, говоритъ онъ, величественна, многочисленна и многоразлична. Углубляющійся въ отвлеченныхъ истинахъ Метафизикъ, безъ познанія существъ природы, ихъ строенія и стройности, не силенъ будетъ составить правильныхъ умозаключеній ни о самыхъ существующихъ вещахъ въ мірѣ, ни о связи ихъ, ни о взаимномъ между ними отношеніи. Въ сей единой книгѣ, для всѣхъ краснорѣчивой, можно читать строеніе существъ, стеченіе ихъ, различіе, отношеніе, и взаимное соотвѣтствованіе ихъ частей. Въ сей книгѣ, какъ въ зеркалѣ, усмотрѣть можно, коль стройно и согласно произведенія природы расположены въ порядкѣ, родахъ, видахъ и послѣднихъ ихъ раздѣленіяхъ. Физикъ, при помощи Естественной Исторіи, возможетъ открыть въ натурѣ многочисленныя и важныя явленія, и съ бóльшимъ основаніемъ проникнуть силы, дѣйствія и причины существъ; Химикъ почерпнетъ изъ нея матеріалы, составляющіе большую часть его произведеній и способствующіе ему во всѣхъ работахъ; художникъ и земледѣлецъ, искусившіеся въ познаніи натуры, умножатъ и исправятъ орудія, служащія въ работахъ ихъ и споспѣшествующія многочисленнымъ выгодамъ въ обществѣ. Чрезъ нее получаютъ люди понятіе о тѣхъ вещахъ, которыя составляютъ нашу пищу и врачевство, и которыя служатъ

---

* См. Біографію Политковскаго.

для строенія жилищъ нашихъ, для одежды и украшенія. Познаніе натуры ведетъ наконецъ неложными шагами къ познанію самаго Верховнаго Существа, первоначальной вины всѣхъ существъ.» (стр. 25)

Далѣе слѣдуетъ краткое историческое развитіе Естественной Исторіи, отъ глубокой древности до конца XVIII столѣтія. Состояніе Естественной Исторіи въ это послѣднее время ораторъ изображаетъ такимъ образомъ: «Въ цѣломъ кругѣ и въ надлежащемъ видѣ Естественная Исторія въ нынѣшнемъ вѣкѣ токмо стала приходить въ цвѣтъ, силу и крѣпость. Въ нынѣшнемъ вѣкѣ явились мужи, расторгнувшіе мрачную завѣсу гаданій, лжеврачевства, суевѣрія и корыстолюбія, и открывшіе прелести натуры въ простомъ и обнаженномъ видѣ. Явились Линнеи, представившіе царство растеній въ полномъ цвѣтѣ; Валлеріи, открывшіе во всемъ блескѣ царство минераловъ, и исторгнувшіе изъ самыхъ нѣдръ земли милліоны веществъ, возвышающихъ наши художества и землепашество; показались Бюффоны, хотя во многомъ, а особливо въ изслѣдованіи сотворенія земли, преданные суемудрымъ умоначертаніямъ, но изобразившіе натуру во всей ея красотѣ и величествѣ.

«Естественная Исторія, бывшая нѣкогда наукою мрачною и сбивчивою, нынѣ не токмо утверждается на основательныхъ системахъ и ясныхъ доказательствахъ; но введеніемъ техническихъ наименованій и отличительныхъ характеровъ каждаго существа, часъ отчасу распространяясь, распространяетъ свѣтъ свой и на прочія науки. Возвышеніе ея должно почитать главнымъ началомъ и успѣховъ опытной Физики, истинною эпохою, ниспровергшею варварскій и непонятный школьный языкъ, мечты гадательной Астрологіи и многія бредни Алхиміи, представлявшія собою несбыточныя привидѣнія безъ всякихъ доказательствъ, или смѣшное накопленіе опытовъ ничего не утверждающихъ. Врачевство, заимствуя отъ нея изъ всѣхъ трехъ царствъ несчетное множество веществъ, способствующихъ къ сохраненію или возстановленію силъ человѣческихъ, распространяется и совершенствуется по мѣрѣ распространенія Естественной Исторіи.» (стр. 27 и 28)

Въ 1803 году, при воспослѣдовавшемъ преобразованіи Университета, и въ силу 24 § Устава, преобразовалась также и ка-

ѳедра Энциклопедіи и Натуральной Исторіи, именно: преподаваніе Энциклопедіи вовсе прекращено, предметы же Натуральной Исторіи раздроблены на три ординарныя каѳедры Физико-Математическаго Факультета. Изъ нихъ каѳедра *Минералогіи* и *Сельскаго Домоводства* предоставлена Ординарному Профессору Прокоповичу-Антонскому. Эту каѳедру онъ занималъ по 1818 годъ, руководствуясь по части Минералогіи сочиненіемъ Севергина, по части же Сельскаго Домоводства собственными записками.

Послѣ Антонскаго, въ 1821 году, каѳедра Минералогіи и Сельскаго Домоводства перешла къ Профессору М. Г. Павлову (см. его Біографію).

Отъ ученой дѣятельности Антонскаго перейдемъ къ литературно-общественной. Онъ понималъ значеніе той силы, которая должна и внутри Университета связывать сословіе его членовъ, и внѣ опредѣлять отношенія науки и ея дѣятелей къ обществу и государству. Онъ выразумѣлъ свое призваніе быть середи ученаго сословія двигателемъ этой общественной силы. Черезъ два года послѣ своего вступленія въ Университетъ, въ 1784 году онъ уже является Предсѣдателемъ въ Собраніи Университетскихъ питомцевъ. Въ 1789 году, учреждается Общество Русскихъ Ученыхъ при Университетѣ: онъ пишетъ для него уставъ и назначенъ въ Секретари. Съ 1811 года онъ Предсѣдатель Общества Любителей Русской Словесности — и душа трудовъ его и собраній. Въ послужномъ спискѣ Антона Антоновича мы видимъ много дипломовъ на званіе Члена разныхъ Обществъ, ученыхъ и литературныхъ, въ Москвѣ, въ Петербургѣ, въ Ярославлѣ. Натуралисты, медики, земледѣльцы, Академія, литераторы, его приглашаютъ дѣлить съ ними занятія. Эти дипломы принадлежали ему по праву, особенно же дипломы тѣхъ обществъ, которыми окруженъ былъ Московскій Университетъ. Антонскій понималъ, что ученые должны болѣе и болѣе сближаться между собою, что разъединеніе ихъ вредно для науки и ослабляетъ ея вліяніе на общество, что совокупное дѣйствіе ученаго сословія въ виду всѣхъ возбуждаетъ уваженіе къ Университету въ разныхъ кругахъ и движетъ соревнованіе въ молодыхъ поколѣніяхъ. Внутри Университета, по мѣрѣ силъ своихъ и вліянія, онъ старался простирать также эту общительную силу. Ученые му-

жи, не кланявшіеся другъ другу по странной враждѣ или даже антипатіи къ какой нибудь наукѣ, въ его кабинетѣ сближались между собою. Онъ являлся между ними миротворцемъ, посредникомъ. Поддержать человѣка даровитаго, сохранить его на мѣстѣ для науки — онъ вмѣнялъ себѣ не только въ честь, но и въ строгую обязанность. Такъ въ преданіяхъ университетскихъ сохранялось долго, какъ поддержалъ онъ и сберегъ на каѳедрѣ пылкаго Мерзлякова. Выставить впередъ дарованіе, дать ему ходъ, украсить имъ Университетъ — это было также его дѣло.

Литературная дѣятельность Антонскаго была обращена болѣе на педагогическіе предметы. Таковы его *Чтенія для сердца и разума*, учебныя пособія, въ числѣ 20, изданныя имъ для воспитанниковъ Универс. Пансіона. Такова его рѣчь: *о Воспитаніи*, произнесенная имъ на актѣ Университета, въ томъ самомъ 1798 г., въ Іюлѣ мѣсяцѣ, когда воспитанникъ его, Жуковскій, въ концѣ того же года, первый, получилъ золотую медаль съ похвальнымъ листомъ. Разсужденіе все проникнуто мыслію о важности воспитанія; авторъ какъ будто желалъ внушить эту мысль своимъ соотечественникамъ, когда выражался такимъ образомъ: «возврати всю силу и важность воспитанію; сдѣлай его какъ бы священнымъ нѣкіимъ предметомъ, и тогда не нужно будетъ ни столько врачей, ни столько блюстителей законовъ.» Баконъ, Локкъ и Руссо, служили ему руководителями въ нѣкоторыхъ подробностяхъ. Мы коснемся еще этого сочиненія, когда будемъ говорить о педагогической дѣятельности Антонскаго; мы увидимъ, какъ исполнялъ онъ то на дѣлѣ, что изложилъ здѣсь теоретически.

Не льзя не обратить вниманія на классическій слогъ, какимъ написано разсужденіе. Простота соединена въ немъ съ точностію и силою. По праву заняло оно мѣсто въ числѣ образцовыхъ сочиненій своего времени. Надобно сказать, что Антонскій былъ въ числѣ старѣйшихъ двигателей того же направленія, какое окончательно дано было Русскому языку и слогу геніемъ Карамзина. Въ Чтеніяхъ для сердца и разума, еще съ 1785 года, слѣд. за 7 лѣтъ до появленія Карамзина на поприщѣ литературы, мы замѣчаемъ тоже стремленіе сблизить рѣчь нашу литературную съ разговорною, упростить языкъ, дать ему характеръ бесѣды общежитія. Въ этомъ изданіи Антонскій открывалъ по-

прище для друга своего Подшивалова, извѣстнаго переводчика Мейснеровыхъ Повѣстей, который по справедливости можетъ быть названъ замѣчательнымъ даровитымъ предшественникомъ Карамзинскаго періода.

Но и въ литературѣ, какъ въ наукѣ, Антонскій не столько любилъ выставлять себя, сколько возбуждать другихъ къ общественному дѣйствію. И здѣсь онъ тотъже двигатель силы общей, а не своей личной. Дѣятели отъ себя и дѣятели отъ всѣхъ равно необходимы: въ послѣднихъ еще болѣе самоотверженія и безкорыстія. Два средства было у Антонскаго для подобнаго дѣйствія. Первое — Общество Любителей Русской Словесности, учрежденное при Университетѣ, въ которомъ являлись передъ лицомъ публики мужи науки и слова, уже опытные; второе — собраніе питомцевъ Университетскаго Благороднаго Пансіона, которое служило разсадникомъ для юныхъ литературныхъ дарованій и по времени было зародышемъ перваго. Съ 1811 года, когда Антонскій занялъ мѣсто Предсѣдателя въ Обществѣ, издано было 26 томовъ трудовъ онаго, которые представляютъ очевидную лѣтопись его дѣятельности. Они раздѣлялись на два отдѣленія: прозаическое и стихотворное. Въ первомъ отдѣленіи находимъ много ученыхъ филологическихъ сочиненій, имѣющихъ всегдашнее достоинство. Здѣсь напечатано Разсужденіе Востокова о древнемъ Славяно-церковномъ языкѣ по Остромирову Евангелію, которымъ вмѣстѣ съ Грамматикою Добровскаго положено главное основаніе для Славянской Филологіи. Здѣсь печатались изслѣдованія Калайдовича (К. Ѳ.) и Каченовскаго. Здѣсь Профессоръ Давыдовъ, другой Калайдовичь (П. Ѳ.), Саларевъ трудились надъ словаремъ Русскихъ синонимъ. Здѣсь Профессоръ Болдыревъ изложилъ ясно теорію видовъ Русскаго глагола; Профессоръ Давыдовъ представилъ опытъ о порядкѣ словъ въ Русскомъ словосочиненіи; Мерзляковъ и Каченовскій разбирали Русскихъ писателей, и первый читалъ публично свои разсужденія изъ теоріи Словесности. Здѣсь Профессоръ Снегиревъ началъ свои археологическія изслѣдованія о пословицахъ Русскихъ, праздникахъ и другихъ любопытныхъ предметахъ изъ народной жизни. Здѣсь положено начало составленію словаря областныхъ нашихъ нарѣчій. Здѣсь помѣщались образцовые переводы изъ древнихъ классиковъ, какъ напримѣръ переводъ

Цицероновыхъ парадоксовъ Профессора Давыдова и переводъ сочиненія Тацита: о нравахъ и положеніи Германіи, А. С. Хомякова. Здѣсь воздавалась должная память Членамъ, которыхъ смерть отнимала у Общества: таково воспоминаніе И. И. Давыдова о покойномъ Саларевѣ, который сначала былъ украшеніемъ Университетскаго Пансіона, а потомъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ Членовъ Общества, рано похищеннымъ смертью у науки и словесности.

Въ отдѣленіи стихотворномъ, особенно сначала, мы находимъ имена Жуковскаго, Пушкина. Мерзляковъ постоянно помѣщалъ свои лирическія произведенія и переводы изъ древнихъ; Шатровъ свои преложенія Псалмовъ. Послѣдніе отголоски лиры Капниста, который изъ своей Обуховки велъ постоянныя сношенія съ Обществомъ, и Кн. И. М. Долгорукаго, также раздаются здѣсь. Писаревъ А. И. и Дмитріевъ М. А. тутъ начали свое поприще. Являлись многія дарованія, къ которымъ Общество всегда было гостепріимно.

Засѣданія по вечерамъ имѣли торжественный характеръ и привлекали множество публики. По обычаю времени, чтеніе начиналось псалмами для того, чтобы настроить слушателей къ думамъ болѣе важнымъ, и кончалось баснею, чтобы подъ конецъ развеселить ихъ. Здѣсь раздавались голоса лучшихъ чтецовъ Общества, къ числу которыхъ принадлежалъ особенно Кокошкинъ. Иногда слыхали Плещеева и Яковлева, которые сами не дѣйствовали, а только что мастерски читали произведенія другихъ. В. Л. Пушкинъ, подъ конецъ засѣданія, всегда угощалъ слушателей чтеніемъ какой нибудь басни.

Душою и двигателемъ всѣхъ занятій былъ Антонъ Антоновичь. Своими рѣчами онъ открывалъ торжественныя засѣданія. Въ рѣчи 1811 года, говоренной при открытіи Общества: *о преимуществахъ и недостаткахъ Россійскаго языка*, Антонскій прекрасно указалъ Членамъ на главныя ихъ занятія. Въ 1812 г. Іюля 7-го онъ говорилъ рѣчь въ годичномъ торжественномъ собраніи; въ 1813 г. торжествуя послѣ непріятеля возобновленіе Общества. Основательны его замѣчанія объ удареніи въ Русскомъ языкѣ (Т. 4. стран. 11). Но главная задача Предсѣдателя состояла въ томъ, чтобы всѣхъ согласить къ одному дѣйствію. Здѣсь его общительный, его миротворный характеръ обнаружи-

вался во всей своей силѣ. Самолюбіе есть вмѣстѣ и важное орудіе для общественнаго дѣла и самый опасный врагъ единодушія. Самолюбіе же писателей вошло въ пословицу. Надобно было искусно возбудить его въ однихъ, остановить въ другихъ, избѣжать непріятныхъ столкновеній, которыя могли бы нанести вредъ мнѣнію, какимъ пользовалось Общество. Надобно было знать характеры: тотъ пылокъ, другой холоденъ и любитъ раздразнить пылкаго, а дѣйствія обоихъ важны и необходимы. Не легко было также отмахиваться отъ литературныхъ шмелей, отъ этихъ охотниковъ всюду навязываться съ своими произведеніями. Предварительный комитетъ служилъ оградою противъ этого и рѣшалъ, что̀ читать передъ публикой и чего не льзя.

Любовь къ литературѣ, живое участіе къ ея современному движенію, Антонскій сохранилъ до самаго конца своей жизни. Всѣ журналы выписывалъ онъ и всѣ прочитывалъ со вниманіемъ. Изъ разговоровъ его видно было, что онъ зналъ всѣ подробности отношеній литературныхъ нашего времени. Ни одна замѣчательная книга не укрывалась отъ его взоровъ.

Переходимъ къ третьему поприщу Антонскаго, главному во всей его жизни, къ поприщу любимому, на которомъ онъ сосредоточилъ всѣ свои силы, къ Университетскому Пансіону, основанному въ 1770 году Кураторами Мелиссино и Херасковымъ. Въ 1787 году занялъ онъ должность Преподавателя Натуральной Исторіи въ этомъ заведеніи и преподавалъ ее 15 лѣтъ. Здѣсь кстати привести слова изъ его разсужденія о Воспитаніи, которыя обнаруживаютъ, какъ онъ самъ смотрѣлъ на эти занятія: «Между физическими науками *Исторія натуры* для дѣтей гораздо полезнѣе, нежели какъ обыкновенно думаютъ. Ясность понятій зависитъ отъ яснаго представленія различій, отличающихъ одно понятіе отъ другаго. Молодые люди то скорѣе понимаютъ, что ближе къ чувствамъ и болѣе дѣйствуетъ на воображеніе. Въ Естественной Исторіи, по методу новѣйщихъ натуралистовъ, изъясняются отличительные и непремѣняемые знаки, отдѣляющіе роды и виды, и опредѣляющіе каждое нераздѣльное. Дѣти, учась приводить въ порядокъ существа, и разбирая примѣты ихъ, нечувствительно получаютъ навыкъ приводить и самыя понятія свои въ нѣкоторой порядокъ, и чрезъ то доставляютъ имъ бо̀льшую степень ясности и опредѣленности.»

Съ 1791 года Антонскій былъ уже Инспекторомъ Благороднаго Пансіона и написалъ новое для него постановленіе. Съ тѣхъ самыхъ поръ постоянною его мыслію было составить лучшія учебныя руководства для своего заведенія. Послѣ Московскаго разгрома въ 1812 году, Антонскій въ 1814 возобновилъ Университетскій Пансіонъ, учредилъ въ немъ снова порядокъ, доставилъ заведенію многія экономическія и учебныя пособія. Между тѣмъ какъ Пансіонъ помѣщался въ наемномъ домѣ,—Антонскій на счетъ пансіонской суммы отстроилъ новый, каменный домъ, на мѣстѣ прежняго дома Межевой Канцеляріи, и въ 1815 году Іюля 1-го числа перемѣщено было заведеніе въ готовое зданіе на Тверской, напротивъ дома Бекетова. Въ 1818 году даны были новыя права заведенію, по которымъ оно могло выпускать уже своихъ воспитанниковъ съ чинами 10-го, 12-го и 14-го классовъ. Права эти были пріобрѣтены постоянными двадцатишестилѣтними трудами Инспектора, который тогда могъ праздновать серебряную свадьбу съ своимъ любезнымъ училищемъ. Въ то время получилъ онъ и званіе Директора Пансіона.

Антонскій не щадилъ трудовъ и усилій для того, чтобы поставить это заведеніе, не смотря на малыя его средства, на самую высшую степень достоинства. Для того онъ пользовался случаями, какіе предлагали ему Университетъ и литературное Общество. Посредствомъ связей своихъ онъ достигъ до того, что всѣ лучшіе Профессоры преподавали свои науки и въ Университетскомъ Пансіонѣ: Мерзляковъ Словесность, М. Л. Лаврентьевъ, впослѣдствіи Архимандритъ Знаменскаго монастыря Митрофанъ, за нимъ А. Т. Соколовъ — Богословіе и Священную Исторію, Сандуновъ Юриспруденцію, Давыдовъ Философію, языки Латинскій и Греческій, Перевощиковъ Аналитическую Геометрію, Чумаковъ Механику, Мягковъ Артиллерію и Фортификацію, Щепкинъ Геометрію въ пятомъ классѣ, Шлецеръ Всеобщую Исторію, Денисовъ и послѣ Павловъ Физику, Натуральную Исторію и Сельское Хозяйство, Пельтъ Французскую Словесность, Эвенсъ Англійскую, Ульрихсъ и Кистеръ Нѣмецкую. Даже и нисшіе классы занимаемы были отличнѣйшими преподавателями. Всякой талантъ, по выходѣ изъ Университета, приглашаемъ былъ Антонскимъ въ его заведеніе. Здѣсь началъ учебное поприще Погодинъ. Здѣсь преподавалъ Бѣликовъ натуральную Исторію въ

пятомъ классѣ. Надзирателями были по большей части Магистры Университета, имѣвшіе литературное и ученое образованіе, а иногда питомцы Московской Духовной Академіи. Иностранцы, чѣмъ либо замѣчательные въ словесности и наукѣ, здѣсь начинали свое поприще педагогическое. Изъ первыхъ, Русскихъ, припомнимъ Басалаева, который исполненъ былъ благодушія и старался въ ученикахъ своей комнаты развить словесное образованіе, Палехова, который отличался строгостью нравовъ и характера, Гаврилова, сына Профессора, человѣка съ эстетическимъ вкусомъ, Бѣликова натуралиста, Оболенскаго, извѣстнаго переводчика Платоновыхъ законовъ и Исторіи Геродіана. Изъ иностранцевъ стóитъ указать на Шнейдера, Профессора Римскаго права въ Петербургскомъ Университетѣ. Онъ жилъ въ пансіонѣ довольно долго; примѣръ его трудолюбія, его ученая бесѣда, его помощь всегда готовая и привѣтливое дружелюбное обращеніе съ учениками остались для нихъ памятны. Припомнимъ изъ Французовъ Бланшара, который переводилъ Жуковскаго по Французски. Между иностранцами были и Греки, содѣйствовавшіе изученію Греческаго языка.

Возвышенный въ званіе Директора, Антонскій умѣлъ избрать себѣ ревностнаго помощника въ Профессорѣ Давыдовѣ, который былъ Инспекторомъ Пансіона. Своею ученостью онъ много улучшилъ и возвысилъ учебную часть заведенія; своею неутомимою дѣятельностію онъ оживлялъ духъ въ ученикахъ.*

Какими средствами хозяинъ Пансіона сосредоточивалъ около него всѣхъ извѣстнѣйшихъ ученыхъ Университета и всѣ юныя дарованія? Средства у заведенія были скудны; богатаго жалованья предлагать оно не могло. Его власть, его воля, его дружелюбіе со всѣми, его готовность каждому оказать услугу, и уваженіе общественное, какимъ онъ пользовался, объясняютъ намъ эту загадку.

Общество Любителей Русской Словесности имѣло свои публич-

---

* Въ дополненіе къ тому, что здѣсь сказано объ Университетскомъ Пансіонѣ въ ту эпоху его существованія, когда онъ получилъ свои права, ссылаемся на Воспоминанія объ немъ, изданныя въ 1848 году однимъ изъ благодарныхъ питомцевъ его, Н. В. Сушковымъ. Здѣсь изображена другая эпоха заведенія.

ныя засѣданія также въ залѣ Университескаго Пансіона. Это придумано было не безъ цѣли. Собраніе ученыхъ и литераторовъ, и чтеніе ихъ произведеній, дѣйствовали нравственно и эстетически на питомцевъ Пансіона и возбуждали ихъ къ литературной дѣятельности. Художники-чтецы давали ученикамъ уроки хорошаго чтенія и произношенія, а педагогъ обращалъ и на это особенное вниманіе. Такъ говоритъ онъ въ своемъ разсужденіи о Воспитаніи: «Есть много искусствъ, кои, кажется, забыты и коихъ однакожъ не надлежало бы оставлять при воспитаніи: таково, на примѣръ, искусство *хорошо читать и хорошо произносить*. Оно послужило бъ равнымъ украшеніемъ и тому и другому полу; но его не такъ легко пріобрѣсти, какъ многіе думаютъ. Чтобы тономъ голоса изобразить различныя положенія души и сердца, изобразить игру страстей, и вообще, чтобы дать жизнь тому, что читаешь — для сего надобно имѣть самому душу и сердце, надобно имѣть тонкое чувство и образованный умъ; но навыкъ и ученье едва ли тутъ не дѣйствительнѣе всего? Хорошій органъ есть неоцѣненный даръ природы, коего не льзя достать отъ рукъ человѣческихъ; но недостатки его можно поправить усиліемъ. Искусный мастеръ искусно можетъ играть и на дурномъ инструментѣ.»

Засѣданія Общества служили для учениковъ Пансіона средствомъ къ сближенію съ лучшимъ свѣтскимъ кругомъ, который посѣщалъ эти публичныя чтенія. Старшіе воспитанники, какъ молодые хозяева, имѣли обязанность принимать и усаживать ихъ. Иногда, конечно весьма рѣдко, лучшія произведенія питомцевъ пансіонскаго собранія читались и въ высшемъ обществѣ. Это былъ вѣнецъ дарованію и искусству.

Собраніе благородныхъ Воспитанниковъ Университет. Пансіона принадлежитъ также Исторіи Русской Словесности. Вспомнимъ, что оно основано Жуковскимъ и его товарищами и что здѣсь написано было первымъ: Сельское кладбище, съ котораго начинается новая эпоха въ Русскомъ стихѣ. Основано было оно, конечно, въ подражаніе Обществу университетскихъ питомцевъ, которое существовало еще до вступленія Антонскаго въ Университетъ, а въ самый годъ его вступленія, 1782, печатало ежемѣсячное изданіе: Вечернюю Зарю. Сила общительная дѣйствовала тогда благородно и полезно въ Университетской молодежи. Изданіе

служило продолженіемъ Утреннему Свѣту и отличалось своимъ важнымъ и строгимъ характеромъ. Разсужденія философскаго и даже богословскаго содержанія являются на первомъ планѣ. Оно посвящено было Кураторамъ Университета: Шувалову, Мелиссино и Хераскову. За Вечернею Зарею послѣдовалъ Покоющійся Трудолюбецъ въ 1784 году, также изданіе періодическое, продолжавшееся и въ 1785. Антонскій былъ тогда уже предсѣдателемъ въ собраніи университетскихъ питомцевъ. Имена издателей объявлены послѣ краткаго предисловія—и здѣсь мы находимъ старшаго брата Антонскаго, Михаила Антоновича, Василія Сергѣевича Подшивалова, за нимъ Антона Антоновича, Павла Аѳанасьевича Сохацкаго и другихъ. Характеръ изданія тотъ же: философско-богословскій, важный и строгій. Можно замѣтить статьи педагогическія, особенно въ началѣ. Есть улучшеніе въ слогѣ: болѣе простоты и легкости. Изданіе посвящено «Любезнѣйшему Отечеству и всѣмъ вѣрнымъ сынамъ его». За Покоющимся Трудолюбцемъ послѣдовало Дѣтское Чтеніе для сердца и разума. Антонскій издалъ первыя четыре части. Здѣсь уже на самомъ первомъ планѣ является направленіе педагогическое и литературное. Изданіе посвящено благородному Россійскому юношеству. Слогъ необыкновенно простъ и легокъ. Рука даровитаго Подшивалова вездѣ видна. Это изданіе продолжалось до 1789 года включительно. Въ немъ участвовалъ послѣ и Карамзинъ. Начальныя буквы имени друга его Петрова: А. П., видны надъ переводомъ одной драмы съ Французскаго. Дѣтское чтеніе было вмѣстѣ и дѣтскою школою самого Карамзина, гдѣ онъ выработалъ слогъ свой.

Первыя четыре части, изданныя Антонскимъ, отличались особенно тѣмъ, что каждый номеръ Чтенія начинался стихомъ изъ Евангелія. Издатели въ Предисловіи такъ объясняютъ происхожденіе этого обычая: «Желая воспитывать дѣтей нашихъ какъ можно лучше, стараемся мы узнавать всякіе добрые обычаи, ведущіеся въ честныхъ фамиліяхъ, и подражать имъ, если позволяютъ то наши обстоятельства. Напримѣръ, мы узнали похвальное обыкновеніе одного отца, который всякое воскресенье давалъ дѣтямъ своимъ вытверживать по одному стиху изъ Священнаго Писанія. Это обыкновеніе намъ столько полюбилось, что мы также въ листахъ нашихъ будемъ помѣщать по одному такому стиху, и со-

вѣтуемъ вамъ по воскресеньямъ выучивать ихъ наизусть и никогда изъ памяти не выпускать.» Этотъ обычай въ пятой части продолжался только въ течени первыхъ трехъ нумеровъ, но далѣе прекращается.

Мы не даромъ распространились здѣсь объ литературной дѣятельности Антонскаго и его университетскихъ товарищей. Во первыхъ, мы видимъ какъ эта дѣятельность принимала въ немъ болѣе и болѣе педагогическое направленіе и какъ онъ трудами своими по этой части снискалъ себѣ законное право стать во главѣ такого заведенія, которое подъ его управленіемъ впослѣдствіи сдѣлалось уже исторически-извѣстнымъ. Во вторыхъ, мы видимъ, какъ Антонскій въ окруженіи Университетскаго товарищества могъ воспитать самъ въ себѣ общественную силу и перелить ее въ духъ того заведенія, которымъ послѣ правилъ.

Собраніе пансіонское имѣло свой Уставъ, сочиненный воспитанниками и утвержденный ихъ Наставникомъ. Съ уваженіемъ позднѣйшіе ученики смотрѣли на эту рукопись, на ея подписи, имѣвшія тогда для нихъ уже историческое значеніе, и въ особенности на имя Жуковскаго, которое красовалось между всѣми. Въ первоначальномъ устроеніи этого общества участвовали, кромѣ Жуковскаго, Воейковъ, двое Кайсаровыхъ, Андрей и Михайло, изъ которыхъ одинъ писалъ протоколы засѣданій, двое Тургеневыхъ, Андрей, рано умершій, и Александръ, котораго въ 1845 году схоронили въ Москвѣ, Сергѣй Родзянка, Офросимовъ, Сухотинъ и другіе. Мерзляковъ участвовалъ также весьма дѣятельно въ этихъ засѣданіяхъ и читалъ въ нихъ свои произведенія.

Собраніе, начиная съ 1802 года до 1808-го, издало шесть томовъ Утренней Зари. Здѣсь Мерзляковъ помѣстилъ, кромѣ другихъ своихъ лирическихъ стихотвореній, Преложеніе Моисеевой пѣсни по прехожденіи Чермнаго Моря (1805) и переводъ Гораціева Посланія къ Пизонамъ (1808). Стихи его означены буквою М. Только при Посланіи къ Пизонамъ Горація объявлено, что оно переведено обучающимъ въ Университ. Благородномъ Пансіонѣ Русскому слогу Профессоромъ Алексѣемъ Мерзляковымъ. Здѣсь первые опыты Жуковскаго: Человѣкъ, Сельское кладбище, подражаніе Грею, напечатанное Карамзинымъ въ его Вѣстникѣ Европы, Стихи сочиненные въ день моего рожденія къ моей лирѣ и къ друзьямъ моимъ, къ Поэзіи. Самъ Антонскій въ 1807 году на-

печаталъ здѣсь свое разсужденіе о Воспитаніи. Дашковъ, впослѣдствіи Министръ Юстиціи, является съ своимъ скромнымъ переводомъ съ Французскаго. Въ Утренней Зарѣ, въ первый разъ, появились литераторы, сдѣлавшіеся извѣстными въ послѣдствіи: Свиньинъ, издатель Отечественныхъ Записокъ, Грамматинъ, издатель Слова о Полку Игоревѣ, Милоновъ, извѣстный своими остроумными сатирами. Басни Петина, помѣщенныя въ первыхъ годахъ, отличались замѣчательною простотою. Нельзя не назвать Родзянку и Соковнина, рано погибшихъ для литературы: Антонскій долго тужилъ объ нихъ. Въ 1809 году выданы были избранныя сочиненія изъ Утренней Зари въ двухъ томахъ, изъ которыхъ одинъ содержалъ прозу, другой стихи. Въ 1810 году Собраніе Пансіона издало труды свои подъ заглавіемъ: Въ удовольствіе и пользу. Здѣсь всѣхъ дѣятельнѣе является даровитый Саларевъ. Тутъ Милоновъ разстается съ своими пансіонскими друзьями и въ трогательныхъ стихахъ выражаетъ чувства благодарности своему Наставнику и другу. Тутъ одинъ изъ ученыхъ, уже дѣйствовавшихъ тогда въ Университетѣ и Пансіонѣ, помѣстилъ свое Разсужденіе: о началѣ и постепенномъ приращеніи языка и изобрѣтеніи письма, составленное имъ изъ сочиненій Смита, Куръ-де-Жебеленя, Кондильяка, Дю Марсе, Руссо, Бозе, Баттё, Жирара. Тутъ явились другія молодыя дарованія: Аркадій Родзянка, Чаплинъ, Андрей Раевскій, которыхъ послѣ отвлекло отъ Словесности иное поприще. Тутъ же печаталъ свои первые опыты и Дмитріевъ (М. А.). По возобновленіи Пансіона, труды воспитанниковъ приняли названіе Калліопы, которая стала выходить съ 1815 года. Здѣсь опять являются Саларевъ, Аркадій Родзянка; къ нимъ присоединились Мих. Родзянка, Чюриковъ, Поповъ, Сушковъ. Далѣе — Познанскій, Бобрищевъ-Пушкинъ, даровитый Мансуровъ, шедшій по слѣдамъ Жуковскаго, памятный своимъ прекраснымъ переводомъ Маттисоновыхъ Kinderjahre, Вердеревскій, впослѣдствіи переводчикъ Горація, Философовъ, болѣе прославившійся своими пародіями и комическими опытами, Бруевичь, остроумный Писаревъ (А. И.), который такъ блистательно развилъ свои дарованія въ Пансіонѣ, послѣ посвятилъ ихъ Русскому театру и такъ рано скончался.

Антонскій посредствомъ своихъ связей въ обществѣ умѣлъ всегда приглашать къ засѣданіямъ почетныхъ посѣтителей. И. И.

Дмитріевъ весьма часто въ нихъ присутствовалъ, съ любовію смотрѣлъ на развивающіяся дарованія и не скучалъ преніями юношества. Прежніе питомцы Пансіона, успѣвшіе принести уже честь заведенію, которое ихъ воспитало, всегда считали обязанностью посѣтить своего воспитателя и собраніе. Такъ пріѣзжали сюда Кайсаровъ, Тучковъ, Свиньинъ. Засѣданія продолжались отъ 6-ти часовъ вечера до десяти, а иногда и долѣе. Участвовавшіе въ нихъ ужинали позднѣе. Преніе, начатое во время засѣданія, продолжалось и за ужиномъ.

Отъ Собранія перейдемъ къ характеру и духу самого училища. Преподаваніе наукъ имѣло въ Университетскомъ Пансіонѣ энциклопедическій характеръ, соотвѣтствовавшій духу времени. Специальность заключалась развѣ въ томъ литературномъ образованіи, котораго разсадникомъ было Собраніе. Этотъ энциклопедизмъ могъ бы и теперь быть весьма хорошъ, если бы въ томъ видѣ, какъ заведеніе тогда существовало, подчинить его окончательному спеціальному ученію въ одномъ изъ Университетскихъ факультетовъ. Шестнадцати лѣтъ нѣкоторые изъ учениковъ совершили полный учебный курсъ Пансіона, но каждый, кто чувствовалъ призваніе къ наукѣ, долженъ былъ еще образовать въ себѣ особенную спеціальность, уже самъ собою, въ слѣдствіе своего призванія.

Всѣ средства, какія зависятъ отъ воспитателя, чтобы водворить въ сердцахъ питомцевъ духъ Религіи, употреблялъ Антонскій. Ежедневно,—послѣ утренней молитвы, отличные ученики поочередно читали Апостолъ и Евангеліе, какіе въ тотъ день читались въ церкви. Директоръ и Инспекторъ нерѣдко спрашивали учениковъ сидѣвшихъ за чайнымъ столомъ, о томъ, что̀ было прочтено. Читать молитвы утреннія и вечернія поручаемо было лучшимъ ученикамъ всѣхъ классовъ по очереди. Быть въ числѣ такихъ чтецовъ считалось отличіемъ. Всѣ классы начинались молитвою: Царю Небесный, и оканчивались: Достойно есть. Въ классѣ Греческомъ молитвы читались на Греческомъ языкѣ. Въ теченіи шести недѣль послѣ Пасхи читалось троекратно: Христосъ Воскресе, и Свѣтися, Свѣтися, въ заключеніи. Въ 1819 г. устроена была съ большимъ вкусомъ и освящена съ великимъ торжествомъ церковь въ зданіи Пансіона. Служеніе въ храмѣ совершалось всегда съ особеннымъ благолѣпіемъ. Надзиратели

и воспитанники составляли хоръ, который пѣлъ по праздникамъ. Библейское Общество, соединявшее цѣлый сонмъ Московскаго духовенства, собиралось въ залѣ Пансіона, и ученики были допускаемы къ его засѣданіямъ.

Императоръ Александръ, 18-го Августа 1816 года, осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ Университетскій Пансіонъ и произнесъ въ немъ слова: *Истинное просвѣщеніе основано на Религіи и Евангеліи.* Слова написаны были золотыми буквами на доскѣ и выставлены въ торжественной залѣ. Нерѣдко повторялись они въ публичныхъ рѣчахъ воспитанниковъ. Труды старшихъ и отличныхъ учениковъ печатные были всѣ исполнены религіознаго чувства. Они раздавались въ награду ученикамъ, составляли одно изъ любимыхъ чтеній для младшихъ товарищей и питали постоянно въ нихъ тоже самое чувство. Кромѣ того, въ самомъ разсужденіи воспитателя о Воспитаніи, разсужденіи, которое безпрерывно бывало въ ихъ рукахъ, воспитанники могли читать его собственныя слова: «Мудрости! добродѣтели! . . . Но что онѣ, если Религія не озаритъ ихъ, Религія, освящающая всѣ наши дѣла, желанія, мысли; Религія, преобразующая, обновляющая внутренняго человѣка, возносящая его надъ всѣмъ бреннымъ, ничтожнымъ, и отверзающая предъ нимъ врата неба!» Мерзляковъ своими лирическими произведеніями, изученіемъ Библейскаго языка, преложеніемъ Псалмовъ, укрѣплялъ въ питомцахъ тоже религіозное чувство.

Прокрадывались иногда въ пансіонъ тайкомъ и непозволенныя для юнаго возраста книги. Западало въ душу питомцевъ и тяжкое сомнѣніе, наносимое извнѣ постороннимъ вліяніемъ. Но все, чѣмъ только можно было предупредить сіе послѣднее, упущено не было. Строгъ былъ надзоръ за выборомъ чтенія. Пустыхъ романовъ, воспламеняющихъ воображеніе, не давали въ руки. Когда же случайно заставали кого за такою книгою, она безпощадно летѣла въ огонь. Педагогъ такъ говоритъ объ этомъ въ своемъ разсужденіи. «Воспитатели и наставники! помыслите, какое сильное вліяніе имѣютъ на умъ, сердце, нравы, характеръ, на самое счастіе и несчастіе дѣтей первыя, получаемыя ими впечатлѣнія, первыя понятія, первые уроки — и вы найдете, что нѣтъ ничего пагубнѣе какъ позволять имъ читать безъ разбору всякую, попадающуюся въ руки книгу, или говорить при нихъ все, что

ни вздумается. Сколько отъ одного сего погибло дарованій, и сколько сердецъ развратилось!»

Но вырывая изъ рукъ безполезныя или вредныя книги, наставники удовлетворяли молодой жаждѣ къ чтенію книгами полезными. Высшій классъ — и особенно Собраніе — имѣли отличную библіотеку, гдѣ были всѣ произведенія Русской Словесности и классическія сочиненія на языкахъ древнихъ и новыхъ. Пятый и четвертый классы имѣли отдѣльныя библіотеки, которыя составились на добровольныя пожертвованія самихъ учениковъ. При каждой библіотекѣ былъ свой библіотекарь. Кромѣ того, Инспекторъ и лучшіе надзиратели были также богаты книгами и не скупились на нихъ для воспитанниковъ. Журналы: Вѣст. Евр., Сынъ Отеч., Соревнователь просвѣщенія и благотворенія, Revue Encyclopédique, первый тогда ученый журналъ въ Парижѣ, переходили въ руки учениковъ изъ рукъ наставниковъ. Всякая минута, свободная отъ трудовъ по классамъ и собранію, отдана была чтенію. Читали за чаемъ, за обѣдомъ, за ужиномъ. Даже въ обязанность вмѣнялось принести за столъ книгу. Чтеніе водворяло тишину и благочиніе въ залѣ. Здѣсь-то иногда неутомимый Директоръ или его помощникъ подкрадывался невидимкой къ какому нибудь чтецу, который весь погруженъ былъ въ чтеніе романа на самыхъ любопытнѣйшихъ его страницахъ, и внезапно исчезалъ романъ какъ пріятный сонъ изъ рукъ чтеца.

Одни природные дворяне принимались въ Университетскій пансіонъ. Какія правила внушалъ наставникъ своимъ благороднымъ питомцамъ относительно возвышенныхъ обязанностей сословія, которому они принадлежали, можно видѣть изъ отрывка Рѣчи, произнесенной однимъ изъ старшихъ товарищей о томъ, каковъ долженъ быть прямо благородный воспитанникъ: «Благородство происхожденія есть ничто, когда оно не украшается благородствомъ духа. Знатность предковъ есть тяжкое бремя для того, кто собственными достоинствами не умѣетъ поддержать ее. Чѣмъ выше степень, занимаемая нами въ обществѣ, тѣмъ добродѣтели и пороки наши виднѣе; тѣмъ примѣръ нашъ благотворнѣе, или пагубнѣе. Чѣмъ важнѣе званіе, нами носимое, тѣмъ кругъ дѣятельности нашей обширнѣе; свѣдѣнія наши должны быть многообразнѣе; тѣмъ больше требуется отъ насъ времени, вниманія, труда, пожертвованій.

Юный Россъ! здѣсь, въ семъ храмѣ Наукъ, потщись образовать душевныя и тѣлесныя свои способности; здѣсь потщись устроить себя на служеніе Отечеству, и докажи со временемъ, что благородство твое не въ титулахъ, не въ знатности предковъ, но въ сердцѣ твоемъ, въ дѣлахъ твоихъ, въ заслугахъ.»

Весьма важенъ духъ общежитія, связующій учениковъ въ учебномъ заведеніи. Мы приведемъ теперь слова Антонскаго, изъ которыхъ увидимъ, какъ онъ самъ представлялъ себѣ идеалъ этого духа между своими учениками. «Подите, взгляните въ ихъ общество, говоритъ педагогъ, (т. е. въ добрый кругъ молодыхъ товарищей по ученію).—Гдѣ съ бо́льшимъ благоговѣніемъ и энтузіазмомъ произносятся имена знаменитыхъ героевъ, философовъ, благодѣтелей человѣчества, Суворовыхъ и Румянцовыхъ, о которыхъ часто не знаютъ въ цѣломъ домѣ и учитель-иноземецъ и ученикъ его?—гдѣ съ бо́льшимъ жаромъ говорится объ Отечествѣ, о будущей службѣ, о славѣ, которую молодые друзья обѣщаются раздѣлять вмѣстѣ также, какъ теперь раздѣляютъ свои забавы?—У нихъ все общее: всѣ охотно помогаютъ другъ другу, и увѣряются заблаговременно въ необходимости взаимнаго вспомоществованія: они уже—граждане, члены общества, и въ маленькомъ кругу своемъ вмѣщаютъ нача́ла тѣхъ важныхъ обязанностей, на которыхъ основываются огромныя общества.—Самыя забавы ихъ—наставительны. Дитя, играя одно, не наслаждается своею игрою, и не будетъ умѣть играть вмѣстѣ: въ семъ заключаются первыя черты того будущаго неоцѣненнаго искусства—*живучи для себя, жить для другихъ*. Тутъ взаимная *уступчивость, взаимныя пожертвованія*, тутъ *справедливость* и *честность* вперяются безъ уроковъ, сами собою!—Тутъ истинная *дружба*, божественное чувство, столь мало извѣстное въ свѣтѣ—гораздо высшее, нежели самыя родственныя связи, и столько рѣдкое, даже между родными—чувство, предполагающее необходимо твердость характера, вѣрность и безкорыстную доброту сердца!—и замѣтьте, что воспитанные въ публичныхъ училищахъ гораздо болѣе способны къ дружеству, и сохраняютъ его вѣчно. Счастливое время! кто бы не хотѣлъ возвратить тебя!».... Заведеніе въ лучшемъ кругу учениковъ оправдывало намѣренія и желанія наставника. Конечно, не всѣ могли под-

ходить къ этому идеалу, но успѣхъ уже былъ великъ, когда къ нему приближались избранные.

Ученики любили Пансіонъ, любили въ немъ колыбель своего ума, чувствъ, познаній и слова. Съ грустью и слезами оставляли его и товарищей. Въ рѣчахъ, въ стихахъ питомцевъ Пансіона, безпрерывно найдете обращенія къ друзьямъ, къ мирному крову воспитанія. Это не общія мѣста, нѣтъ, а искреннія изліянія вѣрнаго чувства, которое на самомъ дѣлѣ соединяло всѣхъ одною прекрасною связью.

Въ Антонскомъ, какъ педагогѣ, былъ одинъ талантъ, рѣдкій, который не всякому дается: это даръ проницанія, даръ умѣнья отгадывать способности. Можно соединить въ себѣ и ученость глубокую и разнообразную, и возвышенныя силы ума, и обширныя познанія въ педагогикѣ, но безъ этого дара Божія не успѣешь на томъ трудномъ поприщѣ, которое проходилъ Антонскій. Да, у него былъ этотъ глазъ, проникавшій въ душу и мѣтко попадавшій въ цѣль свою. Дарованіе открывалъ онъ съ разу, тотчасъ же давалъ ему ходъ и ставилъ на видъ. Прочтемъ въ его теоріи о томъ, чтó самъ онъ называетъ первымъ правиломъ воспитателя.

«Первымъ правиломъ воспитатель долженъ поставить себѣ то, чтобы заблаговременно изслѣдовать *способности* воспитанника, смотрѣнію его ввѣреннаго, и сообразно силамъ и дарованіямъ молодаго человѣка размѣрять труды объ немъ и старанія. *Никто не родится въ свѣтъ, не получивъ къ чему нибудь способности.* Если верховное существо удаляется отъ надлежащей мѣры своихъ благодѣяній, то больше въ излишествѣ, нежели въ недостаткѣ. Исторія знаменитыхъ людей свидѣтельствуетъ, что многіе изъ нихъ, долго почитавшись ни къ чему неспособными, вдругъ отъ одного счастливаго случая возблистали дарованіями своими, и имя ихъ содѣлалось безсмертнымъ. Сталь не прежде даетъ искры, какъ по прикосновеніи къ ней кремня. Внутренняя наклонность всегда готова раскрыться въ насъ; надобно токмо удачно тронуть ее.»

Антонскій понималъ, что училище цвѣтетъ и славится дарованіями и трудолюбіемъ учениковъ, и потому дарованіямъ трудолюбивымъ всегда готовы были у него и первыя мѣста и первыя награды.

Время оправдало и даръ проницанія и труды воспитателя. Двадцать лѣтъ спустя послѣ основанія Пансіона, Антонскій принялъ его подъ свое начальство и въ теченіи 33 лѣтъ правилъ имъ неусыпно. Не всякое училище имѣетъ такую исторію, какую имѣлъ Университетскій Пансіонъ. Не всякое владѣетъ такимъ сокровищемъ преданія, какъ пансіонская доска именъ отличныхъ учениковъ, которые на разныхъ поприщахъ оправдали надежды наставниковъ. Въ исторіи училищъ, въ памяти ихъ преданій, заключается та нравственная основа, на которой должна утверждаться самобытность учебнаго заведенія.

Соберемъ теперь въ одно черты, которыя, въ совокупности, могутъ дать понятіе о нравственной физіономіи Антонскаго, какъ Педагога. Первая изъ нихъ — даръ проницанія, умѣнье отгадывать способности, даръ Божій въ педагогѣ, даръ, который былъ причиною того, что онъ умѣлъ находить людей въ Университетѣ и развивать дарованія въ Пансіонѣ. Умъ его былъ умъ практическій, чуждый отвлеченныхъ теорій, устремлявшій его болѣе къ дѣлу жизни, умъ хозяйственный, распорядительный, умъ педагога и земледѣльца. Волю имѣлъ онъ твердую, непреклонную, которую прежде всего упражнялъ на самомъ себѣ и на своей собственной жизни. Духъ общительности, вынесенный имъ, можетъ быть, изъ Кіевской бурсы, но развитый особенно въ Университетскомъ окруженіи, во времена неутомимаго Новикова, служилъ въ немъ источникомъ для многихъ полезныхъ дѣйствій. Есть еще одна черта, которая опредѣляетъ его нравственный характеръ и знаменуетъ всю его жизнь. Эту черту прекрасно выразилъ одинъ изъ его почитателей на его погребеніи словами, которыя мы повторимъ: «онъ зналъ всему мѣру въ жизни.» Въ самомъ дѣлѣ, къ нему шелъ девизъ одного изъ семи греческихъ мудрецовъ: *μηδὲν ἄγαν*, *ничего лишняго*. Антонскій самъ сознавалъ въ себѣ это любимое свое правило и, выразивъ его въ своемъ разсужденіи о Воспитаніи, не даромъ подчеркнулъ эти слова: «*во всемъ есть мѣра:* преступая предѣлы ея, мы всегда уклоняемся отъ пути праваго.» — Знать мѣру всему въ жизни есть, конечно, высшая мудрость житейская, первое условіе для разумнаго употребленія времени и другихъ средствъ, данныхъ намъ для жизни, а слѣдовательно и первый залогъ ея долговѣчности.

Въ последнее время жизни своей, Антонскій посвящалъ бóльшую часть своей дѣятельности Императорскому Московскому Обществу Сельскаго Хозяйства. При самомъ основаніи Общества, онъ принималъ участіе въ его совѣщаніяхъ и въ 1823 г. избранъ Начальникомъ 1-го Отдѣленія, завѣдывающаго Учеными Трудами и изданіемъ журнала Общества. Въ 1824 году, по представленію Президента Князя Д. В. Голицына, Всемилостивѣйше пожалована ему золотая табакерка съ бриліантами. Въ 1840 году Декабря 21-го за постоянное участіе въ XX-лѣтнихъ трудахъ Общества и ревностное исполненіе обязанностей Начальника I-го Отдѣленія получилъ золотую медаль. Въ 1845 г. избранъ вторымъ Вице-президентомъ Общества и Начальникомъ IV-го Отдѣленія, завѣдывающаго Земледѣльческою Школою. Онъ занялся устройствомъ Школы, какъ опытный педагогъ и хозяинъ. Въ 1846 году Апрѣля 12-го Всемилостивѣйше пожалованъ ему Орденъ Станислава I-й степени, по случаю предположеннаго празднованія 25-ти-лѣтняго юбилея Общества, и орденскіе знаки переданы были въ день торжества юбилея, Маія 21-го.

При семъ торжествѣ Антонъ Антоновичь произнесъ рѣчь и внесъ въ Общество 3000 р. сер., изъявивъ желаніе, чтобъ на проценты съ сего капитала содержимъ былъ постоянно въ школѣ одинъ воспитанникъ, свободнаго состоянія, бѣдныхъ родителей, преимущественно изъ дворянъ, который подавалъ бы надежду быть полезнымъ для науки Сельскаго Хозяйства.

1847 года Января 27-го, въ годичномъ собраніи, по предложенію Президента Князя С. И. Гагарина, въ уваженіе 26-ти-лѣтнихъ трудовъ, постоянно посвященныхъ Обществу въ званіи Члена Совѣта, Начальника I-го и IV-го Отдѣленій и Вице-президента, пожертвовавшаго 3000 р. сер. при юбилеѣ общества, опредѣлено сохранить въ залѣ Общества портретъ А. А. Антонскаго, и это общее желаніе Членовъ было изъявлено 84-лѣтнему старцу съ искренними поздравленіями отъ его сотрудниковъ, почитателей и учениковъ, присутствовавшихъ въ засѣданіи. Антонъ Антоновичь не издавалъ въ это время сочиненій, но до самой кончины принималъ участіе въ изданіи Земледѣльческаго Журнала Общества, обращая особенное вниманіе на ясность и правильность слога въ хозяйственныхъ статьяхъ. Впрочемъ заслуги

Антона Антоновича на этомъ поприщѣ достойно оцѣнены Непремѣннымъ Секретаремъ Общества, С. А. Масловымъ.*

Число лѣтъ, прожитыхъ Антонскимъ, осталось загадкою для всѣхъ, знавшихъ его близко. Въ послужномъ спискѣ его за 1830 годъ показано ему было 67 лѣтъ. Зиму проводилъ онъ въ домѣ своемъ, что̀ былъ въ Леонтьевскомъ переулкѣ; лѣтомъ жилъ въ деревнѣ, близь монастыря Хотькова. Болѣзнь, унесшая столько жертвъ въ наше время, постигла и его, но крѣпкое его сложеніе сначала устояло было противъ ея сокрушающей силы. Однако, старецъ долго не могъ оправиться. Къ тому же, слабый, онъ оступился идучи по комнатѣ и упалъ. Паденіе еще болѣе его обезсилило. Но и тутъ природа боролась, стояла за жизнь. Больной совсѣмъ было оправился, собирался даже въ деревню, какъ вдругъ болѣзнь новымъ ударомъ поразила его — и онъ не могъ устоять. Въ 1848 году, Іюля 6-го, въ 7 часу пополудни, его не стало. Іюля 9-го немногіе изъ его учениковъ и бывшихъ сослуживцевъ собрались около его гроба на отпѣваніи въ церкви Св. Николы въ Хлыновѣ, гдѣ довольно долго онъ былъ церковнымъ старостой. Преосвященный Викарій Московскій, Іосифъ, совершалъ служеніе. Архимандритъ Знаменскій Митрофанъ почтилъ память мудраго разумнымъ словомъ. Между двумя зданіями Университета на Никитской, старымъ и новымъ, близь самой Университетской Церкви, совершена было Преосвященнымъ же Викаріемъ литія въ память того, кто такъ долго подвизался на пользу Университета. Донская обитель въ томъ же самомъ склепѣ, гдѣ похороненъ братъ его, приняла останки покойнаго. За литургіею читался Апостолъ, гдѣ находится текстъ: «Повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покоряйтеся: тіи бо бдятъ о душахъ вашихъ.»

Въ дополненіе къ біографіи Антона Антоновича Прокоповича-Антонскаго, создателя, можно сказать, Университетскаго Благороднаго Пансіона, передаемъ здѣсь имена, хранящіяся до сихъ поръ на золотой доскѣ въ залѣ 4-й Московской Гимназіи, ведущей свое начало отъ Пансіона. Этотъ списокъ питомцевъ Антонскаго, бывшихъ всегда ему благодарными, есть самая лучшая страница его біографіи.

---

* См. Журналъ Сельскаго Хозяйства, № 10, 1848 г., стран. 107.

3 v

ИМЕНА ОТЛИЧНЫХЪ ВОСПИТАННИКОВЪ УНИВЕРСИТЕТСКАГО БЛАГОРОДНАГО ПАНСІОНА,

за благонравіе и успѣхи въ наукахъ получившихъ золотыя медали и одобрительные листы съ 1791 года.

1. Семенъ Озеровъ.
2. Василій Гурьевъ.
3. Михаилъ Магницкій.
4. Василій Муратовъ.
5. Петръ Кайсаровъ.
6. Николай Кавелинъ.
7. Дмитрій Кавелинъ.
8. Кн. Александръ Черкаскій.
9. Алексѣй Воейковъ.
10. Александръ Воейковъ.
11. Паисій Кайсаровъ.
12. Михаилъ Кайсаровъ.
13. Василій Жуковскій.
14. Семенъ Родзянка.
15. Константинъ Остромовъ.
16. Василій Поляковъ.
17. Кн. Григорій Гагаринъ.
18. Александръ Тургеневъ.
19. Александръ Афросимовъ.
20. Григорій Мятневъ.
21. Дмитрій Столыпинъ.
22. Кн.Александръ Волконскій.
23. Петръ Свиньинъ.
24. Павелъ Свиньинъ.
25. Дмитрій Дашковъ.
26. Яковъ Лизогубъ.
27. Николай Граматинъ.
28. Сергѣй Соковнинъ.
29. Владиміръ Антонскій.
30. Александръ Раевскій.
31. Михаилъ Милоновъ.
32. Сергѣй Саларевъ.
33. Аркадій Родзянка.
34. Григорій Полетика.
35. Александръ Величко.
36. Викторъ Чуриковъ.
37. Гаврила Поповъ.
38. Николай Антонскій.
39. Константинъ Рюминъ.
40. Василій Вердеревскій.
41. Александръ Мансуровъ.
42. Василій Рюминъ.
43. Александръ Писаревъ.
44. Кн. Владиміръ Одоевскій.
45. Тимоѳей Тимоновъ.
46. Николай Пургольдъ.
47. Степанъ Шевыревъ.
48. Владиміръ Титовъ.
49. Павелъ Морозовъ.
50. Иванъ Нероновъ.
51. Алексѣй Войцеховичь.
52. Валеріанъ Салтыковъ.
53. Андрей Быковъ.
54. Дмитрій Вороновскій.
55. Владиміръ Строевъ.
56. Захарій Алферовъ.
57. Дмитрій Протасьевъ II-й.
58. Алексѣй Малыгинъ.
59. Дмитрій Милютинъ.
60. Валеріанъ Татариновъ.
61. Платонъ Жемчужниковъ.
62. Маркъ Хозиковъ.

АРМФЕЛЬДЪ, Александръ Осиповичь, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Кавалеръ орд. Св. Станислава 2-й степени и Св. Анны 2-й степени съ Императорскою короною, имѣющій знакъ отличія безпорочной службы за XXV лѣтъ, православн. исповѣд., Россійскій подданный, единственный сынъ благороднаго семейства бывшей Римской Имперіи, поселившагося въ Россіи въ концѣ XVIII вѣка, род. въ Москвѣ 1806 г. Февраля 18-го; воспитывался первоначально въ домѣ своихъ родителей, а съ 1818 г. въ Дерптской Гимназіи; въ Декабрѣ 1821 г. поступилъ Студентомъ Медицины въ Дерптскій, въ Мартѣ 1823 г. въ Московскій Университетъ; удостоенъ званія Лекаря 1-го отд. съ отличіемъ 1826 г. Сентября 11-го; опредѣленъ въ Хирургическій Институтъ для вспомоществованія Директору онаго при пользованіи больныхъ 1826 г. Октября 12-го; Ординаторомъ при Университетской больницѣ 1830 г. Іюля 23-го; утвержденъ Докторомъ Медиц. 1833 г. Сентября 20-го; въ Маѣ 1834 отпущенъ за границу, съ оставленіемъ на службѣ, для приготовленія себя къ занятію академической каѳедры. Въ продолженіи трехлѣтняго своего путешествія посѣщалъ онъ замѣчательнѣйшія медицинскія и педагогическія заведенія въ Германіи, Англіи, Франціи и Италіи, большую-же часть сего времени провелъ въ Берлинѣ, гдѣ, постоянно находясь въ сношеніи съ извѣстными учеными, по спеціальнымъ предметамъ назначенной ему каѳедры особенно занимался съ Профессорами Касперомъ, Вагнеромъ и Геккеромъ. По возвращеніи своемъ въ Москву, прочитавъ, въ присутствіи Г. Попечителя Университета Графа С. Г. Строганова и Членовъ Университетскаго Совѣта, пробную лекцію по части судебно-врачебной Психологіи, вступилъ онъ, 1837 г. Октября 15-го, въ должность Орд. Профессора Судебн. Медицины, Медиц. Полиціи, Энциклопедіи, Методологіи, Исторіи и Литературы Медицины: эти предметы, за исключеніемъ Исторіи Мед., преподаетъ и нынѣ. Остальная служебная дѣятельность его принадлежитъ Сиротскому Институту здѣшняго Воспитательнаго Дома, по должности Инспектора классовъ, занимаемой имъ съ 13-го Декабря 1838 г. Сочиненія: De dilatatione cordis. Diss. inaug. M. 1833; De finibus certorum et probabilium in responsis medicorum forensium. Orat. Ibid. 1848; мелкія, отчасти анонимныя статьи въ разн. періодич. изд.

АРНОЛЬДЪ, Иванъ (Jean Arnold), Лекторъ Франц. языка и Словесности. Въ 1812 г., передъ нашествіемъ непріятеля, былъ Лекторомъ Французскаго языка Фредерикъ Виллерсъ. Въ 1813 году Лектора Французскаго не было — и первымъ послѣ непріятеля, въ 1814 году, былъ опредѣленъ Арнольдъ. Онъ занималъ это мѣсто два года, до 1816 года, читалъ Французскую литературу и упражнялъ слушателей въ переводахъ съ Русскаго на Французскій. Лекторъ Пельтъ ему наслѣдовалъ въ преподаваніи.

АРШЕНЕВСКІЙ, Василій Кондратьевичь, Чистой Математики Публичный Ординарный Профессоръ, Надворный Совѣтникъ, родился 1758 года въ Кіевѣ, гдѣ и обучался; 1774 года записанъ въ Гимназію, бывшую при Московскомъ Университетѣ; обучаясь въ оной языкамъ и наукамъ, въ особенности занимался Математикою; чрезъ три года произведенъ Студентомъ, а потомъ въ 1779 г. избранъ въ число семинаристовъ Педагогической Семинаріи (званіе, соотвѣтствующее нынѣшнему Кандидату), на иждивеніи Демидовскаго пансіона: такъ называлась сумма, пожертвованная Прокопіемъ Акинѳіевичемъ Демидовымъ на содержаніе Студентовъ, назначавшихъ себя въ Профессоры или Учители. Тогда же Университетское Начальство поручило Аршеневскому обученіе высшаго Ариѳметическаго класса Гимназіи, и съ того же почти времени онъ исправлялъ должность переводчика съ Латинскаго и Нѣмецкаго языковъ при Конференціи Университета.

Въ 1785 году В. К., по законномъ испытаніи, произведенъ Магистромъ Философіи и Свободныхъ Наукъ; 1789 года — Адъюнктомъ; 1795 г. наименованъ Экстраординарнымъ Профессоромъ Математики, а 1805 года произведенъ, за труды свои, Ординарнымъ Профессоромъ.

Обозрѣвая дошедшіе до насъ каталоги Университетскихъ лекцій, нельзя не замѣтить съ особеннымъ уваженіемъ, какъ преподаваніе сего достопочтеннаго и трудолюбиваго Профессора постепенно совершенствовалось. Такъ съ начала его поприща, до конца прошедшаго столѣтія, замѣтны три курса, которые размѣщались на три года: 1. Изъясненіе Математическаго способа ученія и Гражданская Ариѳметика, 2. Геометрія (разумѣется, начальная или прямолинейная), 3. Плоская Тригонометрія и Алгебра. Словомъ, въ этомъ ходѣ преподаванія онъ немного отсту-

палъ отъ своихъ наставниковъ, Д. С. Аничкова и И. Я. Роста, и руководствомъ служилъ ему тотъ же Вейдлеръ*. Но въ первый годъ текущаго столѣтія (въ каталогѣ 1800—1801), вмѣстѣ съ Плоскою Тригонометріею и Алгеброю, являются свойства кривыхъ линій, въ особенности коническихъ. Въ слѣдующихъ же годахъ, н. п. въ 1805—1806, объявляется, что Профессоръ, преданный своей наукѣ «по руководству Бюржа и другихъ луч«шихъ новѣйшихъ писателей преподастъ Высшую Геометрію, «въ которой покажетъ пользу и употребленіе Дифференціальнаго «Исчисленія.» И здѣсь замѣтно высказывается строгій, логическій умъ, который не иначе представлялъ себѣ ученіе о безконечно малыхъ, какъ въ сочетаніи съ Геометріею.

Очевидно, что Василій Кондратьевичь долженъ былъ собственными силами, такъ сказать, создать для себя каѳедру. Такое напряженіе, въ его лѣта, не могло быть безъ пожертвованія со стороны здоровья.

Прилежное и весьма небезплодное занятіе наукою не препятствовало еще важной должности Эфора, соотвѣтствующей нынѣшней должности Инспектора за поведеніемъ казеннокоштныхъ Студентовъ и учениковъ, обѣихъ, какъ тогда называли Гимназій, т. е. для дворянъ и для разночинцевъ. Они впрочемъ учились и жили вмѣстѣ, подъ надзоромъ старшихъ Студентовъ, бывшихъ въ этомъ для Эфоровъ весьма полезными помощниками. Онъ занималъ эту должность въ концѣ 80-ыхъ и началѣ 90-ыхъ годовъ, принявъ ее отъ Проф. А. М. Брянцева и сдавъ М. Г. Гаврилову, своему товарищу по Педагогической Семинаріи. По введеніи же новаго Устава въ 1804 году, В. К. былъ избранъ отъ Университетскаго Совѣта въ Инспекторы Гимназіи и казеннокоштныхъ Студентовъ; своекоштные же Студенты и прежде сего устава и послѣ подчинялись непосредственно Ректору. Къ надзору за поведеніемъ молодыхъ людей Аршеневскій имѣлъ особыя дарованія въ высшей степени. Не представляя грозной наружности, и не употребляя слишкомъ строгихъ мѣръ, умѣлъ онъ внушить уваженіе къ себѣ и страхъ сыновній. Какъ будто по предчувствію, онъ болѣе предотвращалъ безпорядки, нежели преслѣдовалъ, когда они уже произойдутъ. Имѣлъ столь

* См. біографію Пр. Роста.

быстрый взглядъ и сметливость, что напр. увидавъ за нѣсколько десятковъ шаговъ толпу воспитанниковъ, съ перваго взгляда всѣхъ распознавалъ. Никто не могъ отъ него укрыться: потому никто и не думалъ отъ него бѣгать или прятаться. Часто и въ разное время проходилъ по камерамъ Студентовъ и учениковъ. Не терпѣлъ въ Студентахъ долговременной, а еще болѣе вечерней отлучки, въ ученикахъ же никакой безъ его вѣдома. Вносилъ ежемѣсячныя вѣдомости объ ученикахъ къ Директору, о Студентахъ въ Конференцію.

Вѣроятно, по причинѣ важности этой должности, Аршеневскій имѣлъ только двѣ лекціи въ недѣлю по 2 часа; даже въ послѣдствіи три лекціи по часу. Впрочемъ это дѣлалось сообразно съ принятыми обычаями, ибо и предшественникъ его Д. С. Аничковъ на Чистую Математику удѣлялъ не болѣе 4 часовъ въ недѣлю, а другіе 8 часовъ употреблялъ на преподаваніе Логики и Метафизики. Притомъ число часовъ преподаванія В. К., можетъ быть, соображалъ и съ своимъ вкусомъ къ краткости, даже сжатости.

Онъ открывалъ Гимназію Ярославскую и другія; участвовалъ въ устройствѣ Училища Колонновожатыхъ, существовавшаго въ Москвѣ до 20-хъ годовъ, въ послѣднее время подъ начальствомъ Н. Н. Муравьева. Кромѣ того осматривалъ училища въ губерніяхъ Смоленской и Тверской, въ званіи Визитатора, отъ лица Училищнаго Комитета.

За службу Аршеневскій въ 1797 году пожалованъ Коллеж. Ассессоромъ, въ 1801 году Надворнымъ Совѣтникомъ; за открытіе Гимназій удостоился получить три золотыя табакерки.

Въ 1808 году внезапно открылась у В. К. кровь горломъ, и вытекла за одинъ разъ въ большомъ количествѣ, что̀ и было причиною смерти, послѣдовавшей Января 27-го. Онъ погребенъ въ Донскомъ монастырѣ, возлѣ Мих. Матв. Хераскова и Князей Трубецкихъ (по просьбамъ друга его Проф. П. Ив. Страхова). Въ это время составъ Гимназіи былъ уже необширенъ: казеннокоштныхъ восп. 60, своекоштныхъ 100; кромѣ того казеннокоштныхъ Студентовъ 40. Вотъ прямые подчиненные покойнаго; но при его погребеніи, за гробомъ шло болѣе 2000 провожатыхъ. Это были воспитанники Гимназіи и Университета, его прежніе подчиненные. Онъ оставилъ послѣ себя двухъ сыновей и двухъ дочерей, предоставивъ ихъ воспитаніе почтенной супругѣ своей,

бывшей дѣвицѣ Дьяковой, Аннѣ Яковлевнѣ, воспитывавшейся въ домѣ М. М. Хераскова, который особенно покровительствовалъ Василію Кондратьевичу.

Изъ сочиненій сего достопочтеннаго Профессора извѣстны двѣ рѣчи, произнесенныя имъ въ торжественныхъ собраніяхъ Университета: 1. *О началѣ, связи и взаимномъ пособіи Математическихъ наукъ и пользѣ оныхъ*, Іюня 30-го, 1794 г. 2 *О связи Чистой Математики съ Физикою*, Августа 30-го, 1802 года. Остававшіяся въ 1812 году въ Москвѣ, его библіотека и бумаги сгорѣли.

Старожилы такъ описываютъ наружный видъ В. К.: росту низкаго, плотный тѣломъ, а въ лицѣ худощавъ, черноватъ, но съ блѣдностію, черноволосъ, напудренъ, съ косою, лице плоское и продолговатое, съ рябинами, необыкновенно широкія и щетинистыя брови; жизни строгой, во всемъ любилъ особенно порядокъ, свойственный Малороссіянамъ. По должности Эфора поведенія, онъ жилъ съ семействомъ въ Университетскомъ домѣ, въ нынѣшнемъ лѣвомъ крылѣ стараго зданія, сначала въ срединѣ его, а потомъ на внутреннемъ концѣ, гдѣ стоялъ по смерти его и гробъ, въ комнатѣ, обращенной окнами на нынѣшній парадный дворъ.

Покойный имѣлъ особенно короткое знакомство съ сослуживцами Профессорами: Политковскимъ, Страховымъ, Сохацкимъ, Брянцевымъ и Гавриловымъ. Мѣстомъ любимой прогулки этого общества было село Измайлово. Тѣсная дружба и сосѣдство по казенной квартирѣ съ Проф. П. Ив. Страховымъ имѣли значительное вліяніе и на занятія Аршеневскаго; ибо открывали ему доступъ къ библіотекѣ П. Ив., которая была богатѣе всѣхъ библіотекъ того времени въ Москвѣ.

Афонинъ, Матвѣй Ивановичь, Натуральной Исторіи и Земледѣлія Профессоръ Публичный Ординарный, получивъ первое образованіе въ домѣ своихъ родителей, поступилъ въ Дворянскую Гимназію Московскаго Университета, и, въ продолженіе всего курса, обнаруживалъ замѣчательныя способности, соединенныя съ большимъ прилежаніемъ. Сверстникомъ его по ученію былъ Григорій Александровичь Потемкинъ, въ послѣдствіи столь знаменитый, но въ то время еще весьма бѣдный и нуждавшійся въ самомъ необходимомъ. Афонинъ былъ его дру-

гомъ, и дѣлился съ нимъ небольшими деньгами, которыя получалъ отъ родителей. Такъ, замѣтивъ однажды сильное желаніе Потемкина имѣть сочиненіе Бюффона, онъ купилъ это сочиненіе, и подарилъ его своему другу.

Афонинъ кончилъ курсъ съ отличіемъ; ему присуждена была золотая медаль, но, вмѣсто этой награды, Университетское Начальство, внимательное къ его способностямъ и прилежанію, ходатайствовало о другой, высшей, именно объ отправленіи его за границу, для дальнѣйшаго образованія. Это ходатайство было уважено Высшимъ Начальствомъ, и Афонинъ съ двумя другими товарищами, кончившими курсъ въ одно съ нимъ время, былъ отправленъ въ Кёнигсбергскій Университетъ (1758 г.).

Съ самаго начала Афонинъ и его товарищи, при отправленіи за границу, не имѣли опредѣленнаго назначенія, какимъ наукамъ они должны были себя посвятить. Въ Кёнигсбергѣ имъ надобно было употребить цѣлый годъ на усовершенствованіе себя въ Нѣмецкомъ и Латинскомъ языкахъ, прежде нежели они были приняты въ число Университетскихъ Студентовъ. Въ томъ и другомъ языкѣ они упражнялись подъ руководствомъ Ректора Надровскаго. По прошествіи года, послѣ предварительнаго испытанія въ означенныхъ языкахъ Деканомъ Философскаго Ф. Теске, Афонинъ и его товарищи были приняты въ Университетъ. Тутъ прежде всего они начали слушать лекціи Философіи и Математики, читавшіяся въ то время Докторомъ Юриспруденціи и Философіи Профессоромъ Іоанномъ Букомъ (Buck.) Подъ его руководствомъ, въ теченіе года и 4 мѣсяцевъ они кончили курсъ Математики, Логику, Опытную или Экспериментальную Физику, и части Метафизики: Онтологію, Космологію и Психологію. Объ успѣхахъ въ этихъ наукахъ и поведеніи Афонина и его товарищей нѣсколько разъ было доносимо Куратору Шувалову чрезъ Клингштедта, которому они были особенно поручены. Послѣ того курса, о которомъ мы говорили, нашимъ Кёнигсбергскимъ студентамъ слѣдовало перейти къ послѣдней части Метафизики, именно къ Натуральной Теологіи, но, по распоряженію Шувалова, двое изъ нихъ, Афонинъ и Александръ Карамышевъ, были назначены въ Швецію, въ Упсальскій, въ то время знаменитый, Университетъ, для изученія Земледѣлія и Горныхъ наукъ (Scientiae monticolares).

Въ томъ же году, Іюля 16-го, Афонинъ и Карамышевъ оставили Кёнигсбергъ, и, по прибытіи въ Стокгольмъ, явились къ Гр. Остерману, нашему Чрезвычайному Посланнику. Графъ, отсылая ихъ въ Упсальскій Университетъ, снабдилъ рекомендательнымъ письмомъ къ Профессору Древностей Іоанну Ире (Ihre), въ домѣ котораго они и жили во все время пребыванія своего въ Швеціи. Въ самомъ Университетѣ Афонинъ и Карамышевъ преимущественное вниманіе обратили на изученіе Естественной Исторіи, какъ такой науки, которая составляетъ основаніе для Земледѣлія, Химіи и Металлургіи. Естественную Исторію, именно Зоологію и Ботанику, они слушали у знаменитаго Линнея, а Минералогію у Адъюнкта Химіи Андрея Тидстрёма (Tidström), читавшаго имъ этотъ предметъ по особому руководству, которое было написано на Шведскомъ языкѣ, и послѣ переведено на Нѣмецкій, подъ названіемъ Mineralreich. Химію и Металлургію они изучали подъ руководствомъ столь же извѣстнаго въ свое время Профессора, какъ и Линней, Іоанна Готшалка Валлерія. Въ тоже время, согласно съ желаніемъ Куратора, старались изучить Шведскій языкъ. Что же касается до Земледѣлія и Луговодства (praticultura), то Афонинъ не имѣлъ для себя особаго руководителя, а самъ старался пріобрѣсти свѣдѣнія въ этихъ наукахъ чтеніемъ различныхъ сочиненій, практически изслѣдовалъ почвы, ихъ свойства, способъ обработки и удобренія. Нѣкоторымъ пособіемъ служило ему сочиненіе Валлерія о земледѣліи. Луговодство изучалъ тѣмъ же способомъ, какъ и земледѣліе; относительно же самыхъ растеній, способа ихъ разведенія и т. д. главнѣйшимъ пособіемъ служили ботаническія свѣдѣнія. Доказательствомъ того, что Афонинъ въ этихъ наукахъ пріобрѣлъ весьма хорошія свѣдѣнія, служитъ написанная имъ диссертація: *De usu Historiae Naturalis in vita communi*, anno 1766, cum fig. 4., и собственноручныя свидѣтельства Линнея, Валлерія, Ире и Экмана.* Диссертація Афонина, посвященная его благодѣтелямъ, Шувалову и Ададурову, перепечатана Линнеемъ въ *Amoenitates Academicae*. Erlang. 1789. vol. VII. Въ этой диссертаціи все обра-

---

* При семъ прилагаемъ свидѣтельства Линнея и Валерія въ спискахъ, литографированныхъ съ подлинниковъ, хранящихся при актахъ Университетской Конференціи 1767 года.

Studiosum Nobilem D^m Matth. Aphonin,
Ruthenum, Dissertationem de Usu historiæ
naturalis in vita communi, meo sub mode
ramine, die XVII Maji præsentis Anni,
in Academia Upsaliensi ad Auditorum o=
mnium vota et plausum strenue defendisse
et vindicasse testor, utq laborum durissimorum
justa reportet præmia ipsi animitus exopto.
dab. Upsaliæ 1766
d. 10 junii

Car. von Linné Eques
Archiat & Profess. Reg Ups.
Acad. Imp. Petrop. memb.

Къ 44^й^ стран. Біогр. Слов. Проф. и Препод. И. М. У.

Nobilissimos, egregiæ spei Studiosos juvenes, D
Mathæum Aphonin et Alexandrum
Karamyschew, Russos, mea privata
usos fuisse opera, in Docimasticis, Metal
lurgicis atque Chemicis, plurimumque ex
de utilitatis, in Vita communi, eisdem cum
tempore præstare posse, Scio, atque hisce
in eorum Laudem, testari volui et debu
d. d. ex villa Rurali Hagelstena. 18. Julii
Anni 1766.

Johan. Gottsch. Wallerius

Къ 44ᵚ стран. Біогр. Слов. Проф. и Препод. И. М. У.

[illegible] egregio Spei Medicos Juvenes, [illegible]
[illegible] Aphonin et Alexandrum
Karamyschew, Russos, [illegible]
[illegible] opera, in [illegible], Metal-
lurgiae atque Chemiae, [illegible]
[illegible] utilitate, in Vita communi, [illegible]
tempore praestare posse, [illegible]
in eorum Laudem, [illegible]
D. ex villa Rurali [illegible] [illegible] Jul.
Anni 1766.

Johan. Gottsch. Wallerius

Къ 44й стран. Біогр. Слов. Проф. и Препод. И. М. У.

щено на практическое приложеніе только растеній и животныхъ въ домашнемъ быту, и, большею частію, основано на наблюденіяхъ и воззрѣніи Линнея. Но есть попытка и собственнаго приложенія. Такъ напр. онъ осуждаетъ обычай Русскаго народа и другихъ въ извѣстные праздничные дни украшать срубленными молодыми деревьями свои жилища и улицы, какъ обычай, совершенно противорѣчащій Государственной Экономіи.* Въ то же время, указывая на недостатокъ лѣсовъ, весьма уже чувствительный во многихъ странахъ Европы, настаиваетъ на необходимости искусственнаго ихъ разведенія и правильной рубки.** Говоря также о наблюденіяхъ Линнея относительно *Cultura Alpium*, изложенныхъ въ Актахъ Стокгольмской Академіи, Афонинъ восклицаетъ: *о если бы нѣкогда и мое любезное отечество могло воспользоваться ими* (utinam etiam ad suos usus mea patria carissima eadem vertere olim posset!).*** Замѣчательно еще одно мѣсто въ диссертаціи Афонина, гдѣ онъ доказываетъ, что *познаніе природы ведетъ человѣка къ познанію самого себя.*****

---

* «Displicet valde plebeiorum hominum mos, non modo in carissima mea patria, sed et in hac regione, quum aestivo tempore domunculas sibi conficiunt ex vivis abscissisque aut ramis frondosis, aut integris arbusculis, in unius diei gaudium, aut etiam ante portas, diebus festivis, collocant detruncatas betulas, aut abietes, quae brevi marcescunt; sed si intelligerent, aut quispiam eos instrueret, quaenam arbores possent in locis ruderatis vigere, facillime ejusmodi domos aestivas et arbores perennes obtinerent absque ullo silvarum detrimento, et id quidem, leviori opere topiario.»

** «Silvarum cultura magni momenti res est, postquam silvae in plurimis regionibus per Europam excisae sunt; ast inepti deprehenduntur rustici ad harum plantationes ignarique rei herbariae (l. c. стр. 16).»

*** L. c. стр. 17.

**** «Ast demus tantisper, curiositatis esse, naturam attentius contemplari, erit profecto haec curiositas homini longe convenientissima et sanctiora inter officia locum habitura. Nam, qui oculos tantummodo aperire voluerint, et in sanctiora Naturae introspicere, illos in maximam sapientiae et providentiae Divinae raptam iri admirationem, habemus persuasissimum. Si enim perpendamus rite hominis conditionem aliarumque rerum, constabit, hominem in alium non cre-

Не смотря на всѣ доказательства знанія своего дѣла, не смотря на одобрительные и лестные отзывы Шведскихъ Профессоровъ, Афонинъ, по возвращеніи въ Москву, былъ подвергнутъ строгому экзамену. Профессоры Зыбелинъ, Веніаминовъ и Керштенсъ испытывали его въ Натуральной Исторіи и Земледѣліи, а Ростъ въ Экспериментальной Физикѣ. Онъ былъ испытываемъ также въ Свободныхъ наукахъ, именно во Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ. Сверхъ того, Афонинъ объявилъ, что ему знакомы еще языки Шведскій и Датскій. Весь экзаменъ происходилъ на Латинскомъ языкѣ, и въ заключеніе экзаменующійся долженъ былъ написать на томъ же языкѣ весь ходъ своихъ заграничныхъ занятій или *curriculum vitae*.*

Въ слѣдствіе означеннаго экзамена, Конференція представила Афонина къ занятію каѳедры *Зоологіи* и *Ботаники*, такихъ пред-

atum esse finem, quam, ut eorum, quae simul cum ipso existunt, catenam percurrat, Divinaeque potentiae pariter atque bonitatis vestigia utique manifestet, testis atque indagator diligentissimus, notet, contempletur, admiretur; alias quem in finem hominem, prae ceteris animantibus tot tantisque, Summum Numen exornasset, egregiis perfectionibus, quarum evanescit excellentia, sui si nescius, aut negligens vivat Conditoris? Quocirca nemini non placiturum, arbitror, characterem quem N. D. Praeses in systemate suo naturae, homini imposuit *nosce te ipsum*. Namque noscere se, id est summam suam felicitatem, cujus caussa in hoc theatrum introductus est, non prius quispiam potest, quam cum rebus, quae extra se positae sunt, ipsum se suamque conditionem contulerit. Unumquemque id circo, qui primis tantummodo labiis hanc scientiam gustavit, iis obviam ire posse, existimo, qui ad atheismum eandem ducere temere admodum criminantur. Nimirum ex naturae historia demonstrabit optime, ab Opifice Sapientissimo omnia, quae sub adspectum veniunt, pulcherrime et maxime concinne esse disposita, conservari ac dirigi. Sed haec jam missa facimus, gratias Deo agentes, quod nostro hoc aevo utilissima haec scientia, ad Ipsius cognitionem manu quasi ducens, inclarescere coeperit, et simul ad hominum promovenda commoda, si non dum fructus veros, tamen grossos protulerit, qui demum maturescent et fructus dabunt uberrimos. (L. c. стр. 7 и 8).»

* Эта записка хранится при дѣлахъ Конференціи, и служила намъ источникомъ для тѣхъ подробностей, которыя изложены выше.

метовъ, которыми онъ исключительно занимался, и которые въ это время не были преподаваемы въ Университетѣ. Но какъ по утвержденному проекту Университета, обучающій Натуральной Исторіи имѣлъ степень Профессора, то Конференція ходатайствовала о производствѣ Афонина на первый случай въ *Экстраординарные Профессоры*, съ жалованьемъ по 400 руб. въ годъ, какое онъ получалъ за границею и по возвращеніи въ Россію. Высшее Начальство утвердило представленіе Конференціи. «Но дабы онъ (Афонинъ) вящшее о его знаніи въ вышеупомянутыхъ наукахъ удостовѣреніе показать могъ, то за потребно разсуждаю (пишетъ Попечитель Ададуровъ къ Хераскову, Директору Университета), чтобы онъ изъ Исторіи Натуральной сочинилъ приличную при полученіи академическаго градуса диспутацію на Латинскомъ языкѣ, которую и перевести ему самому и на Русскій языкъ; но прежде нежели оная въ печать отдана и публичною учинена будетъ, извольте Ваше Высокоблагородіе поручить Господамъ Профессорамъ разсмотрѣть въ Конференціи, не будетъ ли чего къ отмѣнѣ изъ оной или къ поправленію принадлежащаго, что, если найдется, и выключить, дабы какимъ нечаяннымъ образомъ не могло произойти какой неожидаемой государственнымъ узаконеніямъ, или благонравію и закону противности, и потомъ напечатавъ оной диспутаціи нѣсколько экземпляровъ на казенный счетъ, раздать любителямъ наукъ и прислать нѣсколько ко мнѣ». С.-Петерб. Дек. 3-го дня 1769 г.

Лекціи свои изъ *Зоологіи* и *Ботаники* Афонинъ началъ съ 1-го Января 1770 года. Въ томъ же году, по случаю увольненія изъ Университета Профессора Керштенса, читавшаго *Минералогію*, поручено ему преподаваніе и этого предмета. Такимъ образомъ произошла особая каѳедра *Естественной Исторіи*, прежде несуществовавшая въ Московскомъ Университетѣ, и первымъ Профессоромъ по этой каѳедрѣ былъ Афонинъ. На него же возложено было преподаваніе *Земледѣлія*, предмета также совершенно новаго. Естественную Исторію Афонинъ читалъ на Латинскомъ языкѣ, слѣдуя Линнею и Валлерію, а Земледѣліе на Русскомъ, также большею частію по наблюденіямъ Шведскихъ ученыхъ (Валлерія, Барона Браунера, Боіе, Олава Бромелія, Страдеберга). О воззрѣніи его на этотъ послѣдній предметъ отчасти можно судить по той рѣчи, которую говорилъ онъ въ торжественномъ со-

бранія Университета: *О пользѣ, знаніи, собираніи и расположеніи чернозему, особливо въ хлѣбопашествѣ* (Апр. 22 дня 1771 г.).

Въ этой рѣчи, изложивъ главныя дѣянія Великой Екатерины, Афонинъ говоритъ, что онъ заблагоразсудилъ избрать для разсужденія тему о *черноземѣ* или *плодоносной землѣ* потому преимущественно, что въ благословенное Царствованіе Великой Екатерины, сверхъ учрежденія Вольнаго Экономическаго Общества, сверхъ другихъ благодѣтельныхъ преобразованій въ области Сельскаго Хозяйства, не меньше того прилагается всяческое стараніе о приведеніи болотистыхъ и неудобныхъ мѣстъ въ удобныя лугамъ и хлѣбопашеству.

Описавъ главнѣйшія физическія свойства чернозема, сколько позволяли научныя понятія того времени, Афонинъ различаетъ, хотя очень сбивчиво, нѣсколько родовъ чернозема, распространяется о способахъ его обработыванія, часто принимая торфяную почву за черноземную, говоритъ объ употребленіи жженаго и нежженаго болотнаго торфа для удобренія пашни, и въ заключеніе предлагаетъ: «собирать не только черноземы, но и другія земли, и располагать ихъ на свои роды и виды и хранить оныя не только съ запискою ихъ свойствъ, названія и того уѣзду и деревни, но и самаго поля, съ котораго такая земля будетъ взята, и какимъ образомъ или способомъ къ пашнѣ оная употребляется. А сему слѣдуя порядку не только бы каждому частному владѣтелю слѣдовала отъ такого обстоятельнаго знанія великая польза, но и не меньше того, въ разсужденіи такъ пространныхъ и отдаленныхъ любезнаго нашего Отечества провинцій, всему обществу.» — Изъ этихъ немногихъ словъ можно уже заключить о практическомъ направленіи покойнаго Профессора.

По распредѣленію лекцій Естественной Исторіи, которому слѣдовалъ Афонинъ, и которое показано въ Библіотекѣ Бакмейстера за 1772—74—75—76 годы, можно догадываться, что преимущественное вниманіе Профессора было обращено на Ботанику и Зоологію, не смотря на то, что для Минералогіи Афонинъ имѣлъ подъ руками весьма богатый кабинетъ, подаренный Университету г. Демидовымъ, и принятый Афонинымъ отъ его предшественника Профессора Керштенса.*

---

* См. біографію Проф. Керштенса.

Въ 1774 году Афонинъ произведенъ въ Ординарные Профессоры, и въ томъ же году, въ публичномъ собраніи Университета, говорилъ *Похвальное слово Екатеринѣ II-й*. Спустя два года послѣ этого, въ такомъ же собраніи говорено имъ другое *Похвальное слово Екатеринѣ II-й*. — Оба означенныя сочиненія и рѣчь *о черноземѣ*, написаны довольно тяжелымъ языкомъ; но нельзя не замѣтить, что Афонинъ обладалъ большими свѣдѣніями, и былъ хорошо знакомъ со всѣмъ, что̀ происходило тогда въ области наукъ, имъ преподававшихся.

Изъ этого видно, что Афонинъ вполнѣ оправдалъ попеченія Университета объ его воспитаніи, и, по своей ревности къ наукамъ, подавалъ большія надежды въ будущемъ. Къ сожалѣнію, Университетское поприще этого достойнаго Профессора было весьма непродолжительно. Постоянное умственное напряженіе и неусыпные труды, съ какими были сопряжены занятія Афонина за границею и профессорская должность въ Университетѣ, до того истощили его здоровье, что онъ не въ состояніи былъ продолжать лекціи, и въ 1777 году съ горестію оставилъ Университетъ, къ которому всегда питалъ любовь и глубокую признательность. Онъ страдалъ слабостію груди, и потому желалъ поселиться въ тепломъ климатѣ, болѣе благопріятномъ для его здоровья. Исполненію этого желанія помогла Афонину прежняя университетская дружба его съ Потемкинымъ, въ это время стоявшимъ уже на верху своей славы. По его ходатайству, Афонинъ получилъ землю въ Крыму, только что завоеванномъ Русскими, и проводилъ тамъ остатокъ дней своихъ посреди великолѣпной южной природы, въ дружбѣ съ знаменитымъ Палласомъ, вмѣстѣ съ которымъ дѣлалъ тамъ агрономическіе опыты, о коихъ имѣются извѣстія въ Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества, котораго онъ былъ членомъ. Афонинъ умеръ въ Николаевѣ, 1810 года.

ѲЕАНАСЬЕВЪ, Пафнутій Алексѣевичъ, Магистръ Физико-математическихъ наукъ, питомецъ Московскаго Университета, въ 1814 году удостоенъ степени Магистра, а въ 1815—16 Академическомъ году преподавалъ въ Университетѣ Алгебру, Геометрію и Тригонометрію по руководству Лакруа и Франкера. Имя сего послѣдняго замѣчательнымъ образомъ встрѣчается въ первый разъ въ преподаваніи Ѳеанасьева. Ѳеанасьевъ

умеръ въ молодыхъ лѣтахъ. Изданія его: 1) *Ариѳметика, или начальныя основанія науки исчисленія, для начинающихъ.* Москва. 1814 въ 8. 2) *Алгебра, по руководству Франкера, Лакруа и другихъ новѣйшихъ Математиковъ.* Москва. 2 ч. 1816 г. въ 8. 3) *Таблицы Логариѳмовъ простыхъ чиселъ и тригонометрическихъ линей.* С.-Петербургъ. 1818 въ 8. 4) *Хронологическое обозрѣніе Россійской Исторіи.* Москва. 1821. въ 18.

Б.

БАРСОВЪ, Антонъ Алексѣевичь, Краснорѣчія Публичный и Ординарный Профессоръ, Деканъ Факультета, Коллежскій Совѣтникъ и Св. Владиміра 4-й степени Кавалеръ.

Отецъ Антона Алексѣевича, Алексѣй Кириловичь, родомъ изъ Ярославля, учился въ Московскихъ Греческихъ школахъ у славнаго Грека Софронія Лихуда, и потомъ въ Московской Академіи. По окончаніи ученія, онъ былъ справщикомъ при Типографіи, потомъ переводчикомъ,—далѣе, когда соединились Греческія школы подъ одно вѣдомство съ Академіей, учителемъ Греческаго языка, на мѣсто Грека Аѳанасія Скіады, и наконецъ Директоромъ Духовной Типографіи. Въ литературѣ нашей онъ извѣстенъ переводомъ съ Греческаго языка на Русскій Аполлодоровой Библіотеки о языческихъ богахъ. Онъ участвовалъ въ исправленіи Славянской Библіи вмѣстѣ съ Архимандритомъ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ и Іеромонахомъ Софроніемъ Лихудомъ, съ 1712 по 1721 годъ. Онъ же перевелъ Божественную Литургію Св. Іакова Апостола, которая осталась въ рукописи.

Сынъ Алексѣя Кириловича, Антонъ Алексѣевичь, бывшій сначала Преподавателемъ и вскорѣ Профессоромъ Московскаго Университета при самомъ его учрежденіи, родился въ Москвѣ, въ 1730 году.

Конечно, познанія отца дали возможность сыну пріобрѣсти основательное классическое образованіе, открывшее ему дорогу къ каѳедрѣ классической Словесности въ Университетѣ. Вмѣстѣ съ Поповскимъ и Иваномъ Фрязинымъ Барсовъ учился сначала въ Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи,

а потомъ въ 1748 году вмѣстѣ съ ними же и третьимъ товарищемъ, Филиппомъ Яремскимъ изъ Новгородской Семинаріи, поступилъ въ С.-Петербургскую Академію наукъ, гдѣ слушалъ лекціи Математики у Профессора Рихмана, Элоквенціи у Тредьяковскаго, Римской Словесности у Крузіаса, Новой Исторіи у Штрубе, Исторіи Новаго Завѣта у Фишера, Логики и Метафизики у Брауна. По свидѣтельствамъ Профессоровъ, въ томъ же году Барсовъ заслужилъ всеобщую похвалу не только въ Латинскомъ слогѣ и Элоквенціи, но и въ Математикѣ, и получилъ въ награду математическій инструментъ и книги. Въ 1750 году Барсовъ заслужилъ такое одобреніе отъ Конференціи Университета при Академіи: A. Barsow omnes lectiones frequentavit, mathematicis philosophicis atque humanioribus studiis aequaliter incubuit. Ad plerasque quaestiones sufficienter respondit. Ingenium praestantissimum. Diligentia nulli cedens. Magis se studiis operaturum dicit, si ab informatione puerorum gymnasia liberaretur.* — Въ томъ же году, когда Студентамъ предложено было избрать науки по склонности ихъ, Барсовъ избралъ Философію и Астрономію. Профессоръ Рихманъ, другъ Ломоносова, славный своею смертію, которая была жертвою наукамъ, сдѣлалъ объ немъ слѣдующій отзывъ: inter studiosos Barsow maxime profecit et rarum exemplum ingenii Mathematici et diligentiae exhibuit**.

Получивъ степень Магистра Философіи и свободныхъ наукъ, Барсовъ нѣсколько времени преподавалъ Математику въ Академической Гимназіи; былъ корректоромъ Вѣдомостей, которыя издавались отъ Академіи. Таубертъ, по свидѣтельству Ломоносова, арестовалъ его за опечатку въ титулѣ нѣкотораго знатнаго господина.

---

* А. Барсовъ посѣщалъ всѣ лекціи, съ равнымъ прилежаніемъ занимался науками математическими, философскими и словесными. На многіе вопросы удовлетворительно отвѣчалъ. Дарованіе превосходное. Въ прилежаніи никому не уступаетъ. Говоритъ, что еще болѣе предался бы наукамъ, если бы его освободили отъ уроковъ ученикамъ Гимназіи.

** Между Студентами Барсовъ особенно успѣлъ и представилъ рѣдкій примѣръ дарованія и прилежности къ Математикѣ.

Въ 1755 году, при основаніи Московскаго Университета, Кураторъ его, Иванъ Ивановичь Шуваловъ, пригласилъ Барсова къ занятію каѳедры Математики. Этотъ вызовъ Шувалова Барсову засвидѣтельствованъ его же словами въ посвященіи Шувалову Рѣчей, говоренныхъ Профессоромъ въ Университетѣ: «Собраніе Рѣчей моихъ пріемлю смѣлость посвятить симъ имени Вашему, какъ плодъ отъ особеннаго ко мнѣ Вашего покровительства произрастшій; который и приношу Вашему Высокопревосходительству не столько послѣдуя общему обыкновенію, сколько чувствованіемъ личнаго долга своего къ тому побуждаемъ будучи: поелику при началѣ врученнаго Вашему попечительству Императорскаго Московскаго Университета, въ которомъ сіи рѣчи для разныхъ торжественныхъ случаевъ держаны были, призванъ я въ оный былъ на имя, по собственному Вашему избранію; гдѣ и первый получилъ случай къ упражненію въ семъ родѣ, перваго удостоенъ будучи мѣста при открытіи онаго Университета между бывшими тогда провозвѣстниками новаго сего благодѣянія Монаршаго.»

Въ 1755 году Апрѣля 26-го, Барсовъ, первый, говорилъ *Рѣчь о пользѣ учрежденія Императорскаго Московскаго Университета*, при самомъ открытіи онаго. Ораторъ такъ дорожилъ этою высокою честію, что, перепечатывая эту рѣчь въ полномъ собраніи рѣчей своихъ, онъ прибавилъ, что она говорена была «прежде всѣхъ тогда жъ говоренныхъ другими Латинскихъ, Нѣмецкихъ и Французскихъ рѣчей.» Въ этой рѣчи такъ объяснилъ онъ слушателямъ благодѣяніе, оказанное Императрицею Елисаветою учрежденіемъ Московскаго Университета: «народу, имѣющему симъ учрежденіемъ пользоваться, *самое ученіе все даровано*:» ибо, «назвавши Университетъ его именемъ, въ мысли и понятіи представлять должно все собраніе потребныхъ въ жизни человѣческой наукъ, весь кругъ просвѣщающаго разумъ ученія». Здѣсь же Русскій ученый, озаренный свѣтомъ истиннаго Вѣроученія, по примѣру наставника своего, Ломоносова, указалъ на связь между Вѣрою и науками. Признавая первоначальное грѣхопаденіе человѣка за непреложную истину, онъ призываетъ науки «хотя отчасти наградить уронъ, причиненный громкимъ паденіемъ высоты естества нашего, и возвратить намъ естество наше, возвратить насъ естеству нашему», и тѣмъ содѣйствовать къ совер-

шенствованію человѣка и къ устроенію возможнаго намъ здѣсь благополучія. Эта рѣчь проникнута глубокимъ чувствомъ благодарности къ Основательницѣ Университета, «которая, какъ говоритъ Ораторъ, по безпримѣрной къ вѣрнымъ Своимъ подданнымъ любви, въ попеченіи родительскомъ о честномъ воспитаніи и полезномъ обученіи дѣтей, равное съ самими родителями участіе принять, и учрежденіемъ сего Университета и Гимназій большую часть потребнаго къ тому иждивенія съ родителей сложить, и оною себя обременить всемилостивѣйше соизволила.»

Отъ 1755 года до 1791-го, т. е. до года своей кончины, Барсовъ, въ теченіи тридцати пяти лѣтъ своего служенія при Университетѣ, представляетъ образцовый примѣръ исполненія своего долга: тѣмъ обязанъ онъ былъ своимъ твердымъ нравственнымъ правиламъ, и тому, что нравы его, по свидѣтельству его питомцевъ и младшихъ современниковъ, были непорицательной честности.

Съ самаго начала Барсовъ, въ званіи Магистра, преподавалъ въ Университетѣ Математику до 1761 года; въ этомъ же году, по смерти Поповскаго, при Кураторѣ Веселовскомъ, опредѣленъ былъ 21-го Января на его мѣсто Профессоромъ Краснорѣчія, «за ревность къ публичной съ начала Университета службѣ, и познаніе наукъ, и по другимъ добрымъ качествамъ.» По сему случаю говорилъ онъ рѣчь: *«О пользѣ Краснорѣчія въ Россійской Имперіи.»* Должно замѣтить, что еще при жизни Поповскаго онъ весьма часто исправлялъ его должность.

Въ преподаваніи Элоквенціи Барсовъ постоянно излагалъ основанія Риторики по Эрнестію, также и по Бургію (Elementa oratoria); объяснялъ нѣкоторыя рѣчи Цицерона, пѣсни изъ Энеиды, комедіи Плавта и Теренція, оды и посланія Горація, отрывки изъ первой книги Ксенофонтовыхъ Воспоминаній о Сократѣ, оды, похвальныя слова и героическую поэму Ломоносова; показывалъ употребительнѣйшіе размѣры въ Русскомъ и Латинскомъ языкахъ; упражнялъ слушателей въ переводахъ съ древнихъ языковъ на Русскій языкъ и съ Русскаго на Латинскій, равно и въ сочиненіяхъ, стихами и прозою, на Русскомъ и Латинскомъ языкахъ. Обыкновенно читалъ онъ по 8-ми часовъ въ недѣлю.

Весьма часто Барсовъ говорилъ рѣчи въ Университетѣ при та-

кихъ случаяхъ, которые требовали особливой торжественности. Въ 1762 году Октября 3-го дня, произнесъ онъ Слово по совершеніи въ Москвѣ коронованія Императрицы Екатерины и въ немъ изобразилъ тѣ благодѣянія, которыя успѣла оказать народу Государыня въ немногіе мѣсяцы своего царствованія. Прививаніе оспы, предпріятое Императрицею съ благополучнымъ успѣхомъ, послужило темою для другаго Слова, которое Профессоръ говорилъ Ноября 10-го, 1768 года. Слово, сказанное Іюля 2-го 1771 года, на день восшествія на престолъ Императрицы Екатерины, было началомъ тѣхъ многихъ похвальныхъ словъ въ ея славу, которыя вызвали наконецъ образцовое Слово Карамзина. Заключенный съ Турціею миръ въ 1775 году, въ Кучукъ-Кайнарджи, предложилъ политическую тему для Слова, сказаннаго Іюля 25-го. Весьма замѣчательны Слова на бракосочетаніе Государя Павла Петровича съ Государынею Маріею Θеодоровною (Октября 15-го 1776 года) и на рожденіе Государя Александра Павловича (Января 23-го 1778 года). Въ нихъ выражается радость Русскаго о томъ, что утверждены были надежды всей Россіи на наслѣдованіе престола Имперіи. Въ послѣднихъ двухъ Словахъ на «первое седмилѣтіе счастливо нынѣ продолжающагося и вѣчно желаемаго мира въ Россіи» (Сентября 23-го 1781 г.) и на пятилѣтіе за нимъ послѣдовавшее (Іюня 30-го дня 1786 г.) Ораторъ славилъ щедроты Императрицы на пользу просвѣщенія и въ особенности дарованныя Московскому Университету, «во «первыхъ прибавленіемъ годовой его суммы, съ отмѣнно мило«стивымъ и для сего высокаго училища незабвеннымъ отзывомъ, «о заимствуемой государственными мѣстами пользѣ, отъ умноже«нія въ немъ наукъ и учащихся, и дальнѣйшемъ онаго распро«страненіи; усугубленными повелѣніями о сочиненіи и разсмо«трѣніи новаго Университетскаго штата; двоекратною выдачею «знатныхъ суммъ на построеніе сихъ двухъ боковыхъ частей «здѣшняго дому, нами занимаемыхъ, распространеніемъ мѣста «сего, прикупленнымъ сосѣднимъ пространнымъ домомъ; и на«послѣдокъ всемилостивѣйшимъ пожалованіемъ знатнѣйшей и «весьма многочисленной суммы денежной и подмоги матеріаль«ной, къ сооруженію главнаго въ семъ домѣ огромнаго и велико«лѣпнаго зданія.»

Всѣ эти торжественныя слова Барсовъ говорилъ въ исполненіе той обязанности, которая, какъ онъ самъ выражается, была наложена на Профессоровъ первоначальнымъ Университетскимъ узаконеніемъ, «при раздаваніи учащимся награжденій, вмѣсто вступленія *представлять съ достойными похвалами Высокоматернее попеченіе Ея Императорскаго Величества о благополучіи Ея подданныхъ вообще, и особливо неизреченныя щедроты къ сему Университету и учащемуся въ немъ Россійскому юношеству.»* Слова, напечатанныя курсивомъ, взяты изъ 18 § Высочайше утвержденнаго въ 12 день Января проэкта объ учрежденіи Московскаго Университета. Въ сочиненіи рѣчей, въ слогѣ, въ построеніи періода, Профессоръ явно обнаруживаетъ вліяніе Латинскаго Синтаксиса. Въ 1788 году Барсовъ издалъ собраніе торжественныхъ Рѣчей своихъ и посвятилъ ихъ Ивану Ивановичу Шувалову въ благодарность за то, что онъ призвалъ его на Университетское поприще.

Кромѣ должности Профессора и Оратора въ торжественныхъ случаяхъ, Барсовъ довольно долго правилъ должность Инспектора обѣихъ Гимназій при Университетѣ. Онъ былъ также первымъ Редакторомъ Московскихъ Вѣдомостей отъ самаго начала ихъ изданія. Всѣ иностранныя газеты и замѣчательныя статьи, какія присылалъ И. И. Шуваловъ въ Университетъ, поступали прямо къ нему и подъ его надзоромъ были переводимы и печатаемы въ Вѣдомостяхъ.

Когда Кураторъ Университета, И. И. Мелиссино, въ 1771 г. учредилъ при Университетѣ Вольное Россійское собраніе, открытое Августа 2-го дня его рѣчью, — Барсовъ избранъ былъ безсмѣннымъ Секретаремъ; Чеботаревъ и Сырейщиковъ годовыми Секретарями. Подъ редакціею Барсова и его смѣнявшихся помощниковъ изданъ былъ въ шести частяхъ Опытъ Трудовъ вольнаго Россійскаго Собранія при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, начиная съ 1774 года по 1783. Здѣсь самъ Барсовъ напечаталъ въ первый разъ Рѣчь свою о пользѣ учрежденія Университета. Здѣсь помѣстилъ онъ три старинныхъ акта, имъ самимъ доставленныхъ Собранію, а именно: 1) Свадьба Великаго Князя Василія Ивановича всеа Русіи, 2) Отпускъ Великія Княжны Елены Ивановны, дочери Г. В. Кн. Ивана Васильевича, въ супружество за Великаго Князя Александра Литовскаго,

3) Розрядъ свадьбѣ Князя Ивана Дмитріевича Бѣльскаго. Еще замѣчательно письмо Барсова, написанное въ отвѣтъ на письмо какого-то неизвѣстнаго лица, подписавшагося Англоманомъ и доставившаго Собранію переводъ Александрійскими бѣлыми стихами славнаго Гамлетова монолога: *быть или не быть*. Переводчикъ жалуется въ письмѣ на то, что Русскіе стихотворцы слишкомъ робки и умѣренны въ употребленіи метафоръ и совѣтуетъ подражать въ этомъ Шекспиру и другимъ Англійскимъ поэтамъ. Самый переводъ монолога по времени весьма замѣчателенъ вѣрностью подлиннику и простотою. Весьма мѣткій взглядъ бросаетъ Англоманъ на Французскіе переводы, на ихъ недостаточность; высказываетъ рѣзкій и правдивый приговоръ переводу Вольтера и думаетъ, «что говорить на Французскомъ языкѣ такъ, какъ Шекспиръ говорилъ на Англійскомъ, почти невозможно, а па Русскомъ можно ему по крайней мѣрѣ подражать, и когда не силу и не красу его, то духъ его сохранить.» Барсовъ отвѣчаетъ, что древніе Риторы, Цицеронъ и Квинтиліанъ, а по ихъ примѣру и нашъ Ломоносовъ, предостерегаютъ противу *безмѣрнаго* употребленія метафоръ, болѣе затмѣвающаго, нежели возвышающаго слово; но нисколько не препятствуютъ *«благоразсудной вольности и смѣлости.»* Русскій Профессоръ, послѣдуя Ломоносову, указываетъ на источникъ гораздо болѣе изобильный въ этомъ отношеніи, на наши священныя и церковныя Славянскія книги; сухость нѣкоторыхъ нашихъ писателей и недостатокъ въ метафорахъ приписываетъ онъ тому, что они или не знаютъ этого божественнаго для насъ источника или презираютъ его, тогда какъ онъ много изобильнѣе «предъ новѣйшими, часто не весьма чистыми потоками.» Въ заключеніе ссылается онъ на разсужденіе Ломоносова: *О пользѣ чтенія Церковныхъ книгъ*, и говоритъ, что «искусство его въ Россійскомъ словѣ изъ сего наипаче излилося намъ священнаго источника.»

Барсовъ перевелъ съ Французскаго вторую часть *Политическихъ Наставленій Барона Бильфельда* и напечаталъ въ 1775 году. Первая часть этого сочиненія переведена была Княземъ Ѳедоромъ Шаховскимъ и издана отъ Университета въ 1768 году, также подъ наблюденіемъ Барсова. Эта книга переведена по Высочайшему повелѣнію Императрицы Екатерины II и посвящена Ея Августѣйшему Имени. Первая часть содержитъ наставленія

о внутреннемъ управленіи государства, вторая о государствѣ вообще и объ отношеніяхъ его къ другимъ. Кураторъ Ададуровъ въ письмахъ своихъ къ Миллеру писалъ отъ 27-го Февраля 1763 года: «Бильфельдовы Политическія Наставленія подлинно переведены и печатаются и что Ея Величество притомъ въ нѣкоторыхъ исправленіяхъ трудъ свой употребить изволила, то несумнительно, только то безъ соизволенія Ея Величества не можетъ произведено быть въ общенародное свѣдѣніе. Самое сіе исправленіе показываетъ уже нѣкоторымъ образомъ недостаточество въ искусныхъ у насъ переводчикахъ.» Въ томъ же году, Марта 13-го, Ададуровъ писалъ: «Что въ переводѣ Бильфельда много собственнаго труда Ея Величества, то правда, а съ чего вошло о томъ въ чужестранныя вѣдомости, того Ея Величество знать не изволитъ. Но такіе труды скрыты быть не могутъ.» Въ письмахъ Профессора Рейхеля къ Миллеру отъ 1763 года 4-го Февраля говорится, что Барсовъ, наблюдавшій за печатаніемъ книги, VII, VIII и IX главы перваго тома показывалъ Генералъ-Полиціймейстеру Москвы, Юшкову. Сличая оригиналъ Французскій съ Русскимъ переводомъ, можно видѣть, что всѣ эти главы, касающіяся Полиціи городской и сельской, переданы совершенно вѣрно. Слогъ перевода отличается вообще необыкновенною точностью и опредѣленностью выраженія, не смотря на то что обороты и конструкція словосочиненія устарѣли для нашего времени.

Барсовъ имѣлъ еще иныя важныя государственныя порученія. По мысли И. И. Бецкаго, сочинилъ онъ *Генеральный планъ*, или *Уставъ Московскаго Воспитательнаго дома,* утвержденный и напечатанный въ 1763 году; по порученію Коммиссіи, собранной въ 1767 году для сочиненія Новаго Уложенія, писалъ многія предначертанія по статьѣ о Дворянствѣ. Когда въ 1783 году Декабря 4-го дня Императрица Екатерина «Высочайше указать соизволила: подъ начальствомъ и наблюденіемъ Графа Андрея Петровича Шувалова назначить нѣсколько человѣкъ, коихъ совокупные труды составили бы полезныя записки о древней Исторіи, наипачеже касающейся до Россіи,» — въ числѣ десяти Членовъ этого собранія былъ назначенъ и Профессоръ Барсовъ, который вмѣстѣ съ Профессоромъ Чеботаревымъ доставилъ нѣсколько тетрадей своихъ выписокъ.

Изъ учебныхъ книгъ онъ перевелъ *Геснерову Латинскую Грамматику* и напечаталъ ее въ первый разъ въ 1762 году: съ тѣхъ поръ она служила учебнымъ руководствомъ для Гимназій до изданія Шеллеровой Грамматики въ 1787 году. *Краткія правила Россійской Грамматики*, изданныя Барсовымъ для Гимназій, съ 1771 года имѣли десять изданій. Но главный учебный трудъ его есть *Обстоятельная Россійская Грамматика* въ 4-хъ частяхъ, сочиненная имъ для народныхъ Училищъ. Авторъ представилъ ее 1785 года Маія 1-го черезъ П. В. Завадовскаго на разсмотрѣніе Училищной Коммиссіи; но за нѣкоторыя новизны въ правилахъ она не была принята и до сихъ поръ остается неизданною. Рукопись Грамматики хранится въ Библіотекѣ Московскаго Университета. Она была подарена ему Профессоромъ Чеботаревымъ и состоитъ изъ двухъ экземпляровъ. Одинъ изъ нихъ, черневой, писанъ самимъ авторомъ съ помарками, дополненіями и поправками; но, къ сожалѣнію, въ немъ перебиты нѣкоторые листы и цѣлыя тетради. Другой экземпляръ переписанъ и кое-гдѣ сокращенъ; впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дополняетъ первую рукопись цѣлыми главами. Въ своей Грамматикѣ Барсовъ оказывается достойнымъ послѣдователемъ и продолжателемъ Ломоносова. Сравненіе этой Грамматики съ руководствами Греча и Востокова убѣдитъ всякаго, что предки наши во многомъ глубже насъ понимали родной языкъ. Первыя четыре части Грамматики, названныя у Барсова: Правоизглашеніе, Словоудареніе, Правописаніе и Словопроизвожденіе, содержатъ въ себѣ много замѣчаній, обнаруживающихъ въ авторѣ глубокій Русской смыслъ въ разумѣніи особенностей отечественнаго слова. Что касается до пятой части Грамматики, Словосочиненія, то общія логическія начала Синтаксиса, авторъ, по его собственному свидѣтельству, изложилъ, слѣдуя «примѣру Курта де Жебелена и Аделунга, а также и Ломоносова.» Изъ общихъ началъ, предпосланныхъ подробному синтаксическому ученію, явствуетъ, что авторъ имѣлъ довольно полное понятіе о составѣ предложеній какъ простыхъ, такъ и сложныхъ, о частяхъ предложенія простыхъ или *описанныхъ*, какъ онъ называетъ ихъ, о согласованіи, управленіи, объ отношеніи словъ опредѣлительныхъ и дополнительныхъ къ опредѣляемымъ и дополняемымъ. Подробно-

сти же въ изложеніи Русскаго Синтаксиса не только отличаются вѣрностію взгляда и полнотою, но и предлагають много занимательныхъ фактовъ для исторіи языка.

Карамзинъ, по смерти Барсова, напечаталъ въ Московскомъ Журналѣ 1792 года (Часть VII, стран. 344) выписку, сдѣланную изъ рукописей покойнаго Профессора съ точнымъ наблюденіемъ его орѳографіи, подъ заглавіемъ: *Сводъ бытій Россійскихъ*. Изъ этой выписки видно, что Барсовъ трудился надъ составленіемъ хронологическаго указателя событій Русской Исторіи, по лѣтописцамъ, какіе при немъ были изданы и по извѣстной Исторіи Татищева. Выписка эта отличается особенностями Русскаго правописанія, которое Барсовъ предлагалъ всему ученому сословію. Буква *и* вездѣ замѣнена буквою *i* — и принятъ для сей послѣдней знакъ съ краткимъ. Буква *ъ* на концѣ словъ уничтожена, а въ срединѣ ихъ замѣнена апострофомъ. Въ 1768 году, Февраля 20-го, по случаю порученнаго Барсову производства Баккалавра Якова Рубана въ Магистры Философіи и Свободныхъ наукъ, Барсовъ предложилъ новый болѣе сокращенный способъ Русскаго правописанія въ Университетскомъ публичномъ собраніи диссертаціею на Латинскомъ языкѣ, подъ названіемъ: De Brachygraphia. — Но мнѣніе и привычка публики остались непреодолимы. Самъ Барсовъ, кажется, въ Грамматикѣ отказался отъ крайностей своего мнѣнія.

Въ числѣ должностей, которыя Профессоръ исправлялъ до конца своей жизни, была должность Цензора печатаемыхъ при Университетской Типографіи книгъ. Онъ дослужился до чина Коллежскаго Совѣтника и былъ кавалеромъ Св. Владиміра 4-й степ. Когда въ 1783 году 21-го Октября открыта была Императорская Россійская Академія съ тою же самою цѣлью учрежденная, какъ въ 1771 году было учреждено Вольное Россійское Собраніе при Московскомъ Университетѣ, Барсовъ былъ наименованъ 20-мъ Дѣйствительнымъ Членомъ, послѣ 19-го Державина. Іенское Латинское Общество поднесло ему дипломъ на званіе своего Почетнаго Члена.

Такъ описываетъ наружность, характеръ и обычаи Профессора, одинъ изъ достойныхъ учениковъ его, Илья Ѳед. Тимковскій, въ своихъ Воспоминаніяхъ объ Университетѣ: «Старикъ былъ немного низкаго росту, кубической толщины, имѣлъ огром-

ное лицо и парикъ, профиль овальный, большой носъ, отъ полнаго лица обвислыя щеки, толстые выпуклые глаза, языкъ съ присыкомъ, говорилъ красно, писалъ сухо. Съ природною ему важностію соединялъ шутки и насмѣшку; богатый имѣлъ запасъ пословицъ; бывалъ попеременно угрюмъ и веселъ; двойнымъ оружіемъ грозенъ былъ для всѣхъ; говоря шутку, почти всякой разъ опускалъ лицо, заслонялъ брови рукою и глядѣлъ исподлобья. Онъ давалъ четыре лекціи въ недѣлю, пробѣгалъ Эрнестіеву Риторику съ приложеніями, разбиралъ помѣсячныя латинскія сочиненія на данныя темы; но, собственно знакомя съ авторами въ прозѣ и поэзіи, проходилъ ихъ мѣстами и всегда обложенъ былъ разными ихъ изданіями, для критики и варіантовъ. Страшна была полная книгъ красная сафьянная киса его, которую, вынувъ изъ кареты, пока самъ онъ всходилъ опираясь на высокую трость съ золотою головкою, вносилъ передъ нимъ на плечахъ Ксенофонтъ и опорожнялъ укладывая книги на столѣ...

«Не щадилъ ѣдкихъ упрековъ Студентамъ въ отлучкахъ, въ ошибкахъ, или разсѣяніи: «Добро пожаловать! Что, судырь, на именинахъ погуляли, али по можжевельничку плясали? — Что, судырь, на васъ голова али чайникъ? — Какой звѣрекъ у васъ, судырь, пробѣжалъ въ очахъ?» — Ошибся ли кто въ анализѣ, въ выговорѣ, или декламаціи мѣстъ, или въ сочиненіи на словѣ пропустилъ букву, или запятую въ письмѣ, передразнитъ, переиначитъ и шумитъ: «По вашему это малость! Нѣтъ, судырь! изъ малаго составляется большое. Non sunt negligenda parva, sine quibus magna constare nequeunt. Какой изъ васъ будетъ студентъ?» — И, поворотя лицомъ въ одну сторону, а глазами въ другую, продолжалъ: «Будетъ верхолетъ, судырь, чумичка! Non sunt negligenda parva» и проч.

«Излагая писателей, онъ примѣнялся въ изложеніи къ ихъ характеру: былъ важенъ и разсудителенъ при чтеніи Историковъ; оживлялъ движеніе рѣчей ораторскихъ; восторженъ и копотливъ въ Одахъ и Эпопеѣ; нѣжился съ Ѳеокритомъ; бывалъ веселъ, шутливъ и любезенъ въ сатирахъ Горація и Ювенала, въ комедіяхъ Плавта и Теренція. Можно сказать, что онъ душевно былъ добръ и влюбленъ въ изящество.

«По цензурѣ книгъ и журналовъ доставались ему иногда объясненія у Московскаго Главнокомандующаго, и онъ выходилъ,

успокоивъ его. — Московскіе проповѣдники были неравнодушны къ его критикѣ: въ яркихъ выраженіяхъ лица его читали приговоръ всякой ошибкѣ слога. — Библіотека его, кромѣ древнихъ классиковъ и пособій къ нимъ въ полнотѣ изобильной, имѣла любопытнѣйшее собраніе книгъ для исторіи Славянскаго книгопечатанія. — Въ домашней жизни, говорили, онъ такъ много пилъ чаю, что Яшка, стоя, считалъ его чашки. Онъ имѣлъ свой небольшой домъ въ два этажа, за Тверскими воротами, въ переулкѣ на право. Женатъ не былъ. Родная сестра, вдова, была хозяйкою въ его домѣ. При немъ жилъ племянникъ его, Александръ Дмитріевичь Барсовъ, Магистръ въ Математикѣ, издавшій много полезныхъ книгъ въ переводѣ по части этой науки.»

П. С. Полуденскій, по родству съ Барсовымъ жившій у него въ домѣ студентомъ, разсказывалъ, какъ, въ его присутствіи, пріѣзжалъ къ Барсову прощаться отправлявшійся за границу молодой человѣкъ: это былъ Карамзинъ.

Д. Н. Бантышъ-Каменскій въ своемъ Словарѣ достопамятныхъ людей Русской земли приводитъ анекдотъ о Барсовѣ, сохранившійся въ разсказахъ современниковъ. Когда Князь Потемкинъ-Таврическій, нерѣдко посѣщавшій Университетъ во время славы своей и могущества, увидѣлъ Барсова и сказалъ ему: «помните ли, какъ вы было выключили меня изъ Университета?» — Ваша Свѣтлость тогда сего заслуживали, отвѣчалъ Профессоръ. Благородный Потемкинъ покровительствовалъ своему наставнику, который въ письмѣ къ нему 1776 года, отправленномъ при посылкѣ Рѣчи, называетъ его своимъ Меценатомъ.

Одною изъ лучшихъ похвалъ Барсову могутъ служить слова объ немъ М. Н. Муравьева, напечатанныя въ біографическомъ объ немъ извѣстіи, помѣщенномъ въ Трудахъ Любителей Россійской Словесности 1804 года. «Въ Университетскомъ Правленіи имѣлъ великое вліяніе и уваженіе въ разсужденіи постоянныхъ правилъ, которымъ послѣдовалъ. — Нравы его были непорицательной честности, и важность его не мѣшала добросердечію и пріятности обхожденія. Онъ былъ уважаемъ въ публикѣ Московской и имѣлъ пріятелей въ отличномъ классѣ людей.» — Кромѣ этихъ строкъ, въ своей Эпистолѣ къ И. П. Тургеневу, написанной въ 1774 году, М. Н. Муравьевъ, посвятилъ Барсову достопамятный стихъ, въ которомъ назвалъ его однимъ изъ достой-

ныхъ послѣдователей Ломоносова для науки слова въ Московскомъ Университетѣ:

«Гдѣ Барсовъ сталъ по немъ ревнитель Росска слова.»

Антонъ Алексѣевичь скончался въ Москвѣ, 1791 года Января 21-го дня, слишкомъ 60-ти лѣтъ отъ роду. По смерти его, на преподаваніе классической Словесности въ званіе Орд. Профессора былъ возведенъ Харитонъ Андреевичь Чеботаревъ.

БАРСУКЪ-МОИСЕЕВЪ, или **МОЙЗА**, Ѳома Ивановичь, Экстраординарный Профессоръ Физіологіи и Діэтетики, Докторъ Медицины и Надворный Совѣтникъ. Родился въ Малороссіи; обучался языкамъ и философскимъ наукамъ въ Кіевской Академіи, гдѣ фамилію свою составилъ изъ анаграммы слова: Бурсакъ. Въ 1788 году вступилъ въ число казеннокоштныхъ и камерныхъ Студентовъ Московскаго Университета по Медицинскому Факультету, и первый изъ нихъ, по данной Университету въ 1793 году привилегіи производить въ Доктора Медицины, удостоенъ былъ сей степени Ноября 22-го 1794 года, послѣ защищенія имъ диссертаціи: *de respiratione*. За диссертацію, писанную имъ, когда былъ еще Студентомъ, на тему изъ повивальнаго искусства, награжденъ былъ золотой медалью. Въ 1795 году произведенъ въ Экстраординарные Профессоры. Предметы преподаванія его были: Физіологія, Патологія, Терапія, Семіотика и Діэтетика. Блуменбахъ и Лудвигъ служили ему руководителями въ преподаваніи. Въ 1797 и въ 1801 годахъ, былъ отъ Университетскаго Начальства избранъ Депутатомъ при Высочайшихъ коронаціяхъ блаженной памяти Государей Императоровъ Павла I-го и Александра I-го, и имѣлъ счастіе получить по серебряной медали, выческанной въ память сихъ государственныхъ событій. Сей Профессоръ, отличавшійся трудолюбіемъ, скончался въ Москвѣ въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1811 года. Сочиненія его и переводы: 1) *О превосходномъ блаженствѣ человѣческомъ, подкрѣпленномъ Св. Писаніемъ.* Москва 1785 г. 2) *Гамбергеровъ способъ лечить болѣзни.* М. 1789 г. 3) *Новый способъ лечить каменную болѣзнь, цынгу, скорбутъ и глисты, сочиненіе Гульма, съ пріобщеніемъ наставленія лечить отъ отравъ, изъ Клиники Мезы.* М. 1789 г. 4) *Лохера практическія*

наблюденія, или *способъ лечить сумасшедшихъ, застарѣлую венерическую болѣзнь и падучую болѣзнь*. М. 1790 г. 5) *Полный и всеобщій лечебникъ*, или *курсъ Медицины Рибеля, съ пріобщеніемъ Фармакопеи и врачебнаго веществословія Г. Селле*, и 24 гравированныхъ анатомическихъ картинъ *Г. Беслинга*. 7 частей. М. 1791 г. 6) *Путь къ здравію*, или *наука сохранять свое здоровье*. 2 ч. М. 1791 г. 7) *Дѣтскій лечебникъ*. 2 ч. М. 1793 г. 8) *Аптека*, или *наука составлять разныя какъ внутрь, такъ и снаружи употребляемыя лекарства*, соч. *Шлерета*. Перевелъ Б. М. 3 ч. 1793 г. (Послѣдняя часть вышла въ 1812 году, по смерти переводчика). 9) *De respiratione. Dissertatio inauguralis*. М. 1794. 10) *Описаніе въ разныхъ хроническихъ болѣзняхъ употребляемаго декокта Ловерова*. М. 1794 г. 11) *Физіологія Блуменбаха*. Перев. съ Латинскаго. 2 ч. М. 1796 г. 12) *О вліяніи воздуха, временъ года и метеоровъ на здравіе человѣческое*. М. 1801 г. 13) *О единствѣ рода человѣческаго и разнообразностяхъ*, соч. *Блуменбаха*, Перев. съ Французскаго. М. 1804 г. 14) *Туртелева Гигіена*. Перев. съ Французскаго. М. 1809 г.

БАРШЕВЪ, Сергій Ивановичь, Ординарный Профессоръ Уголовныхъ и Полицейскихъ Законовъ, Статскій Совѣтникъ и Ордена Св. Анны 2-й степени съ Императорскою короною Кавалеръ, сынъ Московскаго священника, родился Сент. 17-го дня, 1807 года. Первоначальное воспитаніе получилъ въ Московскомъ Духовномъ Уѣздномъ Училищѣ, въ которомъ обучался: Закону Божію, Географіи, Ариѳметикѣ и начальнымъ основаніямъ Греческаго и Латинскаго языковъ. По окончаніи курса, въ Уѣздномъ Училищѣ положеннаго, по первому разряду, переведенъ былъ для дальнѣйшаго наукъ продолженія, 1820 года, Сент. 1-го дня, въ Московскую Духовную Семинарію. Здѣсь, въ теченіи шести лѣтъ, обучался наукамъ: словеснымъ, историческимъ, философскимъ, математическимъ и богословскимъ и продолжалъ изученіе языковъ Греческаго и Латинскаго; сверхъ сего обучался языкамъ Французскому и Еврейскому. По окончаніи семинарскаго курса Студентомъ, съ нѣкоторыми другими, отличнѣйшими товарищами, посланъ былъ, для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ, въ Московскую Духовную Академію. Въ Академіи, въ теченіи двухъ лѣтъ, занимался дальнѣйшимъ

изученіемъ наукъ словесныхъ, историческихъ и философскихъ, и языковъ Греческаго, Латинскаго и Французскаго. Потомъ, въ теченіи года, изучалъ вновь науки богословскія и продолжалъ изученіе языковъ Греческаго и Еврейскаго; сверхъ того началъ обучаться Церковному краснорѣчію. Означенныя занятія должны бы были продолжаться и на четвертомъ году, послѣднемъ въ Академическомъ образованіи; но тогда послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ избраніи изъ отличнѣйшихъ воспитанниковъ Академіи троихъ для обученія Правовѣдѣнію при II-мъ Отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Баршевъ удостоился избранія на это новое поприще съ братомъ своимъ, Профессоромъ Санктпетербургскаго Университета Я. И. Баршевымъ и другимъ товарищемъ, Профессоромъ Харьковскаго Университета, И. В. Платоновымъ. Поступивъ въ Канцелярію, подъ непосредственнымъ руководствомъ Графа Михаила Михайловича Сперанскаго, обучался вмѣстѣ съ товарищами, въ самой Канцеляріи, у чиновниковъ оной, прежде бывшихъ извѣстнѣйшихъ Профессоровъ: Куницына — Русскимъ Гражданскимъ Законамъ, Плисова — Законамъ Государственнаго благоустройства и благочинія, Законамъ о финансахъ и Политической Экономіи, и у Клокова Государственнымъ Законамъ; сверхъ того, въ Санктпетербургскомъ Университетѣ, слушалъ Римское право вмѣстѣ со Студентами и особо съ своими товарищами на Латинскомъ языкѣ у Профессора Шнейдера, продолжалъ также изученіе Латинскаго и Греческаго языковъ подъ руководствомъ Академика и Профессора Грефе, занимался Французскимъ языкомъ и имѣлъ особые уроки по языкамъ Нѣмецкому и Англійскому. По прошествіи двухъ лѣтъ, выдержавъ съ успѣхомъ испытаніе во всѣхъ предметахъ ученія, отправленъ былъ для дальнѣйшаго образованія въ Берлинскій Университетъ. Здѣсь, въ теченіи шести семестровъ, слушалъ у знаменитѣйшихъ въ то время Профессоровъ: Кленце Юридическую Энциклопедію, Римскія древности, Исторію и Институціи Римскаго права, исторію и догму общаго Германскаго Уголовнаго Права; у Ганса Философію Исторіи, Философію права и курсъ Исторіи трехъ послѣднихъ вѣковъ; у Савиньи институціи и пандекты Римскаго права; у Эйхгорна общее Германское Государственное право; у Гомейера общее Германское Гражданское право и у Геффтера

Прусское Гражданское право; сверхъ сего посѣщалъ лекціи: Философіи Бенеке и Генниха, Географіи—Риттера, Греческихъ древностей Бёка и Исторіи Всеобщей Раумера и Ранке. За тѣмъ въ вакаціонное время постоянно посѣщалъ другіе Университеты для знакомства съ знаменитѣйшими учеными и узнанія методъ преподаванія. По возвращеніи въ Россію, съ Высочайшаго соизволенія, по предварительномъ приготовленіи и новомъ изученіи Русскихъ законовъ, по руководству уже тогда вышедшаго перваго изданія Свода Законовъ, выдержалъ испытаніе прямо на степень Доктора Законовѣдѣнія. Послѣ сего опредѣленъ преподавателемъ Уголовныхъ и Полицейскихъ Законовъ въ Императорскій Московскій Университетъ. При введеніи въ дѣйствіе общаго устава Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ, 1835 года, Декабря 31-го дня, утвержденъ Экстраординарнымъ Профессоромъ по тойже каѳедрѣ, а 1837 г. Марта 24-го, Ординарнымъ Профессоромъ. По распоряженію Начальства, кромѣ занятій по своей каѳедрѣ, преподавалъ Общенародное Правовѣдѣніе въ 183$\frac{7}{8}$ и 183$\frac{8}{9}$ академическихъ годахъ. 1841 г. удостоился изъявленія благодарности Государя Наслѣдника за поднесенный Его Высочеству экземпляръ сочиненія: *Общія начала Теоріи и Законодательствъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ.* Утвержденъ Цензоромъ Московскаго Цензурнаго Комитета 1842 года Мая 30-го. Съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія опредѣленъ Директоромъ Московскаго Коммерческаго Училища 1845 г. Мая 29, а 31 уволенъ отъ должности Цензора; 1847 года Іюня 12-го, избранъ Совѣтомъ Университета и утвержденъ Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія въ званіи Декана Юридическаго Факультета на 4 года; 1849 г. Іюля 4-го опредѣленъ Инспекторомъ классовъ въ Александринскій Сиротскій Институтъ, а отъ должности Директора Московскаго Коммерческаго Училища уволенъ 1850 года, Января 1-го дня. При введеніи въ дѣйствіе Высочайше утвержденной инструкціи Ректору Университета и Деканамъ Факультетовъ, избранъ вновь и утвержденъ 1850 года Января 14-го дня Деканомъ Юридическаго Факультета, до окончанія срока, на который былъ утвержденъ прежде въ томъ же званіи; Августа 20-го Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія объявлена ему въ числѣ прочихъ благодарность за найденный въ Московскомъ Универ-

ситетѣ по учебной части отличный порядокъ. Въ 1851 году опять избранъ и утвержденъ Деканомъ Юридическаго Факультета на новое четырехлѣтіе.

Профессоръ, преподавая ввѣренную ему науку, раздѣляетъ ее на двѣ главныя части: на Уголовное Законовѣдѣніе въ тѣсномъ смыслѣ и Уголовное Судопроизводство. Въ Уголовномъ Законовѣдѣніи, въ общей части науки, излагаетъ онъ общія понятія и положенія о преступленіяхъ и наказаніяхъ на основаніи теоріи и законодательствъ; а въ особенной говоритъ о разныхъ родахъ и видахъ преступленій, съ объясненіемъ ихъ состава, существа и основаній наказаній, за нихъ положенныхъ. Въ Уголовномъ Судопроизводствѣ, въ первой части, предлагаетъ онъ краткій очеркъ устройства Уголовныхъ судебныхъ мѣстъ, а во второй объясняетъ самый порядокъ Уголовнаго суда: — и то и другое по двумъ главнымъ формамъ судопроизводства, обвинительной и слѣдственной. Методы держится историко-догматической и вездѣ, гдѣ необходимо для вящшаго уразумѣнія отечественныхъ Законовъ, сравниваетъ ихъ съ современными иностранными законодательствами. Главною задачею преподаванія своего полагаетъ Профессоръ утвердить въ слушателяхъ глубокое уваженіе къ отечественнымъ постановленіямъ, посредствомъ основательнаго, всесторонняго изученія оныхъ. Въ заключеніе преподаванія, чтобы оживить его и ознакомить слушателей съ практическимъ приложеніемъ Уголовныхъ Законовъ, занимаетъ ихъ разборомъ рѣшеныхъ уголовныхъ дѣлъ по запискамъ Сената.

Что касается до ученыхъ трудовъ Профессора, то, кромѣ вышеозначеннаго сочиненія и статей, напечатанныхъ въ Москвитянинѣ и Юридическихъ Запискахъ, изданы имъ: въ 1840 г. разсужденіе: *О мѣрѣ наказаній*, написанное на степень Доктора Законовѣдѣнія, за которое и удостоился почетнаго отзыва Академіи Наукъ, и Рѣчь, произнесенная въ Торжественномъ Собраніи Университета въ 1840 г.: *О вмѣненіи въ правѣ*. Сверхъ сего, въ 1850 году, отлитографирована, для руководства Студентовъ, особенная часть Уголовнаго Законовѣдѣнія. Всѣ эти труды предприняты были Профессоромъ какъ предварительныя работы къ составленію полнаго курса Уголовнаго Законовѣдѣнія, чѣмъ и занимается въ настоящее время.

БАСОВЪ, Василій Александровичь, Ординарный Профессоръ Теоретической Хирургіи и Офталміатріи, Статскій Совѣтникъ, родился въ Орлѣ 1812 года, Апрѣля 12-го дня;— изъ мѣщанъ. Лишившись въ раннемъ дѣтствѣ отца, при первоначальномъ воспитаніи онъ руководимъ былъ преимущественно заботливостію слѣпаго старца-дѣда своего, по распоряженію котораго обучался сначала въ Орловскомъ Уѣздномъ Училищѣ, а потомъ въ Орловской Гимназіи, гдѣ и кончилъ курсъ ученія на 15-мъ году отъ роду. По окончаніи гимназическаго курса, хотя и желалъ непосредственно поступить въ Университетъ, но по причинѣ недостаточности и податнаго состоянія, въ которомъ находился, въ теченіи двухъ лѣтъ, долженъ былъ заниматься уроками въ частныхъ домахъ. Получивъ увольнительное свидѣтельство отъ мѣщанскаго общества, въ 1829 году поступилъ въ Медицинскій Факультетъ Императорскаго Московскаго Университета, въ которомъ и удостоенъ званія лекаря въ 1833 году, потомъ званія ветеринарнаго врача въ 1834 г., Медико-Хирурга въ 1835 г. и наконецъ степени Доктора Медицины и Хирургіи въ 1841 году. За ученые труды свои, и особенно за сочиненіе: *О каменной болѣзни*, писанное на полученіе степени Доктора, избранъ въ члены разныхъ ученыхъ обществъ, какъ Русскихъ такъ и иностранныхъ. — Съ 1834 года поступилъ въ государственную службу при Университетѣ, въ которомъ воспитывался, и сначала исправлялъ должность помощника Прозектора, потомъ былъ Прозекторомъ до 1843 года. Въ теченіи этого времени, кромѣ исполненія непосредственныхъ своихъ обязанностей, не мало способствовалъ къ умноженію препаратовъ Анатомическаго Кабинета, особенно Сравнительной Анатоміи, и нѣсколько лѣтъ сряду занимался при лекціяхъ Физіологіи производствомъ надъ живыми животными опытовъ, которые онъ первый началъ дѣлать въ Московскомъ Университетѣ. — Въ 1843 году, по предложенію Г. Ректора, А. А. Альфонскаго, избранію Университетскаго Совѣта и ходатайству бывшаго Попечителя, Графа Сергія Григорьевича Строганова, съ Высочайшаго соизволенія отправленъ на казенный счетъ, для усовершенствованія въ Медицинскихъ наукахъ, и преимущественно въ Хирургіи, въ Германію, Францію, Англію и Италію. По возвращеніи изъ-за границы, въ 1846 году,

опредѣленъ Адъюнктомъ въ Хирургическую Клинику и вмѣстѣ преподавателемъ Теоретической Хирургіи съ Офталміатріею, съ 1848 г. утвержденъ Экстраординарнымъ, а въ 1852 Ординарнымъ Профессоромъ той и другой науки. Чтобы сдѣлать болѣе полезнымъ теоретическое преподаваніе Хирургіи, производилъ нѣкоторые хирургическіе опыты надъ животными; а для поясненія лекцій составилъ многія таблицы съ изображеніемъ хирургическихъ болѣзней въ увеличенномъ видѣ, препараты и слѣпки. Кромѣ Университетской службы былъ репетиторомъ по каѳедрѣ Физіологіи въ Московской Медико-Хирургической Академіи и Ординаторомъ въ Московскомъ Военномъ Гошпиталѣ.—Напечатанные ученые труды его слѣдующіе: 1) De anate tetrapode commentatio; c. fig. Mosq. 1840. — 2) De lithiasi vesicae urinariae in genere, et in specie de extractione calculi per sectionem perinaei; c. tab. IX. Mosq. 1841. — 3) *Замѣчанія объ искусственномъ пути въ желудокъ животныхъ*, съ фиг. напечат. въ Запискахъ по части Врачебн. н. 1843. С.-Петерб. То же на Французск. яз. въ Bullet. des Natur. de Moscou: Voie artificielle dans l'estomac des animaux. 4) *Новый приборъ для леченія перелома задняго отростка локтевой кости*, съ фиг. въ Запискахъ по ч. Врач. н. С.-Пет. 1843.—5) *О значеніи Хирургіи въ кругу Врачебныхъ наукъ*. Въ Военно-Медицинскомъ журналѣ. С.-Петерб. 1848. 6) *Отрывокъ изъ воспоминаній путешественника: о Парижскомъ Ботаническомъ садѣ; объ анатомическихъ собраніяхъ и искусственныхъ препаратахъ; о медицинскомъ преподаваніи*. Въ журн. Москвитянинъ, 1851 г. 6) *О могуществѣ природы и спасительномъ соединеніи ея съ Хирургіею при леченіи болѣзней*. Въ Моск. Врачебн. журн. 1851. — То же на Латинск. яз. въ рѣчахъ М. Университета. — 7) *О подвздошной жировой грыжѣ; — о бродящей внутренней рожѣ*. Въ Моск. Врач. Ж. 1851. 8) *О слюнномъ нащечномъ камнѣ необыкновенной величины и о слюнныхъ камняхъ вообще*, съ рис. Въ томъ же журналѣ.

БАУЗЕ, Ѳедоръ Григорьевичъ, Ординарный Профессоръ Римскаго Права, Ученой Исторіи и Педагогіи, Статскій Совѣтникъ, бывшій Ректоромъ М. У., Св. Анны 2-го класса Кавалеръ, родился въ 1752 году въ Триптисѣ, городкѣ Саксоніи. Здѣсь протекли годы его дѣтства, и началось первое его образованіе. На

одиннадцатомъ году* онъ былъ отправленъ въ Лейпцигскую Ѳомину школу (Thomas-Schule), въ ней пробылъ онъ семь лѣтъ, а окончательное образованіе получилъ въ Лейпцигскомъ Университетѣ. Къ счастію, Баузе съ юныхъ лѣтъ окруженъ былъ людьми, о которыхъ впослѣдствіи не могъ вспоминать безъ особеннаго теплаго чувства. «Благодарю тебя, Боже,—говоритъ онъ, — за то, что ты далъ мнѣ не только душу, жаждущую истины, справедливости, добра, но и родителей, наставниковъ, покровителей и друзей такихъ, которые могли и желали удовлетворить этой жаждѣ, если не вполнѣ утолить ее».** Въ дѣтствѣ воспитывался онъ наставленіями отца своего, который былъ пасторомъ въ Триптисѣ; въ Университетѣ товарищемъ его былъ знаменитый Эрнестій. Въ Сентябрѣ 1773 года Баузе выѣхалъ въ Россію. Кажется, желаніе поискать счастья на чужбинѣ привело его въ наше отечество.*** Въ Петербургѣ сначала занимался частными уроками, и жилъ нѣсколько времени домашнимъ наставникомъ въ семействѣ купца Круга, пока не получилъ (въ 1775 году) мѣста учителя, а впослѣдствіи и Инспектора въ Петровскомъ училищѣ. При церкви Св. Петра, въ С.-Петербургѣ, всегда находились учители, которые должны были обучать младшихъ членовъ Лютеранской церкви чтенію, письму, Ариѳметикѣ, правиламъ вѣры; но устройство этой школы не удовлетворяло желаніямъ церковнаго совѣта (конвента) и евангелической общины. Долго испытывала школа различныя преобразованія, которыя большею частію оказывались несостоятельными. Въ

---

* Словарь Митрополита Евгенія. М. 1845, Т. I, стр. 29. Энциклопедическій Лексиконъ, Т. V, стр. 98.

** Oratio de Iurisprudentia etc., pag. 10.

*** Покойный Тимковскій замѣтилъ въ своемъ «Памятникѣ И. И. Шувалову», что Баузе «вызванъ былъ изъ Іены въ С.-Петербургское, при Лютеранской Петропавловской церкви, училище, которое тогда процвѣтало» (Москвитянинъ, 1851 г., Часть III, стр. 21); но справедливость этого извѣстія сомнительна. Баузе *не тотчасъ по пріѣздѣ въ Россію* поступилъ въ Петровское училище; изъ словъ формулярнаго его списка можно также вывести заключеніе, противуположное словамъ Тимковскаго.

1760 году пасторъ Цуккмантель (Zuckmantel) представилъ проэктъ новаго устройства школы, о которомъ долго и напрасно хлопотали его предшественники. Ограниченность матеріальныхъ средствъ не мало мѣшала распространенію круга дѣйствій училища. По плану Цуккмантеля въ немъ было только четыре учителя, изъ которыхъ каждый занималъ по нѣскольку должностей. Въ школѣ обучали только чтенію, письму, Ариѳметикѣ, Христіанскому закону, первымъ основаніямъ Географіи, Исторіи, языкамъ Латинскому и Нѣмецкому. Два учителя назывались старшими; одинъ изъ нихъ былъ Конректоромъ, другой Ректоромъ училища. Въ тоже время положено было основать при училищѣ пансіонъ и для этого построить каменное зданіе. Цѣль, къ которой стремилось училище, — были успѣхи въ познаніи спасенія, благихъ нравовъ и наукъ (Beförderung der Erkenntniss des Heils, guter Sitten und Wissenschaften). Впрочемъ и этотъ планъ не долго продержался безъ измѣненій. Въ томъ же (1760) году Цуккмантель умеръ и Бюшингъ, призванный на его мѣсто, смѣло расширилъ кругъ дѣйствій училища, поставивъ цѣлью ихъ — приготовлять людей, годныхъ для всѣхъ сословій и для всякаго рода жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ и планъ Цуккмантеля былъ совершенно измѣненъ: отъ скромныхъ, не притязательныхъ предположеній своего предшественника, Бюшингъ шагнулъ къ блестящему, обольстительному энциклопедическому образованію. Кромѣ изученія языковъ Нѣмецкаго, Латинскаго, Французскаго, *Русскаго*, Ариѳметики, Христіанскаго ученія, Географіи и Исторіи, ученики должны были слушать Естественную Исторію, математическія науки, Физику, общія правила Домоводства, правила для образованія сердца и нравственности; наконецъ обучались рисованію, приготовленію моделей, пѣнію, игрѣ на фортепіано, умѣнью держать себя. Желавшіе посвятить себя Хирургіи или аптекарскому искусству, также приготовлявшіеся въ Университетъ обучались Латинскому языку и получали общее понятіе о началѣ всѣхъ наукъ; желавшіе изучать богословіе — могли слушать языки Восточные и Греческій. Подобная же сложность образованія была предположена и для учeницъ Петровской школы*. Не долго оставался въ училищѣ Бюшингъ. Съ удаленіемъ

* Gelehrte Abhandlungen und Nachrichten aus und von Russland, herausg. von Büsching, 1764, I B., 1 st., pag. 125—131.

его и устройство, данное имъ училищу, подверглось, въ нѣкоторыхъ частяхъ перемѣнамъ,—именно касательно пансіона. Языки Нѣмецкій и Французскій сдѣлались главными предметами изученія въ пансіонѣ; плата съ пансіонеровъ была понижена, принимались только дѣти благороднаго происхожденія. Видно, что планъ школы не вполнѣ еще сложился и не получилъ ни единства, ни рѣзко опредѣленныхъ границъ. Училище прямо объявляло, что, если молодымъ людямъ потребуется знаніе предмета, не входящаго въ кругъ преподаваемыхъ въ училищѣ, то для удовлетворенія сей потребности установлены будутъ при училищѣ частные уроки.*

Въ это-то время, когда училище не сложилось еще въ прочный организмъ, когда цѣль его сознавалась смутно, и одинъ планъ смѣнялся другимъ,—въ это время Баузе принялъ въ немъ должность учителя и инспектора. Послѣдній долженъ былъ наблюдать за ходомъ преподаванія и стараться о его улучшеніи. 1-го Сентября 1777 года Баузе былъ опредѣленъ ординарнымъ учителемъ (ordentlicher Lehrer) Географіи, Исторіи и Латинскаго языка съ 350 руб. годоваго жалованья и казенною квартирою. Баузе долженъ былъ имѣть 24 учебныхъ часа въ недѣлю. За то онъ получилъ обѣщаніе, что по отставкѣ тогдашняго инспектора училища должность эта будетъ поочередно передаваема на одинъ годъ ему и учителямъ Бёби и Шмидту, вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ увеличиваться и его жалованье.** При самомъ началѣ своего педагогическаго поприща въ училищѣ, Баузе прямо объявилъ, что удѣлялъ немного времени Богословію, посвятивъ себя преимущественно изученію Правовѣдѣнія и древней литературы. Въ апологіи, представленной совѣту училища 4-го Апрѣля 1782 года, Баузе говоритъ о своей методѣ преподаванія Географіи слѣдующее: «Мой обвинитель конечно требуетъ, чтобъ я передавалъ ученикамъ множество пустыхъ словъ и сухихъ фактовъ, вмѣсто дѣла и связной, исполненной силы, исторіи, чтобъ я только

---

* Göbel, Nachricht von der Schule der Sprachen, Künste und Wissenschaften bey der hiesigen St.-Peters-Kirche. (St.-Petersburg, 1765), p. 4—15.

** Изъ бумагъ архива Св. Петровскаго Училища. Сообщено Др. Ф. Ф. Лоренцомъ.

скользилъ по поверхности вещей. Онъ конечно удивляется, что я долѣе останавливаюсь на Европѣ, нежели на прочихъ частяхъ свѣта, на отечествѣ и странахъ, тѣсно съ нимъ соединенныхъ, нежели на чемъ либо другомъ, что важнѣйшія страны Европы я описываю ученикамъ не только въ географическомъ, но и въ статистическомъ отношеніи, сколько то нужно для нихъ.» Съ 1777 г. Петровское училище «начало быть училищемъ для всѣхъ чиновъ особливо въ разсужденіи отечества.» «Принято тогда за начальнѣйшее правило, привесть обученіе нужнѣйшихъ въ государствѣ языковъ и общеполезнѣйшихъ наукъ въ таковую между собою связь, чтобъ упражненіе въ первыхъ не было предосудительнымъ изученію послѣднихъ; также заведенные тогда классы въ содержаніи одного къ другому такъ учредить, чтобъ каждый взятый порознь изъ предъидущихъ классовъ могъ почитаться извѣстнымъ цѣлымъ и предъуготовленіемъ къ послѣдующимъ классамъ, и напослѣдокъ всѣмъ безъ разбору ученикамъ преподавать по степенямъ все то, что необходимо потребно знать каждому юношѣ, хотящему впредь полезнымъ быть въ обществѣ.»* Съ одобренія совѣта училища Баузе, въ Апрѣлѣ 1780 года, предпринялъ на собственный счетъ путешествіе въ Германію, частію для того, чтобы привести въ порядокъ нѣкоторыя семейныя дѣла, преимущественно же для того, чтобъ обозрѣть важнѣйшія учебныя заведенія Германіи и расширить свои педагогическія свѣдѣнія. Послѣдняя цѣль путешествія была вполнѣ достигнута. Въ Іюлѣ того же года Баузе прибылъ въ Гамбургъ и отсюда черезъ Любекъ думалъ отправиться моремъ въ Петербургъ. Но въ Гамбургѣ его внезапно схватила жестокая лихорадка, продержавшая его тамъ до начала зимы. Въ этомъ печальномъ положеніи онъ увѣдомилъ о своей болѣзни пастора Герольда (Herold), прося его вмѣстѣ съ тѣмъ объявить церковному конвенту, что онъ останется доволенъ всѣми распоряженіями, которыя будутъ сдѣланы относительно его мѣста въ училищѣ. Совѣтъ не рѣшился потерять Баузе и оставилъ за нимъ прежнюю его дол-

* Извѣстіе о Петровскомъ Училищѣ, № V. (С.-Петербургъ, 1782, въ 4 д.) стр. 1.

жность. Получивъ о томъ извѣстіе, Баузе въ Январѣ слѣдующаго года оставилъ Гамбургъ и въ Февралѣ прибылъ въ Петербургъ, гдѣ всѣми былъ принятъ самымъ дружескимъ образомъ. 1-го Апрѣля 1781 года Императорская Академія Наукъ избрала его своимъ корреспондентомъ. Въ томъ же году Вольное Экономическое Общество приняло его въ число своихъ членовъ.*

Въ 1782 году Петровское училище состояло «изъ двухъ отдѣленій, изъ коихъ одно содержало 5 классовъ для юношей, а другое 3 класса для дѣвицъ.» Въ классахъ юношей находилось «три старшихъ учителя для преподаванія наукъ, два учителя Россійскаго, три Французскаго языка, и два, которые учатъ писать и ариѳметикѣ. Въ квинтѣ (пятомъ нисшемъ юношескомъ классѣ) показывались начала въ Нѣмецкомъ, Французскомъ и Россійскомъ чтеніи, также въ писаніи и въ ариѳметикѣ. Временемъ объясняются ученикамъ, сообразуясь ихъ понятію, гравированныя картины Г. Базедова и дѣлается первый опытъ въ связываньи словъ съ познаніемъ вещей. Въ квартѣ при продолжаемыхъ въ чтеніи упражненіяхъ задаются легкія штучки для перевода съ одного на другой языкъ и показываются ученикамъ склоненія и спряженія. Для изощренія памяти выучиваютъ они отъ времени до времени малые Французскіе разговоры, при сказываніи которыхъ предлагаются и изъясняются имъ разные образцы въ составленіи отборныхъ рѣчей или фразъ. Кромѣ сего читаются имъ изъ библіи мѣста, всеобщія вѣры правила и нравоученіе содержащія, и преподаются первыя основанія Христіанскаго закона, какъ къ управленію ихъ воли, такъ и къ утвержденію ихъ разума въ познаніи истины. Наконецъ продолжается съ ними упражненіе въ писаніи и ариѳметикѣ.» Въ терціѣ «ученіе вѣры, чтеніе священнаго писанія, также теорія и практика въ языкахъ бываетъ обширнѣе.... Ариѳметику здѣсь въ первый разъ въ полугодовомъ курсѣ практически проходятъ, но съ внятными объясненіями основаній, какъ поступать при разныхъ ро-

---

* Продолженіе Трудовъ Вольнаго Экономическаго Общества къ поощренію въ Россіи земледѣлія и домостроительства. Часть III. Въ С.-Петербургѣ, 1783.

дакъ счета. Въ исторіи и географіи дѣлается начало по плану, нарочито облегчающему сіи знанія.» Въ третьемъ классѣ ученикъ долженъ былъ объявить, какому званію онъ намѣренъ посвятить себя, чтобы, судя по этому, инспекторъ могъ для него «назначить приватное ученіе.» Оба высшіе класса «въ нѣкоторыхъ частяхъ наукъ были соединены, потому что училище нашло, что изъ знатнаго числа отдаваемыхъ въ училище учениковъ наименьшая часть можетъ употребить надлежащіе къ совершенному обученію годы, и что высшаго класса, который бы дѣйствительно каждаго удовольствовалъ, еслибъ только къ тому хотѣніе было, весьма мало учениковъ остается.» Оба класса вмѣстѣ читаютъ Новый Завѣтъ; вмѣстѣ учатся исторіи, и» хотя берется по порядку одинъ народъ послѣ другаго, однако при томъ внушаются и современныя происшествія.» Вмѣстѣ преподавались географія и другія общеполезныя знанія, какъ то естественная исторія о человѣкѣ, геральдика, употребленіе глобуса, первыя начертанія миѳологіи и т. п. «Ариѳметика въ секундѣ преподается по порядку, и ученики могутъ въ ней такъ успѣть, что кромѣ извѣстныхъ родовъ счета въ цѣлыхъ числахъ и доляхъ выучать также пропорціи, складное правило, извлеченіе радиксовъ и первыя основанія алгебры. Въ примѣ преподается сія наука еще обширнѣе, такъ что ученики счетъ ея децимальными (десятинными) радиксовыми величинами и рѣшенія простыхъ и квадратныхъ равностей, слѣд. и принадлежности счисленій въ нашихъ ариѳметическихъ книгахъ подъ различными именованіями случающіяся могутъ понимать.*» Такой объемъ и такое расположеніе дано было преподаванію въ Петровскомъ Училищѣ въ бытность Баузе Инспекторомъ его. Но должность учителя и Инспектора Петровской школы не удовлетворяла Баузе. Къ чему могъ приложить онъ результаты своихъ спеціальныхъ занятій Юриспруденціею? кому могъ онъ передать ихъ? Вотъ въ чемъ состояла обязанность Инспектора училища: «Онъ имѣетъ смотрѣніе надъ всѣмъ училищемъ: старается, чтобъ не только лекціи надлежаще занимаемы и всѣ планы съ точностію исполняемы были, но и чтобъ ученики благопристойно себя вели

* Извѣстіе о Петровскомъ Училищѣ, № V, стр. 4—8.

и наблюдали бы предписанные уставы. Онъ принимаетъ новоотдаваемыхъ въ училище дѣтей, вводитъ ихъ въ классъ, въ которой они, по мѣрѣ ихъ способности, могутъ быть приняты, получаетъ деньги за ученіе, сочиняетъ общіе каталоги изъ подаваемыхъ ему ежемѣсячно отъ каждаго учителя записокъ о прилежаніи и поведеніи учениковъ, опредѣляетъ наказанія обличившимся въ проступкахъ и водитъ по классамъ желающихъ оные видѣть.»*

Такая должность мѣшала Баузе изучать постоянно предметъ, которому онъ посвятилъ себя. Напрасно нѣкоторые хотѣли вывести Баузе на болѣе видное поприще дѣятельности; онъ отклонилъ подобныя предложенія, съ одной стороны, потому что чувствовалъ себя не совсѣмъ способнымъ къ болѣе тяжелымъ занятіямъ, съ другой, ему не хотѣлось отрываться отъ ученой дѣятельности, которой онъ издавна посвятилъ себя.** 6-го Апрѣля 1782 года онъ получилъ отъ Московскаго Университета приглашеніе занять каѳедру правъ, упраздненную смертію профессора Дилтея. Съ особенною радостію принялъ Баузе это предложеніе: наконецъ открывалась ему возможность вполнѣ посвятить себя юриспруденціи и передавать другимъ результаты своего изученія. «Хотя у меня не было недостатка въ людяхъ, которымъ бы я могъ передать какія бы то ни было крупицы моего знанія, — говоритъ Баузе, — но, не знаю почему, мнѣ рѣдко попадались люди, которые бы могли и желали изъ предверія храма истинной науки познанія и мудрости проникнуть (такъ сказать) въ самое его святилище; у однихъ недоставало для того силъ и способностей, другіе не имѣли намѣренія посвятить себя ученой дѣятельности.***» Послѣднее время пребыванія Баузе въ Петербургѣ было для него тяжело и печально. Возникло несогласіе между имъ и учителями Петровскаго училища, даже церковнымъ совѣтомъ. На него взводили разныя обвиненія по дѣламъ служебнымъ: Баузе не могъ болѣе оставаться на прежнемъ своемъ мѣстѣ. Трудно сказать, на

---

* Тамъ же стр. 4.

** Oratio de jurisprudentia etc. p. 9.

*** Тамъ же, стр. 9.

сколько виновенъ былъ онъ въ упущеніяхъ, которыя ставились ему въ упрекъ, и на сколько справедливы его обвинители. Большею частію обвиненія, которымъ подвергся Баузе, слишкомъ мелочны: его напр. упрекали за то, что иногда онъ прибѣгалъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ для исправленія учениковъ, что однажды въ танцовальномъ классѣ произошелъ за его отсутствіемъ безпорядокъ и т. п. Однимъ изъ важнѣйшихъ обвинительныхъ пунктовъ было то, что публика была недовольна успѣхами учениковъ во Французскомъ языкѣ. Но, судя по апологіи Баузе, училище поступило при этомъ не совсѣмъ осмотрительно. Вмѣсто того, чтобъ изслѣдовать причины этого обстоятельства, сдѣлали совершенно новый планъ преподаванія, который и былъ переданъ Баузе и тремъ другимъ ординарнымъ учителямъ для обсужденія. Этотъ планъ имѣлъ совершенно другія основанія нежели прежній, печатно обнародованный, и потому Баузе написалъ замѣчанія на него; но они были уничтожены и оставлены безъ всякаго вниманія на томъ основаніи, что планъ былъ одобренъ совѣтомъ. Покидая училище, Баузе представилъ церковному конвенту апологію, которая заключаетъ въ себѣ опроверженіе всѣхъ павшихъ на него обвиненій. Вѣроятно на эти недоразумѣнія намекаетъ Баузе въ своей прощальной рѣчи говоря: «Судьба сдѣлала меня недовольнымъ людьми и міромъ, нарушила спокойствіе и ясность души моей; съ сокрушеннымъ сердцемъ спрашивалъ я себя передъ лицомъ Всемогущаго: дѣйствительно ли во время своего семилѣтняго служенія въ училищѣ исполнилъ все то, что по своимъ небольшимъ способностямъ, опытности, по крайнему своему разумѣнію могъ я сдѣлать для блага заведенія. И Провидѣніе помиловало меня: недовольство міромъ и людьми исчезло, спокойствіе и ясность снова возвратились въ мою душу.»* 11-го Апрѣля того же года, въ полномъ собраніи церковнаго совѣта, учителей и учениковъ, Ба-

* Rede bey Niederlegung seines Amts, als Oberlehrer und Inspektor der St.-Petersschule, in einer feyerlichen Versammlung E. Hochl. Schulkonvents und gesammter Lehrer und Schüler, am 11-ten April, 1782 gehalten von Theodor Bause, berufenem Professor der Universität zu Moskau. St.-Petersburg, 1782 (въ 4-ку, 8 с.), p. 3—4.

узе сложилъ съ себя должности Учителя и Инспектора и произнесъ прощальную рѣчь. Въ ней онъ указывалъ питомцамъ училища, какое зло, какія бѣдствія ожидаютъ ихъ въ жизни; онъ совѣтывалъ имъ запасаться чужимъ горемъ, чужими напастями и поучительнымъ ихъ примѣромъ приготовлять себя къ перенесенію собственныхъ несчастій. «Старайтесь,—говорилъ онъ,—быть господами самихъ себя и страстей своихъ и всегда сохранять добрую совѣсть передъ Богомъ и людьми. При такомъ настроеніи духа, вы не скоро падете подъ бременемъ бѣдствій.» Покидая и товарищей и учениковъ своихъ, Баузе уносилъ съ собою увѣренность, что жилъ въ дружбѣ съ первыми и былъ любимъ другими.*

Вскорѣ по выходѣ изъ Петровскаго училища, Баузе оплакалъ дѣвицу Марію Елену Прейссеръ, свою ученицу, къ которой онъ былъ очень привязанъ. Въ память ея онъ написалъ на Нѣмецкомъ языкѣ небольшое стихотвореніе.**

Между тѣмъ новая должность призывала его въ Москву. 25-го Ноября 1782 года, когда Университетъ, по обычаю того времени, торжественнымъ собраніемъ праздновалъ день тезоименитства Императрицы, Баузе говорилъ вступительную рѣчь передъ занятіемъ каѳедры Законовѣдѣнія.*** Въ ней изложилъ онъ свой взглядъ на юриспруденцію, какъ науку, и способъ ея изученія. Рѣчь эта весьма важна, какъ единственное сочиненіе, изъ котораго можно познакомиться со взглядомъ Баузе на предметъ, читанный имъ въ продолженіи 25 лѣтъ въ Мо-

* Тамъ же стр. 4, 7.

** Dem Andenken meiner Freundin, der Demoiselle Maria Helena Preusser, am Tage Ihrer Beerdigung, den 28 April, 1782. St.-Petersburg, gedruckt bey I. I. Weitbrecht, (въ 8 д., въ 2 с.) Въ томъ же году перепеч. въ Ревелѣ (gedruckt mit Lindforsschen Schriften).

*** См. Московскія Вѣдомости 1782, № 96, стр. 761—762. Oratio de jurisprudentia ejusque docendae et discendae ratione professionis juridicae in Universitate litteraria Mosquensi adeundae caussa dicta D.XXV. Nov. A. C. CIƆIƆCCLXXXII a Theodoro Bause, *Societatis Oeconomicae Petropolitanae*, nec non *Latinae Ienensis Sodali*. Напечатана вмѣстѣ съ другими рѣчами, тогда же произнесенными.

сковскомъ Университетѣ. «Подъименемъ юриспруденціи, — говоритъ Баузе, — не разумѣю я сухаго и тщедушнаго знанія тѣхъ законниковъ, которые считаютъ себя и достаточно учеными и достаточно опытными, если держатъ въ памяти слова законовъ, не понимая смысла и значенія ихъ, если въ судѣ могутъ на нихъ *сослаться* (по прекрасному ихъ выраженію). Пусть эти господа наслаждаются своими познаніями — Богъ съ ними — вѣдь и дѣти радуются, если, какъ попугаи, могутъ пробормотать слова, для нихъ непонятныя. Но пусть не стараются они убѣдить меня, что своей убогой наукой они въ самомъ дѣлѣ могутъ принести хотя какую-нибудь пользу государству. Подъ именемъ юриспруденціи я не разумѣю также того увертливаго, непостояннаго, коварнаго и обманчиваго искусства крючкотворцевъ, которые стараются только склонять законы то въ ту, то въ другую сторону, смотря по желанію, которые пышными словами и другими уловками стараются проводить и глумиться надъ судьями и самымъ правосудіемъ. Пусть и эти люди довольствуются своимъ честнымъ искусствомъ, пусть величаютъ себя (говоря ихъ словами) непобѣдимыми защитниками правды—оставимъ ихъ,—есть вѣдь воры и разбойники, которые состязаются другъ съ другомъ въ коварствѣ, хитрости, и ими величаются. Но пусть они не называютъ себя защитою и опорою справедливости, безопасности и общественнаго благосостоянія. Наконецъ, подъ именемъ юриспруденціи я не разумѣю тѣхъ ходячихъ, непрочныхъ подъяческихъ свѣдѣній, которыя, не скажу почерпнуты, но повыдерганы изъ лексиконовъ, сокращеній, руководствъ и т. п. книгъ. Пусть и эти люди торжествуютъ, опираясь на свою грубую и безпорядочную груду опредѣленій, различеній, правилъ и формулъ, пусть заставляютъ грубую чернь дивиться грубому ихъ знанію. Но они не ослѣпятъ людей ученыхъ и знающихъ это дѣло... Что же признаю я (спрашиваетъ наконецъ Баузе) достойнымъ имени юриспруденціи?—То, что древніе Римляне, создатели всякаго права и законовъ, называли познаніемъ вещей божественныхъ и человѣческихъ, справедливаго и несправедливаго, честнаго и безчестнаго. Юриспруденція такъ обширна, что ея нельзя ограничить тѣснымъ кругомъ дѣлъ судебныхъ; она стоитъ такъ высоко, что

недоступна для людей легкомысленныхъ и безчестныхъ. Какъ дѣло врача — заботиться о здоровомъ состояніи тѣла человѣческаго и всѣхъ его частей: такъ дѣло законовѣдца заботиться о здоровьѣ тѣла общественнаго и всѣхъ его частей, т. е. государства и его гражданъ. Потому юриспруденція изслѣдуетъ и исполняетъ самыя важныя, самыя полезныя и самыя прекрасныя дѣла. Она бываетъ теоретическая и практическая. Право теоретическое есть философское, или историческое, то есть — говоря языкомъ юристовъ, — или естественное или положительное. Первое обнимаетъ права естественное и народное, право государственное, этику и политику; второе, кромѣ гражданскаго права въ собственномъ смыслѣ, заключаетъ въ себѣ всѣ отдѣлы и виды права положительнаго, истекающіе изъ него какъ изъ источника. Практика права преимущественно состоитъ въ приложеніи общихъ началъ къ отдѣльнымъ случаямъ и тяжбамъ.» Оставляя въ сторонѣ такъ называемые методы аналитическій, синтетическій и табеллярный, Баузе хочетъ только показать въ своей рѣчи, какъ долженъ быть подготовляемъ, наставляемъ и упражняемъ изучающій право. Большею частію люди, посвящающіе себя законовѣдѣнію, потому мало приносятъ пользы, что приступаютъ къ изученію его не приготовленные, незная языковъ и другихъ наукъ. По мнѣнію Баузе, будущій юристъ долженъ прежде всего пройти школу Грамматики, Риторики и Критики, основательно узнать языкъ отечественный и нѣкоторые иностранные, научиться понимать другихъ, вѣрно объяснять дѣло, а вмѣстѣ и самому писать правильно и изящно, привыкнуть отличать подобное отъ несходнаго, подложное отъ подлиннаго. — Потомъ юристъ долженъ перейти къ изученію Исторіи и Географіи, Философіи и Математики, и тѣмъ заключить свое приготовительное образованіе. Двѣ послѣднія науки должны развить въ немъ тотъ смыслъ, который нѣкоторые называютъ практическимъ. Таково уже свойство математическихъ и философскихъ наукъ, что онѣ преслѣдуютъ матерію (дѣло) отъ самаго начала, тѣсно связываютъ одно съ другимъ, выводятъ заключенія только изъ доказаннаго и такимъ образомъ удивительно изощряютъ разсудокъ къ постиженію природы и сродства вещей, главнаго и суще-

ственнаго, причины и слѣдствій. Самое изученіе Юриспруденціи не должно ограничиваться одною теоріею или одною практикою; онѣ должны идти рука объ руку. Въ теоріи началомъ должна быть Энциклопедія законовѣдѣнія, которая даетъ вѣрное понятіе о Юриспруденціи вообще и вмѣстѣ указываетъ учащемуся путь, по которому онъ долженъ слѣдовать, изучая ее въ большемъ объемѣ. Съ Энциклопедіею Законовѣдѣнія должна быть соединена Исторія права, если не вообще, то хотя Римскаго. Потомъ слѣдуетъ перейти къ отдѣльнымъ частямъ права, и прежде всего къ Праву естественному и народному, Праву государственному, Ѳикѣ и Политикѣ: тѣмъ прилежнѣе и основательнѣе они должны быть изучаемы, что всѣ прочія права изъ нихъ истекаютъ и къ нимъ возвращаются; притомъ безъ нихъ можно помнить отдѣльные законы и обычаи, но смыслъ ихъ и слѣд. самое право останутся неизвѣстными. Послѣ всего этого становится легкимъ изученіе права положительнаго съ его видами: правомъ гражданскимъ, каноническимъ, уголовнымъ, коммерческимъ, морскимъ, военнымъ, монетнымъ и горнымъ (jus metallicum) и т. п. При изученіи положительнаго права должно начинать съ гражданскаго, и притомъ съ Римскаго, какъ наиболѣе совершеннаго. Практикою Юриспруденція получаетъ крѣпость и жизнь; ею заключается полное образованіе юриста.

Съ такими мыслями приступилъ къ своей каѳедрѣ Баузе. Сначала онъ пробылъ въ Университетѣ только годъ; но уже и въ это время, по отзыву Университета, «показалъ учащимся тонкость, изобиліе и красоту своего ученія.» Въ 1783 году* онъ былъ уволенъ въ свое отечество, гдѣ съ 3-го Мая 1784 года былъ корреспондентомъ Московскаго Университета. Возвратясь къ своей должности въ 1786 году, онъ уже болѣе не покидалъ Москвы. 29-го Сентября 1792 года онъ женился на вдовѣ аптекаря, Калькау, урожденной Рихтеръ** и сдѣлался

---

* Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народн. просв., № XXX, стр. 7.

** На бракосочетаніе его написаны двѣ оды: одна Рихтеромъ, отцемъ его первой жены (Väterlicher Wunsch bey der ehelichen Verbindung seiner ältesten Tochter Gertrude Catharina Richter, ver-

такимъ образомъ главою довольно значительнаго семейства. Робкій отъ природы,* онъ въ семейной жизни былъ добръ къ своимъ падчерицамъ. Не долго Баузе наслаждался этою жизнію. Калькау умерла, и онъ снова женился на одной изъ дочерей Профессора Ф. Ф. Керестури; но съ нею онъ не жилъ въ согласіи и скоро развелся. Баузе былъ большой любитель и знатокъ музыки: будучи уже профессоромъ, онъ хаживалъ въ церковь играть на органѣ во время богослуженія. Пріѣзжавшіе артисты обыкновенно играли прежде у него въ домѣ, чтобы упрочить успѣхъ будущихъ концертовъ: его похвала служила ручательствомъ за успѣхъ.

Поселившись въ Москвѣ, Баузе нашелъ для себя новый родъ занятій: онъ началъ ревностно собирать Русскія древности: рукописи, старопечатныя книги, монеты. Онъ самъ ходилъ для этого по толкучему рынку и послѣ 30-лѣтнихъ стараній, дополнивъ свои сокровища покупкою старинныхъ книгъ и рукописей у извѣстнаго въ то время собирателя древностей Игнатія Ѳерапонтова, успѣлъ составить такое собраніе Русскихъ древностей, которое, по отзыву К. Ѳ. Калайдовича, было едва ли не единственнымъ въ своемъ родѣ.** По смерти Баузе, Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ желало купить собраніе его, которое было оцѣнено въ 10,000 р. Къ сожалѣнію, покупка не состоялась, и оно погибло при нашествіи Французовъ, а отчасти разошлось по разнымъ рукамъ; остались только каталогъ этого собранія и небольшія замѣтки

---

witweten Kalkau, mit dem Herrn Professorn Theodor Bause. (Moskwa, den 29 September, 1792, въ 4-ку, 4 стр.); другая сочинена какими-то пріятелями его (An Herrn Professor Bause bey seiner Verbindung mit Madame Kalkau, geb. Richter von zween Freunden R. und R. Moskwa, den 29 Septr. 1792).

* Онъ самъ говоритъ: Etsi semper, quotiescunque publice verba facerem id non sine omni timore, qua est naturae *meae imbecillitas*, facere potui etc. См. Oratio in auspiciis imperii suscepti a Catharina II, p. 3.

** Извѣстіе о древностяхъ Славяно-Русскихъ и объ Игнатіѣ Ѳерапонтовичѣ Ѳерапонтовѣ, первомъ собиратеlѣ оныхъ (М. 1811 г.).

о достопримѣчательностяхъ его, написанныя Калайдовичемъ.* По словамъ его, древнѣйшая книга изъ всѣхъ, хранившихся у Баузе, былъ Прологъ, писанный уставнымъ письмомъ въ листъ, на пергаментѣ, въ 1229 году, въ Новѣгородѣ. Но въ рукописномъ каталогѣ библіотеки Баузе (нынѣ принадлежащемъ А. Д. Черткову) указано, подъ № 116, «Евангеліе, писанное въ малый форматъ на пергаминѣ съ изъясненными миніатюрными изображеніями.» Собиратель каталога прибавляетъ, что «судя по образу, цвѣту пергамина и литеръ, которыя въ послѣдующія времена измѣнились, и наконецъ по приложенному мѣсяцослову, въ коемъ недостаетъ многихъ въ послѣдующія времена помѣщенныхъ святыхъ, можно заключить, что сіе Евангеліе писано положимъ въ XI вѣкѣ, что оно есть самая старѣйшая рукопись изъ всѣхъ существующихъ въ Россіи.» Важнѣйшія изъ рукописей Баузе, по словамъ Калайдовича, суть: 1) другой *Прологъ*, писанный на пергаментѣ, безъ означенія времени, не менѣе древній перваго; 2) книга *Степенная*, писанная скорописью съ удивительнымъ искусствомъ 1551 года (экземпляръ полный); 3) весьма любопытный и пространный *Лѣчебникъ*, переведенный съ Польскаго, принадлежащій къ 1588 году; и 4) неизвѣстными письменами начертанная книга, думать надобно математическая, — это не что иное какъ *логариѳмы***. Изъ другихъ замѣчательныхъ рукописей укажемъ на (№ 125) Псалтирь, къ которой пріобщены нѣкоторыя библейскія исторіи, молитвы и наконецъ мѣсяцословъ, на пергаментѣ со множествомъ миніатюрныхъ картинокъ. «Драгоцѣнная рукопись не позже XIII-го вѣка (замѣчаетъ составитель каталога), и безъ сомнѣнія одна изъ древнѣйшихъ, какія только у насъ остались. Достойно примѣчанія, что въ мѣсяцословѣ годъ начатъ по Еврейски съ Марта мѣсяца вмѣсто Сентября, какъ оный во всѣхъ Греко-Россійскихъ про-

---

* Страсть Баузе къ древностямъ Русскимъ, конечно, не мало имѣла вліянія на Калайдовича, слушавшаго лекціи во время его профессорства.

** Извѣстіе, стр. 14—17. Ср. Вѣстникъ Европы, 1811 г., № 1, стр. 58—59.

чихъ мѣсяцословахъ начинается.*» Страсть, которую Баузе получилъ къ Русскимъ древностямъ, скоро оказала вліяніе и на самыя его лекціи. — «*Для* роздыха и освѣженія, какъ былъ словоохотенъ (разсказываетъ Тимковскій), онъ не скупился разсказами изъ великихъ судныхъ процессовъ и контроверсій, или о знатнѣйшихъ Германскихъ ученыхъ; *и какъ былъ вмѣстѣ страстный антикварій* въ книгахъ, рукописяхъ и вещахъ, для чего шатался по толкучему рынку, то часто хвалился пріобрѣтенными рѣдкостями, приводя и другіе разсказы въ томъ же родѣ.»** Можетъ быть, этой же страсти къ древностямъ Русскимъ обязаны мы тѣмъ, что предметомъ замѣчательнѣйшей изъ своихъ рѣчей Баузе выбралъ вопросъ о состояніи просвѣщенія въ Россіи до Петра Великаго.*** Цѣль этого разсужденія троякая: авторъ хотѣлъ «избавить Россію отъ долговременной ненависти и нареканій иноземцевъ, воздать каждому вѣку должное по заслугамъ, наконецъ ознакомить съ началами Русскаго просвѣщенія его времени.» Эта рѣчь Баузе была протестомъ противъ тѣхъ превратныхъ заключеній о состояніи Русскаго просвѣщенія, которыя были разсѣяны иностранцами; Баузе старается указать причину этихъ ложныхъ свѣдѣній о Россіи, и оставляя извѣстія подобныхъ писателей, беретъ въ руководство единственно исторію. Объ этой рѣчи авторъ писалъ впослѣдствіи къ Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, Михаилу Никитичу Муравьеву: «Конечно, она только очеркъ картины Русскаго просвѣщенія, но инымъ она и быть не могла, какъ первое сочиненіе объ этомъ предметѣ. Однако я писалъ, не полагаясь довѣрчиво ни

---

* О другихъ рукописяхъ собранія Баузе см. «Всеобщая Библіотека Россіи.» Прибавл. II, стр. 443—444. Ср. также Кеппена: «Библіографическіе листы,» II, стр. 80, 83, 223.

** Москвитянинъ, 1851 г., Часть III, стр. 27.

*** Oratio de Russia ante hoc saeculum non prorsus inculta, nec parum adeo de litteris earumque studiis merita. In anniversariis solennibus imperii suscepti a Catharina II ab Universitate Mosquensi rite ac pie celebratis. D XXX. Iun. A. MDCCXCVI (въ 4-ку. 45 стр.)

на кого: всѣ сочиненія, которыми я пользовался, и которыя цитовалъ, лежали у меня тогда передъ глазами.»* Какъ сочиненіе, имѣвшее цѣлію освободить Россію отъ незаконныхъ нареканій со стороны иностранцевъ, рѣчь не чужда полемическаго характера. Такъ напр. въ самомъ началѣ Баузе опредѣляетъ значеніе просвѣщенія, замѣчая, что многіе даже изъ среды ученыхъ единственно полагаютъ его въ бородѣ, волосахъ и тому подобномъ. При настоящемъ состояніи Исторіи Русской Словесности и Исторіи Русской вообще, когда обнародовано такъ много матеріаловъ, которые не могли быть извѣстны Баузе, — теперь очеркъ его, разумѣется, потерялъ свое прежнее значеніе. Но каждый ученый трудъ долженъ быть оцѣниваемъ въ силу потребностей и средствъ того времени, къ которому онъ относится, и съ этой точки зрѣнія рѣчь Баузе останется навсегда достойною уваженія, какъ первый опытъ научнаго взгляда на исторію Русскаго просвѣщенія. Сколько новаго для того времени было въ этихъ страницахъ, нынѣ понизившихся до общихъ мѣстъ, видно изъ того, что рѣчь подала поводъ къ литературной мистификаціи: Шрёдеръ въ журналѣ своемъ: St. Petersburgische Monatsschrift zur Unterhaltung und Belehrung (für das Jahr 1805, Monat Januar. p 3—35) напечаталъ подъ своимъ именемъ статью: *Was thaten die Regenten Russlands für die Cultur und Aufklärung ihrer Nation bis auf Peter den Grossen?* Это переводъ рѣчи Баузе съ незначительными измѣненіями. Такимъ же образомъ составилась и статья Вѣстника Европы (1807 г. № 1, стр. 3—20, № 2, стр. 81—96): «*Что сдѣлано въ Россіи для просвѣщенія народа и для славы отечества отъ временъ Рюрика до Петра Великаго?*» Въ исторіи Русскаго просвѣщенія Баузе отличаетъ слѣдующіе періоды: все время отъ Рюрика до Петра I-го распадается на три періода: первый отъ Рюрика до Владиміра I-го (862—1015); второй отъ Владиміра I-го до Іоанна Васильевича I-го (1015—1477); третій отъ Іоанна Васильевича I-го до

* Мы пользовались четырьмя Нѣмецкими письмами Баузе къ М. Н. Муравьеву, находящимися въ бумагахъ послѣдняго, которыя принадлежали М. П. Погодину.

Петра Великаго (1477—1682)* «Въ первомъ періодѣ положено истинное основаніе прекраснѣйшаго зданія, во второмъ продолжалось его строеніе, но основаніе его еще не окрѣпло и угрожало паденіемъ, наконецъ въ третьемъ періодѣ основаніе зданія было возстановлено и укрѣплено, оно быстро возвысилось.» Въ призваніи Рюрика Баузе видитъ уже желаніе племенъ просвѣтиться; Владиміра онъ называетъ litterarum artiumque studiosus. Періодъ второй представляетъ менѣе утѣшительное зрѣлище. Виною удѣльныхъ междоусобій—Владиміръ, раздробившій Русь и такимъ образомъ пожертвовавшій личному интересу государственнымъ. Во вліяніи Татаръ Баузе различаетъ двѣ стороны, вредную и полезную: «черезъ Татаръ получили мы многія новыя орудія, одежды, травы, узнали Китай, Бухарію; отъ нихъ вошли въ языкъ нашъ многія слова.» Весьма замѣчательно мнѣніе Баузе объ Іоаннѣ IV Васильевичѣ. Онъ указалъ на односторонніе упреки иностранцевъ и соотечественниковъ, постигшіе память этого Государя, и на удивленіе, которое питалъ къ нему Петръ Великій, уже оправдывающее Іоанна въ глазахъ питомства.**

Таковы важнѣйшія изъ напечатанныхъ сочиненій Баузе. Достойный членъ Московскаго Университета, онъ высказалъ мысль, что стремленія профессоровъ не должны ограничиваться кругомъ Университета, но простираться на все государство вообще.*** Къ сожалѣнію рѣдко осуществлялъ онъ эту мысль на дѣлѣ. Кромѣ указанныхъ сочиненій, онъ произнесъ въ торжественныхъ собраніяхъ Университета слѣдующія рѣчи: 1) *Oratio in auspiciis imperii suscepti a Catharina II totius Russiae Autocratore sapientissima, justissima, felicissima ab Universitate Mosquensi rite ac pie celebrandis* D. XXX. Iun. A.C.M.D.CC.LXXXIX. dicta a Theodoro Bause; 2) *Oratio in sacris solemnibus asupicatissimae et faustissimae coronationis Pauli*

* Тамъ же, стр. 13. Замѣчательно, что періоды, постановленные Баузе для Исторіи Русскаго *просвѣщенія*, Н. И. Гречь приложилъ къ Исторіи Русской *литературы*. (Опытъ краткой Исторіи Русской литературы, 1822, С.-Петербургъ. стр. 7).

** Oratio de Russia etc., стр. 23.

*** Oratio in auspiciis imperii suscepti a Catharina II, p. 10.

Primi, ab Universitate Mosquensi rite ac devote celebrátis habita a Theodoro Bause. Mosquae. (*Слово на всевожделеннѣйшее и всерадостнѣйшее коронованіе Государя Императора и Самодержца Всероссійскаго Павла Перваго*, на Россійскій языкъ переведенное Сохацкимъ, 1797). По поводу Французской революціи Баузе издалъ сочиненіе: *О горячкѣ вольности* (1793 г. М., въ листъ, 2 с.).

Печатныя произведенія Баузе не могутъ дать понятія о разнообразіи его занятій и обширности его свѣдѣній. «Много собралъ и пріуготовилъ онъ матеріаловъ для большихъ и важнѣйшихъ сочиненій (говорилъ о немъ въ 1805 г. Митр. Евгеній). Особенные труды его обращены были на Политич. экономію, на Исторію литературы, Нумизматику, Дипломатику и Римское законовѣдѣніе. Всѣ его записки однакожь въ такомъ порядкѣ, что въ случаѣ, когда не успѣетъ онъ самъ привести ихъ въ составъ, то всякимъ свѣдущимъ въ сихъ предметахъ могутъ быть употреблены въ пользу и изданы». Баузе весь посвятилъ себя Университетскому преподаванію. Съ 1791 г., онъ преподавалъ послѣ Профессора Пургольда, уволеннаго по болѣзни, Римское право по Гейнекцію и Гёпферу, (а съ 1806 г. по Шмальцу), исторію Римскаго права по Баху. По юридическому направленію своему, Баузе принадлежалъ къ Германской школѣ, господствовавшей въ XVIII вѣкѣ, и былъ, по тогдашнему времени, достойнымъ ея представителемъ въ Университетѣ. Толкованіе *Гейнекція* на Институціи Юстиніановы, и *Гельфельда* на Пандекты — служили тогда руководствомъ при преподаваніи Римскаго Права во всѣхъ Германскихъ Университетахъ, и для Баузе они были тѣмъ же руководствомъ. На чистомъ Латинскомъ языкѣ излагалъ онъ догматическій курсъ Римскаго права, по четыре раза въ недѣлю, начиная съ краткаго очерка Исторіи и Древностей Римскихъ. Естественно, по краткости самаго времени, и по методическому направленію, курсъ ограничивался общими логическими понятіями безъ историческаго и аналитическаго ихъ развитія. Школа Глазговская, въ которой воспитались Десницкій и Третьяковъ, безспорно стояла тогда гораздо выше Германской — по своему историческому

* Другъ Просвѣщенія, 1805, № 6, стр. 217.

и практическому направленію. Но не смотря на это, лекціи Профессора Баузе охотно были посѣщаемы слушателями. Въ тоже самое время, какъ Директоръ Педагогическаго Института, Баузе, въ 1808 преподавалъ слушателямъ сего Института педагогическія и дидактическія правила. Въ Октябрѣ 1809 года Баузе уволенъ отъ должности Директора Педагогическаго Института, которую онъ занималъ съ Мая 1804 г., и мѣсто его занялъ Профессоръ Буле. Въ Надворные Совѣтники пожалованъ Мая 4-го 1797 г., въ Коллежскіе же Мая 18-го 1812 года.* Въ Іюнѣ 1805 года, онъ былъ избранъ Деканомъ отдѣленія нравственныхъ и политическихъ наукъ.** Августа 31-го 1805 года, во изъявленіе Высочайшаго благоволенія къ трудамъ въ образованіи юношества, Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Анны 2-го класса,*** 13-го Іюля 1807 года утвержденъ Ректоромъ Университета,**** и исполнялъ эту должность законный срокъ. Въ 1809 году пожалованъ въ Статскіе Совѣтники. Въ Декабрѣ 1809 года принятъ въ почетные члены Харьковскаго Университета (Пер. соч. № V, стр. 55).

Съ 1805 года Баузе обратилъ, по совѣту М. Н. Муравьева, дѣятельность свою на исторію Русской словесности. Планъ этого труда принадлежитъ Муравьеву, и, считая драгоцѣнностію письмо Баузе, относящееся къ этому предмету, мы приводимъ его почти все. Въ какомъ прекрасномъ свѣтѣ являются въ немъ и Попечитель и Профессоръ! «На послѣднее милостивое письмо Вашего Превосходительства имѣю честь предложить пока слѣдующее. Комитетъ, учрежденный въ прошломъ году***** Вашимъ Превосходительствомъ для составленія плана исторіи Русской литературы, состоящій изъ Профессоровъ Страхова, Антонскаго и Баузе, имѣлъ счастіе не только получить одо-

---

* Періодическое сочиненіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія, № XXIII, стр. 259.

** Тамъ же, № XIII, стр. 73.

*** Тамъ же, стр. 83.

**** Тамъ же, № XIX. стр. 136.

***** Письмо относится къ 1806 году 15-го Февраля.

бреніе своему коротенькому плану, но и приказаніе обработать для пробы отдѣльный періодъ по этому плану и представить вамъ. Съ этою цѣлью я предложилъ товарищамъ моимъ періодъ отъ Петра I до Екатерины I, какъ наиболѣе богатый и занимательный, и притомъ такъ, что для этой цѣли я читаю и дѣлаю извлеченія изъ иностранныхъ писателей; они читаютъ отечественныхъ писателей и изъ нихъ дѣлаютъ извлеченія. Когда такимъ образомъ собраны матеріалы, то обработку ихъ принимаетъ на себя или одинъ изъ насъ, или каждый дѣлаетъ свою работу и представляетъ другимъ. Что касается до меня, то я уже собралъ небольшой запасъ матеріаловъ для этой работы: не сомнѣваюсь, что и товарищи мои сдѣлали тоже. Впрочемъ съ большимъ трудомъ приходится вычитывать матеріалы изъ множества небольшихъ и объемистыхъ сочиненій, и часто тамъ, гдѣ вовсе не предполагаешь, находишь важныя, единственныя извѣстія для своего дѣла. — Каталоги, которыхъ требовали отъ нашихъ Профессоровъ, не получены, кромѣ математическаго отъ Г. Профессора Аршеневскаго. О каталогахъ нашихъ книгопродавцевъ мы сами позаботимся и надѣемся получить ихъ. Не такъ легко достать каталоги и другія, необходимыя для нашей работы, печатныя и рукописныя сочиненія изъ Святѣйшаго Синода, Государственнаго Архива и другихъ мѣстъ, если не возвысятъ насъ до формальнаго общества на тѣхъ же правахъ, и съ тѣмъ же значеніемъ, какъ и другія общества, состоящія при нашемъ Университетѣ. Тогда нашъ небольшой кружокъ (Häufleіn) можетъ не только расшириться по необходимости, но и работать съ большимъ значеніемъ, авторитетомъ, рвеніемъ и успѣхомъ.» Чѣмъ кончилось это предпріятіе, неизвѣстно. 18-го Марта 1802 Высочайше утверждена записка объ учрежденіи комитета для разсмотрѣнія уставовъ Академіи Наукъ, Академіи Россійской и Московскаго Университета. Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ Тайнымъ Совѣтникамъ и Сенаторамъ Муравьеву и Графу Потоцкому и Статскому Совѣтнику Академику Фусу, составивъ особый комитетъ, разсмотрѣть въ ономъ представленные Его Величеству новые уставы С.-Петербургской Императорской Академіи Наукъ, Академіи Россійской и Московскаго Университета и сообразовавъ ихъ съ намѣреніемъ

сихъ учрежденій и съ истинным средствомъ расширенія пользы ихъ и дѣйствія на народное просвѣщеніе сравнить съ лучшими въ семъ родѣ иностранными заведеніями и по сему сравненію сдѣлавъ надлежащія перемѣны или дополненія, представить Его Величеству положенія ихъ на утвержденіе.* Какъ старшій профессоръ, Баузе сдѣлался однимъ изъ членовъ комитета и отправился въ С.-Петербургъ; съ закрытіемъ коммиссіи Баузе опредѣленъ членомъ Главнаго Правленія училищъ.**

21-го Генваря 1811 года Баузе получилъ отставку съ полнымъ пенсіономъ (2000 рублей); продолжать при Университетѣ службу онъ не могъ «по разнымъ болѣзненнымъ припадкамъ.»*** Болѣзненное состояніе его происходило отъ невоздержной жизни, которой поддался онъ подъ старость. Баузе скончался въ Москвѣ, 25-го Мая 1812 года.

БЕКЕТОВЪ, Николай Андреевичъ, Коллежскій Совѣтникъ, Ординарный Профессоръ Политической Экономіи и Дипломаціи, изъ Оберъ-Офицерскихъ дѣтей, род. 1790 г. Мая 22-го, въ Орловской Губ.. Первое образованіе онъ получилъ въ Гимназіи Моск. Унив., а потомъ въ самомъ Унив., гдѣ любимымъ предметомъ его занятій были юридическія и политическія науки. Въ 1808 году Бекетовъ получилъ степень Кандидата, чрезъ два года потомъ степень Магистра, а въ 1811 г. степень Доктора Словесныхъ Наукъ и Философіи. Въ тоже время онъ предавался, по видимому, самымъ разнообразнымъ занятіямъ: такъ съ 1808 по 1813 г. въ Академической Гимназіи и Университетѣ онъ преподавалъ Латинскій Синтаксисъ и Реторику, также читалъ потомъ лекціи для чиновниковъ, обязанныхъ службою, и писалъ о различныхъ историческихъ и другихъ предметахъ; такимъ образомъ онъ въ своей автобіографіи, напечатанной имъ въ Русскомъ переводѣ Рихтеровой Исторіи Медицины, упоминаетъ о слѣдующихъ своихъ сочиненіяхъ: 1810 г. *Историческое разсмотрѣніе Царствованія Бориса Годунова*;

---

* Полное Собр. Зак. Р. И. Т. XXVII, № 20,187.

** Москвитянинъ, 1851 г., Часть III, стр. 27.

*** Період. сочин. о успѣхахъ народн. просв., № XXX, стр. 7—9.

Dissertatio de migratione gentium (pro gradu Magistri) 1811 г. *De genio ac indole Slavorum, Russiae hodiernae terras occupantium; Разборъ сатиръ Горація, Ювенала и Персія; Разсужденіе о заслугахъ Карла Великаго для современниковъ; De statuum Europae equilibrio e memoria rerum potissimum demonstrando.* Dissertatio inaug. (pro gr. Doctoris) и др. Сіе послѣднее сочиненіе, говоритъ Авторъ, не могло быть напечатано по причинѣ тогдашнихъ политическихъ обстоятельствъ. Успѣхъ преподаванія въ 1815 году доставилъ Бекетову мѣсто экстраординарнаго Профессора Исторіи, Географіи и Статистики. Онъ преподавалъ вспомогательныя историческія науки вмѣстѣ съ отечественною исторіею. По выбытіи Профессора Шлёцера изъ Московскаго Университета въ Боннъ, Бекетовъ получилъ званіе Ординарнаго Профессора Политической Экономіи и Статистики. Каѳедру эту онъ занималъ до своей смерти, постигшей его на 38 году жизни, Августа 8-го 1829 года.

Изъ сочиненій, изданныхъ имъ въ свѣтъ, извѣстны: *Слово о содѣйствіи Россіи благу Европы,* произнесенное 1817 года 6-го Іюня; *О древнѣйшихъ торговыхъ связяхъ Россійскихъ Славянъ съ другими народами и пути чрезъ Россію въ Грецію* (во 2 ч. Труд. Общ. Ист. и Др. Росс. 1824 г.) — Изъ переводовъ его извѣстны: *Рихтера — Исторія Медицины въ Россіи* 2-я и 3-я части (первая переведена Озеровымъ); *Вольтера — Исторія о царствованіи Петра Великаго,* 2 т.; *Клопштока Мессіада* въ прозѣ, 4 ч. М. 1820; неоконченная печатаніемъ *Хронологія по Гегевишу.* — Кромѣ того имъ читано было въ Медико-физическомъ Обществѣ въ 1819 году — разсужденіе: *О связи Статистики съ науками физическими и объ основаніи оной.*

БЕЛИ, Иванъ (John Baily), Лекторъ Англійскаго языка и Англійской словесности, преподавалъ Англійскій языкъ и Англійскую словесность, по два раза въ недѣлю, съ 1784 по 1809 годъ. Онъ дѣлилъ свои лекціи на два курса. Въ первомъ объяснялъ главныя правила Англійской грамматики и старался дать слушателямъ хорошій выговоръ, упражняя ихъ въ чтеніи и изустныхъ переводахъ лучшихъ писателей. Во второмъ или высшемъ курсѣ, онъ занималъ слушателей переводами съ Французскаго и Русскаго на Англійскій языкъ, объясняя имъ притомъ

правила синтаксиса. Здѣсь также объяснялъ онъ попеременно Комуса и другія поэмы Мильтона, избранныя мѣста изъ Шекспира, равно какъ и нравоучительныя стихотворенія Попе. Бели былъ природный Англичанинъ, высокаго роста, краснощекій, видной наружности, брюнетъ; онъ пользовался въ Москвѣ почетомъ. Такъ изобразилъ его Ил. Ѳ. Тимковскій въ своихъ Воспоминаніяхъ.

БИЛОНЪ, (Bilon) Николай, былъ преемникомъ Раульта (Raoult) и съ 1759 года по 1764 Лекторомъ Французскаго языка и Словесности. Въ теченіи двухъ лѣтъ онъ занималъ должность Секретаря Университетской Конференціи и писалъ протоколы на Французскомъ языкѣ. На лекціяхъ онъ объяснялъ Студентамъ Разговоры мертвыхъ (les Dialogues des morts) и другія сочиненія Фонтенеля, Фенелонова Телемака, читалъ имъ современныя газеты и пополнялъ ихъ географическими, историческими и геральдическими примѣчаніями. Онъ издалъ: 1) *Abrégé de la Syntaxe française* 1763 г. 2) *Abrégé de la Grammaire française en russe et en francais.* 1764 г. Скончался 1765 г. 7-го Января. Ему наслѣдовалъ на Французской каѳедрѣ Лекторъ Де Лери.

/ **БИНДГЕЙМЪ**, Іо. Іаковъ, Аптекарь, Членъ С.-Петербургскаго Экономическаго Общества и Королевскаго Берлинскаго испытателей природы и публичный Университетскій показатель аптекарскаго искусства. Онъ наслѣдовалъ Готтлибу Гильтебрандту въ преподаваніи Врачебнаго веществословія. По каталогу лекцій 1795 года, Биндгеймъ показывалъ Студентамъ ежедневно простыя, изъ трехъ царствъ природы взятыя лекарства, ихъ знаки и доброту, мѣста, откуда они привозятся, цѣну, за какую покупаются и продаются; за тѣмъ показывалъ также составъ сложныхъ лекарствъ, какія дѣлались у него по принятымъ въ аптекахъ наставленіямъ, не опуская и тѣхъ, какія обыкновенно прописываются въ рецептахъ медиками. По каталогу лекцій 1800 года, онъ читалъ Аптекарскую Химію руководствуясь Гагеномъ. Со введенія новаго Устава въ 1804 году, Биндгейму наслѣдовалъ на каѳедрѣ Аптекарской Химіи Адъюнктъ В. М. Котельницкій.

БОДУЭНЪ (Baudouin), Жанъ-Жакъ Стефанъ, Коллежскій Ассесоръ, Экстраординарный Профессоръ Французскаго языка, съ 1773 г. Янв. 23-го, послѣ Бордельера. Онъ читалъ Студентамъ Этимологію, Синтаксисъ, Стилистику, переводилъ съ ними на Французскій языкъ избранныя мѣста изъ Виргилія, Горація, и объяснялъ съ особенною любовію оды Ж. Б. Руссо, заставляя ихъ учить наизусть. Изъ сочиненій его напечатаны три торжественныя слова: 1) По случаю заключеннаго Россіею съ Оттоманскою Портою мира, произнесенное 1775 г. Іюля 25-го. 2) На рожденіе Е. И. В. Великаго Князя Александра Павловича 1778 года, Января 23-го, 3) *Le triomphe de l'éloquence dans la faculté des arts*, говоренное въ Университетскомъ собраніи на день восшествія на престолъ Императрицы Екатерины II, 30-го Іюня 1779 г. и стихотвореніе: Epithalame sur le mariage de Leurs Altesses Impériales Monseigneur le Grand Duc de Russie Constantin Pavlovitch et Madame la Grande Duchesse Anna Féodorowna, née Princesse de Saxe-Cobourg. 1796 г. Профессоръ Бодуэнъ скончался 1796 г. Октября 23-го дня. Ему наслѣдовалъ на Французской каѳедрѣ де Ватэ.

БОДЯНСКІЙ, Осипъ Максимовичь, Коллежскій Совѣтникъ, Магистръ, Исправляющій должность Ординарнаго Профессора Исторіи и литературы Славянскихъ нарѣчій, Вѣроисновѣданія Православнаго, изъ духовнаго званія, Полтавской губерніи, Лохвицкаго уѣзда, мѣстечка Варвы, род. 1808 г., Нояб. 3-го дня.

По окончаніи курса ученія въ Полтавской Духовной Семинаріи, въ то время находившейся въ городѣ Переяславлѣ, удостоенъ званія Студента, и, по увольненіи изъ Духовнаго вѣдомства, принятъ, по экзамену, въ число Студентовъ Московскаго Университета, 1831 г. въ первыхъ числахъ Октября. Окончивъ курсъ по факультету Словесныхъ Наукъ, по надлежащемъ испытаніи, утвержденъ въ степени Кандидата, 1834 г., Іюня 30-го. Утвержденъ въ степени Магистра Словесныхъ Наукъ, 1837 г., Іюня 16-го, послѣ защищенія, 31-го Мая, изслѣдованія: *О народной поэзіи Славянскихъ племенъ*, тогда же и напечатаннаго. Избранъ Дѣйствительнымъ Членомъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1837 г., Іюня 25-го; по всеподданнѣйшему докладу Г. Управлявшаго

Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, Государь Императоръ изъявилъ Высочайшее соизволеніе на отправленіе Бодянскаго за границу для усовершенствованія въ Исторіи и Литературѣ Славянскихъ нарѣчій въ извѣстныя чѣмъ либо, въ отношеніи къ избранной имъ наукѣ, мѣста Австріи, Турціи, Италіи, Германіи, Пруссіи, а также и въ Варшаву, на два года, съ производствомъ на содержаніе за границею и проѣздъ туда и обратно по 4,000 рублей асс. въ г., изъ экономическихъ суммъ Университета, 1837 г., Августа 31-го. Во исполненіе сего Бодянскій отправился за границу, 1837 г., Октября 14-го. Въ слѣдствіе представленія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, означенный двухъ-годичный срокъ пребыванія за границею, съ Высочайшаго соизволенія, отсроченъ на 6 мѣсяцевъ, съ отпускомъ на содержаніе въ продолженіе сего времени и на путевыя издержки 3,000 руб. ассигн. изъ экономической же суммы Университета, 1839 г., Іюня 20-го; потомъ, съ Высочайшаго соизволенія, дозволено ему пробыть за границею до Сентября 1840 года, съ выдачею на содержаніе и путевыя издержки въ теченіе послѣдующихъ пяти мѣсяцевъ 2,500 рублей 1839 г., Ноября 2-го; но Г. Бодянскій, по болѣзненному состоянію, не могъ отправиться въ Россію ранѣе Мая мѣсяца 1842 года; таковую причину къ отсрочкѣ ему пребыванія за границею Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія нашелъ заслуживающею уваженія. Явился въ Университетъ 1842 года, Сентября 9-го; утвержденъ Экстраординарнымъ Профессоромъ по каѳедрѣ Исторіи и Литературы Славянскихъ нарѣчій, 1842 года, Октября 29-го; за поднесенный Государю Императору экземпляръ книги: *«Славянское народописаніе»*, *соч. Шафарика*, переведенной съ Чешскаго языка и изданной въ 1843 году, объявлено ему Высочайшее Его Величества благоволеніе 1844 года, Января 2-го; избранъ Членомъ Общества Сѣверныхъ Антикваріевъ, 1845 г., Августа 27-го; произведенъ въ Надворные Совѣтники 1846 года, 9-го Сентября, со старшинствомъ съ 29-го Октября 1845 года; перевелъ съ Польскаго сочиненіе Дениса Зубрицкаго подъ названіемъ: *«Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой Руси»*, отъ водворенія Христіянства при Князьяхъ поколѣнія Владиміра Великаго до конца XV столѣтія. Москва, 1845 г.

Въ засѣданіи 1845 года, Февраля 6-го дня, Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, избранъ, по большому числу голосовъ, въ Секретари Общества. Находясь въ этомъ званіи началъ, по опредѣленію Общества въ засѣданіи 26-го Января, 1846 г., издавать «*Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ*», отъ засѣданія къ засѣданію, происходившихъ въ то время въ 4-ю субботу мѣсяца, кромѣ вакаціонной поры (Іюня—Августа), всего 9 книгъ въ годъ, объемомъ отъ 30 до 40 и больше листовъ сжатой печати (кромѣ первыхъ 2 книгъ, каждая въ 16 листовъ). Изданіе это продолжалъ съ начала 1846 года по Октябрь 1848 г., въ которомъ помѣстилъ много статей собственнаго сочиненія, равно какъ переведенныхъ имъ и другихъ старинныхъ, сопровожденныхъ разными изслѣдованіями, объясненіями и т. под. Всего выдалъ 23 книги. Г-мъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія утвержденъ исправляющимъ должность Ординарнаго Профессора, 1847 года Февраля 13-го; избранъ Дѣйствительнымъ Членомъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1847 года Апрѣля 9-го; произведенъ въ чинъ Коллежскаго Совѣтника 12-го Марта 1849 года, со старшинствомъ съ 1848 г., Октября 29-го. Г-мъ бывшимъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія назначено ему, на осн. ст. 514, 3 Т. Св. Зак. Уст. о пенс. и единов. пособ. за свыше 10-тилѣтнюю службу его въ единовременное пособіе годовой окладъ жалованья, всего 1,429 р. 60 к. с., 1848 г., Апрѣля 8-го. По распоряженію Г-на бывшаго Министра Народнаго Просвѣщенія перемѣщенъ въ Казанскій Университетъ тѣмъ же званіемъ, съ содержаніемъ положеннымъ по штату того Университета и съ сохраненіемъ обязанности по службѣ по назначенію Начальства не менѣе 12 лѣтъ, 1848 г., Октября 28-го; съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія уволенъ отъ службы при Казанскомъ Университетѣ, съ освобожденіемъ на будущее время отъ обязанности дослужить 6 лѣтъ въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1849 г., Января 2-го; въ отставкѣ былъ, безъ награжденія чиномъ, съ 1849 г., Янв. 2-го дня по 22 Дек. того же г.; Высочайшимъ Приказомъ по Гражданскому вѣдомству опредѣленъ по прежнему Исправляющимъ должность Ординарнаго Профессора Московскаго Уни-

верситета, 1849 г., Дек. 22-го; Государь Императоръ, 1850 г., Іюн. 16-го, удостоилъ благосклоннаго принятія поднесенный Его Императорскому Величеству экземпляръ сочиненія: «*Славянскихъ Древностей*», *соч. Шафарика*, переведеннаго Г. Бодянскимъ съ Чешскаго и напечатаннаго въ Москвѣ 1848 года, въ 5 книгахъ. Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичь, тоже принявъ эту книгу благосклонно, поручилъ благодарить отъ Имени Его Высочества. Г-мъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія объявлена ему, въ числѣ прочихъ, благодарность Его Сіятельства за найденный въ Московскомъ Университетѣ по учебной части отличный порядокъ, 1850 г., Августа 20-го; избранъ Дѣйствительнымъ Членомъ Общества Исторіи и Древностей Югославянскихъ, 1850 года, Октября 1-го.

БОЛДЫРЕВЪ, Алексѣй Васильевичь, Ординарный Профессоръ Восточной Словесности, Статскій Совѣтникъ, бывшій Ректоромъ Московскаго Университета, ордена Св. Анны 2-й степени Кавалеръ, Членъ Лондонскаго Азіятскаго Общества, сынъ Штабъ-лекаря, родился 16-го Марта, 1780 г. Въ 1798 году онъ былъ записанъ въ Университетскую Гимназію, гдѣ и обучался языкамъ Латинскому, Греческому, Французскому и Англійскому, Исторіи, Географіи и чистой Математикѣ. Въ 1800 году, онъ былъ удостоенъ отъ Университета серебряной медали, а въ 1801 году принятъ въ число Студентовъ. Пробывши два года въ философскомъ и одинъ годъ въ юридическомъ факультетѣ, онъ, въ 1805 году, получилъ степень Кандидата новѣйшей литературы; въ 1806 утвержденъ Магистромъ Философіи и свободныхъ наукъ. Въ этомъ же году, онъ имѣлъ счастіе получить отъ Государя Императора золотую табакерку за переводъ Еврейской грамматики, послѣ чего отправленъ былъ на счетъ Университета за границу для изученія Восточныхъ языковъ. Возвратясь въ Москву въ 1811 г., онъ произведенъ былъ въ Адъюнкты по каѳедрѣ Восточныхъ языковъ и въ томъ же году принятъ въ Дѣйствительные Члены Общества любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ и приглашенъ въ благородное Училище Ордена Св. Екатерины для преподава-

нія Русской Словесности, гдѣ и находился до 1818 году. Въ 1815 году возведенъ въ званіе Экстраординарнаго Профессора и временнаго Секретаря Совѣта. Въ 1817 году произведенъ въ Надворные Совѣтники; въ 1818 году утвержденъ Ординарнымъ Профессоромъ, а въ 1819 году избранъ Членомъ Училищнаго Комитета. Сверхъ того, онъ шесть разъ исправлялъ должность Секретаря въ Комитетѣ годовыхъ отчетовъ по всему Учебному Округу. Былъ Ректоромъ Московскаго Университета съ 1832 года по 1837 г. Награжденъ въ 1831 году Орденомъ Св. Анны 2-й степени, а въ 1832 году знакомъ отличія безпорочной службы за XXV лѣтъ.

Изъ ученыхъ трудовъ Профессора Болдырева извѣстны въ особенности слѣдующіе: 1) Duae Moallakat Antarae et Harethi sumtibus suis edidit Alexius Boldyreff, Gottingae. 1808. in 12. Эти двѣ древнія Арабскія поэмы очень замѣчательны по своему эстетическому достоинству и преимущественно по энергіи и трудности языка. 2) *Арабская Христоматія*, литографически изданная А. Болдыревымъ. Москва. 1824 г. 80 стр. Она содержитъ слѣдующія статьи: 1) изреченія; 2) повѣсти (изъ Chréstomathie Arabe par Sylvestre de Sacy); 3) басни (изъ книги Kalile wa Dimneh изд. Сильвестра де Саси); 4) стихотворенія (изъ Anthologie Arabe par Humbert.) Выборъ очень хорошъ; въ расположеніи статей соблюдена послѣдовательность и почеркъ вообще четокъ. 3) *Новая Арабская Христоматія*, изд. А. Болдыревымъ. Москва 1832 г. 2 ч. Содерржаніе: 1-ая ч. Проза: 1) Арабскія пословицы и изреченія; 2) басни Локмана; 3) отрывки историческіе изъ Эль-Фахри (Халифатства Гаруна Эррашида и Моста'сэма); 4) повѣсти; 5) сказки изъ Тысячи одной ночи; 6) двѣ повѣсти (изъ нихъ одна риѳмованной прозой); 7) изъ книги: Птицы и цвѣты; 8) бесѣды Харири и Хамадâни (риѳмованной прозой); Стихи: 1) мелкія стихотворенія; 2) поэмы изъ Хамâсы съ Арабскимъ комментаріемъ; 3) Элегія; 4) Кассыда Тограя; 5) молитва; 6) семь Моаллакатъ. 2-ая ч. Словарь. Вообще Новая Арабская Христоматія не заключаетъ въ себѣ ничего неизданнаго; но тѣмъ не менѣе она отличается хорошимъ выборомъ и занимательностью статей; при размѣщеніи же ихъ соблюденъ переходъ отъ легчайшаго къ труднѣйшему. Жаль, что Сло-

варь къ ней приложенный недостаточенъ и для Моаллакатъ вовсе служить не можетъ. 4) *Приключенія одного невольника*, Арабская повѣсть, сочиненіе Ахмэда бэнъ Арабши. Москва. 1824. (24 стр.) Эта сказка принадлежитъ знаменитому автору Жизнеописанія Тамерлана; она очень занимательна по своему содержанію и писана риѳмованной прозой; по языку же вообще не уступаетъ лучшимъ бесѣдамъ Харйри. (Перепечатана по тексту изданному Фрейтагомъ). 5) *Краткая Арабская Грамматика*, составленная А. Болдыревымъ — два изданія: 1-ое въ таблицахъ 1827 года; а 2-ое (съ уничтоженіемъ раздѣленія на таблицы) въ 1836 года. Составлена по грамматикѣ Сильвестра де Саси и содержитъ въ самомъ сжатомъ видѣ все то, чтò нужно для приготовленія себя къ чтенію текстовъ; въ ней нѣтъ ничего лишняго и, кромѣ этимологіи, есть даже примѣры на важнѣйшія правила Арабскаго синтаксиса. Однимъ словомъ, она удовлетворительна для начинающихъ; замѣтимъ однакоже, что при алфавитѣ выговоръ нѣкоторыхъ буквъ выставленъ невѣрно. 6) *Персидская Христоматія*, изд. А. Болдыревымъ. Москва. 1826, (Изданіе 1-е) двѣ части. Эта книжка, взятая также изъ текстовъ уже извѣстныхъ, отличается хорошимъ выборомъ и соблюденіемъ должной послѣдовательности. Она состоитъ изъ двухъ частей: 1-ая содержитъ статьи прозаическія и поэтическія, а 2-ая Персидско-Русскій Словарь. Изданіе ея въ скоромъ времени истощилось, а вмѣсто нея напечатана была А. В. Болдыревымъ новая. 7) *Персидская Христоматія*. Москва. 1833. 3 ч. Статьи, взятыя изъ перваго изданія, въ ней исправлены; многія выпущены и замѣнены новыми, заимствованными изъ лучшихъ сочиненій. Первая часть заключаетъ въ себѣ прозу, а именно: повѣсти, басни, историческіе отрывки и смѣсь. Вторая посвящена поэзіи и содержитъ: краткія мысли и отрывки, статьи изъ Пэндъ-нôмэ Са'ди и 'Эттôра, изъ Бустôна Са'ди, изъ Энвôри Сугэйли, касиды и газели Са'ди, отрывки изъ поэмы Джôмѝ, изъ дивôна Хôфиза и изъ Сатиры Фэрдòуси. Выборъ вообще очень занимателенъ, тексты расположены въ порядкѣ; словарь полонъ и вообще удовлетворителенъ.

Въ 1812 году, въ Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности, Болдыревъ помѣстилъ: Разсужденіе «*О сред-*

ствахъ исправить ошибки въ глаголѣ» (часть 2-я и 3-я). Мнѣніе его о томъ, чтобы видами и ученіемъ о производствѣ глагола замѣнить спряженія Ломоносова и старой Академической Грамматики, встрѣчено было сильными возраженіями, которыя вмѣстѣ съ его отвѣтомъ были напечатаны въ томъ же повременномъ изданіи (1816 г. часть 6-я). Наконецъ тамъ же въ 1819 г. (часть 15-я) были напечатаны примѣчанія на разсужденія Болдырева отъ лица А. М. Б. Указавъ на различіе глаголовъ по видамъ, Болдыревъ предлагаетъ отдѣльно спрягать каждый видъ глагола, какъ самостоятельное реченіе, образовавшееся помощію производства. «Мы знаемъ, говоритъ онъ, что прилагательныя *бѣлъ*, *бѣленекъ*, имѣютъ свое сходство и свое различіе въ свойствахъ; что они должны склоняться отдѣльно; слѣд. и глаголы *хлопать* и *хлопнуть*, *рубить* и *срубить*, имѣя свое сходство и свое различіе въ дѣйствіи, должны спрягаться особенно, а не вмѣстѣ; а потому и должны быть отдѣлены другъ отъ друга.»

Для того, чтобы удобнѣе провести свою теорію по всѣмъ глаголамъ, авторъ допускаетъ формы, неупотребительныя въ простомъ видѣ (напр. *дуваю*), и употребляемыя только въ сложеніи съ предлогами (напр. *раздуваю*, *продуваю*). Сверхъ того онъ указываетъ на то, что глаголы различныхъ видовъ, напр. *дую* и *дуну*, слѣдуютъ общему закону спряженія (ду—ешь ду—ютъ, дун—ешь дун—утъ), чѣмъ и доказываетъ различіе спряженія отъ производства видовъ. Въ основныхъ понятіяхъ о глаголѣ Болдыревъ сошелся съ Фатеромъ. Это сходство нашъ Профессоръ объясняетъ тѣмъ, что, путешествуя по Германіи, онъ переписывался съ Фатеромъ по сему предмету, и что оба они, «стараясь открыть истину, открыли ее въ одно время.»

Профессоръ Болдыревъ скончался въ отставкѣ, въ 1842 году, 17-го Августа, въ Москвѣ.

БОРДЕЛЬЕРЪ, Францискъ Берландъ де ла (François Berland de la Bordelière), Почетный Профессоръ (Professeur honoraire) Французскаго языка въ Московскомъ Университетѣ. Онъ занялъ эту должность послѣ Лектора Сен-Никола въ 1772 г. и оставилъ ее въ 1773 г. На лекціяхъ онъ читалъ со студентами замѣчательныя статьи изъ современныхъ газетъ, пополняя ихъ

замѣчаніями историческими и географическими. Въ преподаваніи обращалъ особенное вниманіе на естественныя науки; имѣлъ намѣреніе издавать еженедѣльный листокъ, который заключалъ бы въ себѣ все читанное имъ въ теченіи недѣли, для того, чтобы студенты и преподаватели могли имъ пользоваться, но онъ не исполнилъ своего намѣренія; произнесъ *Похвальное слово Императрицѣ Екатеринѣ II* въ торжественномъ собраніи Университета въ 1772 году. Бордельеру на Французской каѳедрѣ наслѣдовалъ Профессоръ Бодуэнъ.

БРАШМАНЪ, Николай Дмитріевичъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Ординарный Профессоръ Прикладной Математики, Вѣроисповѣданія Православнаго, Ор. Св. Анны 2-й степ. Императорскою короною украшеннаго, Св. Станислава 2-й ст. Кавалеръ, имѣетъ знакъ отличія безпорочной службы за XXV лѣтъ, Моравскій уроженецъ, принявшій присягу на подданство Россіи, родился въ 1796 г. Іюня 14-го дня, въ Росеновѣ близь города Брюнна, изъ купеческаго званія. Получилъ приготовительное воспитаніе въ домѣ родителей, потомъ обучался въ Вѣнскомъ Университетѣ и въ Политехническомъ Институтѣ, и былъ репетиторомъ высшей Математики въ Вѣнскомъ Университетѣ, въ 1821 году. Пріѣхавъ въ Россію, занималъ высшій физико-математическій классъ въ С.-Петербургскомъ Петропавловскомъ Училищѣ съ Января мѣсяца 1824 года. Отъ должности преподавателя по прошенію уволенъ Мая 22-го. Опредѣленъ Адъюнктомъ физико-математическихъ наукъ въ Казанскій Университетъ 1825 г. Марта 11-го, гдѣ преподавалъ Чистую Математику, часть Сферической Астрономіи, а потомъ Механику. Октября 8-го, поручена ему была должность главнаго Надзирателя въ Казанской Гимназіи. Командированъ для исправленія должности Инспектора Студентовъ, 1826 г. Января 8-го. Отъ сей должности уволенъ, Іюля 1-го. Г-мъ Исправлявшимъ должность Попечителя изъявлена благодарность за успѣхи обучающихся у него Студентовъ, 1828 года Іюля 23-го. Произведенъ въ чинъ Надворнаго Совѣтника, 1831 г. Декабря 7-го дня, со старшинствомъ съ 11-го Марта, 1830 г. Секретаремъ Испытательнаго Комитета для поступающихъ въ Университетъ опредѣленъ на одинъ годъ 1832 Іюня 21-го.

Перемѣщенъ въ Московскій Университетъ Экстраординарнымъ Профессоромъ по каѳедрѣ Прикладной Математики, 1834 г. Августа 17-го. Утвержденъ Ординарнымъ Профессоромъ по оной же каѳедрѣ, 1835 года Января 5-го. Изъявлена Г-мъ Помощникомъ Попечителя Московскаго Учебнаго Округа совершенная благодарность за ревностное и успѣшное исполненіе имъ обязанности въ участвованіи по изданію Ученыхъ Записокъ за 183⁴/₅ Академическій годъ, 1835 года Іюля 24-го. Опредѣленъ Инспекторомъ частныхъ въ Москвѣ учебныхъ заведеній на 1836 г. Января 1-го, на 1837 г. Января 22-го, на 1838 Января 18-го. Получилъ отъ Академіи Наукъ полную Демидовскую премію за изданное имъ сочиненіе: *Курсъ Аналитической Геометріи*, 1836 г. Съ Ноября мѣсяца 1835 г. до Іюня 1836 г. по порученію Начальства преподавалъ Студентамъ 1-го курса Аналитическую Геометрію, за каковой особенный трудъ изъявлена совершенная благодарность Г-на Попечителя, Октября 20-го. Г-мъ Попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа, на основаніи Высочайше утвержденнаго Устава Университетовъ § 156, возложено наблюденіе за руководствомъ въ практическихъ упражненіяхъ Студентовъ Педагогическаго Института, 1837 г. Января 25-го. По званію Инспектора надъ Частными въ Москвѣ Учебными Заведеніями изъявлена Г-мъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія полная признательность, 1837 г. Февраля 26-го. Произведенъ въ Коллежскіе Совѣтники 1838 года Іюня 11-го дня, со старшинствомъ съ 1835 г. Ноября 20-го. Присуждена ему Академіею Наукъ полная Демидовская премія за изданное сочиненіе подъ заглавіемъ: «*Теорія равновѣсія тѣлъ*;» но по недостатку суммъ, получилъ только половинную премію, въ 1838 г. Съ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества соизволенія опредѣленъ Инспекторомъ классовъ въ Училища: Ордена Св. Екатерины и Александровское, 1838 г. Декабря 13-го. Отъ должности Инспектора надъ частными въ Москвѣ учебными заведеніями уволенъ 1839 г., Января 3-го. Изъявлена благодарность Г-на Министра Народнаго Просвѣщенія за усердіе къ службѣ по должности Инспектора надъ частными въ Москвѣ учебными заведеніями 1839 г. Марта 9-го. Принялъ присягу на подданство Россіи въ Московскомъ Губернскомъ Правленіи, 1839 г.

Октября 16-го. Произведенъ въ Статскіе Совѣтники 1846 г. Февраля 28-го дня, со старшинствомъ со дня узаконенной выслуги въ прежнемъ чинѣ. Получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ, при грамотѣ за № 1011, 1841 г. Августа 22-го. По Высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію награжденъ бриллiантовымъ перстнемъ по службѣ въ Училищѣ Ордена Св. Екатерины, 1841 г. Августа 22-го. Въ 1842 году, съ Высочайшаго соизволенія уволенъ за границу въ Германію, Францію и Англію для ученой цѣли на 4 мѣсяца, и явился на срокъ. Всемилостивѣйше пожалованъ Орденомъ Св. Станислава 2-й степени по службѣ его въ Московскомъ Училищѣ Ордена Св. Екатерины, 1843 г. Мая 1-го. Всемилостивѣйше пожалованъ Орденомъ Св. Анны 2-й степени 1846 г. Апрѣля 27-го. Получилъ знакъ отличія безпорочной службы на перемѣну прежняго за XX лѣтъ, при грамотѣ за № 314, 1848 Августа 22-го. Всемилостивѣйше пожалованъ Орденомъ Св. Анны 2-й степени Императорскою Короною украшеннымъ, 1849 г. Ноября 11-го. Г-мъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія, по выслугѣ имъ 25 л. срока по учебной части, оставленъ на службѣ еще на пять лѣтъ, считая съ 11-го Августа 1850 года, какъ со дня выслуги означеннаго срока.—1850 г. Мая 24-го, Г-мъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія объявлена ему, въ числѣ прочихъ, благодарность Его Сіятельства за найденный въ Московскомъ Университетѣ по учебной части отличный порядокъ. 1850 г. Августа 20-го получилъ знакъ отличія безпорочной службы на перемѣну прежняго за XXV л. достоинство при грамотѣ за № 260. 1851 г. 22-го Августа Всемилостивѣйше пожалованъ за службу Инспектора классовъ Московскаго Училища Ордена Св. Екатерины, въ чинъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, 1852 года 29-го Іюля.

Напечатанные и литографированные труды Профессора Брашмана суть слѣдующіе: 1) *Общія разсужденія о математическомъ анализисѣ и примѣръ изслѣдованія дифференціальныхъ уравненій по новому способу Штурма*. Въ Московск. Учен. Запискахъ 1834 года, Часть 6-я, стран. 24 до 37; 2) *О трансцендентныхъ функціяхъ Абеля*, ibid. стран. 325 до 341; 3) *Разсужденіе Пуассона объ интегралахъ алгебраиче-*

скихъ функцій. Въ Моск. Учен. Запискахъ 1835 года, часть 7-я, стран. 466 до 474; 4) *Примѣчаніе къ теоріи наибольшихъ и наименьшихъ величинъ функцій многихъ перемѣнныхъ,* Въ Моск. Учен. Запискахъ 1835 года часть 8-я стран. 131 до 140; 5) *О новомъ фотометрѣ Штейнгейля* ibid. стран. 482 до 486; 6) *Приложеніе теоріи неравенствъ.* Разсужденіе Профессора Брашмана. Въ Моск. Учен. Записк. 1835 года, часть 9-я стран. 381 до 403; 7) *Рѣшеніе задачи изъ Исчисленія вѣроятностей* ibid. стран. 523 до 525; 8) *Курсъ Аналитической Геометріи,* 1836 г.; 9) *Теорія равновѣсія тѣлъ твердыхъ* и *жидкихъ.* 1837 г.; 10) *Курсъ Оптики,* (въ дополненіе къ математической Энциклопедіи), въ 1840—1841 акад. году. Это сочиненіе не окончено, и на 192 страницахъ содержитъ только теорію простаго отраженія и преломленія съ теоріею сферической аберраціи. По причинѣ смерти издателя Ширяева и весьма значительной перемѣны въ системѣ науки, произведенной Гаусомъ и Біотомъ, авторъ счелъ нужнымъ составить курсъ Оптики по новой системѣ и прекратилъ напечатаніе прежняго курса. Одинъ экземпляръ напечатанныхъ листовъ находится въ Университ. библіотекѣ. 11) Рѣчь: *О вліяніи Математики на развитіе умственныхъ способностей,* произнесенная на актѣ 1841 года. 12) *О невидимыхъ лучахъ свѣта, Мозера.* Напечатано въ Bulletin de l'Académie des Sciences de St-Pétersbourg, 1842 года. 13) *Объ Англійскихъ Университетахъ.* Въ 38 томѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1843 года. 14) *Элементарный курсъ Механики,* для Студентовъ 2-го курса, литографированный въ 1847 году. 15) Note sur le mouvement du pendule simple ayant égard à la rotation de la terre. Напечатано въ Bulletin de l'Académie des Sciences de St-Pétersbourg 1851 года. 16) *О стереоскопѣ.* Въ Московск. Вѣдомост. 1853 года № 33. 17) Литографированный *Курсъ Механики* 1-я часть 1853 года. Этотъ Курсъ будетъ напечатанъ въ теченіи 1854 года.

БРОССЕ, Петръ Өедоровичь, Докторъ Медицины, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Кав. Орд. Св. Влад. 3 ст., Св. Анны 2-й ст. Императорскою короною украшеннаго и Св. Станислава 2-й ст., имѣетъ Дворянскую медаль за 1812 годъ учрежден-

ную и знакъ отличія безпорочной службы за XXV лѣтъ, Совѣщательный Членъ Медицинскаго Совѣта при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, Директоръ и Главный Врачь Московской Глазной Больницы, Экстраординарный Профессоръ Императорскаго Московскаго Университета Глазной Клиники, Глазной Докторъ въ Екатерининскомъ и Александровскомъ Институтахъ, Врачь Прѣсненской школы Московскаго Благотворительнаго Общества, Членъ и Секретарь Императорскаго Московскаго Физико-Медицинскаго Общества, Членъ Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы, Московскаго Попечительнаго Комитета Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, Московскаго Медико-Фармацевтическаго Попечительства и Парижскаго Магнетическаго Общества, — родился 1-го Іюля 1793 года, въ г. Ригѣ. Отецъ его былъ уроженецъ Прусскій, а мать, урожденная Фаберъ, родилась въ *Лифляндіи*. 1803 г. вступилъ онъ въ Императорскій Рижскій Лицей и окончилъ полный курсъ въ ономъ Лицеѣ, преобразованномъ въ 1804 году въ Губернскую Гимназію. — 1810 года поступилъ Студентомъ Медицинскаго Факультета въ Императорскій Дерптскій Университетъ, гдѣ слушалъ лекціи у Профессоровъ: Гринделя, Паррота, Цихоріуса, Ледебура, Балка, Штикса, Дейча и Іохмана. 1812 г., по случаю открывшейся войны и приближенія къ городу Ригѣ непріятельскихъ отрядовъ, послѣдовавъ воззванію Правительства къ Студентамъ практическаго курса Медицинскаго Факультета, исправлялъ должность Ординатора въ Рижскомъ военномъ гошпиталѣ, съ 8-го Октября 1812 года по 28-го Марта 1813 г., и совершилъ нѣсколько весьма важныхъ хирургическихъ операцій.— Опасно заболѣвши гошпитальнымъ тифомъ, онъ только въ Августѣ мѣсяцѣ того же года могъ возвратиться въ Дерптскій Университетъ. — 1814 г. 23-го Мая, былъ произведенъ въ Дерптѣ въ степень Доктора Медицины. — Для усовершенствованія въ наукѣ и практикѣ медицинской, путешествовалъ на своемъ иждивеніи пять лѣтъ: въ Германіи, Франціи и Италіи. Осенью 1814 г. отправился онъ въ Вѣну, гдѣ тогда почти всѣ коронованныя Особы собрались на конгрессъ; здѣсь онъ пріобрѣлъ знакомство съ знаменитымъ И. П. Франкомъ, и въ теченіи полутора года, посѣщалъ клиники: медицинскую Валент.

фонъ Гильдебранта, хирургическую Руста и Керна, акушерскую Бёра (Boёr). Посвятивъ себя предпочтительно ученію о глазныхъ болѣзняхъ, участвовалъ въ глазной Клиникѣ Профессора Бера (Beer), удостоившаго его особенной своей благосклонности. — Пользовавшись практическими и операціонными курсами у Профессоровъ Бера и Іегера (Iaeger), въ Глазной Клиникѣ, въ присутствіи Членовъ Россійскаго Посольства и ученой отъ Вѣнскаго Университета Коммисіи, съ совершеннымъ успѣхомъ произвелъ четыре операціи катарактъ посредствомъ извлеченія хрусталика. — У Профессора Цанга имѣлъ частный курсъ акіургическій. — Въ Іюнѣ 1816 г., оставивъ Вѣну, чрезъ Тироль отправился въ Ландсгутъ къ Филиппу фонъ Вальтеру и въ Мюнхенъ къ знаменитому анатому Зёммерингу и извѣстному хирургу Ассалини. — Въ Тюбингенѣ посѣтилъ онъ Аутенрита и Кильмайера, Боненбербера и Гмелина, — въ Штуттартѣ Маттиссона и Гауга (Haug), Рихтера (Jean Paul Friedr.) въ Байрейтѣ, Гёте въ Веймарѣ, — Текстора, Деллингера въ Вирцбургѣ, Изенфламма и Шрегера въ Эрлангенѣ, Лёбенштейна-Лебеля, Окена, Шенлейна, только что произведеннаго въ Доктора, въ Іенѣ, Розенмюллера, Бока и Іерга (Ioerg) въ Лейпцигѣ, Шюца и Лафонтена въ Галлѣ.— Осенью тогоже 1816 г. прибылъ онъ въ Берлинъ, гдѣ въ теченіи года практически занимался въ клиникѣ Горна, Клуге, Гуфеланда, Вольфарта, Грефе и Руста, который, переселившись между тѣмъ изъ Вѣны въ Берлинъ въ качествѣ Генералъ-Хирурга и Профессора Хирургіи и Офталміатріи, почтилъ его особенною благосклонностію и даже поручалъ ему изъ частной своей практики нѣсколько больныхъ.—Подъ надзоромъ Профессора Грефе, дѣлалъ онъ съ успѣхомъ операцію отнятія женской груди, одержимой ракомъ. — Кромѣ того, онъ пріобрѣлъ знакомства съ Зибольтомъ и съ ветеранами Хирургіи, Герке и Мурзинною. Заболѣвши сильнымъ и упорнымъ катарромъ легкихъ и рѣшившись провести зиму въ тепломъ климатѣ, въ началѣ Ноября 1817 г., въ сопровожденіи своего брата проходилъ пѣшкомъ сѣверную Швейцарію, верхнюю Италію, пробывъ нѣсколько времени въ окрестностяхъ Лаго Маджіоре, Комскаго и Луганскаго озеръ, посѣтилъ Миланъ, Павію,—гдѣ представился Скарпѣ и Вольтѣ, — Верону, Па-

дую, Брешію, Венецію, Феррару, Болонью, Флоренцію, Римъ и Неаполь, и на возвратномъ пути Ливорно, Генуюю и Ниццу. Потомъ въ Апрѣлѣ 1818 г., чрезъ Марсель и Ліонъ, отправился въ Парижъ, гдѣ, пробывъ восемь мѣсяцевъ, посѣщалъ хирургическія клиники Профессора Леру (Leroux) въ Charité, Дюпютрена въ Hôtel-Dieu, Ларрея въ Hôpital de la garde nationale, Дюбоа (Dubois) въ Ecole de Médécine, клиники сыпныхъ и надкожныхъ болѣзней Алиберта, венерическихъ болѣзней Кюллеріе (Cullerier), участвовалъ у Беклара въ операціонномъ курсѣ, слушалъ у Галля лекціи Френологіи и Токсикологіи у Орфилы. Познакомившись коротко съ Докторомъ Делезомъ (Deleuze), принятъ въ Члены Магнетическаго Общества. — Въ концѣ Ноября, чрезъ Страсбургъ и Карлсруэ, поѣхалъ въ Гейдельбергъ, гдѣ самымъ ласковымъ образомъ былъ принятъ Профессоромъ Хеліусомъ, съ которымъ уже въ Вѣнѣ и Берлинѣ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ дружескихъ отношеніяхъ.—Здѣсь онъ познакомился съ Тидеманомъ, Негеле, Юнгомъ Штиллингомъ, Тибо и Фоссомъ.—Въ Февралѣ 1819 г., отправился чрезъ Франкфуртъ на Майнѣ и Кассель въ Геттингенъ, гдѣ, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, пользовался занимательными и поучительными бесѣдами Лангенбека, Гимли, Озіандера, отца и сына Штромейера, и Блюменбаха.— Чрезъ Берлинъ и Любекъ возвратился въ Августѣ мѣсяцѣ обратно въ Ригу, откуда въ Февралѣ 1820 года поѣхалъ въ С.-Петербургъ, чтобы сыскать себѣ для практическихъ занятій казенное или частное мѣсто.—По рекомендаціи Лейбъ-Медиковъ: Крейтона, Вилліе и Штофрегена, знакомство которыхъ пріобрѣлъ уже прежде, опредѣлился онъ врачемъ у Графа С. П. Румянцева и Князя П. А. Голицына, въ семействѣ котораго онъ провелъ три съ половиною года, Черниговской губерніи въ слободѣ Топали. Въ устроенной тамъ для крестьянъ больницѣ и въ деревняхъ сосѣднихъ дворянъ, нашелъ онъ много практическихъ занятій и съ полнымъ успѣхомъ произвелъ нѣсколько операцій катарактъ. Изъ Чернигова и Кіева, съ семействомъ Князя Голицына, переѣхалъ въ 1823 г., въ Москву, гдѣ и самъ Князь поселился.—Здѣсь Броссе былъ избранъ въ члены Физико-Медицинскаго Общества, въ Іюлѣ 1823, назначенъ Ординаторомъ Голицынской Больницы,

въ которой онъ въ 1825 г. устроилъ двѣ палаты для больныхъ глазами; — въ Мартѣ того же года избранъ въ члены Общества Испытателей Природы. — По ходатайству Князя П. А. Голицына и по одобреніи представленнаго имъ проэкта объ учрежденіи въ Москвѣ, на подобіе существовавшей тогда уже въ С.-Петербургѣ, Глазной Больницы, Генералъ Губернаторомъ Московскимъ Свѣтлѣйшимъ Княземъ Д. В. Голицынымъ, 1826 г. 17-го Марта, былъ утвержденъ въ званіи Директора и Главнаго Врача при вновь открытой Глазной Больницѣ, каковую должность понынѣ отправляетъ безъ жалованья. — Болѣе 2,000 операцій катарактъ и 300 искусственныхъ зѣницъ, онъ произвелъ въ этой больницѣ въ теченіи 28 лѣтъ.— Между тѣмъ опредѣленъ былъ также Глазнымъ Докторомъ при Екатерининскомъ и Александровскомъ Институтахъ, — Всемилостивѣйше произведенъ въ Надворные Совѣтники, пожалованъ Кавалеромъ Орд. Св. Влад. 4 ст., и отъ Ея Величества, почившей въ Бозѣ Императрицы Маріи Θеодоровны, пожалованы ему, за пользованіе придворныхъ лицъ, бриллiантовый перстень и золотая табакерка. — 1827 г. назначенъ Членомъ Попечительнаго Комитета Человѣколюбиваго Общества и за участіе въ общихъ трудахъ, по дѣламъ онаго, объявлено ему Высочайшее благоволеніе въ 1829 г. Въ Мартѣ того же года, назначенъ Инспекторскимъ Помощникомъ въ Голицынской Больницѣ; — 1830 года Высочайше пожалованъ ему, по должности Директора Глазной Больницы, бриллiантовый перстень. Во время свирѣпствовавшей въ Москвѣ въ томъ же году холеры, былъ Членомъ временнаго Медицинскаго Совѣта и Медицинскимъ Инспекторомъ по Якиманской части и больницъ въ оной, съ Сентября 1830 г., по день прекращенія болѣзни, за что и объявлено ему Высочайшее благоволеніе, а въ Маѣ 1831 года пожалованъ Кавалеромъ Ордена Св. Анны 2 ст. За отсутствіемъ Инспектора и Главнаго Доктора Голицынской Больницы исправлялъ должность его съ 30-го Апрѣля по 13-е Сентября 1831 года. Въ Маѣ 1832 года опредѣленъ по Высочайшему Его Императорскаго Величества соизволенію, Глазнымъ Докторомъ при Александринскомъ Сиротскомъ Институтѣ безъ жалованья; 1833 г. уволенъ отъ должности Инспекторскаго Помощника Голицынской Больницы

съ оставленіемъ Консультантомъ при оной; въ томъ же году произведенъ въ Коллежскіе Совѣтники. — 1834 г. Всемилостивѣйше пожалованъ ему, въ знакъ Высочайшаго благоволенія, бриллiантовый перстень. — 1836 г., по должности Глазнаго Доктора при Александринскомъ Сиротскомъ Институтѣ, Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ Ордена Св. Станислава 3 ст., которая, по Высочайшему Указу 22-го Марта 1839 года, переименована во 2 степень. — 1837 г. пожалованъ въ Статскіе Совѣтники. — 1838 г. опредѣленъ Докторомъ Прѣсненской Школы Московскаго Благотворительнаго Общества, безъ жалованья. 1840 г. Всемилостивѣйше пожалованъ знакомъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ. — 1841 г., по должности Глазнаго Доктора въ Александринскомъ Сиротскомъ Институтѣ, пожалованъ Орденомъ Св. Анны 2 класса Императорскою короною украшеннымъ. — 1844 г. въ воздаяніе отлично-ревностной службы и особыхъ трудовъ, пожалованъ Кавалеромъ Ордена Св. Владиміра 3 ст. — 1845 г. пожалованъ знакомъ отличія безпорочной службы за XX лѣтъ. Утвержденный въ званіи Э. Ординарнаго Профессора Госпитальной Глазной Клиники при Моск. Унив. 20-го Сент. 1846 г., преподаетъ съ тѣхъ поръ Студентамъ Медиц. Фак. практическое ученіе о распознаваніи и леченіи глазныхъ болѣзней въ Глазной больницѣ. — 1847 г. по прошенію уволенъ отъ должности Консультанта при Голицынской больницѣ съ полнымъ пенсіономъ по 129 рублей въ годъ. Въ томъ же году за отлично ревностную службу и особые труды по должности Директора Глазной Больницы, объявлено ему Высочайшее благоволеніе. — 1849 г. по той же должности произведенъ въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники. — Въ Августѣ 1850 г., во время появившейся глазной болѣзни между нижними чинами Московскаго Внутренняго Гарнизоннаго Баталіона, по предписанію Г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, составилъ Комитетъ для изслѣдованія глазной болѣзни и назначенія способовъ къ прекращенію ея и былъ Предсѣдателемъ онаго Комитета. Въ томъ же году получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XXV лѣтъ. 5-го Сентября избранъ въ Совѣщательные Члены Медицинскаго Совѣта. — По случаю преобразованія Александринскаго Сиротскаго Института

въ Кадетскій Корпусъ, 31-го Октября 1850 года, уволенъ отъ занимаемой имъ должности Глазнаго Доктора съ награжденіемъ Всемилостивѣйше пожалованнымъ подаркомъ по чину.—За отлично усердную и ревностную службу объявлено ему Монаршее благоволеніе 6-го Мая 1853 года. — Ученые труды его слѣдующія: Dissertatio inauguralis de haemorrhagia pulmonum. Dorpat. 1814. 8.—M. P. Orfila Rettungsverfahren bei Vergiftungen und Scheintod (Переводъ съ Франц.) Berlin. 1818. 8. — Sur quelques effets du Magnétisme observés à Berlin. въ Bibl. du Magnétisme animal. T. 5. 1818. стр. 64—76.—Description du baquet magnétique composé de Mr. Wolfart à Berlin. Тамъ же. T. 6. 1818. стр. 225—34. съ рис.—Ueber die in Frankreich üblichen Methoden, den grauen Staar zu operiren, въ Rust Magazin für Heilkunde. T. 6. 1819. стр. 151—52. — Heilungen von Epilepsien. Тамъ же. стр. 153—54.—Beobachtung eines mit der Darmscheere vom Prof. Dupuytren im Hôtel-Dieu in Paris angestellten Heilungsversuches eines künstlichen Afters. Тамъ же. стр. 239—63. — Anwendung der Moxa auch in innern Krankheiten. Тамъ же. стр. 332—33. — Exstirpation des Astragalus. Тамъ же. стр. 333. —Die Hungerkur mit Erfolg in Heidelberg angewandt. Тамъ же. стр. 410. — Eiterversetzungen nach der Brusthöhle. Тамъ же. стр. 409—10. — Von der Schädlichkeit des Darinlassens einer Röhre in der Steinschnittwunde. Тамъ же. стр. 410—11. — Anwendung der Knopfnath bei der Operation der Hasenscharte. Тамъ же. стр. 410. — Etwas über den Zustand der Augenheilkunde in Frankreich. Тамъ же. стр. 412—13. — Ueber Dubois Methode den Stein bei Weibern zu operiren. Тамъ же. стр. 413—14. — Beobachtung einer grossen, klopfenden, telangiektasischen erectilen Geschwulst des rechten Ohres, nebst aneurismatischer Ausdehnung der Temporal-Auricular- und Occipital-Arterien; auf den Weg der Heilung gebracht durch Unterbindung des Stammes der Arteria Carotis. Тамъ же. T. 7.—1820. стр. 161—81. — Bekanntmachung von Larrey's durch Erfahrung sehr bewährte Verbandmethode bei Beinbrüchen. Тамъ же. стр. 493—94. — In Frankreich übliche Operations-Methode der Hydrocele. Тамъ же. стр. 494—95. — Larrey's Behandlungsart grösserer Operations-wunden.

Тамъ же. стр. 495.—Die Vorzüglichkeit des Einschnittes bei der Paraphymosis. Тамъ же. стр. 495—96. — — Einige vom H. Professor Dubois aufgestellte Erfahrungssätze aus dem Gebiete der Medicin, Chirurgie u. Geburtshülfe. Перев. съ Французск. въ Rust Magazin für Heilkunde. T. 7. 1820. ст. 14. стр. 229—61. — съ рисунк. — Deleuze über den Magnetismus. Пер. съ Франц. въ Wolfart Jahrb. für Lebensmagnetism. T. 3. 1820. стр. 11—34. — Ein eigenthümliches Nervenleiden nach 8-tägiger Dauer durch animalischen Magnetismus geheilt. Въ Mittheilungen aus dem Gebiete der Heilkunde, herausgegeben von mehreren prakt. Aerzten Moskau's. Leipzig. 1845. стр. 176—185. — *Замѣчанія о настоящемъ положеніи Окулистики вообще и объ успѣхахъ оной въ Россіи.* Во Врачебныхъ Запискахъ изд. Докт. М. Маркусомъ. М. 1827. Ч. I. стр. 87—108. — *О разныхъ способахъ, употребительныхъ въ операціи* Entropii et Trichiasios. Тамъ же Ч. 2. стр. 109—126. — — *Медицинскій Отчетъ о больныхъ пользованныхъ въ Московской Глазной Больницѣ* въ 1835 году. Въ Московскомъ Врачебномъ Журналѣ изд. практическими врачами. 1847. Томъ I. стр. 268—297. Тамъ же, 1848. Т. 2. стр. 127—160. — *Объ Альбиносахъ, которые были наблюдаемы въ Московской Глазной Больницѣ.* Въ Москов. Врачебн. Журналѣ изд. Проф. А. Полунинымъ. Т. 5. Кн. 1 и 2, стр. 15—16. *Волокнистая опухоль, развившаяся въ клѣтчаткѣ позади глазнаго яблока и выпятившая глазъ напередъ.* Тамъ же. Т. 5. Книжк. 5 и 6. стр. 183—84.

БРЯНЦОВЪ, Андрей Михайловичь, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Ордена Св. Владиміра 4-й степени, Ординарный Профессоръ Философіи. Родился въ 1749 году отъ бѣднаго церковнослужителя въ Одигитріевской пустынѣ, недалеко отъ Вологды. По смерти своихъ родителей, почти съ младенчества оставшись круглымъ сиротою, 7 лѣтъ былъ отданъ въ Вологодскую Семинарію, въ которой, среди борьбы съ тяжкою нуждою, пріобрѣлъ первоначальныя познанія. Любовь къ ученію и стремленіе къ дальнѣйшему усовершенствованію себя побудили юношу оставить родину, и Брянцовъ, съ нѣсколькими копѣйками въ карманѣ, пѣшкомъ отправился изъ Вологды

въ Москву, гдѣ и поступилъ въ Московскую Славяно-Греко-Латинскую Академію. По окончаніи въ ней курса богословскихъ и философскихъ наукъ, онъ рѣшился избрать для себя ученое поприще, и, съ цѣлію приготовить себя къ нему, вступилъ Студентомъ въ Московскій Университетъ. Здѣсь слушалъ курсъ Юриспруденціи у Дилтея, Естественной Исторіи у Афонина, Физики и Математики у Роста, Философіи Умозрительной и Нравственной у Шадена и Аничкова; Англійскому языку учился у Профессора Десницкаго; языкамъ Французскому, Нѣмецкому и Италіянскому выучился самъ собою. За отличные успѣхи въ наукахъ былъ дважды награжденъ серебряными медалями въ 1772 и въ 1776 годахъ.

Съ 1779 года начинается ученая служба Брянцова; онъ опредѣленъ въ Университетскую Гимназію Учителемъ Латинскаго и Греческаго языковъ; кромѣ того въ обѣихъ Гимназіяхъ Университета обучалъ учениковъ высшаго Россійскаго класса и занималъ слушателей своихъ Славянскою Словесностію. Въ 1787 году онъ удостоенъ степени Магистра Философіи и свободныхъ наукъ, для полученія которой написалъ и защищалъ диссертацію: De criterio veritatis, которая, впрочемъ, не была напечатана. Въ 1788 г. опредѣленъ Экстраординарнымъ, а въ 1795 г. наименованъ Ординарнымъ Профессоромъ Логики и Метафизики. Съ обязанностями Профессора Брянцовъ соединялъ по временамъ должности Цензора книгъ, печатанныхъ въ Университетской Типографіи, Директора Педагогическаго Института, Члена Училищнаго Комитета, Эфора казенныхъ Студентовъ и Декана Этико-Политическаго Отдѣленія; — эту послѣднюю должность исправлялъ пять разъ. Кромѣ того нѣсколько разъ, по порученію Начальства, обозрѣвалъ Училища въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Московскаго Округа. Таланты и неутомимая дѣятельность Брянцова были причиною того уваженія, которымъ онъ постоянно пользовался, и особеннаго вниманія, которое къ нему имѣли Кураторъ Университета Мелиссино и Попечитель Муравьевъ. Высочайшими наградами его трудовъ были чинъ Статскаго Совѣтника въ 1816 г., и Орденъ Св. Владиміра 4-й ст. въ 1819 г. Скончался 21-го Января 1821 года, на 73 году отъ рожденія.

По признанію тѣхъ, которые хорошо знали Брянцова, онъ

отличался умомъ свѣтлымъ и основательнымъ. Онъ не удовлетворялся господствовавшею тогда въ школахъ Вольфіанскою Философіею, но и не увлекся безотчетнымъ пристрастіемъ къ новымъ системамъ. Изучивъ ихъ самъ, старался ознакомить съ ними и своихъ слушателей; не стыдился, какъ самъ говорилъ, снова переучиваться; боролся съ трудностями новаго Нѣмецкаго философскаго языка, выработывалъ новыя Русскія слова, для передачи своимъ слушателямъ новыхъ понятій; но изъ новыхъ ученій принималъ и съ убѣжденіемъ передавалъ другимъ только то, въ чемъ видѣлъ благонадежное средство къ утвержденію себя и другихъ въ чистой истинѣ и доброй нравственности. Съ умомъ основательнымъ и здравомыслящимъ онъ соединялъ въ себѣ и твердость духа, почерпнутую изъ источника Христіанскаго благочестія. Непреклонность воли, которая не боится препятствій и трудностей, но смѣло вступаетъ съ ними въ борьбу, когда этого требуетъ обязанность, онъ обнаруживалъ постоянно почти съ самаго младенчества, преодолѣвая трудности, которыя отъ сиротства и крайней бѣдности представлялись ему на пути образованія и усовершенствованія себя въ познаніяхъ. Эта твердость воли не оставила его до самой кончины. Не смотря на то, что и старость, и долговременная служба, и оскудѣніе тѣлесныхъ силъ отъ непрерывнаго напряженія и трудовъ, давали ему право успокоиться, и выслуженный пенсіонъ представлялъ къ этому достаточныя средства,—Брянцовъ не оставилъ своего мѣста, и за нѣсколько минутъ до смерти готовился къ слѣдующей лекціи.

Въ обществѣ Брянцовъ отличался оригинальною простотою, добросердечіемъ и дружелюбіемъ. Но будучи свободенъ отъ побужденій тщеславія, и притомъ застѣнчивъ, онъ удалялся большаго свѣта, не любилъ себя стѣснять его требованіями. и развлеченіямъ его предпочиталъ уединеніе, прогулку и скромную бесѣду въ кругу немногихъ друзей. Между послѣдними онъ имѣлъ особенную привязанность къ П. И. Страхову; смерть его, послѣдовавшая въ 1812 году, причинила Брянцову болѣе скорби, нежели постигшая его въ томъ же злополучномъ для Москвы году потеря всего имущества, которое заключалось въ библіотекѣ, собранной въ теченіи 50 лѣтъ и состоявшей изъ рѣдкихъ книгъ и собственныхъ его

рукописей. Плодами ученой дѣятельности Брянцова были слѣдующія его сочиненія и переводы: 1) *De criterio veritatis*, сочиненіе написанное для полученія степени Магистра въ 1787 году, не напечатанное; 2) *Compendium antiquitatum Graecarum. Wladimirae*. 1798 г.; 3 и 4) Слова: *О связи вещей во вселенной*, 1790 г., *О законахъ природы*, 1799 г., произнесенныя въ торжественныхъ собраніяхъ Университета; 5) *Шеллерово сокращенное Латинское языкоученіе*, или *Грамматика*. М. 1787 г.; 6) *Фергюссона начальныя основанія нравственной Философіи*, 1804 г. Переводъ этой книги сдѣланъ по порученію Попечителя Муравьева и награжденъ отъ Государя Императора бриліантовымъ перстнемъ; 7) *Гарвеевы замѣчанія* на это сочиненіе, переведенныя Брянцовымъ, остались ненапечатанными. Сверхъ того Брянцовъ, еще бывъ Студентомъ, участвовалъ съ своимъ Учителемъ Десницкимъ въ переводѣ книги Блакстона: *Истолкованіе Англійскихъ законовъ*. Кромѣ этихъ ученыхъ трудовъ Брянцова, многіе утратились вмѣстѣ съ его библіотекою въ Московскій пожаръ 1812 года; изъ нихъ извѣстны сдѣланные имъ переводы курсовъ Философіи Снеля и Матерна Рейса, которыми онъ руководствовался въ своихъ лекціяхъ.

БУЛЕ, Іоганнъ Θеофилъ, Докторъ и Ординарный Профессоръ Права Естественнаго и Теоріи изящныхъ художествъ, родился въ Брауншвейгѣ, 29-го Сентября 1763 г. Отецъ его былъ придворнымъ хирургомъ и оставилъ нѣсколько сочиненій, относящихся къ хирургіи.* Онъ далъ сыну прекрасное воспитаніе. Молодой Буле сначала учился въ Брауншвейгской Гимназіи Св. Екатерины, потомъ въ Каролингскомъ Коллегіумѣ. Будучи 16 лѣтъ, онъ уже писалъ стихи, которые отличались легкостью, хотя и не выказывали въ авторѣ поэта. Прилежаніе Буле въ самые ранніе годы школьной его жизни было изумительно: разсказываютъ, что онъ занимался часто по 15 часовъ въ сутки. Неудивительно, что еще до поступленія въ Университетъ онъ уже является съ учеными статьями по философіи и исторіи. Въ 1782 году напечатано было первое

---

* Meusel. Das gelehrte Teutschland. Bd. IX. p. 167.

его произведеніе: *Abhandlung über die Heiterkeit der Seele, und die Mittel sie zu erhalten und zu befördern.** Буле съ перваго раза попалъ на ту дорогу, по которой впослѣдствіи шелъ съ такою честію. Впрочемъ онъ не вдавался въ слишкомъ одностороннюю спеціальность, которая могла стѣснить его способности въ молодые годы. Въ томъ же Брауншвейгскомъ журналѣ напечатано было, въ 1785 г., сочиненіе его Leben der Anne Boleyn, Gemahlinn König Heinrich des VIII. von England. Въ 1783 году Буле продолжалъ ученое свое образованіе въ Геттингенскомъ Университетѣ, гдѣ преимущественно предался изученію Богословія и Философіи. Его дарованія и познанія обратили на себя вниманіе Профессоровъ, и въ томъ же году онъ былъ принятъ въ находившуюся при Университетѣ филологическую Семинарію вмѣстѣ съ Гееренoмъ, Гроддекомъ и двумя другими слушателями Университета. Съ этого времени онъ занимался языками Еврейскимъ, Греческимъ, Латинскимъ и главнѣйшими Европейскими. Вліяніе Геттингенской филологической Семинаріи на слушателей Университета было очень важно. Основанная сначала (1737 г.) съ цѣлію приготовлять домашнихъ и школьныхъ наставниковъ, филологическая Семинарія скоро отъ нея уклонилась и сдѣлалась разсадникомъ гуманистовъ. Изученіе классической древности обратилось въ главную задачу Семинаріи, и стóитъ только просмотрѣть списокъ воспитанниковъ ея, чтобы видѣть, сколько знаменитыхъ гуманистовъ обязано ей своимъ образованіемъ.** Въ то время, когда Буле принятъ былъ въ число ея членовъ, Инспекторомъ Семинаріи былъ Гейне, который занимаетъ такое почетное мѣсто въ исторіи изученія классической древности. Подъ его благодѣтельнымъ руководствомъ, въ продолженіи трехъ лѣтъ, проходили семинаристы весь кругъ гуманическаго образованія. Изъ этой-то школы вынесъ Буле то знаніе древнихъ языковъ, которое было ему необходимо при дальнѣйшихъ ученыхъ трудахъ, обращенныхъ на литературу

---

* Braunschweigische Gelehrte Beyträge, 1782.

** Pütter, Versuch einer Academischen Gelehrten-Geschichte von der Georg - Augustus - Universität zu Göttingen ; zweyter Theil, p. 273—279.

и исторію философіи древнихъ. Въ Іюнѣ 1785 года Буле получилъ золотую медаль за лучшее философское сочиненіе на заданную тему. Для соисканія награды, философскій факультетъ избралъ темою экономическій календарь Палестины, который могъ бы содѣйствовать ближайшему пониманію Священнаго Писанія. Изъ разныхъ путешествій въ Палестину требовалось выбрать извѣстія о климатѣ, произведеніяхъ и вообще физическихъ свойствахъ страны и расположить указанія по мѣсяцамъ. По желанію факультета, диссертація должна была ограничиться простымъ извлеченіемъ изъ путешествій въ Палестину, избѣгая всякаго сравненія съ Ветхимъ Завѣтомъ, Талмудомъ, и другими Еврейскими книгами.* Сочиненіе, представленное факультету Буле, удостоено было награды и напечатано въ томъ же году подъ заглавіемъ: I. G. Buhle Brunswicensis Seminarii philologici Sodalis Calendarium Palaestinae oeconomicum, commentatio in concertatione civium Academiae Georgiae Augustae IV Iunii CIƆIƆCCLXXXV ab ordine philosophorum praemio ornata. Gottingae (въ 4-ку, стр. 56 — VIII.) Въ томъ же году онъ сдѣлался наставникомъ Принца Карла фонъ Фирстенберга, а съ Іюля 1786 года Ганноверскимъ правленіемъ опредѣленъ въ учители трехъ Англійскихъ принцевъ: Герцоговъ Кумберландскаго, Суссекскаго и Кембриджскаго, которымъ преподавалъ въ теченіи пяти лѣтъ языки Греческій и Латинскій. За ревностное исполненіе послѣдней должности не разъ былъ награждаемъ отъ Англійскаго Правительства.

Въ 1786 году, Апрѣля 21-го, Буле публично защищалъ диссертацію, написанную имъ для полученія степени Магистра: De distributione librorum Aristotelis in exotericos et acroamaticos ejusque rationibus et causis (Gottingae, стр. 97). Можно сказать, что изученіе Аристотеля Буле началъ еще въ школѣ и не покидалъ этого предмета до самаго переѣзда своего въ Москву. Любопытно прослѣдить тѣ небольшія статьи Буле, которыя имѣли предметомъ сочиненія Аристотеля и были только пріуготовительными работами къ предпринятому имъ впослѣдствіи изданію оныхъ. Цѣль диссертаціи Буле показать,

* Calendarium Palaestinae oeconomicum, p. III—IV.

къ какому изъ двухъ разрядовъ (акроаматическому или экзотерическому) относится каждое сочиненіе Аристотеля и какое вліяніе оказывалъ тотъ или другой методъ изложенія на самыя сочиненія. За эту диссертацію Буле получилъ степень Магистра Философіи и въ томъ же году избранъ былъ членомъ Геттингенскаго Общества Наукъ.* Около пасхи 1787 года онъ получилъ мѣсто Экстраординарнаго Профессора Философіи въ Геттингенскомъ Университетѣ и разсужденіемъ: *о сатирической драмѣ Грековъ*, приглашалъ къ слушанію вступительной рѣчи: «о пользѣ изученія исторіи древней Философіи для вѣрнѣйшей оцѣнки трудовъ новыхъ философовъ.»** Въ то же время и Грельманъ получилъ каѳедру въ Геттингенскомъ Университетѣ; съ этихъ поръ началась дружба его съ Буле. Въ первый годъ профессорства своего Буле преподавалъ Логику и Метафизику, Исторію древней Философіи и Исторію классической литературы новѣйшихъ народовъ.*** Въ слѣдующемъ году публично Буле читалъ три раза въ недѣлю исторію Англійской поэзіи, приватно Психологію и Исторію Философіи.****

Въ указанныхъ сочиненіяхъ Буле, относящихся къ классической древности, есть одна, очень важная сторона; въ этихъ мелкихъ, повидимому незначительныхъ, статьяхъ авторъ смѣло касается самыхъ трудныхъ, запутанныхъ вопросовъ науки; на нихъ хочетъ онъ остановить вниманіе ученыхъ и способствовать рѣшенію ихъ по крайнему своему разумѣнію. Значеніе сатирической драмы Грековъ, вопросъ объ акроаматическихъ

---

* Pütter, Versuch etc., II, p. 194.

** См. Ad audiendam orationem professionis philosophiae extraordinariae in Academia Georgia Augusta adeundae causa in A. D. XXVIII. April. CIↃIↃCCLXXXVII recitandam observantissime invitat M. Ioannes Gottlieb Buhle etc. Disputantur nonnulla de fabula Satyrica Graecorum (Gottingae), pag. 16.

*** Pütter, Versuch etc. pag. 19.

**** Bemerkungen über den historischen Gebrauch der Quellen zur ältesten Geschichte der Cultur bey den Celtischen und Skandinawischen Völkern. Als Einladungsschrift von I. G. Buhle. (Göttingen, 1788) p. 34.

и экзотерическихъ сочиненіяхъ Аристотеля въ то время не были оцѣнены и достаточно изслѣдованы. И эти трудные вопросы поднимаетъ Буле въ то время, когда въ Германіи замѣчалось какое-то охлажденіе къ классической древности. «Изученіе классическихъ литературъ (замѣчаетъ Видебургъ въ предувѣдомленіи къ журналу своему: *Humanistisches Magazin*) ослабѣваетъ отъ излишняго пристрастія къ новому, отъ господства легкаго чтенія. Пристрастіе къ легкому чтенію замѣтно и въ школахъ. Такъ называемые педагоги-филантропы своими планами и сочиненіями содѣйствовали раздробленію академическаго преподаванія и упадку древней литературы въ школахъ.» Съ цѣлію связать тѣснѣе древнюю литературу съ новою и привлечь болѣе сочувствія къ первой, Видебургъ предпринялъ въ 1787 году изданіе журнала: *Humanistisches Magazin*.* Какъ одинъ изъ самыхъ жаркихъ сторонниковъ гуманическаго образованія, Буле принимаетъ участіе въ журналѣ Видебурга. Онъ помѣстилъ въ немъ статью: *Ueber Minos des jüngern Gesetzgebung in Kreta*, въ которой разсматриваетъ происхожденіе, свойства и цѣль Миносова законодательства.** Магазинъ Видебурга имѣлъ въ виду популярное изложеніе различныхъ вопросовъ археологіи, и потому статьи, въ немъ помѣщенныя, имѣютъ не столько ученое, сколько педагогическое значеніе. Въ то же время и съ тѣмъ же популярнымъ направленіемъ издавался журналъ Морица и Поккеля: *Magazin zur Erfahrungsseelenkunde*. Въ этомъ журналѣ находимъ также сочиненіе Буле: *Ueber den Zustand der Seele nach dem Tode*.*** Авторъ въ формѣ разговора передаетъ свои мнѣнія о состояніи души послѣ смерти. Очевидно, давая сочиненію своему діалогическую форму, Буле думалъ упростить содержаніе, передать его понятнѣе большинству, но онъ не вполнѣ достигъ своей цѣли. Такимъ образомъ, уже при

---

* Humanistisches Magazin zur gemeinnützlichen Unterhaltung etc. I, p. 13—14.

** Humanistisches Magazin, Ostern 1787, p. 114—142.

*** Magazin zur Erfahrungsseelenkunde. Sechsten Bandes zweites Stück, p. 25—49.

самомъ началѣ ученаго поприща Буле, обозначались тѣ двѣ области, которымъ онъ посвятилъ преимущественно свою дѣятельность — классическая литература и Философія. По желанію Цвейбриккенскаго Общества (Societas Bipontina), онъ принялъ на себя изданіе всѣхъ сочиненій Аристотеля, съ Латинскимъ переводомъ, критическими и объяснительными примѣчаніями и т. п. Предпріятіе было трудное, но оно начато было въ самое благопріятное время. Изданія Аристотеля, появившіяся прежде, были большею частію неудовлетворительны, а по рѣдкости и цѣнности доступны немногимъ. Новый издатель сочиненій Аристотеля владѣлъ между тѣмъ драгоцѣнными пособіями для этого обширнаго труда, которыя предлагала богатая Геттингенская библіотека. Буле прилежно занялся изученіемъ Аристотеля и почти всѣ статьи, напечатанныя имъ въ 1788—1790 годахъ, могутъ быть названы пріуготовительными трудами къ изданію сочиненій Стагирскаго Философа. «Для того, чтобы пользоваться сочиненіями Аристотеля, — говоритъ Буле, — нужно прежде всего изслѣдывать, какія дѣйствительно принадлежатъ ему и какія только приписываются ему.»* Съ этой стороны Буле разсматриваетъ прежде всего Метафизику Аристотеля и старается отдѣлить въ ней принадлежащее Аристотелю отъ подложнаго. За тѣмъ издателю представляется другой не менѣе важный вопросъ — о порядкѣ расположенія сочиненій Аристотеля. Ближайшій путь къ его рѣшенію — собственныя сужденія Аристотеля о связи отдѣльныхъ предметовъ и отчасти способъ изложенія. По мнѣнію Буле, первое мѣсто должны занимать сочиненія, относящіяся къ Философіи (какъ теоретической, такъ и практической); за ними слѣдуютъ сочиненія математическія, по части Естествовѣдѣнія и наконецъ гипомнематическія.** Даже въ тѣхъ статьяхъ, которыя по видимому не имѣютъ прямаго отношенія къ Аристотелю, Буле

* См. статью Буле Ueber die Aechtheit der Metaphysik des Aristoteles въ Bibliothek der alten Litteratur und Kunst. Viertes Stück (1788, Göttingen), pag. 2—3.

** Ueber die Ordnung und Folge der Aristotelischen Schriften überhaupt, тамъ же, zehntes Stück, p. 41—42 и слѣд.

преслѣдуетъ строго туже цѣль — всесторонне изучить издаваемаго писателя, какъ на пр. въ сочиненіи: Commentatio de studii Graecarum litterarum inter Arabes initiis et rationibus. На первый планъ онъ выставляетъ вопросъ о томъ, прямо ли черезъ Грековъ или черезъ переводчиковъ познакомились Арабы съ Греческою литературою. Рѣшеніе этого вопроса, по мнѣнію Буле, важно въ двухъ отношеніяхъ: 1) Отсюда объяснится, почему Арабы исключительнѡ предались изученію Медицины, Естественной Исторіи, Философіи, Математики, Астрономіи; почему эти науки исказились у нихъ заблужденіями, баснями. 2) Такое изслѣдованіе покажетъ достоинства Арабскихъ переводовъ съ Греческаго языка и степень значенія ихъ для возстановленія испорченнаго чтенія Греческихъ рукописей, какъ и объясненія классиковъ. «Признаюсь, — говоритъ Буле, — что послѣдняя причина заставила меня разсмотрѣть этотъ вопросъ, чтобъ изслѣдовать происхожденіе и судьбу Арабскихъ переводовъ Аристотеля и оцѣнить Арабскіе комментаріи на Аристотеля.»*

Однимъ словомъ, Буле добросовѣстно и всесторонне изучалъ Аристотеля,** прежде чѣмъ приступилъ къ изданію его сочиненій. Первый томъ его явился въ 1791 году; за нимъ вскорѣ послѣдовали и другіе (Aristotelis opera omnia graece etc. Biponti, 5 томовъ, 1791, 1792, 1793 и 1798). Только пятый томъ былъ задержанъ военными обстоятельствами и семь лѣтъ оставался недопечатаннымъ. При оцѣнкѣ этого изданія Аристотеля, нужно постоянно имѣть въ виду цѣль и планъ издателя, а также и тѣ трудности, которыя встрѣтили его при

* Societatis Regiae Scientiarum Gottingensis Commentationes Tom. XI. Classis Hist. et Philolog. p. 216—217.

** Въ томъ же изданіи помѣщены слѣдующія сочиненія Буле: 1) Commentatio de philosophorum Graecorum ante Aristotelem in arte logica invenienda et perficienda conaminibus (Vol. XI); 2) Commentatio de fontibus, unde Albertus Magnus libris suis XXV de animalibus materiem hauserit (Vol. XII); 3) Commentatio de ortu et progressu pantheismi inde a Xenophane Colophonio, primo ejus auctore, usque ad Spinozam (Vol. X.). Въ 1794 году Буле издалъ для школъ *Аристотелеву Піитику.*

исполненіи предпріятія. Буле, печатая новое изданіе сочиненій Аристотеля, думалъ только удовлетворить настоятельнымъ потребностямъ людей, занимавшихся классическою литературою: ибо прежнія изданія Аристотеля, какъ уже было замѣчено, не для многихъ были доступны. Съ другой стороны издателю нужно было изучать самыя разнородныя произведенія Аристотеля, побѣждать трудности языка и манеры философа Греческаго. Прибавимъ къ этому испорченность текста сочиненій Аристотеля, его мало объясненную въ то время исторію, и мы поймемъ, почему Буле долженъ былъ обойти многія объяснительныя статьи, которыя были бы не лишними при изученіи Аристотеля. При всемъ томъ Буле оказалъ ему большую услугу, которой отрицать нельзя. Изданіе, Латинскій переводъ, объясненія, изслѣдованія, предносланныя тексту, самое жизнеописаніе Аристотеля, написанное Буле, были для того времени и отчасти теперь остались прекраснымъ пособіемъ для изученія его сочиненій. — Вскорѣ послѣ появленія первыхъ четырехъ томовъ, Буле издалъ Arati Solensis Phaenomena et Diosemea, graece et latine (vol. primum, Lipsiae, 1793; vol. secundum, 1801). Онъ задумалъ это изданіе еще въ 1786 году и получилъ драгоцѣнные для того матеріалы; но онъ оставилъ его, узнавъ, что тѣмъ же трудомъ занимался Миллеръ. Послѣдній умеръ, не окончивъ своего труда. Черезъ наставника своего, Гейне, Буле получилъ бумаги Миллера, въ которыхъ нашелъ драгоцѣнное собраніе разнорѣчащихъ чтеній (varietates lectionum), потому снова принялся за покинутое предпріятіе и напечаталъ Арата, присоединивъ къ нему Латинскій переводъ. Особенно важны въ этомъ изданіи подлинныя схоліи Теона, напечатанныя по Московской рукописи, которая была доставлена Буле Профессоромъ Геймомъ, его дядею: въ ней есть значительныя отмѣны отъ обыкновенныхъ схолій.

Философія составляла другой главный предметъ занятій Буле. Кромѣ мелкихъ статей, онъ издалъ слѣдующія философскія сочиненія: 1) Einleitung in die allgemeine Logik und die Kritik der reinen Vernunft (Göttingen, 1795); 2) Sextus Empiricus oder der Scepticismus der Griechen (Lemgo, 1799); 3) Geschichte des philosophirenden menschlichen Verstandes

(Lemgo, 1791); 4) Lehrbuch der Geschichte der Philosophie und einer Kritischen Litteratur derselben (Göttingen, 1796, 8 Th.); 5) Entwurf der Trasscendentalphilosophie (Gӧtting. 1798); 6) Geschichte der neuern Philosophie seit der Epoche der Wiederherstellung der Wissenschaften (Göttingen, 1800—1804, 6 Th).

Въ продолженіи многихъ лѣтъ Буле оставался профессоромъ Философіи въ Геттингенскомъ Университетѣ. Политическія обстоятельства, коснувшіяся заведенія, въ которомъ онъ былъ Профессоромъ, принудили его оставить каѳедру Философіи и возвратиться на родину. Здѣсь жилъ онъ нѣсколько времени въ бездѣйствіи, женился, но скоро развелся съ супругою. Въ 1794 году онъ уже назначенъ былъ Ординарнымъ Профессоромъ Философіи въ Геттингенскомъ Университетѣ. Буле хорошо понималъ, какое значеніе имѣлъ этотъ Университетъ въ ученой жизни Германіи того времени; онъ точно также сознавалъ ясно и свои заслуги: потому онъ не могъ перенести равнодушно того, что̀ могло подорвать значеніе Университета или ослабить изученіе науки, имъ преподаваемой. Когда Профессоръ положительнаго права, Гуго, объявилъ въ 1798 году, что намѣренъ читать юристамъ въ видѣ юридической пропедевтики Логику, Физику, Психологію и Мораль, Буле частнымъ письмомъ увѣщевалъ Профессора отказаться отъ такого смѣлаго предпріятія. Совѣтъ Буле не поколебалъ намѣренія Гуго, и онъ рѣшился передать дѣло на судъ публики, въ небольшой полемической брошюрѣ* показавъ, какой вредъ принесутъ изученію Философіи лекціи человѣка, мало знакомаго съ пей. Этотъ открытый протестъ Буле противъ поверхностнаго преподаванія и изученія науки весьма замѣчателенъ, свидѣтельствуя объ его благородномъ образѣ мыслей.

17-го Марта 1803 года утвержденъ и подписанъ былъ штатъ Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ. Въ томъ же мѣсяцѣ Попечитель Московскаго Университета М. Н. Муравьевъ письменно просилъ Геттингенскаго Профессора, Мейнерса, пригласить въ Московскій Университетъ Профессоровъ: Буле,

* An Herrn Professor Hugo. Vom Professor Buhle. Göttingen, 1798 (in 8 д., стр. 38).

Гофмана, Митчерлиха и Арненана,* сдѣлавши тоже предложеніе и другимъ ученымъ.** По этому вызову отправился въ Москву одинъ изъ самыхъ близкихъ друзей Буле — Профессоръ Грелльманъ. Многіе не совѣтовали Грельману принимать предложеніе Муравьева; но онъ не обращалъ вниманія ни на какіе невыгодные для Россіи толки и уговаривалъ Буле перемѣнить Геттингенскую каѳедру на Московскую. Его убѣжденія имѣли большое вліяніе на Буле и Гофмана, и самъ онъ отправлялся въ Москву съ самыми блестящими, многообразными надеждами.*** 8-го Апрѣля 1804 года Буле писалъ М. Н. Муравьеву: «Какъ ни тяжела для меня разлука съ здѣшнимъ Университетомъ, съ друзьями и отечествомъ; но я съ удовольствіемъ готовъ принять предложеніе, которымъ Ваше Превосходительство меня почтили. На это новое поприще выхожу я тѣмъ съ большею радостію, что меня, надѣюсь, будетъ сопровождать, какъ добрый дружественный геній, благосклонность одного изъ просвѣщеннѣйшихъ и благороднѣйшихъ государственныхъ мужей Россіи. Мѣсто Ординарнаго Профессора изящной литературы и изложенія древнихъ историковъ было бы для меня желательнѣе, нежели должность преподавателя спекулятивной Философіи, курсъ которой для того, чтобъ быть привлекательнымъ и полезнымъ Русскому юношеству, представилъ бы большія затрудненія; преподавая же тѣ предметы, я скорѣе могу надѣяться заинтересовать слушателей и принесть имъ пользу.****» Кромѣ жалованья Ординарнаго Профессора, Буле желалъ пользоваться въ Москвѣ казенною квартирою и получить 2000 руб. на проѣздъ. «На путевыя издержки (пишетъ Буле къ Муравьеву, отъ 23-го Апрѣля того же года) мнѣ нужна такая значительная сумма, потому что, какъ думаю, того требуютъ честь и выгоды моего будущаго званія

* Неизданныя «Записки Муравьева, касающіяся Московскаго Университета.»

** Сѣверный Вѣстникъ, 1804, № 6, стр. 374—377.

*** Gedächtnissrede auf Heinrich Moritz Grellmann, gehalten von I. G. Buhle, übersetzt von Grellmann. (Moskau, 1805), p. 11.

**** Подлинникъ этого и другихъ, ниже приведенныхъ, писемъ Буле находится въ бумагахъ Муравьева. (См. біографію Баузе, стр. 84).

въ Москвѣ. Хотя я уже кончилъ прочіе литературные труды свои, но въ отношеніи къ новому изданію сочиненій Аристотеля я еще только въ срединѣ дѣла. Явилось шесть томовъ Аристотеля, почти столько же остается еще издать. Не хотѣлось бы мнѣ, переселившись въ Москву, покинуть этотъ плодъ многолѣтнихъ занятій, которымъ думалъ я оставить по себѣ небольшую память въ ученомъ мірѣ. Издатель (der Verleger) профессоръ Экстеръ, въ Стразбургѣ, прекрасный человѣкъ, уже истратилъ на изданіе болѣе 8000 рейхсталеровъ; капиталъ этотъ долженъ большею частію погибнуть, если я откажусь отъ этого дѣла. Такъ какъ это обстоятельство препятствовало удаленію моему изъ Геттингена, то я рѣшился пріобрѣсть необходимыя для меня рѣдчайшія древнія изданія и пособія, взять ихъ въ Москву и тамъ трудиться надъ окончаніемъ изданія. Съ этою цѣлью думалъ я истратить отъ пяти до шести сотъ рублей изъ путевыхъ денегъ.»—Наконецъ, 2 го Ноября 1804 года, Буле выѣхалъ въ Россію. Вскорѣ по прибытіи въ Москву, онъ оплакалъ друга и товарища своего по Университету, Грелльмана. По порученію Муравьева, онъ написалъ рѣчь въ его память (Elogium Grellmani. Переведена на Нѣмецкій языкъ К. Грелльманномъ. М. 1805.) Въ Московскомъ Университетѣ Буле преподавалъ въ 1805 году по четыре часа въ недѣлю — Критическую метафизику, Право естественное, публичное и народное; кромѣ того читалъ приватныя лекціи о Философіи, литературѣ Греческой и Римской, Теоріи и Исторіи изящныхъ искусствъ. Въ слѣдующемъ академическомъ году онъ началъ изъяснять и разбирать системы философскія Канта, Фихте, Шеллинга. Въ $180\frac{7}{8}$ академическомъ году Буле читалъ Опытную Психологію и Логику и Исторію Философіи на Латинскомъ языкѣ, и кромѣ того на Французскомъ языкѣ читалъ Исторію изящныхъ искусствъ въ Россіи. Въ $180\frac{8}{9}$ на публичныхъ лекціяхъ онъ «предлагалъ Литературу Россійскихъ древностей и Исторіи на Французскомъ языкѣ.» Въ $18\frac{09}{10}$ предметомъ лекцій Буле была Миѳологія и Археологія въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. Исторія Живописи, Скульптуры и Архитектуры у Египтянъ, Грековъ, Этрусковъ и Римлянъ. У себя на дому Буле въ то же время давалъ частныя лекціи (lectiones privatissimae); въ числѣ слу-

шателей такихъ лекцій былъ и А. С. Грибоѣдовъ. По увольненіи Баузе отъ должности Директора Педагогическаго Института, мѣсто это занялъ Буле, 30-го Октября 1808 года.* Новыя обязанности присоединились къ его разнообразнымъ педагогическимъ занятіямъ. Воспитанниковъ этого Института онъ занималъ объясненіемъ сатиръ и эпистолъ Горація, разсужденіями о предметахъ педагогическихъ. 9-го Іюня 1809 года Буле утвержденъ былъ отъ Попечителя Московскаго Университета Членомъ училищнаго Комитета.** Исполняя трудныя и разнообразныя обязанности службы, Буле находилъ время и для ученыхъ трудовъ. При каталогахъ лекцій часто печатались небольшія разсужденія его касательно Русскихъ древностей, Археологіи и т. п. Такъ, при каталогѣ лекцій 1807 года напечатано его: Prolusio de antiquissima pictura Russica, inprimis de tabulis pictis Capponianis, hodie Romae in bibliotheca Vaticana asservatis etc. (въ томъ же году это разсужденіе переведено на Русскій языкъ); при каталогѣ лекцій 1810 года помѣщено его: Prolusio de antiquissimis delineationibus geographicis adhuc notis terrarum Russicarum.*** Если ученая дѣятельность Буле въ Германіи отличалась самостоятельностью и свободою отъ внѣшнихъ вліяній, то въ Москвѣ она отчасти подчинилась планамъ М. Н. Муравьева, который видѣлъ въ немъ человѣка, вполнѣ способнаго осуществить его благія начинанія на пользу Русскаго просвѣщенія. Буле съ готовностію исполнялъ порученія Муравьева и принималъ на себя обязанность осуществлять его мысли. Въ этомъ служеніи дѣйствовало въ немъ благородное, сознательное уваженіе къ просвѣщеннымъ стремленіямъ Попечителя, и самъ Муравьевъ являлся здѣсь не начальникомъ, а вѣрнымъ, умнымъ, добросовѣстнымъ помощникомъ. Письма Буле къ Муравьеву обнаруживаютъ интересныя подробности относительно ученой его дѣятельности и даютъ ясно видѣть, что Попечитель

---

* Періодическое сочиненіе о успѣхахъ Народнаго Просвѣщенія, № XXIII, 1809, стр. 259.

** Тамъ же, № XXII, стр. 189.

*** Переведено на Русскій языкъ Волковымъ и напечатано въ томъ же году.

былъ въ ней невидимымъ для публики, но тѣмъ не менѣе мощнымъ дѣятелемъ. Статьи *Московскихъ Ученыхъ Вѣдомостей*, *Журнала Изящныхъ Искусствъ*, большею частію, просматривались самимъ Муравьевымъ; онъ же доставлялъ и рисунки для послѣдняго изданія и неусыпно слѣдилъ за его ходомъ. Самый планъ Московскихъ Ученыхъ Вѣдомостей и Журнала Изящныхъ Искусствъ принадлежитъ Муравьеву. Увѣдомляя его, что по необходимости въ Ученыхъ Вѣдомостяхъ будутъ разобраны нѣкоторыя, не новыя уже книги, Буле продолжаетъ: «*Я впрочемъ съ своей стороны съ большимъ удовольствіемъ буду* слѣдовать инструкціи, которую сообщили мнѣ Ваше Прев., на сколько то позволятъ тѣсные предѣлы листа.*» Въ посвященіи первой книжки *Журнала Изящныхъ Искусствъ* Муравьеву Буле говоритъ: «Вашему Превосходительству осмѣливаюсь посвятить первую книжку Журнала Изящныхъ Искусствъ. Она есть опытъ ученаго изданія, *коего планъ обязанъ бытіемъ своимъ Вашему лестнóму ободренію, коего успѣхъ будущій* должно почесть плодомъ особеннаго Вашего покровительства. — Весьма счастливымъ почту себя, если сей первый опытъ хотя нѣсколько оправдаетъ надежду, возложенную Вашимъ Превосходительствомъ на мои способности распространять художественныя знанія, и содѣйствовать сколько ни есть возвышенію вкуса въ обширнѣйшей Россіи.»

«Журналъ Изящныхъ Искусствъ», начатый Буле, не имѣлъ успѣха и прекратился послѣ третьей книжки. Статьи большею частію писаны самимъ издателемъ и переведены на Русскій языкъ Кошанскимъ. Изданіе должно было содержать Теорію и Исторію Изящныхъ Искусствъ. Буле говоритъ, что «оно, сколько можно, будетъ ближе къ генію и характеру Россійскаго народа, ко всѣмъ отношеніямъ внутреннимъ и внѣшнимъ, къ мѣстному положенію и къ нынѣшнему состоянію изящныхъ искусствъ въ Россіи.»** Московскія Ученыя Вѣдомости продолжались три года (1805—1807), не смотря

* Въ письмѣ отъ 3-го Мая 1805 г.

** Журналъ изящныхъ искусствъ, издаваемый на 1807 годъ И. Ѳеоф. Буле. Часть I, стр. 19.

на то, что въ первый годъ существованія рецензіи почти исключительно были писаны Буле, который жаловался Муравьеву, что въ Профессорахъ мало находитъ содѣйствія своему изданію. Главною цѣлью изданія было «сообщать Россійской публикѣ историческое извѣстіе о вышедшихъ вновь важнѣйшихъ и занимательнѣйшихъ сочиненіяхъ, какъ соотечественныхъ, такъ и иностранныхъ писателей, и показывать правильно, опредѣленно, ясно и притомъ сколько можно сокращеннѣе, что есть въ сихъ сочиненіяхъ лучшее и сколько чрезъ оныя дѣйствительно способствовано было къ усовершенствованію наукъ и искусствъ, изящнаго вкуса, метода ученія и воспитанія: однимъ словомъ общественной жизни.»* Кромѣ рецензій въ Ученыхъ Вѣдомостяхъ находимъ извѣстія о Московскомъ Университетѣ. Мысль издавать на Русскомъ языкѣ журналъ, посвященный исключительно ученой критикѣ, была уже не новою у насъ, хотя Буле и называетъ свои Вѣдомости первымъ опытомъ въ этомъ дѣлѣ. Подобное изданіе начато было дальновиднымъ Новиковымъ, еще въ 1777 году, въ С.-Петербургѣ, и выходило подъ названіемъ: *С. Петербургскія Ученыя Вѣдомости*. Но общество, трудившееся надъ этимъ Журналомъ, состояло изъ людей, которые не получили такого обширнаго образованія, какимъ отличался Буле. Критика С.Петербургскихъ Ученыхъ Вѣдомостей никогда не идетъ далѣе библіографическаго извѣстія о книгѣ и краткаго изложенія ея содержанія. У Буле можно найти почти всегда дѣльную оцѣнку разбираемаго сочиненія, хотя съ другой стороны языкъ рецензій часто обезображенъ барбаризмами, неловкими оборотами, которые вносились переводчиками статей.

Въ Москвѣ литературная дѣятельность Буле, повидимому, ослабѣла. Кромѣ небольшихъ программъ, уже указанныхъ прежде, и составленія двухъ ученыхъ журналовъ, онъ издалъ только: Prospectus sur l'Archéologie (M. 1805); *De optima ratione, qua Historia populorum, qui ante saeculum novum terras nunc imperio Russico subjectas, praesertim meridionales, inhabitasse aut pertransisse feruntur, condi posse videatur*, oratio in anniversariis solemnibus Inaugurationis Universitatis

* Московскія Ученыя Вѣдомости, 1805, стр. 416.

Caesareae Mosquensis D. XXX Iunii. A. MDCCCVI habita a I. T. Buhle; 3) Versuch einer kritischen Literatur der Russischen Geschichte (M. 1810). Буле замѣчаетъ въ предисловіи къ послѣдней книгѣ, что для успѣховъ Русской Исторіи нужно прежде всего точно и полно обозначить всѣ существующіе источники и памятники ея, присоединивъ къ подобнымъ указаніямъ критическую оцѣнку (стр. XII—XIII). Эту мысль думалъ исполнить Буле, издавая свой *Опытъ критической литературы Русской Исторіи.* Первый томъ содержитъ въ себѣ литературу древнѣйшей Сѣверной Исторіи, во второмъ томѣ издатель думалъ разсмотрѣть литературу Русской Исторіи до начала XVII вѣка, въ третьемъ до мира Абовскаго; но изданіе ограничилось однимъ первымъ томомъ.

Мы должны сказать нѣсколько словъ, въ объясненіе этой скудной литературной дѣятельности Буле въ Москвѣ, сравнительно съ богатствомъ и разнообразіемъ его начинаній въ Геттингенѣ: потому что нѣкоторые иностранные ученые хотятъ сложить всю вину этого явленія на положеніе Буле въ Москвѣ, будто бы убивавшее въ немъ всякіе порывы къ ученой дѣятельности. Этотъ фактъ объясняется напротивъ тѣмъ обиліемъ лекцій, которыя онъ большею частію самъ добровольно на себя налагалъ, съ другой стороны изданіемъ такихъ ученыхъ Журналовъ, каковы Ученыя Вѣдомости и Журналъ Изящныхъ Искусствъ. «Съ начала новаго курса (пишетъ Буле къ Муравьеву отъ 30-го Октября 1805 года) я долженъ каждый день читать четыре приватныя лекціи, кромѣ публичныхъ въ Университетѣ; этимъ мой досугъ слишкомъ ограниченъ.» Не забудемъ также трудовъ Буле, имѣвшихъ цѣлію исполнить планы Муравьева. Сюда относится составленная по порученію Попечителя брошюра о состояніи Московскаго Университета и отношеніи къ нему публики (на Французскомъ языкѣ, вышла безъ имени автора); сюда относятся извѣстія о Московскомъ Университетѣ, помѣщенныя Буле въ Гамбургскихъ и Геттингенскихъ Вѣдомостяхъ. Сюда относится наконецъ небольшое, но плодотворное его сочиненіе: Bescheidene Vorschläge zu einer Instruction für die künftige Organisation und Administration der Universitätsbibliothek in Moskwa. Оно было представлено Муравьеву, но не издано. Проэктъ

новаго устройства важенъ былъ въ то время для Университетской библіотеки, которая находилась тогда въ безпорядкѣ и даже не имѣла каталога. Нынѣшнее прекрасное и удобное для читателей устройство Университетской Библіотеки основано на проэктѣ, написанномъ Буле, который указалъ на необходимость имѣть двоякій каталогъ — алфавитный и систематическій. Эти труды и занятія Буле могутъ объяснить, почему литературная его дѣятельность въ Москвѣ получила болѣе тѣсные предѣлы, нежели она имѣла въ Геттингенѣ. Нельзя кромѣ того не упомянуть, что Буле доставлялъ различныя статьи о Россіи для извѣстной Энциклопедіи Эрша и Грубера. Въ 1807 году М. Н. Муравьевъ опасно заболѣлъ. «Молю Провидѣніе, писалъ къ нему въ то время Буле, чтобы оно возстановило здоровье Вашего Превосходительства и на долго сохраняло Русскому государству одного изъ благороднѣйшихъ и умнѣйшихъ людей, нашему Университету и наукѣ въ особенности всѣми почитаемаго и любимаго покровителя; всѣмъ сердцемъ вѣрю, что въ этомъ лежитъ залогъ всего прекраснаго для будущаго времени.» Но въ Іюлѣ того же года не стало Муравьева: эта потеря скорбно отозвалась въ сердцѣ Буле. Не долго послѣ того оставался онъ въ Моск. Унив. Въ 1811 г. онъ былъ опредѣленъ библіотекаремъ Ея Высочества Великой Княгини Екатерины Павловны, у которой еще прежде Буле имѣлъ счастіе бывать во время пребыванія Ея Высочества въ Твери и разсуждать о Философіи, искусствѣ и Исторіи. Лестные отзывы Великой Княгини о талантахъ и познаніяхъ Буле обратили на него вниманіе Императора Александра. Его Величеству угодно было пригласить Профессора въ Тверь, для совѣщанія съ нимъ о нѣкоторыхъ финансовыхъ мѣрахъ. Вслѣдствіе этого, Буле присоединенъ былъ къ штату Принца Ольденбургскаго съ 7000 р. жалованья. Во время нашествія Наполеона на Россію, Буле оставался постоянно при Великой Княгинѣ, сопровождалъ ее въ Тверь и Ярославль. Къ этому времени относится неизданное сочиненіе Буле, въ которомъ онъ сравниваетъ нашествіе Французовъ на Россію съ походомъ Галловъ на Римъ. По смерти принца Ольденбургскаго, Буле сопровождалъ супругу его въ Петербургъ, а въ 1814 году отправился съ Великою Княгинею въ Любекъ. Получивъ от-

ставку, онъ возвратился въ Августѣ того же года на родину, и съ помощію Эшенбурга получилъ каѳедру въ Каролингскомъ Коллегіумѣ въ Брауншвейгѣ. Здѣсь онъ снова думалъ приняться за окончаніе изданія Аристотеля и описаніе путешествія своего въ Россію. При учрежденіи цензуры, Буле назначенъ былъ отъ правительства цензоромъ. Новая должность навлекла на него непріятности, поссоривъ его съ однимъ Профессоромъ того же Коллегіума. Смерть сестры, которую Буле нѣжно любилъ и съ которою не могъ разлучиться даже отправляясь въ Россію, ввергла его въ глубокую печаль. Онъ заболѣлъ и скончался 11-го Августа 1821 года. Послѣднимъ произведеніемъ его было: *Ueber den Ursprung und Leben des Menschengeschlechts und das künftige Loos nach dem Tode* (Braunschweig, 1821).

БУНГЕ, Христофоръ Григорьевичь, заслуженный Профессоръ Ветеринарной науки и Терапевтической клиники, Докторъ Медицины, Статскій Совѣтникъ, Орденовъ Св. Владиміра 3-й степени, Св. Анны 2-й степени съ Императорскою короною Кавалеръ, имѣетъ знакъ отличія безпорочной службы за XXXV лѣтъ, родился въ 1781 году въ Кіевѣ, гдѣ отецъ его былъ содержателемъ вольной Аптеки. По неимѣнію въ то время въ Кіевѣ казенныхъ учебныхъ заведеній, учился въ частной школѣ лютеранскаго пастора: Закону Божію, Латинскому и Нѣмецкому языкамъ, и прочимъ предметамъ перваго образованія, а въ Русскомъ языкѣ имѣлъ наставникомъ студента Духовной Академіи. По достиженіи 14-лѣтняго возраста, былъ конфирмованъ по обряду Лютеранскаго исповѣданія, и изъявилъ желаніе посвятить себя медицинскимъ наукамъ. Такъ какъ молодость лѣтъ еще не позволяла ему поступить въ Медицинское учебное заведеніе, то старшіе братья, также Аптекари, опредѣлили его въ свою аптеку, гдѣ два года занимался онъ фармацевтическими работами, что̀ для него въ послѣдствіи было очень полезно, облегчивъ ему изученіе нѣкоторыхъ врачебныхъ предметовъ. Въ 1797 году отправился въ С.-Петербургъ и поступилъ студентомъ въ существовавшій въ то время Медико-Хирургическій Институтъ на собственномъ содержаніи. Окончивъ полный курсъ наукъ и выдержавъ испытаніе,

въ 1801 году удостоенъ степени кандидата Медицины 1-го отдѣленія и опредѣленъ для практическихъ занятій, какъ тогда было постановлено, въ Петербургскій морской Госпиталь на одинъ годъ, гдѣ отправлялъ должность Ординатора подъ общимъ надзоромъ главнаго Доктора, а въ 1802 году, по произведеніи анатомической демонстраціи и хирургической операціи, утвержденъ Лѣкаремъ 1-го отдѣленія. Желая болѣе усовершенствоваться во врачебныхъ наукахъ, особенно практическихъ, въ томъ же году отправился, на собственный счетъ, въ Вѣну, гдѣ пользовался около года лекціями и клиническими наставленіями знаменитаго Петра Франка, офталмолога Бера и другихъ; потомъ посѣтилъ Бамбергъ и Вирцбургъ, гдѣ находились при госпиталяхъ извѣстные практики: Маркусъ и Томанъ.

Во время пребыванія Бунге въ Германіи, въ 1803 году, Правительство наше возъимѣло намѣреніе учредить въ С. Петербургѣ и въ Москвѣ ветеринарныя учебныя заведенія, каковыхъ до тѣхъ поръ еще не было. А какъ для сего нужны были преподаватели, то положено избрать семь молодыхъ врачей для отправленія, на казенномъ иждивеніи, въ Германію, съ цѣлію систематическаго изученія ветеринарныхъ наукъ. Четыремъ изъ нихъ назначено было первоначально ѣхать въ Берлинъ, а тремъ въ Вѣну; въ послѣдствіи же обмѣняться сими мѣстами. Въ число сихъ врачей Начальству угодно было избрать и Бунге. Но какъ онъ былъ въ отсутствіи, то къ нему прислано было въ Вирцбургъ письмо такого содержанія, что, если на это избраніе онъ согласенъ, то долженъ отправиться въ Вѣну, гдѣ найдетъ уже двухъ другихъ товарищей и все нужное. Принявъ охотно такое лестное предложеніе, въ началѣ 1804 года, Бунге прибылъ въ Вѣну, и занявшись назначеннымъ для него предметомъ, пробылъ тамъ до осени 1805 года; потомъ переѣхалъ съ товарищами въ Берлинъ, а спустя годъ, осенью 1806 года, возвратились они въ С. Петербургъ.

Такъ какъ заведенія, для преподаванія ветеринарныхъ наукъ нужныя, еще не были устроены, то, до открытія оныхъ, Бунге былъ причисленъ къ С. Петербургской Медико-Хирургической Академіи безъ соотвѣтствующей назначенію его должности, а въ 1807 году произведенъ Адъюнктомъ ветеринарныхъ

наукъ, и назначенъ для Московскаго заведенія, долженствовавшаго составить отдѣленіе вновь учреждаемой въ Москвѣ Медико-Хирургической Академіи, куда и прибылъ около половины 1809 года.

Но время между 1806 и 1809 годами не провелъ праздно: ибо въ началѣ 1807 года былъ прикомандированъ къ Петербургскому военно-сухопутному Госпиталю для исправленія должности ординатора. Въ томъ же году командированъ въ городъ Лугу, для прекращенія свирѣпствовавшихъ между людьми и скотомъ болѣзней. Въ 1808 году снова командированъ, сперва въ Выборгскую губернію для прекращенія оказавшагося въ нѣкоторыхъ уѣздахъ кроваваго поноса, а потомъ въ Шлиссельбургскій уѣздъ, для прекращенія оказавшейся въ одной деревнѣ на рогатомъ скотѣ чумы, распространеніе которой на другія мѣста удалось ему остановить. За послѣдній трудъ, и представленное сей болѣзни описаніе, Всемилостивѣйше награжденъ брилліантовымъ перстнемъ. Такъ какъ эти командировки были непродолжительны, то каждый разъ, возвратившись съ оныхъ, снова вступалъ въ должность ординатора при госпиталѣ. Сверхъ сихъ должностей служилъ врачемъ для бѣдныхъ въ одной части столицы, въ вѣдомствѣ медико-филантропическаго Комитета, съ 1807 года до отъѣзда въ Москву въ 1809 году.—Занявъ при Московской Медико-Хирургической Академіи, по назначенію Начальства, каѳедру ветеринарной Діэтетики, Фармакологіи, Патологіи и Терапіи, въ концѣ того же года, Бунге произведенъ Экстраординарнымъ Профессоромъ по этой же каѳедрѣ.

Въ Маѣ 1811 года, по Высочайшему повелѣнію, былъ командированъ на Сибирскія линіи, къ главному Начальнику войскъ въ Сибири расположенныхъ, Генералъ-Лейтенанту Глазенапу, для изслѣдованія и прекращенія свирѣпствовавшей тамъ болѣзни на крупномъ рогатомъ скотѣ. Бунге призналъ эту болѣзнь за заразительную чуму рогатаго скота, которая предпринятыми имъ мѣрами, преимущественно ветеринарно-полицейскими, благополучно прекратилась. Исполнивъ данное порученіе, онъ возвратился къ своему мѣсту, въ Мартѣ 1812 г. За сей трудъ, по представленію временнаго своего Начальника,

Генерала Глазенапа, Всемилостивѣйше пожалован Кавалеромъ ордена Св. Владиміра 4-й степени.

Объѣзжая Сибирскія линіи въ лѣтнее время, Бунге имѣлъ случай видѣть и изслѣдовать такъ называемую Сибирскую язву, оказывающуюся почти каждое лѣто на большемъ или меньшемъ числѣ лошадей, а отчасти и на людяхъ. До того времени Сибирская язва была почитаема за особую, съ другими извѣстными болѣзнями животныхъ несходственную болѣзнь; но Бунге, посредствомъ вскрытія палыхъ лошадей, нашелъ, что эта болѣзнь не что другое, какъ давно извѣстный, и въ ветеринарныхъ сочиненіяхъ описанный антоновъ огонь селезенки, называемый нынѣ правильнѣе карбункулёзною горячкою. Болѣзнь эту, съ ея видоизмѣненіями, подробно описалъ онъ въ рѣчи, произнесенной въ торжественномъ собраніи Университета въ 1819 году: de morbo sic dicto sibirico.

Возвратившись изъ Сибири, вступилъ снова въ свою Академическую должность, но не на долго. По случаю тогдашняго военнаго времени, Медико-Хирургическая Академія, около половины Августа 1812 года, была закрыта, и всѣ Профессоры получили билеты для отъѣзда, куда кто заблагоразсудитъ. Но Бунге не воспользовался такимъ отпускомъ, а изъявилъ желаніе опредѣлиться, на все время закрытія Академіи, въ военно-медицинское вѣдомство, для леченія раненыхъ, тогда уже начавшихъ прибывать въ Москву. Не теряя времени, явился лично для сей цѣли къ Г. Генералъ-Кригскомиссару Татищеву, бывшему тогда въ Москвѣ, который, принявъ предложеніе его благосклонно, опредѣлилъ его 20-го Августа въ учреждавшійся здѣсь военно-временный госпиталь для пользованія раненыхъ. Потомъ, 2-го Сентября, выступилъ съ ними въ городъ Касимовъ, гдѣ, по распоряженію главнаго Доктора сего госпиталя, Лодера, занимался преимущественно пользованіемъ раненыхъ Штабъ-и Оберъ-офицеровъ, и имѣлъ главный надзоръ за леченіемъ нижнихъ чиновъ, въ одной части города расположенныхъ. Это занятіе продолжалось по 1-е Января 1813 года, когда, по выпискѣ выздоровѣвшихъ, остались одни увѣчные и неспособные къ службѣ, не требовавшіе большаго числа врачей. Возвратившись въ Москву въ первыхъ числахъ Января, чрезъ нѣсколько дней снова былъ

командированъ Г. Генералъ-Губернаторомъ Графомъ Ростопчинымъ въ Псковъ, а оттуда Г. Гражданскимъ Губернаторомъ въ городъ Торопецъ, для учрежденія военновременнаго госпиталя и завѣдыванія онымъ по случаю проходившихъ чрезъ сей городъ вновь формировавшихся войскъ. Въ послѣдствіи, когда число больныхъ умножилось, присланъ былъ къ нему Военно-медицинскимъ Департаментомъ, по его просьбѣ, для помощи еще лѣкарь. Въ Торопцѣ Бунге оставался до конца Іюня 1813 года: тогда сдалъ остававшееся небольшое число больныхъ своему помощнику и возвратился въ Москву.

Между тѣмъ Медико-Хирургическая Академія приведена была въ прежнее устройство, и Бунге началъ свои лекціи съ самаго начала новаго курса въ Сентябрѣ. Въ концѣ того же года произведенъ въ Коллежскіе Ассессоры.—Въ 1815 году удостоенъ степени Доктора Медицины, и вскорѣ за тѣмъ утвержденъ Ординарнымъ Профессоромъ по занимаемой при Академіи каѳедрѣ.—Въ 1816 году избранъ ординарнымъ членомъ Общества физическихъ и медицинскихъ наукъ, учрежденнаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.—Въ 1817 году, сверхъ службы при Академіи, опредѣленъ Профессоромъ (Ординарнымъ) ветеринарной науки при Московскомъ Университетѣ.—По случаю болѣзни, а потомъ увольненія отъ Академіи Профессора Медицинской Патологіи и Терапіи, Мудрова, Конференція Академіи поручила Бунге, сверхъ прочихъ должностей, преподаваніе сихъ наукъ, что̀ и исполнялъ съ 17-го Февраля по 18-е Ноября 1817 года, за каковой трудъ получилъ въ награжденіе причитающееся за сіе время жалованье, Ординарному Профессору назначенное.—Въ 1818 году избранъ Деканомъ Медицинскаго Факультета въ Университетѣ, и Членомъ Императорскихъ Московскихъ Обществъ Испытателей Природы и Сельскаго Хозяйства. — Въ 1821 году, по выслугѣ узаконенныхъ лѣтъ, произведенъ въ Коллежскіе Совѣтники. — Въ 1825 году Высочайше утвержденъ Академикомъ, и, сверхъ занимаемыхъ имъ должностей, опредѣленъ ученымъ Секретаремъ при Академіи. Въ семъ же году произведенъ въ Статскіе Совѣтники. — Въ 1826 году Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ Ордена Св. Анны 2-го класса. — Въ 1829 году избранъ Деканомъ Врачебнаго

Факультета, и, по прошенію, уволенъ отъ должности ученаго Секретаря при Академіи, съ годовымъ въ награду окладомъ жалованья, сей должности присвоеннаго.—Въ 1830 году, по предписанію Высшаго Начальства, былъ командированъ къ Полтавскому и Черниговскому Генералъ-Губернатору Князю Репнину, для прекращенія свирѣпствовавшей въ сихъ губерніяхъ на рогатомъ скотѣ чумы. По исполненіи сего порученія, въ томъ же году возвратился къ своимъ должностямъ, и по представленію Князя Репнина Всемилостивѣйше награжденъ за сей трудъ алмазнымъ перстнемъ. — По случаю обнаружившейся въ 1830 году въ Москвѣ эпидемической холеры, учрежденъ былъ при Университетѣ Комитетъ для охраненія отъ холеры живущихъ въономъ и въ заведеніяхъ ему подвѣдомственныхъ. Сего комитета Бунге былъ членомъ съ 19-го Сентября 1830 г. по 17-е Февраля 1831 года, и завѣдывалъ въ это время временными холерными больницами при Университетѣ, его Типографіи и Благородномъ Пансіонѣ. Въ 1831 же году Всемилостивѣйше пожалованъ знакомъ отличія безпорочной службы за XXV лѣтъ, получилъ Монаршее благоволеніе и въ единовременное награжденіе 2,000 рублей.

Въ 1832 году избранъ Деканомъ Врачебнаго Факультета и опредѣленъ, сверхъ прочихъ должностей, Консультантомъ при Московской Маріинской больницѣ.—Въ 1834 году Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ ордена Св. Анны 2-й степени, украшеннаго Императорскою короною, и знакомъ отличія безпорочной службы за XXX лѣтъ. — Въ 1835 году, при введеніи въ дѣйствіе новаго Устава Университета, перемѣщенъ съ каѳедры Ветеринарной науки на каѳедру Терапевтической Клиники. — Въ 1836 году избранъ и утвержденъ Проректоромъ Университета на 4 года. — Въ 1837 году, прослуживъ при Академіи по учебной части 30 лѣтъ, утвержденъ въ званіи Заслуженнаго Профессора и оставленъ, по избранію Конференціи, при занимаемой каѳедрѣ еще на 5 лѣтъ, съ производеніемъ, сверхъ жалованья, пенсіи по 5500 рублей асс. въ годъ. — Въ 1838 году, за службу по должности Консультанта при Московской Маріинской больницѣ, Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ ордена Св. Владиміра 3-й степени. — Въ 1841 году удостоенъ знака отличія без-

порочной службы за XXXV лѣтъ. — Въ 1842 году, по прошеніямъ, 22-го Апрѣля уволенъ отъ должности Консультанта при Маріинской больницѣ, съ полугодовымъ окладомъ жалованья, сей должности присвоеннаго, а 30-го Іюля отъ должности Профессора Терапевтической Клиники при Университетѣ, оставаясь еще Профессоромъ при Медико-Хирургической Академіи. Но вскорѣ, по случаю упраздненія ветеринарнаго отдѣленія при Академіи, 1-го Ноября 1842 года уволенъ вовсе отъ службы, съ произвожденіемъ, по представленію Академическаго начальства, за 35-лѣтнюю службу по учебной части, ежегодной пенсіи по 2201 руб. 47 копѣекъ серебромъ.

Во время службы, отнимавшей все время, Бунге не могъ ничего печатно издать въ свѣтъ, исключая нѣсколькихъ мелкихъ статей, сообщенныхъ Обществу физическихъ и медицинскихъ наукъ. Но въ отставкѣ, имѣя свободное время, издалъ въ 1844 году трактатъ: *О раздраженіи спиннаго мозга;* а въ 1846 году представилъ въ Московское Общество Сельскаго Хозяйства рукопись подъ заглавіемъ: *О главнѣйшихъ повальныхъ болѣзняхъ домашнихъ животныхъ*, которая благосклонно принята Обществомъ и напечатана въ 1847 году на его счетъ, въ пользу сельскихъ хозяевъ. Въ послѣдствіи это сочиненіе принято руководствомъ при преподаваніи лекцій о повальныхъ болѣзняхъ домашнихъ животныхъ при здѣшнемъ Университетѣ. За сей трудъ Общество наградило автора золотою медалью.

Также составилъ: *Руководство къ распознаванію и леченію внутреннихъ конскихъ болѣзней, за исключеніемъ повальныхъ*, описанныхъ въ предъидущемъ сочиненіи: эта рукопись нынѣ печатается при Московскомъ Врачебномъ Журналѣ.

БУСЛАЕВЪ, Ѳедоръ Ивановичь, Исправляющій должность Экстраординарнаго Профессора Русской Словесности, Магистръ, Надворный Совѣтникъ, родился въ 1818 году, Апрѣля 13-го дня, Пензенской губерніи въ городѣ Керенскѣ. На пятомъ году своего возраста лишившись отца, занимавшаго мѣсто Секретаря въ Керенскомъ Земскомъ Судѣ, онъ провелъ остальное время своего дѣтства въ Пензѣ, при своей матери. Де-

сяти лѣтъ поступилъ въ тамошнюю Гимназію, и черезъ пять лѣтъ кончилъ курсъ ученья (тогда въ Гимназіяхъ, по прежнему положенію, было только четыре класса). Шестнадцати лѣтъ поступилъ казеннокоштнымъ студентомъ въ Императорскій Московскій Университетъ, по Историко-Филологическому Факультету (называвшемуся тогда Словеснымъ).

Черезъ четыре года окончивъ курсъ Университетскихъ наукъ, опредѣленъ былъ сверхштатнымъ учителемъ Русскаго языка во 2-ю Московскую Гимназію, 1838 года Августа 18-го дня. Черезъ годъ, взявъ отпускъ, съ 15-го Іюня 1839 года, отправился за границу для поправленія здоровья, на одинъ годъ, съ отсрочкою потомъ еще на одинъ годъ. Въ 1841 году воротился въ Москву и продолжалъ учительскую службу въ 3-й Реальной Гимназіи, сначала младшимъ, а потомъ старшимъ учителемъ Русскаго языка и Словесности. Съ 1842 года былъ прикомандированъ въ помощники Профессорамъ Русской Словесности, И. И. Давыдову и С. П. Шевыреву, для исправленія и разбора письменныхъ упражненій студентовъ, и состоялъ въ этой должности по 5-е Августа 1848 года, получая жалованье изъ экономическихъ суммъ Университета. 7-го Января 1847 года отъ должности старшаго учителя Русскаго языка въ 3-й Московской Реальной Гимназіи былъ уволенъ, по прошенію; и тогда же, т. е. съ Января мѣсяца 1847 г., въ качествѣ сторонняго преподавателя, сталъ читать лекціи Русской Словесности въ Московскомъ Университетѣ, сначала студентамъ 1-го курса Физико-Математическаго Факультета, а потомъ и студентамъ 2-го и 3-го курсовъ Историко-Филологическаго, занимаясь съ первыми преимущественно практическими упражненіями въ Русскомъ языкѣ и слогѣ, а со вторыми сравнительно-историческимъ изученіемъ Русскаго языка. Въ томъ же 1847 г., съ 1-го Октября, поступилъ учителемъ Русской Словесности, Педагогіи и Дидактики въ Московское Александровское Училище, и состоялъ въ этой должности три года, получивъ увольненіе отъ оной въ 1850 г., по прошенію. Защитивъ публично диссертацію: «*О вліяніи Христіанства на Славянскій языкъ,*» былъ утвержденъ въ степени Магистра Русской Словесности, 22-го Іюля 1848 года, а 5-го Августа того же 1848 года опредѣленъ Адъюнктомъ

Московскаго Университета. Въ 1851 г. былъ произведенъ въ Исправляющіе должность Экстраординарнаго Профессора.

Сверхъ того, съ 1847 по 1851 г., исправлялъ должность Секретаря Историко-Филологическаго Факультета, а съ Октября 1849 по Декабрь 1850 г. состоялъ въ должности Секретаря Цензурнаго Комитета. — 21-го Мая 1851 г. былъ избранъ въ Дѣйствительные Члены Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ; 15-го Марта 1852 г. въ Дѣйствительные Члены Русскаго Географическаго Общества, и 29-го Декабря 1853 г. въ Корреспонденты Императорской Академіи Наукъ, по 2-му отдѣленію. Первыя сочиненія, изданныя имъ въ свѣтъ, были печатаемы въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, съ 1842 года. Въ 1844 г. издалъ сочиненіе: *«О преподаваніи отечественнаго языка,»* въ 2-хъ частяхъ, и въ 1848 г. вышеупомянутую диссертацію: *«О вліяніи Христіанства на Славянскій языкъ.»* Какъ эти два, такъ и другія мелкія сочиненія, напечатанныя въ періодическихъ изданіяхъ и Сборникахъ, преимущественно касаются Исторіи языка. Въ 1854 году составилъ онъ *Опытъ Исторической Грамматики Русскаго языка*, сочиненіе, принятое въ число учебныхъ пособій для Военно-Учебныхъ заведеній.

БѢЛЯЕВЪ, Иванъ Дмитріевичь, Исправляющій должность Адъюнкта по каѳедрѣ Исторіи Русскаго Законодательства, Надворный Совѣтникъ, Секретарь Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, сынъ священника, родился въ Москвѣ въ 1810 году; первоначальное воспитаніе получилъ въ Московской Духовной Семинаріи, откуда въ 1829 году поступилъ въ Московскій Университетъ, гдѣ окончилъ курсъ кандидатомъ по Юридическому Факультету, 30-го Іюня 1833 года. Въ Февралѣ 1834 года поступилъ на службу въ Московскую Контору Святѣйшаго Синода. Потомъ 27-го Іюля 1844 года былъ опредѣленъ на службу къ Инспектору Московскихъ Сенатскихъ Архивовъ въ должность Правителя дѣлъ; а 29-го Декабря того же года причисленъ къ Департаменту Министерства Юстиціи, съ оставленіемъ при той же должности; 30-го Августа 1845 года командированъ въ Московскій Сенатскій Архивъ, въ Архивъ старыхъ дѣлъ и въ Вотчинный

Департаментъ, для прiисканiя указовъ и другихъ узаконенiй, не вошедшихъ въ составъ перваго Полнаго собранiя законовъ Россiйской Имперiи. — По опредѣленiю Министра Юстицiи 10-го Марта 1848 года, ему было назначено разобрать и привести въ порядокъ собранiе 17000 древнихъ грамотъ Коллегiи Экономiи. — 4-го Ноября 1848 г., по представленiю Министра Юстицiи, Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству, назначенъ въ Совѣтники въ Московскiй Государственный Архивъ старыхъ дѣлъ. 1-го Мая 1849 года, съ Высочайшаго разрѣшенiя, съ оставленiемъ при прежней должности, опредѣленъ Членомъ Коммиссiи для печатанiя оффицiальныхъ и частныхъ разрядныхъ книгъ. — 28-го Апрѣля 1850 года награжденъ орденомъ Св. Анны 3-й степени.—29-го Декабря 1852 г. Высочайшимъ приказомъ переведенъ на службу въ Московскiй Университетъ исправляющимъ должность Адъюнкта по каѳедрѣ Исторiи Русскаго законодательства.

Сверхъ сего Бѣляевъ состоитъ Дѣйствительнымъ Членомъ Императорскаго Общества Исторiи и Древностей Россiйскихъ при Московскомъ Университетѣ съ 3-го Iюня 1846 года, Одесскаго Общества Исторiи и Древностей съ 22-го Апрѣля 1848 года, Императорскаго Русскаго Географическаго общества съ 29-го Декабря 1850 года. При Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Исторiи и Древностей Россiйскихъ въ Ноябрѣ 1848 года выбранъ въ Секретари Общества: сiю должность исправляетъ и по сiе время. По должности Секретаря Общества Исторiи и Древностей Россiйскихъ, подъ редакцiею Бѣляева изданы осмнадцать книгъ Временника Общества, въ которыхъ помѣщены слѣдующiя статьи, сочиненныя Бѣляевымъ: 1) *О дружинѣ и земщинѣ въ Московскомъ Государствѣ.* 2) *Изслѣдованiе объ оффицiальныхъ разрядныхъ книгахъ.* 3) *Русскiя лѣтописи по Лаврентiевскому списку съ 1111 по 1169 годъ.* 4) *Предисловiе къ таможенной книгѣ 1724 года.* 5) *Служилые люди въ Московскомъ Государствѣ.* 6) *Князь Константинъ Всеволодовичъ.* 7) *Великiй Князь Александръ Ярославичъ Невскiй.* 8) *Извѣстiе о книгахъ сеунчей, о помѣстныхъ дѣлахъ, и о дѣлахъ губныхъ старостъ и воеводъ, какъ объ административно-юридическихъ источникахъ Русской исторiи.* 9) *О разныхъ видахъ Русскихъ лѣтописей.* 10) *Русская земля*

предъ прибытіемъ Рюрика въ Новгородъ. 11) *О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ Государствѣ.* 12) *Извѣстіе о приправочныхъ книгахъ, и объ ихъ административномъ и юридическомъ значеніи.* 13) *Князь Рюрикъ съ братьями и дружиною.* 14) *Русь въ первыя сто лѣтъ отъ прибытія Рюрика въ Новгородъ.* Сверхъ того въ тѣхъ же книгахъ Временника помѣщено нѣсколько важныхъ историческихъ матеріаловъ, въ первый разъ отысканныхъ и опредѣленныхъ имъ же Бѣляевымъ. Таковы: Разрядныя оффиціальныя книги 7123, 7124 и 7125 годовъ, Книга Сеунчей 7123 и 7163 годовъ, Помѣстныя дѣла XVII столѣтія, Писцовыя Новгородскія книги, Письма къ Князю Василью Васильевичу Голицыну отъ разныхъ лицъ, Переписная книга Домовой казны Патріарха Никона, Иное сказаніе о Самозванцахъ, Роспись полевой мѣрѣ 1709 года, и разные Юридическіе Акты XIV, XV, XVI и XVII столѣтій.

Въ другихъ изданіяхъ сочиненія Бѣляева были слѣдующія. Въ Чтеніяхъ Императорскаго общества Исторіи и Древностей Россійскихъ: 1) *Очеркъ исторіи древней Монетной системы на Руси.* 2) *О сторожевой и станичной службѣ на Польской украйнѣ Московскаго Государства до Царя Алексѣя Михайловича.* 3) *О Несторовой лѣтописи.* 4) *О хронологіи Нестора.* 5) *Отношеніе приднѣпровскихъ городовъ къ Варяжскимъ Князьямъ, пришедшимъ изъ Новгорода, до взятія Кіева въ 1171-мъ году войсками Боголюбскаго.* Въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія статья: *О городахъ на Руси до Монголовъ*; въ Извѣстіяхъ II-го Отдѣленія Академіи Наукъ статья: *О языкѣ договоровъ Олега и Игоря;* въ Москвитянинѣ: *Исторія Москвы какъ города*, и нѣсколько рецензій на историческія и юридическія книги; въ Альманахѣ, изданномъ при Москвитянинѣ, статья: *Святые мужи*; въ Кіевлянинѣ: *Біографія В. К. Михаила Всеволодовича*; въ Запискахъ Русскаго Географическаго общества: *О географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Россіи*; въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей: *О Сѣверномъ берегѣ Чернаго моря и прилежащихъ къ нему степяхъ, до водворенія въ этомъ краѣ Монголовъ*; въ Запискахъ Русскаго Археологическаго общества, статья о томъ: *Были ли на Руси монеты до XIV столѣтія?* Сверхъ того отдѣльно издано Московскимъ Обществомъ Исторіи и

Древностей Россійскихъ Историческое изслѣдованіе Бѣляева: *О Русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и послѣ его до преобразованій, сдѣланныхъ Петромъ Великимъ.*

БЯКСТЕРЪ, Яковъ Николаевичь (James Baxter), Лекторъ Англійскаго Языка и Англійской Словесности, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Императорскихъ Орденовъ Св. Анны 2-й степени и Св. Станислава, Директоръ С. Петербургскаго Высшаго Коммерческаго Пансіона, Императорскаго Русскаго Географическаго Общества Дѣйствительный Членъ, Шотландскій уроженецъ, отрасли знаменитаго Шотландскаго рода Бухананъ, родился 1-го Марта 1789 года; высшее образованіе получилъ въ Эдинбургскомъ Университетѣ; сперва занимался Филологіею, потомъ Законовѣдѣніемъ. Въ послѣдніе годы войны съ Франціею Бякстеръ служилъ въ Пертскомъ пѣхотномъ полку Поручикомъ и въ послѣдствіи избранъ въ члены почетной роты Королевскихъ тѣлохранителей въ Шотландіи. Пріѣхавши въ Россію въ 1821 г., занимался преподаваніемъ Англійскаго языка и Англійской словесности; а въ 1826 году былъ опредѣленъ Лекторомъ при Московскомъ Университетѣ. Бякстеръ читалъ лекціи по четыре раза въ недѣлю, раздѣляя оныя на два курса: низшій и высшій. На первомъ преподавалъ первоначальныя основанія Англійскаго языка; на второмъ предлагалъ краткое обозрѣніе исторіи Англійской словесности, объяснялъ отборныя мѣста изъ сочиненій знаменитыхъ стихотворцевъ и задавалъ слушателямъ темы для сочиненій, дабы пріучить ихъ писать на Англійскомъ языкѣ.

Въ 1828 году Бякстеръ вышелъ въ отставку за болѣзнію; въ 1834 г. вступилъ въ Россійское подданство; потомъ занималъ должность Инспектора въ Виленскомъ Дворянскомъ Институтѣ; въ 1839 г. опредѣленъ былъ Директоромъ С. Петербургскаго Коммерческаго Пансіона, при которомъ, какъ выше сказано, и теперь находится. Онъ участвовалъ въ разныхъ періодическихъ сочиненіяхъ, и въ 1839 г. перевелъ на Англійскій языкъ и издалъ въ Лондонѣ Данилевскаго: «*Описаніе похода во Францію 1814 года,*» сочиненіе послужившее въ числѣ другихъ руководствомъ Алисону для его Исторіи Европы отъ начала Французской Революціи.

В.

ВАРВИНСКІЙ, Іосифъ Васильевичь, Ординарный Профессоръ госпитальной Терапевтической Клиники, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Ордена Св. Анны 2-й степени, родился въ 1811 г. Октября 28-го дня, въ городѣ Хоролѣ Полтавской губерніи, гдѣ отецъ его состоялъ на службѣ. Получивъ первоначальное воспитаніе въ домѣ родителей, въ 1821 году, десяти лѣтъ, поступилъ въ Хорольское уѣздное (въ то время повѣтовое) училище, гдѣ и окончилъ курсъ ученія, въ 1823 г., пройдя три класса. Тогда же онъ лишился своихъ родителей, и оставшись круглымъ сиротою безъ средствъ и надлежащаго руководства, продолжалъ еще въ теченіи двухъ лѣтъ посѣщать уроки послѣдняго класса Уѣзднаго училища. Въ 1825 году поступилъ въ Харьковскую Гимназію и, по окончаніи курса въ оной, на казенномъ содержаніи, вступилъ въ Харьковскій Университетъ, по Медицинскому Факультету, въ число казеннокоштныхъ Студентовъ. Окончивъ полный курсъ въ Харьковскомъ Университетѣ, получилъ степень Лѣкаря 1-го отдѣленія, 1833 г. Іюля 14-го. По распоряженію Начальства, принятъ въ состоявшій при Дерптскомъ Университетѣ Профессорскій Институтъ, въ томъ же 1833 г. Окт. 28-го. Въ 1838 г. пріобрѣлъ въ Дерптскомъ Университетѣ степень Доктора Медицины, защитивъ публично, 17-го Сентября, въ присутствіи Г-на Министра Народнаго Просвѣщенія Графа Сергія Семеновича Уварова, обозрѣвавшаго въ то время Дерптскій Учебный Округъ, диссертацію: de nervi vagi physiologia et pathologia. Въ томъ же г. Нояб. 17, утвержденъ Адъюнктомъ Медицинскаго Факультета въ Московскомъ Университетѣ, по каѳедрѣ Частной Патологіи и Терапіи и клиникѣ внутреннихъ болѣзней — предметамъ, которымъ въ особенности посвящалъ свои занятія, находясь въ Профессорскомъ Институтѣ. Въ этомъ званіи, по назначенію Начальства Университета, онъ преподавалъ ученіе о дискразическихъ и нервныхъ болѣзняхъ и участвовалъ во всѣхъ занятіяхъ Профессора Клиники внутреннихъ болѣзней. Въ 1839 г. Сентября 27-го дня утвержденъ Секретаремъ при Медицинскомъ Факультетѣ Московскаго Университета. Въ

1841 г. Мая 1-го, съ Высочайшаго соизволенія, былъ уволенъ за границу на 2 года и 4 мѣсяца, т. е. 1-го Сент. 1843 г. Находясь за границею, онъ сосредоточивалъ свои силы на предметахъ, которыхъ основательное изученіе сдѣлалъ задачею своего ученаго поприща. Такъ въ Берлинѣ посѣщалъ лекціи: Физіологіи и Патологической Анатоміи знаменитаго Профессора І. Мюллера; частной Патологіи и Терапіи и Клинику внутреннихъ болѣзней Профф. Шёнлейна и Вульфа; Клинику Хирургическую и глазныхъ болѣзней Профф. Юнкена и Диффенбаха; поликлинику Пр. Ромберга. Кромѣ лекцій занимался практически въ Берлинскомъ госпиталѣ Charité, ежедневно посѣщая разныя отдѣленія этой превосходной больницы вмѣстѣ съ ординаторами (Stabsaerzte). Въ Вѣнѣ, огромный Вѣнскій госпиталь (allgemeines Krankenhaus), со всѣми его отдѣленіями, былъ богатымъ полемъ для ученыхъ и практическихъ занятій путешественника. Въ особенности же онъ изучалъ въ Вѣнѣ Патологическую Анатомію, подъ руководствомъ знаменитаго ученаго Рокитанскаго и способы изслѣдованія грудныхъ болѣзней посредствомъ выслушиванія (auscultatio) и постукиванія (percussio) подъ руководствомъ Д-ра Скоды, нынѣ Профессора Вѣнской Клиники. Въ Парижѣ, послѣ ученыхъ пріобрѣтеній, собранныхъ въ Берлинѣ и Вѣнѣ, хотя и не представлялось путешественнику ничего существенно новаго; но огромныя больницы, наполненныя разнородными болѣзненными случаями, и разнообразное ученое направленіе самихъ дѣятелей предложили и здѣсь обильный матеріалъ для пополненія его свѣдѣній. Hôtel-Dieu, Charité, Pitié, l'Hôpital de Saint-Louis, des enfans, Necker, du Midi и пр. были источниками, изъ которыхъ путешественникъ ежедневно черпалъ массу приктическихъ свѣдѣній; Andral, Chomel, Bouillaud, Velpeau, Magendie, Orfila были учеными, которыхъ преподаваніе для него было въ высокой степени поучительно.

По возвращеніи изъ-за границы въ отечество въ 1843 году, Варвинскій, съ разрѣшенія Начальства Университета, преподавалъ практически клиническое ученіе внутреннихъ болѣзней надъ нѣкоторыми изъ больныхъ, приходящихъ въ Университетскую Клинику за совѣтами, и систематически изложилъ ученіе о болѣзняхъ сердца, обращая вниманіе слушателей въ

особенности на тѣ пріобрѣтенія, которыми обогатилось это ученіе въ послѣднее время. — Въ 1844 году Мая 19-го дня, утвержденъ Ординарнымъ Профессоромъ частной Патологіи и Терапіи въ Дерптскомъ Университетѣ, которыя и преподавалъ на Нѣмецкомъ языкѣ, въ продолженіи 2-хъ лѣтъ (съ 1844-го по 1846-й годъ). Сверхъ того, по порученію Медицинскаго Факультета, читалъ лекціи общей Терапіи и экзаменовалъ оканчивающихъ курсъ Студентовъ и ищущихъ ученыхъ степеней изъ Фармакологіи и Рецептуры. Кромѣ сего, въ послѣдній академическій годъ пребыванія въ Дерптѣ, завѣдывалъ Поликлиникою.—Въ 1846 году Императорская Академія Наукъ поручила ему сдѣлать ученый разборъ сочиненія: «Энциклопедическій медицинскій словарь, составленный Г. Леецъ и пр.», представленнаго для полученія Демидовской преміи. Разборъ его помѣщенъ въ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ и удостоенъ большой золотой медали, учрежденной Академіею Наукъ для постороннихъ рецензентовъ. Въ 1844 году Іюля 18-го произведенъ въ Надворные Совѣтники со старшинствомъ отъ 17-го Ноября 1841 года. Въ 1846-мъ году объявлено ему, какъ Члену Университетскаго Совѣта, Высочайшее благоволеніе. Въ этомъ-же году произведенъ въ Коллежскіе Совѣтники со старшинствомъ съ 1844-го года.

Мая 31-го 1846-го года Варвинскій переведенъ въ Московскій Университетъ Ординарнымъ Профессоромъ госпитальной Терапевтической Клиники. 1849-го года Марта 12-го произведенъ за выслугу лѣтъ въ чинъ Статскаго Совѣтника со старшинствомъ съ 1848-го года Ноября 17-го дня. Въ воздаяніе отлично-ревностной службы и особыхъ трудовъ по мѣрамъ прекращенія болѣзни холеры Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ Ордена Св. Анны 3-й ст. 1850-го года, Апрѣля 4 дня. Въ томъ-же году Августа 20-го объявлена ему въ числѣ прочихъ благодарность Его Сіятельства Г. Министра Народнаго Просвѣщенія за найденный въ Московскомъ Университетѣ по учебной части отличный порядокъ. 1853-го года въ 27-й день Ноября Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ Ордена Анны второй степени въ награду отлично

усердной службы и особыхъ трудовъ, по засвидѣтельствованію Начальства и согласно удостоенію Комитета Министровъ.

Кромѣ упомянутыхъ сочиненій, онъ написалъ рѣчь: *«о вліяніи Патологической Анатоміи на развитіе Патологіи вообще и Клинической въ особенности»*, произнесенную на актѣ 1849 г. 30-го Іюня, и нѣсколько журнальныхъ статей медицинскаго содержанія.

ВАРНЕКЪ, Николай Александровичъ, Исправляющій должность Э.-Ординарнаго Профессора Сравнительной Анатоміи и Физіологіи, Надворный Совѣтникъ, родился въ Москвѣ, 30-го Марта, 1821 года. Первоначальное образованіе получилъ въ домѣ родителей. Въ Февралѣ 1834 года былъ отданъ въ 1-ю С. Петербургскую Гимназію, въ которой и кончилъ полный Гимназическій курсъ. 10-го Августа 1839 года поступилъ въ число студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета по Юридическому Факультету; въ концѣ того жъ года, по склонности къ наукамъ естественнымъ, перешелъ во второе отдѣленіе Философскаго Факультета. Здѣсь, на заданную тему въ 1843 году по каѳедрѣ Зоологіи *«Изслѣдовать процессъ линянія наружныхъ покрововъ и образованіе жерновокъ у обыкновеннаго рѣчнаго рака,»* представилъ разсужденіе и награжденъ золотою медалью. Окончивъ курсъ по разряду Естественныхъ наукъ, въ 1844 году удостоенъ степени Кандидата. Съ этого времени до назначенія его въ Адъюнкты Московскаго Университета постоянно посѣщалъ Зоологическій и Сравнительно-Анатомическій Музей Академіи Наукъ. Богатое собраніе животныхъ, обширная библіотека, обязательное вниманіе, расположеніе и участіе Директора Зоологическаго Музея Г. Академика Ф. Ф. Брандта, доставили ему возможность спеціально заняться Зоологіею въ полномъ значеніи. Въ 1846 году Октября 27-го поступилъ Преподавателемъ Зоологіи и Ботаники въ Институтъ Горныхъ Инженеровъ, въ Кондукторскомъ классѣ. Въ началѣ 1847 года представилъ во 2-е Отдѣленіе Философскаго Факультета С. Петербургскаго Университета разсужденіе на степень Магистра: *О печени рѣчнаго рака въ анатомическомъ и физіологическомъ значеніи*. Спб. 1847. въ 8° 1—40 стр. Высочайшимъ При-

казомъ по Гражданскому Вѣдомству Февраля 22-го 1849 г. опредѣленъ въ дѣйствительную службу по Институту Горныхъ Инженеровъ, со старшинствомъ, съ 27-го Октября 1846 года. По случаю оставшейся свободною каѳедры Сравнительной Анатоміи и Физіологіи въ Московскомъ Университетѣ, Іюля 6-го 1849 года опредѣленъ на упомянутую каѳедру Адъюнктомъ. 20-го Октября 1849 года избранъ въ члены Московскаго Общества Испытателей Природы, въ трудахъ котораго помѣстилъ сочиненіе свое: Ueber die Bildung und Entwickelung des Embryo's,* написанное еще въ 1848 г. и представленное въ видѣ пробной лекціи pro venia legendi Физіологіи и Сравнительной Анатоміи въ С. Петербургскомъ Университетѣ, Іюня 8-го 1848 года. 1852 года Марта 15-го Московское Общество Сельскаго Хозяйства избрало Варнека своимъ Дѣйствительнымъ Членомъ. Согласно представленію Совѣта Императорскаго Московскаго Университета, утвержденъ 1852 года Ноября 12-го, Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, въ званіи Исправляющаго должность Экстраординарнаго Профессора по занимаемой каѳедрѣ. Высочайшимъ приказомъ по Гражданскому Вѣдомству 25-го Февраля 1853 года произведенъ за выслугу лѣтъ въ Надворные Совѣтники.

ВАСИЛЬЕВСКІЙ, Дмитрій Ефимовичъ, Ординарный Профессоръ Правъ Политическаго и Народнаго, Коллежскій Совѣтникъ. Общенародное Право преподавалось въ Московскомъ Университетѣ сначала вмѣстѣ съ Естественнымъ Правомъ, согласно взгляду, который господствовалъ тогда и въ западной Европѣ. Дилтей въ своихъ лекціяхъ держался Пуффендорфа, который, какъ извѣстно, возстановилъ Гроція и продолжалъ философское направленіе, характеризующее первое движеніе науки Права Народовъ. Иностранцы, занимавшіе почти исключительно Профессорскія каѳедры въ теченіи первой половины вѣковой жизни Университета, занимаясь одновременно нѣсколькими предметами, естественно, не могли

---

* Bulletin de la Société des Naturalistes de Moscou. 1850. 1. p. 1—107. avec. 4 pl.

обратить всего вниманія на Положительное Право Народовъ,— и направленіе Мозера осталось имъ чуждо. По Уставу 1804 года (§ 24) положенъ въ Отдѣленіи Нравственныхъ и Политическихъ Наукъ Профессоръ Правъ Естественнаго, Политическаго и Народнаго; однако впервые только въ 1816 году эта каѳедра была занята М. М. Снегиревымъ, который назывался Professor Iuris Naturae et Gentium. Снегиревъ читалъ Общенародное Право до 1820 года, и, какъ видно изъ конспектовъ, въ его чтеніяхъ преобладающимъ было Право Естественное; руководствомъ служили сочиненія Снеллія, Клейна и Цейллера. Съ 1820 до 1822 года каѳедра Общенароднаго Права оставалась праздною; въ 1822 году ее занялъ Д. Е. Василевскій.

Онъ былъ сынъ священника Калужской губерніи; родился въ 1781 году. По требованію Министра Народнаго Просвѣщенія и по приглашенію Графа Сперанскаго, въ 1805 году Василевскій изъ Семинаріи отправленъ былъ въ Педагогическій Институтъ, гдѣ, по окончаніи курса въ 1809 г., произведенъ въ Магистры Философіи и оставленъ для преподаванія Логики и Психологіи; въ то же время въ Академіи Художествъ Василевскій преподавалъ Русскую Словесность, Миѳологію и Всеобщую Исторію; въ 1816 году онъ оставилъ службу при Институтѣ, выдержавъ въ 1817 г. экзаменъ на степень Доктора Философіи. До 1819 года Василевскій служилъ при Академіи Художествъ и одновременно въ Департаментѣ Податей и Сборовъ. Въ этомъ году, по рекомендаціи Князя Голицына, Министра Нар. Просв., онъ отправился въ Германію и Францію на 3 года, съ семействомъ А. Е. Мельгунова; по возвращеніи избранъ въ Экстраординарные Профессоры Московскаго Университета, а въ 1824 году утвержденъ Ординарнымъ Профессоромъ Правъ Политическаго и Народнаго. Въ 1828 году преподавалъ въ Университетѣ Дипломатику; въ 1834 году вышелъ въ отставку съ чиномъ Коллежскаго Совѣтника и съ знакомъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ.

Такимъ образомъ Университетская дѣятельность Василевскаго продолжалась 12 лѣтъ. Въ теченіи этого времени онъ успѣлъ познакомить своихъ слушателей съ новымъ положительнымъ направленіемъ Науки Общенароднаго Права, хотя

самъ не сдѣлалъ никакого приложенія своихъ знаній. Въ лекціяхъ Профессоръ придерживался Бурламаки, Ахенваля, Мартенса и Клюбера; судя по вопросамъ, напечатаннымъ въ 1826 году, можно убѣдиться, что онъ слѣдовалъ совершенно книгѣ Мартенса: Précis du droit des gens, не отступая отъ нея ни въ порядкѣ изложенія, ни во взглядахъ. Сверхъ того въ 1823 г. Профессоръ читалъ трактаты по Шёллю. «Профессоръ представитъ—сказано въ конспектѣ—историческое изложеніе новѣйшихъ происшествій Государствъ, коихъ политическія отношенія, трактаты и связи служатъ основаніемъ нынѣшнему положительному Праву народовъ Европейскихъ, по руководству Шёлля.» Этимъ Василевскій ясно показалъ свой взглядъ на науку и направленіе, котораго держался; вспомнимъ, что Древняя Вивліоѳика и Собраніе Румянцова представляли уже матеріалы для Русской дипломаціи, что въ 20-хъ годахъ появились труды Доброклонскаго, переведена была Дипломатія Мартенса.

Василевскій произнесъ рѣчь на актѣ 4-го Іюля 1824 года: *«О томъ, что нужно негоціатору для пріобрѣтенія искусства вести переговоры и совѣщаться о дѣлахъ государственныхъ.»* М. 1824, 22 стр. (4). Былъ Членомъ Общества Любителей Россійской Словесности.

Для окончанія очерка преподаванія Общенароднаго Права въ Московскомъ Университетѣ, прибавимъ, что въ 1835 году предметъ этотъ былъ излагаемъ Іовскимъ по Клюберу и Мартенсу; съ 1837 до 1839 года временно занималъ каѳедру С. И. Баршевъ; съ 1839 до 1852 читалъ Народное Право В. Н. Лешковъ; съ 1852 года преподаетъ Адъюнктъ М. Н. Капустинъ.

ВАСИЛЬЕВЪ, Николай Семеновичь, Экономіи Политической и Дипломатіи Профессоръ Ординарный, Нравственно-Политическаго Отдѣленія Деканъ, Статскій Совѣтникъ, изъ дворянъ, по окончаніи курса въ Московской Гимназіи, 1815 года поступилъ въ Московскій Университетъ студентомъ.— Въ томъ же году, вступилъ Учителемъ въ Воспитательное заведеніе для благородныхъ, основанное при Московской Губернской Гимназіи, и продолжая приономъ службу, по закон-

номъ испытаніи въ Университетѣ, произведенъ, 1816 г. Іюня 18, въ Кандидаты Нравственно-Политическихъ Наукъ. Сверхъ означенной должности, 1825 г. опредѣленъ въ Московскую Коммерческую Академію Учителемъ Исторіи, Статистики и Россійскаго Законовѣдѣнія.—1826 г. Декабря 3-го, по законномъ испытаніи въ Университетѣ, удостоенъ степени Магистра. 1828 Марта 5-го утвержденъ въ званіи Адъюнкта, по каѳедрѣ Политической Экономіи и Дипломатіи. Съ 1828 г. Мая 15-го по 1830 г. по опредѣленію Университетскаго Совѣта читалъ лекціи чиновникамъ, обязаннымъ службою. — Съ 1828 г. Августа 13-го по 1833 г. Мая 18-го исправлялъ должность Секретаря Нравственно-Политическаго Отдѣленія.— Съ 1829 г. Февр. 13-го по 1834 г. Янв. 4-го былъ Синдикомъ Университетскаго Правленія. Съ 1831 г. Ноября 30-го по 1833 г. Августа 8-го, по избранію Совѣта, преподавалъ лекціи Правъ знатнѣйшихъ древнихъ и новыхъ народовъ. Въ 1833 г. Мая 25-го утвержденъ Ординарнымъ Профессоромъ Политической Экономіи и Дипломатіи. Сверхъ того преподавалъ въ Университетѣ съ 1833 г. Сентября 30-го по 1835 годъ Декабря 31-го Россійское Законовѣдѣніе. Г. Попечитель Московскаго Учебнаго Округа изъявилъ (1834 г. Мая 31-го) свою совершенную благодарность Профессору по званію Визитатора Московскаго Дворянскаго Института. Избранъ Членомъ въ Комитетъ испытанія домашнихъ наставниковъ и учителей 1834 г. Октябр. 24-го. Въ 1834 же году Ноября 30-го Г. Министромъ Народн. Просвѣщенія назначенъ въ Члены Комитета о снабженіи Университета учебными пособіями; 1835 г. Февраля 20-го утвержденъ Деканомъ Нравственно-Политическаго Отдѣленія на 183$\frac{4}{5}$ годъ. Съ 1835 г. Февр. 28-го по 5-е Августа того же года исправлялъ должность Секретаря Совѣта. За визитаторскій отчетъ о состояніи учебныхъ заведеній Владимірской Губерніи, Г. Министръ Народн. Просвѣщен. изъявилъ Профессору совершенную признательность. Утвержденъ Г. Министромъ Народн. Просвѣщенія на 183$\frac{5}{6}$ годъ въ званіи Декана Нравственно - Политическаго Отдѣленія. Всемилостивѣйше пожалованъ знакомъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ, Августа 22-го 1835 года. При введеніи въ дѣйствіе Высочайше утвержденнаго 26 Іюля 1835

года, Общаго Устава Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ, назначенъ (1835 года 31 Декабря) для преподаванія въ Юридическомъ Факультетѣ Законовъ о Государственныхъ повинностяхъ и Финансахъ.—1836 г. Февр. 22-го Г. Министромъ Народн. Пресвѣщ. утвержденъ снова въ званіи Декана Юридическаго Факультета, по установленію на четыре года.—1837 г. Марта 24-го поручено было ему временное преподаваніе Россійской Статистики въ 1-мъ Отдѣленіи Философскаго Факультета.—1839 г. Іюля 1-го уволенъ отъ должности Декана; 1840 г. Августа 22 награжденъ знакомъ отличія безпорочной службы за XX лѣтъ. Въ 1844 году пожалованъ въ Статскіе Совѣтники. Въ 1845 году уволенъ отъ службы съ пенсіею и награжденъ знакомъ отличія безпорочной службы за XXV лѣтъ. На актѣ Университета, Іюля 10-го 1835 года, Профессоръ Васильевъ произнесъ рѣчь: *Объ успѣхахъ и настоящемъ состояніи Политической Экономіи.*

ВАСИЛЬЕВЪ, Иларіонъ Васильевичь, Адъюнктъ Русскаго законовѣдѣнія, родился въ Рязанскомъ уѣздѣ и первое образованіе получилъ въ Рязанской Губернской гимназіи, потомъ поступилъ въ Московскій Университетъ, гдѣ и окончилъ курсъ кандидатомъ по Нравственно-Политическому Отдѣленію. По окончаніи курса, держалъ экзаменъ на степень Магистра и удостоенъ сей степени въ 1823 году; потомъ въ 1828 году опредѣленъ въ должность Адъюнкта при Университетѣ для преподаванія Русскаго Законовѣдѣнія студентамъ, готовившимся къ классу практическаго судопроизводства. Будучи Адъюнктомъ, Васильевъ въ тоже время былъ Синдикомъ университетскаго правленія, Секретаремъ училищнаго Комитета при Московскомъ Университетѣ и преподавалъ Исторію въ Московскомъ Коммерческомъ училищѣ, гдѣ также занималъ должность Секретаря учительской конференціи. Онъ былъ Дѣйствительнымъ членомъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, и Общества любителей Россійской Словесности. Въ 1829 году, Васильевъ, по прошенію, уволенъ отъ службы при Московскомъ Университетѣ, а въ 1832 году умеръ въ Москвѣ, еще въ молодыхъ лѣтахъ.

Васильевъ очень рано вступилъ на литературное поприще.

Еще до окончанія Университетскаго курса, въ 1819 году, издалъ книжку подъ названіемъ: *Изреченія Лакедемонцовъ, избранныя Плутархомъ.* Потомъ въ 1820 году имъ издана книжка подъ названіемъ: *Обозрѣніе Римскаго законодательства*; въ 1821 году *Начертаніе правъ, преимуществъ и обязанностей Почетныхъ Смотрителей училищъ*; въ 1823 году онъ написалъ и публично защищалъ, на степень Магистра, по назначенію Факультета, разсужденіе: *О законахъ Государства Россійскаго*, и въ томъ же году издалъ книгу: *О правахъ, преимуществахъ и обязанностяхъ Директоровъ и Штатныхъ Смотрителей, на основаніи узаконеній.* Въ 1824 году онъ написалъ рѣчь: *О духѣ законовъ нынѣ существующихъ въ Россійскомъ Государствѣ*; въ 1825 году, *Краткую исторію Россійскаго Государства*, для начинающихъ; въ 1826 году *Новѣйшее руководство къ познанію Россійскихъ законовъ*, въ двухъ частяхъ; въ 1827 году напечаталъ статью: *Ѳемида, или начертаніе правъ, преимуществъ и обязанностей женскаго пола въ Россіи.* Въ 1828 году напечаталъ лекцію: *О сущности и пользѣ законовъ вообще, и о необходимости изученія законовъ отечественныхъ.* Лекція сія была читана имъ при занятіи каѳедры Россійскаго Законовѣдѣнія. Кромѣ того Васильевъ участвовалъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ; такъ съ 1821 году въ Вѣстникѣ Европы напечаталъ статью: *О смертной казни*; въ третьей части Трудовъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ въ 1826 году помѣстилъ статью: *Историческій взглядъ на правежи въ Россіи*; въ 1830 году также въ Трудахъ Общества въ V части статью: *Историческое обозрѣніе актовъ и судебныхъ бумагъ въ Россіи.*

Труды Васильева обличаютъ въ немъ поспѣшность молодаго человѣка, еще несозрѣвшаго. Онъ только успѣваетъ группировать свѣдѣнія, полученныя имъ отъ наставниковъ, Цвѣтаева и Сандунова, или вычитанныя изъ книгъ, и нисколько не заботится о томъ, чтобы усвоить пріобрѣтенныя свѣдѣнія, вдуматься въ нихъ и достигнуть своихъ результатовъ. Напримѣръ, въ статьѣ о правежахъ въ Россіи, онъ только перечисляетъ упоминанія о правежахъ въ Исторіи Карамзина, въ Судебникѣ, въ Уложеніи, въ Русскихъ Древностяхъ Успенскаго и т. под.; въ лекціи: «о сущности и пользѣ законовъ

вообще, и о необходимости изученія законовъ отечественныхъ», повторяетъ мысли Цвѣтаева, Сандунова, а иногда и славныхъ иностранныхъ Законовѣдцевъ. Но должно сознаться, что въ Васильевѣ было похвальное стремленіе сколько можно ближе познакомиться съ Русскимъ законодательствомъ, древнимъ и новымъ, чтб доказываетъ его статья: «Историческое обозрѣніе актовъ и судебныхъ бумагъ въ Россіи.»

ВАТЭ (Карлъ Авіа-де), Charles Aviat de Vatay, Экстраординарный Профессоръ Французскаго языка и Литературы.— По смерти Экстраординарнаго Профессора Бодуэня, Аббатъ Авіатъ де Ватэ (или Ватай, какъ его называли по Русски) былъ произведенъ въ Экстраординарные Профессоры Французской Словесности въ Московскомъ Университетѣ, 1796 г. Марта 4. До этого времени онъ былъ нѣсколько лѣтъ сряду въ домѣ Князя Николая Васильевича Репнина, воспитателемъ двухъ его внуковъ по дочери, Князей Волконскихъ, изъ которыхъ Князь Николай Григорьевичь принялъ и фамилію Кн. Репнина. Де Ватэ, при вступленіи въ должность Профессора, напечаталъ свой переводъ на Французской языкъ стихами оды Державина: *Богъ*. На лекціяхъ своихъ онъ преподавалъ Риторику, принаравливаясь къ Русскому и Французскому языкамъ, занималъ слушателей переводами Русскихъ авторовъ на Французскій языкъ, изъяснялъ лучшихъ Французскихъ писателей, и сообщалъ свѣдѣнія о Французской Литтературѣ по руководству Лагарпа. Въ 1798 г., Іюня 30, онъ произнесъ въ торжественномъ собраніи Университета слово на Французскомъ языкѣ: Discours sur les sciences considérées dans leurs diverses périodes.

Это было въ то же самое время, когда Антонскій читалъ свое слово: о воспитаніи. Рѣчь Ватэ переведена была тогда на Русскій языкъ воспитанникомъ Университетскаго Пансіона, Андреемъ Тургеневымъ.

Она весьма замѣчательна и обнаруживаетъ въ авторѣ человѣка просвѣщеннаго, не съ одностороннимъ Французскимъ образованіемъ. Изобразивъ краткимъ очеркомъ движеніе наукъ въ древнемъ и новомъ мірѣ, ораторъ останавливается на современномъ ему Европейскомъ образованіи и воздаетъ долж-

ное всѣмъ странамъ: Италіи за искусство, Англіи за ея практическій смыслъ въ открытіи законовъ природы и приложеніи ихъ къ жизни, Германіи за ея глубокомысліе, и скромно хвалитъ Францію за ея умѣнье дать всему пріятный видъ и особенно за языкъ ея, уловившій всѣ оттѣнки Европейскаго общежитія. Сказавъ о томъ, черезъ какія смуты прошла наука и критика въ западной Европѣ, Профессоръ дѣлаетъ такое обращеніе къ Русскимъ. Мы приводимъ это мѣсто по-Русски въ современномъ оратору переводѣ: «До васъ, ПП. СС., науки дошли не въ подобныхъ смятеніяхъ, не изъ нѣдръ раздоровъ и вражды, ни въ сраженіи часто соблазнительныхъ мнѣній, ни среди набожныхъ возмущеній, потрясеній и ненависти.... Онѣ не вдругъ распространились между вами, и не такъ какъ огнедышущая гора, которая, долго будучи сжимаема, наконецъ разверзается съ трескомъ, раздирая внутренность земли и потрясая всѣ сосѣднія страны своего фокуса. Онѣ развивали между вами свои начала въ спокойствіи и тишинѣ страстей, соединяя и развертывая постепенно въ глазахъ вашихъ стихіи, опредѣленныя для произращенія въ васъ различныхъ сѣменъ, которыя Вѣчный самъ вложилъ, дабы они въ свое время приносили плоды посредствомъ размышленія и опытности.»

Въ 1799 г. Ватэ издалъ: «*Каминъ*» Кн. Долгорукаго во Французскомъ переводѣ съ приложеніемъ подлинника. Онъ же перевелъ на Французскій языкъ: «*Душеньку*» Богдановича, и написалъ «*Курсъ Французской Словесности*,» но не успѣлъ издать въ свѣтъ ни того, ни другаго. Скончался въ 1809 году.

ВЕНІАМИНОВЪ, Петръ Дмитріевичъ, Докторъ и Профессоръ Практической Медицины и Химіи, по опредѣленію Святѣйшаго Правительствующаго Синода, изъ Заиконоспасской Духовной Академіи, гдѣ обучался предметамъ гимназическаго курса и Философіи, поступилъ въ число Студентовъ Императорскаго Московскаго Университета съ самаго начала учрежденія онаго въ 1755 году. Здѣсь слушалъ онъ лекціи у Профессора Поповскаго Русской и Латинской Словесности, у Барсова (тогда еще только Магистра-Преподавателя) Ариѳметики и Геометріи, у Профессора Фроммана Логики, Метафизики и

Нравоучительной Философіи, и у Проф. Дильтея Естественнаго, Общенароднаго, Римскаго Права и Всеобщей Исторіи. Въ теченіи Университетскаго курса удостоивался постоянныхъ наградъ за рѣшеніе задачъ на разсужденія. Въ теченіи шести мѣсяцевъ, по слабости здоровья преподавателя Папафило, замѣнялъ его въ преподаваніи Греческаго языка. Ему же вмѣстѣ съ учителемъ Лабомомъ порученъ былъ и приуготовительный классъ Французскаго языка. По назначенію Куратора Университета, И. И. Шувалова, Веніаминовъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ, Зыбелинымъ, отправленъ былъ за границу для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ, преимущественно врачебныхъ. Сначала въ Кенигсбергѣ они поручены были Профессору Буку (Buck), у котораго слушали Философію, Математику и Физику; опыты же изъ сей послѣдней науки показывали имъ и Букъ и Профессоръ Тешке (Tescke). У Профессора Бютнера учились Анатоміи по Гейстеру и трупосѣченію; у Вернера практической Медицинѣ по Шульцу приватно; у Лейбъ-Медика Короля Прусскаго знаменитаго Боля (Bohl) Физіологіи и Патологіи публично; у Тизена Ботаникѣ по Турнфору и Врачебному Веществословію по Фогелю; у Гартмана Клинической практикѣ по Гофману; у Ломейера Химіи по Юнкеру и у Росціуса Хирургіи. Университетъ Кенигсбергскій снабдилъ ихъ въ томъ свидѣтельствомъ за своею печатью. Изъ Кенигсберга, въ Іюнѣ 1763 года, они отправились въ Лейденъ, гдѣ выслушали курсъ Физіологіи у знаменитаго Альбина, Патологіи и Химіи у извѣстнаго Гаубія, Клиническую Практику по Боэргаву у славнаго Ройена, Естественную Исторію по Бриссону, Клейну, Шваммердаму и Валлерію у Аллемана; подъ наблюденіемъ младшаго Альбина упражнялись въ трупосѣченіяхъ, а Ботаникою практически занимались подъ руководствомъ младшаго Ройена. Въ Лейденѣ же въ 1764 году удостоены степени Доктора. Зыбелинъ отправился въ Берлинъ, а Веніаминовъ, оставшись въ Лейденѣ занимался повтореніемъ тѣхъ же предметовъ до тѣхъ поръ, пока Куратором Ададуровымъ былъ вызванъ обратно на службу въ Отечество, куда и прибылъ 26-го Августа 1765 года. Въ этомъ же году, 3-го Сентября, онъ читалъ пробную лекцію, темою для которой были Иппократовы афоризмы (Sect. V.

а 24). За тѣмъ Профессоры Керштенсъ и Эразмусъ подвергли его двухъ-часовому испытанію изъ предметовъ Медицины и Естественной Исторіи. Оно окончилось не совсѣмъ успѣшно. Конференція подала надежду Веніаминову къ пріобрѣтенію каѳедры Ботаники, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ, въ теченіи зимняго семестра, приготовился къ преподаванію этого предмета. Тогда же ему поручено было изданіе Московскихъ Вѣдомостей, и должность эта снята съ Профессора Барсова, который, въ теченіи девяти лѣтъ и четырехъ мѣсяцевъ, а именно начиная съ 26-го Апрѣля 1756 года исправлялъ ее. Конференція освободила Барсова по той причинѣ, что ему предстоялъ другой трудъ по Высочайшему повелѣнію: исправленіе перевода, переводъ 2-го тома и изданіе Политическихъ наставленій Барона Бильфельда.

Съ 1766 года поручено было Веніаминову преподаваніе Ботаники съ герборизаціею въ лѣтнее время, на жалованьѣ Экстраординарнаго Профессора. Мая 17-го 1768 года онъ былъ утвержденъ Ординарнымъ Профессоромъ Медицинской Ботаники, въ которой имѣлъ предшественникомъ Профессора Керштенса.—Кромѣ служебныхъ обязанностей, онъ много занимался и врачебною практикою, въ которой искусствомъ своимъ успѣлъ заслужить всеобщую въ свое время извѣстность, а во время чумы въ Москвѣ опредѣленъ былъ Дѣйствительнымъ Членомъ въ Медицинскій Совѣтъ о прекращеніи язвы.— Въ Ботаническомъ ученіи онъ былъ послѣдователемъ Линнея и на лекціяхъ объяснялъ Линнееву Ботаническую Философію (Philosophia botanica).—Онъ умеръ на службѣ, въ 1775 году, оплаканный многими, обязанными ему своимъ образованіемъ или исцѣленіемъ. Изъ сочиненій его намъ извѣстны три рѣчи, говоренныя имъ въ Торжественныхъ собраніяхъ Университета: 1) *О свойствахъ и пользѣ растеній,* 1767 Апрѣля 23. 2) *О постахъ, какъ о средствѣ предохранительномъ отъ болѣзней,* 1769 Апр. 23. и 3) *Слово похвальное Императрицѣ Екатеринѣ* II.—1773 Апр. 22.—Разсужденіе же его, читанное и публично защищенное имъ при производствѣ на степень Доктора Медицины, къ сожалѣнію, осталось ненапечатаннымъ.

[illegible], Иванъ Ѳедоровичъ, Ординарный Профес-

сорь Анатоміи, Физіологіи и Судебной Медицины, Надворный Совѣтникъ, сынъ священника, который впослѣдствіи былъ Протопресвитеромъ, родился Воронежской губерніи въ заштатномъ городѣ Колчѣ, Января 7-го 1769 г. Первоначальное образованіе получилъ въ Харьковскомъ Коллегіумѣ. 1783 г. поступилъ въ Гимназію Московскаго Университета, а въ 1787 произведенъ въ Студенты по Философскому Факультету, изъ котораго перешелъ въ Юридическій. Здѣсь, 1791 г. Іюня 30-го, получилъ золотую медаль за диссертацію. Потомъ шесть лѣтъ занимался Медицинскими науками. Въ 1797 году опредѣлился Кандидатомъ въ Московскій Военный Госпиталь, гдѣ въ теченіи двухъ лѣтъ занимался практикой. Въ 1803 году удостоенъ степени Доктора Медицины и въ этомъ же году началъ читать для Студентовъ лекціи Діэтетики и общенародной Медицины. 1804 г. избранъ Адъюнктомъ, 1805 г. Экстраординарнымъ Профессоромъ и 1808 г. Ординарнымъ, и съ 1804 года преподавалъ Анатомію по Пленку, Физіологію по Блуменбаху и Судебную Медицину также по Пленку. Сверхъ того былъ Репетиторомъ и Профессоромъ при Повивальномъ Институтѣ Московскаго Воспитательнаго дома съ 1801 года; съ 1805 года Инспекторомъ Студентовъ Врачебнаго Отдѣленія; Секретаремъ, а потомъ съ 1807 г. Ординарнымъ Членомъ Комитета Университетскихъ отчетовъ. Въ 1809 г. былъ Деканомъ Врачебнаго Отдѣленія, по слабости здоровья, только годъ.—Избранъ былъ въ Члены Обществъ Императорскаго Испытателей Природы и Физико-Медицинскаго; въ семъ послѣднемъ былъ также Секретаремъ по внутренней корреспонденціи. Венсовичь славился, какъ отличный преподаватель, и былъ много уважаемъ своими товарищами-Профессорами, какъ это ясно изъ рѣчи, говоренной Профессоромъ Данилевскимъ по случаю его кончины. (Рѣчь въ память Ивана Ѳедоровича Венсовича, читанная на Латинскомъ языкѣ въ Медико-Физическомъ Обществѣ 7-го Окт. 1811 г., а потомъ перевед. на Россійской языкъ Профессоромъ Данилевскимъ. 1811. Изд. 2-е 1814 г.) Весьма лестно отзывается объ немъ знаменитый наставникъ его, Вильгельмъ Михайловичь Рихтеръ, въ своей Исторіи Медицины. Въ 1803 году, когда Венсовичь представилъ Факультету свою диссертацію, писанную на сте-

пень Доктора Медицины; тогда Вильгельмъ Михайловичь почтилъ его поздравительнымъ письмомъ: «De secundinis gemellorum superfoetationem mentientibus, cum icone aeri incisa. Epistola ad Ioannem Wenssowitsch, qua eidem de summis in Medicina honoribus gratulatur Proffessor G. M. Richter. Mosquae 1803.» Послѣдніе три года Венсовичь страдалъ чахоткою. Попечитель Университета П. И. Голенищевъ-Кутузовъ посѣщалъ больнаго. Венсовичь скончался въ Москвѣ, Февраля 11-го 1811 г., 42-хъ лѣтъ, оставивъ послѣ себя вдову съ двумя сиротами младенцами, дочерью и сыномъ, и поручивъ ихъ товарищу своему, М. Я. Мудрову. Изданы имъ: 1. *Всеобщая Врачебная Химія Жакеня*, переводъ съ Нѣмецкаго. М. 1795 г. 2. *Слово на день тезоименитства Государя Императора Александра Павловича*, говоренное Августа 30-го 1803 г. 3. *De structura et usu secundinarum*. Diss. inaug. Mosquae 1803. Accedunt Guil. Mich. Richteri animadversiones circa secundinas gemellorum superfoetationem mentientes. 4. *Изъявленіе чувствованій радости и глубочайшей благодарности къ Августѣйшему Государю Императору Александру 1, при всерадостнѣйшемъ праздновании высокоторжественнаго дня рожденія Е. И. В., по случаю провозглашенія въ Докторское достоинство, произнесенное Иваномъ Венсовичемъ, Дек. 14-го, 1803 г.* 4. *Слово о пользѣ физической Антропологіи*, говор. Іюня 30-го, 1805 г. Сверхъ того Венсовичь перевелъ въ 1803 г. на Русскій языкъ Латинскую рѣчь учителя своего, Профессора В. М. Рихтера: *Слово о томъ, полезно ли, или паче вредно, какъ вообще благонравію, такъ въ особенности благосостоянію цѣлыхъ Государствъ, сводить и распространять просвѣщеніе.* Въ 1808 году онъ издалъ подъ заглавіемъ: *Медико-Физическій Журналъ*, многія сочиненія Физико-Медицинскаго Общества, переведенныя имъ съ Латинскаго и Нѣмецкаго на Русской языкъ.

ВЕРНАДСКІЙ, Иванъ Васильевичь, Ординарный Профессоръ Политической Экономіи и Статистики, Коллежскій Совѣтникъ, Докторъ Историческихъ Наукъ, Политической Экономіи и Статистики, Членъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства и Высочайше учрежденной Коммиссіи для описанія Кіевскаго

Учебнаго Округа, Православнаго исповѣданія, сынъ Статскаго Совѣтника и Кавалера В. И. Вернадскаго, изъ дворянъ Черниговской губерніи, родился въ городѣ Кіевѣ 1821 года, Маія 24-го дня. Первоначально онъ обучался у Ѳ. Сп. Шимкевича, автора «Корнеслова Русскаго языка.» Въ 1831 году вступилъ вольноприходящимъ въ высшее отдѣленіе Кіевскаго Уѣзднаго духовнаго Училища; а, по открытіи Кіевскаго Учебнаго Округа и преобразованіи Кіевской Гимназіи, поступилъ въ 3-й классъ Гимназіи, сначала вольноприходящимъ, потомъ же (1834 г.) за успѣхи въ наукахъ принятъ въ Благородный Пансіонъ (нынѣ 1-й), открытый при 1-й Гимназіи, на казенный счетъ. Въ 1837-мъ году, съ разрѣшенія Г. Попечителя, не кончивъ полнаго курса Гимназіи, состоявшей тогда изъ 7-ми классовъ, выдержалъ экзаменъ въ Университетъ Св. Владиміра, и принятъ былъ въ Институтъ казеннокоштныхъ студентовъ по 1-му Отдѣленію Философскаго Факультета. Въ бытность свою въ Университетѣ на 3-мъ курсѣ написалъ диссертацію на заданную философскую тему и получилъ золотую медаль. Въ 1841 г. удостоенъ степени Кандидата Философіи и опредѣленъ въ Подольскую Губернскую Гимназію исправляющимъ должность Старшаго учителя Русской Словесности. Въ этой Гимназіи для торжественнаго Акта написалъ рѣчь: *«О значеніи Славянъ въ жизни Европы,»* гдѣ старался указать значеніе главныхъ историческихъ явленій, преимущественно въ исторіи Западныхъ Славянъ. Въ 1842 году, по вызову мѣстнаго начальства, перешелъ во 2-ю Кіевскую Гимназію Старшимъ Учителемъ Русской же Словесности и исправлялъ въ ней должность Секретаря Педагогическаго Совѣта Гимназіи. Въ это время онъ началъ заниматься Политической Экономіей, и Факультетъ Университета, въ которомъ онъ получилъ образованіе, избралъ его вскорѣ для занятія каѳедры по этому предмету въ Университетѣ, для чего В. и отправленъ былъ на три года въ Германію, Францію, Англію, Белгію и Голландію. Въ это трехлѣтнее пребываніе за границей, согласно инструкціи, Вернадскій, ознакомившись съ методой изложенія и содержаніемъ преподаванія Берлинскихъ Профессоровъ: Риделя, Дитерици, Гельвинга, Риттера, Раумера и др., Гейдельбергскихъ: Рау, Шлоссера, Цэпфля и др., старался распространить кругъ сво-

ихъ свѣдѣній посредствомъ нагляднаго изученія различныхъ странъ Западной Европы. Съ этой цѣлію онъ дважды посѣтилъ Австрійскія владѣнія, пробылъ часть вакаціоннаго времени въ Гогенгеймскомъ Агрономическомъ Институтѣ, посѣщалъ лекціи въ различныхъ Университетахъ, былъ въ западной и внутренней Швейцаріи, и въ концѣ 1844 г. отправился въ Парижъ. Здѣсь онъ слѣдилъ за чтеніями Бланки, Мишеля Шевалье и др., не упускалъ изъ виду экономическихъ преній Палатъ, посѣщалъ разныя промышленныя и благотворительныя заведенія, и т. п. Отсюда онъ предпринялъ путешествіе чрезъ Белгію, Рейнскія провинціи и западную Швейцарію въ Италію до Кастелламаре, откуда чрезъ Парижъ отправился (1845 года) въ Лондонъ. Въ Англіи Вернадскій старался ознакомиться съ экономическими учрежденіями и сдѣлками, имѣющими особенный характеръ въ этой странѣ; такимъ образомъ, чрезъ посредство извѣстнаго Чадвика, онъ изучалъ систему законовъ о бѣдныхъ, рабочихъ домовъ (workhouses) и проч. Кромѣ того путешествіями по главнымъ промышленнымъ городамъ Великобританіи знакомился съ формами и ходомъ тамошней производительности и торговли. Одну изъ этихъ поѣздокъ (до Донди) онъ совершилъ вмѣстѣ съ членами Русской Коммиссіи для изслѣдованія льняной промышленности. Въ 1846 году оканчивался срокъ пребыванію Вернадскаго за границей, а потому онъ чрезъ Голландію, Гамбургъ, Берлинъ, Копенгагенъ, Готенбургъ, Моталу, Стокгольмъ отправился въ Або, откуда сухимъ путемъ прибылъ въ С. Петербургъ, гдѣ тотчасъ и приступилъ къ экзамену на степень Магистра Политической Экономіи и Статистики. Диссертація, написанная имъ на эту степень *«О Теоріи потребностей»*, была защищаема имъ въ 1847 году, и тогда же онъ удостоенъ искомой имъ ученой степени. По окончаніи экзамена, Вернадскій возвратился въ Кіевъ, гдѣ и приступилъ въ званіи Адъюнкта къ чтенію лекцій по своему предмету, не прекращая ихъ и во время скоро открывшейся холеры. По истеченіи года со времени окончанія Магистерскаго экзамена, Вернадскій приступилъ къ испытанію на степень Доктора Историческихъ наукъ, Политической Экономіи и Статистики, въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, которымъ и удостоенъ искомой имъ сте-

нения въ 1849 году. Диссертація, написанная имъ для сей цѣли, напечатана въ томъ же году подъ заглавіемъ: «*Историко-критическое изслѣдованіе объ Италіанской Политико-Экономической Литературѣ до начала XIX вѣка.*» По возвращеніи въ Кіевъ, онъ, по представленію Совѣта, утвержденъ Экстраординарнымъ Профессоромъ по занимаемой имъ каѳедрѣ. Въ это время окончивъ свои «*Начальныя Основанія Политической Экономіи,*» онъ представилъ это сочиненіе Совѣту Университета, назначившему оное въ 1850 году къ напечатанію на казенный счетъ, что впрочемъ не исполнилось въ слѣдствіе перемѣны въ мѣстѣ служенія Вернадскаго. Въ томъ же году онъ женился на дочери Д. Ст. С. Шигаева, и получилъ вакантную каѳедру въ Московскомъ Университетѣ. Каѳедру эту онъ занималъ сперва въ званіи Экстраординарнаго, а нынѣ Ординарнаго Профессора.

Университетское преподаваніе Вернадскаго, до назначенія программъ по его предметамъ отъ Министерства, было слѣдующее:

Изложенію основныхъ началъ науки онъ предпосылалъ самую исторію развитія идей, изъ которыхъ она сложилась. Онъ старался представить эту исторію, какъ органическое цѣлое, въ которомъ отдѣльные факты составляютъ не болѣе, какъ выраженіе общихъ законовъ. Самая *Политическая Экономія* представляема была имъ, какъ теорія труда въ обширномъ значеніи слова. — Переходя къ изслѣдованію научныхъ положеній, Вернадскій старался построить ихъ на возможно-твердыхъ основаніяхъ, и потому ввелъ въ свое изложеніе теорію потребностей; отъ нея онъ переходилъ къ законамъ труда и указывалъ отношенія между трудомъ и потребностями съ одной стороны, и—трудомъ и владѣніемъ съ другой. Изъ анализа этихъ отношеній выходило само собою значеніе труда въ его разнообразныхъ вліяніяхъ и слѣдствіяхъ, и такимъ образомъ составлялся переходъ къ теоріи производства и доходности вообще. Цѣна, законы оборота и соперничества и т. п. со всѣми ихъ практическими примѣненіями и выводами—находили здѣсь себѣ мѣсто. Здѣсь также изслѣдуемы были начала заработка, объясняемо было значеніе ренты, которую онъ впрочемъ не признавалъ чѣмъ-то особенно-принадлежащимъ землѣ,

а считалъ однимъ изъ видовъ дохода отъ владѣнія. Экономическіе законы онъ признавалъ всеобщими, независящими отъ произвола человѣческаго. — Движеніе народонаселенія вмѣстѣ съ теоріею, основаніе которой положено было Мальтюсомъ, Вернадскій относилъ къ Статистикѣ, а потому въ Политической Экономіи разсматривалъ населеніе только какъ элементъ труда. Въ отношеніи къ кредиту онъ ограничивался одними основными положеніями его и главными формами, не касаясь мелкихъ положеній и правилъ. Въ трактатѣ о деньгахъ онъ также старался ограничиться главнымъ и необходимымъ для яснаго уразумѣнія экономическихъ сдѣлокъ, избѣгая дробностей, большею частію неимѣющихъ чисто-научнаго значенія.— Потребленіе цѣнностей разсматриваемо было имъ въ связи съ теоріей потребностей. — Не ограничивая впрочемъ этимъ содержанія науки, Вернадскій посвящалъ также значительную часть времени на ознакомленіе слушателей своихъ съ главными основаніями хозяйства, какъ системы экономической дѣятельности. Такимъ образомъ онъ показывалъ характеръ и значеніе различныхъ родовъ его, смотря по предметамъ, служащимъ ему основою, и по тому, ограничивается ли хозяйственная дѣятельность однимъ только присвоеніемъ вещей, или измѣненіемъ ихъ количества и качества. Всѣ главные роды промышленной и торговой дѣятельности и ихъ взаимное соотношеніе по времени ихъ развитія и появленія, находили здѣсь себѣ мѣсто и объясненіе. Здѣсь также объясняемы были имъ главные фазы труда (замѣненіе рукъ орудіями и т. п.) и главные виды торговли съ ихъ значеніемъ.

Анализъ хозяйства, какъ системы дѣятельности, приводилъ преподавателя естественно къ теоріи благосостоянія, которая и составляла третью главную часть его изложенія. Здѣсь принимаемы были въ разсмотрѣніе не наибольшее производство цѣнностей, какъ въ теоріи труда, въ тѣсномъ смыслѣ слова, и не наибольшая доходность, какъ въ теоріи хозяйства, а способы къ наиболѣе раціональному удовлетворенію потребностей, аггрегатъ которыхъ составляетъ экономическое лице. Здѣсь Вернадскій разсматривалъ значеніе различныхъ мѣръ для уравновѣшиванія потребностей и потребленія, какъ-то: переселенія и заселенія, различнаго рода

страховыя учрежденія и промышленныя общества всякаго рода, устройство банковъ и т. п. При этомъ онъ имѣлъ постоянно въ виду существующую вездѣ связь промышленныхъ интересовъ и требованіе общественнаго ручательства, выражаемаго въ различныхъ установленіяхъ административнаго контроля. Такимъ образомъ незамѣтно переходилъ онъ изъ области теоретическихъ положеній въ область чистой практики экономической, анализъ которой и составлялъ у него содержаніе *прикладной части* Политической Экономіи. — Въ ней онъ разбиралъ главныя начала и учрежденія касательно внутренней и внѣшней торговли, излагая ихъ согласно требованіямъ науки и положеніямъ, высказаннымъ въ предъидущихъ частяхъ. При этомъ обращалъ вниманіе своихъ слушателей на важность спеціальныхъ познаній вообще и ихъ вліяніе на промышленное развитіе народа, равно какъ на тѣ измѣненія, которыя необходимо происходятъ въ экономичеекой политикѣ каждаго народа въ слѣдствіе многоразличныхъ мѣстныхъ и историческихъ вліяній. Присемъ онъ старался обозначить вліяніе общественной власти, какъ хранительницы интересовъ владѣнія и труда; ея участіе въ промышленной гарантіи, въ образованіи экономическихъ силъ народа и его воспитаніи; ея пользу въ отношеніи къ познанію потребностей и ихъ удовлетворенію путемъ различныхъ учрежденій, какъ-то: средствъ сообщенія, рынковъ, складочныхъ мѣстъ и т. д., и наконецъ святость ея призванія облегчать удовлетвореніе потребностей для лицъ неимущихъ и немощныхъ посредствомъ различнаго рода благотворительныхъ и богоугодныхъ заведеній. Указавъ такимъ образомъ на нѣкоторыя изъ общественныхъ издержекъ въ видахъ экономическихъ, Вернадскій переходилъ къ изложенію *системы финансовъ*, указывая на главные предметы ихъ и главныя правила успѣшнаго веденія ихъ. Здѣсь онъ предпосылалъ указаніе государственныхъ издержекъ государственнымъ доходамъ, руководствуясь въ этомъ самою государственною практикою. Въ дальнѣйшемъ изложеніи Вернадскій старался указывать зависимость системы финансовъ отъ степени экономическаго развитія народа, избѣгая такимъ образомъ общихъ правилъ, неимѣющихъ практическаго примѣненія. Въ издержкахъ государственныхъ онъ

старался объяснить значеніе чиновнаго сословія и его экономическаго быта и т. п. Признавая доходность правительства, исключая случаевъ непосредственнаго производства имъ предметовъ потребленія, въ паяхъ частнаго дохода, онъ указывалъ на существующіе пріемы собиранія (взиманія) этихъ паевъ и ихъ экономическое значеніе, какъ относительно богатства, такъ и относительно благосостоянія народнаго. При этомъ онъ обращалъ вниманіе на рѣшеніе вопроса объ источникахъ податей вообще и объ ихъ отношеніи къ достатку податнаго лица. Въ заключеніе онъ показывалъ связь государственнаго кредита съ податями вообще и ихъ зависимость отъ него въ той мѣрѣ, какъ это оправдывается фактами экономической исторіи Европейскихъ народовъ. — Способъ погашенія государственныхъ долговъ завершалъ собою въ его преподаваніи кругъ Экономической науки.

Преподаваніе *Статистики* Вернадскимъ было основано на тѣхъ же главныхъ началахъ, какъ и Политической Экономіи. Признавая въ ней главнымъ содержаніемъ не численныя данныя, а самые законы, ими выражаемые, и выводы изъ нихъ, онъ обращалъ особенное вниманіе на теоретическія основы новой Статистики, какъ они выработаны Кетлѐ и его послѣдователями. Для уясненія научной задачи, онъ и здѣсь обращалъ особенное вниманіе на исторію науки, въ которой старался показать самый ходъ научныхъ идей. Въ самомъ изложеніи статистическихъ законовъ онъ не ограничивался одною страною, или однимъ народомъ, а представлялъ ихъ на основаніи данныхъ, взятыхъ изъ всѣхъ странъ, статистически обслѣдованныхъ. Въ тѣхъ только случаяхъ, когда изслѣдованія были недостаточны для того, чтобы дать понятіе о самомъ законѣ явленій, Вернадскій передавалъ статистическія данныя въ ихъ среднемъ выраженіи, какъ они представляются въ различныхъ странахъ преимущественно Европы, гдѣ почти исключительно и существуютъ сколько-нибудь достовѣрныя статистическія показанія. Порядокъ изложенія предметовъ былъ принятъ Вернадскимъ слѣдующій: видя главное содержаніе Статистики въ законахъ общественныхъ явленій, Вернадскій сначала опредѣлялъ самые элементы, изъ которыхъ слагается общество; такимъ образомъ онъ

изображеніе средняго человѣка страны предпосылалъ ея топографіи и изложенію внѣшнихъ вліяній, потомъ переходилъ къ изложенію такъ называемой теоріи народонаселенія, сопровождая ея положенія ученой критикой и оканчивая выводомъ законовъ движенія народонаселенія, какъ они слѣдуютъ изъ статистическихъ изысканій послѣдняго времени. Составъ населенія, народный бытъ и трудъ съ его подраздѣленіями занимали значительные отдѣлы въ его изложеніи. Подъ послѣднею рубрикою излагаемы были имъ всѣ отрасли промышленности Европейской съ статистической точки зрѣнія, въ ихъ взаимной связи и вліяніи на различныя стороны народной жизни, а равно и средства сообщенія въ странѣ. Главныя положенія нравственной статистики, статистики благотворительности (т. е. богоугодныхъ и т. п. заведеній) и наконецъ статистики образованія въ обширномъ смыслѣ слóва заключали науку.

Какъ прибавленіе къ системѣ науки, представляемъ былъ Вернадскимъ очеркъ государственныхъ формъ главнѣйшихъ странъ Европы и статистики учрежденій, имѣющихъ въ виду сохраненіе существующаго и безопасность народную и имущественную. Во всѣхъ этихъ случаяхъ Вернадскій постоянно старался изъ статистическихъ матеріаловъ сообщать наиболѣе свѣдѣній касательно Россіи, данныя которой всегда находились у него на первомъ планѣ; данныя же другихъ странъ служили для сравненія и вѣрной оцѣнки отечественныхъ фактовъ.

Въ настоящее время Вернадскій преподаетъ обѣ науки по программамъ, предписаннымъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія: слѣдовательно изъ Статистики только экономическую Статистику Россіи.

Что касается до трудовъ, изданныхъ Вернадскимъ, то они по времени появленія, суть слѣдующія: въ 1848 году помѣщены имъ переводы нѣсколькихъ политико-экономическихъ повѣстей Г-жи Марріетъ (съ Англ.) въ Журналѣ: Звѣздочка.— Въ 1849 г. напечатана имъ Докторская диссертація: *Критико-историческое изслѣдованіе объ Италіанской Политико-Экономической Литературѣ.* — Въ слѣдующихъ затѣмъ годахъ

въ разныхъ журналахъ помѣщаемы имъ были преимущественно критическія статьи. Такъ въ Журн. Минист. Народнаго Просвѣщенія: *Задача Статистики*; въ Отечественныхъ Запискахъ: разборъ сочиненій *Г. Тенгоборскаго о Россіи*, и *Г. Буніе о кредитѣ*; въ Московскихъ Вѣдомостяхъ: *О вѣдомости о народонаселеніи въ 1846 г., о хозяйственно-статистическомъ Атласѣ Россіи, о Политико-Экономическомъ Словарѣ Коклена, о желѣзныхъ дорогахъ, о книгѣ Г. Лярднера* Railway economy, *о Вѣстникѣ Русскаго Географическаго Общества*, *о Сборникѣ Статистическихъ свѣдѣній* и проч. — Въ 1854 г. помѣщены имъ тамъ же статьи: *Политическое равновѣсіе и Англія*. Въ Вѣстникѣ Русскаго Географическаго Общества постоянные отчеты *объ иностранныхъ Статистическихъ изданіяхъ*, и т. п. Кромѣ того въ 1854 году имъ изданъ переводъ сочиненія *Л. В.* Тенгоборскаго: *О производительныхъ силахъ Россіи*. (Ч. 1-я).

ВЕСЕЛОВСКІЙ, Иванъ Семеновичь, Ординарный Профессоръ Физики, Статскій Совѣтникъ, изъ Дворянъ, родился въ 1795 году Сентября 2-го, въ губернскомъ городѣ Могилевѣ, гдѣ отецъ его служилъ Секретаремъ въ Магистратѣ, а потомъ занимался, какъ повѣренный, частными судебными дѣлами (между прочими лицами у Адмирала Чичагова). Оставшись послѣ родителя своего двухлѣтнимъ сиротой, Веселовскій воспитывался въ родительскомъ домѣ до 1803 года, потомъ обучался въ Могилевской Духовной Семинаріи до философскаго класса. Въ то время перебирая библіотеку покойнаго отца своего и перечитывая на досугѣ разныя книги, въ томъ числѣ нѣкоторыя математическаго, физическаго и медицинскаго содержанія, возъимѣлъ охоту заняться естественными науками. Это заставило его перейти въ Губернскую Могилевскую Гимназію въ 1810 году, гдѣ и обучался до Іюля 1812 года. По разореніи Гимназіи отъ нашествія непріятелей, по совѣту Директора Гимназіи, С. В. Цвѣтковскаго, отправился въ Москву и былъ принятъ Студентомъ въ Университетъ по Физико-Математическому Отдѣленію, въ Сентябрѣ 1813 года. Въ продолженіи трехъ лѣтъ слушалъ всѣ лекціи этого отдѣленія: Чистой и прикладной Математики, Физики, Химіи,

Технологіи, Естественной Исторіи и сверхъ того лекціи Словесности Русской, Французской, Нѣмецкой и Латинской, Эстетики, Исторіи и Статистики, и 1816 г. Октября 24-го произведенъ Кандидатомъ Физико-Математическихъ наукъ. Съ того же года началъ заниматься Медицинскими науками и, окончивъ полный курсъ оныхъ, по испытаніи и защищеніи диссертаціи: De vitiis aëris atmosphaerici corpus humanum vivum afficientibus, произведенъ 1823 г. Іюля 4-го, Докторомъ Медицины и тогда же опредѣленъ Лекторомъ Математики и Физики въ Медицинскомъ Институтѣ, и въ томъ же году Декабря 19-го опредѣленъ въ должность Секретаря Медицинскаго Факультета.—1825 г. Января 5-го, отъ бывшаго тогда Попечителя Князя А. П. Оболенскаго получилъ порученіе устроить и завести аптеку при Университетѣ, которая и была заведена и открыта въ томъ же году. 1825 г. Марта 31-го опредѣленъ Адъюнктъ-Профессоромъ при Московскомъ Отдѣленіи Медико-Хирургической Академіи. Въ томъ же году былъ уволенъ отъ должности Секретаря, и ограничивался только преподаваніемъ лекцій Физики и Математики въ Университетѣ и въ Академіи. Преподаваніе было примѣняемо къ потребностямъ медицинскихъ Студентовъ, т. е. пространнѣе излагаемы были тѣ предметы, которые имѣли прямое отношеніе къ Химіи, Физіологіи, Патологіи и Медицинѣ, а прочіе предметы физическіе, которые полезно знать всякому образованному человѣку, преподаваемы были въ возможной краткости, простотѣ, ясности, но съ соблюденіемъ строгой точности. 1829 г. Сентября 14-го, по его прошенію, отъ преподаванія въ Университетѣ уволенъ, но продолжалъ службу въ Академіи. 1830 года Января 3-го награжденъ чиномъ Надворнаго Совѣтника со старшинствомъ съ 4-го Іюля 1828 года. Въ томъ же году, во время холерной эпидеміи, временно исправлялъ должность Инспектора въ Московскомъ Отдѣленіи Медико-Хирургической Академіи. 1833 г. Іюня 9-го произведенъ въ Ординарные Профессоры при Академіи, гдѣ и продолжалъ службу до 16-го Августа 1838 года. — Въ 1835 г. Декабря 31-го поступилъ на службу Ординарнымъ Профессоромъ въ Московскій Университетъ по каѳедрѣ Физики, продолжая преподаваніе лекцій въ Академіи. — 1836 г. Марта 27-го Всемилостивѣй-

ми пожалованъ въ Коллежскіе Совѣтники со старшинствомъ со дня выслуги въ прежнемъ чинѣ. — Въ томъ же году Октября 24-го Всемилостивѣйше награжденъ подаркомъ за отлично-ревностную службу въ вѣдомствѣ Императорской Медико-Хирургической Академіи. — Въ 1838 году Августа 16-го отъ Академіи, по прошенію, уволенъ. А 1839 г. Января 12-го по прошенію же, ради разстроеннаго здоровья, уволенъ также изъ Московскаго Университета. — 1839 г. Августа 22-го награжденъ знакомъ отличія безпорочной службы. 1840 г. 26-го Іюля Всемилостивѣйше пожалованъ въ Статскіе Совѣтники, со старшинствомъ со дня выслуги въ прежнемъ чинѣ. Изъ сочиненій его, кромѣ диссертаціи на докторскую степень, помѣщены были двѣ статьи: *объ Электричествѣ*, *въ Магазинѣ Естественной Исторіи*, *Физики* и *Химіи*, издав. Профессоромъ Двигубскимъ, и одна статья: *О нервной системѣ изъ Белля*, въ *Вѣстникѣ Естественныхъ Наукъ и Медицины*, *Г. Іовскаго*.

ВЕЧЬ, Игнатій Іосифъ, Экстраординарный Профессоръ Физіологіи и Патологіи, удостоенъ былъ степени Доктора Медицины въ Вѣнскомъ Университетѣ 1770 г. Онъ извѣстенъ, какъ ученикъ Профессора Ѳеофила Борде въ Парижѣ, много занимавшагося физіологіею и преимущественно сфигмикою или наукою о пульсѣ. Вечь познакомилъ Германскихъ врачей съ трудами своего наставника, Профессора Борде, и пріобрѣлъ чрезъ то имя ученаго физіолога. 1776 г. Октября 19-го былъ опредѣленъ Экстраординарнымъ Профессоромъ Физіологіи и Патологіи въ Московскомъ Университетѣ. Въ 177$\frac{7}{8}$ году читалъ лекціи Патологіи, Діэтетики и всеобщей Терапіи, слѣдуя Лудвигу. Былъ врачемъ Павловской больницы. Въ 1777 году, Іюня 30-го, произнесъ Рѣчь на Латинскомъ языкѣ: *о различіи между наблюденіемъ и опытомъ у врачей*. Скончался въ Москвѣ, Марта 22-го 1779 г. Сочиненія его: 1) Medicina ex pulsu. Vindobonae 1770. 2) Oratio de arte observandi et experiundi in medicis, habita die XXX mens. Iunii 1777, in conventu publico Universitatis Mosquensis.

ВИГАНТЪ, Іоганнъ, Ординарный Профессоръ Всеобщей Исторіи, Коллежскій Ассессоръ, былъ опредѣленъ на каѳедру

Всемірной Исторіи и вспомогательныхъ ея наукъ при Московскомъ Университетѣ въ 1784 году. О прежней его жизни извѣстно, что онъ много путешествовалъ и занималъ мѣсто проповѣдника при Евангелической церкви Сарептскаго Общества. Лекціямъ Исторіи онъ обыкновенно предпосылалъ лекціи наукъ вспомогательныхъ, а потомъ по порядку проходилъ древнюю, среднюю и новую Исторію, заключая сію послѣднюю многими статистическими замѣчаніями о существующихъ государствахъ. Въ 178$^{7}/_{8}$ году преподавалъ онъ Византійскую, Турецкую Исторію, государствъ, возникшихъ на развалинахъ Римской Имперіи, и предполагалъ читать Рускую. Онъ оставилъ каѳедру въ 1793 г., и умеръ въ Сарептѣ, 31-го Августа 1808 года. Изъ сочиненій его извѣстны только двѣ рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Университета, одна на Латинскомъ, а другая на Французскомъ языкѣ. Современники съ большимъ уваженіемъ отзываются о его знаніяхъ и способѣ преподаванія. Онъ читалъ 8 часовъ въ недѣлю, по четыре лекціи, на Русскомъ языкѣ. Не смотря на книжный складъ рѣчи, обличавшій иностранца, онъ излагалъ свой предметъ живо и даже краснорѣчиво. Слушателямъ своимъ онъ выдавалъ сверхъ того краткія записки на Латинскомъ языкѣ.— Въ силу завѣщанія его, послѣ смерти напечатано было въ Московскихъ Вѣдомостяхъ слѣдующее извѣщеніе: «Бывшій Императорскаго Московскаго Университета Профессоръ, Иванъ Вигантъ, скончавшійся 31-го Августа сего года (1808), просилъ передъ кончиною своею засвидѣтельствовать всѣмъ любящимъ его ту приверженность и любовь, коими душа его до послѣдняго издыханія къ нимъ была преисполнена, съ чѣмъ онъ себя на вѣки препоручилъ въ неизмѣняемую ихъ дружескую память.»

ВИЛЛЕРСЪ, Фредерикъ (Frédéric Villers), Лекторъ Французскаго языка и Словесности и Магистръ Философіи. Онъ наслѣдовалъ Экстраординарному Профессору Французскаго языка и Словесности де Ватэ; въ 180$^{9}/_{10}$ академическомъ году преподавалъ Исторію Французской литературы по руководству Домерона; оставилъ Москву въ 1812 году и умеръ въ Дрезденѣ.

Воиновъ, Иванъ Павловичь, Докторъ Медицины и Экстраординарный Профессоръ Фармаціи и Медицинской Исторіи, родился въ Москвѣ, 1776 г. Февраля 18-го. Обучался въ Московской Гимназіи на казенномъ содержаніи, и произведенъ въ Студенты Московскаго Университета въ 1793 году. Въ 1798 г. получилъ золотую медаль, а въ 1800 еще серебряную. По окончаніи курса медицинскихъ наукъ былъ, для дальнѣйшаго усовершенствованія въ оныхъ, отправленъ въ чужіе краи. Въ 1805 г. удостоенъ степени Доктора Медицины; въ 1806 г. утвержденъ Экстраординарнымъ Профессоромъ и преподавалъ ученую прагматическую Исторію Медицины, по руководству Геккера, объяснялъ также Иппократовы афоризмы. Въ 1808 году, по причинѣ совершенно растроеннаго здоровья, былъ уволенъ отъ службы съ ежегодною пенсіею. Неизвѣстно, что съ нимъ сталось въ Москвѣ, въ 1812 г., во время нашествія Наполеона. Изъ сочиненій Воинова напечатано: *Слово о главной цѣли народной Медицины и важности оной*, произнесенное въ публичномъ собраніи 1807 г. Іюля 2-го. Въ Московскихъ ученыхъ Вѣдомостяхъ 1805 г. помѣщенъ его *Отчетъ* въ ученыхъ занятіяхъ во Франціи.

Воскресенскій, Петръ Герасимовичь, Медицины Докторъ и Преподаватель Анатоміи, сынъ Коллежскаго Совѣтника, родился въ Москвѣ Октября 2-го 1793 г. Въ 1801 г. вступилъ въ Казанскую Гимназію и, по окончаніи курса, произведенъ въ Студенты Словеснаго Факультета въ 1809 г.—Въ 1810 г. переведенъ былъ въ Московскій Университетъ, гдѣ и посѣщалъ лекціи Физико-Математическаго и Медицинскаго Факультетовъ. Удостоенъ степени Кандидата Физико-Математическихъ наукъ въ 1812 г. Во время нашествія непріятеля въ Москву, продолжалъ ученіе въ Казанскомъ Университетѣ, и исправлялъ тамъ должность Помощника Прозектора въ 1813 г. и 1814 г.—Въ 1815 г. удостоенъ степени Магистра Физико-Математическихъ наукъ, а 1817 г. степени доктора Медицины. Съ Іюня 20-го 1817 г. до Октября 1819 г. преподавалъ въ Московскомъ Университетѣ лекціи Анатоміи и ученіе о мокротныхъ сумочкахъ (de bursis mucosis), по руководству Мухина. Въ 1819 г. былъ Секретаремъ Медицинска-

го Факультета. 1820 г. опредѣленъ въ Московскую Казенную Палату по соляному отдѣленію. 1821 г. были, по опредѣленію Казенной Палаты, поручены въ его завѣдываніе дѣла Хозяйственной Экспедиціи по части оброчныхъ статей. 1823 г. отправлялъ должность Совѣтника по Камерной Экспедиціи, и присутствовалъ неоднократно въ Коммисіи учрежденной для приведенія въ извѣстность состоянія должниковъ бывшей Коммисіи вспоможенія разоренныхъ. 1824 г. утвержденъ Совѣтникомъ Хозяйственнаго Отдѣленія, и въ томъ же году исправлялъ должность Московскаго Вице - Губернатора отъ Марта 31-го до Мая 6-го. 1825 г. опредѣленъ въ Московскую Складочную Таможню Управляющимъ. 1834 г. назначенъ Начальникомъ Архангельскаго Таможеннаго Округа. 1835 г. опредѣленъ Чиновникомъ для особыхъ порученій при Министрѣ Финансовъ. 1836 г. опредѣленъ Симбирскимъ Вице-Губернаторомъ, и исправлялъ въ теченіи двухъ лѣтъ, въ разныя времена, должность Симбирскаго Гражданскаго Губернатора. 1838 г. опредѣленъ Предсѣдателемъ Комитета снабженія войскъ сукнами въ Москвѣ.—Въ 1839 г., въ слѣдствіе предписанія Г. Министра Финансовъ, по случаю отъѣзда Графа Строганова за границу, поручена ему была должность Предсѣдателя Московскаго Отдѣленія Мануфактурнаго Совѣта. 1845 г. Сентября 18-го Именнымъ Высочайшимъ Указомъ Всемилостивѣйше уволенъ за болѣзнію вовсе отъ службы. Былъ Членомъ Обществъ Физико-Медицинскаго, Испытателей природы, Сельскаго Хозяйства въ Москвѣ, Почетнымъ Членомъ Общества Коммерческихъ наукъ при Московской Практической Коммерческой Академіи и Членомъ - Корреспондентомъ Высочайше утвержденнаго вольнаго Общества любителей Русской Словесности въ С.-Петербургѣ. Въ 1812 г. получилъ серебряную медаль за разсужденіе, предложенное Физико-Математическомъ Факультетомъ Казанскаго Университета, а въ 1814 г. такую же медаль отъ Медицинскаго Факультета Московскаго Университета. Въ 1831 г. за отличное усердіе, оказанное въ исполненіи распоряженій начальства къ прекращенію холеры, свирѣпствовавшей въ Москвѣ, Всемилостивѣйше пожалованъ ему подарокъ въ 1,000 руб. асс. Въ продолженіе служенія его въ Таможнѣ (отъ 1826 до 1835), по распоряженію Выс-

шаго Начальства ежегодно получалъ, на основаніи Таможеннаго устава, денежныя награжденія, всего 21,000 рублей асс. 1836 г. получилъ единовременное награжденіе 2000 руб. ас. 1839 г. при увольненіи въ отпускъ на четыре мѣсяца для излеченія болѣзни, получилъ 500 рубл. сер., а 1841 г. при отпускѣ за границу, по таковой-же причинѣ, 1,500 руб. сер. Произведенъ въ Статскіе Совѣтники 1830 г. и въ Дѣйствительные Статскіе 1837 г. Пожалованъ Кавалеромъ Ордена Св. Владиміра 4-й степени 1823 г., Св. Анны 2-й степени 1825 г., знакомъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ 1830 г., Св. Анны 2-й степени украшеннаго Императорскою Короною 1831 г., Св. Владиміра 3-й степени 1833 г., Св. Станислава 2-й степени со звѣздою 1835 г., знакомъ отличія за XX лѣтъ 1835 г., Св. Станислава 1-й степени 1839 г., знакомъ отличія за XXV лѣтъ 1841 г. Скончался въ Москвѣ, Ноября 15-го 1853 г. Сочиненія Воскресенскаго: 1. De modo respirationis animalium dissertatio pro gradu Magistri Scientiarum physicomathematicarum. Mosquae. 1815. 2. Lectio de historia naturali Mercurii, ejus proprietate et usu. Mosquae 1815. 3. De dolore faciei dissertatio inauguralis pro gradu Doctoris Medicinae. Mosquae, 1817.

Г.

ГАВРИЛОВЪ, Матвѣй Гавриловичь, Ординарный Профессоръ Славянскаго языка и Словесности, Теоріи изящныхъ искусствъ и Археологіи, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ, со стороны отца родомъ изъ Черкесовъ, сынъ казачьяго Сотника, родился Орловской губерніи Сѣвскаго уѣзда въ слободѣ Дмитревкѣ, 1759 г. Старшій его братъ, Иванъ Гавриловичь, выписавъ его въ Москву, на 11-мъ году его возраста, помѣстилъ на казенный коштъ въ Университетъ. Въ 1777 году произведенъ въ Студенты, а въ 1779 году избранъ въ число семинаристовъ Педагогической Семинаріи, на иждивеніи Демидовской суммы, вмѣстѣ съ товарищемъ Аршеневскимъ. Кураторъ Мелиссино поручилъ ему изданіе *Политическаго журнала* по

образцу Гамбургскаго, и даже сперва самъ участвовалъ въ этомъ дѣлѣ. Съ 1790 г. Матвѣй Гавриловичь издавалъ этотъ журналъ вмѣстѣ съ товарищами своими, Подшиваловымъ и Сохацкимъ, а потомъ одинъ, въ продолженіе 38 лѣтъ, сперва подъ заглавіемъ: *Политическій журналъ, съ показаніемъ ученыхъ и другихъ вещей, издаваемый въ Гамбургѣ Обществомъ ученыхъ мужей;* а потомъ съ 1809 г., подъ заглавіемъ: *Историческій, Статистическій и Географическій Журналъ, или современная исторія свѣта.* Сначала помѣщались въ этомъ изданіи переводы изъ Гамбургскаго журнала, прославленнаго участіемъ Шираха, а потомъ изъ другихъ современныхъ изданій, и даже небольшія сочиненія какъ самаго издателя, такъ и другихъ особъ, сообщавшихъ ему извѣстія. Гавриловъ, бывши педагогическимъ семинаристомъ, по отличному знанію своему въ Нѣмецкомъ языкѣ и Литературѣ, сдѣланъ былъ помощникомъ для Нѣмецкихъ классовъ въ обѣихъ Гимназіяхъ Университета, дворянской и разночинской; въ награду за его усердіе и успѣхи въ преподаваніи сего предмета, ему порученъ былъ отъ начальства сперва классъ Синтаксическій, а потомъ Риторическій любимаго имъ языка, послѣ наставника его въ семъ предметѣ Гельтергофа. Плодами постоянныхъ упражненій его въ Нѣмецкомъ словѣ было изданіе для своихъ учениковъ: *Начальныхъ правилъ Нѣмецкаго языка.* М. 1790 г. въ 8. Эта Нѣмецкая Грамматика, едва ли не первая, была лучше обработана и приспособлена къ ученію; къ ней присоединилъ онъ *Нѣмецкую христоматію* съ краткимъ словаремъ. Его *Новый Лексиконъ на Нѣмецкомъ, Французскомъ, Латинскомъ, Италіянскомъ и Россійскомъ языкахъ* вышелъ вторымъ изданіемъ въ 1789 г. — Матвѣй Гавриловичь, одинъ изъ первыхъ, болѣе познакомилъ иностранцевъ съ Русскимъ языкомъ, такъ какъ Русскихъ своею Грамматикой съ Нѣмецкимъ. Родде и Геймъ, его преемники въ этомъ трудѣ, брали Гаврилова Словарь въ руководство для изданія своихъ Словарей. Бывши Членомъ и Предсѣдателемъ собранія питомцевъ Московскаго Университета, съ 1782 г., вмѣстѣ съ А. А. Прокоповичемъ Антонскимъ, Л. М. Максимовичемъ, П. А. Сохацкимъ и В. С. Подшиваловымъ, Гавриловъ содѣйствовалъ своими трудами и совѣтами сему Обществу, одному изъ разсадниковъ Русской Словесности.

Въ 1796 г., вмѣстѣ съ Нѣмецкою Словесностію, Матвѣй Гавриловичь, въ званіи Адъюнкта Философіи, началъ преподавать Русскую Риторику по руководству *Ломоносова*. При самомъ открытіи Университетскаго Благороднаго Пансіона, поступилъ туда Репетиторомъ и Надзирателемъ; онъ исправлялъ сію должность нѣсколько лѣтъ, а потомъ обучалъ сперва средній Нѣмецкій, а послѣ Русскій риторическій классъ. По преобразованіи Московскаго Университета, Гаврилову назначены были Попечителемъ Университета, М. Н. Муравьевымъ, лекціи *Россійской Словесности* и *Изящныхъ наукъ*, съ званіемъ Экстраординарнаго Профессора. Гавриловъ участвовалъ въ періодическомъ изданіи, которое предпринято было Попечителемъ Муравьевымъ подъ заглавіемъ: Труды Любителей Россійской Словесности, 1804 г. Здѣсь напечатано было *Эстетико-Моральное разсужденіе* Гаврилова: *о добродѣтели въ видѣ красоты Душевной, Нравственной.*—Когда же была учреждена Министромъ Народнаго Просвѣщенія, Графомъ А. К. Разумовскимъ, въ Университетѣ, 1811 г., особая каѳедра Славянской Словесности, чтобы «ознакомить учащихся со всѣми вообще славянскими книгами, съ показаніемъ соотношенія Россійскаго языка къ Славянскому и происхожденія его изъ Славянскаго»; тогда она была поручена Гаврилову, который и наименованъ Ординарнымъ Профессоромъ по этой части. 1812 годъ прервалъ классическіе и журнальные труды, истребилъ библіотеку Гаврилова, удалилъ его изъ Москвы, откуда начальствомъ поручено было ему препроводить нѣкоторыя ученыя сокровища Университета до безопаснаго въ это смутное время мѣста:—это былъ Нижній Новгородъ, куда онъ прибылъ вмѣстѣ съ товарищами и друзьями своими, Брянцовымъ и Страховымъ, 22-го Сентября. За успѣшную дѣятельность и попечительность о сохраненіи въ цѣлости и доставленіи въ назначенное мѣсто всего ввѣреннаго Гаврилову обоза съ вещами, принадлежавшими Московскому Университету, благодарилъ его Г. Попечитель лестнымъ письмомъ изъ Костромы отъ 1-го Октября. Пробывъ въ Нижнемъ Новгородѣ невступно годъ, по распоряженію Начальства, Матвѣй Гавриловичь препроводилъ въ Москву въ цѣлости порученныя его надзору вещи. Съ откры-

тіемъ дѣйствій Университета, онъ снова занялся своимъ журналомъ, который въ его отсутствіе издавался М. Невзоровымъ, и своими лекціями о Славяно-Россійской Словесности, къ коей въ послѣдствіи присоединены были Археологія и Эстетика. Кромѣ преподаванія лекцій въ Университетѣ, Гавриловъ исправлялъ съ усердіемъ и успѣхомъ другія должности и порученія отъ своего Начальства. Съ 1799 г. по 1806-й годъ, въ званіи Эфора, онъ имѣлъ главный надзоръ надъ поведеніемъ и порядкомъ студентовъ и учениковъ казеннаго содержанія; въ теченіе десяти лѣтъ былъ Членомъ училищнаго Комитета, а въ 1816 г. Деканомъ Словеснаго Отдѣленія. Въ 1804 г. открыта имъ Гимназія Тверской губерніи; въ 1806 г. онъ обозрѣвалъ училища Тверской и Смоленской губерній. Отъ Университета порученъ былъ ему по его каѳедрѣ надзоръ за Минцъ-Кабинетомъ, который приведенъ имъ въ порядокъ и описанъ. Московскія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ и Любителей Россійской Словесности наименовали Гаврилова своимъ Дѣйствительнымъ Членомъ. Для перваго онъ написалъ: *Вступленіе къ древней грамотѣ Смоленскаго Князя Мстислава Давыдовича* и *преложеніе самой грамоты на нынѣ употребительный языкъ*, съ предисловіемъ ко 2-й части *Достопамятностей*. Онъ правилъ нѣсколько времени должность Секретаря въ этомъ Обществѣ; въ трудахъ другаго Общества помѣщены его сочиненія: 1) *Разборъ* (эстетическій) *и объясненіе псалма XLI*, съ краткимъ примѣчаніемъ о характерѣ Давида, какъ творца псалмовъ; 2) *Изъясненіе первой пѣсни Моисеевой по прехожденіи Израильтянъ чрезъ Чермное море*, и 3) *Разсужденіе о Словесности вообще*. Матвѣй Гавриловичь, долго изучавшій Св. Писаніе по руководству Ловта и Гердера, любимыхъ его писателей, хотѣлъ было предложить Обществу Словесности разборы другихъ псалмовъ и другихъ мѣстъ изъ книги Іова, Исаіи и Іереміи; но пристрастныя толкованія людей, не понявшихъ важности и достоинства сихъ трудовъ, воспрепятствовали ему исполнить обѣщанія свои Обществу. Въ 1810 г. Гавриловъ произнесъ слово въ торжественномъ собраніи Университета: *о началѣ и успѣхахъ искусствъ, особливо наукъ изящныхъ*, тогда же напечатанное. Кромѣ 38-лѣт-

наго изданія *Историческаго, Статистическаго и Географическаго Журнала*, который послѣ его смерти продолжалъ сынъ его Адъюнктъ Александръ Матвѣевичь, и кромѣ означенныхъ учебныхъ книгъ и сочиненій, трудолюбивый Гавриловъ перевелъ много полезныхъ книгъ съ Латинскаго и Нѣмецкаго языка, а именно: 1) *Начальныя основанія Полиціи, соч. Зонненфельса.* М. 1787 г. въ 8; 2) *Iак. Бруккера критическая Исторія Философіи.* М. 1788 г. въ 8; 3) *Исторія Абдеритовъ, соч. Виланда,* 5 част. М. 1793 — 95, въ 12; 4) *Эрвина фонъ Штейнгеймъ, повѣсть изъ среднихъ временъ.* М. 1790 г. въ 8. Слогъ нашего филолога, выработанный, чистый, ровный, точный, иногда и щеголеватый, не старѣлся вмѣстѣ съ нимъ, но улучшался. Постоянная, многолѣтняя и усердная служба въ Московскомъ Университетѣ и ученые труды Матвѣя Гавриловича награждаемы были благоволеніями Начальства и чинами: въ Статскіе Совѣтники онъ повышенъ 1822 г., а въ 1819 г. пожалованъ Кавалеромъ Ордена Св. Владиміра 4-й степени. Еще ему предоставлено было утѣшеніе видѣть своихъ учениковъ, или себѣ товарищами, или мужами, возведенными на высокія въ государствѣ степени. Онъ умеръ въ Москвѣ, на 71 году жизни, 1829 г. Января 21-го, и погребенъ на Лазаревомъ кладбищѣ.

ГАВРИЛОВЪ, Александръ Матвѣевичь, Адъюнктъ Россійской Словесности и Коллежскій Совѣтникъ, сынъ вышеозначеннаго Профессора, родился въ Москвѣ 1795 г. Февр. 19-го. Обучался сначала въ Гимназіи Московскаго Университета, потомъ въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ. Въ 1810 г. произведенъ Студентомъ, въ 1814 г. Кандидатомъ Словесныхъ Наукъ, въ 1818 г. Магистромъ и защищалъ диссертацію: Exponatur utilitas, quam priscarum litterarum studia adferre possint ad mores emendandos, ad sensum pulchri subigendum mentemque nostram bonarum rerum cognitione erudiendam. Исправлялъ должность Надзирателя и Преподавателя Россійской Словесности въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ съ 1814 по 1825-й г., въ 4-мъ классѣ. Тогда учениками его были: Кн. Одоевскій, Титовъ, Шевыревъ,

Ознобишинъ, Морозовъ, Перцовъ. Въ 1828 г. помѣщенъ въ званіе Адъюнкта, и по опредѣленію Начальства, по случаю болѣзни, а за тѣмъ и смерти вышеозначеннаго Профессора, преподавалъ лекціи Славянскаго языка, Теоріи Изящныхъ Искусствъ и Археологіи, а потомъ Россійской Словесности въ практическомъ отношеніи, сначала для Студентовъ всѣхъ отдѣленій 1-го курса, а за тѣмъ одного Медицинскаго того же курса по 1835-й г. Въ память основанія Московскаго Университета читалъ свое разсужденіе: *О любви къ отечеству*, 1833 г. Января 12-го. Въ 1836 г. перемѣщенъ во вновь открывшуюся 2-ю Гимназію Инспекторомъ, изъ которой по прошенію уволенъ 1840 г. Октября 9-го, по выслугѣ 26 лѣтъ въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, и награжденъ Всемилостивѣйше полною пенсіей. Чиномъ Коллежскаго Совѣтника пожалованъ 1838 г. Іюня 11-го. Сверхъ обязанностей по службѣ, съ дозволенія Начальства, продолжалъ въ теченіи двухъ лѣтъ изданіе вышеупомянутаго *Историческаго, Статистическаго и Географическаго Журнала*, съ присовокупленіемъ краткаго отчета за 40-лѣтнее его существованіе. Кромѣ того помѣщены имъ литературныя статьи въ Журналѣ Московскаго Университета, Ученыя Записки: a) *о значеніи Археологіи, предѣлахъ и способахъ изученія оной*, b) *Обозрѣніе науки о воспитаніи Нѣмецкаго Педагога Шварца*, и въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія: c) *О состояніи здоровья въ школахъ, критическое сочиненіе Нѣмецкаго Профессора Крица*. — Въ продолженіи того же времени исправлялъ должность Преподавателя Россійской Словесности въ Императорскомъ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, съ 1818 по 1839 годъ, и за ревностную усердную службу Всемилостивѣйше пожалованъ былъ Кавалеромъ Орденовъ: Св. Анны 3-й степени 1824 г. Декабря 10-го, Св. Владиміра 4-й степени 1832 г. Апрѣля 21-го, Св. Станислава 3-й, (что нынѣ 2-й степ.), 1838 г. Декабря 9-го, и награжденъ Монаршимъ подаркомъ, золотою табакеркою, 1836 г. Мая 1-го, равно какъ и знакомъ отличія безпорочной службы за XXV лѣтъ, по вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія. Досужіе часы отъ общественныхъ должностей удѣлялъ на частныя занятія въ Русской Словесности. Счастливый случай далъ ему

возможность преподавать этот предмет славной писательнице Русской — Графинѣ Е. П. Ростопчиной.

ГАРВЕ, Эдуардъ Васильевичъ, Лекторъ Англійскаго языка и Словесности, Коллежскій Совѣтникъ, родился въ Лондонѣ, 5-го Февраля н. с. 1797 г. — Родители его происходили отъ небогатыхъ помѣщиковъ графства Эссексъ. Они имѣли трехъ сыновей и одну дочь. Эдуардъ Гарве еще въ малолѣтствѣ лишился отца, и на десятомъ или одиннадцатомъ году отъ роду, матерью отданъ былъ въ одно изъ лучшихъ частныхъ учебныхъ заведеній Лондона. По выходѣ изъ онаго, онъ, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ своимъ, познакомившимися съ нѣкоторыми изъ лицъ, сопровождавшихъ покойнаго Императора Александра I-го въ Его бытность въ Англіи въ 1814 году, пріѣхалъ въ Россію. — Въ 1816 году, имѣя 19 лѣтъ отъ роду, онъ въ С.-Петербургѣ поступилъ въ одно знатное дворянское семейство домашнимъ учителемъ. Здѣсь онъ продолжалъ заниматься изученіемъ древнихъ и новыхъ языковъ. Переѣхавъ въ Москву съ своимъ воспитанникомъ, Гарве въ 1822 выдержалъ въ 1-й Московской Гимназіи экзаменъ на званіе домашняго учителя, такъ какъ въ то время еще не было постановленія объ экзаменованіи учителей въ Университетахъ. Окончивъ воспитаніе ввѣреннаго ему юноши, Гарве занялся частными уроками, а въ 1826 г. вступилъ въ службу учителемъ Англійскаго языка въ Благородномъ Пансіонѣ Московскаго Университета; въ 1827 г. былъ опредѣленъ учителемъ того же языка въ Московское Коммерческое училище. Въ 1828 года Апрѣля 18-го ч. опредѣленъ Лекторомъ Англійскаго языка въ Императорскій Московскій Университетъ. Въ 1831 г. Іюля 1-го ч. уволенъ изъ Благороднаго Пансіона по случаю преобразованія онаго въ Гимназію, а въ 1851 г. по прошенію уволенъ изъ Коммерческаго училища. Пріобрѣтя службою права Русскаго Дворянина и желая быть записаннымъ въ Дворянскую родословную книгу Московской губерніи съ семействомъ своимъ, Гарве въ 1851 г. принялъ въ Московскомъ Губернскомъ Правленіи присягу на подданство Россіи и полученное на сей предметъ свидѣтельство представилъ обще съ документами на право Дворянства въ Мо-

сковское Дворянское Депутатское собраніе, которое опредѣленіемъ своимъ 1852 г. Марта 11-го утвердило его съ семействомъ въ Дворянствѣ и взнесло въ родословную книгу. Въ 1835 года Апрѣля 16-го Гарве Всемилостивѣйше пожалованъ былъ бриллiантовымъ перстнемъ по поднесеніи Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу книги имъ изданной: — *The English student's Manual,* or Miscellaneous pieces selected from the best English Prose writers, preceded by a sketch of the rise progress of the English Language, and followed by a *Copious English-French* and *Russian Dictionary* of all the words contained in the body of the work, — въ 2-хъ Томахъ въ больш. 8-ку и *Краткой Англійскій Грамматики,* служащей дополненіемъ къ помянутой Хрестоматіи.—Сверхъ этихъ сочиненій Гарве въ разныя времена переводилъ съ Русскаго языка на Англійскій статьи, относящіяся до Русской литературы;—нѣкоторые изъ этихъ переводовъ изданы въ Англіи. — Преподаваніе свое Гарве всегда раздѣлялъ, и понынѣ раздѣляетъ, на *два курса:*— на *первомъ,* или *младшемъ* курсѣ, онъ главное свое стараніе прилагаетъ къ тому, чтобы своимъ слушателямъ дать вѣрное и чистое произношеніе, занимаетъ ихъ чтеніемъ, и объясняетъ имъ основныя правила Англійской Грамматики, указывая имъ при этомъ на сходство и различіе грамматическихъ началъ преподаваемаго языка съ Русскимъ, Французскимъ, Нѣмецкимъ и Латинскимъ. Окончивъ первую часть Грамматики по изданному имъ вышепомянутому руководству, Гарве упражняетъ своихъ слушателей въ переводахъ съ Англійскаго языка на Русскій, или Французскій, употребляя для этихъ переводовъ легчайшіе изъ отрывковъ содержащихся въ *The English Student's Manual.* Во второмъ году Лекторъ объясняетъ главныя правила синтаксиса по Грамматикѣ Садлера. Студенты же, письменно переводя съ Французскаго языка на Англійскій темы на синтаксическія правила, упражняются въ чтеніи болѣе трудныхъ статей его хрестоматіи. На *второмъ* или *старшемъ* курсѣ, Лекторъ, по собственнымъ своимъ запискамъ, читаетъ краткую Исторію Англійской Литературы и объясняетъ слушателямъ своимъ произведенія Англійскихъ стихотворцевъ настоящаго времени, а именно: Лорда Байрона:

The Bride of Abydos, *The Prisoner of Chillon*, *The Corsair;* Валтеръ-Скотта: — *The Lady of the Lake*, *The Lay of the last Minstrel;* Томаса Мура: —*Lalla Rookh.*—Одну изъ этихъ поэмъ Лекторъ обыкновенно читаетъ и объясняетъ попеременно съ одною изъ Трагедій Шекспира, а именно: *Hamlet*, *Macbeth*, *King Lear.*—Кромѣ того онъ упражняетъ Студентовъ въ переводахъ съ Французскаго или Русскаго языка на Англійскій, употребляя на этотъ предметъ *Телемака* и *Письма Карамзина*, равно и въ сочиненіяхъ на заданныя темы.

ГЕЙМАНЪ, Родіонъ Григорьевичъ, Ординарный Профессоръ Химіи, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Докторъ Медицины и Кандидатъ Фисософіи, родился въ 1802 г., 23-го Мая, въ Вильнѣ. Отецъ его, Надворный Совѣтникъ, Докторъ Медицины, Григорій Ефимовичъ Гейманъ, служившій врачемъ въ Виленскомъ почтамтѣ, былъ нѣсколько времени преподавателемъ Патологіи въ Виленскомъ Университетѣ и издалъ нѣсколько сочиненій медицинскаго содержанія; въ послѣдствіи онъ служилъ нѣкоторое время консультантомъ при Маріинской больницѣ въ Москвѣ, гдѣ и скончался въ 1843 году.

Проф. Гейманъ, получившій первоначальное воспитаніе въ домѣ родителей, еще въ дѣтскомъ возрастѣ оказалъ особенныя способности къ языкамъ и музыкѣ; семи лѣтъ сочинилъ варіаціи для фортепіано, напечатанныя въ Кенигсбергѣ, бралъ уроки генералъ-баса у знаменитаго Гесслера и музыки у Фильда; но болѣе серьезныя занятія воспрепятствовали дальнѣйшимъ успѣхамъ его музыкальнаго образованія. Изучивъ подъ руководствомъ родителя языки: Латинскій, Французскій и Нѣмецкій, Географію, начальную Исторію и Математику подъ руководствомъ Учителя Смоленской Гимназіи Е. К. Штанге, на 14-мъ году отъ рожденія, онъ былъ отправленъ къ родному дядѣ, въ г. Вильну, для помѣщенія въ Виленскій Университетъ. Здѣсь Гейманъ слушалъ лекціи на Математическомъ и отчасти на Словесномъ Факультетѣ. Послѣ перваго курса получилъ награду за прилежаніе. — Пятнадцати лѣтъ удостоенъ степени Кандидата Философіи по Математическому Факультету (29-го Іюня 1817 г.) и въ слѣдующемъ академическомъ году поступилъ на Медицинскій. Въ

18$\frac{18}{19}$ академическомъ году, по желанію своего родителя, изъ Виленскаго Университета перешелъ въ Московскій, гдѣ, равно какъ и въ Московскомъ Отдѣленіи Императорской Медико-Хирургической Академіи, онъ слушалъ лекціи Медицины и Англійскаго языка. На девятнадцатомъ году жизни, получивъ отъ обоихъ Университетовъ аттестаты за похвальное поведеніе и отличные успѣхи, онъ испрашивалъ дозволенія подвергнуться экзамену, для полученія степени Доктора Медицины. Конференція Императорской Медико-Хирургической Академіи, затрудняясь по его молодости допустить его къ Докторскому экзамену, предлагала ему держать экзаменъ на степень Лекаря; но онъ исходатайствовалъ себѣ у тогдашняго Президента Академіи Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Баронета Я. В. Вилліе дозволеніе держать испытаніе на степень Доктора, которой и былъ удостоенъ Академіею, 26-го Іюля 1820 года. Въ томъ же засѣданіи, по желанію Проф. Химіи Рейса, Конференція Академіи удостоила Геймана предложеніемъ занять мѣсто Репетитора*, по каѳедрѣ Химіи. Еще до утвержденія своего въ званіи Доктора, Гейманъ съ разрѣшенія Высшаго Начальства, исправлялъ должность Репетитора съ 21-го Февраля 1821 г. По защищеніи диссертаціи: *«О пользѣ Химіи въ Медицинѣ»*, онъ утвержденъ въ степени Доктора Медицины 30-го Сент. 1822 г. Въ этомъ же году (2-го Октября) избранъ Экстраординарнымъ Членомъ Физико-Медицинскаго Общества, по прочтеніи въ немъ разсужденія: *«Объ употребленіи рвотнаго камня, по способу Разори, въ большихъ пріемахъ, при воспаленіи легкихъ»*. Въ засѣданіяхъ этого же Общества читаны имъ статьи: 1) *объ употребленіи опіума въ воспаленіяхъ, о дѣйствіи желѣзистыхъ водъ Нескученскаго источника* (близь Калужской заставы) и др. Въ 1823 г. (12-го Февраля) онъ избранъ Ординарнымъ Членомъ И. Московскаго Общества Испытателей Природы, по прочтеніи въ засѣданіи Общества статьи: *«О пирофорическомъ желѣзѣ Магнуса, съ показаніемъ на опытѣ его приготовленія»*. Въ засѣданіяхъ этого же Общества читаны имъ статьи: *«О губчатой платинѣ въ ея при-*

* Такъ назывались, въ то время, исправляющіе должность Адъюнктовъ Академіи.

ложеніи къ эвдіометріи,» и по временамъ *«Отчеты о современномъ развитіи Химіи.»* Въ послѣдствіи избранный Членомъ Совѣта этого Общества, онъ занималъ эту должность въ теченіи болѣе 10 лѣтъ. Въ томъ же году, по прочтеніи пробной лекціи: *О вліяніи хлора на теорію горѣнія и о современномъ значеніи Рецептуры* (Фармакографіи), утвержденъ Адъюнктомъ Химіи и Рецептуры при Московскомъ Отдѣленіи И. Медико-Хирургической Академіи. Въ исходѣ 1825 г. онъ удостоился получить предложеніе отъ А. А. Писарева, бывшаго тогда Попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа, поступить на службу въ Московскій Университетъ; на такое лестное для него предложеніе онъ охотно согласился, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы Университетъ далъ ему средства пояснять назначенное ему преподаваніе Аналититической Химіи производствомъ химическихъ опытовъ. Для чего, по утвержденіи его (3 Февраля 1826 г.) Адъюнктомъ по каѳедрѣ Химіи при И. Московскомъ Университетѣ, устроена имъ съ дозволенія Начальства, подъ аптекою Университета, временная Химическая Лабораторія съ аудиторіею, служившая въ послѣдствіи (до 1850 года) Лабораторіей для лекцій Фармаціи. Въ Августѣ мѣсяцѣ этого же года онъ имѣлъ честь представить, чрезъ Г. Попечителя Университета, Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, А. С. Шишкову, проэктъ построенія новой Химической Лабораторіи съ планомъ и подробнымъ спискомъ необходимыхъ снарядовъ и химическихъ матеріаловъ. Въ послѣдствіи (1828 и 1833 г.) этотъ проэктъ былъ имъ двукратно представляемъ Министрамъ Народнаго Просвѣщенія, Князю Ливену и Графу Уварову. Сей послѣдній одобрилъ проэктъ и доставилъ средства къ приведенію его въ исполненіе. Въ 1826 г. 7 Декабря, Проф. Гейманъ избранъ Д. Чл. И. Общ. Сел. Хозяйства, а въ послѣдствіи и Чл. Комитета Сахароваровъ, которому предложилъ онъ способъ оживлять уголь, служившій для обезцвѣчиванія сироповъ, посредствомъ броженія и промывки горячею водою. Этому же Обществу сообщилъ онъ способъ, имъ предложенный, для пропитыванія дерева различными веществами и представилъ на выставку произведеній земледѣльческой и сельской промышленности, бывшей на Хуторѣ Общества въ 1846 г., семиаршинное дубовое дерево, пропитанное древесно-

кислымъ желѣзомъ и образцы березоваго дерева, окрашеннаго въ зеленый цвѣтъ чрезъ пропитываніе растворомъ мѣднаго купороса.

Въ 1829 г. (24-го Мая) утвержденъ Экстраординарнымъ Профессоромъ при Московскомъ Отдѣленіи И. Медико-Хирургической Академіи. Въ 18$\frac{30}{31}$ г., во время холерной эпидеміи въ Москвѣ, назначенъ по распоряженію Свѣтлѣйшаго Князя Д. В. Голицына Членомъ Временнаго Медицинскаго Совѣта и Главнымъ Медицинскимъ Инспекторомъ Мясницкой Части. Тогда устроены имъ: Мясницкая временная холерная больница и другая карантинная для выздоравливающихъ отъ холеры. Въ это время сообщены имъ Временному Медицинскому Совѣту съ успѣхомъ употребленный имъ способъ леченія холеры (въ больницѣ, бывшей подъ его вѣдѣніемъ) рвотными изъ ипекакуаны, предложенный незабвеннымъ его родителемъ, и также способъ, — употребленнаго имъ въ замѣнъ паровыхъ ваннъ, —обвертыванія или собственно пеленанія больныхъ фланелью, смоченною горячимъ настоемъ душистыхъ травъ. Этотъ способъ нашелъ онъ чрезвычайно дѣйствительнымъ и наиболѣе удобнымъ въ практикѣ.

Въ 1832 г. (17-го Сентября) поручено Гейману преподаваніе Химіи въ И. Московскомъ Университетѣ на мѣсто уволеннаго покойнаго Профессора Рейса. Въ 1833 г. (23-го Марта) утвержденъ Ординарнымъ Профессоромъ Химіи при Университетѣ. Въ томъ же году (18-го Іюля), за отличіе по службѣ, утвержденъ, по Высочайшему повелѣнію, Ординарнымъ Профессоромъ при Московскомъ Отдѣленіи Медико-Хирургической Академіи. Въ 1834 г. (30-го Ноября) Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія назначилъ Проф. Геймана Членомъ Комитета для снабженія Университета учебными пособіями. Главною цѣлію его въ этомъ званіи было приведеніе въ исполненіе проэкта о построеніи особеннаго зданія для Химической Лабораторіи и о снабженіи ея возможно полнымъ собраніемъ аппаратовъ, снарядовъ, матеріаловъ и другихъ учебныхъ пособій нужныхъ для производства химическихъ опытовъ. — При дѣятельномъ участіи просвѣщеннаго вельможи, Графа С. Г. Строганова, тогдашняго Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, всѣ предположенія Проф. Геймана осуще-

ствились на дѣлѣ. По его плану и указаніямъ построено для Химической Лабораторіи особенное зданіе, совершенно соотвѣтствующее современнымъ требованіямъ науки. Лабораторія снабжена всѣми необходимыми снарядами и другими пособіями, частію выписанными изъ-за границы (изъ Парижа, Берлина, Праги), частію произведенными въ лучшихъ отечественныхъ мастерскихъ по указанію Профессора.

Въ 1836 г. Графъ С. Г. Строгановъ, будучи Попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа и вмѣстѣ съ тѣмъ Предсѣдателемъ Московскаго Отдѣленія Мануфактурнаго Совѣта, предложилъ Проф. Гейману составить подробный конспектъ для преподаванія Технической Химіи для Московскихъ фабрикантовъ, въ формѣ доступной даже и тѣмъ изъ нихъ, которые не обладаютъ необходимыми предварительными знаніями изъ Физики и другихъ естественныхъ наукъ, для слушанія съ пользою такого курса. Составленіе конспекта, соотвѣтствующаго такому требованію, не было затруднительно для Профессора, потому что ему была извѣстна степень свѣдѣній нѣкоторыхъ изъ Московскихъ фабрикантовъ, по частымъ сношеніямъ, въ которыхъ онъ находился съ ними: или, по ихъ же желанію, осматривая ихъ заведенія и давая имъ совѣты, для улучшенія ихъ производствъ; или занимая должность эксперта химическихъ и близкихъ къ нимъ произведеній на Московскихъ Мануфактурныхъ Выставкахъ 1835 и 1843 года. — Составленную имъ программу популярнаго курса Технической Химіи Проф. Гейманъ, во время своего пребыванія за границею въ 1841 г., предлагалъ на разсмотрѣніе извѣстнымъ химикамъ: Дюма и Пайену, которые совершенно одобрили ее, предложивъ лишь незначительныя измѣненія, касающіяся частностей нѣкоторыхъ фабричныхъ производствъ. Сходно съ утвержденною програмою, Проф. Гейманъ, начиная съ 1836 по текущій 1854 годъ, почти ежегодно преподавалъ публичный курсъ популярной Технической Химіи; фабриканты и любители наукъ ежегодно посѣщали оный въ возрастающемъ числѣ (на первомъ курсѣ, въ 1836 г., было не болѣе 50 посѣтителей, а на послѣдующихъ около 500). Эти курсы, первые въ этомъ родѣ въ Россіи, служившіе поводомъ къ открытію подобныхъ и въ другихъ

отечественныхъ Университетахъ, удостоивались посѣщенія нѣкоторыхъ Профессоровъ и лицъ высшаго круга. Чтеніями популярной Химіи Профессоръ пріобрѣлъ извѣстность у фабрикантовъ и заводчиковъ не только Московской, но и другихъ, даже самыхъ отдаленныхъ губерній, которые неоднократно обращались и обращаются къ нему съ вопросами, касающимися своихъ мануфактурныхъ производствъ. Въ послѣдствіи (въ 1845 — 49 г.), часть этихъ лекцій, именно Общая Техническа Химія, была издана Профессоромъ. Въ 1836 г., еще на первомъ курсѣ этихъ чтеній, говоря о топливѣ, Проф. Гейманъ обратилъ вниманіе слушателей на существованіе торфа въ окрестностяхъ Москвы. Свѣдѣнія объ этомъ торфѣ были сообщены ему знаменитымъ Московскимъ естествовѣдомъ, Г. И. Фишеромъ Фонъ-Вальдгеймъ. Въ то же время онъ обратилъ вниманіе покойнаго Свѣтлѣйшаго Князя Д. В. Голицына, столь живо принимавшаго участіе во всемъ, что могло служить къ пользѣ управляемой имъ столицы, на существованіе торфа въ ея окрестностяхъ. Въ этомъ же 1836 г. желая содѣйствовать и развитію въ Россіи новой вѣтви мануфактурной промышленности, особенно свойственной ей, онъ принялъ по предложенію Графа С. Г. Строганова званіе Директора Товарищества, составившагося для выдѣлки изъ сала стеариновыхъ свѣчей и бывшаго подъ покровительствомъ Графа С. Г. Строганова, Высочайше утвержденнаго Попечителемъ этого Товарищества. Проф. Гейманъ, какъ директоръ, лично управлялъ производствомъ свѣчей на заводѣ, принадлежащемъ товариществу. Нынѣ эта вѣтвь мануфактурной промышленности производится во многихъ мѣстностяхъ Россіи, доставляя ежегодно болѣе 100,000 пудъ свѣчей, кромѣ олеина и приготовляемаго изъ него мыла; годовой оборотъ этой промышленности можно положить болѣе, чѣмъ въ два милліона рублей серебромъ. Часть выдѣланнаго въ Россіи стеарина и олеина продается даже за границу.

Желая обогатиться болѣе полными свѣдѣніями въ Технической Химіи, дабы сдѣлаться болѣе полезнымъ отечественнымъ фабрикантамъ, Проф. Гейманъ, съ Высочайшаго дозволенія, предпринялъ въ 1841 г. путешествіе за границу. Въ Германіи, Швейцаріи, Тиролѣ, Бельгіи, Франціи и Англіи, осмотрѣлъ онъ различныя учебныя заведенія, въ особенности Химическія Лабораторіи,—

изучилъ многія фабричныя производства и сблизился со многими извѣстными учеными и фабрикантами. У нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ пріобрѣлъ новые способы различныхъ производствъ и чертежи новыхъ снарядовъ. Изъ нихъ нѣкоторые изображены въ пояснительныхъ чертежахъ для лекцій Технической Химіи, изданныхъ имъ въ 1842 г. Перечень осмотрѣнныхъ Проф. Гейманомъ различныхъ учебныхъ заведеній, фабрикъ и заводовъ, помѣщенъ имъ во вступительной лекціи 5-го курса Технической Химіи, напечатанной въ 1841 году. По возвращеніи изъ-за границы, Проф. Гейманъ, съ дозволенія Его Сіятельства Графа С. Г. Строганова, осмотрѣлъ въ исходѣ 1841 г. фабрики и заводы города Шуи и села Иванова (Владимірской губерніи). Кромѣ того имъ осмотрѣны, въ 1838 и 1843 гг., нѣкоторые заводы С. Петербурга и его окрестностей. Въ 1841 г. онъ избранъ Членомъ Геологическаго общества во Франціи; въ 1841 г. Членомъ Виленскаго Медицинскаго Общества.—Въ 1843 г., во время мануфактурной выставки въ Москвѣ, онъ былъ назначенъ экспертомъ химическихъ произведеній, и кромѣ того, по желанію Его Свѣтлости Князя Д. В. Голицына, Членомъ Временнаго Совѣщательнаго Мануфактурнаго Совѣта.

По порученію сего Совѣта, Гейманъ составилъ обзоръ отечественныхъ химическихъ заводовъ и представилъ различныя предложенія касательно ихъ улучшенія, а также и пониженія цѣнъ нѣкоторыхъ заводскихъ произведеній. При этомъ онъ обратилъ вниманіе Мануфактурнаго Совѣта на хилійскую селитру, во многихъ случаяхъ замѣняющую обыкновенную селитру, а также и на болѣе выгодный способъ добыванія сѣрной кислоты (непрерывнымъ сожиганіемъ) и на другія химическія произведенія.

Многія изъ его замѣчаній и предположеній, касающіяся фабричныхъ производствъ, напечатаны въ 1843 г., по приказанію Г. Министра Финансовъ, въ «Обозрѣніи мануфактурныхъ производствъ.» Въ 1843 г., по назначенію Университетскаго Совѣта и съ утвержденія высшаго Начальства, Проф. Гейманъ преподавалъ въ Университетѣ лекціи Фармаціи въ теченіи трехъ лѣтъ. Кромѣ того, по порученію различныхъ правительственныхъ мѣстъ, какъ-то: Министерства Внутреннихъ дѣлъ, Мануфактурнаго Совѣта, Артиллерійскаго Департа-

мента Военнаго Министерства и др., Проф. Гейманъ неоднократно производилъ различныя химическія изслѣдованія, какъ напр. ядовитой рыбы, пороха, свинца, огнестрѣльной хлопчатой бумаги, различныхъ красильныхъ веществъ, каменнаго угля и др.

Въ 1844 г. онъ избранъ Членомъ Германскаго Медицинскаго Общества въ Берлинѣ; а въ 1852 г. съ Высочайшаго соизволенія, по представленію Г. Управляющаго Министерствомъ Финансовъ, назначенъ Членомъ Московскаго Отдѣленія Мануфактурнаго Совѣта; въ этомъ же году утвержденъ Г. Управляющимъ Министерствомъ Финансовъ въ званіи Члена Комитета, назначеннаго для устройства Московской Мануфактурной Выставки 1853 года.

Во время своей службы Проф. Гейманъ удостоенъ слѣдующихъ наградъ и повышеній: 1) Въ награжденіе отличныхъ трудовъ и усердія къ службѣ Высочайшаго Его И. В. благоволенія, 16-го Апрѣля 1828 г. — 2) Пожалованъ чиномъ Надворнаго Совѣтника, Іюня 12-го 1828 г.—3) За участіе въ мѣрахъ, употребленныхъ для прекращенія холеры въ Москвѣ, и за оказаніе помощи пораженнымъ ею удостоенъ Монаршаго благоволенія, Марта 19-го 1831 г. — 4) За усердную и ревностную службу при Московскомъ Отдѣленіи И. Медико-Хирургической Академіи Всемилостивѣйше награжденъ брилліантовымъ перстнемъ, Апрѣля 6-го 1831 г.—5) За особенные труды и усердіе при исправленіи должности Главнаго Медицинскаго Инспектора Мясницкой части и главнаго врача Временной Холерной Больницы пожалованъ орд. Св. Анны 3-й степени, Мая 22-го 1831 г.—6) За отличіе по службѣ, по Высочайшему повелѣнію, утвержденъ Ординарнымъ Профессоромъ при Московскомъ Отдѣленіи И. Медико-Хирургической Академіи, Іюля 18-го 1833 г.—7) За участіе въ изданіи Ученыхъ Записокъ удостоенъ въ числѣ прочихъ Его Императорскаго Величества благоволенія, Августа 6-го 1834 г. — 8) За отлично-ревностную службу въ Московскомъ Отдѣленіи И. Медико - Хирургической Академіи Всемилостивѣйше награжденъ подаркомъ, Октября 24-го 1836 г. — 9) Того же года, 18-го Декабря, произведенъ въ Коллежскіе Совѣтники.— 10) За успѣшное и безвозмездное преподаваніе курса Технической Химіи для Московскихъ фабрикантовъ изъявлена

ему Г. Попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа совершенная благодарность, Мая 7-го 1837 г. — 11) Получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ, Августа 22-го, 1837 г.—12) Произведенъ въ Статскіе Совѣтники, со старшинствомъ со дня выслуги, Іюля 26-го 1840 г.—13) Въ награду отлично-усердной службы и особыхъ трудовъ пожалованъ орденомъ Св. Станислава 2-й степени, Октября 23-го 1842 г.—14) Получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XX лѣтъ, Августа 22-го 1844 г. — 15) По выслугѣ 25 лѣтъ въ учебномъ вѣдомствѣ, съ разрѣшенія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, оставленъ на службѣ еще на 5 лѣтъ, съ назначеніемъ ему въ пенсію, сверхъ жалованья, полнаго оклада онаго, Октября 11-го 1846 г.—16) Получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XXV лѣтъ, Августа 22-го 1847 г.—17) По всеподданнѣйшему докладу Г. Министра Финансовъ, въ слѣдствіе поданнаго ему Московскими фабрикантами прошенія, за принесенную Проф. Гейманомъ пользу успѣшнымъ въ теченіи 13 лѣтъ преподаваніемъ технической Химіи, Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ Св. Анны 2-й степени, Іюня 13-го, 1849 г. — 18) Объявлено ему Е. И. Величества повелѣніе о благосклонномъ принятіи поднесеннаго Ему сочиненія его: «Чтенія Общей Химіи, приложенной къ фабричному и заводскому дѣлу,» въ Декабрѣ 1849 г.—19) Изъявлена благодарность Его Сіятельства Г. Министра Народнало Просвѣщенія, 20-го Августа 1850 г.—20) По выслугѣ въ учебномъ вѣдомствѣ 30 лѣтъ, съ разрѣшенія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія оставленъ на службѣ при Университетѣ по день выслуги имъ 25 лѣтъ въ профессорскомъ званіи, для полученія титула Заслуженнаго Профессора, съ назначеніемъ ему въ пенсію полнаго оклада жалованья съ одною пятою долею онаго.—21) За отличіе по службѣ, произведенъ въ Дѣйств. Статскіе Совѣт., 25-го Декабря 1852 г.

Профессоръ Гейманъ началъ поприще преподавателя въ качествѣ Репетитора, а потомъ Адъюнкта Химіи и Рецептуры въ Московскомъ Отдѣленіи И. Медико-Хирургической Академіи. Въ этой должности онъ частію повторялъ съ студентами пройденные Профессоромъ Рейсомъ предметы, частію же, по его назначенію или въ его отсутствіи, излагалъ

Химію, придерживаясь руководства Проф. Рейса (его рукописной Химіи). Въ послѣдствіи, когда ему было поручено, отдѣльно отъ Проф. Рейса, преподаваніе Органической Химіи, тогда, для сохраненія единства метода, онъ старался согласовать свое изложеніе съ системой и распредѣленіемъ Неорганической Химіи, какъ преподавалъ ее Проф. Рейсъ.

Назначенный въ 1826 г. Адъюнктомъ въ И. Московскій Университетъ, какъ самосостоятельный преподаватель, онъ излагалъ Аналитическую Химію по руководству Г. Розе. Общая Химія въ Университетѣ была преподаваема въ то время Проф. Рейсомъ. Въ 1832 г., замѣстивъ въ Университетѣ уволеннаго Профессора Рейса, онъ преподавалъ Общую и Аналитическую Химію. Сообразуясь съ мѣстными требованіями Московскаго Университета, центральнаго въ Россіи, и съ современнымъ утилитарнымъ направленіемъ науки, на которое въ Москвѣ, какъ средоточіи отечественной мануфактурной промышленности, надлежало обратить особенное вниманіе, Проф. Гейманъ нашелъ нужнымъ отступить отъ обыкновеннаго способа распредѣленія преподаваемой имъ науки. Стремясь, по возможности, соединить стройное, логично-систематическое распредѣленіе съ практическою стороною науки, въ ея различныхъ приложеніяхъ къ мануфактурной производительности, Проф. Гейманъ составилъ, въ этомъ смыслѣ, распредѣленіе Химіи, изложенное имъ въ программѣ по его каѳедрѣ и утвержденное Физико-Математическимъ Факультетомъ И. Московскаго Университета. Курсъ Химіи въ этой программѣ раздѣленъ на два: студентамъ 2-го и 3-го курсовъ преподается чистая Химія, а студентамъ 4-го курса Аналитическая Химія. При чтеніи науки, каждое положеніе ея, каждое свойство и дѣйствіе веществъ, при самомъ изустномъ ихъ объясненіи, тутъ же подтверждается на опытѣ, производимомъ въ присутствіи слушателей. Кромѣ того, желающіе изъ студентовъ упражняются практически, подъ руководствомъ Профессора, въ производствѣ опытовъ и анализовъ.

Руководствами при преподаваніи для Химіи Неорганической служатъ: а) для Общей—Чтенія Общей Химіи*, в) для Част-

* «Чтенія Общей Химіи», изданныя самимъ Профессоромъ.

ной—химіи: Гесса (7-е изданіе), Берцеліуса, Мичерлиха, *Л.* Гмелина и Реньо; для Органической Химіи: Берцеліуса, Либига, Вёлера, Гергардта и Миллона; для Аналитической Химіи — руководства Фрезеніуса и Розе.

Кромѣ статей, частію химическаго, частію медицинскаго содержанія, читанныхъ Профессоромъ Гейманомъ въ засѣданіяхъ Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы, Сельскаго Хозяйства и Физико-Медицинскаго, о которыхъ упомянуто выше, и нѣкоторыхъ мелкихъ статей, помѣщенныхъ въ различныхъ журналахъ и вѣдомостяхъ, имъ изданы еще слѣдующія сочиненія:—1) De utilitate Chemiae in Medicina. Dissertatio inauguralis pro gradu Doctoris Medicinae. Mosquae. 1822 г.—2) *Значеніе и предѣлы Химіи въ настоящее время.* (Публичная лекція, читанная въ 1833 году въ И. Медико-Хирургической Академіи). Москва 1834 г. — 3) *О пользѣ Химіи, какъ науки приуготовительной.* Слово, произнесенное въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета,—Іюля 5-го 1834 г.—4) *Вступительная лекція 1-го курса технической Химіи для Московскихъ фабрикантовъ*, читанная 26-го Ноября 1836 г.—5) *Вступительная лекція 2-го курса технической Химіи*, читанная 19-го Ноября 1837 г.—6) *Вступительная лекція 3-го курса технической Химіи*, читанная 28-го Ноября, 1838 г.—7) *Вступительная лекція 4-го курса Технической Химіи*, читанная 29-го Ноября 1840 г.—8) *Обозрѣніе лекцій 4-го курса Технической Химіи*, 1840 г.—9) *Вступительная лекція 5-го курса Технической Химіи*, читанная 5-го Декабря 1841 г.—10) *Пояснительные чертежи для лекцій Технической Химіи съ приложеннымъ для объясненія ихъ текстомъ.* Литографированы въ Москвѣ 1842 г.—11) *Мнѣніе о химическихъ фабрикахъ и заводахъ*, въ «обозрѣніи мануфактурной промышленности». С.-Петербургъ, 1843 г.—12) *Чтенія Общей Химіи, приложенной къ фабричному и заводскому дѣлу, съ пояснительными рисунками и чертежами, рѣзанными на деревѣ и камнѣ*, въ пяти выпускахъ, составляющихъ томъ въ 888 и XXXVI стр. Москва. 1845—49 г.—13) Рѣчь на французскомъ языкѣ, произнесенная при праздновании юбилея Его Превосходительства Г. И. Фишера

фонъ-Вальдгеймъ, въ 1847 г. — 14) *Бѣглый взглядъ на четыре стихіи древнихъ, въ отношеніи физическомъ, химическомъ и физіологическомъ.* Три публичныя лекціи. Москва 1852 года. — 15) *Вступительная лекція 14-го курса Технической Химіи,* читанная 23-го Ноября 1853г.— 16) *О добываніи сѣры изъ колчедана и употребленіи послѣднюю, вмѣсто сѣры, для добыванія обыкновенной сѣрной кислоты.* Письмо Проф. Гейманa къ Отечественнымъ химическимъ заводчикамъ. Съ 4 чертежами. Москва. 17-го Апрѣля 1854 г.

Гейнъ, Иванъ Андреевичъ, Ординарный Профессоръ Всемірной Исторіи, Статистики и Географіи, бывшій Ректоромъ Университета, Статскій Совѣтникъ и Кав. орд. Св. Вл. 3 ст., и Св. Анны 2 ст., родился 1758 года въ г. Брауншвейгѣ (въ Нижней Саксоніи), гдѣ отецъ его былъ лекаремъ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Гимназіи, находившейся въ его родномъ городѣ, а дальнѣйшее — въ Гельмштедтскомъ и Гёттингенскомъ Университетахъ. Главными предметами его занятій были вообще Словесныя, а также Историческія и Политическія науки и Филологія: въ бытность свою въ Университетѣ, онъ изучилъ главнѣйшіе европейскіе, а также и нѣкоторые азіятскіе языки; въ Геттингенѣ онъ былъ членомъ Философской Семинаріи и Секретаремъ Университетской библіотеки. Среди такихъ занятій своихъ (1779) онъ получилъ приглашеніе отъ А. А. Лопухина — обучать сына его, и — по этому поводу переселился въ Россію, которой онъ съ того времени не оставлялъ. Государственная служба его началась впрочемъ не ранѣе 1781 года, когда онъ поступилъ въ здѣшній Университетъ Лекторомъ Нѣмецкаго языка и классическихъ Древностей, и скоро потомъ сдѣланъ Суббибліотекаремъ. Чтенія его въ Университетѣ и добродушный характеръ скоро пріобрѣли ему заслуженную извѣстность на новомъ поприщѣ. Слушатели любили и уважали даровитаго преподавателя, а начальство старалось награждать его за полезные труды: черезъ три года по вступленіи въ Университетъ, онъ произведенъ въ Экстраординарные Профессоры и сдѣланъ Инспекторомъ Университетскаго Благороднаго Пансіона, въ чинѣ

Коллежскаго Ассессора. Во время своихъ чтенiй Нѣмецкаго языка и Словесности И. А. Геймъ старался изучить и Русскiй языкъ, въ чемъ онъ и успѣлъ до такой степени, что въ 1786 году, въ званiи Ординарнаго Профессора, могъ уже читать на Русскомъ языкѣ Исторiю и Статистику въ Университетѣ и Исторiю, Коммерческую Географiю и Нѣмецкiй языкъ въ Демидовскомъ Коммерческомъ Училищѣ. Плодами трудовъ его въ это время были большею частiю филологическiя изданiя, исключая *Подробнаго топографическаго и статистическаго описанiя Россiйскаго Государства*, изданнаго на Нѣмецкомъ языкѣ въ Геттингенѣ въ 1789 году, и потомъ въ 1796 году подъ заглавiемъ: Versuch einer vollständigen, geographisch-topographischen Encyclopaedie des russ. Reiches nach alphab. Ordnung (1048 Seiten). 8. Изъ филологическихъ трудовъ И. А. Гейма, относящихся къ этому времени, наиболѣе извѣстны: 1) *Ученiе Россiйскаго языка для Нѣмцевъ* М. 1789, 8. 2) *Россiйская Грамматика для Нѣмцевъ* 1791 и 3) *Словарь Россiйско-Французскiй* (2 т. 1796. 7) и *Россiйско-Французско-Нѣмецкiй* (3 т. 1799 — 802, in 4), выходившiе въ разныхъ изданiяхъ и форматахъ—и содѣйствовавшiе въ значительной степени изученiю отечественнаго и иностранныхъ языковъ. Эти труды его обратили на него вниманiе въ Бозѣ почившей Императрицы Марiи Θеодоровны, удостоивавшей Профессора особеннаго благоволенiя. По повелѣнiю Ея Величества, онъ опредѣленъ былъ въ 1803 г. Инспекторомъ при Институтѣ благородныхъ дѣвицъ Ордена Св. Екатерины, который имъ же былъ и открытъ. Въ томъ же году онъ сдѣланъ былъ Членомъ Училищнаго Комитета, а въ слѣдующемъ году Профессоромъ Статистики и Коммерческихъ наукъ. По всѣмъ симъ должностямъ И. А. Геймъ удостоиваемъ былъ различныхъ наградъ, свидѣтельствовавшихъ объ отличномъ исполненiи имъ его обязанностей. По преобразованiи Университета, онъ избираемъ былъ въ Деканы Отдѣленiя Словесныхъ Наукъ и четыре раза Ректоромъ Университета; это званiе носилъ онъ въ продолженiе 12-ти лѣтъ. Такой длинный срокъ служитъ доказательствомъ того довѣрiя и уваженiя, которымъ онъ пользовался со стороны своихъ товарищей.—Ученыя занятiя И. А. Гейма по Университету

были прерваны только однажды памятнымъ для Россіи вторженіемъ непріятеля въ ея предѣлы, въ 1812-мъ году, когда Геймъ былъ Ректоромъ. Въ одно время съ Ректорскимъ званіемъ онъ отправлялъ, также въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, должность Члена-Испытателя въ Комитетѣ для чиновниковъ, обязанныхъ службою, для которыхъ онъ читалъ и публичныя лекціи; кромѣ того былъ Визитаторомъ Училищъ, находящихся въ губерніяхъ, сосѣднихъ съ Московскою, и Библіотекаремъ Университета. Среди разнообразныхъ занятій онъ находилъ время и для литературной дѣятельности, служившей какъ бы дополненіемъ дѣятельности его, какъ Профессора. Ему мы обязаны многими географико-статистическими сочиненіями, обогатившими нашу литературу. Сюда относятся: 1) *Начертаніе всеобщаго Землеописанія*, М. 1811 г. 8 д.; 2) *Статистика соединенныхъ Великобританскаго и Ирландскаго Государствъ*. М. 1811, 8; 3) *Первоначальныя основанія новѣйшаго всеобщаго Землеописанія*. М. 1813, 8; 4) *Начертаніе всеобщаго Землеописанія по новѣйшему раздѣленію Государствъ и земель*, 2 ч. М. 1817 г. 8; 5) *Опытъ начертанія Статистики главнѣйшихъ Государствъ по нынѣшнему ихъ состоянію*, ч. 1. М. 1821, 8. — Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ онъ вѣрно держится направленія Ахенваля и Шлецера, господствовавшаго въ его время въ наукѣ и извѣстнаго теперь подъ названіемъ направленія Университетской Статистики. Взглядъ его на науку Географіи также сообразенъ его времени, но мы видимъ здѣсь болѣе самостоятельности въ распорядкѣ и изложеніи предмета. Кромѣ упомянутыхъ изданій, этотъ трудолюбивый Профессоръ оставилъ также: 1) *Руководство къ Коммерческой наукѣ*, М. 1804. 8, 2) *Каталогъ библіотеки Графа А. К. Разумовскаго*, 2 ч. 3) Notice des monuments typographiques qui se trouvent dans la bibliothéque du Comte A. Razoumovsky. M. 1810. 8, и нѣсколько *Рѣчей*. Въ 1810 и 1811 годахъ онъ издалъ Moskowische Zeitung. Во всѣхъ трудахъ своихъ онъ отличался точностію и постоянствомъ; въ характерѣ соединялъ живость и горячность съ добротою сердца. По смерти его (1821 г. Октября 16-го) осталось множество рукописей, которыя завѣщалъ Т. А. Каменецкому, его любимому питомцу. Память, которую онъ оста-

вилъ по себѣ въ литературѣ и обществѣ, заставляетъ уважать его и жалѣть о томъ, что труды его изданы не вполнѣ.

ГЕЛЬТЕРГОФЪ, Францискъ, Лекторъ Нѣмецкаго языка и Словесности, Магистръ Философіи, родился 4-го Марта 1711 года, въ Леннепѣ, городкѣ тогдашняго Бергскаго Герцогства. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ тамошней Латинской школѣ, а потомъ, по окончаніи гимназическаго курса въ Зёстѣ, въ 1731 г., вступилъ въ Университетъ въ Галле, гдѣ и посвятилъ себя преимущественно изученію Богословія. Получивъ степень Кандидата Ѳеологіи, отправился онъ въ качествѣ домашняго учителя въ Ревель, куда вызвалъ его тогдашній суперъ-интендентъ Гутслеффъ. По прибытіи въ Ревель, онъ съ такою любовію и ревностію предался изученію Эстонскаго языка, что спустя четыре мѣсяца могъ на немъ проповѣдывать. Въ 1737 году онъ послѣдовалъ призыву на о. Эзель, гдѣ, въ Аренсбургѣ, былъ посвященъ въ Пасторы и получилъ мѣсто Діакона и Директора школы; а въ 1740 году на томъ же островѣ въ селѣ Ямѣ получилъ мѣсто Пастора и проповѣдника, которое и занималъ въ продолженіи семи лѣтъ. Гельтергофъ имѣлъ явныхъ и открытыхъ враговъ; они-то и оклеветали его въ Петербургѣ передъ правительствомъ въ томъ, что будто онъ находится въ тайной связи съ Гернгутерами и вмѣшивается въ политическія дѣла. Вслѣдствіе этого обвиненія, въ 1747 году онъ былъ арестованъ, отвезенъ въ Петербургъ и заключенъ въ крѣпость. Тамъ содержался онъ 12 лѣтъ т. е. до 1759 года, когда арестъ его былъ замѣненъ ссылкою въ Казань. Живя въ этомъ городѣ сперва частными уроками Нѣмецкаго языка, получилъ онъ потомъ мѣсто при тамошней Гимназіи, когда она была открыта, и удержалъ за собою это мѣсто до 1762 года, т. е. до восшествія на престолъ Императора Петра III, когда возвращена ему была свобода. Виновникомъ этого былъ камердинеръ Императора, содержавшійся вмѣстѣ съ Гельтергофомъ, гдѣ онъ съ нимъ познакомился и сообщилъ свои религіозныя убѣжденія. Получа свободу, Гельтергофъ добивался прежняго мѣста Пастора на о. Эзелѣ; но, встрѣтивъ препятствія, послѣдовалъ онъ приглашенію тогдашняго Куратора Московскаго Университета, В. Е.

Ададурова, и въ 1763 году опредѣленъ Лекторомъ Нѣмецкаго языка и Словесности. Получивъ увольненіе съ пенсіею въ 1780 году, переселился онъ въ Сарептскую колонію, гдѣ своими проповѣдями и уроками Русскаго языка до самой глубокой старости приносилъ пользу юношеству и колоніи, и сохранилъ любовь и уваженіе колонистовъ, какъ патріархъ, до самой кончины, послѣдовавшей 11-го Декабря 1805 года.

Ученые труды Гельтергофа слѣдующіе: 1) *Нѣмецкая Грамматика*, коей 9-ое изданіе напечатано въ 1825. М. 8. 2) *Россійскій Целларіусъ или этимологическій россійскій Лексиконъ съ сокращенною россійскою этимологіею.* М. 1771. 8; новое изданіе, М. 1778 г. подъ заглавіемъ: *Россійскій Лексиконъ по алфавиту съ Нѣмецкимъ и Латинскимъ переводомъ.* 2 ч. въ 8-ю. 3) *Сокращенный четыреязычный словарь*, а именно: на Нѣмецкомъ, Латинскомъ, Французскомъ и Россійскомъ языкахъ, *съ предисловіемъ о краткомъ, легкомъ и пріятномъ способѣ ученія.* М. 1776. 8; 4) Russisches alphabetisches Wörterbuch mit deutscher und lateinischer Uebersetzung, in 2 Theilen. Moskau, 1788 in 8°.

ГЕННЕКЕНЪ, Иванъ Петръ (Jean Pierre Hennequin), второй Лекторъ Французскаго языка, родился во Франціи, въ г. Мецѣ. Первое свое образованіе онъ получилъ въ школѣ Бенедиктинцевъ, и по окончаніи курса наукъ, поступилъ въ Семинарію, съ намѣреніемъ поступить въ Пасторы. Но послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Семинаріи, онъ женился, предался изящнымъ наукамъ и былъ товарищемъ редактора Мозельскаго журнала. Лишась во время Французской революціи всего состоянія, онъ отправился въ Россію въ 18... году. Въ 18... онъ былъ назначенъ преподавателемъ Французскаго языка въ Коммерческое училище, а въ 1827 г. онъ былъ избранъ исправляющимъ должность втораго Лектора при Московскомъ Университетѣ, гдѣ и читалъ курсъ Французской Словесности по руководству Лагарпа и по своей книгѣ. Изъ Университета вышелъ въ 1830 году. Онъ издалъ въ Москвѣ: 1) Cours de Rhétorique, 2) Cours de Littérature générale 4 vol. in 8°, 3) L'art épistolaire, 4) Traité de Participes. Геннекенъ умеръ въ 184.... году.

ГЕРИНГЪ, Іоганнъ Христофоръ Эргардъ (Johann Christoph Erhard Göring), Лекторъ Нѣмецкаго языка и Словесности, Коллежскій Совѣтникъ, сынъ извѣстнаго въ свое время, какъ писателя, пастора Геринга, умершаго въ 1815 г., родился 19-го Декабря 1796 г. въ Пильграмсрейтѣ въ Баваріи. Первоначальное образованіе свое получилъ въ домѣ родителей, потомъ въ гимназіи въ Гофѣ, а по закрытіи ея, въ академической гимназіи въ Байрейтѣ, изъ которой въ 1815 г. поступилъ въ Эрлангенскій Университетъ, съ аттестаціей *«очень достойный»* (sehr würdig). Здѣсь два года занимался философскими и юридическими науками и слушалъ лекціи Менеля, Мейзеля, Фабри, Рау, Гарля, Генке, Гроса, Глюка и др. Въ 1817 г., получилъ отъ своего брата Фридриха Геринга, бывшаго тогда пасторомъ при церкви Св. Петра и Павла въ Москвѣ, приглашеніе ѣхать въ эту столицу. По смерти отца своего и дѣда, бывшаго его благодѣтелемъ, Герингъ едва имѣлъ возможность продолжать собственными своими средствами занятія въ Университетѣ; надежда же получить хорошее мѣсто на службѣ въ Баваріи при сильной конкурренціи была очень мала: онъ охотно послѣдовалъ вызову брата своего, тѣмъ болѣе, что съ молодыхъ еще лѣтъ чувствовалъ особенную любовь къ Россіи. Въ началѣ Августа 1817 г. отправился онъ въ путь. Несчастіе, случившееся съ нимъ въ Эльбингенѣ, въ Пруссіи, гдѣ онъ былъ обокраденъ спутникомъ своимъ, принудило его оставить на время путешествіе и дожидаться въ Кёнигсбергѣ случая продолжать его. Покровительство тогдашняго Проректора Университета Авг. Фр. Швейггера, родомъ Баварца, дало ему возможность продолжать курсъ наукъ въ Кёнигсбергѣ. Посвятивъ на это зимній семестръ 18$\frac{17}{18}$ года, въ теченіи котораго посѣщалъ онъ лекціи Профессоровъ Дирксена, Рейденица и др., принужденъ онъ былъ изъ экономическихъ расчетовъ принять мѣсто домашняго учителя. Этимъ надѣялся онъ скопить себѣ довольно денегъ, чтобы послѣ быть въ состояніи продолжать курсъ наукъ въ Университетѣ безъ помощи своихъ родственниковъ. Чрезъ посредничество извѣстнаго богослова и лингвиста Іоганна Северина Фатера получилъ онъ такое мѣсто у г-на фонъ Пуша въ Бочкиникелахъ, въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ и прожилъ два года въ самыхъ счастливыхъ

обстоятельствахъ. По истеченіи времени, на которое условился, предпринялъ онъ снова въ Ноябрѣ 1820 года путешествіе въ Москву, прерванное обстоятельствами. Въ Москвѣ пробылъ около 4-хъ мѣсяцевъ и занимался изученіемъ Русскаго языка. Въ Мартѣ 1821 г. возвратился въ Кёнигсбергъ и здѣсь посвятилъ себя, согласно желанію брата своего, помощникомъ котораго намѣревался онъ быть со временемъ, изученію Богословія. Профессоры: Гербартъ, Вальдъ, Реза, Ганъ и Динтеръ, особенно привлекали его вниманіе. Въ Сентябрѣ 1822 года выдержалъ онъ обычный экзаменъ; упражнялся нѣсколько разъ подъ руководствомъ тогдашняго Декана Богословскаго Факультета Д-ра Вальда въ проповѣдяхъ, послѣ чего оставилъ Университетъ Кандидатомъ Богословія и возвратился въ Москву. И здѣсь онъ имѣлъ также случай упражняться въ проповѣдяхъ подъ руководствомъ брата своего въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и не безъ успѣха. Но убѣдившись, что у него нѣтъ призванія и склонности къ духовному званію, онъ оставилъ оное и обратился на поприще преподавателя. Въ 1823 г. поступилъ учителемъ Латинскаго языка въ учебное заведеніе доктора Кистера и исправлялъ эту должность нѣсколько лѣтъ. Въ Октябрѣ 1823 года получилъ онъ мѣсто учителя Нѣмецкаго языка при Московскомъ Училищѣ Ордена Св. Екатерины, а въ 1830 г. опредѣленъ былъ вторымъ Лекторомъ Нѣмецкаго языка въ Императорскій Московскій Университетъ. Въ 1832 году опредѣленъ учителемъ Нѣмецкаго языка въ основанный тогда Александринскій Сиротскій Институтъ. Въ Октябрѣ 1834 г. назначенъ первымъ Лекторомъ Нѣмецкаго языка при Московскомъ Университетѣ, съ оставленіемъ въ должности втораго Лектора. Въ 1839 г. принялъ присягу на подданство Россіи. Въ 1840 году просилъ, по причинѣ множества занятій, объ увольненіи отъ службы при Александринскомъ Сиротскомъ Институтѣ, и былъ уволенъ съ выдачею ему за усердную службу годоваго жалованья. Въ 1847 году назначенъ былъ Учителемъ Нѣмецкаго языка для пепиньерокъ Училища Ордена Св. Екатерины. Въ 1845 году получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ и въ 1850 году такой же знакъ за XX лѣтъ. Въ продолженіи службы нѣсколько разъ Всемилостивѣйше награжденъ разными Царскими подарками и по-

вышеніями чиновъ до чина Коллежскаго Совѣтника, въ который произведенъ въ 1847 году. Въ 1831 году удостоился получить отъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы за поднесенный чрезъ ходатайство тогдашняго Статсъ-Секретаря Виллaмова экземпляръ перевода Юрія Милославскаго, соч. Загоскина, драгоцѣнную золотую табакерку, живописью украшенную. Кромѣ того три раза былъ Всемилостивѣйше пожалованъ бриліантовыми перстнями, одинъ разъ за ревностную службу въ Университетѣ и два раза за таковую же службу въ Александринскомъ Сиротскомъ Институтѣ. Въ 1839 году Всемилостивѣйше пожалованъ 600 руб. ассигнац. по службѣ въ Александринскомъ Сиротскомъ Институтѣ, а изъ Училища Ордена Св. Екатерины получилъ два раза, въ 1846 и 1849 годахъ, по 200 р. серебр. по случаю выпуска дѣвицъ и по докладу Совѣта, Высочайше Ея Императорскимъ Величествомъ утвержденному. Кромѣ вышеозначенныхъ заведеній онъ обучалъ еще въ Императорскомъ Воспитательномъ Домѣ, въ Армянскомъ Институтѣ восточныхъ языковъ, во многихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, а равно и въ частныхъ домахъ. Между его учениками находятся люди, занимающіе теперь важныя мѣста по военной и гражданской службѣ и оказавшіе государству важныя услуги.

Для свиданія съ своими родными въ отечествѣ, предпринялъ онъ въ 1836 году путешествіе въ Германію.—Здѣсь возобновилъ свои прежнія знакомства и частію свелъ новыя со многими знаменитыми людьми. Въ Берлинѣ познакомился онъ съ поэтомъ Шамиссо, Гейзе, Цумптомъ; въ Штутгардѣ съ Менцелемъ, Пфицеромъ, Швабе, Рейнбекомъ и Даннекеромъ; въ Гейдельбергѣ съ Крейцеромъ, Леонгардомъ, Каппомъ; въ Мюнхенѣ съ Шеллингомъ и Шубертомъ. Въ Брюкенау вмѣстѣ съ нѣкоторыми путешественниками имѣлъ честь быть приглашенъ на вечеръ Его Величествомъ Королемъ Баварскимъ Людовикомъ, и какъ при этомъ случаѣ, такъ и на аудіенціи, данной на слѣдующій день, бесѣдовать съ Королемъ болѣе получаса. Король освѣдомлялся съ участіемъ о бывшемъ Профессорѣ Ботаники при Московскомъ Университетѣ, Гофманнѣ, какъ прежнемъ своемъ знакомцѣ по Геттингену, гдѣ Его Величество

проходилъ курсъ наукъ, будучи еще Наслѣднымъ Принцемъ. Кромѣ того онъ распрашивалъ объ архитектурѣ Москвы, хотѣлъ знать, не изгладился ли прежній характеръ города при возобновленіи его, о произведеніяхъ искусства Русскаго и т. п.

Возвратившись въ Москву, лекторъ Герингъ продолжалъ свои прежнія занятія. И прежде своего путешествія и послѣ него, онъ посвящалъ свободное время литературнымъ занятіямъ. Отъ 1827 до 1834 г. былъ сотрудникомъ журнала, издаваемаго въ Вѣнѣ Іоганномъ Шикомъ подъ заглавіемъ: *Вѣнскій Журналъ для искусства, литературы, театра и моды.* (Wiener Zeitschrift für Kunst, Literatur, Theater und Mode.) Частію для усовершенствованія себя въ Русскомъ языкѣ, частію для ознакомленія своихъ соотечественниковъ съ литературными произведеніями Россіи, онъ перевелъ романы Загоскина—*Юрій Милославскій* и *Рославлевъ*, изъ коихъ первый вышелъ въ свѣтъ въ 1830 году въ Кёнигсбергѣ у Унцера, а послѣдній въ 1832 г., въ Лейпцигѣ, у Карла Кноблоха. Въ 1833 г. издалъ онъ первую тетрадь своихъ *Метрическихъ переводовъ* (metrische Uebersetzungen), которая въ числѣ прочихъ стихотвореній содержитъ переводъ первыхъ двухъ пѣсенъ *Руслана и Людмилы* Пушкина, но этого перевода онъ не продолжалъ. Кромѣ нѣкоторыхъ журнальныхъ статей перевелъ онъ *Историческіе афоризмы*, Погодина, которые въ 1836 г. явились въ свѣтъ въ Лейпцигѣ у Карла Кноблоха, и еще нѣкоторыя главы *Геологическаго путешествія по Алтаю* Г-на Профессора Щуровскаго, напечатанныя въ Нѣмецкомъ журналѣ. По порученію Университета, онъ издалъ въ 1834 г. Нѣмецкую Хрестоматію подъ заглавіемъ: Chrestomathie oder systematisch geordnete Auswahl lehrreicher und anziehender Stücke aus Prosaisten und Dichtern zum Gebrauch beim Uebersetzen aus dem Deutschen in's Russische. Mit einem vollständigen Wörterverzeichnisse. Moskau in der Universitäts-Buchdruckerei. 1834. *Хрестоматія или систематическій выборъ поучительныхъ и занимательныхъ отрывковъ изъ прозаиковъ и поэтовъ для употребленія при переводахъ съ Нѣмецкаго языка на Русскій, съ полнымъ словаремъ.* Москва. Въ Университетской Типогр.— 1834 г. Второе изданіе, умноженное и исправленное, явилось въ 1842 г. Лекторъ Герингъ занимался также для употребле-

нія при чтеніяхъ своихъ о нѣмецкомъ языкѣ и нѣмецкой словесности составленіемъ *Сравнительнаго Синтаксиса* и *исторического обзора Нѣмецкой литературы*. И тотъ и другой трудъ готовы къ печати.

ГИВАРТОВСКІЙ, Генрихъ Антоновичъ, Исправляющій должность Адъюнкта Химіи, Надворный Совѣтникъ, сынъ Агента Польскаго банка, родился въ Варшавѣ въ 1816 году 7-го Марта. Первоначальное воспитаніе получилъ въ частномъ Пансіонѣ, а въ 1825 году поступилъ во 2-й классъ Варшавскаго Лицея и въ отдѣленіи такъ названной Практико-Педагогической школы окончилъ гимназическое ученіе.—Въ 1833 году прибылъ въ Москву, изучалъ Русскій языкъ и въ Сентябрѣ мѣсяцѣ допущенъ былъ приватно къ слушанію Медицинскихъ лекцій 1-го курса въ бывшемъ Московскомъ Отдѣленіи Императорской Медико-Хирургической Академіи, а по окончаніи учебнаго года, поступилъ по экзамену своекоштнымъ Студентомъ во 2-й классъ означеннаго отдѣленія.—Когда онъ былъ Студентомъ 5-го курса, Конференція Академіи поручила ему въ 1837 г. повтореніе Химіи со студентами 2-го курса.—Въ 1838 году 2 Іюля, по окончаніи полнаго курса врачебныхъ наукъ, утвержденъ Лекаремъ 1-го отдѣленія съ выдачею ему свидѣтельства въ томъ, что онъ удостоенъ награжденія серебряною медалью и оставленъ при Академіи исправляющимъ должность Репетитора Химіи, до утвержденія его въ этой должности Министромъ Внутреннихъ дѣлъ 9-го Января 1839 года.—По случаю увольненія Ординарнаго Профессора Геймана въ отпускъ за границу, назначенъ былъ конкурсъ для временнаго занятія каѳедры Химіи и, по разрѣшеніи въ присутствіи Конференціи заданнаго вопроса: *Объ общихъ свойствахъ и дѣйствіи кислотъ, а въ особенности о кислотахъ фтористо-водородной и синеродисто-водородной*, Конференція поручила Гивартовскому чтеніе лекцій Химіи подъ руководствомъ Профессора Забіякина.—Въ 1842 г., съ Высочайшаго соизволенія, уволенъ былъ въ Германію для усовершенствованія въ наукахъ: посѣщалъ Клиники въ Берлинѣ и занимался практически Химіею у Профессора Маршана; посѣщалъ лекціи Химіи Профессоровъ: Генриха Розе, Мичерлиха и

Технологіи Магнуса; ознакомился со способами преподаванія Химіи другихъ Профессоровъ Пруссіи и Саксоніи; осмотрѣлъ техническія заведенія сихъ государствъ. Въ Фрейбергѣ на самомъ дѣлѣ старался изучить металлургическое горное дѣло; на возвратномъ пути, въ Польшѣ посѣтилъ мануфактурныя промышленныя заведенія и рудники.—Въ 1843 году, выдержавъ экзаменъ на Доктора Медицины въ Московской Медико-хирургической Академіи и защитивъ написанную имъ на Латинскомъ языкѣ диссертацію: De Urolithiasi, утвержденъ въ этомъ званіи.—По закрытіи 2-го класса при Академіи по случаю соединенія оной съ Университетомъ, въ слѣдствіе предписанія Министра Народнаго Просвѣщенія, уволенъ въ 1843 году Сентября 27 дня отъ занимаемой имъ Репетиторской должности, съ выдачею ему за усердную службу при Академіи въ единовременное пособіе 285 руб. серебромъ. — Въ 1845 году написалъ диссертацію: *О мочѣ и ея составныхъ частяхъ*, которую защищалъ публично въ Московскомъ Университетѣ и Министромъ Народнаго Просвѣщенія утвержденъ въ 1846 году 17-го Января, въ званіи Доцента, для преподаванія Химіи студентамъ Медицинскаго факультета Московскаго Университета.—Въ 1849 году 21-го Декабря опредѣленъ исправляющимъ должность Адъюнкта по каѳедрѣ Химіи, съ порученіемъ ему преподаванія частной органической Химіи въ Физико-Математическомъ Факультетѣ и сверхъ того всей Химіи въ Медицинскомъ Факультетѣ.—Съ 1837 года учрежденное въ Москвѣ Товарищество для фабрикаціи стеариновыхъ Каллетовскихъ свѣчей, предоставило Гивартовскому мѣсто химика и врача; при этомъ занятіи онъ оставался до 1840 года, когда опредѣленъ отъ Товарищества Директоромъ завода и понынѣ состоитъ Членомъ его Правленія и управляетъ техническою частію завода.—Въ 1843 году былъ назначенъ экспертомъ химическаго отдѣла мануфактурной выставки въ Москвѣ. Государь Императоръ, по положенію Комитета Министровъ, Высочайше повелѣть соизволилъ объявить ему Высочайшее Его Императорскаго Величества благоволеніе, за признанное на бывшей выставкѣ успѣшное управленіе хозяйственною и техническою частію завода Московскаго Товарищества для фабрикаціи Каллетовскихъ свѣчей.—Въ 1853 году

былъ назначенъ вторично при Комитетѣ устройства мануфактурной выставки въ Москвѣ экспертомъ по химическому отдѣлу.— Написалъ статьи: 1) О холерѣ; 2) Сравнительныя наблюденія надъ воздушнымъ электричествомъ во время холерной эпидеміи; 3) Сравнительные опыты съ эѳиромъ, хлороформомъ, бензиномъ, углеродомъ и парами нефти; 4) О жидкости противогнилостной и уничтожающей зловоніе; 5) Анализъ главколита,—и сообщаетъ медико-химическія статьи въ Московское Физико-Медицинское Общество.—Состоитъ членомъ Обществъ: Испытателей природы и Московскаго Физико-Медицинскаго.—Въ 1852 году 16-го Февраля произведенъ въ Надворные Совѣтники.

ГИЛЬДЕБРАНДТЪ, Готлибъ (Gottlieb Hildebrandt), Аптекарь и публичный Университетскій Демонстраторъ Аптекарскаго искусства, Надворный Совѣтникъ, съ $178\frac{2}{3}$ до $179\frac{5}{6}$ Академическаго года, въ теченіи 11 лѣтъ, показывалъ Студентамъ, во первыхъ, простыя изъ трехъ царствъ природы взятыя лекарства, ихъ знаки и доброту, потомъ объяснялъ мѣста, откуда они привозятся, за какую цѣну здѣсь покупаются и продаются; показывалъ также составъ сложныхъ лекарствъ, какія дѣлались у него въ аптекѣ по принятымъ въ аптекахъ наставленіямъ, не опуская и тѣхъ, какія въ рецептахъ обыкновенно прописывали тогда медики. Съ $179\frac{5}{6}$ академическаго года въ преподаваніи этого предмета Гильдебрандту наслѣдовалъ Аптекарь Биндгеймъ.

ГИЛЬТЕБРАНДТЪ, Ѳедоръ Андреевичъ (Justus Friederich Jacob Hiltebrandt), Хирургіи заслуженный Профессоръ, Медицины и Хирургіи Докторъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Ордена Св. Станислава 1-й степени Кавалеръ, Почетный Членъ Московскаго Университета, сынъ врача, родился $^{11}/_{22}$ Декабря 1773 года въ вольномъ городѣ бывшей Римской Имперіи, Вормсѣ. Родители его принадлежали къ почетнымъ гражданамъ этого города. — Ѳ. А. лишился отца, имѣя 6 лѣтъ отъ роду, и остался съ старшею сестрою и младшимъ братомъ на попеченіи матери. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ Гимназіи города Вормса, гдѣ отличался благонравіемъ, прилежаніемъ и успѣхами. Здѣсь онъ пріобрѣлъ любовь къ изученію Латинскихъ классиковъ, кото-

рую сохранилъ до конца своей жизни. — На 16-мъ году его возраста, родной дядя его, Иванъ Дороѳеевичь Гильтебрандтъ, бывшій тогда Профессоромъ Анатоміи и Физіологіи при Медицинской школѣ въ Москвѣ, призвалъ его къ себѣ, и въ Ноябрѣ 1789 года Ѳ. А. вступилъ волонтеромъ въ эту школу, а въ Мартѣ 1792 года произведенъ въ званіе Лекаря. Во время курса ученія, онъ очень ревностно занимался Анатоміею практически, — и постоянными упражненіями въ препаратахъ пріобрѣлъ ясное и основательное познаніе строенія тѣла человѣческаго и ту ловкость въ производствѣ операцій, которою онъ отличался въ послѣдствіи. Кромѣ Анатоміи, его любимымъ занятіемъ были Химія и Ботаника, подъ руководствомъ знаменитаго Стефана, котораго онъ былъ любимымъ ученикомъ и съ которымъ онъ оставался до самой его смерти въ ближайшихъ отношеніяхъ. Еще въ послѣдніе годы своей жизни, Ѳ. А. вспоминалъ съ чувствомъ безпредѣльнаго уваженія и любви о своемъ наставникѣ. Занятія Химіей и преимущественно Ботаникою онъ продолжалъ съ любовію и въ послѣдующіе три года, находясь на службѣ Лѣкаремъ при формировавшихся тогда въ Москвѣ двухъ батальонахъ, и вслѣдствіе этого, въ 1795 году, имѣя 22 года отъ роду, опредѣленъ былъ въ должность Адъюнкта Ботаники и Химіи въ Московскую Медико-Хирургическую Академію, въ которой утвержденъ въ слѣдующемъ году. — Посвящая свое время двумъ отраслямъ Естественныхъ наукъ, Ѳ. А. не оставлялъ медицинскихъ практическихъ занятій. Въ 1799 году ему были поручены двѣ палаты больныхъ въ Московскомъ Военномъ госпиталѣ, гдѣ онъ занимался преимущественно производствомъ операцій. Въ 1800 году поручено ему было преподаваніе Анатоміи и Физіологіи, которое онъ продолжалъ до перемѣщенія Московской Мед.-Хир. Акад. въ С. Петербургъ. Въ 1801 году, по законномъ испытаніи, произведенъ Докторомъ Медицины и Хирургіи. Кромѣ преподаванія означенныхъ наукъ въ Академіи, преподавалъ съ 1802 по 1804 годъ науку о переломахъ и вывихахъ въ костоправной школѣ, состоявшей тогда при Московскомъ Военномъ госпиталѣ. — При этихъ служебныхъ занятіяхъ, Ѳ. А. много содѣйствовалъ къ распространенію прививанія оспы, какъ дѣломъ, такъ и пере-

водомъ на Русскій языкъ брошюры: *О прививаніи оспы*, и не переставалъ заниматься Хирургіей. Въ теченіе этого времени онъ пріобрѣлъ уже такую извѣстность, какъ хирургъ, что въ 1804 году Медицинская Коллегія поручила ему сдѣлать операцію катаракты Штабъ-Лѣкарю Швану, которая увѣнчалась успѣхомъ, и въ томъ же году, при преобразованіи Московскаго Университета, онъ былъ опредѣленъ Экстраординарнымъ Профессоромъ Хирургіи въ Университетѣ. Съ этихъ поръ Ѳ. А. посвятилъ себя почти исключительно Хирургіи, и извѣстность его увеличилась. Въ 1807 году, по волѣ блаженной памяти Государыни Императрицы Маріи Ѳедоровны, опредѣленъ консультантомъ въ Московскую больницу для бѣдныхъ (что̀ нынѣ Маріинская), и здѣсь-то открылось ему обширное поле для производства операцій, преимущественно литотоміи. Въ теченіе своего служенія при этой больницѣ и завѣдыванія клиниками въ Университетѣ и въ Медико-Хирургической Академіи, куда онъ опредѣленъ Ординарнымъ Профессоромъ Хирургіи и Клиники наружныхъ болѣзней въ 1808 году, имъ произведено слишкомъ 3000 операцій вырѣзыванія камня мочеваго пузыря, изъ которыхъ $\frac{13}{14}$ были увѣнчаны успѣхомъ. — Въ 1812 году лекціи, по случаю вторженія Французовъ въ Москву, были прекращены; но это обстоятельство не прекратило врачебной дѣятельности Ѳ. А. Съ величайшею готовностію и человѣколюбіемъ онъ подавалъ помощь находившимся тогда въ Москвѣ въ большомъ числѣ раненымъ нашимъ воинамъ, и въ самый день вступленія Французовъ выѣхалъ изъ Москвы, сопровождая находившихся на его попеченіи раненыхъ, во Владиміръ, гдѣ и оставался до конца 1812 года, занимаясь во все время подаваніемъ помощи пострадавшимъ на полѣ браии. При этомъ случаѣ онъ пріобрѣлъ большую опытность въ новой для него тогда отрасли его науки, т. е. въ леченіи ранъ. По освобожденіи Москвы отъ Французовъ, снова начались его обычныя занятія въ трехъ мѣстахъ служенія и продолжались до 1830 года. Въ этомъ году онъ оставилъ Университетъ съ званіемъ Заслуженнаго Профессора и Почетнаго Члена, и съ сугубою дѣятельностію предался преподаванію Теоретической и Практической Хирургіи въ Академіи и занимался по зва-

нію Консультанта въ Маріинской больницѣ. Въ 1839 г. онъ съ крайнимъ сожалѣніемъ оставилъ службу по званію Профессора Хирургіи, по обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ него. Съ этого времени имѣлъ только одно служебное занятіе въ больницѣ; остававшееся свободное время онъ посвящалъ чтенію древнихъ классиковъ, Физикѣ, Химіи, Ботаникѣ, Математикѣ и Астрономіи. Въ 1844 году физическія силы его начали значительно ослабѣвать и тогда же онъ уволенъ по прошенію отъ званія Консультанта.

Во время своего 52-лѣтняго служенія четыремъ Монархамъ Россіи, онъ много разъ былъ удостоиваемъ Высочайшихъ наградъ, кои суть слѣдующія: 1) 1809 года, Марта 7-го дня, въ знакъ Высочайшаго благоволенія Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны удостоился получить отъ Ея Величества брилліантовый перстень; 2) 1810 года Ноября 27-го дня, Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ ордена Св. Владиміра 4-й степени; 3) 1816 года Мая 10-го дня, получилъ орденъ Св. Анны 2-й степени; 4) 1817 года Ноября 10-го, произведенъ въ Коллежскіе Совѣтники со старшинствомъ съ 30-го Декабря 1814 года; 5) 1818 года Іюня 4-го дня, въ знакъ Высочайшаго благоволенія Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны удостоился получить отъ Ея Величества брилліантовый перстень; 6) 1822 года Марта 8-го дня, Всемилостивѣйше пожалованъ алмазнымъ знакомъ ордена Св. Анны 2-й степени; 7) 1822 года Мая 30-го дня, по Именному Высочайшему Указу произведенъ въ Статскіе Совѣтники, со старшинствомъ съ 30-го Декабря 1818 года; 8) 1825 года Апрѣля 2-го дня, Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ ордена Св. Владиміра 3-й степени; 9) 1826 года Октября 3-го дня, въ знакъ Высочайшаго благоволенія Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны удостоился получить отъ Ея Величества брилліантовый перстень; 10) 1828 года Апрѣля 16-го дня, въ вознагражденіе полезныхъ трудовъ и усердія по службѣ, получилъ Высочайшее Его Императорскаго Величества благоволеніе; 11) 1830 года Августа 22-го дня, Всемилостивѣйше пожалованъ знакомъ отличія безпорочной службы за XXX лѣтъ; 12) 1832 года Апрѣля 21-го дня, за отлично-ревностную службу Всемилостивѣйше пожалованъ

въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники; 13) 1836 года, Апрѣля 13-го дня, за отлично-усердную службу Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ ордена Св. Станислава 2-й степени со звѣздою; 14) 1836 года Августа 22-го дня, Всемилостивѣйше пожалованъ знакомъ отличія безпорочной службы за XL лѣтъ; 15) 1837 года, Іюня 29-го дня, за безпорочную выслугу при Маріинской больницѣ 30-ти лѣтъ получилъ, по положенію Опекунскаго Совѣта, въ единовременное награжденіе двухъ-годовое жалованье 4,800 руб. ассигнаціями; 16) 1839 года Декабря 12-го дня, въ уваженіе долговременной и отлично-усердной службы при Академіи, и вообще ученыхъ трудовъ, Всемилостивѣйше награжденъ золотою съ вензеловымъ Его Императорскаго Величества Именемъ брилліантами украшенною табакеркою; 17) 1840 года Сентября 21-го дня, въ уваженіе заслугъ по Маріинской Больницѣ, засвидѣтельствованныхъ Московскимъ Опекунскимъ Совѣтомъ и согласно удостоенію Комитета Гг. Министровъ, объявлено Высочайшее Его Императорскаго Величества благоволеніе; 18) 1842 года Августа 22-го дня, Всемилостивѣйше пожалованъ знакомъ отличія безпорочной службы за XLV лѣтъ; 19) 1842 года Октября 19-го дня, за безпорочную службу при Маріинской больницѣ 35 лѣтъ, получилъ, по положенію Опекунскаго Совѣта, въ единовременное награжденіе двухъ-годовое жалованье серебромъ 1,540 р.; 20) 1844 года Іюня 23-го дня, въ воздаяніе усердной службы и особыхъ трудовъ, Начальствомъ засвидѣтельствованныхъ, по ходатайству Московскаго Опекунскаго Совѣта и удостоенію Комитета Гг. Министровъ, Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ ордена Св. Станислава 1-й степени; 21) 1844 года 12-го Октября, при увольненіи отъ службы по собственному Гильтебрандта прошенію въ Маріинской Больницѣ, во вниманіе къ долговременной отличной службы и въ вознагражденіе принесенной имъ Маріинской больницѣ пользы награжденъ единовременно годовымъ окладомъ, получаемаго имъ жалованья 840 р. серебромъ. По заслугамъ, оказаннымъ наукѣ, онъ былъ избранъ въ Члены многихъ ученыхъ Обществъ: Физико-Медицинскаго и Испытателей Природы въ Москвѣ, Корреспондентомъ Королевской Академіи Наукъ въ Геттингенѣ, Членомъ Туринской Акаде-

мін, Почетнымъ Членомъ Медицинскаго Совѣта при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ.

Кромѣ занятій по службѣ онъ издалъ: 1) Dissertatio inauguralis pro gradu Doctoris Medicinae et Chirurgiae, sistens *Dracocephali monographiam*. Mosquae. 1801. 2) *О прививаніи коровьей оспы.* Москва. 1808, 8. Напечатано на Русскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ. 3) *О сохраненіи зрѣнія.* Москва. 1807, 8. — Тоже вторымъ изданіемъ въ 1819 г. — 4) Oratio Academica: *De Studii chirurgici praestantia*, die 1 Iulii 1810 in conventu Universitatis Mosquensis habita, 4. Переведена на Русскій языкъ Ад. Сидорацкимъ. — 5) Institutiones Chirurgiae 1819. 8. Mosquae.—6) Oratio de methodo, ad pleniorem et solidiorem Medicinae cognitionem, feliciorem que exercitationem conducente, habita die 3 Iulii 1826. — Тоже слово переведено по-русски П. Л. Страховымъ.

Ѳ. А. имѣлъ умъ свѣтлый, быстрое соображеніе и образованіе многостороннее. Изучивъ основательно Латинскій языкъ и Римскія древности еще въ нѣжной молодости, онъ и въ зрѣломъ возрастѣ посвящалъ имъ свободное отъ спеціальныхъ медицинскихъ и служебныхъ занятій время, и Профессоры Университета, Маттеи и Тимковскій, находились съ нимъ въ дружескихъ близкихъ отношеніяхъ и были частыми его собесѣдниками. Мы видѣли выше, что онъ съ любовію изучилъ и Естественныя науки и преимущественно Ботанику. Кромѣ этого онъ постоянно слѣдилъ и за Медицинской литературой и находилъ еще время читать замѣчательнѣйшія сочиненія историческія, статистическія и географическія. Онъ говаривалъ, что врачь долженъ быть человѣкомъ съ многостороннимъ образованіемъ, для того, чтобы имѣя дѣло съ больными разныхъ сословій, быть въ состояніи имѣть на нихъ и нравственное вліяніе. Какъ врачь, при основательномъ знаніи Анатоміи и Физіологіи, онъ имѣлъ взглядъ свѣтлый на болѣзнь, мгновенно отличалъ явленія существенныя отъ несущественныхъ, и назначаемое имъ леченіе было вѣрно и просто. Онъ былъ врагомъ многословныхъ преній на консультаціяхъ, потому что предполагая въ каждомъ врачѣ основательное знаніе отправленій человѣческаго тѣла въ здоровомъ и больномъ состояніи, находилъ излишнимъ распространяться о предметахъ,

которые должны были быть легко понятны каждому. — Терапія его была чрезвычайно проста. Будучи убѣжденъ въ цѣлительной силѣ природы, онъ избѣгалъ всѣхъ сильно дѣйствующихъ средствъ и къ кровопусканіямъ общимъ и мѣстнымъ прибѣгалъ очень рѣдко. Изъ огромнаго количества фармацевтическихъ средствъ, онъ употреблялъ весьма немногія, въ томъ убѣжденіи, что испытавъ дѣйствительность одного средства при извѣстныхъ разстройствахъ, нѣтъ необходимости обращаться къ другимъ, которыхъ употребленіе было рекомендовано кой-кѣмъ изъ врачей. Операціи, преимущественно литотомію, онъ производилъ съ легкостію, ловкостію и скоростію, безъ всякой торопливости. Встрѣчавшіяся во время операцій неожиданныя препятствія и измѣненія въ больныхъ органахъ ни на минуту не лишали его хладнокровія. Леченіе его послѣ операцій состояло преимущественно въ назначеніи правильнаго содержанія и діэты. Весьма рѣдко прибѣгалъ онъ въ этихъ случаяхъ къ лѣкарствамъ и послѣ литотомій почти никогда къ извлеченіямъ крови, не принимая всякую боль, появляющуюся на другой день операціи, за воспаленіе.— На лекціяхъ излагалъ предметъ ясно и кратко. Знавши самъ твердо и ясно Анатомію, онъ предполагалъ и въ слушателяхъ своихъ тоже основательное знаніе этой отрасли Медицины и потому никогда не входилъ въ подробное анатомическое описаніе органовъ, на которыхъ производится операція, и довольствовался только краткими описаніями. Послѣ лекціи онъ любилъ бесѣдовать съ слушателями своими, и охотно давалъ требуемыя отъ него объясненія безъ всякаго педантства. Любилъ поговорить съ ними и о предметахъ обыкновенной жизни, и все это на Латинскомъ языкѣ, тономъ дружескимъ, веселымъ, часто шутливымъ. Въ этихъ шутливыхъ разговорахъ почти всегда проскакивали полезныя наставленія.

Ѳ. А. имѣлъ характеръ живой и сердце замѣчательно доброе. Въ семьѣ своей онъ былъ нѣжнымъ и преданнымъ сыномъ, братомъ, мужемъ и отцемъ. Разставшись съ матерью своей и сестрою 16-ти лѣтъ отъ роду, онъ питалъ къ нимъ самую горячую и нѣжную любовь и находился въ постоянной перепискѣ съ ними. Неизвѣстно съ точностію, когда онъ лишился матери. Сестра его скончалась въ 1819-мъ году и изъ

переписки между ними видно, что почти 30-ти лѣтняя разлука ни сколько не ослабила живости ихъ нѣжной, горячей любви.—Женившись въ 1805-мъ году, Ѳ. А. лишился обожаемой имъ супруги въ 1811-мъ и остался съ тремя малолѣтными дѣтьми. Хотя онъ не имѣлъ обыкновенія высказывать своихъ чувствъ, но не могъ скрыть своей скорби и почтилъ память покойной, не вступивъ въ новый бракъ и посвятивъ себя дѣтямъ, о воспитаніи и счастіи которыхъ онъ заботился безпрерывно и которыхъ любилъ горячо.

Кромѣ своего семейства пекся также и о семействѣ своего меньшаго брата, прибывшаго въ Россію нѣсколько лѣтъ послѣ его и скончавшагося въ 1822-мъ году. Дядю своего, у котораго онъ жилъ въ теченіе 15-ти лѣтъ и который заступалъ ему мѣсто отца, онъ любилъ и уважалъ безпредѣльно и питалъ къ нему до самой кончины его на 82 году жизни (въ 1831 г.) чувства нѣжнаго и покорнаго сына. Въ 1836 г. онъ лишился меньшой дочери, бывшей за мужемъ, а въ слѣдующемъ году единственнаго тогда внука, сына любимой дочери, составлявшаго утѣшеніе его послѣ понесенной имъ потери.— Всякій, кто его зналъ, легко пойметъ, сколь тяжелы были его сердцу эти потери, но вмѣстѣ съ добротою сердца Ѳ. А. былъ одаренъ непоколебимою твердостію духа и переносилъ всѣ нравственныя и тѣлесныя страданія съ величайшимъ терпѣніемъ. Такъ въ 1837 году, страдая воспаленіемъ глаза, онъ терпѣлъ въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ сильнѣйшія боли, не жалуясь нисколько и не прибѣгая ни къ какимъ врачебнымъ средствамъ для облегченія ихъ. Это страданіе кончилось потерею глаза и было для него тѣмъ тягостнѣе, что лишило его возможности заниматься чтеніемъ. Предсмертная его болѣзнь продолжалась 11 мѣсяцевъ, и онъ переносилъ ее такъ терпѣливо, что никто не слыхалъ отъ него ни малѣйшей жалобы, а онъ не прибѣгалъ ни къ какимъ пособіямъ. Онъ зналъ приближеніе своего конца задолго и, не смотря на это, былъ въ душѣ спокоенъ, а какъ только его страданія немного облегчались, веселъ и шутливъ по обыкновенію.

Какъ врачь, онъ былъ доступенъ каждому, и ежедневно его пріемная была наполнена людьми, преимущественно бѣднаго класса, которымъ онъ помогалъ своими совѣтами съ ра-

душіемъ, и по этому память его осталась въ нисшихъ классахъ народа.

Въ дружбѣ онъ былъ постояненъ, и только смерть могла прекратить ее. Такъ находясь въ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ съ своими сослуживцами, Профессорами Шлецеромъ и знаменитымъ Фишеромъ, онъ сохранилъ свои чувства къ первому до кончины Шлецера за границею въ 1833 году, а къ Фишеру до своей собственной.

Встрѣчающіяся въ жизни обиды оскорбляли его, но не надолго. Люди, нанесшіе ему оскорбленія и оказавшіе ему неблагодарность, не разъ послѣ того прибѣгали къ его помощи не говоря о врачебной, но къ помощи какъ гражданина, и Ѳ. А. всегда былъ готовъ на нее. На замѣчаніе, что такой-то поступилъ съ нимъ дурно, онъ всегда извинялъ виновнаго недостаткомъ ума и сужденія.

Не смотря на свое иностранное происхожденіе, Ѳ. А. былъ Русскимъ въ душѣ и никогда не оказывалъ предпочтенія ничему иностранному.

Служебныя обязаности исполнялъ ревностно, и только уже 60-ти лѣтъ отъ роду, позволилъ себѣ проживать каждое лѣто нѣсколько дней съ семействомъ въ своей подмосковной. Когда онъ оставилъ службу въ Университетѣ и въ Академіи, то любовь его къ служенію сосредоточилась въ Маріинской больницѣ, и не смотря на слабѣвшія силы свои, онъ продолжалъ посѣщать ее до полученія отставки. Въ Октябрѣ 1844 года, во время посѣщенія имъ больницы, пришло извѣстіе объ увольненіи его отъ службы. Въ этотъ день Ѳ. А. простудился, заболѣлъ и, возвратившись домой, не былъ въ состояніи выѣзжать изъ дому до Мая мѣсяца. Тогда онъ поѣхалъ въ свою подмосковную.

Свѣтскихъ удовольствій онъ не любилъ. Единственнымъ отдохновеніемъ отъ серьёзныхъ занятій была для него музыка Гайдна и Моцарта.—Произведенія этихъ художниковъ онъ слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ, и на кроткомъ лицѣ его выражалось душевное удовольствіе; тогда онъ не терпѣлъ ни малѣйшаго шуму, который бы препятствовалъ сосредоточивать его вниманіе на томъ, что слушалъ.

Кромѣ музыки, садоводство было также любимымъ его занятіе-

емъ. Въ саду своемъ въ Москвѣ онъ сажалъ деревья и цвѣты и лелѣялъ ихъ съ любовію. Май, Іюнь, Іюль и часть Августа 1845 г. онъ провелъ въ деревнѣ; ухаживалъ за своими цвѣтами; часто подолгу стоялъ неподвижно передъ ними; любовался видами природы, чувствуя, что это было послѣднее лѣто, проводимое имъ на землѣ. Въ это время кашель и одышка умножались, силы слабѣли, показался отекъ ногъ. Въ концѣ Августа онъ возвратился въ Москву въ совершенномъ изнеможеніи и 15-го Сентября 1845 года, въ 12-мъ часу, закрылъ глаза на вѣки, на рукахъ сына и дочери, послѣдовшей за нимъ почти черезъ три года.

ГИЛЬТЕБРАНДТЪ, Иванъ Ѳедоровичь, Докторъ Медицины и Адъюнктъ Хирургіи, сынъ предъидущаго, былъ принятъ въ число своекоштныхъ Студ. Моск. Универс. 1818 г. Ноября 4-го; за сочиненіе на заданный предметъ отъ Фак. Физико-Математическихъ наукъ награжденъ серебр. медалью 1821 г. Іюня 5-го; за сочиненіе отъ того же Факультета награжденъ золотою медалью 1823 Іюля 4-го; по законномъ испытаніи и защищеніи диссертаціи, Докторомъ Медицины утвержденъ 1829 г. Марта 13-го; въ должность Помощника Профессора, завѣдывающаго Хирургическимъ Институтомъ, опредѣленъ 1830 г. Августа 2-го; во время бывшей въ Москвѣ эпидемической болѣзни холеры, съ 5-го Окт. 1830 г. завѣдывалъ Больницею, учрежденною при Московскомъ Университетѣ для одержимыхъ сей болѣзнію; получилъ Высочайшее благоволеніе за исправленіе означенной должности 1831 г. Авг. 25-го; съ Высочайшаго соизволенія уволенъ въ отпускъ за границу на годъ для усовершенствованія въ Хирургіи 1832 г. Мая 14-го; возвратился 1833 г. Марта 13-го; при Московскомъ Отдѣленіи Медико-Хирургической Академіи опредѣленъ Адъюнктомъ Хирургической Клиники 1833 г. Сент. 20-го; при Московскомъ Университетѣ утвержденъ Адъюнктомъ 1833 г. Ноября 12-го; за отсутствіемъ Ординарнаго Профессора Медико-Хирургической Академіи Поля, уволеннаго по Высочайшему повелѣнію за границу, исправлялъ должность Ординарнаго Профессора Хирургической Клиники и руководствовалъ студентовъ 4-го класса въ леченіи

наружныхъ болѣзней и производилъ многія важныя операціи съ успѣхомъ съ 24-го Мая по 1-е Сентября; по службѣ въ Москов. Медико-Хирургической Академіи утвержденъ Экстра-Ординарнымъ Профессоромъ 1838 г. Сент. 5-го.

Въ Московскомъ Университетѣ, съ 183$\frac{4}{5}$ Академическаго года, Адъюнктъ Гильдебрандтъ преподавалъ *Науку о кровавыхъ хирургическихъ операціяхъ* и упражнялъ слушателей въ производствѣ операцій надъ трупами. Съ 1836 года, при введеніи новаго устава, былъ назначенъ Адъюнктомъ при Профессорѣ Ѳ. И. Иноземцевѣ по оперативной Хирургіи, Хирургической Анатоміи и практическимъ упражненіямъ въ Хирургической Клиникѣ. Въ 183$\frac{8}{9}$ г., сверхъ занятій съ Профессоромъ Иноземцевымъ въ распознаваніи и лѣченіи болѣзней въ Хирургической Клиникѣ, читалъ отдѣльно общую Акіургію и ученіе объ операціяхъ малой Хирургіи, объ операціяхъ аневризмъ и объ отсѣченіи членовъ. Въ 18$\frac{39}{40}$ году, во время пребыванія Профессора Иноземцева за границею, исправлялъ его должность, съ содѣйствіемъ при занятіяхъ въ Клиникѣ Медико-Хирурга Басова. Съ 184$\frac{0}{1}$ возвратился къ преподаванію общей Акіургіи и продолжалъ раздѣлять занятія съ Профессоромъ Иноземцевымъ до увольненія своего по прошенію въ 1845 году.

ГЛѢБОВЪ, Иванъ Тимоѳеевичь, Ордин. Профессоръ Физіологіи и Сравнительной Анатоміи, Докторъ Медицины, Акушеръ, Статскій Совѣтникъ, родился 1806 г. Іюня 24-го дня, Рязанской губерніи Зарайскаго уѣзда, въ древнемъ селѣ Глѣбовѣ-городищѣ отъ родителей духовнаго званія. Первыя сѣмена нравственнаго воспитанія и ученія получилъ онъ въ благочестивомъ домѣ родителей своихъ; а дальнѣйшее образованіе его совершилось сперва въ Духовныхъ Училищахъ.

Въ Семинаріи предназначали его въ Духовную Академію, по очереди С.-Петербургскую; но, по случаю требованія Г. Министромъ Внутреннихъ дѣлъ воспитанниковъ Семинаріи въ Московскую Медико-Хирургическую Академію, уволенъ 1-го Сентября 1826 г. изъ Духовнаго вѣдомства и поступилъ въ Академію. Въ числѣ академическихъ наставниковъ его были знаменитые Готтелфъ Фишеръ фонъ Валдгеймъ, І. Е. Дядь-

ковскій, Г. Я. Высотскій. При изученіи Медицины болѣе всего онъ обязанъ І. Е. Дядьковскому, Г. Я. Высотскому, И. В. Клементовскому, Г. И. Кораблеву и А. Л. Ловецкому, которыхъ частными бесѣдами и наставленіями постоянно пользовался въ продолженіи всего академическаго курса, особенно же руководствомъ І. Е. Дядьковскаго.

Въ продолженіе 4-хъ-лѣтняго академическаго курса, съ 1-го Сентября 1826 г. по 14-е Сентября 1830 г. 1) за особенную любовь къ практическимъ анатомическимъ занятіямъ былъ назначенъ на 2-мъ курсѣ хранителемъ Анатомическаго Кабинета; 2) за дѣланные имъ анатомическіе препараты для Кабинета неоднократно получалъ денежныя награжденія; 3) за особенное искусство приготовлять анатомическіе препараты былъ сдѣланъ Помощникомъ Прозектора, бывши еще Студентомъ; 4) на 3 курсѣ, какъ болѣе всѣхъ другихъ товарищей занимавшійся Анатоміею практически, былъ опредѣленъ Ординаторомъ Хирургической Клиники при Профессорѣ Ѳ. А. Гильдебрандтѣ; и дѣлалъ при немъ многія Хирургическія операціи на больныхъ; 5) за переводъ съ Французскаго на Русскій языкъ Физіологіи Мажанди былъ удостоенъ денежной награды; 6) въ теченіи одного года исправлялъ должность библіотекарскаго Помощника при библіотекѣ Академіи и участвовалъ въ изданіи каталога книгъ ея, за что Высочайше награжденъ 200 руб.

По окончаніи курса Медицины, за отличные успѣхи и поведеніе былъ награжденъ золотою медалью, и Конференція Академіи опредѣлила оставить его при Академіи для занятія мѣста Преподавателя.

Но по крайней надобности во врачахъ, по случаю появленія холеры въ предѣлахъ Россіи, Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, утвердивъ его 18-го Августа 1830 г. Лѣкаремъ 1-го Отдѣленія, 14-го Сентября тогоже 1830 г. назначилъ въ городъ Симбирскъ на вакансію уѣзднаго Врача, предоставивъ Конференціи Академіи право возвратить его Академіи, какъ скоро минетъ крайняя потребность во врачахъ.—Между тѣмъ холера открылась уже въ Москвѣ; почему онъ и былъ оставленъ, до отправленія въ Симбирскъ, для пользованія одержимыхъ холерою въ одной изъ временныхъ больницъ Москвы,

во все время существованія въ ней эпидеміи, именно до послѣднихъ чиселъ Февраля 1831 года. — Трудясь надъ лѣченіемъ холерныхъ, онъ не проводилъ праздно и минутъ отдохновенія, но посвящалъ ихъ спеціальному изученію Акушерства; и какъ скоро временная холерная больница прекратила свои дѣйствія, по прекращеніи въ Москвѣ холеры, онъ явился въ Конференцію Академіи на экзаменъ, для полученія званія Акушера, котораго и удостоенъ 23 Февраля 1831 г.—За содѣйствіе въ прекращеніи свирѣпствовавшей въ Москвѣ эпидемической болѣзни холеры, Высочайше награжденъ 300 руб. 1831 г. Мая 28-го дня.

За тѣмъ, согласно назначенію своему, Глѣбовъ отправился въ Симбирскъ и нашелъ его еще пощаженнымъ эпидеміею. Но съ началомъ весны холера открылась, сперва на судахъ, приставшихъ къ берегу Волги, а потомъ въ городѣ и въ уѣздахъ. Глѣбовъ цѣлую весну, лѣто и осень провелъ въ борьбѣ съ этою болѣзнію, сначала въ Симбирскѣ, а потомъ въ Сенгилеѣ, Буинскѣ, Корсуни и Ставрополѣ. Дѣйствуя исключительно въ деревняхъ, гдѣ, при обширности эпидеміи, не возможно имѣть не только медицинскихъ средствъ для лѣченія, но и людей для поданія помощи средствами подручными, онъ прибѣгалъ къ средствамъ народнымъ, и особенно дѣйствительными оказались Русскія бани, расположенныя при рѣкахъ, ручьяхъ, прудахъ и п., гдѣ въ берегъ вмазывался котелъ, безпрестанно кипятилась вода и наливалась на сѣно въ ушаты. Заболѣвавшіе дома, въ полѣ, на лугу, въ лѣсу, и пр. немедленно спѣшили прямо въ баню, гдѣ парились и обкладывались горячимъ сѣномъ, кто могъ самъ; кто же не могъ, тѣхъ парили и обкладывали сѣномъ другіе, и больные оставались въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока не согрѣвались и не пропотѣвали. При этомъ давалось больнымъ нѣсколько разъ по чайной ложечкѣ сперва салепу, а потомъ, при недостаткѣ салепа, и крахмалу. Успѣхъ столь простаго лѣченія возбудилъ въ народѣ безграничное довѣріе ко врачу и заслужилъ ему благодарность Начальства губерніи.

Іюня 4-го дня 1831 г. отъ Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ изъявлена Глѣбову признательность за отличную способность и искусство въ производствѣ хирургическихъ опе-

рацій.—Въ слѣдствіе представленія Академіи, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ 22-го Декабря 1831 г. уволилъ его отъ должности Врача въ Симбирскѣ для опредѣленія на службу въ Моск. Отдѣл. Медико-Хирургич. Академіи, гдѣ и былъ утвержденъ въ должности Ад. Анатоміи и Физіологіи и Помощникомъ Библіотекаря 1832 г. Февраля 25-го дня, а потомъ 1833 года Мая 27-го, перемѣщенъ И. д. Адъюнкта къ Проф. Дядьковскому на каѳедру Общей и Частной Терапіи и Клиники.—1834 г. Декабря 10-го дня, по выдержаніи экзамена, утвержденъ Докторомъ Медицины. — 1835 г. Марта 23-го утвержденъ Адъюнктъ-Профессоромъ Общей и Частной Терапіи и Клиники.—1836 г. Августа 27-го, перемѣщенъ снова на каѳедру Зоотоміи, Зоофизіологіи, Зоопатологіи, Скотоводства и Зоохирургіи. — Въ Іюлѣ 1837 г., съ Высочайшаго соизволенія, отправленъ Академіею на два года въ Германію для бо́льшаго усовершенствованія во врачебныхъ наукахъ и спеціально въ Теоріи и Клиникѣ внутреннихъ болѣзней, а потомъ оставленъ былъ еще на третій годъ для пребыванія съ тою же цѣлію во Франціи и Англіи.

По прибытіи въ Германію, первое полугодіе онъ провелъ въ Галле, слушая лекціи Терапіи у знаменитаго Крукенберга и посѣщая его Терапевтическую Клинику и Поликлинику, равно какъ и Хирургическую у Блазіуса. При первыхъ посѣщеніяхъ Клиникъ онъ увидѣлъ, что опредѣленіе свойства болѣзни, распознаваніе и лѣченіе ея основывались не на динамическихъ понятіяхъ ученія Бровна, не на одностороннихъ, хотя и анатомико-физіологическихъ понятіяхъ ученія Бруссе и не на грубой эмпиріи, преимущественно тогда господствовавшихъ, но на понятіяхъ опытно-физіологическихъ, на прямыхъ изслѣдованіяхъ измѣненія тканей тѣла человѣческаго, его крови и отдѣленій, происходящаго отъ болѣзни, — изслѣдованіяхъ, производимыхъ простымъ глазомъ и при помощи микроскопа, скальпелемъ и при посредствѣ химическихъ реагентовъ, коротко: на ученіи опытной Физіологіи и Патологической Анатоміи.—Еще новѣе было для него распознаваніе болѣзней посредствомъ аускультаціи и перкуссіи, о которыхъ онъ не слыхалъ прежде.

Тогда съ жадностію онъ обратился къ изученію извѣстнаго Кабинета Патологической Анатоміи Меккеля, находящагося въ Галле, знаменитѣйшаго и доселѣ въ цѣлой Пруссіи, пріобрѣ-

теннаго казною за 80 тысячь талеровъ для Университета. Тутъ же нашелъ онъ и Кабинетъ Сравнительной Анатоміи, науки, которая еще вовсе была неизвѣстна въ Академическомъ ученіи, имъ пройденномъ. Съ особеннымъ любопытствомъ началъ онъ изучать его при руководствѣ Г. Мюнтера (Münter), бывшаго 14 лѣтъ Прозекторомъ у Меккеля, и при указаніяхъ Профессора Анатоміи Дальтона, и тѣмъ болѣе занялся этимъ кабинетомъ, что Патологическій Кабинетъ Меккеля содержитъ преимущественно уродцевъ или пороки первоначальнаго образованія, а не патологическія измѣненія тѣла, происходящія въ немъ уже по рожденіи, отъ болѣзней, спеціальному изученію которыхъ онъ предназначилъ посвятить себя во время своего путешествія*. Въ тоже время онъ выслушалъ полный курсъ privatissime въ первый разъ объ аускультаціи и перкуссіи у начальника Терапевтической Клиники Г. Мейера и дѣлалъ первые опыты употребленія стетоскопа и плессиметра, подъ руководствомъ его, при распознаваніи болѣзней на самыхъ больныхъ.

Составивъ себѣ планъ пройти всѣ медицинскія науки въ Германскихъ Университетахъ, у лучшихъ Профессоровъ, изъ Галле Глѣбовъ вознамѣрился ѣхать въ Берлинъ. На пути заѣхавъ въ Лейпцигъ, онъ познакомился съ Профессоромъ Клиники Кларусомъ и знаменитымъ Профессоромъ Анатоміи Веберомъ, у котораго видѣлъ, кромѣ многаго другаго, препаратъ венъ цѣлаго человѣческаго тѣла, налитыхъ изъ артерій, и движеніе рѣсничекъ (cilia vibratoria). на клѣточкахъ epithelii, которыя онъ взялъ у себя перомъ съ membrana Schneideriana. Движеніе это на стеклѣ продолжалось передъ нимъ подъ микроскопомъ полчаса. Явленіе это, замѣчательное само по себѣ и необъясненное вполнѣ доселѣ, для него было тѣмъ поразительнѣе, что онъ увидѣлъ его тогда въ первый разъ въ жизни.

По прибытіи въ Берлинъ, онъ немедленно приступилъ къ

---

* Въ знакъ памяти и дружбы онъ получилъ отъ Г. Мюнтера въ подарокъ скальпель почти весь источенный и ланцетъ стертый, которыми работалъ самъ Меккель, хранящіеся у него и теперь, равно и списокъ всѣхъ препаратовъ, находящихся въ патологическомъ и сравнительно-анатомическомъ Кабинетѣ Меккеля.

осуществленію своей мысли, и въ лѣтнее полугодіе, посѣщая постоянно Клиники, какъ главный предметъ своихъ занятій, а именно: Клинику внутреннихъ болѣзней Вольфа, дѣтскихъ болѣзней Барреца, глазныхъ болѣзней Юнкена, женскихъ болѣзней Клуге, отдѣленіе душевныхъ болѣзней у Гильсенберга, отдѣленіе сифилитическихъ болѣзней, лѣчимыхъ безъ меркурія, по методѣ Фрике, отдѣленіе накожныхъ болѣзней у Лемана, Хирургическую Клинику Руста, котораго метода клиническаго ученія, по его мнѣнію, есть лучшая изъ всѣхъ видѣнныхъ имъ въ Германіи, Франціи и Англіи, особенно отдѣленіе язвъ,—Акушерскую Клинику Буша, Поликлинику и курсъ лекцій о нервныхъ болѣзняхъ Ромберга,—онъ въ тоже время выслушалъ публичный курсъ Физіологіи и частный курсъ Патологической и Сравнительной Анатоміи І. Миллера, который тогда въ первый разъ излагалъ и показывалъ на препаратахъ свои микроскопическія изслѣдованія строенія опухолей, вскорѣ потомъ изданныя въ свѣтъ и извѣстныя теперь всѣмъ. Между прочимъ бывалъ на блестящихъ лекціяхъ Химіи Митчерлиха, изучалъ Анатомическій Кабинетъ І. Миллера и посѣщалъ въ свободное время Зоологическій, особенно Орнитологическій Кабинетъ Университетскій. Познакомился съ Майеномъ, Профессоромъ Ботаники, у котораго на дому подъ его руководствомъ въ первый разъ увидѣлъ сокообращеніе въ растеніи, и именно въ Chara; здѣсь же въ первый разъ познакомился съ методою изслѣдованія строенія растеній, а вмѣстѣ и съ пріемами и способомъ употребленія микроскопа, инструмента совершенно для него тогда новаго.

Такъ какъ, по окончаніи лѣтняго академическаго полугодія, клиническое и теоретическое ученіе во всей Германіи прекращается до 1-го Ноября, то Глѣбовъ рѣшился употребить это время для изученія предметовъ другаго рода, именно онъ отправился съ Г. Зининымъ* на югъ Европы, чтобъ пробраться до Средиземняго моря и, между прочимъ, видѣть

* Теперь Ординарнымъ Профессоромъ Химіи въ Императорской С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи, изъ любознательности занимавшимся Естественною Исторіею въ обширномъ объемѣ.

Альпы съ ихъ флорою и фауною. Особенно онъ увлеченъ былъ любопытствомъ, возбужденнымъ въ немъ лекціями сравнительной Анатоміи Миллера и Кабинетомъ Мекеля,—любопытствомъ ознакомиться практически самому съ Анатоміею морскихъ живыхъ животныхъ, для чего лучшимъ мѣстомъ служило и служитъ всѣмъ Естествоиспытателямъ Европы Средиземное море.

Это было въ началѣ Сентября 1838 г. По пути въ Дрезденѣ онъ познакомился съ знаменитымъ Карусомъ. Прошелъ пѣшкомъ Богемію. Въ Прагѣ обозрѣлъ гошпитали. Въ Мюнхенѣ познакомился съ Вальтеромъ. Черезъ Тироль спустился въ Италію. Въ Веронѣ, около крѣпости на горѣ нашелъ огромныхъ ящерицъ (lacerta); нѣкоторыхъ удалось поймать, хотя ловить ихъ очень трудно, по причинѣ ихъ чуткости и быстраго бѣга. Въ Венеціи, въ первый разъ успѣлъ видѣть морскихъ живыхъ животныхъ и заглянуть въ тайны ихъ внутренней организаціи, указанныя Миллеромъ въ Берлинѣ и Мекелемъ въ Галле.

Мостъ черезъ большой каналъ былъ для него важнѣе всего въ этомъ городѣ, потому что на мосту и подлѣ него на набережной есть рынокъ съ животными моря, для которыхъ онъ ѣхалъ изъ Берлина въ Венецію. Здѣсь, изучая въ первый разъ живыхъ морскихъ животныхъ въ натурѣ, вмѣстѣ съ Г. Зининымъ, нераздѣльнымъ своимъ спутникомъ, онъ пріобрѣлъ для себя первыя практическія знанія въ Сравнительной Анатоміи. При изслѣдованіи строенія животныхъ, особенно мелкихъ и нисшихъ, онъ явственно ощущалъ недостатокъ въ пособіи микроскопа. Изъ Венеціи черезъ Больцано онъ поѣхалъ въ Швейцарію, и черезъ Стразбургъ, Гейдельбергъ, Франкфуртъ на Майнѣ, Веймаръ, опять въ Берлинъ, къ началу курсовъ зимняго полугодія.

Съ 1-го Ноября начались они. Глѣбовъ слѣдилъ преимущественно тѣ курсы, которыхъ въ два предшествовавшія полугодія не успѣлъ выслушать, именно: Анатомію нервной системы у І. Миллера, Анатомію другихъ системъ тѣла человѣческаго у Генле, Шлемма, и, важнѣе всего, взялъ курсъ privatissime, вдвоемъ съ Г. Зининымъ, у Швана, сдѣлавшаго открытіе, измѣнившее въ основаніи физіологическое ученіе объ

органической жизни, состоящее въ томъ, что первоначальная форма живаго органическаго вещества есть клѣточка, cellula. У Швана онъ изучилъ въ первый разъ основательно и обстоятельно способъ употребленія микроскопа и способъ приготовленія животныхъ тканей для микроскопическаго изслѣдованія и самыя элементарныя ткани, какъ тѣла человѣческаго, такъ и животнаго вообще, или Гистологію. Къ этому времени былъ уже готовъ для него большой сложный микроскопъ Шика, нарочно имъ заказанный у этого оптика, тотчасъ по пріѣздѣ его изъ Галле въ Берлинъ, которымъ онъ пользуется доселѣ и который онъ предпочитаетъ микроскопамъ Шевалье, Фраунгофера, Обергёйзера и другихъ, исключая микроскопы Плёсселя, по причинѣ величины поля, разстоянія объективнаго стекла отъ предметнаго стола и замѣчательной ясности при большомъ увеличеніи. Такимъ то микроскопомъ (стоющимъ 250 талеровъ) онъ пользовался подъ руководствомъ знаменитаго Швана. Въ тоже время онъ слушалъ курсъ микроскопическихъ изслѣдованій у Эренберга, который читаетъ лекціи только тогда, когда явятся охотники. У него, у Миллера и у Швана, Глѣбовъ бывалъ и на дому, гдѣ они, особенно первый и послѣдній, всегда съ радушіемъ показывали и говорили все, что хотѣлось отъ нихъ узнать.

Кромѣ того постоянно посѣщалъ въ Charité Клиники: Хирургическую Диффенбаха, заступившаго мѣсто Руста, но какъ учителя далеко ниже Руста, не смотря на всю его славу; опять дѣтскую Клинику Барреца и общую Вольфа, вновь Хирургическую Грефе; сифилитическое женское отдѣленіе; отчасти опять Акушерскую Клинику Буша.

По окончаніи семестра, немедленно отправился онъ чрезъ Вѣну въ Цюрихъ, гдѣ тогда находился Шёнлейнъ. Въ Вѣнѣ познакомился съ Берресомъ, Профессоромъ Анатоміи, и изучалъ у него на дому его знаменитыя микроскопическія инъекціи; съ Чермакомъ, Профессоромъ Физіологіи; съ Рокитанскимъ, Профессоромъ Патологической Анатоміи, и съ Колечко, его помощникомъ: у перваго слушалъ лекціи, а послѣдній, во все время его пребыванія въ Вѣнѣ, руководилъ его при обозрѣніи препаратовъ Кабинета Рокитанскаго и, кромѣ того, показывалъ болѣзненныя измѣненія на трупахъ, вскрываемыхъ имъ каждый

день два раза; съ Егеромъ, Профессоромъ Глазной Клиники; Гильдебрандтомъ, Профессоромъ Терапевтической Клиники, и Клейномъ, Профессоромъ Акушерской Клиники, въ которой онъ проводилъ наибольшую часть времени пребыванія своего въ Вѣнѣ. Готовность добрѣйшаго Клейна передать желающему всѣ свои знанія онъ всегда будетъ помнить съ признательностію.

Изъ Вѣны черезъ Зальцбургъ, гдѣ осмотрѣлъ знаменитыя соловарни, пробывши цѣлые два часа подъ землею, переѣхалъ въ Цюрихъ, гдѣ пробылъ весь лѣтній семестръ собственно для Шёнлейна; посѣщалъ цѣлое лѣто его Клинику и лекціи, и бывалъ у него на дому. Здѣсь же познакомился съ Океномъ, и нерѣдко пользовался его бесѣдами. Учебныя занятія завершилъ путешествіемъ по Швейцаріи. Изъ Женевы переѣхавъ въ Ліонъ, побывалъ въ гошпиталѣ и познакомился съ Жансулемъ. Въ Марселѣ снова предался изученію морскихъ животныхъ, преимущественно полиповъ Актиній. Въ Ниццѣ жилъ почти два мѣсяца. Здѣсь-то онъ составилъ ту замѣчательную коллекцію, которая положила начало Кабинету Сравнит. Анатоміи при Импер. Моск. Унив. въ 1844 году и содержитъ около 500 экземпляровъ разныхъ животныхъ изъ класса рыбъ (хрящевыхъ и костяныхъ), суставчатыхъ особенно раковъ, кольчецовъ, слизняковъ, животнорастеній. Коллекцію эту онъ составилъ на свои деньги и изъ Марсели, куда ее потомъ перевезъ, послалъ въ Россію на собственный счетъ. Для лучшаго же сохраненія, онъ зашилъ каждое животное отдѣльно въ холстину, къ каждому привязалъ жестяной №, соотвѣтствующій нумеру въ каталогѣ, въ которомъ они, опредѣленныя имъ еще живыя на мѣстѣ собиранія ихъ, размѣщены по классамъ и порядкамъ, и получили систематическія родовыя и видовыя названія. Всѣхъ ихъ уложилъ въ желѣзные ящики, которые наполнилъ спиртомъ, герметически закупорилъ, залилъ свинцомъ, и вставивъ, для большей безопасности, еще въ деревянные ящики, осенью, въ концѣ Октября 1849 г. отпустилъ съ чужимъ кораблемъ въ море, адресовавъ въ Медико-Хирургическую Академію въ Москвѣ. 1850 г. прибыла коллекція въ Москву. Отъ такой заботливой укладки и укупорки зависѣла та удивительная цѣлость и сохранность животныхъ, на которыя онъ съ удовольствіемъ можетъ указывать и досел. При собираніи живот-

ныхъ, онъ пользовался совѣтами Риссо, извѣстнаго натуралиста, съ которымъ многократно отправлялся въ море на рыбныя ловли, чтобъ покупать животныхъ только что вынутыхъ изъ воды. Въ эти-то экскурсіи онъ собственными руками ловилъ медузъ, находящихся теперь въ Кабинетѣ Сравнительной Анатоміи Московскаго Университета и освѣщавшихъ тогда фосфорнымъ свѣтомъ своимъ комнату у него на квартирѣ во время ночи такъ ясно, что человѣка въ разстояніи сажени и болѣе можно было различить. Тогда же онъ покупалъ электрическихъ рыбъ, — скатовъ, у которыхъ электричество такъ сильно, что невозможно было не выронить ихъ изъ рукъ отъ удара по локтямъ при поднятіи ихъ, не смотря на все усиліе удержать ихъ. Боль отъ ударовъ точно такая же, какъ отъ ударовъ электрической машины. Самихъ животныхъ и ихъ электрическій органъ, отпрепарованный имъ на мѣстѣ ловли, можно видѣть всегда въ Кабинетѣ Сравнительной Анатоміи Московскаго Университета.

Въ Ниццѣ, между прочимъ, онъ познакомился съ Валентиномъ, извѣстнымъ Физіологомъ, и Рудольфомъ Вагнеромъ, знаменитымъ знатокомъ Сравнит. Анатоміи, которые съ цѣлыми свитами докторовъ почти каждое лѣто пріѣзжаютъ на Средиземное море для собиранія животныхъ и для изслѣдованія ихъ на мѣстѣ. Совѣтами обоихъ, какъ уже опытныхъ, пользовался онъ какъ при собираніи животныхъ, такъ и при анатомированіи ихъ. Нѣсколько разъ дѣлилъ общія экскурсіи то въ горы, то въ море, вмѣстѣ съ Г. Р. Вагнеромъ, Валентиномъ и нѣкоторыми изъ свиты ихъ докторами, Гг. Риссо и Одуэномъ, бывшимъ также въ Ниццѣ тогда, но не надолго. Это было самое пріятное и чрезвычайно полезное время его путешествія.

Изъ Ниццы отправился въ Генную, гдѣ осмотрѣлъ гошпиталь и коралловыя ловли.

Въ Римѣ, при руководствѣ Русскихъ художниковъ, изучалъ классическій городъ съ его памятниками и художественными сокровищами. Въ Неаполѣ посѣтилъ сперва гошпитали, Университетъ, Естественный Музей и познакомился съ знаменитымъ натуралистомъ Делла Кіаjе. Здѣсь, при морѣ, снова изучалъ морскихъ животныхъ, и встрѣтилъ новыхъ, которыхъ привезъ въ Россію въ спиртѣ. Осмотрѣлъ Бурбонскій Музей,

Помпею, Геркулануиъ. Былъ на Везувіѣ и ночью спускался въ кратеръ его. Изъ Неаполя, моремъ черезъ Геную, въ Миланъ и потомъ въ 3-й разъ, въ Швейцарію, и оттуда въ Парижъ. Здѣсь Глѣбовъ особенно изучалъ спеціальныя Клиники разныхъ болѣзней, и именно посѣщалъ постоянно Клиники внутреннихъ болѣзней вообще: Шомеля и Ростана въ Hôtel Dieu, Фукье въ Charité, Жандрена и Піорри въ Pitié; спеціальныя Клиники. болѣзней сердца Бульо въ Charité, сифилитическихъ болѣзней Рикора въ Hôtel du Nord, накожныхъ сыпей Казенава въ Saint-Louis, Поликлинику накожныхъ же сыпей Жобера тамъ же, Клинику дѣтскихъ болѣзней Барона въ Hôpital des enfants trouvés, женскихъ болѣзней беременныхъ, роженицъ и родильницъ Dubois Paul въ образцовой Клиникѣ при Медицинской школѣ, Хирургическую Клинику Вельпо и Жерди въ Charité, Ру и Бландена въ Hôtel Dieu, Лисфранка въ Pitié, каменной болѣзни и лѣченія ея камнераздробленіемъ Сивіяля и искривленія членовъ Герена въ Hôtel de Necker, отдѣленіе женскихъ болѣзней Лисфранка въ Pitié, Акушерскую Клинику Dubois Paul въ образцовой Клиникѣ Медиц. школы, гдѣ видѣлъ операцію кесарскаго сѣченія, произведенную Г. Dubois Paul. Послѣ каждой клинической визитаціи присутствовалъ всякой день при клинич. лекціи кого либо изъ названныхъ учителей. Кромѣ того бралъ privatissime діагностики болѣзней сердца на больныхъ при помощи аускультаціи и перкуссіи въ Клиникѣ Бульо у Раціборскаго; privatissime діагностики беременности въ разныхъ мѣсяцахъ, діагностики нераждавшихъ и раждавшихъ и притомъ одинъ или нѣсколько разъ, женщинъ, и пр. при помощи внутренняго акушерскаго изслѣдованія и стетоскопа, въ Клиникѣ Дюбуа Поля у Шальи; privatissime полнаго курса Акушерства на фантомѣ у Казо, на дому у него; privatiss. накожныхъ сыпей по рисункамъ на дому и въ натурѣ въ Saint-Louis у Матушинскаго, и потомъ также въ Saint-Louis privatissime о накожныхъ же сыпяхъ у Казенава; у Жобера поликлинику накожныхъ сыпей; privatissime производства всѣхъ большихъ операцій на трупахъ у Робера въ Ecole de Médecine pratique; privatissime накладыванія хирургическихъ повязокъ и въ особенности повязокъ Маіора, у Тиве; у него же о вывихахъ, переломахъ

и дерганіи зубовъ; privatiss. глазныхъ болѣзней въ Поликлиникѣ у Sichel. Сверхъ всѣхъ этихъ практич. каждодневныхъ занятій отъ 6-ти до 10-ти часовъ утра, онъ ежедневно, съ 11-ти часовъ утра до 5-ти вечера, слушалъ курсы: Химіи въ приложеніи къ Медицинѣ у Орфилы въ Медицинской школѣ, въ приложеніи къ Технологіи у Дюма въ Сорбонѣ, изрѣдка у Шеврёля на Гобеленевской фабрикѣ; Зоологіи у Сент-Илеровъ въ Зоологическомъ музеѣ; Сравнительной Анатоміи у Блэнвиля, Сравнительной Физіологіи у Флуранса въ Сравнительно-анатомическомъ кабинетѣ Кювье въ Ботаническомъ саду; Анатоміи тѣла человѣческаго у Бреше; Физіологіи здороваго человѣка у старшаго Берара въ Медицинской школѣ, у Мажанди въ Collége de France; Анатоміи и Физіологіи нервной системы два курса privatissime у Лонже въ Практической Медицинской школѣ; общей Патологіи у Андраля; Патологической Анатоміи у Крювелье въ Медицинской школѣ; Хирургіи у младшаго Берара въ Ecole de Médecine pratique. Неоднократно осматривалъ Музеи: Зоологическій, Сравнительно-анатомическій Кювье въ Jardin des plantes, анатомическій искусственный въ Медицинской школѣ, анатомико-патологическій Дюпюитрена и пр. и пр.

Изъ Парижа отправился въ Лондонъ и посѣтилъ тамъ госпитали и Патологическо-Анатомич. кабинеты при каждомъ изъ нихъ, Естественный національный, и неоднократно знаменитѣйшій сравнительно-анатомическій и патологическій кабинетъ Гунтера. Въ 1840 году 1-го Іюля былъ уже въ Москвѣ. Конференція Академіи поручила Ад. Глѣбову преподаваніе Физіологіи и общей Патологіи. Президентъ назначилъ ему для пробныхъ лекцій тему: о желудкѣ въ физіологическомъ отношеніи по русски, а въ патологическомъ отношеніи по латынѣ. Эти лекціи онъ прочиталъ предъ Конференціею. Въ продолженіе года потомъ преподавалъ Физіологію и Общую Патологію въ званіи Профессора. Въ концѣ же академическаго года, послѣ экзамена изъ Физіологіи и общей Патологіи, 24-го Іюня произведеннаго въ бытность Г. Министра въ Москвѣ, Адъюнктъ Глѣбовъ былъ Академіею избранъ въ Ординарные Профессоры и утвержденъ въ этомъ званіи 9-го Октября 1841 года.

На третій день послѣ экзамена, 26-го Іюня, Г. Министръ Графъ Уваровъ осмотрѣлъ коллекцію Глѣбова, заключавшую

въ себѣ около 500 экземпляровъ животныхъ собранныхъ и купленныхъ имъ во время путешествія, преимущественно на Средиземномъ морѣ, отчасти на Адріатическомъ, даже на Нѣмецкомъ, пересланныхъ имъ самимъ въ Россію на свой счетъ, превосходно сохраненныхъ, оцѣненныхъ покойнымъ Вице-Президентомъ Общества Испытателей Природы въ Москвѣ Фишеромъ фонъ-Валдгеймъ въ 3,000 руб. серебромъ. Г. Министръ самъ призналъ отзывъ Г. Фишера фонъ-Валдгеймъ совершенно справедливымъ и изъявилъ полное согласіе вознаградить Ад. Глѣбова 3,000 руб. сер., прибавивъ много лестныхъ выраженій въ похвалу собирателю.

Въ слѣдствіе всего этого, Президентъ Академіи А. А. Рихтеръ, отъ имени Конференціи, сдѣлалъ слѣдующее представленіе Г. Министру о вознагражденіи Адъюнкта Глѣбова: «При личномъ посѣщеніи Академіи, Ваше Высокопревосходи-«тельство изволили удостоить вниманіемъ своимъ *Кабинетъ* »*Животныхъ Средиземнаго моря*, собранный Адъюнктъ - Про-»фессоромъ Глѣбовымъ, въ бытность его за границею.»

«Эта коллекція, достойная вниманія сколько по рѣдкости «предметовъ, вошедшихъ въ составъ ея, столько же и по пре-«восходному сохраненію ихъ, принесена Глѣбовымъ въ даръ «Академіи, одобрена во всѣхъ отношеніяхъ извѣстнымъ Есте-«ствоиспытателемъ, бывшимъ Президентомъ, а нынѣ Почетнымъ «Членомъ Академіи Д. Ст. Сов. Фишеромъ фонъ-Валдгеймъ и «принята Конференціею съ полнымъ сознаніемъ пользы и важ-«ности оной, какъ дополненія академическаго Музеума, въ «которомъ подобнаго рода животныхъ не находится.»

«Поставляя себѣ долгомъ свидѣтельствовать предъ Вашимъ «Высокопревосходительствомъ объ усердіи Г. Глѣбова, равно «о трудахъ, подъятыхъ имъ для составленія коллекціи, Кон-«ференція беретъ смѣлость вмѣстѣ съ тѣмъ почтительнѣйше «испрашивать соизволенія Вашего на назначеніе Глѣбову въ «вознагражденіе издержекъ, употребленныхъ имъ на собраніе «и доставленіе столь значительной коллекціи изъ экономи-«ческой суммы Академіи 1428 р. 57½ к., *суммы — далеко «недостающей дѣйствительной цѣнности пожертвованнаго со-«бранія*». Каковое представленіе и было утверждено Г. Министромъ 5-го Августа 1841 года.

По случаю закрытія Медико-Хирургической Академіи въ Москвѣ, согласно предписанію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Глѣбовъ перемѣщенъ въ Московскій Университетъ Профессоромъ же на каѳедру Сравнительной Анатоміи и Физіологіи въ Физико-Математическій, и Зоологіи въ Медицинскій Факультеты, 1842 г. 19-го Октября. Такимъ образомъ Профессоръ Глѣбовъ имѣлъ честь, первый, открыть каѳедру Сравнительной Анатоміи и Физіологіи при Московскомъ Университетѣ, до того времени при немъ не существовавшую, первою его лекціею при Университетѣ 12-го Ноября 1842 г. Въ 1843 г. опредѣлились положительно средства каѳедры и началось, какъ правильное преподаваніе науки, такъ и соотвѣтственная цѣли обстановка каѳедры, и обзаведеніе нужнѣйшихъ на первый разъ предметовъ и вещей. Кабинета же Сравнительной Анатоміи еще не существовало при Московскомъ Университетѣ. Но и ему положено было Профессоромъ же Глѣбовымъ первое начало при Московскомъ Университетѣ въ 1844 г., и краеугольнымъ камнемъ въ основаніе этого кабинета легла вышеупомянутая его коллекція животныхъ и препаратовъ.

Въ томъ же 1844 году 16-го Марта онъ избранъ членомъ Московскаго Общества Испытателей Природы. Въ 1845 г. препараты Кабинета Сравнительной Анатоміи и Физіологіи умножались. Того же года Іюня 21-го опредѣленъ на службу ординаторомъ при Московскомъ Военномъ Гошпиталѣ, и 27-го Августа избранъ членомъ Королевскаго Общества Сѣверныхъ Антикваріевъ въ Даніи; 18-го Декабря произведенъ въ Коллежскіе Совѣтники. Въ 1846 году отведено было въ Университетѣ мѣсто для Кабинета Сравнительной Анатоміи и Физіологіи и именно лѣвая половина Анатомическаго театра. Пріобрѣтались животныя и число препаратовъ Кабинета росло. Въ 1847 г. устроены были шкафы Кабинета, и Пр. Глѣбовъ началъ размѣщать препараты въ систематическомъ порядкѣ. Іюня 9-го того же 1847 года за отлично усердную службу при Московскомъ Военномъ Гошпиталѣ онъ удостоенъ былъ Монаршаго Его Императорскаго Величества благоволенія. Въ 1847 году приведеніе кабинета Сравнительной Анатоміи въ систему продолжалось, между тѣмъ число препаратовъ без-

прерывно возрастало чрезъ постоянное пріобрѣтеніе покупкою и пожертвованіями новыхъ животныхъ.

Того же года Іюня 25-го Высочайшимъ Приказомъ о гражданскихъ Чиновникахъ Военнаго Вѣдомства Государемъ Императоромъ объявлено ему Монаршее благоволеніе за отлично-усердную службу при Московскомъ Военномъ Гошпиталѣ. Въ 1849 году Кабинетъ былъ окончательно приведенъ въ систематическій порядокъ и заключалъ уже въ себѣ 2,100 препаратовъ. Образованіе этого Кабинета съ 2,100 препаратами въ теченіе 7-ми лѣтъ Университету стоило 2,036 р. 11 к. Но на эти же деньги, въ продолженіе 7-ми лѣтъ, покупались животныя для анатомическихъ и физіологическихъ лекцій, матеріалы и аптечныя средства для физіологическихъ опытовъ, различные предметы, нужные при работахъ анатомическихъ для лекцій и при снаряженіи препаратовъ для Кабинета, и пр. Въ эти же 7 лѣтъ пріобрѣтено для каѳедры Сравнительной Анатоміи и Физіологіи 4 микроскопа, выписанные изъ Парижа отъ Шевалье, 236 разныхъ анатомическихъ инструментовъ, также выписанныхъ изъ Парижа отъ Шарьера, куплены сравнительно-анатомическіе препараты изъ папье-маше, привезенные изъ Парижа Профессоромъ Басовымъ.

По представленію Совѣта Университета, съ разрѣшенія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, въ томъ же 1849 году 3-го Марта, Глѣбовъ перемѣщенъ на каѳедру Физіологіи здороваго человѣка въ Медицинскій Факультетъ. Впрочемъ и послѣ этого перемѣщенія онъ продолжалъ чтеніе лекцій Сравнительной Анатоміи и Физіологіи въ Физико-Математическомъ Факультетѣ, до опредѣленія Адъюнкта Варнека, т. е. съ 3-го Марта 1849 г. до окончанія 18$\frac{48}{49}$ академическаго года.

Того же 1849 года 22-го Августа получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ; а 29-го Декабря произведенъ въ Статскіе Совѣтники, со старшинствомъ съ 8-го Октября 1848 года.

Въ началѣ 1850 года Кабинетъ Сравнительной Анатоміи и Физіологіи, въ сказанномъ благоустройствѣ съ 2,100 препаратами, былъ переданъ Профессоромъ Глѣбовымъ въ руки Профессора Варнека.

За особое усердіе и труды его, съ которыми онъ основалъ

Кабинетъ Сравнительной Анатоміи при Московскомъ Университетѣ, распространялъ его и устроивалъ въ теченіе 7-ми лѣтъ, привелъ наконецъ въ систематическій порядокъ и сдѣлалъ его доступнымъ для всякаго любознательнаго, положивъ надписи на всѣхъ предметахъ Кабинета, 13-го Ноября 1850 года изъявлена ему благодарность Г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа.

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія объявилъ ему, въ числѣ прочихъ, благодарность за найденный въ Московскомъ Университетѣ по учебной части отличный порядокъ 1850 г. Августа 20-го. Въ 1852 году Августа 22-го получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XX лѣтъ. Въ томъ же году Декабря 20-го дня Всемилостивѣйше пожалованъ обыкновеннымъ подаркомъ въ 500 р.

Въ продолженіе 24-хъ-лѣтней ученой службы своей въ Академіи и Университетѣ Пр. Глѣбовъ преподавалъ 10 предметовъ: I. Зоологію; II Гистологію; III. Сравнительную Анатомію; IV. Сравнительную Физіологію; V. Ветеринарныя науки: 1) Зоотомію домашнихъ животныхъ, 2) Зоофизіологію, 3) Зоопатологію, 4) Скотоводство, и 5) Зоохирургію; VI. Анатомію тѣла человѣческаго; VII. Физіологію здороваго человѣка; VIII. Физіологію больнаго человѣка или Общую Патологію; IX. Общую Терапію; X. Частную Терапію съ Клиникою Терапевтическою. Всѣ эти предметы излагалъ всегда по собственнымъ запискамъ, которыя составлялъ, руководствуясь всѣми извѣстными въ современномъ состояніи науки сочиненіями.

Что касается до метода изложенія предметовъ, то въ наукахъ описательныхъ, онъ всегда, гдѣ можно, держится непосредственно натуры, просто или при помощи микроскопа, въ наукахъ же, объясняющихъ процессы жизни, онъ употребляетъ методъ аналитическій, демонстративный: обыкновенно начинаетъ съ описанія существенныхъ элементовъ явленія, переходитъ потомъ къ изложенію процесса явленія, далѣе анализируетъ внутреннія и внѣшнія условія процесса, разбираетъ и опредѣляетъ участіе ихъ въ образованіи его, наконецъ, гдѣ можно, опредѣляетъ самый законъ развитія и существованія явленія.

Сочиненій почти никакихъ не издалъ въ свѣтъ, потому что слишкомъ были разнообразны предметы его преподаванія. Перевелъ съ Французскаго на Русскій языкъ Физіологію Мажанди, которую Медико-Хирургическая Академія напечатала на казенный счетъ и приняла въ руководство при лекціяхъ Физіологіи; написалъ на Латинскомъ языкѣ и издалъ диссертацію: Dissertatio de pathematibus sensu physiologico, pathologico, therapeutico et pharmacologico. Напечаталъ свои собственныя микроскопическія изслѣдованія мягкихъ частей мамонта, найденнаго купцомъ Трофимовымъ въ Сибири на берегу рѣки Енисея, въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, и подареннаго имъ Императорскому Московскому Обществу Испытателей Природы: Recherches microscopiques sur les parties molles de Mammouth (Elephas primigenitus Blumenbachii, Mammonteus Fischeri) avec trois planches*. 1846. Moscou. Издалъ *Физіологію здороваго человѣка*, въ 3-хъ частяхъ, по руководству Будге. Приготовляетъ отчетъ наблюденій надъ болѣзнями органовъ дыханія и сердца, однимъ словомъ надъ грудными болѣзнями, который будетъ результатомъ 10-лѣтней сложности случаевъ, видѣнныхъ и подвергнутыхъ имъ наблюденію. Доселѣ, по 22-е Маія 1854 г., въ теченіе 8 лѣтъ и 10-го мѣсяцевъ, онъ наблюдалъ 13,488 грудныхъ больныхъ.

Еще въ бытность свою за границею, онъ приготовилъ было къ изданію трактатъ о способѣ изслѣдованія груди въ болѣзняхъ ея посредствомъ физическихъ признаковъ, открываемыхъ осмотромъ груди (Inspectio), мѣрою (Mensuratio), ударомъ по груди (Percussio) и слушаніемъ ея (Auscultatio); но не могъ, по возвращеніи изъ-за границы, тотчасъ издать его, по причинѣ развлеченія другими занятіями, какъ изъ всего сказаннаго ясно: по этому трактатъ и остался не изданнымъ.

ГОЛЬДБАХЪ, Фридрихъ, Ординарный Профессоръ Астрономіи, Надворный Совѣтникъ, Саксонскій уроженецъ изъ мѣстечка Тауша, близь Лейпцига, былъ едва ли не первымъ

---

* См. Bulletin de la Société Imperiale des Naturalistes de Moscou. 1846, N III. T. XIX. p. 108—134.

спеціальнымъ преподавателемъ Астрономіи въ Московскомъ Университетѣ. До 1785 года въ росписаніяхъ лекцій объ Астрономіи не упоминается; но какъ Гольдбахъ по пріѣздѣ своемъ въ Москву, осенью 1804 года, нашелъ, какъ увидимъ въ послѣдствіи, небольшое собраніе астрономическихъ снарядовъ, то можно полагать, что эта наука не была совершенно исключена изъ круга Университетскаго преподаванія. Изложеніе главныхъ ея основаній возлагалось, вѣроятно, на Профессоровъ математическихъ наукъ. Это тѣмъ правдоподобнѣе, что, по смерти Гольдбаха, Астрономія сдѣлалась на нѣкоторое время какъ бы принадлежностію каѳедръ наукъ математическихъ.

Въ началѣ текущаго столѣтія, Попечитель М. Н. Муравьевъ возъимѣлъ счастливую мысль построить въ Москвѣ обсерваторію и учредить въ Университетѣ для преподаванія Астрономіи особую каѳедру. Не имѣя въ виду для этой каѳедры способнаго и знающаго лица, Попечитель обратился, чрезъ посредство академика Фусса, къ Боде съ просьбою сдѣлать выборъ между иностранными учеными. Знаменитый Директоръ Берлинской академической обсерваторіи уже пользовался въ то время заслуженнымъ всеобщимъ уваженіемъ, и какъ издатель лучшаго астрономическаго календаря, который своими дополненіями заступалъ мѣсто спеціальнаго журнала, находился въ близкихъ сношеніяхъ и частой перепискѣ со всѣми Европейскими астрономами. Безъ сомнѣнія, никто не могъ лучше Боде исполнить порученіе Муравьева. Выборъ его палъ на Гольдбаха, опредѣленію котораго на службу въ Московскомъ Университетѣ содѣйствовало еще лестное для молодаго ученаго покровительство и ходатайство Лаланда.*

Гольдбахъ, по свидѣтельству Боде, обязанъ своимъ астрономическимъ образованіемъ Буркхарту и чрезъ послѣдняго сдѣлался извѣстнымъ Лаланду. Слѣдуетъ заключить, что въ концѣ прошлаго столѣтія онъ проживалъ нѣкоторое время въ Парижѣ, откуда, вѣроятно для усовершенствованія себя въ астрономической практикѣ, онъ переѣхалъ въ Готу, на Зе-

* См. письмо Лаланда въ Боде отъ 23-го Мая 1804 г., въ Astronomisches Jahrbuch на 1807 г. стр. 226.

бергскую обсерваторію, находившуюся въ то время подъ завѣдываніемъ основателя своего Барона Цаха. Въ 1799 году, когда уже вышли въ свѣтъ первые два выпуска большихъ картъ Боде, Гольдбахъ издалъ небесный атласъ для любителей Астрономіи подъ пространнымъ заглавіемъ: *Neuester Himmels-Altas zum Gebrauche für Schul- und Akademischen Unterricht, nach Flamsteed, Bradley, Tob. Mayer, De la Caille, Le Français de le Lande und v. Zach, in einer neuen Manier, mit doppelten schwarzen Stern-Charten bearbeitet; durchgehends verbessert, und mit den neuesten astronomischen Entdeckungen vermehrt von C. F. Goldbach. Revidirt auf der Sternwarte Seeberg bei Gotha und mit einer Einleitung begleitet von Hrn. Obristwachtmeister von Zach. Weimar im Verlage des Industrie-Comptoirs, 1799.* Этотъ атласъ былъ новымъ, пятымъ*, изданіемъ извѣстнаго атласа Флемстида. Гольдбахъ составилъ свои карты по Парижскому изданію Фортеня, подвергнувъ его тщательному пересмотру, въ слѣдствіе котораго сдѣланы имъ многія исправленія и весьма значительныя дополненія. Съ какимъ стараніемъ Гольдбахъ трудился надъ своимъ атласомъ, видно изъ того, что онъ помѣстилъ на своихъ картахъ сверхъ 2919 звѣздъ Флемстида еще 2139 звѣздъ зодіакальныхъ и 5512 звѣздъ изъ числа опредѣленныхъ Лаландомъ для его Histoire céleste française, такъ что всѣхъ звѣздъ въ его атласѣ назначено 10570, то есть болѣе чѣмъ вдвое противъ предшествовавшаго изданія Боде, въ атласѣ котораго показаны положенія 5058 звѣздъ.

Атласъ Гольдбаха заключаетъ въ себѣ, кромѣ общихъ изображеній сѣвернаго и южнаго полушарій, 56 картъ въ форматѣ продольнаго in folio. Способъ проложенія удержанъ Флемстидовъ, въ которомъ параллели чертятся прямыми линіями. По размѣру своему карты сняты съ сферы, которой радіусъ равенъ 7,42 Парижскимъ дюймамъ. Всѣ части неба представлены вдвойнѣ; на одной картѣ, кромѣ звѣздъ и со-

---

* Англійское оригинальное изданіе вышло въ 1729 году на 28 листахъ большаго формата; второе изданіе сдѣлано въ Парижѣ Фортенемъ въ 1776 г.; третье напечаталъ Боде въ Берлинѣ въ 1782 г.; четвертое издано въ Парижѣ Лаландомъ и Мешенемъ въ 1795 г.

отвѣтствующихъ имъ буквъ, представлены еще очертанія и границы созвѣздій, и назначены параллели и круги склоненій, параллели эклиптикѣ и круги широтъ, первые сплошными, вторые пунктирными линіями; на другой картѣ изображены однѣ только звѣзды. Въ предисловіи къ атласу, для успѣха изданія написанномъ Барономъ Цахомъ, это двоякое изображеніе неба очень одобряется, какъ нѣчто облегчающее изученіе неба, и пространно объясняется, какъ долженъ пользоваться подобными картами наставникъ. Въ настоящее время облегченіе этаго рода покажется безполезнымъ; но нельзя не замѣтить, что слѣпыя карты Гольдбаха дѣйствительно нагляднѣе и удобнѣе для употребленія, нежели другія; послѣднія слишкомъ уже испещрены надписями, очерками созвѣздій и многочисленными линіями: это тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что весь атласъ отпечатанъ по черному полю. Цахъ восхваляетъ и это нововведеніе Гольдбаха, одобренное также Кестнеромъ; но оно имѣло мало послѣдователей и теперь по справедливости оставлено. Сходство картъ съ небомъ отъ того не увеличивается, — и глазамъ, особенно при искусственномъ свѣтѣ, отъ чернаго поля не легче, но труднѣе. Главный недостатокъ атласа Гольдбаха заключается въ часто ошибочномъ показаніи величины звѣздъ; при томъ помѣстивъ на своихъ картахъ много звѣздъ невидимыхъ невооруженному глазу, онъ назначалъ послѣднія какъ бы по выбору, зависѣвшему отъ извѣстности ихъ положенія, безъ всякаго притязанія на полноту въ избранныхъ предѣлахъ относительно величины. Но эти требованія принадлежатъ позднѣйшему состоянію науки и въ то время не имѣли еще того значенія, какое получили въ послѣдствіи при быстрыхъ успѣхахъ астрогнозіи.

Въ 1802 году, Гольдбахъ, какъ видно изъ дошедшаго до его біографа неполнаго собранія журналовъ его наблюденій,* занимался астрономической практикой въ Лейпцигѣ и дѣлалъ наблюденія секстантомъ для опредѣленія времени и широты.

* Черновые журналы наблюденій Гольдбаха съ 1802 по 1810 годъ, въ числѣ 15 книгъ, въ которыхъ недостаетъ многихъ листовъ и цѣлыхъ книгъ, были сообщены ему покойнымъ Докторомъ Гаазомъ.

По журналу замѣтно, что онъ внимательно изслѣдывалъ свой снарядъ и опредѣлялъ его погрѣшности. Въ 1803 году Гольдбахъ трудился на Лейпцигской обсерваторіи, состоявшей подъ завѣдываніемъ Профессора Рюдигера, и вѣроятно занималъ на ней должность вычислителя: по крайней мѣрѣ во всѣхъ письмахъ къ нему его называютъ Herr Calculator. Въ Августѣ этого года онъ, вмѣстѣ съ Профессоромъ Боде, наблюдалъ тамъ 16-го числа затмѣніе солнца; результаты этого наблюденія напечатаны Барономъ Цахомъ въ *Monatliche Correspondenz zur Beförderung der Erd- und Himmels-Kunde. T. VIII. стр. 467.* Въ концѣ того же мѣсяца онъ вмѣстѣ съ Зейфертомъ, однимъ изъ искуснѣйшихъ въ то время художниковъ для дѣланія астрономическихъ часовъ и хронометровъ, сдѣлалъ небольшую хронометрическую поѣздку для опредѣленія географическаго положенія Мерзебурга, Эйслебена, Эндорфа, Вальбека, Ландсберга и нѣкоторыхъ другихъ городковъ и мѣстечекъ Прусской Саксоніи. Они взяли съ собою два секстанта, одинъ Рамсдена, другой Троутона, и два хронометра. Всѣ наблюденія ихъ для опредѣленія времени и широты сдѣланы надъ солнцемъ.

Изъ упомянутаго изданія *Monatliche Correspondenz* узнаемъ еще, что въ концѣ прошлаго столѣтія Гольдбахъ былъ въ Африкѣ, и, какъ выражается Цахъ, живалъ между Маврами и Неграми. По какому поводу и съ какою цѣлью предпринималъ Гольдбахъ столь трудное путешествіе, изъ находящихся у біографа подъ рукою матеріаловъ опредѣлить нельзя; видно только, что онъ возвратился въ Европу прежде 1798 года, ибо въ 1799 онъ уже издалъ свой атласъ и въ послѣдствіи не оставлялъ Лейпцига до самого отъѣзда въ Россію. Въ 1800 г. онъ работалъ надъ составленіемъ карты для путешествія Данбергера; въ 1801 онъ послалъ къ Цаху изъ Лейпцига письмо, напечатанное въ Monatliche Correspondenz, а съ 1802 года начинается журналъ его наблюденій.

Вотъ по какому случаю Цахъ упоминаетъ о путешествіи Гольдбаха въ Африку. Въ 1799 г. вышло въ Лейпцигѣ описаніе путешествій въ Азію, Африку и Америку нѣкоего Захарія Тауринуса, выдававшаго себя за природнаго

Египтянина.* За нимъ послѣдовало изданіе другихъ двухъ путешествій, одно Іосифа Шрёдтера въ Египетъ, Остъ-Индію и малую Азію въ 1800 году,** другое—Дамбергера въ Африку въ 1801***. И въ настоящее время каждое путешествіе въ центральную Африку возбуждаетъ въ высшей степени вниманіе ученыхъ и любопытство публики; а въ началѣ настоящаго столѣтія, когда Мунго Парки, Клаппертоны, Ландерсы и другіе неустрашимые ихъ послѣдователи не разсказывали еще своихъ странствій, извѣстія о внутренностяхъ этого таинственнаго материка можно было почерпнуть только изъ разсказовъ Джемса Брюса. Вотъ почему вышеписанныя сочиненія имѣли большой успѣхъ. Путешествіе Дамбергера вышло во Французскомъ и Англійскомъ переводахъ и Филиппсъ, издатель *Northly Magazine*, обращался къ Германскимъ ученымъ съ просьбою о доставленіи ему біографическихъ свѣдѣній о Дамбергерѣ. Для вящшаго распространенія этого путешествія, книгопродавецъ-издатель имѣлъ неосторожность объявить въ разныхъ газетахъ, что Цахъ, котораго имя пользовалось въ ученомъ мірѣ всеобщимъ уваженіемъ, намѣренъ представить публикѣ отчетъ объ этой книгѣ въ своемъ журналѣ и помѣстилъ уже въ немъ подробный разборъ карты Африки, приложенной къ сочиненію. Эта наглая ложь дѣйствительно побудила Цаха высказать въ *Monatliche Correspondenz* свое

---

* Beschreibung einiger See- und Landreisen nach Asien, Africa und America, vorzüglich von Holland und England nach Batavien, Madras, Bengalen, Japan und China, ingleichen vom Vorgebirge der guten Hoffnung durch die Kaffarey und die Wüste Sachara nach Aegypten von einem gebohrnen Aegyptier Zacharias Taurinus. Mit einer Vorrede von J. J. Ebert, Prof. zu Wittenberg. II Theile, Leipzig bei Jacobäer 1799.

** See- und Landreise nach Ost-Indien und Aegypten, auf die Berge Sinai und Horeb, nach Gaza, Rama, Damascus.... in den J. 1795—1797 von Jos. Schrödter. Leipzig bei Wolf und Comp. 1800.

*** Chr. Fr. Damberger's Land-Reise in das Innere von Africa, vom Vorgebirge der guten Hoffnung durch die Kafferey... ferner durch die Wüste Saharah und die nördl. Barbarey bis Marocco in d. J. 1781—1797. II. Theile. Leipzig bei Martini 1801.

мнѣніе, что всѣ три путешествія вымышленныя. По просьбѣ его Гольдбахъ, составлявшій помянутую карту Африки, обнаружилъ всю безсовѣстность книгопродавческой спекуляціи и авторскаго безстыдства. При этомъ случаѣ Цахъ упоминаетъ, что, не полагаясь вполнѣ на собственное мнѣніе, онъ обратился къ своему другу, нашему Гольдбаху, который самъ былъ въ Африкѣ, и если не ѣздилъ такъ далеко какъ Дамбергеръ, то конечно видѣлъ болѣе. Въ письмѣ своемъ къ Цаху Гольдбахъ доказываетъ*, что всѣ три мнимыя путешествія принадлежатъ одному и тому же лицу; что Дамбергеръ, онъ же Тауринусъ, а можетъ быть и Шрёдтеръ, круглый невѣжда, бывшій не въ состояніи дать ему сколько нибудь вѣроподобныя объясненія тѣхъ явныхъ несообразностей, которыя бросились ему въ глаза при составленіи карты, когда онъ старался принаровить ее къ тексту; что Дамбергеръ избѣгалъ подъ всякими предлогами свиданій съ нимъ для необходимыхъ по этому дѣлу объясненій. Наконецъ присовокупляетъ, что стараясь повѣрить свои подозрѣнія, онъ досталъ письма Тауринуса и Дамбергера, и по совершенному сходству почерковъ вполнѣ убѣдился, что мнимый путешественникъ, то Египтянинъ Тауринусъ, то Дамбергеръ, выдававшій себя за столярнаго подмастерья родомъ изъ Шлезвига, проживалъ въ Лейпцигѣ типографскимъ работникомъ. Путешествіе Шрёдтера представляетъ такъ много сходнаго съ двумя первыми, что нельзя сомнѣваться въ ихъ общемъ происхожденіи. Прибавимъ къ этому, что совершенное невѣжество Лейпцигскаго наборщика, не умѣвшаго написать безошибочно нѣсколько строкъ, заставило Цаха думать, что онъ служилъ въ этомъ дѣлѣ только подставнымъ лицемъ, и что всѣ три путешествія сочинены безсовѣстнымъ грамотѣемъ, сложившимъ съ себя отвѣтственность на ничтожнаго Дамбергера.

Въ первыхъ числахъ Сентября 1804 года Гольдбахъ выѣхалъ изъ Лейпцига въ Россію. Изъ журналовъ его видно, что 21-го Августа онъ повѣрялъ часы секстантомъ въ Лейпцигѣ, а 5-го Сентября наблюдалъ уже въ Берлинѣ у Профессора Штейна. До 12-го Сентября онъ оставался въ этомъ го-

* Monatliche Correspondenz, Томъ III, стр. 273.

родѣ и часто наблюдалъ на обсерваторіи Боде различными снарядами, пассажною трубою, стѣннымъ квадрантомъ, и кругомъ Борда. Сентября 17-го Гольдбахъ наблюдалъ уже въ Штолпенѣ, 8-го Октября въ Ригѣ, 18-го Октября въ Дерптѣ у Профессора Кнорре, и 21-го Октября въ Петербургѣ, вмѣстѣ съ Вишневскимъ, оказавшимъ впослѣдствіи столько незабвенныхъ услугъ отечественной географіи. Наконецъ $\frac{\text{26-го Ноября}}{\text{8-го Декабря}}$ Гольдбахъ, какъ показываетъ его журналъ, въ первый разъ наблюдалъ въ Москвѣ въ домѣ Якоби. Изъ Лейпцига онъ вывезъ съ собою кругъ Борда, секстантъ Кари и хронометръ Зейфферта; всѣ наблюденія на пути, до мѣста назначенія, сдѣланы для повѣрки хода хронометра, предполагая разстоянія меридіановъ извѣстными.

Въ Москвѣ Гольдбахъ непрерывно наблюдалъ околополуденныя и соотвѣтствующія высоты солнца. Для своихъ наблюденій онъ употреблялъ еще, какъ видно изъ журнала, секстантъ Рамсдена, двѣ трубы, одну 2-хъ-футовую Доллона, другую въ $2\frac{1}{2}$ фута менѣе извѣстнаго художника, и часы Арнольда или Зейфферта. Трудно предположить, что всѣ эти снаряды привезены имъ съ собою и потому можно съ вѣроятностію заключить, что астрономическія наблюденія производились въ Университетѣ и прежде его прибытія въ Москву. 10-го Января 1805 года находимъ въ его журналѣ первое опредѣленіе широты Москвы, и съ этого дня онъ начинаетъ вести счетъ по старому стилю. Изъ четырехъ измѣреній секстантомъ околополуденныхъ высотъ солнца онъ выводитъ для широты мѣста наблюденія 55° 45' 33", 1; изъ шести подобныхъ наблюденій, сдѣланныхъ тѣмъ же секстантомъ 20-го Февраля, онъ получаетъ 55° 45' 31", 1. Въ этомъ же году Гольдбахъ опредѣлилъ склоненіе магнитной стрѣлки въ Москвѣ; какого рода снарядъ былъ употребленъ имъ для этой цѣли, изъ журнала не видно; явствуетъ только, что онъ измѣрялъ разстояніе вертикала стрѣлки отъ вертикала солнца и замѣчалъ соотвѣтствующее время по часамъ, которыхъ поправка была предварительно опредѣляема секстантомъ, по абсолютнымъ или соотвѣтствующимъ высотамъ солнца. Зная точное время, Гольдбахъ вычислялъ азимутъ солнца, и потомъ по углу между вертикалами

солнца и стрѣлки, находилъ уклоненіе послѣдней. Онъ остановился на слѣдующихъ результатахъ:

Іюля	16	5° 27'
		27
		20
	17	28
		18
		18
		23
		35
	31	27
		33
		10
Августа	4	23
		19
		18
		32
	Сред.	5° 23'50"

Кромѣ этихъ магнитныхъ наблюденій, въ журналахъ его, и прежде и послѣ означеннаго времени, попадаются многія другія; но они не приняты въ расчетъ, какъ менѣе между собою согласныя, или оставлены вовсе не вычисленными. Этотъ результатъ, 5°24', помѣщенъ съ означеніемъ 1805 года въ собранной Ганстееномъ таблицѣ лучшихъ магнитныхъ опредѣленій,* и въ *Tableau général des observations magnétiques* Дюперрея, приложенной къ обширному сочиненію Беккереля**. У Дюперрея при этомъ уклоненіи выставлено имя Гольдбаха.

29-го Іюня 1805 года Гольдбахъ подробно наблюдалъ въ Москвѣ съ какимъ-то Бюргеромъ полное лунное затмѣніе, замѣчая время погруженія въ тѣнь и выхожденія изъ тѣни различныхъ пятенъ, а 26-го Іюля находимъ въ его журналѣ первое наблюденіе покрытія звѣзды (α стрѣльца) луною. До

* A Treatise on magnetism by sir Dawid Brewster. Edinburgh. 1818. стр. 204.

** Traité expérimental de l'électricité et du magnétisme par Becquerel. Paris. 1840. T. VII, стр. 215.

этого дня подобныя наблюденія ему не удавались, и это тѣмъ болѣе огорчало Гольдбаха, что найденная имъ помощію хронометра долгота Москвы оказывалась значительно болѣе опредѣленной Делилемъ въ 1748 году по затмѣнію одного изъ юпитеровыхъ спутниковъ.* Мѣсто обсерваторіи заступала одна изъ комнатъ его квартиры въ Университетѣ, въ такъ называемомъ Ректорскомъ домѣ. Тамъ помѣщались его снаряды и тамъ производилъ онъ свои наблюденія.

Дѣятельный и заботливый Попечитель Университета, М. Н. Муравьевъ, старался доставить выписанному имъ астроному удобныя для практическихъ занятій средства. Въ купленномъ имъ за 11,000 рублей мѣстѣ для Ботаническаго сада Университета, онъ предполагалъ построить обсерваторію. По мнѣнію Гольдбаха, призваннаго для совѣта, это мѣсто оказалось удобнымъ, ибо оно пользовалось открытымъ горизонтомъ. «Въ «*нашемъ* городѣ, писалъ онъ къ Боде, въ Іюнѣ 1805 года,** «часто одинъ домъ занимаетъ столько же мѣста, сколько въ «самыхъ бойкихъ мѣстахъ Берлина половина улицы. Въ полу«денной линіи, въ сорока шагахъ отъ предполагаемой обсер«ваторіи идетъ дорога, къ которой прилегаетъ широкій ровъ, «а за нимъ начинаются строенія. Посему покуда я живъ «и вѣроятно у моего преемника горизонтъ останется не за«строеннымъ.» Далѣе Гольдбахъ, не за долго передъ симъ отправившій планы на разсмотрѣніе въ Петербургъ, обѣщалъ Боде, по утвержденіи проэкта, сообщить ему рисунокъ будущей обсерваторіи для изданія въ *Berliner Astronomisches Jahrbuch*. Обсерваторія Московскаго Университета должна была быть построена по образцу обсерваторіи въ Готѣ и стоить, по смѣтѣ, около 30,000 рублей. Въ новомъ штатѣ, не за долго предъ тѣмъ дарованномъ Университету Императоромъ Александромъ, назначено было ежегодно отпускать на расходы обсерваторіи по 500 руб. Такимъ образомъ Гольдбаху представлялись впереди самыя пріятныя надежды, которымъ однако не суждено было сбыться.

---

* Berl. Jahrb. на 1808 годъ, стр. 260.

** Ibid.

Въ ожиданіи постройки зданія, Гольдбахъ, при содѣйствіи Попечителя, столь внимательнаго къ основанной имъ каѳедрѣ, заботился о снабженіи будущей обсерваторіи хорошими снарядами. Въ половинѣ Декабря 1805 года, привезенъ въ Москву астрономическій кругъ. У какого художника былъ купленъ этотъ инструментъ и какого онъ былъ устройства, утвердительно сказать нельзя. Въ письмѣ, въ которомъ Гольдбахъ благодаритъ за него Муравьева,* онъ обѣщаетъ помѣстить описаніе снаряда въ астрономическомъ календарѣ Боде, но подобнаго описанія въ этомъ изданіи нѣтъ; только изъ напечатаннаго въ немъ письма Гольдбаха къ Боде, отъ 4-го Декабря 1805 года, видно, что кругъ имѣлъ два фута въ діаметрѣ**. Вѣроятно кругъ былъ повторительный, работы Англійскаго художника.

Изъ другаго письма Гольдбаха къ Попечителю видно, что черезъ годъ, въ концѣ 1806, или въ началѣ 1807 года, онъ получилъ выписанный имъ, съ разрѣшенія Муравьева, пассажный снарядъ. И объ этомъ инструментѣ не находимъ никакихъ свѣдѣній ни въ перепискѣ Гольдбаха, ни въ его журналахъ. Подробное описаніе и рисунокъ снаряда удалось біографу отъискать въ курсѣ практической астрономіи Пирсона***, одного изъ основателей Лондонскаго астрономическаго общества. Изъ книги Пирсона видно, что снарядъ былъ сдѣланъ извѣстнымъ Англійскимъ художникомъ Кари (Cary), ученикомъ Рамсдена. Шестифутовая труба имѣла объективъ въ четыре дюйма, и въ фокусѣ его помѣщалась сѣтка изъ семи

* Четыре Нѣмецкихъ письма Гольдбаха къ Муравьеву находятся въ бумагахъ сего послѣдняго, принадлежавшихъ М. П. Погодину. Въ трехъ изъ нихъ біографъ нашелъ полезныя свѣдѣнія для этого біографическаго очерка.

** Berl. Jahrb. 1809 г. стр. 277. Подъ этимъ письмомъ выставленъ 1806 г. — но это очевидно опечатка: самая книга вышла въ 1806 году.

*** An introduction to practical astronomy containing descriptions of the various instruments . . . . , by th. rev. W. Pearson. London. 1829. in 4. Томъ II, стр. 362 и слѣд.

нитей. Горизонтальная ось должна была лежать на каменныхъ столбахъ, и при помощи рычаговъ, съ гирями ее поддерживавшихъ, можно было по произволу уменьшать давленіе цапфъ на подушки. Неподвижный, прикрѣпленный къ одному изъ столбовъ раздѣленный полукругъ, по которому обращался ноніусъ, показывалъ направленіе трубы. Кромѣ уровня, для нивеллированія оси вращенія, снарядъ былъ снабженъ еще отвѣсомъ и особымъ, прикрѣпленнымъ къ столбу, аппаратомъ, который при помощи двухъ микроскоповъ, направленныхъ на нить отвѣса, долженъ былъ обнаруживать перемѣны въ наклоненіи и могъ притомъ служить для повѣрки оптической коллимаціи. Мысль, какъ явствуетъ изъ описанія и чертежа, неудачная и для практики неудобная; тѣмъ не менѣе снарядъ могъ быть поставленъ на ряду съ лучшими инструментами этого рода, бывшими въ то время въ употребленіи на Европейскихъ обсерваторіяхъ. Пирсонъ присовокупляетъ, что, по повелѣнію Наполеона, снарядъ былъ сбереженъ во время пожара Москвы, но куда дѣвался онъ — неизвѣстно.

Такимъ образомъ, вскорѣ по пріѣздѣ Гольдбаха въ Москву, онъ, благодаря дѣятельному участію Университетскаго Начальства, имѣлъ въ своемъ распоряженіи всѣ необходимые снаряды и притомъ хорошаго достоинства. Недоставало обсерваторіи, на постройку которой не выходило разрѣшенія. Весною 1806 года Гольдбахъ еще надѣялся, что работы начнутся скоро, какъ видно изъ письма его къ Боде отъ 24-го Апрѣля. Какія обстоятельства воспрепятствовали осуществленію плановъ просвѣщеннаго Попечителя, рѣшить теперь трудно. Снаряды, какъ мы уже сказали, оставались въ комнатѣ Гольдбаха, которой окна едва позволяли ему дѣлать кой-какія наблюденія до 40° или 50° высоты надъ горизонтомъ. Само собою разумѣется, что при столь неудобномъ и не твердомъ ихъ положеніи нельзя было ожидать благонадежныхъ результатовъ, и еще менѣе предпринимать какой-либо нѣсколько значительный рядъ практическихъ занятій. Въ журналахъ Гольдбаха едва удалось біографу отыскать два три наблюденія надъ кульминаціями солнца, сдѣланныхъ пассажною трубою Кари.

Вѣроятно, эти неблагопріятныя условія побудили Гольдбаха

обратить свою дѣятельность на географическія опредѣленія и геодезическія измѣренія. Притомъ къ занятіямъ этого рода побуждали его Генералъ-Квартирмейстеръ фонъ Сухтеленъ, завѣдывавшій въ то время собственнымъ Его Величества Депо картъ, и Попечитель Муравьевъ. Съ первымъ Гольдбахъ видѣлся въ Петербургѣ, когда ѣхалъ изъ-за границы въ Москву, и получилъ отъ него приглашеніе опредѣлить астрономическими наблюденіями долготу и широту четырехъ недалекихъ отъ Москвы пунктовъ, которыхъ геодезическое положеніе было еще неизвѣстно*. Послѣдній предложилъ ему приступить къ измѣренію градуса. На это предложеніе Гольдбахъ отвѣчалъ Попечителю письмомъ отъ 17-го Декабря 1805 года. Признавая вполнѣ всю важность подобнаго предпріятія, которому онъ еще въ отечествѣ желалъ посвятить свое время, онъ находилъ его, по неимѣнію способныхъ помощниковъ и незнанію Русскаго языка, превышающимъ свои силы. «Съ величайшимъ трудомъ, продолжаетъ добросовѣстный Германецъ въ этомъ письмѣ, мнѣ можетъ быть удастся провести градусное измѣреніе чрезъ Московскую губернію, то есть на протяженіи одного съ небольшимъ градуса, но въ настоящее время для теоріи земли это принесетъ мало пользы.» Въ замѣнъ этого неудобоисполнимаго предпріятія, Гольдбахъ предлагаетъ Попечителю приступить къ другому труду, который, по его выраженію, будетъ также соотвѣтствовать достоинству Россійской Имперіи, именно къ составленію тригонометрической карты Московской губерніи. Эта работа, по его справедливому мнѣнію, должна была служить приготовительною школою для важнѣйшихъ геодезическихъ операцій и доставить средства къ образованію необходимыхъ при ихъ исполненіи свѣдущихъ помощниковъ. Въ слѣдующее лѣто Гольдбахъ надѣялся измѣрить основаніе и первые треугольники. Въ заключеніи письма, онъ просилъ вѣрить, что онъ не теряетъ желанія и ревнія оставить по себѣ памятникъ, разумѣя подъ симъ осуществленіе важнаго предпріятія предложеннаго Попечителемъ.

По желанію Графа Сухтелена, Гольдбахъ ѣздилъ лѣтомъ

---

* Berl. Jahr. на 1809 годъ, стр. 277.

1806 года въ Тулу и Рязань, для опредѣленія географическаго положенія этихъ двухъ городовъ; лѣтомъ 1807 года, онъ съ тою же цѣлью былъ въ Клину, Твери, Торжкѣ, Вышнемъ-Волочкѣ, Осташковѣ, Новгородѣ и Петербургѣ. Въ последнюю поѣздку, его сопровождалъ Панснеръ, служившій при Депо картъ и производившій потомъ триангуляцію въ Финляндіи. Выборъ городовъ, какъ можно судить изъ письма Гольдбаха къ Попечителю, былъ предоставленъ Графу Сухтелену; расходы же падали на счетъ Университета и должны были стоить, какъ видно изъ того же письма, отъ двухъ до трехъ сотъ рублей. Почти всѣ наблюденія были сдѣланы секстантомъ; для времени Гольдбахъ и Панснеръ брали соотвѣтствующія, а для широты околополуденныя высоты солнца. Сверхъ того они опредѣляли также склоненіе магнитной стрѣлки. Для своихъ наблюденій они возили съ собою три секстанта и весьма хорошій, по отзыву Гольдбаха, хронометръ. Результаты этихъ географическихъ экскурсій были изданы имъ въ 1808 году, въ *Berl. Jahrb.* Боде на 1811 годъ; въ числѣ ихъ не находимъ только координатъ Рязани. Въ послѣдствіи они были включены Академикомъ Струве въ списокъ географическихъ положеній въ Россіи, опредѣленныхъ астрономическими наблюденіями.*

Въ слѣдующее лѣто 1808 года Гольдбахъ надѣялся принять участіе въ важныхъ и обширныхъ трудахъ Академика Вишневскаго, который начиналъ тогда свои путешествія по Россіи для астрономическаго опредѣленія долготы и широты большаго числа пунктовъ. Надѣясь, что Петербургская Академія не будетъ противиться его участію въ трудахъ Виш-

* См. Table des positions géographiques en Russie, въ Bulletin Physico-mathématique de l'Acad. Imp. de St.-Petersb. Томъ I. Въ этомъ спискѣ положеніе Новгорода показано по наблюденіямъ Струве младшаго. Для сравненія выписываемъ здѣсь результаты обоихъ наблюдателей, относящіеся къ Софійскому собору:

	Гольдбахъ.	Струве.
Широта	85° 31'32,"6	58° 31'23"
Долгота отъ перваго меридіана.......	48 59 90,0	48 56'13

невскаго, онъ просилъ на то согласія Попечителя. Необходимые для этой цѣли астрономическіе снаряды уже были пріобрѣтены для будущей обсерваторіи; но Университетъ долженъ бы былъ пожертвовать еще 2,000 рублей на покупку двухъ Англійскихъ хронометровъ. Намѣреніе Гольдбаха не имѣло однако успѣха, быть можетъ потому, что Университетъ не могъ принять на себя расходовъ для содѣйствія предпріятію Академіи, а можетъ быть и потому, что около этого времени округъ поступилъ подъ управленіе новаго Попечителя.

Графъ Разумовскій, заступившій мѣсто Муравьева, рѣшился составить описаніе Московской губерніи, вѣроятно по представленію Гольдбаха, который, какъ мы видѣли, еще въ 1805 году предлагалъ подобное предпріятіе его предшественнику. Астрономическія наблюденія и тригонометрическія измѣренія были поручены Гольдбаху. Императорское Депо картъ, съ своей стороны, присоединило къ нему Панснера, снабдивъ послѣдняго всѣмъ нужнымъ*. Въ концѣ лѣта 1808 года они ѣздили съ этою цѣлью въ Звенигородъ, Рузу, Можайскъ, Волоколамскъ, Воскресенскъ и Верею. Въ слѣдующемъ году Панснеръ былъ командированъ своимъ начальствомъ въ Финляндію, и Гольдбахъ продолжалъ свои разъѣзды въ сопровожденіи молодаго Курляндца Вильдеманна. Наблюденія времени и широты производились, какъ и прежде, секстантомъ; углы треугольниковъ были измѣряемы повторительнымъ кругомъ Борда. Въ дошедшихъ до насъ неполныхъ журналахъ наблюденій нѣтъ ни результатовъ этихъ трудовъ, ни необходимаго измѣренія основанія; изъ письма Гольдбаха къ Муравьеву узнаемъ только, что онъ имѣлъ у себя точную провѣренную копію съ тоаза, извѣстнаго подъ названіемъ *toise de Pérou*. Послѣ 1809 года, Гольдбахъ, какъ кажется, не отлучался изъ Москвы и начатая имъ тріангуляція губерніи была прервана. Въ его журналахъ этого періода находимъ только наблюденія, сдѣланныя въ Москвѣ для опредѣленія времени, и изрѣдка наблюденія надъ покрытіями звѣздъ луною. Почему этотъ трудъ остановился и не былъ приведенъ къ окончанію, по

---

* См. письмо Гольдбаха къ Боде въ Berl. Jahrb. на 1811 годъ, стр. 212.

находящимся у насъ подъ рукою матеріаламъ, опредѣлить нельзя. Изъ писемъ Гольдбаха къ Боде видно, что онъ пользовался расположеніемъ Графа Разумовскаго и находилъ въ немъ участіе къ своимъ занятіямъ.

Лѣтомъ 1810 года Гольдбахъ трудился надъ съемкою плана Москвы, для чего на ровномъ мѣстѣ за Смоленскою заставою измѣрилъ основаніе въ 2,800 футовъ, и связалъ треугольниками различныя церкви, башни и зданія города. Въ журналахъ его попадаются измѣренія треугольниковъ, сдѣланныя для этой цѣли и прежде, въ 1806 и 1807 годахъ. За смертію Гольдбаха и этотъ трудъ остался неоконченнымъ.

Преподаваніе лекцій въ Университетѣ, какъ показываютъ издаваемыя предъ началомъ академическаго года росписанія, онъ началъ съ 1805 и продолжалъ до 1811 года. Въ росписаніи 1805 года Гольдбахъ уже значится Надворнымъ Совѣтникомъ, Ординарнымъ Профессоромъ Астрономіи и наблюдателемъ, и слѣдовательно чинъ этотъ былъ данъ ему прямо по пріѣздѣ въ Россію. Онъ преподавалъ по три часа въ недѣлю предметы довольно разнородные: такъ, на примѣръ, въ росписаніи 1805 года сказано, что онъ будетъ читать Астрономію сферическую и теоретическую, потомъ перейдетъ къ Географіи (математической безъ сомнѣнія) и приложитъ полезныя для слушателей свѣдѣнія изъ Гидрографіи; въ росписаніи на 180$\frac{6}{7}$ годъ, встрѣчаемъ еще Хронологію, обѣ Тригонометріи и Гномонику. Въ росписаніи слѣдующаго академическаго года сказано, что Гольдбахъ «сверхъ своего обычнаго «преподаванія и на особыхъ лекціяхъ, о коихъ опредѣлитель-«ное положеніе сдѣлано быть имѣетъ съ согласія слушателей, «заниматься будетъ съ ними математическими сочиненіями, ко-«торыя они обязаны будутъ дѣлать *сами*. Цѣль и пользу сихъ «лекцій объяснитъ онъ съ надлежащею подробностію изустно «тѣмъ, кои объявятъ желаніе пользоваться ими.» Въ программѣ курсовъ 1809—1810 года, гдѣ имя Гольдбаха встрѣчается въ послѣдній разъ, упоминается еще объ Исторіи Астрономіи и присовокуплено, что онъ: «для желающихъ будетъ про-«должать приватные алгебраическіе уроки *безъ всякой платы*.» Для практическихъ занятій опредѣлялось особое время: «дни «и часы для показанія звѣзднаго неба и наблюденій назнача-

«емы будутъ смотря по погодѣ.» Въ расписаніяхъ печаталось, что лекціи свои Гольдбахъ будетъ преподавать по-Латинѣ или по-Французски, какъ будетъ удобнѣе для слушателей; дѣйствительно же читалъ онъ только на послѣднемъ языкѣ, и, по уважительному свидѣтельству одного лица, бывшаго въ это время студентомъ, выражался по-Французски легко и даже изящно. Руководствами для преподаванія Астрономіи и Математической Географіи показаны въ расписаніяхъ лекцій сочиненія Вейдлера и Боде. Книга послѣдняго, *Anleitung zur Kenntniss der Erdkugel*, была дѣйствительно лучшимъ сочиненіемъ по этой части въ то время. Нельзя сказать того же о Вейдлеровыхъ: *Institutiones astronomiae selectis observationum et calculorum exemplis illustratae*, которые были изданы въ Виттембергѣ въ 1754 году; по педантизму изложенія и скудости содержанія можно было бъ съ пользою замѣнить ихъ другимъ учебникомъ. Странно было комментировать на лекціяхъ Іезуита Вейдлера въ то время, когда Лаландъ уже напечаталъ два изданія своей превосходной книги. Читая только три часа въ недѣлю, не было возможности излагать въ нѣкоторой полнотѣ всѣ упоминаемые въ программѣ предметы; Гольдбахъ по необходимости долженъ былъ или не строго ея придерживаться или ограничиваться самыми бѣглыми очерками. Что касается упоминаемой въ расписаніи теоретической Астрономіи, то конечно подъ этимъ должно разумѣть не основанія небесной механики, но вѣроятно то, что помѣщено у Вейдлера во второй половинѣ его книги подъ заглавіемъ Astronomiae pars theorica, а именно система вселенной, эллиптическое движеніе солнца, затмѣнія, планеты, ихъ спутники, неподвижные звѣзды и кометы. Въ 1805 г., по случаю полувѣковаго юбилея Московскаго Университета, Гольдбахъ произнесъ на актѣ Латинскую рѣчь: *Объ Исторіи Математическихъ наукъ въ Россіи* (*Oratio, in qua enarratur Historia disciplinarum Mathematicarum in Rossia*). Это весьма краткое произведеніе обилуетъ пышными фразами, которыя, въ сочиненіяхъ этого рода, почитались тогда необходимыми. Самый же предметъ оставленъ почти безъ изслѣдованія; подлѣ именъ ученыхъ, какъ Русскихъ такъ и иностранцевъ служившихъ въ Россіи,

не означены даже ихъ труды и сочиненія хотя съ нѣкоторою полнотою, не говоря уже о критической ихъ оцѣнкѣ.

Съ смертію Гольдбаха, въ началѣ 1811 года, преподаваніе Астрономіи не прекратилось; изъ изданной въ Августѣ того же года програмиы лекцій видно, что преемникомъ его былъ Профессоръ прикладной Математики, Панкевичь. По три раза въ недѣлю, отъ 5 до 6 часовъ по полудни онъ долженъ былъ преподавать Астрономію, какъ сферическую такъ и теоретическую, математическую Географію и Навигацію, къ коимъ потомъ, буде время позволитъ, присовокупить и Гномонику. Далѣе читаемъ: лекціи Астрономіи и Географіи расположитъ по Вейдлеру и объясненія матерій заимствованы будутъ изъ лучшихъ новѣйшихъ сочиненій. Въ свободное и удобное время займется съ своими слушателями наблюденіями астрономическими. Отсюда видно, что Панкевичь во всѣхъ отношеніяхъ слѣдовалъ примѣру Гольдбаха. Въ програмиѣ 1813 года объ Астрономіи не упоминается. Въ 1814 и 1815 годахъ читалъ въ Университетѣ эту науку Профессоръ смѣшанной Математики, Чумаковъ; онъ объяснялъ своимъ слушателямъ, по три же часа въ недѣлю, Астрономію съ приложеніемъ ея къ Геодезіи, Навигаціи и Гномоникѣ по руководствамъ Боде и Гамалея. Съ 1816 до 1821 года Астрономію, за неимѣніемъ особаго для нея Профессора, въ Университетѣ не преподавали. Въ 1821 г. вступилъ на каѳедру этой науки Адъюнктъ Астрономіи, нынѣ заслуженный Профессоръ Перевощиковъ, который занималъ ее съ честію до 1850 года, и пріобрѣлъ своими сочиненіями и трудами справедливую извѣстность въ Русскомъ ученомъ мірѣ.

ГОЛЬДБАХЪ, Левъ Ѳедоровичь, Адъюнктъ Ботаники и Фармакологіи, сынъ предъидущаго, родился въ Лейпцигѣ, 1793 года. Въ Россію прибылъ онъ съ своими родителями, въ 1804 г. Свое первоначальное образованіе Левъ Ѳедоровичь получилъ въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ. Оттуда, 1810 г. Сентября 2-го дня, поступилъ въ Университетъ, по Медицинскому Факультету. Послѣ пятилѣтнихъ постоянныхъ занятій врачебными науками, Гольдбахъ держалъ экзаменъ на степень Доктора (1815 г. Декабря 18-го дня), и въ

слѣдующемъ году защищалъ написанную имъ на Латинскомъ языкѣ диссертацію о *Шафранѣ* (*Dissertatio inauguralis croci historiam botanico-medicam sistens, elaboravit Carolus Ludowicus Goldbach.* Mosquae 1816). Въ этой диссертаціи описано 15 видовъ шафрана чрезвычайно отчетливо. Это почти единственная въ то время Докторская диссертація по части Ботаники, основанная на собственныхъ розысканіяхъ автора. Главнымъ пособіемъ для этого Гольдбаху служили богатѣйшая библіотека и гербаріи, которые находились при Горенскомъ садѣ Графа Алексѣя Кириловича Разумовскаго, и которыми онъ могъ пользоваться по дружбѣ своей съ Директоромъ этого сада, извѣстнымъ Ботаникомъ Фишеромъ.

Въ дополненіе къ своей диссертаціи, Гольдбахъ въ послѣдствіи выдалъ: *Monographiae generis croci tentamen*, — сочиненіе, помѣщенное въ Мемуарахъ Московскаго Общества Испытателей Природы (Т. V, стр. 142—161). — Въ 1817 году Ноября 10-го дня, Гольдбахъ опредѣленъ Адъюнктомъ по части Ботаники и Фармакологіи въ Московскую Медико-Хирургическую Академію, а въ 1819 году, съ тѣмъ же званіемъ Адъюнкта вступилъ на службу Университета. Ему поручено было преподаваніе Естественной Исторіи, составлявшей одну изъ Лекторскихъ каѳедръ Медицинскаго Факультета. Въ это время при Медицинскомъ Факультетѣ учрежденъ былъ *Медицинскій Институтъ* на 100 казенныхъ воспитанниковъ, и послѣдовало нѣкоторое измѣненіе въ преподаваніи предметовъ. Физика, Химія, Минералогія, Ботаника и Зоологія, принадлежащія къ приготовительнымъ наукамъ для изученія Медицины, преподавались до сего времени въ Физико-Математическомъ Факультетѣ, и гораздо въ большемъ размѣрѣ, нежели сколько требовалось для Медиковъ, и курсы ученія продолжались по три академическихъ года и болѣе, что̀ для Медицинскихъ студентовъ было слишкомъ затруднительно и отнимало много времени. Въ слѣдствіе этого, новымъ постановленіемъ, при Институтѣ открыты были три особыя Лекторскія каѳедры: одна *Математико-Физики,* другая *Химіи* и третья *Натуральной Исторіи*; преподаватели этихъ предметовъ обязаны были примѣнять свои лекціи къ Медицинѣ, и курсы оканчивать непремѣнно въ одинъ годъ. Первымъ

Преподавателемъ на Лекторской каѳедрѣ Натуральной или Естественной Исторіи былъ Левъ Ѳедоровичъ Гольдбахъ.

Естественная Исторія, какъ вспомогательный предметъ для Медиковъ, читалась Гольдбахомъ довольно кратко. Руководствами по части Минералогіи и Зоологіи служили ему сочиненія Г. И. Фишера, а Ботанику преподавалъ онъ по руководству И. А. Двигубскаго и по собственнымъ запискамъ.

Все остальное время отъ лекцій Гольдбахъ посвящалъ любимой своей наукѣ — Ботаникѣ. Онъ началъ было издавать на Русскомъ языкѣ: *Изображенія растеній, употребительныхъ въ Медицинѣ, Сельскомъ хозяйствѣ, художествахъ и ремеслахъ,* отпечатанныхъ съ самыхъ растеній (особымъ способомъ), съ подробнымъ описаніемъ ихъ вида и пользы. Но сочиненія этого вышли только три тетради. Въ нихъ изображены и описаны слѣдующія растенія: папоротникъ обыкновенный, ландышъ, купена, дрокъ красильный, кирказонъ вьющійся, пырей обыкновенный, просвирнякъ аптекарскій, стародубка луговая, истодъ горькій, мята англійская и волчанка обыкновенная. — Это сочиненіе весьма замѣчательно, во-первыхъ потому, что было первою и до сихъ поръ единственною у насъ попыткою отпечатывать растенія съ высушенныхъ экземпляровъ, по способу Книпгофа *); во-вторыхъ потому, что въ то время, когда предпринималось означенное сочиненіе, въ Москвѣ еще мало было такихъ художниковъ, которые занимались бы рисованіемъ и гравированіемъ естественныхъ предметовъ. Для облегченія своего труда по этому изданію, Гольдбахъ пріо-

---

* *Kniphof* (Iohann Hieronymus), Botanica in originali seu Herbarium vivum, in quo plantarum tam indigenarum quam exoticarum peculiari quadam operosaque encheiresi atramento impressorio obductarum nominibus suis ad methodum Linnaei et Ludwigii insignitarum elegantissima ectypa exhibentur opera et studiis Ioh. Godof. *Trampe,* typographi Halensis. Halae 1757 — 1764 in folio: XII Centuriae vel II vol. 1245 tab. Къ этому присоединено: Index universalis. Halae. Trampe. 1767 in fol. Также *Kniphof*, Lebendig-Officinal Kraeuterbuch. Erfurt. Ioh. *Hunke.* Centuriae I und II, 1733—1734. IV vol. in folio.

хотилъ къ Ботаникѣ молодаго *Рѣшетникова* (Ивана Андреевича*), и работалъ съ нимъ вмѣстѣ.

Кромѣ означенныхъ трудовъ, Гольдбахъ помѣстилъ въ Запискахъ Московскаго Общества Испытателей Природы нѣсколько замѣчаній касательно растеній Московской губерніи.

Гольдбахъ дорожилъ каждою минутой для своей любимой науки, и сдѣлалъ для нея чрезвычайно много, но, по свойственной ему необыкновенной скромности, не рѣшался печатать своихъ трудовъ, почитая ихъ не вполнѣ доконченными. Намъ однако, его ученикамъ, очень хорошо извѣстны ученыя заслуги нашего незабвеннаго учителя. Московская флора была изучаема имъ болѣе всѣхъ тогдашнихъ Ботаниковъ. Особенное вниманіе обращалъ онъ на тайноцвѣтныя растенія нашей мѣстности (Cryptogamae), и притомъ на труднѣйшія ихъ формы, именно на грибы (Fungi). Въ этомъ отношеніи, по словамъ нынѣшняго Профессора А. Гр. Фишера, находившагося съ Гольдбахомъ въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ, онъ сдѣлалъ болѣе всѣхъ современныхъ Ботаниковъ, не смотря на то, что изученіе тайноцвѣтныхъ растеній, во времена Гольдбаха, представляло гораздо болѣе трудностей, нежели нынѣ, когда Криптогамологія разработывается многими даровитѣйшими Ботаниками.—Исключительной привязанности Гольдбаха къ этой части Ботаники, вѣроятно, много содѣйствовали дружескія сношенія его съ Лейпцигскимъ Профессоромъ *Кунце*, прославившимся особенно на поприщѣ Криптогамологіи. Профессоръ Московскаго Университета Гофманъ, котораго Гольдбахъ былъ любимымъ и отличнѣйшимъ ученикомъ, также преимущественно занимался тайноцвѣтными растеніями.

Еще за долго до своей смерти, Гольдбахъ окончилъ *Московскую флору*, основанную на собственныхъ розысканіяхъ, и ежегодно переработывалъ ее, сообразно съ новыми успѣхами въ Ботаникѣ. Наконецъ была составлена имъ чистая рукопись: *Enchiridion botanicum excursionibus dicatum*, въ которой, кромѣ дикорастущихъ растеній, заключались и обще-

* Сынъ Андрея Ив. Рѣшетникова, извѣстнаго содержателя типографіи и агронома.

разводимыя садовыя. Къ сожалѣнію, и этотъ трудъ, по причинѣ весьма немногихъ недоконченныхъ подробностей, остался неизданнымъ.

Гольдбахъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ извѣстными Ботаниками своего времени, каковы: Баронъ фонъ-Биберштейнъ, Стевенъ, Декандоль. По случаю програмы Декандоля къ его знаменитому сочиненію: *Regni vegetabilis systema naturale*, Гольдбахъ переслалъ ему въ рукописи свои наблюденія надъ *Крестоцвѣтными растеніями* (Cruciferae), и ихъ классификацію. Декандоль чрезвычайно сожалѣлъ о томъ, что получилъ эту рукопись уже по выходѣ въ свѣтъ второй части своего сочиненія, и что слѣдовательно не могъ воспользоваться многими превосходными замѣчаніями нашего даровитаго Ботаника. Изъ уваженія къ ученымъ заслугамъ Гольдбаха, Декандоль одинъ рѣдкій родъ изъ числа Крестоцвѣтныхъ растеній назвалъ его именемъ, *Goldbachia*, именно *Goldbachia laevigata* и *Goldbachia torulosa*; первый изъ этихъ видовъ встрѣчается въ Россіи, а другой въ Левантѣ.

Гольдбахъ, по страсти къ наукѣ (а не по обязанности службы), не рѣдко помогалъ своему учителю, Профессору Гофману, въ опредѣленіи растеній Университетскаго сада. Также, когда покойнымъ Круберомъ пожертвованъ былъ Московской Медико-Хирургической Академіи довольно большой гербарій, пріобрѣтенный имъ отъ Академика Триніуса (нынѣ находящійся въ Московскомъ Университетѣ), то Гольдбахъ одинъ, и съ весьма скудными въ то время литературными пособіями, привелъ его въ систематическій порядокъ, въ самое короткое время и по естественной методѣ.

Гольдбахъ любилъ науку для нея самой, безкорыстно, и потому готовъ былъ дѣлиться ею со всѣми; точнѣе сказать, онъ самъ, его практическая опытность, его библіотека, все было къ услугамъ желающихъ заниматься Ботаникою. Такое благородное самопожертвованіе со стороны Профессора всегда находило сочувствіе въ молодыхъ людяхъ, слушавшихъ его лекціи въ Университетѣ и Академіи, и въ тѣхъ, которые имѣли случай быть съ нимъ въ короткихъ отношеніяхъ. Многіе изъ нихъ со страстію занимались Ботаникою, и сами въ послѣдствіи заняли весьма высокое мѣсто въ ученомъ мірѣ. Довольно на-

именовать нынѣшнихъ Профессоровъ Ботаники Ал. Г. Фишера и Ив. О. Шиховскаго. Профессоръ Оверъ также принадлежалъ къ числу тѣхъ молодыхъ людей, которые страстно любили Ботанику, и этою любовію были обязаны Гольдбаху. Проф. Щуровскій имѣлъ счастіе самъ быть слушателемъ этого незабвеннаго Профессора, и всегда вспоминаетъ объ этомъ съ особенною признательностію.

Наука, безъ всякаго сомнѣнія, могла бы еще много пріобрѣсти отъ трудовъ Льва Ѳедоровича, если бы онъ не былъ похищенъ смертію въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ. Эта преждевременная кончина послѣдовала въ 1824 г., въ началѣ Марта мѣсяца, къ крайнему сожалѣнію всѣхъ его знавшихъ. Онъ былъ чрезвычайно кротокъ и весьма застѣнчиваго характера.

ГОРЮШКИНЪ, Захарій Аникѣевичь, Ординарный Профессоръ Россійскаго Практическаго Законоискусства, Статскій Совѣтникъ, происхожденіемъ изъ дворянъ, родился 5-го Сентября 1748 года. Въ рѣчи своей: О нуждѣ всеобщаго знанія Россійскаго Законоискусства, Горюшкинъ говоритъ о себѣ, что онъ въ своемъ отрочествѣ учился только читать и писать по-Русски, и въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, еще до поступленія на службу, занимался приказными дѣлами; потомъ вступилъ на службу въ Воеводскую Канцелярію, вѣроятно году по тринадцатому или по четырнадцатому; ибо въ рѣчи своей онъ самъ говоритъ, что въ 1790 году былъ уже около тридцати лѣтъ на службѣ. Въ 1763 году, какъ значится по послужному списку, Горюшкинъ поступилъ на службу въ Сыскной приказъ, изъ Сыскнаго приказа былъ переведенъ въ Судный приказъ, потомъ въ Вотчинную коллегію и наконецъ въ Коллегію Юстиціи, гдѣ и служилъ до закрытія сей Коллегіи.

И. М. Снегиревъ, хорошо знавшій Горюшкина, говоритъ: «что онъ хотя и не получилъ школьнаго образованія, но чувствуя потребность просвѣщенія, въ продолженіе своей гражданской службы, уже женатый, въ свободное время отъ должности, самоучкою, узналъ Русскую Грамматику, Ариѳметику и Логику, читалъ всѣ богословскія, философскія, юридическія и историческія книги на Рускомъ языкѣ.» Разнообразное чтеніе и постоянное занятіе гражданскими дѣлами, какъ по службѣ такъ

и приватно, на столько развили природный умъ Горюшкина и такую сообщили ему опытность въ дѣлахъ, что, по свидѣтельству его современника И. Ѳ. Тимковскаго, «доставили ему въ Москвѣ, извѣстность именитаго Московскаго адвоката и искуснаго эмпирика.» И тогдашній Директоръ Московскаго Университета, П. И. Фонъ-Визинъ, пригласилъ его въ Университетъ для практическихъ уроковъ Законовѣдѣнія. По показанію послужнаго списка, Горюшкинъ опредѣленъ въ Университетъ 1-го Января 1786 года.

Объ Университетскомъ преподаваніи Горюшкина Тимковскій говоритъ: «Горюшкинъ давалъ лекціи четыре раза въ недѣлю. Двухъ-лѣтній курсъ его преподаванія имѣлъ четыре вида: 1-й по запискамъ въ вопросахъ и отвѣтахъ о правительствѣ, присутственныхъ мѣстахъ, чинахъ, должностяхъ, и хронологически о законныхъ книгахъ; 2-й по такимъ же запискамъ о порядкѣ судопроизводства, о существѣ и формахъ записныхъ книгъ, судебныхъ и актовыхъ бумагъ и сношеній; 3-й экзегетическое чтеніе нужнѣйшихъ главъ изъ уложенія, артикуловъ и уставовъ, съ приведеніемъ новѣйшихъ по нимъ законовъ, а дальнѣйшимъ охотникамъ онъ указывалъ, о чемъ гдѣ читать могутъ; 4-й практика производства дѣлъ на разныя задачи, гдѣ раздавались роли истцевъ, отвѣтчиковъ, судей, секретаря, а въ слѣдственныхъ дѣлахъ роли допросовъ свидѣтелей, очныхъ ставокъ и проч. Сочиняемыя бумаги онъ исправлялъ по порядку на общемъ чтеніи, и дѣла за окончаніемъ представляемы были участниками въ лицахъ драматически.»

Въ 1790 году, при открытіи класса практической Русской Юриспруденціи и судопроизводства въ бывшемъ Благородномъ Пансіонѣ при Московскомъ Университетѣ, Горюшкинъ занялъ эту каѳедру и въ семъ заведеніи; и при семъ случаѣ 5-го Сентября читалъ вступительную лекцію напечатанную послѣ подъ названіемъ: «*Краткое разсужденіе о нуждѣ всеобщаго знанія Россійскаго Законоискусства, и о томъ, что несравненно тягостнѣе пріобрѣтать сію науку навыкомъ при отправленіи дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ, нежели по правиламъ избраннымъ изъ законовъ.*»

Въ этой вступительной лекціи Горюшкинъ между прочимъ говоритъ о планѣ своего преподаванія въ слѣдующихъ сло-

вахъ. «Я употреблю все мое стараніе, чтобы въ предъидущемъ ученіи преподать вамъ общее понятіе о Россійскомъ законоискусствѣ, о началѣ и происхожденіи Россійскихъ законовъ и правъ съ раздѣленіемъ ихъ на разные роды и виды и ихъ раздробленія, и. какъ должно поступать при производжденіи дѣлъ въ дѣйство; о правахъ и должностяхъ мѣстъ, учрежденныхъ для отправленія всего нужнаго къ благосостоянію Государства, и особъ къ тому опредѣленныхъ со всѣми перемѣнами, происходившими до нынѣшнихъ временъ. Покажу обрядъ, какой должно наблюдать при сочиненіи всякихъ писемъ, касающихся до оныхъ дѣлъ, и порядокъ, по которому полагать ихъ въ мѣстахъ на то учрежденныхъ, или отправлять производство самыхъ дѣлъ. А дабы все оное отправляемо было такъ точно, какъ должно дѣлать въ правительствахъ; то составляя для сего судебныя мѣста, и наполняя ихъ всѣми нужными къ тому чинами изъ васъ, по образу предписанному въ Высочайшихъ учрежденіяхъ изданныхъ для отправленія Губерній Россійскія Имперіи, и прочихъ законовъ, вы будете самымъ дѣломъ отправлять судопроизводство по дѣламъ разныхъ родовъ, вамъ заданнымъ.» Планъ сей почти одинаковъ съ планомъ преподаванія того же предмета въ Университетѣ, о которомъ упоминаетъ Г. Тимковскій; слѣдовательно Горюшкинъ одни и тѣже лекціи читалъ и въ Университетѣ и въ бывшемъ Благородномъ Пансіонѣ.

Продолжая службу въ Университетѣ и Благородномъ Пансіонѣ, Горюшкинъ, по соглашенію Университетскаго начальства съ Главнокомандующимъ въ Москвѣ, съ 25-го Ноября 1792 года, по Указу Правительствующаго Сената, въ свободное время отъ Университетской должности до четырехъ часовъ послѣ полудня, засѣдалъ членомъ въ Московской Палатѣ Уголовнаго Суда; оттуда по Указу Правительствующаго Сената отъ 11-го Августа 1795 года перемѣщенъ въ Казенную Палату. Потомъ именнымъ указомъ Императрицы Екатерины Великой отъ 10-го Декабря 1796 года прикомандированъ въ Комитетъ, учрежденный для изслѣдованія происшествій по обоимъ Воспитательнымъ Домамъ, Правителемъ Канцеляріи. А въ 1797 году 25-го Маія, по случаю уменьшенія членовъ въ Казенной Палатѣ, Указомъ Правительствующаго Сената остав-

ленъ при одной должности, возложенной на него Университетомъ, гдѣ съ 3-го Іюня 1803 года, сверхъ преподаванія лекцій, отправлялъ должность Синдика. 10-го Февраля 1811 года, Горюшкинъ по прошенію уволенъ отъ службы съ чиномъ Статскаго Совѣтника и съ полнымъ пенсіономъ.

Тимковскій, припоминая его во время Университетской службы, такъ описываетъ его наружность: «онъ былъ росту средняго, худощавъ, темнорусъ, лица блѣднаго съ морщинами, неказистаго, съ прижатымъ голосомъ, имѣлъ впрочемъ видъ добраго внушенія, инсинуацію; нерѣдко въ разсказѣ у него повторялось присловье: «вотъ видите!».—Горюшкинъ пожертвовалъ сумму для постоянной выдачи стипендій на двухъ студентовъ Юридическаго Факультета. По выходѣ изъ Университета, онъ жилъ въ Москвѣ, умеръ 24-го Сентября 1821 года, и погребенъ на Лазаревомъ кладбищѣ. По словамъ И. М. Снегирева, Горюшкинъ и въ отставкѣ, какъ юристъ богатый опытомъ и памятью, былъ полезенъ совѣтами своими тяжущимся, разрѣшалъ сомнѣнія самихъ судей и вопросы ученыхъ. Карамзинъ пользовался его совѣтами касательно исторіи Русскихъ законовъ, и его списками Русской Правды XV в. и Кіевской лѣтописи, которые онъ называетъ Горюшкинскими.

Памятниками учено-юридическихъ трудовъ Горюшкина остались: 1) *Вступительная лекція, читанная 5-го Сентября 1790 года при открытіи класса Россійскаго Практическаго Законоискусства въ Благородномъ Пансіонѣ при Московскомъ Университетѣ;* 2) *Три книги описанія судебныхъ дѣйствій, напечатанныя въ Москвѣ въ 1807, 1808 и 1815 годахъ;* 3) *Руководство къ познанію Россійскаго законоискусства, четыре книги, изданныя также въ Москвѣ въ 1811 и 1816 годахъ;* и 4) *О устроеніи нравственнаго состоянія подданныхъ*; но сіе послѣднее сочиненіе осталось неоконченнымъ и неизданнымъ.

Изъ трудовъ Горюшкина безспорно замѣчательнѣйшій есть: *Руководство къ познанію Россійскаго законоискусства.* Въ немъ вполнѣ высказались и обширныя познанія въ Русскихъ законахъ и природный умъ автора, и его недостатки въ научномъ образованіи. О системѣ, которой держался Горюшкинъ въ семъ руководствѣ, правильно замѣтилъ Профессоръ Морошкинъ: «что въ ней борется сильная безформная народность съ

классическими понятіями древнихъ и новѣйшихъ юриспрудентовъ.» Дѣйствительно руководство свидѣтельствуетъ, что Горюшкинъ много читалъ и много слышалъ о разныхъ системахъ законовѣдѣнія, но ни одной изъ нихъ не изучилъ надлежащимъ образомъ; а по сему принявшись составлять свою систему для Русскаго Законовѣдѣнія, волей неволей, былъ вовлеченъ во многія запутанности, надѣлалъ множество раздѣленій и подраздѣленій, и перемѣшалъ имъ же самимъ задуманный порядокъ изложенія. Онъ началъ тѣмъ, что раздѣлилъ права на слѣдующіе составы, по его выраженію: 1-й составъ о правахъ лица и семейства; 2-й составъ о правахъ сосѣдства; 3-й о правахъ селеній; 4-й о правахъ уѣздовъ; 5-й о правахъ городовъ; 6-й о правахъ губерній; 7-й о правѣ государственномъ, и 8-й о правѣ народномъ. Такимъ образомъ основною мыслію системы Горюшкина было то, чтобы представить постепенное развитіе права отъ одного лица и семейства до правъ международныхъ; но когда онъ приступилъ къ самому изложенію и объясненію сихъ правъ, то постоянно началъ уклоняться отъ своего порядка и перемѣшивать одни права съ другими. Такъ, напримѣръ, въ составѣ о правахъ и обязанностяхъ селеній у него помѣщенъ раздѣлъ о правахъ и обязанностяхъ Министра Удѣловъ, его Товарища, и разныхъ чиновниковъ Департамента Удѣловъ, а также о должностяхъ Казначея, Удѣльнаго Стряпчаго, Секретаря, Регистратора, Экзекутора, Архиваріуса и другихъ. Или въ составѣ о правахъ и обязанностяхъ уѣздовъ онъ помѣстилъ статьи: «о вступленіи дѣла въ судъ, о производствѣ дѣлъ, о изслѣдованіи дѣлъ, о пріобрѣтеніи и утвержденіи правъ, о храненіи правъ, о дѣлахъ въ нарушеніи правъ, о приготовленіи дѣлъ къ рѣшенію, о рѣшеніи дѣлъ, о объявленіи рѣшительныхъ опредѣленій участвующимъ въ дѣлахъ, о апеляціи и переносѣ дѣлъ вообще.» И такихъ смѣшеній и запутанностей трудъ Горюшкина представляетъ очень много; такъ что порядокъ, первоначально задуманный авторомъ, постоянно нарушается, и все сочиненіе представляетъ нестройную груду разнообразныхъ свѣдѣній о Русскомъ законодательствѣ.

Но помимо недостаточности системы и порядка, трудъ Горюшкина представляетъ много дѣльныхъ сторонъ, и указы-

ваетъ на довольно правильное пониманіе дѣла авторомъ и обширное изученіе предмета. Горюшкинъ, первый, указалъ на нравы, обычаи и пословицы Русскаго народа, какъ на источникъ юриспруденціи. Онъ въ предварительныхъ понятіяхъ о правахъ и законахъ вообще, придерживаясь текста 51 и 56 статей Екатерининскаго Наказа, даннаго Коммиссіи о сочиненіи проэкта новаго уложенія, очень вѣрно замѣтилъ: «что законоположеніе должно примѣнять къ народному умствованію, дабы воздержаться отъ узаконеній съ общимъ народа умствованіемъ невмѣстныхъ.» И основываясь на этомъ главномъ положеніи, онъ, послѣ общихъ предварительныхъ понятій о правахъ и законахъ, прямо обращается къ исторіи Русскаго Законодательства, какъ необходимому объясненію постепеннаго развитія народнаго духа или умствованія, и государственнаго устройства на Руси. Онъ начинаетъ исторію Русскаго Законодательства еще до времени приглашенія Варяго-Русскихъ Князей Новгородцами, и остатки сихъ древнѣйшихъ законовъ находитъ въ народныхъ Русскихъ пословицахъ. Потомъ въ самомъ приглашеніи Варяго-Русскихъ Князей Новгородцами, разбирая текстъ Нестора объ этомъ приглашеніи, находитъ поводъ замѣтить, что у Новгородцевъ были свои права и законы еще до приглашенія Варяго-Русскихъ Князей. Далѣе, постоянно слѣдя за текстомъ Несторовой лѣтописи, отмѣчаетъ разныя указанія на слѣды древняго Русскаго законодательства при Рюрикѣ, Олегѣ, Игорѣ, Ольгѣ, Святославѣ и Владимірѣ. Подробно упоминаетъ о всѣхъ сохранившихся извѣстіяхъ, относительно законовъ, изданныхъ Ярославомъ; говоритъ, сколько можно было по тогдашнему состоянію исторической литературы, о Русской правдѣ и постепенномъ ея развитіи и дополненіи въ послѣдующее время, до изданія Судебниковъ, при чемъ перечисляетъ всѣ древнія узаконенія до В. К. Ивана Васильевича, какія могъ собрать въ свое время, а также указываетъ на духовныя, договорныя, межевыя, жалованныя и другія грамоты Князей, начиная съ 1328 года, какъ на источникъ Исторіи Русскаго Законодательства. Далѣе упоминаетъ о Судебникѣ В. К. Ивана Васильевича, о другомъ Судебникѣ внука его Царя Ивана Васильевича, о Стоглавѣ, о таможенномъ уставѣ 1568 года, объ

уложеніи Царя Алексѣя Михайловича, о разныхъ регламентахъ и уставахъ Петра Великаго, и вообще о всѣхъ извѣстныхъ тогда древнихъ узаконеніяхъ и проэктахъ узаконеній отъ В. К. Ивана Васильевича до 1810 года. Конечно всѣ сіи упоминанія представлены въ краткомъ и далеко неполномъ обзорѣ, безъ изслѣдованій и объясненій, требуемыхъ наукою; но тѣмъ не менѣе они показываютъ, что Горюшкинъ понималъ важность и значеніе древнихъ памятниковъ законодательства, собиралъ ихъ, и старался по крайней мѣрѣ напоминать объ нихъ хотя перечисленіемъ названій. И надобно сознаться, что его попытка написать обзоръ древнихъ Русскихъ узаконеній была лучшею въ нашей литтературѣ до изданія Профессоромъ Рейцомъ Опыта Исторіи Россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ.

Сознаніе необходимости историческаго элемента проглядываетъ нерѣдко во всемъ руководствѣ Горюшкина. Авторъ, излагая дѣйствующіе законы о какомъ либо предметѣ, часто упоминаетъ и о древнихъ Русскихъ законахъ, относящихся къ тому же предмету; такъ что въ Горюшкинскомъ руководствѣ мы иногда встрѣчаемъ цѣлый рядъ узаконеній по какому либо юридическому вопросу, показывающихъ постепенное его измѣненіе. Напримѣръ, разсказывая о различныхъ названіяхъ господъ въ отношеніи къ своимъ рабамъ, Горюшкинъ начинаетъ указаніемъ на законы съ Судебника; вотъ его подлинныя слова: «Въ древнія времена именовались они Государями и Государынями своихъ рабовъ (Судеб. ст. 75, 76 и др.); нынѣ же называются боярами и боярынями (тутъ же и Улож. гл. 20-й стат. 10-й и проч.), господами и госпожами (во многихъ послѣдующихъ узаконеніяхъ), помѣщиками и помѣщицами, вотчинниками и вотчинницами (Грам. Двор. 1785 г. Апр. 21).» Или въ раздѣлѣ о правахъ незаконныхъ дѣтей указанія на разныя узаконенія восходятъ до Русской Правды и Кормчей. «Аже будутъ робьи дѣти у мужа, то статка имъ неимати, но свобода и съ матерью.» (Руск. Прав. гл. XXI. ст. 1.) А въ Уложеніи: «А кто учнетъ у себя въ дому дѣлати беззаконіе, съ робою съ женою или съ дѣвкою и приживетъ съ нею дѣтей, и въ томъ на него та раба учнетъ Государю бити челомъ, и такихъ жонокъ и дѣвокъ и на кого они учнутъ Го-

сударю бити челомъ, отсылати на Москвѣ на Патріаршъ дворъ, къ патріаршимъ приказнымъ людемъ» и проч. (Улож. гл. 20 ст. 80) Или, говоря о разныхъ свѣтскихъ чинахъ, Горюшкинъ представляетъ цѣлое росписаніе о свѣтскихъ властяхъ, бывшихъ въ древнія времена, и для означенія степеней ихъ службы беретъ въ основаніе верстанье ихъ помѣстными окладами; и на таковомъ основаніи насчитываетъ тринадцать степеней или классовъ древней службы по уложенію; классы сіи по его счету слѣдующіе: «1) бояринъ и дворовый воевода, 2) бояре, 3) кравчіе съ путемъ; 4) окольничіе, кравчіе, казначей, постельничіе, думный генералъ, думные дворяне и стряпчіе съ ключомъ; 5) печатникъ, 6) думные дьяки и Московскій ловчій; 7) ясельничій, укладничій, спальники, стольники; 8) генералы, полковники, стряпчіе, дворяне Московскіе, и степенные ключники; 9) тайныхъ дѣлъ дьяки, дворяне, которые служатъ по дворянскому списку, и дворяне городовые, которые служатъ по выбору; 10) дьяки, путные ключники, головы Московскихъ стрѣльцовъ, украинныхъ городовъ дѣти боярскія, копѣйщики, рейтары и дворяне, которые служатъ съ городомъ; 11) драгуны, солдаты, стряпчіе, чарошники, ветошники, задворные конюхи, сокольники и стременные конюхи; 12) сытники, царицына чину дѣти боярскія, подключники, кречетники, сотники Московскихъ стрѣльцовъ и капитаны; 13) Московскихъ разныхъ приказовъ подъячіе, которые верстаны помѣстнымъ окладомъ.» Конечно, таковыя указанія на древнія узаконенія далеко неудовлетворительны и даже иногда ошибочны въ своемъ основаніи: тѣмъ не менѣе они указываютъ хотя на неясную потребность въ Горюшкинѣ, преподавать науку Русскаго законовѣдѣнія исторически, что безспорно должно быть принято за весьма важную заслугу въ первомъ преподавателѣ Практическаго Законовѣдѣнія на Руси.

ГОФМАНЪ, Георгъ Францъ, Ординарный Профессоръ Ботаники, Статскій Совѣтникъ, сынъ Доктора Медицины и Штадтъ-Физика Генриха Гофмана, родился 1766 года Января 19-го дня въ городѣ Маркбрейтѣ, что на Майнѣ. — Первыя лѣта провелъ онъ въ домѣ отца своего, не получивъ при-

личнаго воспитанія; рисовальное искусство и особенно музыка были почти единственнымъ его занятіемъ и главною склонностію. Тринадцати лѣтъ онъ отправился въ Герборнъ къ дядѣ своему, Доктору Медицины и Ботанику Адаму Гофману. Тамъ двоюродная сестра его, Сусанна Гофманъ, потомъ бывшая супругою Тиленбургскаго Президента Альмендинга, извѣстная въ Германіи по своей учености, была первою его образовательницею, наставницею въ наукахъ и въ языкахъ: Латинскомъ, Греческомъ и Французскомъ. Она умѣла направить духъ его и представить науки въ видѣ привлекательномъ, пріучила находить въ нихъ не только пищу, но и наслажденіе ума, и такимъ образомъ вдохнула любовь и вкусъ къ познаніямъ. Юный Гофманъ, пылкій отъ природы, со всѣмъ энтузіазмомъ предался наукамъ; особенно ему нравилась Ботаника, и Леерзова Герборнская Флора (Leersii Flora Herbornensis 1775) была первою книгою, съ помощію которой на окрестныхъ поляхъ начиналъ онъ знакомиться съ растеніями. Быть Геттингенскимъ Профессоромъ — сдѣлалось его любимою мечтою, цѣлію жизни; онъ твердо рѣшился достичь ея — и эта рѣшимость—признакъ постояннаго характера — подкрѣпляла его въ трудныхъ занятіяхъ, которыя наконецъ увѣнчались успѣхомъ рѣдкимъ.

Обстоятельства не позволили ему долго остаться въ Герборнѣ; будучи семнадцати лѣтъ, онъ отправился въ Эрлангенъ, гдѣ въ то время занималъ важное въ Университетѣ мѣсто знаменитый ученикъ Линнея, Шреберъ, который, замѣтивъ въ Гофманѣ большія дарованія и охоту къ Ботаникѣ, старался поддержать и усилить ее — и тутъ же открылись характеръ и назначеніе Гофмана въ ученомъ мірѣ. Инымъ предоставлено совершенствовать начинанія своихъ предшественниковъ; другимъ назначено пролагать путь къ истинѣ для своихъ послѣдователей: Гофманъ принадлежалъ къ числу послѣднихъ.— Если ему не было суждено сдѣлать новый собственный чертежъ для всего растительнаго царства; по крайней мѣрѣ въ частныхъ розысканіяхъ, столь же необходимыхъ для полноты системы, какъ и общія, имъ представлены изслѣдованія довольно трудныхъ растеній, и труды его въ сихъ случаяхъ весьма много способствовали къ поясненію разныхъ частей Ботаники.

Великій *Линней* показалъ способы исполнить задачу Ботанической систематики; но область растительнаго царства, состоящая изъ грибовъ, поростовъ, водорослей и мховъ, мало была озарена свѣтомъ его генія. — Сіи растенія имѣютъ весьма несовершенное образованіе, и потому изслѣдованіе их очень трудно, но тѣмъ не менѣе важно и любопытно, cum rerum natura nunquam magis quam in minimis tota sit, говоритъ Плиній. Растительная жизнь, производящая величественныя пальмы и роскошныя розы, въ нисшихъ растеніяхъ есть та же самая; но здѣсь она находится въ первородной простотѣ и нераздѣльности, такъ сказать въ колыбели своей, изъ коей выходя, болѣе совершенствуется и разнообразится; съ нихъ-то начиная разсматривать растительную жизнь, мы можемъ замѣтить степени образованія и возрасты ея, и получить такимъ образомъ вѣрное понятіе о цѣломъ царствѣ.—И Гофманъ полюбилъ всего болѣе занятіе тайнобрачными растеніями: съ нихъ началъ свое ученое поприще, на нихъ основалъ свою славу и много споспѣшествовалъ къ приведенію ихъ въ порядокъ. Надобно было видѣть, съ какимъ особеннымъ участіемъ занимался ими, съ какимъ восторгомъ говорилъ объ открытіяхъ Микели, Дилленія, Линнея, Гедвига. — Въ то время, когда знаменитый Гедвигъ, открывши первый цвѣточныя части у нѣкоторыхъ тайнобрачныхъ растеній, издавалъ свои оригинальныя сочиненія о мхахъ, Гофманъ обратилъ все свое вниманіе на первоначальныя растенія изъ живущихъ на сушѣ — на поросты (lichenes), которые до него составляли у Ботаниковъ одинъ только родъ. Онъ установилъ изъ нихъ въ надлежащихъ границахъ особенный порядокъ, раздѣлилъ его на роды, сдѣлалъ самъ изображенія поростовъ и описалъ ихъ какъ въ чисто-ботаническомъ отношеніи, такъ и относительно ихъ употребленія въ общежитіи, Медицинѣ и промышленности. Сіе послѣднее онъ сдѣлалъ по поводу задачи, заданной Лейденскою Академіею о *пользѣ поростовъ* (de usu lichenum), отъ которой за удачное рѣшеніе получилъ золотую медаль 1789 года. Такимъ образомъ Гедвигъ и Гофманъ, первые, начали обработывать удачнѣе тайнобрачныя растенія и Гофманова система поростовъ столько же важна сколько Гедвигова система мховъ: Ахарій пошелъ по слѣдовалъ Гофмана; для изслѣдова-

ній Бриделя, Вебера, Мора основаніемъ были Гедвиговы творенія.

Первое *исчисленіе поростовъ* Enumeratio Lichenum iconibus et descriptionibus illustrata; Fasciculi I — IV. Erlangae 1784 in 4) со многими рисунками Гофманъ издалъ на 18 году своего возраста. Потомъ уже въ 1790—1796 год. издалъ (въ Лейпцигѣ) превосходное, доселѣ лучшее и весьма важное для Ботаники сочиненіе, подъ именемъ *Plantae lichenosae,* состоящее изъ 3-хъ томовъ въ листъ; каждый томъ содержитъ 24 великолѣпно раскрашенныхъ рисунка. — Кромѣ сего онъ писалъ и о прочихъ тайнобрачныхъ растеніяхъ въ особомъ сочиненіи (Vegetabilia Cryptogama. Erlangae in 4. I—IV) и въ Германской Флорѣ, о которой упомянемъ мы ниже.

Гофманъ, для пріобрѣтенія свѣдѣній въ Ботаникѣ, путешествовалъ по Голландіи и разнымъ мѣстамъ Германіи; возвратясь въ Эрлангенъ, 1786 года получилъ степень Доктора Медицины, въ которой имѣлъ обширныя свѣдѣнія; но, по характеру своему и за недостаткомъ времени отъ ученыхъ занятій по Ботаникѣ, практикою не занимался. Черезъ годъ, будучи 22 лѣтъ, сдѣлался Экстраординарнымъ Профессоромъ Ботаники въ Эрлангенѣ, гдѣ и пробылъ около 4 хъ лѣтъ. По поводу Докторства и Профессорства онъ напечаталъ *разсужденіе о пользѣ поростовъ* (Dissertatio inauguralis de vario lichenum usu. 4. Erlangae 1787) и *Ботаническія наблюденія* (Dissertatio pro licentia legendi, sistens observationes botanicas. 4. Erlangae 1787), и тутъ же издалъ важное сочиненіе, относящееся къ явнобрачнымъ растеніямъ, а именно *Исторію ивъ* (Historia Salicum, Tom. I. Lipsiae. in folio, 1785 — 87), какъ извѣстно, весьма трудныхъ для распознаванія. Это изданіе замѣчательно по приложеннымъ къ нему изображеніямъ, кои рисованы и гравированы самимъ авторомъ, что̀ весьма важно, поелику изображеніе мелкихъ частей необходимо требуетъ руки Ботаника: живописецъ и граверъ — не-Ботаники, сдѣлаютъ ихъ красиво, но, не зная въ чемъ состоитъ главная отличительность, могутъ опустить безъ вниманія или переиначить мелкія подробности, въ коихъ иногда заключается характеристика растеній.

Наконецъ въ 1792 году сбылось желаніе Гофмана и какъ бы предчувствіе его духа: ему предложили каѳедру Профессора въ Геттингенѣ и должность Директора Ботаническаго сада на мѣсто Муррая, преемника великаго Галлера.

Здѣсь слава его распространилась: отвсюду стекались слушатели на его лекціи, въ числѣ нихъ были мужи славнѣйшіе, каковы на пр. Гёте, Маттисонъ, Гумбольтъ, Персонъ, и множество другихъ.

Король Баварскій, Людовикъ, также слушалъ лекціи Гофмана, почтилъ его особенною своею дружбою и крестилъ старшаго его сына, Людовика.

Въ скоромъ времени Гофманъ издалъ *Германскую Флору* (Deutschlands Flora oder Botanisches Taschenbuch fur das Jahr 1794, 1795 и 1796 in 12. Erlangen), съ Латинскимъ текстомъ въ 3-хъ небольшихъ томахъ, формы изящной и весьма способной для ботаническихъ экскурсій. Къ ней приложены гравированные анализы злаковъ (gramina) и изображенія нѣкоторыхъ тайнобрачныхъ растеній. Два изданія ея (второе 1800 — 1804) разошлись въ самомъ скоромъ времени; въ продолженіи 20 лѣтъ они были единственною Германскою флорою; ибо Шрадерова заключаетъ только 4 первые класса; Мертенсъ и Кохъ въ 1822 году издали также только 1 том. до 5 класса, и наконецъ уже въ 1825 году Блюфъ и Фингергутъ издали сокращеніе Германской флоры (Compendium Florae Germanicae Tom. I. Norimbergae), въ которомъ, по словамъ издателей, приняты всѣ правила, образъ описанія Гофмановой Флоры, но которое также доведено еще только до 14 класса.

Оба Неэсъ-Фонъ-Эзенбеки, одни изъ лучшихъ Ботаниковъ нашего времени, къ сей послѣдней Флорѣ приложили свое предисловіе, въ которомъ объ Гофмановой книгѣ отзываются съ такими чувствами: «Сожалѣли мы, что нѣтъ у насъ Германской флоры, которая могла бы служить руководствомъ въ ботаническихъ путешествіяхъ, и въ тоже время, воспоминая съ благодарностью о выгодахъ, намъ нѣкогда доставленныхъ сочиненіями Гофмана о Германскихъ растеніяхъ, тронуты были до глубины сердца, видя экземпляры втораго изданія, отъ большаго употребленія устарѣвшіе, и проч.»

Кромѣ сего Гофманъ издалъ сокращеніе *Шмитовой Бри-*

танской Флоры (Compendium Florae Britanniae auctore Smith in usum Florae Germanicae, edidit Hoffman. Erlangae. 1801 in 16), *Описаніе Гарцскихъ подземныхъ* т. е въ рудокопняхъ находящихся *растеній* (Vegetabilia Hercyniae subterranea. Norimbergae, in folio. 1796 — 809 3 тетради и *Геттингенскаго сада* (Hortus Gottingensis, in folio. Gotting. 1793), *Исчисленіе врачебныхъ растеній* (Syllabus plantarum officinalium. Gotting. 1802 in 8.) и нѣкоторыя другія. Труды его находятся также въ Запискахъ Геттингенскаго Королевскаго Общества наукъ (Commentarii societatis regiae Gottingensis) и въ повременномъ изданіи: Göttingische gelehrte Anzeigen.

Когда Государю Императору блаженныя памяти Александру I-му угодно было преобразовать Московскій Университетъ, то Гофманъ въ 1803 году вызванъ былъ Попечителемъ Московскаго Университета М. Н. Муравьевымъ въ Россію, и Января 14 дня 1804 г. вступилъ въ Россійскую службу Ординарнымъ Профессоромъ Ботаники при Московскомъ Университетѣ, въ которой должности и находился до конца своей жизни, и за свою ревностную службу произведенъ въ Статскіе Совѣтники 1819 г. и пожалованъ Орденомъ Св. Анны 2 й степени 1822 года 28 Февраля.

Аптекарскій садъ, купленный Университетомъ, Гофманъ превратилъ въ Ботаническій, и въ 1808 году издалъ его описаніе: *Hortus Mosquensis* in fol., содержащее исчисленіе растеній онаго сада, планъ его и описанія съ рисунками двухъ новыхъ родовъ растеній, имъ отличенныхъ и названныхъ Razumowskya и Demidovia, въ честь двухъ знаменитыхъ распространителей Ботаники въ Россіи. — Сей садъ начиналъ уже приходить въ хорошее состояніе; но едва разцвѣтшій, въ 1812 году, былъ опаленъ пламенемъ Московскаго пожара, съ тѣмъ вмѣстѣ Гофманъ лишился своей богатой библіотеки и невозвратно—приготовленной и пополненной третьяго изданія Германской флоры.

Послѣ сего Гофманъ издалъ свои важныя изслѣдованія надъ зонтичными растеніями. Сіе семейство есть одно изъ труднѣйшихъ для распознанія и различенія по родамъ, и хотя еще прежде занимались ими Ботаники знаменитые, каковы: Кранцъ, Гертнеръ, Шкуръ и Куртъ Шпренгель; но до Гофмана раз-

дѣленіе ихъ не имѣло надлежащаго основанія. Систематическое расположеніе, какъ всего растительнаго царства, такъ и частное семействъ и родовъ, должно быть основано на сущности и отличительномъ свойствѣ растеній; ибо и внутреннія ихъ качества и силы всегда находятся въ соотвѣтственности съ наружною формою. Сущность зонтичныхъ растеній заключается въ корнѣ и соотвѣтствующемъ ему органѣ сѣмени (Umbelliferarum vis praecipue in radice et seminibus residet. *Linn.*), почему Гофманъ и обратилъ все свое вниманіе на сѣмена ихъ, и нашелъ, что существеннѣйшая часть въ сихъ послѣднихъ суть особенные сосуды, содержащіе въ себѣ ароматическія масла, отъ коихъ зависитъ вся сила и пряность сихъ растеній; онъ первый различилъ ихъ, назвалъ Латинскимъ словомъ vittae (полоски), принялъ за основаніе, и по нимъ обработалъ и распредѣлилъ по мѣстамъ зонтичныя растенія, привелъ въ надлежащую совокупность, при чемъ установилъ многіе новые роды и издалъ въ свѣтъ, на иждивеніи братьевъ Зосимъ, прекрасную книгу: Genera Umbelliferarum Mosquae 1816 in 8., при коей приложены самые мелкіе анализы цвѣтовъ и плодовъ сихъ растеній, рисованные также самимъ авторомъ. Въ Leipz. Litter. Zeitung 1815, N. 285 опровергаемы были сіи начала — но истина осталась на сторонѣ Гофмана: вѣрность и прочность принятыхъ имъ началъ доказаны тѣмъ, что Кохъ, писавшій послѣ него о зонтичныхъ растеніяхъ, принялъ какъ оныя, такъ равно и терминологію и почти всѣ роды, установленные Гофманомъ.—Тоже сдѣлали Блюфъ и Фингергутъ въ своей Германской флорѣ, и другіе.

Замѣтимъ также двѣ рѣчи, произнесенныя Гофманомъ въ торжественныхъ Собраніяхъ Университета: одну 1807 г. *о Ботаническо-Медицинскихъ садахъ* (Oratio in Universitate Mosquensi habita de hortis Botanico-Medicis, in 4. Mosquae. 1807), а другую 1823 г. *о распространеніи Ботаники въ Россіи* (de fatis et progressibus rei Herbariae, inprimis in Imperio Rutheno): обѣ онѣ представляютъ образцы отличнаго знанія Латинскаго языка и изящества слога; къ послѣдней приложены изображенія Лотоса Египетскаго (Nymphaea Lotus L.) и Лотоса Каспійскаго (Nelumbium Caspicum *Fischer*. Nymphaea Nelumbo), для показанія ихъ различія.

Въ 1817 году Гофманъ вступилъ въ должность Профессора Ботаники и Фармакологіи въ Московское Отдѣленіе Медико-Хирургической Академіи, при которой издалъ весьма способное для классовъ *Сокращеніе Фармакологіи* (Compendium Pharmacologiae in usum praelectionum Academicarum, in 8. Mosquae. 1821); началъ изданіе *употребительныхъ растеній* (Les plantes usuelles, in fol.) на Французскомъ языкѣ, съ прекрасными литографированными и раскрашенными изображеніями, но оно не вышло въ свѣтъ.

Травники (herbarium) для Ботаниковъ необходимы, и потому Гофманъ, въ продолженіе всей жизни, заботился о семъ и составилъ значительное собраніе растеній, изъ коихъ часть досталась Медико-Хирургической Академіи, а другая Московскому Университету: въ сей послѣдней замѣчательно особенно собраніе растеній знаменитаго Эргарта, которое можетъ почесться классическимъ; ибо оно составлено большею частію въ Упсалѣ, подъ руководствомъ самого Линнея.

Приведеніе въ порядокъ сего Университетскаго Гербарія и Каталогъ онаго (Herbarium vivum sive collectio plantarum siccarum Caesareae Universitatis Mosquensis. Tomi. II. Mosquae 1824—26 in 8) были послѣднимъ ботаническимъ трудомъ Гофмана; оканчивая его, за шесть дней до своей смерти, онъ занимался опредѣленіемъ поростовъ и составилъ новую таблицу тайнобрачныхъ растеній. Такимъ образомъ чѣмъ началась, тѣмъ и окончилась ученая жизнь сего мужа, замѣчательная въ лѣтописяхъ науки о растеніяхъ.—Именемъ его Ботаники назвали особливый родъ растенія (Hoffmania), и большая часть Ученыхъ Обществъ нарекли его своимъ Членомъ: онъ былъ Директоромъ Общества Фитографическаго Геттингенскаго и Членомъ Ученыхъ Иностранныхъ Обществъ: Линнеевскаго Лондонскаго (1794), Испытателей природы Гарлемскаго (1799), Парижскаго (1799), Ганноверскаго (1800), Веттеравскаго (1808), Берлинскаго (1811), Лейпцигскаго (1819), Марбургскаго (1817), Физическаго Туринскаго (1793), Физико-Медицинскаго Эрлангенскаго (1809), Медицинскаго Швейцарскаго (1791), Физическаго Іенскаго (1796), Наукъ и искуствъ Маинцкаго (1802), Вольнаго Нантскаго (1802), Гетскаго (1797), Математико-Физическаго Эрфуртскаго

(1796), Ботаническаго Регенсбурскаго (1789), Королевскаго Геттингенскаго Наукъ (1792), и нѣкоторыхъ еще другихъ, также корресподентомъ Швейдфуртскаго Ботаническаго (1820), Членомъ Обществъ въ Россіи: С. Петербургскаго Фармацевтическаго (1819), и Вольнаго Экономическаго (1804), Московскихъ: Испытателей природы и Физико-Медицинскаго, а равно и установившагося было Горенскаго.

Въ 1824 году онъ занемогъ тяжкою простудою, и хотя черезъ годъ оправился, читалъ еще лекціи, и занимался науками, но уже носилъ въ себѣ разрушеніе, которое послѣдовало быстро. 1826 года въ Мартѣ мѣсяцѣ 5-го числа въ 2 часа по полуночи онъ скончался, оставивъ по себѣ двухъ сыновъ, окончившихъ курсъ Медицинскихъ наукъ въ И. М. Университетѣ, изъ которыхъ старшій Левъ (Людовикъ) и нынѣ состоитъ на службѣ, а младшій (Юлій), скоро по окончаніи курса, умеръ, и двухъ дочерей въ цвѣтущемъ возрастѣ, которыя обѣ давно уже замужемъ и матери семействъ.—Супруги своей лишился онъ еще въ 1817 году.

Что касается до характера и частной жизни Гофмана, то онъ слишкомъ мало заботился о благахъ фортуны; кругъ желаній его былъ ограниченъ, и потому выполненъ: пользуясь славою ученаго, уважаемый друзьями и знакомыми, посреди милаго семейства онъ находилъ все свое счастіе. Музыка, навсегда оставшаяся любимымъ его занятіемъ въ свободные часы, положила на его характеръ съ самаго младенчества какой-то піитическій оттѣнокъ: тихая веселость, безпечность, радушіе къ другимъ и самодовольствіе—поруки душевнаго покоя —были неизмѣнными спутниками его жизни, которая принесла много пользы наукѣ, а ему была наслажденіемъ и въ лѣтахъ преклонныхъ.

Одинъ изъ благодарныхъ учениковъ его, бывшій Профессоръ Ботаники М. А. Максимовичь, описалъ жизнь его, — и этотъ трудъ предложилъ главный матеріалъ для сего жизнеописанія.

ГОФМАНЪ, Карлъ Карловичь, Экстраординарный Профессоръ Греческой Словесности, Гессенъ-Кассельскій подданный, удостоенъ степени Доктора Философіи и Магистра свободныхъ

наукъ отъ Марбургскаго Университета 1835 г. Ноября 9-го; по надлежащемъ испытаніи въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, получилъ свидѣтельство на званіе домашняго учителя для преподаванія *Латинскаго*, Греческаго и Нѣмецкаго языковъ 1835 г. Октября 5-го; поручено ему въ Московскомъ Университетѣ преподаваніе Греческой Словесности и Древностей за особую плату 1837 г. Іюля 14-го; съ Высочайшаго соизволенія опредѣленъ Экстраординарнымъ Профессоромъ по каѳедрѣ Греческой Словесности и древностей 1841 г. Марта 4-го. Преподавалъ въ теченіи семи лѣтъ съ половиною и выбылъ за границу въ 1849 году. Въ 1844 году на актѣ Іюня 10-го произнесъ рѣчь на Латинскомъ языкѣ: *De Graeca Tragoedia in sacris ponenda.* Издалъ: 1) *Thucydidis de bello peloponnesiaco.* Volumen I. (libr. I) E codicibus recognovit, annotatione instruxit, scholia graeca adjecit, Karolus Hofman Hessus. Mosquae. 1840. 2) *Euripidis Medea.* E recognitione et cum notis Witzscheli edidit Carolus Hofmanus Hessus. Mosquae. 1842. Съ краткимъ предисловіемъ издателя о цѣли и пользѣ перепечатаннаго имъ Витчелева изданія. Въ концѣ присоединенъ обзоръ метровъ (conspectus metrorum) этой трагедіи, и Греческій указатель (index graecus). 3) *Aeschinis in Ctesiphontem et Demosthenis pro corona orationes.* Recognovit et brevi annotatione critica instruxit Karolus Hofman Hessus. Accedunt Disseni de structura periodorum orationis dissertatio atque Winiewski et Disseni in Demosthenis orationem commentarii. Mosquae. 1845. Съ краткимъ предисловіемъ издателя, и Греческимъ указателемъ. 4) *Донатъ. Учебная книга Латинскаго языка.* Составилъ Карлъ Гофманъ. 1847.

ГРАНОВСКІЙ, Тимоѳей Николаевичъ, Ординарный Профессоръ Всеобщей Исторіи, Коллежскій Совѣтникъ, родился 10-го Марта, 1813 года, въ городѣ Орлѣ и получилъ начальное образованіе въ домѣ родителей своихъ. Въ 1826 году, онъ былъ помѣщенъ въ учебное заведеніе Доктора Кистера, въ Москвѣ, гдѣ пробылъ, впрочемъ, недолго. Въ 1828 году, онъ оставилъ пансіонъ Кистера и слѣдующіе за тѣмъ три года провелъ почти безвыѣздно въ Орловской деревнѣ отца своего. Учителей у него тогда не было, но этотъ недостатокъ

отчасти вознаграждался возможностію пользоваться книгами изъ довольно значительной частной библіотеки, которая въ то время существовала въ Орлѣ. Въ 1832 году, по выдержаніи экзамена, Грановскій поступилъ въ число студентовъ Юридическаго Факультета С.-Петербургскаго Университета и черезъ три года получилъ степень Кандидата Юридическихъ наукъ.

Черезъ мѣсяцъ, по окончаніи курса, Грановскій опредѣлился въ службу секретаремъ 1-го Отдѣленія Гидрографическаго Депо, при Морскомъ Министерствѣ. Въ то же время онъ началъ заниматься литературою и помѣщалъ свои статьи, преимущественно историческаго содержанія, въ журналѣ «Библіотека для чтенія.» Возможностію вполнѣ посвятить себя ученой дѣятельности Грановскій обязанъ тогдашнему Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, Графу Сергію Григорьевичу Строганову, по представленію котораго онъ былъ отправленъ за границу на счетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для занятія, по возвращеніи, каѳедры Всеобщей Исторіи въ Московскомъ Университетѣ. Большую часть трехлѣтняго пребыванія своего въ Германіи (1836—1839) Грановскій провелъ въ Берлинѣ. Сверхъ слушанія Университетскихъ лекцій, онъ занимался частнымъ образомъ Латинскимъ языкомъ подъ руководствомъ Авг. Цумпта и Философіею съ Вердеромъ. Въ историческихъ упражненіяхъ, которыя происходили подъ руководствомъ Профессора Ранке и состояли въ разборѣ источниковъ слушателями знаменитаго историка, онъ принималъ постоянное участіе. Возвратившись въ Россію, въ Августѣ 1839 года, Грановскій былъ опредѣленъ преподавателемъ Всеобщей Исторіи въ Московскомъ Университетѣ и немедленно приступилъ къ исправленію своей должности. Въ 1845 году, онъ окончилъ начатое имъ испытаніе на степень Магистра Историческихъ наукъ и по защищеніи диссертаціи: *«Юлинъ, Іомсбургъ и Винета»*, былъ утвержденъ въ званіи исправляющаго должность Экстраординарнаго Профессора. Въ 1848 году, Грановскій удостоенъ Высочайшаго благоволенія и назначенъ исправляющимъ должность Ординарнаго Профессора. Въ 1849 году, онъ выдержалъ испытаніе на степень Доктора, защищалъ публично диссертацію: *«Аббатъ Су-*

горій» и былъ окончательно утвержденъ въ званіи Ординарнаго Профессора.

Съ 1842 года до 1847 г. Профессоръ Грановскій исправлялъ должность Инспектора частныхъ Учебныхъ Заведеній въ Москвѣ. Сверхъ своихъ Университетскихъ лекцій, онъ три раза читалъ публичные курсы, изъ которыхъ послѣдній, читанный имъ вмѣстѣ съ другими Профессорами Московскаго Университета, въ пользу недостаточныхъ студентовъ, изданъ въ 1852 году подъ заглавіемъ: *Четыре историческія характеристики.*

ГРЕЛЛЬМАННЪ, Генрихъ Маврицій Готтлибъ (Grellmann Heinrich Moritz Gottlieb), Ординарный Профессоръ Статистики, Надворный Совѣтникъ, родился въ Іенѣ, 7-го Декабря 1758 года, отъ родителей довольно зажиточныхъ, честныхъ мѣщанъ. Отецъ его, Павелъ Грелльманнъ, былъ хлѣбникъ; мать дѣятельная хозяйка. Получивъ первоначальное воспитаніе въ родительскомъ домѣ, онъ отправленъ былъ родителями своими въ Веймаръ, гдѣ процвѣтала тогда одна изъ превосходнѣйшихъ Нѣмецкихъ Гимназій подъ руководствомъ Директора Іог. Михаила Гейнце, филолога, который своими переводами древнихъ классиковъ и учеными разсужденіями, писанными прекраснымъ Латинскимъ слогомъ, пріобрѣлъ большую извѣстность въ Нѣмецкой публикѣ. Товарищами Грелльманна по Гимназіи были знаменитый врачь Гуфеландъ и писатель Коцебу. Своими дарованіями, успѣхами и трудолюбіемъ, Грелльманнъ скоро пріобрѣлъ довѣренность и любовь Директора Гимназіи, который не только ставилъ его въ образецъ товарищамъ, но принялъ его въ домъ свой и, по окончаніи имъ наукъ, отдалъ за него замужъ любимую дочь свою. Грелльманнъ оставался въ Веймарской Гимназіи до 1779 года, потомъ же возвратился въ Іену и въ тамошнемъ Университетѣ продолжалъ ученіе.

Сначала Грелльманнъ посвятилъ себя Богословію, особенно же эксегезѣ, Библейской критикѣ и Церковной Исторіи, наукамъ, которыя въ то время процвѣтали въ Германіи трудами Эрнести, Землера, Іог. Давида Михаэлиса и другихъ. Въ бумагахъ, оставшихся послѣ покойнаго, находились многія сочиненія,

касавшіяся библейской литературы. Грелльманнъ весьма часто проповѣдывалъ въ Іенѣ, Веймарѣ и окрестныхъ церквахъ, и заслуживалъ всеобщее одобреніе: успѣху его на этомъ поприщѣ содѣйствовали его познанія въ Богословіи и Нравоученіи, его мужественная наружность, твердый и звучный голосъ, способъ изложенія не слишкомъ пылкій и быстрый, не излишне медленный. Напечатана была торжественная рѣчь, произнесенная имъ въ церкви Іенскаго Университета: *De prudentia, qua negotium Augustanae Confessionis peregerint Confessores.* Ienae. 1780. 4. Между тѣмъ, еще во время пребыванія своего въ Іенѣ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, Грелльманнъ оставилъ богословскія занятія и посвятилъ себя наукамъ историческимъ, статистическимъ и политическимъ. Согласно съ предшествовавшими занятіями своими онъ обратилъ особенное вниманіе на отношеніе Церкви и Религіи къ гражданскому состоянію народовъ, и въ разныхъ, позднѣе изданныхъ имъ сочиненіяхъ, показалъ, какое великое вліяніе имѣла разность этихъ отношеній на степень общественнаго благосостоянія у образованныхъ народовъ Европы. Въ 1781 году, Грелльманнъ переѣхалъ въ Геттингенъ, чтобы тамъ пользоваться лекціями Гейне, Гаттерера, знаменитаго Шлецера, и сокровищами тамошней библіотеки, для распространенія своихъ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній. Скоро обнаружилъ онъ передъ ученымъ сословіемъ свои дарованія, литературную дѣятельность и воззрѣнія, не совсѣмъ обыкновенныя.

Случилось такъ, что въ Геттингенѣ Грелльманнъ поселился въ домѣ славнаго Профессора Бюттнера, мужа изумительной учености, но весьма страннаго въ обхожденіи. Бюттнеръ чуждался и товарищей и студентовъ; доступъ къ нему былъ труденъ; немногіе друзья только его посѣщали; иностранцы же не иначе какъ по отношеніямъ службы или какимъ нибудь дѣламъ. Но Грелльманнъ умѣлъ снискать его благосклонность: Бюттнеръ не только принималъ его весьма дружелюбно, но и позволилъ свободно пользоваться своею библіотекой, которая, по смерти Профессора, вошла въ составъ библіотеки Іенскаго Университета. Ученыя изслѣдованія Бюттнера касались почти исключительно происхожденія и родства языковъ. Съ востор-

женною любовію, не щадя издержекъ, собралъ онъ все то, что могло послужить къ точнѣйшему познанію языковъ даже самыхъ незначительныхъ и отдаленныхъ народовъ. Сокровище языкознанія, собранное Бюттнеромъ, долго оставалось мертвымъ для ученыхъ въ Іенскомъ книгохранилищѣ: Грелльманнъ, первый, тогда имъ воспользовался. Здѣсь отъискалъ онъ списки словъ изъ языковъ Индійцевъ и Цыганъ: онъ замѣтилъ родство между ними; его поразило историческое обстоятельство, что Цыгане только въ послѣднихъ столѣтіяхъ являются разсѣянными по всему земному шару, за исключеніемъ развѣ Америки, а до XV-го столѣтія нѣтъ никакого слѣда ихъ. Онъ возъимѣлъ мысль изслѣдовать точнѣе происхожденіе и судьбы этого народа. Такимъ образомъ былъ написанъ его *Historischer Versuch uber die Lebensart, Verfassung, Sitten und Schicksale der Zigeuner in Europa nebst ihrem Ursprung*. Этотъ *Историческій опытъ о Цыганахъ* вышелъ въ 1783 г. въ Дессау и Лейпцигѣ, а умноженнымъ и улучшеннымъ изданіемъ въ 1797 г. въ Геттингенѣ. Здѣсь Грелльманнъ опровергъ всѣ предшествовавшія ему мнѣнія о происхожденіи Цыганъ и доказалъ, что его надобно искать въ Индостанѣ; что Цыгане составляли прежде часть нисшей касты Индійскаго народа и что предки нынѣшнихъ Цыганъ вытѣснены были изъ своего отечества Тимуромъ, который въ началѣ XV-го вѣка опустошилъ Азію до Инда. Эта книга доставила славу Грелльманну въ Англіи и во Франціи, потому что она вышла въ Англійскомъ переводѣ въ Лондонѣ, а на Французскій языкъ была переведена Барономъ Бокомъ въ Парижѣ. Въ Ганноверѣ же слава его такъ возрасла, что онъ въ 1787 году получилъ каѳедру Профессора Философіи въ Геттингенскомъ Университетѣ въ одно время съ Профессоромъ Буле. Вступительною лекціею его было: *De Pontificibus Romanis, Christianae religionis in Germania auctoribus, prolusio;* Gottingae. 1787. 4.

Пребываніе Грелльманна въ домѣ Профессора Бюттнера послужило поводомъ къ дружеской связи между имъ и славнымъ нѣмецкимъ юмористомъ, Лихтенбергомъ, который жилъ съ нимъ по сосѣдству. Грелльманнъ былъ сотрудникомъ Лихтенберга при изданіи Геттингенскаго Альманаха въ теченіи многихъ лѣтъ и помѣщалъ въ немъ мелкіе историческіе

отрывки, приспособленные ко вкусу читателей, любящихъ занимательное чтеніе. Всѣ эти отрывки Грелльманнъ позднѣе издалъ вмѣстѣ особою книжкою подъ заглавіемъ: *Historische Kleinigkeiten zum Vergnügen und Unterricht, aus der Zerstreuung gesammelt*. Göttingen. 1794. 8.

Но Грелльманъ, конечно, не ограничивался этими занятіями. Онъ читалъ въ Геттингенѣ публичные и приватные курсы Всеобщей Исторіи, Исторіи государствъ новѣйшихъ, Статистики и Географіи. Онъ издалъ для Протестантовъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, замѣчательную книгу: *Geschichte der Stolgebühren oder geistlichen Accidenzien nach ihrer ersten Entstehung und allmäligen Entwickelung*. 1795. 8. Онъ писалъ рецензіи на историческія и статистическія книги для Геттингенскихъ ученыхъ Вѣдомостей; своему наставнику и другу, Шлецеру, помогалъ при изданіи Политической газеты, которая тогда въ Германіи читалась съ жадностію. Шлецеръ, во время путешествія своего по Италіи, собралъ множество матеріаловъ, которыхъ изданіе могло пролить свѣтъ на новое состояніе Италіянскихъ государствъ. Онъ побудилъ Грелльманна перевести эти матеріалы съ Латинскаго и Италіянскаго языковъ и напечатать. Такимъ образомъ явились *Italiänische Staats-Anzeigen* (Band. I. St. 1. II. Göttingen. 1785. St. III. 1786) и особенная книга: *Über den gegenwärtigen Zustand des Päbstlichen Staats, vornehmlich in Hinsicht auf seine Justizpflege und politische Oeconomie*, послѣдняя безъ имени издателя (Helmstädt. 1792).

Въ тоже самое время Грелльманнъ замышлялъ огромный трудъ, гораздо важнѣйшій и давно желанный всѣми людьми государственными: сжатое статистическое изображеніе Римско-Германской Имперіи. Путь къ совершенію такой задачи былъ въ нѣкоторой степени открытъ ему книгою Пюттера, которая издана была по повелѣнію Англійской Королевы: *Historische Entwickelung der Staatsverfassung des Deutschen Reichs* von Karl dem Grossen bis auf unsere Zeiten. Göttingen. 1786, in 3 Theilen. Пюттера Грелльманнъ избралъ себѣ въ руководители и почти четырнадцать лѣтъ работалъ надъ первымъ томомъ книги: *Staaskunde der vornehmsten welt-und geistlichen Staaten von Deutschland*, Göttingen. 1790. Новое из-

даніе этой части вышло въ 1801 году подъ заглавіемъ: *Historisch-statistisches Handbuch von Deutschland und den vorzüglichsten seiner besonderen Staaten. Erster Theil. Allgemeiner Abriss des Teutschen Reichs.* Это сочиненіе содержало всеобщую Статистику Нѣмецкой Имперіи, но не касалось частной Статистики отдѣльныхъ Нѣмецкихъ государствъ. Опытъ Грелльманна былъ встрѣченъ въ Германіи самымъ лестнымъ и почетнымъ пріемомъ. Ганноверское Правительство наградило его значительнымъ подаркомъ, прибавило ему жалованья, наименовало его немедленно Ординарнымъ Профессоромъ Статистики. Ждали съ нетерпѣніемъ отъ Грелльманна Статистики отдѣльныхъ Нѣмецкихъ государствъ. Друзья и товарищи поощряли и торопили его къ совершенію этого труда. Но не смотря на то, прошло 12 лѣтъ, и трудъ его не являлся. Симъ замедленіемъ Грелльманнъ вредилъ своей славѣ. Принялся снова за продолженіе труда, когда уже получилъ приглашеніе въ Москву, гдѣ, конечно, не могло быть всѣхъ матеріаловъ, для того необходимыхъ, чтобы довершить имъ начатое. На вопросы Буле: почему покинулъ онъ трудъ, съ такою славой имъ начатый? — Грелльманнъ отвѣчалъ, что продолженіе одной и той же работы сначала его утомило, что Французская революція отвлекла своими событіями его вниманіе, что состояніе Нѣмецкихъ государствъ во время войны съ Французами своею шаткостію и неопредѣленностію приводило Статистика въ отчаянную невозможность представить точное изображеніе государствъ, положеніе которыхъ могло измѣниться въ самое время печатанія труда его, и что по необходимости онъ долженъ былъ выжидать возстановленія мира. Но и въ это время Грелльманнъ не оставался празднымъ. Онъ перевелъ на Нѣмецкій языкъ многія Англійскія и Французскія сочиненія, появившіяся въ эти годы; издалъ *Statistische Aufklärungen über wichtige Theile und Gegenstände der Oesterreichischen Monarchie* и другія мелкія сочиненія.

Всѣ эти ученые труды пріобрѣли Грелльманну ту славу, которая побудила Попечителя Московскаго Университета, М. Н. Муравьева, пригласить его въ Москву къ занятію каѳедры Ординарнаго Профессора Исторіи и Статистики. Изъ всѣхъ приглашенныхъ въ то время Муравьевымъ Профессо-

ровъ Грелльманнъ, первый, безъ замедленія и раздумья, последовалъ приглашенію; ревностно и самостоятельно опровергалъ всѣ противорѣчія друзей и товарищей; почти ежедневно побуждалъ Гофмана, Буле и другихъ принять вмѣстѣ съ нимъ твердое рѣшеніе ѣхать въ Россію, и пріѣхалъ къ намъ съ великими, разнообразными и обширными надеждами и ожиданіями.

Въ бумагахъ Муравьева сохранилось письмо Грелльманна, писанное изъ Геттингена отъ 5-го Сентября 1803 года, въ которомъ Профессоръ, кромѣ причинъ семейныхъ, замедляющихъ отъѣздъ его, приводитъ и историческо-статистическій трудъ свой, требовавшій двухъ или трехъ мѣсяцевъ на совершеніе. Профессоръ желалъ привезти его съ собою въ гостинецъ Попечителю. Онъ обѣщаетъ пріѣхать въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ и открыть свой курсъ въ Августѣ; благодаритъ за присылку 1500 р. путевыхъ денегъ, которыя получилъ отъ Надворнаго Совѣтника Мейнерса, бывшаго посредникомъ между Попечителемъ и приглашенными Профессорами.

Грелльманнъ объявилъ свой курсъ въ Каталогѣ лекцій 180$\frac{4}{5}$ академическаго года. 31-го Августа читалъ на Латинскомъ языкѣ вступительную лекцію, тогда же напечатанную: *De natura et fructu Statistices.* (Oratio aditialis pro munere Professoris Historiae et Statistices suscipiendo, in solemnibus diei onomastico Alexandri I, omnium Russiarum Imperatoris et Autocratoris, optimi Patriae Patris, sacris, die XXI Augusti MDCCIV habita ab Henr. Maur. Gottlieb Grellmann). Лекція вышла съ переводомъ на Русскій языкъ: *О свойствѣ и пользѣ Статистики. Вступительное къ преподаванію Исторіи и Статистики Слово.* Эта лекція обнаруживаетъ благородный образъ мыслей Профессора и теплое чувство, какимъ согрѣто было его воззрѣніе на новое отечество, которое избралъ онъ себѣ для продолженія своего ученаго поприща. Къ прискорбію друзей и новыхъ товарищей, надежды Грелльманна не сбылись. Вскорѣ по открытіи лекцій, онъ занемогъ жестокою горячкою, и не смотря на помощь и искусство отличныхъ врачей, скончался 1-го Октября 1804 года, 46 лѣтъ. Товарищъ и другъ его Буле почтилъ его память рѣчью, читанною имъ въ собраніи Профессоровъ Московскаго Университета, 11-го Января

1805 года *. Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ выражено было также глубокое участіе къ утратѣ, которую ученый міръ и Москва особенно понесли въ лицѣ Грелльманна.

Заключимъ біографію его тѣми же нравственными чертами, которыми Буле заключилъ характеристику своего друга. «Грелльманнъ былъ не только ученый, но честный и благородный человѣкъ. Неподкупная вѣрность, добросовѣстность, уваженіе къ истинѣ, непоколебимое чувство правоты имѣли жертвенникомъ его сердце. Съ этими добродѣтелями онъ соединялъ скромность, любезность и въ кругу близкихъ шутливое расположеніе духа. Изложеніе историческихъ и статистическихъ наукъ требуетъ отъ писателей, равно какъ и отъ Профессоровъ, благоразумія и обдуманности, особенно при оцѣнкѣ данныхъ и извѣстій, которыя почерпнуты не изъ настоящихъ источниковъ. Конечно, никто не могъ упрекнуть Грелльманна въ нарушеніи этого правила. То, что сообщалъ онъ публикѣ, было строго взвѣшено и всегда обнаруживало писателя, который зрѣло обдумывалъ то, что излагалъ.»

ГРИГОРОВИЧЪ, Викторъ Ивановичъ, Ординарный Профессоръ Исторіи и Литературы Славянскихъ нарѣчій въ Казанскомъ Университетѣ, бывшій нѣсколько времени Профессоромъ того же предмета въ Московскомъ, родился 1815 г. 30-го Апрѣля въ г. Балтѣ, Подольской губерніи; отецъ его, родомъ изъ Чернигова, вызванъ былъ оттуда въ западную губернію на службу еще до 1795 г. Женившись на Полькѣ изъ фамиліи Шелеховскихъ (которыхъ одна вѣтвь, переѣхавшая въ Россію, извѣстна подъ именемъ Шелеховыхъ), служилъ въ Каменецъ-Подольскѣ и въ разныхъ уѣздахъ губерніи Подоль-

* Gedächtnissrede auf H. M. G. Grellmann Russisch-Kayserlichen Hofrath und öffentlichen ordentlichen Professor der Geschichte und Statenkunde auf der Universität zu Moskau. Gehalten in der allgemeinen Versammlung der Professoren der Moskauischen Universität d. 11 Ian. 1805 a. St. von Ioh. Gottl. Buhle. Aus dem Lateinischen übersetzt von Karl Grellmann. Moskau. 1805. Эта рѣчь послужила главнымъ источникомъ для біографіи Грелльманна.

ской Исправникомъ. Около 1826 г. переселился Херсонской г. въ Тираспольскій уѣздъ. Воспитывался Григоровичь до 8-ми лѣтъ въ городѣ Балтѣ, съ 8-ми до 15-ти въ г. Умани Кіевской губерніи въ училищѣ, содержимомъ уніатскими монахами Василіанами; съ 15-ти до 18-ти продолжалъ ученіе въ Университетѣ Харьковскомъ. Получивъ аттестатъ Дѣйств. Студента, назначенъ былъ на службу и отправленъ въ С. Петербургъ, но собственное влеченіе заставило ѣхать въ Дерптъ. Здѣсь, имѣя цѣлью приготовить себя къ учительскому званію и занимаясь классическою Филологіею, пробылъ съ 1834 по 1839 годъ. Благодаря благосклонной дружбѣ Профессора И. Я. Горлова и милостивому довѣрію бывшаго тогда Попечителя Казанскаго Университета, Михаила Николаевича Мусина-Пушкина, вызванъ былъ въ Казань для приготовленія къ занятію каѳедры Славянскихъ нарѣчій. Съ 1839 по 1841 преподавалъ въ Казанскомъ Университетѣ Греческій языкъ. Въ 1842 г. достигнувъ степени Магистра, получилъ разрѣшеніе преподавать Славянскія нарѣчія. Въ 1844 г. Іюня отправленъ за границу и 20-го Августа оставилъ Отечество. Задушевною мыслію его было ознакомиться сперва съ южными Славянскими землями. Придерживаясь христіанскихъ памятниковъ, обозрѣвая тамъ церкви и монастыри, доискивался слѣдовъ древне-Славянской письменности. Начавъ съ Константинополя и Солуня, посѣтилъ Св. Гору Аѳонскую и прошелъ въ разныхъ направленіяхъ Македонію, Ѳракію и Мизію, т. е. земли Болгарскія до Дуная. За тѣмъ, черезъ Валахію отправился въ Австрійскую Имперію. Тамъ черезъ Банатъ и собственную Венгрію достигъ Вѣны и оттуда посѣщалъ на югѣ: Краинъ, Венецію, Далмацію, Черногорію, Кроацію, Славонію, на сѣверѣ: Моравію и Чехію. Черезъ Дрезденъ, Лейпцигъ, Берлинъ и Кенигсбергъ возвратился въ Отечество 1847 года въ Апрѣлѣ. Съ 1847 года началъ преподаваніе Исторіи и Литературы Славянскихъ нарѣчій въ Казанскомъ Университетѣ. На время отбытія Профессора Бодянскаго занималъ эту каѳедру въ 1849—1850 году въ Московскомъ Университетѣ, и, по возвращеніи Бодянскаго, возвратился въ Казанскій Университетъ. Труды Профессора Григоровича слѣдующіе: 1) *Краткое обозрѣніе Славянскихъ Литературъ* 1841 г. 2) *Опытъ изложенія Исторіи Славян-*

кихъ Литературъ 1842 г. 3) *Изысканія о Славянскихъ Апостолахъ въ Европейской Турціи.* Ж. М. Н. Пр. 1847 г. 4) *Протоколы Константинопольскаго Патріархата.* Ж. М. Н. Пр. 1847 г. 5) *Очеркъ путешествія по Европейской Турціи.* Казань 1848 г. 6) *Статьи, касающіяся древне-Славянскаго языка.* 1852 г. 7) *Объ Охридской Архіепископіи.* Временникъ Кн. 5-я 8) *Посланіе Митропол. Іоанна II какъ памятникъ XI стол.* Извѣстія Акад. Наукъ 1853 г. 9) *Службы св. Апостоламъ Кириллу и Меѳодію.* Изданіе, представленное Академіи Наукъ. 10) *Болгарскія пѣсни, собранныя Григоровичемъ и напечатанныя* въ *Kolo,* Жур. въ Загребѣ. 11) *О Болгарскихъ училищахъ.* Ст. напеч. въ Чешской газетѣ Kwěty. 12) *О св. Климентѣ Болгарскомъ,* Ст. нап. въ Журналѣ Чешскаго Музея.

ГРУЗИНОВЪ, Илья Егоровичь, Ординарный Профессоръ Анатоміи, Физіологіи и Судебной Медицины, сынъ сельскаго Священника, родился 1781 г. Первоначально обучался наукамъ и языкамъ въ Московской Духовной Академіи. Въ 1797 г. принятъ былъ студентомъ М. Университета. 1801 г., по окончаніи курса отправился въ С.-Петербургъ и посѣщалъ лекціи въ Медико-Хирургической Академіи, гдѣ и получилъ степень Доктора Медицины въ 1804 году, защитивъ разсужденіе о галванизмѣ и употребленіи его во врачеваніи. Въ этомъ же году, черезъ покровительство Попечителя М. Н. Муравьева, былъ посланъ на иждивеніи Московскаго Университета въ Германію, Францію и Англію, для усовершенствованія свѣдѣній своихъ въ медицинскихъ наукахъ вообще, и преимущественно въ Анатоміи.—Въ Англіи Грузиновъ пріобрѣлъ совершенное знаніе Англійскаго языка и слушалъ лекціи Анатоміи Профессора Вильсона, а въ Анатомическомъ театрѣ его занимался ежедневно отъ 9 часовъ утра до 4-хъ пополудни. Муравьевъ снабдилъ его рекомендательными письмами къ Докторамъ Монро и Дункану. Грузиновъ писалъ письма къ Муравьеву на Англійскомъ языкѣ прекраснымъ слогомъ. Расположеніе къ нему нашего Священника въ Лондонѣ Я. И. Смирнова было также для него чрезвычайно полезно. 1809 г. возвратился изъ чужихъ краевъ и былъ назначенъ Адъюнктомъ по каѳедрѣ Анатоміи, а въ 1811 г. произведенъ въ Ор-

динарные Профессоры. Онъ обогатилъ анатомическій театръ сдѣланными имъ препаратами сухими и инъекцированными (наливными) съ удивительнымъ искусствомъ. Знатоки съ восхищеніемъ любовались подобнымъ препаратомъ человѣческаго глаза. Въ 1812 году, когда отъ Главнокомандующаго сдѣлано было приглашеніе въ Университетъ: не пожелаетъ ли кто изъ врачей вступить въ армію?—Грузиновъ вызвался и въ Августѣ былъ принятъ Корпуснымъ Докторомъ при Московскомъ ополченіи. Послѣ Бородинской битвы, гдѣ ему открывалось много случаевъ показать свое искусство въ операціяхъ раненымъ и врачеваніи больныхъ, Илья Егоровичь, предъ самою сдачею Москвы, прискакалъ верхомъ въ Университетъ, чтобы въ послѣдній разъ увидѣться и проститься съ друзьями своими и товарищами, и извѣстить ихъ объ участи столицы. Тогда послѣдовалъ онъ за своимъ корпусомъ и всюду его сопровождалъ. Неусыпно трудясь и въ лазаретѣ и на полѣ битвы, раздѣлялъ съ воинами опасности и нужды. Часто случалось ему дѣлать операціи подъ свистомъ ядеръ на поляхъ битвы, среди мертвыхъ и умирающихъ. Но усиленные труды разстроили его здоровье. Въ началѣ 1813 года онъ занемогъ нервною горячкою въ мѣстечкѣ Барунахъ, Виленской губерніи. Страдавъ нѣсколько дней безъ врача, безъ лекарства, безъ всякихъ пособій, онъ умеръ съ твердостію христіанина на 32 году жизни. Изъ письма его, писаннаго Января 12-го 1813 года, въ день основанія Университета, къ Ректору Гейму, видно, что его послѣднія мысли заняты были участію его брата, Алексѣя, и Университетомъ, съ которымъ онъ прощается въ лицѣ его Ректора, уже предчувствуя свою кончину. Съ тѣмъ вмѣстѣ отдаетъ и отчетъ въ службѣ своей, говоря: «съ тѣхъ поръ, какъ съ вами разстался, исправлялъ я свою должность по 3-е число Января рачительно, но съ того времени я занемогъ сильною горячкою.» — Грузиновъ былъ погребенъ на кладбищѣ при находящемся въ Барунахъ монастырѣ. Сочиненія его:

1. *De Galvanismo ejusque usu in praxi medica.* Diss. inaug. Petropoli. 1804. 2. *Разсужденіе о воспаленіи мозга, вылѣченномъ посредствомъ льда, приложеннаго къ головѣ.* Москва 1811 г. (Читано въ Физико - Медицинскомъ Обществѣ). 3. *Слово о*

новооткрытомъ мѣстѣ происхожденія голоса въ человѣкѣ и другихъ животныхъ, говоренное 2-го Іюля 1812 г. въ публичномъ собраніи Университета. Основная мысль, развитая въ этомъ словѣ Профессоромъ, слѣдующая: «Голосъ раждается не въ гортани, но въ груди, въ нижнемъ концѣ дыхательнаго горла, посредствомъ задней перепонки, соединяющей хрящевыя колечки онаго близь или немного повыше раздѣленія сего воздушнаго канала на двѣ вѣтви.» Разсужденіе основано не только на изученіи изслѣдованій, касающихся предмета, но и на собственныхъ опытахъ и наблюденіяхъ, что видно изъ слѣдующаго мѣста: «Что человѣческій голосъ раждается въ груди, въ нижнемъ концѣ дыхательнаго горла, посредствомъ задней перепонки онаго, я увѣренъ потому, что, дѣлавъ опыты надъ тѣлами мертвыхъ, надувая дыхательное горло чрезъ вѣтви онаго, и натягивая заднюю перепонку его, я нѣсколько разъ производилъ въ нихъ совершенный голосъ, точно сходный съ тѣмъ, каковой мы слышимъ отъ живыхъ безъ всякаго натягиванія связокъ, и даже перерѣзавъ ихъ. Мнѣ удавалось производить въ нихъ даже разныя перемѣны голоса, свойственныя разнымъ страстямъ человѣческимъ, и я увѣренъ, что всякій при удобномъ случаѣ можетъ съ равнымъ успѣхомъ сдѣлать такіе опыты.»

Отлично владѣя Англійскимъ языкомъ и зная его по правиламъ, Грузиновъ издалъ сочиненную имъ *Англійскую Грамматику*. Ч. 1. М. 1812 г. Трудился также надъ составленіемъ Англійскаго Словаря; но война и смерть остановили это изданіе.

Д.

ДАВИДОВЪ, Августъ Юліевичъ, Экстраординарный Профессоръ Прикладной Математики, сынъ Доктора Медицины, родился 15-го Декабря 1823 года въ Либавѣ, уѣздномъ городѣ Курляндской губерніи. — Первоначальное образованіе получилъ онъ въ домѣ родительскомъ, и ученіе его въ то время руководимо было большею частію самимъ отцемъ его. Переселившись въ 1839 году въ Москву вмѣстѣ съ своими родителями, посѣщалъ нѣкоторое время старшіе классы тогда еще существовавшаго Института для Оберъ-офицерскихъ дѣтей при Императорскомъ Московскомъ Воспитательномъ домѣ.

Въ 1841 году вступилъ своекоштнымъ Студентомъ въ Физико-Математическій Факультетъ Московскаго Университета и, по окончаніи полнаго курса математическихъ наукъ, получилъ степень Кандидата и вмѣстѣ съ тѣмъ золотую медаль, за представленное имъ на заданную тему сочиненіе: *О безконечно-малыхъ движеніяхъ.* — Послѣ Университетскаго курса не оставляя Москвы, продолжалъ постоянно заниматься Математическими науками вообще, и преимущественно Аналитическою Механикою, имѣя при этомъ въ Профессорѣ Механики Н. Д. Брашманѣ постоянно дѣятельнаго руководителя и друга. — Въ 1848 году удостоенъ Московскимъ Университетомъ степени Магистра Математики, а во время бытности его въ 1849 году въ С.-Петербургѣ получилъ отъ Начальства Военно-учебныхъ заведеній свидѣтельство на право учителя Математики въ этихъ заведеніяхъ. Въ 1851 году представилъ Физико-Математическому Факультету Московскаго Университета разсужденіе: «*Опредѣленіе вида поверхности жидкости, заключенной въ сосудѣ,*» написанное для полученія степени Доктора Математическихъ наукъ. — Съ 1850 года онъ назначенъ Адъюнктомъ при Физико-Математическомъ Факультетѣ и на него возложено преподаваніе въ ономъ: «Теоріи вѣроятностей съ ея приложеніями.» — Предметы преподаванія перваго полугодія составляютъ: главныя начала опредѣленія вѣроятностей различныхъ событій, а втораго полугодія главныя приложенія этихъ началъ къ различнымъ вопросамъ о застрахованіи и къ опредѣленію наивыгоднѣйшихъ результатовъ наблюденій. — Изъ трудовъ его, напечатаны: въ 1848 году: «*Теорія равновѣсія тѣлъ, погруженныхъ въ жидкость*», а въ 1851: «*Теорія капиллярныхъ явленій.*» Оба эти сочиненія С.-Петербургская Академія Наукъ удостоила второстепенныхъ Демидовскихъ премій.

ДАВЫДОВЪ, Иванъ Ивановичь, Ординарный Академикъ, Предсѣдательствующій во второмъ Отдѣленіи Императорской Академіи Наукъ, Заслуженный Профессоръ Русской Словесности, Членъ Главнаго Правленія Училищъ, Директоръ Главнаго Педагогическаго Института, Членъ консультаціи при Министерствѣ Юстиціи, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ,

Кавалеръ Ордеповъ Св. Владиміра 2-й степени, Св. Анны 1-й степени съ Императорскою короною, Св. Станислава 1-й степени, Почетный Членъ Московскаго, Казанскаго и Дерптскаго Университетовъ, изъ Тверскихъ дворянъ, родился 15-го Іюня 1794 года, въ имѣніи отца своего, Тверскаго уѣзда, подъ самою Тверью. Отецъ его, небогатый дворянинъ древняго рода, долго служилъ въ военной службѣ Премьеръ-Маіоромъ, а послѣ въ гражданской, въ Твери; мать, изъ благородной Малороссійской фамиліи Лукьяновыхъ, была умная, благочестивая и совершенно преданная семейству своему женщина. Ея-то разумному и нѣжному попеченію Профессоръ, еще въ малолѣтствѣ лишившійся отца, обязанъ первоначальнымъ воспитаніемъ. Мать сама выучила его читать и писать; съ нею прошелъ онъ Катихизисъ и Священную Исторію, Ариѳметику; отъ нея узналъ Географію и Краткую Исторію; на десятомъ году возраста записанъ былъ въ Тверское Дворянское училище, нынѣ несуществующее, въ которомъ дѣти бѣдныхъ Тверскихъ Дворянъ получали предварительное образованіе, для поступленія въ Кадетскіе Корпуса—въ первый Кадетскій или Морской. Въ училищѣ новыми предметами для отрока были иностранные языки. Находясь подъ особеннымъ надзоромъ одного изъ наставниковъ Училища, Магистра Геттингенскаго Университета И. И. Геннига, онъ скоро въ семействѣ его изучилъ Нѣмецкій, Англійскій и Французскій языки.— Въ классѣ Русскаго языка въ то время былъ одинъ изъ даровитыхъ учителей Тверской Семинаріи, А. И. Вышневолоцкій, который практически дѣйствовалъ на учениковъ своихъ и весьма искусно развивалъ въ нихъ разсудокъ и даръ слова. Сочиненія Карамзина составляли для Давыдова самое пріятное и поучительное чтеніе. Марѳа Посадница, Островъ Борнгольмъ, Письма Русскаго Путешественника, выучиваемы были наизусть и служили запасомъ для собственныхъ сочиненій со стороны выраженія. На воскресенье обыкновенно отправляясь домой, долженъ онъ былъ всегда представлять матери журналъ своихъ занятій въ классахъ, игръ, приключеній съ товарищами, особенныхъ мыслей, вновь выученнаго наизусть, проступковъ. Правила, преподанныя матерью, поддержаны были Инспекторомъ училища, В. А. Мерзлюкинымъ.

Такимъ образомъ Давыдовъ, вмѣстѣ съ товарищами своими, приготовлялся къ поступленію въ одинъ изъ Петербургскихъ Корпусовъ. Но Провидѣніе готовило ему другое поприще. Незабвенный Попечитель Московскаго Университета, М. Н. Муравьевъ, въ проѣздъ свой изъ Петербурга въ Москву, для обозрѣнія Университета, остановился въ Твери, и, осматривая Гимназію, находившуюся рядомъ съ Училищемъ, посѣтилъ и Дворянское училище. Вниманіе славнаго Попечителя, привлеченное похвальными отзывами Инспектора, остановилось на отрокѣ. Узнавъ о назначеніи всѣхъ воспитанниковъ училища, Михаилъ Никитичъ поручилъ Инспектору предложить матери юнаго Давыдова, за особенные успѣхи сравнительно съ товарищами, отправить его въ Московскій Университетъ. Въ случаѣ согласія матери, Попечитель предлагалъ свое покровительство, требуя только одного новаго знанія — Латинскаго языка. Предложеніе это принято было матерью съ благодарностью, и тогда добрый Геннигъ принялся учить Давыдова Латинскому языку. Въ 1808 году, когда старшіе воспитанники училища назначены были въ С.-Петербургскіе Кадетскіе Корпуса, Давыдовъ, съ благословеніемъ материнскимъ, отправился въ Москву, для поступленія въ Университетъ, куда и принятъ тогдашнимъ Ректоромъ, славнымъ Профессоромъ Физики, П. И. Страховымъ.

Тутъ начался новый періодъ жизни, въ новомъ мірѣ людей, занятій, отношеній. Такъ какъ до начала Академическаго года оставалось нѣсколько мѣсяцевъ; то Давыдовъ посѣщалъ классы бывшей въ то время при Университетѣ Академической Гимназіи, преимущественно классы Латинскаго и Греческаго языка. Мать не могла выдержать разлуки съ сыномъ болѣе мѣсяца и поспѣшила навѣстить его, устроить жизнь его въ новомъ для него городѣ. Она ввела его въ родственный домъ бывшаго Московскаго Вице-Губернатора Т. И. Чонжина, гдѣ познакомилась съ Университетскимъ Магистромъ Математики А. Н. Николаевымъ, которому и поручила руководство занятіями сына.

Въ 1808 году, по экзамену Давыдовъ удостоенъ званія Студента. Въ то время лекціи располагались такъ, что Студенты Философскаго Факультета, къ которому относились на-

уки и Физико-Математическія и Историко-Филологическія, въ продолженіе тогдашняго трехлѣтняго курса, могли слушать лекціи всего Факультета. Давыдовъ воспользовался такимъ распредѣленіемъ предметовъ, и посѣщалъ лекціи Словеснаго и Математическаго Отдѣленія, находилъ время слушать Физіологію и Анатомію у Профессора Грузинова. Изъ всѣхъ Профессоровъ того времени особенно дѣйствовали на образованіе Студента Страховъ, Буле, Сохацкій, Мерзляковъ, Р. Ѳ. Тимковскій. Отъ Профессора Буле писалъ онъ на Латинскомъ языкѣ диссертацію, въ 1810 году, *о различіи Греческаго и Римскаго образованія*, которая награждена была *золотою* медалью. Въ 1812 году произведенъ въ Кандидаты по Словесному Отдѣленію, и съ половины слѣдующаго года до половины 1813 находился въ Казанскомъ Университетѣ. Тамъ провелъ это время съ величайшею пользою для своего образованія, въ кругу отличныхъ магистровъ и кандидатовъ, прославившихъ себя на поприщѣ ученомъ и гражданскомъ: Лобачевскаго, Симонова, В. Панаева, Самсонова. Съ послѣднимъ въ особенности занимался онъ древнею Филологіею. По возвращеніи въ Москву, въ 1814 году, получилъ степень Магистра, при чемъ написано имъ разсужденіе на Латинскомъ языкѣ: О *Критикѣ въ древней Филологіи*. Въ 1815 году удостоенъ высшаго ученаго званія — Доктора Словесныхъ Наукъ. Диссертація по сему случаю написана была: *О преобразованіи въ Наукахъ, произведенномъ Бакономъ*. Эта диссертація Отдѣленіемъ отдана была въ распоряженіе Профессора Качеповскаго, который большую часть ея напечаталъ въ своемъ Вѣстникѣ Европы. Она послужила основою для «*Опыта Исторіи Философіи,*» изданнаго въ 1820 году. Отличительный характеръ Университетской жизни того времени — дружба Студентовъ, никогда не измѣнявшаяся, и общеніе Студентовъ съ Профессорами: отъ того не только уваженіе, но признательность и любовь Студентовъ къ своимъ Профессорамъ. Эта духовная связь служила побужденіемъ юношей къ занятіямъ науками. Къ товарищамъ Давыдова по Московскому Университету, кромѣ Заслуженнаго Профессора, Ректора Университета, А. А. Альфонскаго и Профессора И. М. Снегирева, принадлежали нѣсколько старѣйшіе ихъ Профессоры: Чумаковъ,

Денисовъ, Болдыревъ, Щепкинъ, Маловъ, и прославившіе себя сановники: Ѳ. И. Пряниншиковъ, А. А. Никитинъ, А. Д. Боровковъ, С. Д. Нечаевъ, А. И. Карасевскій, Н. Ѳ. Смирной, А. С. Грибоѣдовъ и многіе другіе. Воскресные и праздничные дни Студенты обыкновенно проводили, лѣтомъ, за городомъ, на Воробьевыхъ горахъ или во Всесвятскомъ, зимою въ домашнихъ концертахъ, а зимнюю вакацію въ домашнемъ театрѣ.

До окончанія Докторскаго испытанія, Давыдовъ не оставлялъ Университетскихъ лекцій. Для того, чтобъ ознакомиться лучше съ Библіографіей, онъ находился Письмоводителемъ въ Университетской Библіотекѣ, при Библіотекарѣ Профессорѣ Геймѣ, которому помогалъ въ разборѣ Библіотеки Графа А. К. Разумовскаго, бывшаго Министра Народнаго Просвѣщенія. Лишь только съ Докторскимъ экзаменомъ прекратился журналъ, который постоянно писалъ для матери. Тогда рѣшено было оставаться ему на ученомъ поприщѣ.

Еще въ 1814 году, бывши Магистромъ, Давыдовъ поступилъ въ Университетскій Благородный Пансіонъ преподавателемъ, а съ 1815 года и Инспекторомъ, подъ руководствомъ извѣстнаго въ то время Директора Пансіона, А. А. Прокоповича-Антонскаго. Здѣсь открылось обширное поприще для его дѣятельности ученой и практической. Новый Инспекторъ былъ усерднымъ Помощникомъ Директора, а въ послѣдствіи товарищемъ его по Университету и другомъ. Преобразованіе Университетскаго Пансіона и начертаніе Устава, по которому Пансіонъ получилъ важныя преимущества для своихъ воспитанниковъ; отстройка зданій и Пансіонской церкви, снабженіе Пансіона Библіотекой, Кабинетами физическимъ и минералогическимъ, — все это произведено въ бытность Давыдова Инспекторомъ. Съ любовью къ дѣлу, въ самой цвѣтущей юности, дѣйствовалъ онъ въ этомъ знаменитомъ воспитательно-учебномъ заведеніи, изъ котораго вышли славные Сановники, военные и гражданскіе, ученые и писатели: Сенаторъ Озеровъ, Кайсаровъ, Дашковъ, Жуковскій, Воейковъ, Милоновъ, А. Тургеневъ; въ бытность же Давыдова Инспекторомъ: Г. Поповъ, А. Войцеховичъ, Д. Прокоповичъ-Антонскій, Кн. В. Одоевскій, Шевыревъ, В. Титовъ и многіе другіе получили въ немъ воспитаніе и образованіе. Занявшись Универ-

ситетскимъ Пансіономъ, Давыдовъ принужденъ былъ отказаться отъ путешествія въ чужіе краи, куда назначили его отъ Факультета Словесныхъ Наукъ. Тотъ же духъ родственнаго общенія, какой господствовалъ въ Университетѣ, руководилъ воспитателей и наставниковъ въ Университетскомъ Пансіонѣ. Давыдовъ самъ преподавалъ сначала Русскую Словесность, въ помощь Профессору Мерзлякову, а потомъ Чистую Математику, вмѣстѣ съ Профессоромъ Перевощиковымъ. Особенно занимался онъ литературнымъ собраніемъ воспитанниковъ, которое, подъ его руководствомъ, въ присутствіи Директора и Профессоровъ, бывало чрезъ каждыя двѣ недѣли. Тутъ читались рѣчи, разсужденія, стихотворенія, разборы писателей, и часто происходили ученыя пренія. Курсъ Пансіонскаго ученія составляли предметы, необходимые для всякаго благороднаго человѣка, какъ въ военной, такъ и въ статской службѣ, преимущественно: Русская Словесность, Математика, иностранные языки, искусства, всѣ имѣя основаніемъ Законъ Божій. Для упражненія въ иностранныхъ языкахъ, Географія, Всеобщая Исторія, Естественная Исторія, преподавались на Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ. Въ продолженіе этого времени Давыдовъ былъ по Университету Адъюнктомъ (1817) по части Философіи, Экстраординарнымъ (1820), и послѣ (1822) Ординарнымъ Профессоромъ Латинской Словесности и Философіи. Получилъ чины: Надворнаго (1819) и Коллежскаго Совѣтника (1825), Ордена Св. Анны 3-й степени (1817) и Св. Владиміра 4-й степени (1824). Къ многочисленнымъ слушателямъ его лекцій о Латинской Словесности принадлежали нынѣшній Академикъ М. П. Погодинъ и Профессоръ Зиновьевъ.

Во всѣхъ разнообразныхъ ученыхъ занятіяхъ своихъ Давыдовъ любилъ философское направленіе, стремленіе къ математической точности и систематизированію. Опо выразилось и въ лекціяхъ его, всегда читанныхъ наизусть, и въ сочиненіяхъ. Изъ писателей древнихъ и новыхъ онъ особенно любилъ Софокла и Платона, Виргилія, Цицерона и Тацита, Гердера, Шекспира и Ламартина, послѣдняго за его увлекательный слогъ. Съ Карамзинымъ никогда не разставался, какъ съ любимымъ отечественнымъ писателемъ. Изъ Нѣмецкихъ

философовъ Шеллинга онъ предпочиталъ всѣмъ другимъ. Изъ математиковъ всегда былъ при немъ Франкеръ. Въ Теоріи и Исторіи Словесности, Вильмена онъ всегда поставлялъ образцомъ профессорской импровизаціи. Классицизмъ и романтизмъ принимая за проявленіе характера древняго и новаго человѣчества, онъ оставался примирителемъ той и другой литературы. Ко времени бытности его въ Университетскомъ Пансіонѣ относятся ученые труды его: *Основанія Логики*, 1821, *Commentatio de natura ac indole philosophiae Graecorum et Romanorum*, 1820; переводъ *Высшей Алгебры* Франкера, 1824; переводъ *Интегральнаго и Варіаціоннаго исчисленія и исчисленія разностей*, то же Франкера, 1825; *Commentatio de studiis humaniorum*, 1820; *Чертежъ Наукъ*. Подъ его наблюденіемъ издавались *рѣчи и стихотворенія*, которыя произносимы были на актахъ въ Университетскомъ Пансіонѣ, и труды собранія воспитанниковъ, подъ заглавіемъ: *Калліопа*. Въ пользу Университетскаго Пансіона изданы имъ: *Греческая Грамматика*, 1820; *Учебная книга Латинскаго языка*, 1826; *Латинская Христоматія*, по руководству Гедике, 1822; *Учебная книга Русскаго языка*, 1823, и *Начальныя правила Русской Грамматики*, 9 изд. 1843; Разборъ Сольгерова сочиненія «*Эрвинъ*» въ Вѣстникѣ Европы 1824; для Студентовъ Университета избранныя *рѣчи Цицерона*, 1821. Въ Трудахъ Общества любителей Русской Словесности, въ которомъ Давыдовъ, послѣ Каченовскаго, былъ Секретаремъ, потомъ Временнымъ Предсѣдателемъ и Редакторомъ Трудовъ Общества, напечатано его разсужденіе: *О порядкѣ словъ*; *Воспоминаніе о Саларевѣ: переводы изъ Цицерона*. Когда поручена ему была каѳедра Философіи, при открытіи лекцій, онъ читалъ вступительную лекцію, тогда же напечатанную: *О возможности Философіи, какъ Науки*, по Шеллингу, 1826. По случаю же перемѣщенія его въ Физико-Математическій Факультетъ, онъ, при началѣ лекцій Высшей Алгебры, напечаталъ въ Магазинѣ Естественныхъ Наукъ, изд. Профессоромъ Двигубскимъ, разсужденіе: *Объ исчисленіи вѣроятностей*. Профессоры С.-Петербургскаго Университета Савичъ и Московскаго Драшусовъ принадлежали къ тому курсу Математическаго Отдѣленія, въ образованіи котораго онъ участвовалъ. Вмѣстѣ съ Профессоромъ

Снегиревымъ, онъ занимался собраніемъ *Рѣчей Русскихъ Профессоровъ Московскаго Университета*, изданныхъ отъ Общ. Люб. Р. С. съ краткими ихъ біографіями. — Курсъ Чистой Математики преподавалъ Давыдовъ до 1831 года, когда поручена ему была каѳедра Русской Словесности, упразднившаяся кончиною Профессора Мерзлякова. Лекціи Русской Словесности читаны имъ до 1847 года, когда, въ званіи Заслуженнаго Профессора, получилъ онъ другое высшее назначеніе.

Посвятивъ себя вполнѣ Университету, гдѣ онъ постоянно былъ или Деканомъ, или Членомъ различныхъ Комитетовъ, Проректоромъ, Непремѣннымъ Засѣдателемъ, написалъ для руководства на лекціяхъ своихъ *Систему Словесности* (1832) и *Программу* по Классу Краснорѣчія и Поэзіи (1834). Послѣ опыта нѣсколькихъ годовъ, издалъ онъ лекціи свои, подъ заглавіемъ «*Чтеній о Словесности*» въ четырехъ частяхъ (1837—1838). Профессоръ въ чтеніяхъ руководствовался изъ древнихъ Писателей: Цицерономъ и Квинтиліаномъ; изъ новыхъ: Блеромъ, Вильменомъ, Ф. и А. Шлегелями и Эстетикою Гегеля; любилъ разбирать со Студентами въ особенности проповѣди Митрополита Филарета, сочиненія Батюшкова, Жуковскаго, Крылова, Озерова, Грибоѣдова. Чтенія его о Словесности отличаются отъ всѣхъ другихъ сочиненій по сей части философскимъ воззрѣніемъ. Занятія Студентовъ по Русской Словесности, кромѣ лекцій Профессора, состояли въ перечняхъ, которые составлялись ими поочередно, въ собственныхъ сочиненіяхъ въ прозѣ и стихахъ, разборахъ отечественныхъ писателей, произношеніи прозы и стиховъ. Основнымъ правиломъ поставлялось не прежде приниматься за перо при сочиненіи, какъ по совершенномъ образованіи въ головѣ плана. Въ старшемъ курсѣ читались Студентами лекціи о какомъ-либо предметѣ Словесности. Имъ введено было впервые общесравнительное изученіе языка, согласно съ современнымъ воззрѣніемъ на Филологію, по руководству Беккера, Боппа, В. Гумбольдта и Я. Гримма. Изъ его аудиторіи вышли отличные Преподаватели Русскаго языка и Словесности, съ честью занимающіе мѣста въ Университетахъ, Институтахъ, Лицеяхъ, Корпусахъ, Гимназіяхъ. Въ званіи Визитатора, осматривалъ онъ Гимназіи: Новгородскую (1835), Воронежскую

и Орловскую (1829) съ училищами двухъ послѣднихъ, принадлежавшихъ прежде къ Московскому Учебному Округу. Въ продолженіе этого времени Давыдовъ пожалованъ въ Статскіе Совѣтники (съ 1828), награжденъ знакомъ отличія за XX *л.* и Орденомъ Св. Анны 2-й степени (1834); тѣмъ же Орденомъ съ короною (1836); Орденомъ Св. Владиміра 3-й степени (1838); бриллiантовыми перстнями (1833 и 1837) и изъявленіями Монаршаго благоволенія (1831, 1834 и 1835).

Въ этомъ періодѣ ученой жизни Давыдова, издавались подъ его редакціею, вмѣстѣ съ Профессоромъ Перевощиковымъ, *Ученыя Записки* (1833—36), въ 36 книжкахъ. Здѣсь печатались его лекціи и переводъ *Слова, въ память Гете*, произнесеннаго въ Академіи Наукъ тогдашнимъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія С. С. Уваровымъ. На торжественномъ актѣ, въ 1836 году, произнесена имъ рѣчь: *О содѣйствіи Московскаго Университета успѣхамъ Отечественной Словесности.* Напечатана въ Москвитянинѣ (1841) статья: *Возможна ли у насъ Германская Философія,* и *О преподаваніи Латинскаго языка*; въ Библіотекѣ для Чтенія (1834) *О согласованіи воспитанія съ развитіемъ душевныхъ способностей*; въ Московскихъ Вѣдомостяхъ (1837) «*Письма о воспитаніи.*» Къ этому же времени принадлежатъ труды его по части воспитанія и образованія юношества. Онъ опредѣленъ былъ Инспекторомъ надъ частными Пансіонами, въ Александринскомъ Сиротскомъ Институтѣ и въ Институтѣ Лазаревскомъ. Дѣйствительнымъ Членомъ избранъ въ Ученыхъ Обществахъ: Исторіи и Древностей Россійскихъ, Испытателей Природы и Физико-Медицинскомъ.

Въ Александринскомъ Сиротскомъ Институтѣ учебная часть вновь была имъ образована и устроена, составлены программы по всѣмъ предметамъ въ двухъ отдѣленіяхъ Института мужскомъ и женскомъ. Особенно отличались воспитанники и воспитанницы этого заведенія знаніемъ отечественнаго языка и новыхъ иностранныхъ языковъ. Для удобнѣйшаго изученія послѣднихъ, въ Институтѣ, подобно Университетскому Пансіону, нѣкоторые предметы преподавались на Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ. Изъ мужскаго отдѣленія, по окончаніи курса, поступали воспитанники въ Университетъ Студен-

тами, а изъ женскаго выходили въ частные дома отличныя наставницы. Самъ Инспекторъ въ женскомъ отдѣленіи преподавалъ Педагогику, пользуясь руководствами Нимейера, Шварца, Раумера.

Многолѣтніе и усердные труды Давыдова на ученомъ поприщѣ приблизили его къ Графу Уварову, у котораго проводилъ онъ вакаціонное лѣтнее время въ селѣ Порѣчьѣ, куда пріѣзжалъ Графъ на отдохновеніе отъ дѣлъ государственныхъ. *Описаніе Порѣчья*, этого прекраснаго мѣста отдохновенія просвѣщеннаго вельможи, напечатано имъ въ Москвитянинѣ (1841). Въ 1842 году помянулъ онъ жизнеописаніемъ прежняго наставника, а потомъ товарища своего, Профессора Каченовскаго, напечатаннымъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Заслуги Давыдова награждены были чиномъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника (1840); золотою табакеркою съ вензелевымъ изображеніемъ имени Государя Императора и бриллiантами (1843) и Орденомъ Св. Станислава 1-й степени (1846). По учрежденіи при Императорской Академіи Наукъ особаго отдѣленія Русскаго языка и Словесности, въ замѣнъ Академіи Россійской, онъ удостоенъ званія Ординарнаго Академика (1841). По полученіи званія Заслуженнаго Профессора (1845), почтенъ онъ титломъ Почетнаго Члена отъ Московскаго (28 Февр. 1847) и Казанскаго (1849) Университетовъ.

Упрочивъ состояніе свое заслуженною пенсіею и продолжая службу въ Университетѣ и въ Александринскомъ Сиротскомъ Институтѣ, Давыдовъ, съ благословенія матери, еще здравствовавшей, вступилъ въ супружество съ благородною, образованною дѣвицею В. А. Малѣевою. Въ 1847 году вызванъ былъ на службу въ С.-Петербургъ и получилъ мѣсто Директора Главнаго Педагогическаго Института.

Для успѣшнѣйшаго усовершенствованія учащихся въ отечественномъ языкѣ и Словесности, какъ основѣ ученаго образованія, Давыдовъ, съ Высочайшаго соизволенія, самъ читалъ лекціи Русской Словесности въ продолженіе перваго четырехгодичнаго курса. Отличнѣйшіе Студенты: Н. и П. Лавровскіе, К. Ленстремъ и Р. Орбинскій, опредѣлены прямо Исправляющими должность Адъюнктовъ въ Университеты, въ Педагогическій Институтъ, въ Одесскій Лицей, прочіе въ Гимназіи.

За служеніе въ Институтѣ и за исполненіе разныхъ порученій высшаго Начальства Давыдовъ награжденъ Орденомъ Св. Анны 1-й степени (1848). Въ 1850 году Высочайше назначенъ Членомъ Главнаго Правленія Училищъ и Предсѣдателемъ Комитета разсмотрѣнія учебныхъ Руководствъ. Въ 1851 году избранъ Предсѣдательствующимъ Втораго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ.

Литературные труды Давыдова, относящіеся къ этому времени были слѣдующіе: онъ написалъ *Введеніе къ Словарю Церковно-Славянскаго и Русскаго языка*, нѣсколько разборовъ книгъ, представленныхъ къ соисканію Демидовскихъ премій, по порученію Отдѣленія; издалъ, по волѣ Министра, исправленный имъ *Курсъ Словесности*, въ четырехъ частяхъ, Профессора Зеленецкаго. Въ 1852 году издалъ: *Опытъ Общесравнительной Грамматики Русскаго языка*, и за поднесеніе Его Величеству этой книги объявлено сочинителю оной Монаршее благоволеніе. Вскорѣ вышло это сочиненіе вторымъ изданіемъ и теперь печатается третьимъ, съ новымъ предисловіемъ Автора.

Въ 1852 г. Августа 22-го Давыдовъ Всемилостивѣйше пожалованъ знакомъ отличія безпорочной службы за XL лѣтъ. 1852 г. 12-го Декабря, Дерптскій Университетъ, празднуя свой пятидесятилѣтній юбилей, избралъ его въ свои Почетные Члены. — Въ день празднованія 25-лѣтняго юбилея Главнаго Педагогическаго Института, за усовершенствованіе, заботливость и усердіе, объявлено Директору онаго, Монаршее благоволеніе, 30-го Сентября 1853 года. Высочайшимъ Именнымъ Указомъ назначенъ Членомъ Консультаціи при Министерствѣ Юстиціи, 4-го Апрѣля 1854 года. — Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ Ордена Св. Владиміра 2-й степени, 6-го Апрѣля 1854 года.

ДАНИЛЕВСКІЙ, Алексѣй Ивановичь, Экстраординарный Профессоръ Повивальнаго Искусства, Надворный Совѣтникъ. родился въ 1770 г. Сначала обучался въ Кіевской Духовной Академіи, потомъ въ Московскомъ Университетѣ. — 1805 г. удостоенъ степени Доктора Медицины. Отъ 1804 до 1811

года былъ Прозекторомъ. Въ 1807 году опредѣленъ Адъюнктомъ по каѳедрѣ Повивальнаго Искусства. Въ 1813 г. произведенъ въ Экстра-Ординарные Профессоры. Въ Университетѣ читалъ онъ послѣдовательно Хирургію, Теорію о рукоосязаніи акушерскомъ, науку о младенческихъ болѣзняхъ, по руководству Розенштейна; также занималъ слушателей практическими упражненіями въ Акушерскомъ Институтѣ. Кромѣ службы по Университету, былъ Профессоромъ Повивальнаго Института при Московскомъ Воспитательномъ Домѣ. Данилевскій отличался ученостью, неутомимымъ трудолюбіемъ, опытностью и человѣколюбіемъ: такъ отзывается объ немъ наставникъ его и сотоварищъ—Профессоръ Вильгельмъ Михайловичь Рихтеръ. Скончался въ Москвѣ Мая 10-го 1815.— Сочиненія его: 1) *De carie ossium*, Diss. Inaug. Mosquae 1805.—2) *Рѣчь въ память Профессора Венсовича*, Москва 1811. 3) *Слово о необходимыхъ средствахъ къ подкрѣпленію слабаго младенческаго возраста, для размноженія въ Отечествѣ нашемъ народа,* читанное въ торжественномъ собраніи Университета, 1814 г. Іюня 10-го. 5) *De fractura ossis occipitis*; читано въ Обществѣ Медико-Физическомъ 1814.

ДАНИЛОВИЧЪ, Игнатій Николаевичь, Ординарный Профессоръ Законовъ Благоустройства и Благочинія, Статскій Совѣтникъ, родился 1789 г. Подляскаго воеводства, Бѣльскаго уѣзда въ деревнѣ Гриневичи, гдѣ отецъ его былъ приходскимъ настоятелемъ Греко-Уніятскаго обряда. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ Дрогичинскомъ училищѣ; послѣ же былъ посланъ въ Ломжинскую гимназію, гдѣ подъ руководствомъ дяди своего священника ордена Піяристовъ продолжалъ образованіе. Оттуда поступилъ 1810 г. студентомъ въ Виленскій Университетъ, въ коемъ посѣщалъ лекціи Юридическаго Факультета. Объ успѣхахъ его свидѣтельствуютъ ученыя степени Кандидата и Магистра, также полученное имъ награжденіе, назначенное для отличнѣйшихъ Студентовъ. Во время начавшейся въ 1812 г. войны и пріостановленія Университетскихъ курсовъ, принялъ должность Секретаря при Французскомъ тогдашнемъ Губернаторѣ Ферье (Ferier) въ Бѣлостокѣ, которую исправлялъ до отступленія

Французовъ. По открытіи же вновь Университета, возвратившись къ прежнимъ своимъ занятіямъ, посвятилъ себя дальнѣйшему образованію и еще въ 1814 г. началъ ученую службу въ Виленскомъ Университетѣ, какъ преподаватель мѣстнаго Права; для дальнѣйшаго усовершенствованія былъ посылаемъ сперва въ Варшавскій, а послѣ С.-Петербургскій и Московскій Университеты. По возвращеніи въ 1818 г. занялъ каѳедру Русскаго Гражданскаго и Уголовнаго Права и Польско-Литовскихъ законовъ. Въ 1819 г. произведенъ въ Адъюнкты, въ 1822 въ Экстраординарные и въ слѣдъ за симъ въ Ординарные Профессоры; продолжалъ службу въ четырехъ Университетахъ, а именно: въ Виленскомъ, Харьковскомъ, Кіевскомъ и Московскомъ, перемѣщаясь изъ одного въ другой по распоряженію Министра Народнаго Просвѣщенія и по собственному желанію. — Въ Московскомъ Университетѣ Даниловичь преподавалъ съ $183\frac{8}{9}$-го по $184\frac{1}{2}$ академическій годъ Законы Благоустройства и Благочинія и мѣстные Законы Западныхъ Губерній. Во время службы въ трехъ Университетахъ удостоился четыре раза быть Деканомъ Юридическаго Факультета и за усердіе къ службѣ получать неоднократно благодарность Начальника и Монаршее благоволеніе. Въ 1830 г., по случаю возникшаго проэкта составленія Свода Законовъ для западныхъ губерній, И. Н. Даниловичь, по Высочайшему повелѣнію, былъ вызванъ изъ Харькова въ Петербургъ во 2-е отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи въ качествѣ редактора, гдѣ вмѣстѣ съ другими сотрудниками занимался нѣсколько лѣтъ редакціею упомянутаго свода и, по окончаніи онаго, былъ награжденъ Орденомъ Св. Анны 2-й степени.

И. Н. Даниловичь въ продолженіе своей ученой службы, съ перемѣною мѣстъ служенія, долженъ былъ перемѣнять и предметы своихъ лекцій, что всегда сопряжено съ новымъ трудомъ и напряженіемъ ума. Онъ читалъ попеременно Польское или Русское, Гражданское и Уголовное Право, Дипломатику, Законы благоустройства и благочинія и наконецъ Гражданскіе законы Царства Польскаго. Послѣдняя перемѣна къ коей не былъ онъ приготовленъ, въ преклонныхъ уже лѣтахъ случившаяся въ половинѣ академическаго $184\frac{1}{2}$ года, не смотря на трудолюбіе и привычку къ безпрерывнымъ занятіямъ,

качества, коими всегда отличался И. Н. Даниловичъ, потрясла его умственныя силы и разстроила здоровье, такъ что онъ, не имѣя возможности продолжать службу, въ 1842 году, вышелъ въ отставку, прослуживъ 28 лѣтъ, и удалился на жительство въ Кіевъ, а въ слѣдующемъ году, отправившись изъ Кіева за границу для пользованія себя по водолѣчебной методѣ, 1843 г. Іюня 30-го скончался въ Грефенбергѣ и тамъ же похороненъ.

И. Н. Даниловичъ былъ вообще любимъ и уважаемъ своими слушателями и товарищами, и пользовался благосклонностію начальства. Онъ владѣлъ въ высокой степени даромъ слова и не только свободно объяснялся на Латинскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ и Русскомъ языкахъ, какъ на природномъ, но и писалъ на нихъ. Былъ членомъ ученыхъ обществъ: Варшавскаго любителей наукъ, Московскаго Исторіи и Древностей Россійскихъ, а также Краковскаго Университета.

Изъ ученыхъ трудовъ его, по Виленскимъ, Петербургскимъ и Московскимъ журналамъ, находящимся въ нашей библіотекѣ, можно было указать на слѣдующія его статьи: 1) Opisanie bibliograficzne Statutu Lit. 1823 r. Wilno. (Библіографическое описаніе Литовскаго Статута). 2) O cyganach, wiadomość historyczna. 1824. Wilno. (Историческое изслѣдованіе о Цыганахъ, рѣчь, читанная въ публичномъ собраніи Виленскаго Университета, 1824. Іюня 30-го). 3) Latopisiec i Kronika ruska 1824. Wilno (Лѣтопись русская изъ рукописи Славянской переведена и напечатана съ объясненіями издателя). 4) Statut Kazimierza IV, pomnik z XV wieku uchwat lit. 1826. Wilno. (Статутъ Казимира IV, памятникъ Литовскаго законодательства изъ XV вѣка). 5) O medalach i gabinetach Nieswiskim i Charkowskim 1830, Petersburg. (О медаляхъ и кабинетахъ Несвижскомъ и Харьковскомъ). 6) Dorywcze uwagi o hypotekach 1835. Petersburg. (Замѣтки объ ипотекѣ). 7) Historyczny rzut oka na prawodawstwo litowskie. 1837. Wilno. (Историческій очеркъ Литовскаго законодательства). То же самое соч. вышло прежде на нѣмецкомъ языкѣ въ Dorpater Jahrbücher, 1834 г. 8) Rozbior historyi miasta Wilna przez Kraszewskiego, 1833. Petersburg. (Разборъ сочиненія Крашевскаго: Исторія города Вильны). 9) *О Литовскихъ Лѣтописцахъ*, (въ Журналѣ Мини-

стерства Народн. Просвѣщ. 1840 г. Ноябрь) 10) *Историческій взглядъ на древнее образованіе городовъ Славянскихъ до XIII стол.* (въ Сборникѣ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ Т. IV. 1841). Упомянутыя статьи и разсужденія, по большей части историческаго содержанія, показываютъ глубокую ученость автора и остроуміе въ изслѣдованіи старинныхъ памятниковъ Польскаго и вообще Славянскаго законодательства. Сверхъ того Даниловичь принималъ участіе въ редакціи вышедшей въ 1843 г. въ Москвѣ книги: *Книга посольская метрики Великаго Княжества Литовскаго, содержащая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государствованіе Королей Сигизмунда Августа и Стефана Баторія*, въ двухъ томахъ.

✓ **ДВИГУБСКІЙ,** Иванъ Алексѣевичь, Заслуженный Профессоръ Физики и Естественной Исторіи, Императорскаго Московскаго Университета Почетный Членъ, Докторъ Медицины, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Орденовъ Св. Владиміра 4-й степени и Св. Анны 2-го класса съ алмазными украшеніями Кавалеръ, Членъ многихъ Русскихъ и иностранныхъ Ученыхъ Обществъ, родился въ Корочѣ уѣздномъ городѣ Курской Губерніи, происходилъ изъ духовнаго званія, и обучался въ Харьковскомъ Коллегіумѣ, въ которомъ потомъ былъ Учителемъ Риторики. 1793 года Октября 15 дня, поступилъ онъ въ число Воспитанниковъ Московскаго Университета по Медицинскому Факультету, гдѣ, окончивъ курсъ 1796 года, былъ награжденъ золотою медалью за рѣшеніе медицинской задачи: De generatione. Службу свою онъ началъ въ самомъ Университетѣ въ званіи Смотрителя Кабинета Естественной Исторіи и содѣйствовалъ при этомъ случаѣ къ умноженію предметовъ его. За сочиненіе диссертаціи, тогда же напечатанной: De amphibiis Mosquensibus, будучи произведенъ въ Адъюнкты 1798 года Сентября 10 дня, Иванъ Алексѣевичь началъ преподавать въ Университетѣ публичныя лекціи Естественной Исторіи, а въ Университетскомъ Пансіонѣ—сію же науку и Физику; 1802 года Іюня 14 дня получилъ онъ по предварительномъ испытаніи и защищеніи диссертаціи «Primitiae Faunae Mosquensis», степень Доктора Медицины. Университетское Начальство рѣшилось отправить его въ чужіе краи для усо-

вершенствованія познаній его въ Естественной Исторіи, Химіи и Врачебномъ Веществословіи. За границею онъ слушалъ лекціи въ Парижѣ, Гёттингенѣ, Вѣнѣ, и между прочимъ Естественную Исторію у Блуменбаха и Фуркроа, у которыхъ снискалъ особенное благосклонное къ себѣ вниманіе. Въ Парижѣ онъ былъ въ самое достопамятное время перехода революціи къ владычеству Наполеона; тогда путешественникъ подвергался многимъ опасностямъ и терпѣлъ чрезвычайную нужду. На возвратномъ пути, сообразно предписанію Начальства, онъ осмотрѣлъ Богемію, Моравію, Галицію, Венгрію и большую часть южныхъ Русскихъ Губерній, и по прибытіи своемъ въ Москву читалъ Технологію въ званіи Экстраординарнаго Профессора. 1808 года Ноября 16-го дня онъ произведенъ въ Ординарные Профессоры; въ послѣдствіи, именно 1813 года, по смерти Профессора Страхова, онъ занялъ каѳедру Физики, которую преподавалъ до 1827 года; въ этомъ году онъ началъ преподаваніе Ботаники; переименованъ въ Заслуженные Профессоры въ 1830 году, и наконецъ 1833 года Октября 31-го дня уволенъ отъ службы съ пенсіею, при чемъ того же года Декабря 7-го дня избранъ былъ въ Почетные Члены Университета. Иванъ Алексѣевичь скончался въ Каширѣ, 30 Декабря 1839 года, на 68 году отъ роду, оставивъ супругу, сына и четырехъ дочерей. Кромѣ главной службы въ званіи Профессора, покойный исправлялъ много и другихъ должностей. Онъ занималъ должность Секретаря Совѣта, былъ Надзирателемъ курсовъ, учрежденныхъ при Университетѣ по Высочайшему Указу для Чиновниковъ службою обязанныхъ, Цензоромъ, Визитаторомъ Московскихъ Училищъ; отправленъ былъ въ Курскую Губернію въ качествѣ Визитатора; почтенъ избраніемъ въ Предсѣдатели Общества Любителей Россійской Словесности, въ Предсѣдатели Комитета, учрежденнаго при Университетѣ для охраненія отъ холеры живущихъ въономъ и въ подвѣдомыхъ ему заведеніяхъ, въ Деканы Физико-Математическихъ Наукъ, въ Проректоры, и наконецъ троекратно въ Ректоры Университета.

Двигубскій принадлежалъ безспорно къ числу самыхъ дѣятельныхъ Русскихъ Ученыхъ; труды его могли бы принести честь всякому трудолюбивому Ученому Обществу. Предметомъ

своихъ занятій онъ избралъ науки Естественныя, какъ чистыя, такъ и прикладныя. Во всѣхъ отрасляхъ Естествовѣдѣнія онъ былъ отлично полезенъ, хотя вездѣ является не авторомъ самостоятельнымъ, оригинальнымъ, а примѣрно трудолюбивымъ и ученымъ собирателемъ. Въ ознаменованіе отлично полезныхъ трудовъ своихъ, Двигубскій былъ избранъ въ Члены многихъ Русскихъ и иностранныхъ Ученыхъ Обществъ и Заведеній. Императорскія Общества: Московское Испытателей Природы, С. Петербурское Экономическое, Московское Сельскаго Хозяйства; Общества: Московское Физико-Медицинское, также и Исторіи и Древностей Россійскихъ, Московское Любителей Россійской Словесности, Гёттингенское Физическое, Гёттингенское Повивальное, Гёттингенское Фитографическое и Парижское Академическое считали Двигубскаго своимъ Членомъ, а Парижское Гальваническое своимъ Корресподентомъ; онъ имѣлъ также дипломы на званіе Почетнаго Члена Императорскихъ С. Петербурскаго и Виленскаго Университетовъ, и за изданныя имъ разныя руководства и поднесеніе «*Опыта Естественной Исторіи всѣхъ животныхъ Россіи*», кромѣ упомянутыхъ наградъ, удостоился получить три перстня отъ щедротъ Монаршихъ.

Покойный Профессоръ Двигубскій издалъ слѣдующія сочиненія (всѣхъ 37 изданій): 1) Primitiae Faunae Mosquensis, seu enumeratio animalium, quae sponte circa Mosquam vivunt, quam speciminis loco pro gradu Doctoris legitime consequendo conscripsit facult. Med. Adjunctus J. Dvigubsky. etc. etc. 1802. Mosquae, in-8° min. 2) То же, in-8° maj. 1802. Животныя размѣщены по системѣ Линнея. 3) De Amphibiis Mosquensibus. Mosq. 1798, in-8°. 4) Prodromus Faunae Rossicae. 1. Mammalia. Accedit tabula aenea. Gotting. 1804, in-8°. Указаніе млекопитающихъ въ Россіи, съ рисункомъ, представляющимъ малоизвѣстное тогда за границею изображеніе Русскаго животнаго: Serex caecutiens Laxmanni. 5) *Изображенія и описанія животныхъ Россійской имперіи.* Москва, 1817 г. in въ 12-ю д. Это сочиненіе выходило тетрадями (всѣхъ 12.) 6) *Краткое описаніе всѣхъ животныхъ четвероногихъ и китовъ, въ предѣлахъ Россійскаго Государства.* М. in-12°. 7) *Опытъ Естественной Исторіи всѣхъ животныхъ Россійской Имперіи,*

съ изображеніемъ животныхъ. Москва 29—1832. in-8°, и другое изданіе in-4°. 2 части текста и 2 картинъ. 8) *Начальныя основанія Анатоміи, соч. Пленка*, переводъ съ Латинскаго, 1796. 9) *Начальныя основанія Ботаники*, Москва 1805, in-12°. 10) *Начальныя основанія Естественной Исторіи растеній*, Москва, 1811. 11) *Начальныя основанія Естественной Исторіи растеній, заключающія въ себѣ терминологію растеній, лучшія ихъ системы, Анатомію, Физіологію ихъ, Патологію и Исторію Ботаники*, съ фигурами, часть I. Москва 1823. in-8° maj. 12) *Краткая Ботаника въ теперешнемъ ея усовершенствованіи*, соч. Джона Линдлея, переводъ. Москва 1839. 13) *Московская Флора или описанія растеній, дикорастущихъ въ Московской Губерніи*. Москва, 1828, in-12°. 14) *Легкій способъ распознавать дикорастущія на поляхъ Московскихъ растенія*, изданный для Воспитанниковъ Университетскаго Пансіона. Москва 1827, in-8°. 15). То же. Изданіе 2-е, 1838. 16) *Изображеніе растеній преимущественно Россійскихъ употребляемыхъ въ лѣкарства, и такихъ, которыя наружнымъ видомъ съ ними сходны и часто за нихъ принимаются, но лѣкарственныхъ силъ не имѣютъ*. Часть I и II. Москва. 1828—1829, in-4°. 17) *Таблицы животныхъ, растеній и минераловъ*, для благородныхъ Воспитаниковъ Университетскаго Пансіона. Москва 1808, in-8°. 18) То же. Изданіе 2-е, 1815. 19) *Начальныя основанія Естественной Исторіи*.Москва. (Служившія руководствомъ). 20) Тоже. Изданіе 2-е, исправленное и умноженное. 1820, 3 Части, въ-12, а другое въ-8. 21) *Списокъ физическихъ инструментовъ Императорскаго Московскаго Университета, составленный Профессоромъ Физики*, 1821. Москва, въ 8. (Служилъ долгое время руководствомъ даже въ Университетѣ и Академіи Московскихъ). 22) *Физика для благородныхъ Воспитанниковъ Университетскаго Пансіона*. Москва 1808, въ 8. 23) То же. Изданіе 2-е, исправленное и умноженное, 1814, въ 8. 24) То же. Изданіе 3-е, 1—2 съ фигур. 1824, въ 8. Это сочиненіе долгое время служило руководствомъ не только въ Московскомъ Университетѣ, но и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. 25) *Начальныя основанія Технологіи, или краткое показаніе работъ, на заводахъ и фабрикахъ производимыхъ*, 2 части. Москва 1807, въ 8. 26) *Лексиконъ Городска-*

го и Сельскаго Хозяйства, составленный Иваномъ Двигубскимъ, 1836 — 1839 г. Москва 12 частей, въ 4 д. Этотъ огромный трудъ есть плодъ занятій Двигубскаго по увольненіи отъ службы, и составленъ имъ по нѣкоторымъ Французскимъ и Нѣмецкимъ Лексиконамъ и Русскимъ повременнымъ изданіямъ). 27) *Новый Магазинъ Естественной Исторіи, Физики, Химіи и свѣдѣній экономическихъ,* 1820—29. Это— сокровищница свѣдѣній по всѣхъ отраслямъ Естествовѣдѣнія, какъ чистымъ, такъ и прикладнымъ, гдѣ помѣщалось много оригинальныхъ статей самаго Издателя, также Гг. Ловецкаго, Максимовича и другихъ. 28) *Наставленія сочинять рецепты.* Соч. Пихлера, переводъ съ Нѣмецкаго. Москва, 1796. въ 8. 29) *Пленка Повивальное Искусство.* Переводъ съ Латинскаго. Москва 1797, въ-8. 30) *Рѣчь въ память умершаго Профессора Страхова.* Москва 1814, въ-4. 31) *О нынѣшнемъ состояніи земной поверхности.* Іюля 30, 1806 г. въ-4. Сверхъ того мелкія его сочиненія и переводы находятся въ Актахъ Парижскаго Академическаго Общества, также Гёттингенскаго Фитографическаго, на которыя мы впрочемъ не можемъ указать въ частности, не имѣя предъ собою полнаго ихъ изданія.

ДЕКАМПЪ, Амедей (Amedée Decampe), Лекторъ Французской Словесности, Титулярный Совѣтникъ. По смерти И. А. Пельта, въ 1829 году назначенъ былъ конкурсъ на званіе перваго Лектора Франц. Слов. въ Моск. Универ., и Амедей Декампъ былъ избранъ въ эту должность. Онъ упражнялъ Студентовъ въ легкихъ сочиненіяхъ на Французскомъ языкѣ и въ переводахъ съ Латинскаго на Французскій; разбиралъ лучшихъ авторовъ Французскихъ и преподавалъ Исторію Словесности. Въ 1835 г. Апрѣля 11-го Всемилостивѣйше пожалованъ брилліантовымъ перстнемъ. Въ 1837 году слабое здоровье заставило его возвратиться въ отечество, и спустя нѣкоторое время, онъ отправился въ Италію, но умеръ на дорогѣ близь Альпійскихъ горъ.—До пріѣзда своего въ Россію, Декампъ, въ 1822 году, былъ Директоромъ Школы Св. Карла Великаго въ городѣ Тулузѣ, и однимъ изъ 40 членовъ, поддерживавшихъ Академію Флоральныхъ игръ (un des 40 *mainteneurs* des Jeux Floraux). Онъ издалъ въ этомъ городѣ

книжечку подъ заглавіемъ: *Considérations sus l'état actuel des moeurs de la jeunesse française et sur les moyens d'améliorer l'esprit de celle, qui doit lui succéder.*

ДЕНИСОВЪ, Ѳедоръ Алексѣевичь, Ординарный Профессоръ Технологіи, Коллежскій Совѣтникъ, первоначальное образованіе получилъ въ разночинской Гимназіи при Московскомъ Университетѣ. Съ 1802 года слушалъ лекціи Профессоровъ Медицинскаго Факультета; но Анатомія и Хирургія вскорѣ оказались предметами тягостными для его организаціи. Отказавшись отъ медицинскаго поприща, онъ перешелъ въ Физико-Математическое Отдѣленіе, и занимался преимущественно Естественною Исторіею, Физикою и Химіею.—Въ 1806 году получилъ степень Кандидата Физико-Математическихъ наукъ, и съ этого времени началась служба Денисова въ Университетѣ и въ подвѣдомственныхъ ему заведеніяхъ.—Сначала онъ былъ преподавателемъ Естественной Исторіи въ бывшей Академической Гимназіи и вмѣстѣ съ тѣмъ старшимъ надзирателемъ надъ казенно-коштными воспитанниками Гимназіи; потомъ, получивъ степень Доктора въ 1814 году, онъ началъ гототовиться къ занятію каѳедры Технологіи, оставшейся вакантною послѣ Профессора Двигубскаго, перешедшаго на каѳедру Физики, и наконецъ въ 1818 году былъ утвержденъ Адъюнктомъ и вскорѣ потомъ Профессоромъ Технологіи. Въ этой послѣдней должности оставался онъ по день кончины своей, послѣдовавшей отъ холеры, 1830 года Сентября 28 дня.

Сверхъ усерднаго исполненія возложенныхъ на него должностей въ Московскомъ Университетѣ, онъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, занимался преподаваніемъ Естественной Исторіи и Физики въ Университескомъ Благородномъ Пансіонѣ и въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ. Кромѣ слушателей своихъ, онъ былъ полезенъ совѣтами нѣкоторымъ фабрикантамъ и заводчикамъ, которымъ сей почтенный Профессоръ охотно и безкорыстно подавалъ оные.

Изъ ученыхъ трудовъ его извѣстны: 1) *Рѣчь*, произнесенная въ 1822 году, *о вліяніи Химіи на успѣхи мануфактурной промышленности*; 2) *Технологія* по руководству Поппе. Нѣсколько статей, сочиненныхъ и переведенныхъ имъ съ Фран-

цузскаго языка, помѣщено въ повременныхъ изданіяхъ: Новомъ Магазинѣ Естественной Исторіи и Физики, и Московскомъ Телеграфѣ. Ясность и чистота выраженія положили печать на его слогѣ и преподаваніи.

Изъ рѣчи и изъ статей покойнаго Профессора видно, что онъ преимущественно занимался химическою частію Технологіи. Вѣроятно первоначальныя учебныя занятія Профессора мало расположили его къ Механикѣ; съ другой стороны нельзя не припомнить и того, что тогда обширнѣйшія и разнообразныя приложенія Механики были мало извѣстны въ Россіи. По свидѣтельству людей, лично знавшихъ Денисова, онъ соединялъ въ себѣ благородство, честность, благотворительность и великодушіе.

ДЕ-САНГЛЕНЪ, Яковъ Ивановичь, Лекторъ Нѣмецкой Словесности и Адъюнктъ-Профессоръ Военныхъ наукъ, Военный Совѣтникъ и Кавалеръ, родился въ Москвѣ, 1776 года, учился сперва въ разныхъ частныхъ Московскихъ пансіонахъ; въ 1786 году отправленъ въ Ревель для опредѣленія въ славившуюся тамъ Гимназію, гдѣ пройдя всѣ 6 классовъ, получилъ шпагу. Въ 1793 году, Декабря 20-го дня, вступилъ въ службу съ чиномъ Прапорщика и опредѣленъ въ штатъ Вице-Адмирала Спиридова переводчикомъ. Находясь въ службѣ, получилъ отпускъ и въ Лейпцигѣ слушалъ философскія лекціи Профессора Платнера, а въ Берлинѣ астрономическія Профессора Боде. По экзамену, будучи уже Коллежскимъ Ассессоромъ, опредѣленъ 1804 года, Декабря 26-го, на мѣсто Профессора Гейма Лекторомъ Нѣмецкой Литтературы и преподавалъ на Русскомъ языкѣ публичныя лекціи о военныхъ наукахъ, о тактикѣ и пр. Въ 1806 году произведенъ въ Адъюнктъ-Профессоры, а въ 1807 году опредѣленъ въ Военную Коллегію и причисленъ къ штату Генералъ-Адъютанта Кн. Петра Михайловича Волконскаго, который тогда вмѣстѣ съ Гр. Ливеномъ имѣлъ военный портфёль. Тогда кончилось его служеніе въ Московскомъ Университетѣ.

Изданы имъ слѣдующія сочиненія: 1) *Отрывки изъ иностранной Литтературы* 1804 года. 2) *Ежемѣсячный журналъ Аврора*, издаваемый вмѣстѣ съ Профессоромъ Рейнгар-

томъ; участвовалъ вмѣстѣ съ Профессоромъ Буле въ изданіи Ученыхъ Вѣдомостей въ 1805 году. 3) *О военномъ искусствѣ древнихъ и новыхъ временъ*, въ 1808 году. — 4) *Историческіе и тактическіе отрывки*, въ 1809 году.—5) *Военная исторія XVIII-го вѣка*, въ 1809 г.—6) *Въ память Графу Александру Ивановичу Кутайсову*, въ 1812 году.—7) *О началѣ и паденіи миѳологическаго міра и богослуженіи древнихъ Грековъ*, въ 1815 г.—8) *О истинномъ величіи человѣка*, въ 1814 г. — 9) *Жизнь и мнѣнія новаго Тристрама*, въ 1830 году.—10) *Рыцарская клятва на гробѣ*, 1830 г. — 11) *Подвиги Русскихъ подъ Нарвою въ 1700 г.* Издано въ 1830 г. — 12) *Шиллеръ, Вольтеръ и Руссо*, 1843 г. Сверхъ того нѣсколько статей его помѣщено въ трудахъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, и съ 1845 года помѣщалось ежегодно нѣсколько статей въ Москвитянинѣ.

ДЕСНИЦКІЙ, Семенъ Ефимовичь, Ординарный Профессоръ Римскаго права и Россійскаго Законовѣдѣнія, обоихъ правъ Докторъ, Коллежскій Ассессоръ, и Членъ Россійской Академіи, принадлежитъ къ числу тѣхъ дѣятелей Императорскаго Московскаго Университета, которыхъ имена всегда произносимы будутъ съ уваженіемъ и признательностью.

Въ теченіе всей своей профессорской дѣятельности, Десницкій съ неослабною ревностью трудился надъ распространеніемъ своихъ глубокихъ и основательныхъ свѣдѣній въ Юриспруденціи между воспитанниками Московскаго Университета, при чемъ главнѣйшимъ предметомъ его размышленій и бесѣдъ было Россійское ученое Законовѣдѣніе. Къ нему, какъ къ средоточію, онъ направлялъ всѣ прочія знанія и вниманіе учащихся, почему Проф. Десницкаго можно назвать, по всей справедливости, отцомъ природной Русской Юриспруденціи.

Первоначальное воспитаніе Десницкій получилъ въ Троицкой Лаврѣ, потомъ былъ Студентомъ въ Московскомъ Университетѣ, откуда отправленъ въ Академію Наукъ, а въ 1761 году посланъ для окончательнаго образованія въ Англію.

Съ неутомимымъ прилежаніемъ четыре года занимался онъ въ Глазговскомъ Университетѣ Юриспруденціей, Математикой, Химіей, Исторіей, слушая преподаваніе этихъ наукъ у слав-

нѣйшихъ профессоровъ. По окончаніи курса наукъ, Десницкій произведенъ былъ въ Магистры свободныхъ наукъ, потомъ удостоенъ степени Доктора правъ, съ полученіемъ привилегій гражданства, званія особенно почетнаго для иностранца.

Въ Московскомъ Университетѣ подвергшись испытанію у Профессоровъ Дильтея и Лангера, Десницкій въ 1768 г. получилъ каѳедру Экстраординарнаго Профессора и преподавалъ лекціи объ уложеніяхъ и пандектахъ Римскаго Права. И тутъ Профессоръ уже примѣнялъ свой предметъ къ Русскимъ законамъ и излагалъ свое ученіе на Русскомъ языкѣ.—До того времени преподаваніе всѣхъ юридическихъ и другихъ наукъ совершалось въ Московскомъ Университетѣ профессорами иностранцами на языкѣ Латинскомъ. По прибытіи изъ за границы природныхъ Русскихъ ученыхъ въ 1767 г., попечительное университетское Начальство признало за благо отмѣнить для нихъ этотъ обычай и ввести по ихъ каѳедрамъ преподаваніе на отечественномъ языкѣ. Нововведеніе это, въ высшей степени благодѣтельное, встрѣтило однако же сильное противорѣчіе со стороны профессоровъ-иностранцевъ, которые утверждали, что собственно для Латинскаго языка и учрежденъ Московскій Университетъ, а преподаваніе на Русскомъ языкѣ непремѣнно поведетъ къ ослабленію его знанія. Но мудрая Монархиня, на милостивое воззрѣніе которой представленъ былъ этотъ споръ, указомъ 1767 г. рѣшила его въ пользу Русскаго языка. Особенно благотворно было разрѣшеніе читать лекціи на Русскомъ языкѣ для Юридическаго Факультета. Наука Законовѣдѣнія, при самомъ отличномъ преподаваніи, не можетъ принести надлежащаго плода, если она читается не на природномъ, а на иностранномъ языкѣ. Черезъ пять лѣтъ, Десницкій наименованъ былъ Ординарнымъ Профессоромъ, исправлялъ должность Эфора надъ казенными студентами бывшей Академической Гимназіи, и въ тоже время, по страстной любви къ мѣсту образованія, училъ Англійскому языку, а съ 1783 г. началъ первый преподавать Россійское Законоискусство.

До Десницкаго наука Русскаго Законовѣдѣнія почти что вовсе не существовала. Не смотря на то, что при учрежденіи Университета, однимъ изъ первыхъ предметовъ Университетскаго ученія положено было Законовѣдѣніе, что для

Юриспруденціи Россійской установлена была особенная каѳедра, учиться законамъ почти никто не хотѣлъ. Вслѣдствіе глубоко укоренившихся старинныхъ предразсудковъ и привычекъ къ приказному законничеству, предпочитали научному практическій путь законознанія.

Даже дворяне охотнѣе отсылали дѣтей своихъ прямо къ повытчикамъ и канцеляристамъ для наученія ихъ всей глубинѣ премудрости закона безъ всякаго къ тому приготовленія, даже и безъ знанія грамматики и безъ правописанія. Тщетно противодѣйствовали этому направленію знаменитые предшественники и потомъ сотрудники Десницкаго, Дильтей и Лангеръ. Впрочемъ многаго они и сдѣлать не могли, потому что были иностранцы. Созидая науку Русскаго Законовѣдѣнія изъ матеріаловъ, повсюду разсѣянныхъ, они и сами должны были бороться съ трудностями, непреодолимыми для нихъ по причинѣ незнанія языка и потребностей страны. Да и читать предметъ, имъ чуждый, могли ли они съ такимъ одушевленіемъ, которое необходимо для того, чтобы заставить полюбить его вопреки господствующему предубѣжденію?

Искренно соболѣзнуя о такомъ плачевномъ состояніи Россійскаго Законовѣдѣнія и вполнѣ понимая свою прямую обязанность, какъ перваго природнаго Русскаго Профессора, Десницкій, безъ сомнѣнія, уже на чужбинѣ лелѣялъ въ себѣ мысль о созданіи этой науки. При самомъ вступленіи въ должность, въ прекрасномъ своемъ словѣ: *О прямомъ и ближайшемъ способѣ къ наученію Русской Юриспруденціи,* изложилъ онъ, съ глубокою проницательностію и обдуманностію, основанія и образъ преподаванія Законовѣдѣнія въ Россіи. Для успѣшнаго Законоученія въ Россіи, Десницкій признавалъ необходимо нужными: здравую нравоучительную Философію, Натуральную Юриспруденцію, Римскую Юриспруденцію и языки Латинскій, Французскій, Англійскій и Нѣмецкій, и другія вспомогательныя науки, какъ то Грамматику, Риторику, Логику, Физику и пр. Потомъ почиталъ настоятельною нуждою собрать всѣ какъ древнія, такъ и новыя права, законы и указы, и изъ нихъ составить наставленіе Россійскихъ правъ для общаго знанія и для удобнѣйшей практики въ судахъ. Для преподаванія такой Русской Юриспруденціи, по его мнѣнію,

непремѣнно надобны были два Профессора: одинъ для теоріи, а другой для практики. Первый долженъ преподавать теорію со всевозможною полнотою плана и общевразумительностію и излагать ее порядкомъ историческимъ, метафизическимъ и политическимъ, снося притомъ законы Россійскіе съ натуральнымъ объ нихъ разсужденіемъ. Практическій Профессоръ долженъ показывать всѣ роды судопроизводствъ гражданскихъ и во всякихъ разныхъ правленіяхъ постепенно и по порядку дѣлъ, начиная сперва отъ удобнѣйшихъ и доходя до труднѣйшихъ. Наконецъ онъ замѣчалъ, что вся метода ученія должна быть примѣнена къ свойству Россійскаго правленія и закона. Такимъ образомъ Десницкій изложилъ все существо, духъ и направленіе своей методы самымъ полнымъ и удовлетворительнымъ образомъ, могущимъ служить примѣромъ и въ наше время.

Своему коренному направленію Десницкій оставался вѣренъ и во всѣхъ другихъ сочиненіяхъ своихъ. Изъ нихъ извѣстны еще слѣдующія слова и разсужденія, написанныя также для произнесенія въ торжественныхъ собраніяхъ Университета: 1) *Слово о причинахъ смертныхъ казней по дѣламъ криминальнымъ*, гов. Апр. 22-го, 1770 г. 2) *Юридическое разсужденіе о вещахъ священныхъ, святыхъ и принятыхъ въ благочестіи, съ показаніемъ правъ, какими оныя у разныхъ народовъ защищаются*, гов. Апр. 22-го, 1772 г. 3) *Юридическое разсужденіе о началѣ и происхожденіи супружества у первоначальныхъ народовъ и совершенствѣ, къ которому оно приведеннымъ быть кажется послѣдовавшими народами просвѣщеннѣйшими*, гов. Іюня 30-го, 1775 г. 4) *Слово на день тезоименитства Императрицы Екатерины II*, Ноября 28-го 1775 г. 5) *Слово на торжество о бракосочетаніи Великаго Князя Павла Петровича съ Великою Княгинею Наталіею Алексѣевною*, произн. Окт. 15-го 1776 г. 6) *Юридическое разсужденіе о разныхъ понятіяхъ, какія имѣютъ народы о собственности имѣнія въ разныхъ состояніяхъ общежительства*, чит. Апр. 1781 года.

Слова и разсужденія Десницкаго, при краснорѣчивомъ изложеніи, показываютъ обширную ученость автора и близкое знакомство со всѣми тогдашними лучшими философскими и

юридическими сочиненіями, и въ тоже время отличаются самостоятельностію мышленія. Въ нихъ видны и умъ философа и свѣдѣнія Юриспрудента и талантъ литтератора, но виденъ также и человѣкъ тамъ, гдѣ Десницкій съ полною откровенностію говоритъ объ ученыхъ предразсудкахъ и съ истиннымъ благородствомъ возвышеннаго духа раскрываетъ разныя злоупотребленія въ ученіи.

Изъ переводовъ Десницкаго напечатаны: 1) *Томаса Боудена наставникъ земледѣльческій*, М. 1780 г. Многія статьи въ сей книгѣ переводчикъ дополнилъ своими собственными примѣчаніями. 2) *Истолкованіе Англійскихъ законовъ Г. Блакстона*, въ 3 томахъ. М. 1780—1782 г. Десницкій перевелъ сію книгу съ Англійскаго, по Высочайшему повелѣнію.

Профессоръ Десницкій уволенъ отъ службы при Университетѣ съ пенсіею въ 1787 г., а скончался 1789 г. Іюня 15-го дня. Состоялъ въ званіи Профессора всего 15 лѣтъ.

ДИЛЬТЕЙ, Филиппъ Генрихъ, (Heinrich Philipp Dilthey), былъ родомъ Тиролецъ изъ Шерстейн-Рингава; обучался въ Университетахъ Инспрукскомъ, Страсбургскомъ и Вѣнскомъ, изъ которыхъ въ послѣднемъ получилъ степень Доктора Правъ въ 1753 г., уже бывши Членомъ Майнцской Академіи. При учрежденіи Московскаго Университета, чрезъ посредство Миллера и Бюшинга, Дильтей вызванъ былъ въ Россію какъ Профессоръ Исторіи и Правъ, по особому контракту съ жалованьемъ въ 500 руб.; въ Москву прибылъ онъ 28 Сен. 1756 года (М. Вѣд. 1756. № 46), открылъ преподаваніе въ Университетѣ рѣчью 31 Октября, о которой въ объявленіи Куратора сказано: «Профессоръ за благо разсудилъ, что онъ не безполезно учинитъ, есть ли о нуждѣ и пользѣ права перстомъ Божескимъ во всѣхъ сердцахъ написаннаго и чрезъ справедливое разсужденіе всему человѣческому роду объявленнаго, рѣчь свою предлагать будетъ» (Моск. Гор. Лист. 1847. № 14). На другой день Дильтей открылъ свой курсъ Юридическихъ Наукъ въ Университетѣ, а черезъ 2 недѣли потомъ, 11 Ноября, сталъ читать на Французскомъ языкѣ приватныя лекціи «о Правѣ Натуральномъ» (М. В. 1756, № 56). Въ теченіи 10 лѣтъ въ Дильтеѣ сосредоточивался весь Юридическій Факуль-

тетъ Московскаго Университета, а потому его дѣятельности, учебная и ученая, заслуживаютъ особаго вниманія. Къ сожалѣнію, всѣ отзывы о достоинствѣ преподаванія Дильтея принадлежатъ Бюшингу, который, какъ двоюродный братъ его, не можетъ быть свидѣтелемъ безпристрастнымъ, или Бакмейстеру, который старался выставить въ лучшемъ свѣтѣ дѣятельность нѣмецкихъ ученыхъ; разсматривая письма Дильтея къ Миллеру и Акты Конференціи, мы не можемъ вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ Бюшинга (Lebensgesch. denkw. Pers. III, 55.)

Дѣйствительно, въ началѣ Дильтей ревностно принялся за работу. Изученіе русскаго языка, которое досталось ему безъ особаго труда, Университетскія занятія, публичныя лекціи, сочиненіе рѣчей — все это показываетъ большую дѣятельность; но она направлена была преимущественно на обезпеченіе своего состоянія: за публичныя лекціи Дильтей бралъ по 12-ти рублей, съ платою половины впередъ, и, вѣроятно, число посѣтителей было такъ велико, что онъ въ 1760 году могъ купить себѣ домъ за 1500 руб. Мы увидимъ, что отъ этого терпѣли собственно Университетскія лекціи.

Въ каталогѣ чтеній Дильтей помѣщалъ почти весь объемъ Юридическихъ наукъ — Естественное Право, Римское, Феодальное, Уголовное, Государственное — и все это предлагалъ читать на 4-хъ языкахъ, по выбору слушателей, по 8 часовъ въ недѣлю (Catal. praelect. anno 1757). Но главнымъ предметомъ чтеній оставалось всегда и постоянно Естественное Право. Эту науку Дильтей читалъ по руководству Пуфендорфа, вводя въ нее всѣ тонкости тогдашней метафизики; чтобы ознакомить публику съ успѣхомъ своихъ лекцій, Дильтей особенно любилъ публичные диспуты между студентами: назначались два студента, защищавшіе тезисы предложенные Профессоромъ, и четыре, возражавшіе противъ нихъ. Сколько извѣстно, первый изъ такихъ диспутовъ былъ въ 1756 году Декабря 17-го; вотъ печатное заглавіе его: « Опытъ успѣховъ въ естественномъ правѣ, который подъ руководствомъ Филиппа Генриха Дильтея, обѣихъ правъ Доктора, Курфиршеской Могунтинской Академіи Полезныхъ Наукъ Члена, Правъ и Исторіи Профессора, окажутъ студенты Иванъ Алексѣевъ и Матвѣй Елисеевъ, отвѣтствуя на вопросы и про-

тивныя мнѣнія, которыя предложены быть имѣютъ отъ студентовъ же Семена Герасимова, Сергѣя Малиновскаго, Антонія Котцаурека и Петра Ямпольскаго въ Университетской Авдиторіи по утру Декабря 17-го дня.» — Всѣхъ тезисовъ было 16; для примѣра приведемъ 7-й: «Совѣсть есть или предъидущая или послѣдующая, или достовѣрная, или вѣроятная, или правая, или ложная, или сомнительная, или напослѣдокъ безчувственная.» Впослѣдствіи тезисы заимствовались изъ Вексельнаго права. Одинъ изъ такихъ диспутовъ, въ 1775 году, происходилъ въ присутствіи Потемкина (Bacmeister, Russ. Bibl. IV. 175).

Между тѣмъ Естественное Право, читанное по Винклеру, Пуффендорфу и Неттельбладту, не прививалось къ слушателямъ; къ тому же Дильтей въ 1757 году сдѣланъ былъ Инспекторомъ Гимназіи съ прибавкою 100 р. жалованья, сталъ заниматься переводомъ Грамматики Ломоносова, которую хотѣлъ издать для иностранцевъ — все это отвлекало Профессора отъ дѣла. Не зная основательно Русскаго языка и Русскихъ законовъ, Дильтей не могъ въ своихъ лекціяхъ возбудить интереса къ отвлеченной и мертвой наукѣ; число слушателей его уменьшалось и наконецъ, по собственному признанію его, ограничилось однимъ студентомъ. Одною изъ главныхъ причинъ такого упадка Юридическихъ лекцій было, конечно, нерадѣніе самаго Дильтея, который, по свидѣтельству Рейхеля, въ теченіи 16-ти мѣсяцовъ былъ только 5 разъ на лекціи. Такая неисправность заставила Университетъ въ 1765 году представить Директору Ададурову, что «отъ Дильтея никакого плода нѣтъ» (письмо Адад. къ Хераск. 22-го Февраля 1765); въ слѣдствіе этого Дильтей былъ уволенъ и на мѣсто его опредѣленъ Лангеръ. Съ своей стороны Дильтей представилъ въ Сенатъ жалобу на Университетъ, въ которой обвинялъ Канцелярію Университета въ удержаніи жалованья, въ неуплатѣ 27 руб. за Универсальную Исторію, въ лишеніи старшинства и въ недозволеніи будто бы студентамъ учиться Юриспруденціи. Началась довольно значительная переписка по этому дѣлу между Сенатомъ и Конференціею Университета, которая продолжалась почти полтора года, и въ теченіи этого времени Дильтей не преподавалъ лекцій. Вспом-

нили, что неудовольствія Дильтея начались еще съ 1761 года по поводу ссоры съ Боуеромъ, коснулись его домашней и семейной жизни; доказали частыя отсутствія Дильтея недѣльными отчетами и манускриптомъ Juris Naturae, писаннымъ студ. Калиновскимъ, также выговорами Директора (seorsum et publice in conferentia multopere esse admonitum. Act. Conf. 29-го Декабря 1765). Дильтею въ особенности хотѣлось посвятить свою Исторію Цесаревичу; но Профессоры, разсмотрѣвъ ее, нашли, что Исторія Дильтея есть простая компиляціи, что онъ цѣликомъ выписывалъ изъ Гейнекція, что методъ дуренъ, что событія доведены только до Августа, что гораздо лучше Исторія Фрейера, которая и переведена по приказанію Куратора, что наконецъ въ самомъ посвященіи Цесаревичу была неисправность, такъ что его нельзя было напечатать (Ук. Сен. 1765). Между тѣмъ подлинныя бумаги по дѣлу были затеряны, и, — въ то время, какъ 20-го Марта 1766 года конференція записывала въ журналъ свои обвиненія, — 8-го Марта состоялся указъ Собственной руки Императрицы о прекращеніи дѣла, о принятіи Дильтея снова на службу и заключеніи съ нимъ новаго контракта (письмо Адад. къ Хераск. 21-го Мар.). Съ этого времени начинается новый періодъ въ служебной и учебной дѣятельности Дильтея. Конференція подвергла его экзамену, нашла способнымъ и по объявленію Куратора снова допустила къ преподаванію лекцій съ 13-го Апрѣля (Act. Conf. 8 и 12 Апр. 1766).

Замѣчательно, что еще въ 1764 году Университетъ, видя неприложимость Естественнаго Права, не показывавшаго точныхъ результатовъ для юридическаго образованія, предписалъ Дильтею составить планъ преподаванія Юриспруденціи, хотя конференція для многихъ причинъ того плана не апробовала; Дильтей самъ видѣлъ, что нельзя было въ теченіи 8-ми лѣтъ ограничиваться однимъ Естественнымъ Правомъ и оправдывалъ себя тѣмъ, что изученіе его должно предшествовать изученію Русскаго Права; онъ просилъ дать ему нѣсколько Студентовъ для распредѣленія Русскихъ Законовъ въ порядкѣ и сознавалъ необходимость Профессоровъ Русскихъ (Act. Conf. 12-го Окт. 1765). По мнѣнію Дильтея, общій составъ Юридическихъ наукъ долженъ состоять въ слѣдующемъ:

1) Естественное Право; 2) Римское; 3) Уголовное и вексельное; 4) Русское; 5) Государственное съ изложеніемъ отношеній между Государями; въ каждой наукѣ необходимо дѣлать приложеніе къ Русскимъ законамъ, и весь курсъ долженъ продолжаться 5 лѣтъ; для сокращенія времени Дильтей совѣтовалъ напечатать Puffendorfii, de officiis civis et hominis. (Книга эта во Франціи служитъ и теперь руководствомъ.)

Допущенный во второй разъ къ преподаванію, Дильтей понялъ справедливость неудовольствія конференціи, и съ 1766 года сталъ уже читать систему всеобщаго права по Неттельбладту и къ этому присоединилъ Право Военное и Морское; съ каждымъ годомъ онъ оживлялъ болѣе и болѣе свои чтенія, излагая положительные законы, при помощи вновь прибывшихъ Профессоровъ Русскихъ, Десницкаго и Третьякова; такъ въ 1772 году Дильтей читалъ уже Исторію Русскаго Права, далѣе Вексельное Право, Уголовное Право, а въ послѣдній годъ преподаванія сталъ излагать ученіе о завѣщаніяхъ по Неттельбладту. Это было въ 1781 году; по своимъ дѣламъ, Дильтей былъ уволенъ въ Петербургъ, гдѣ и умеръ осенью (Bacmeist. VII, 554).

Ко второму періоду Университетской жизни Дильтея относятся всѣ лучшія сочиненія, оставшіяся послѣ него, къ которымъ мы должны обратиться теперь.

Вообще замѣтимъ, что Дильтей былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ Профессоровъ; пріѣхавши въ Россію, онъ былъ пораженъ новыми для него отношеніями; но, вмѣсто того, чтобы изучать ихъ въ корнѣ, глубоко, онъ старался подвести ихъ только подъ понятія и взгляды, которые принесъ съ собою; вмѣсто ученика въ новомъ для него предметѣ, онъ хотѣлъ сдѣлаться учителемъ. Конечно, юридическое образованіе существовало у насъ и до Петра Великаго, хотя въ своей особой формѣ; Дильтей не могъ приноровиться къ этой формѣ, не могъ и не умѣлъ вывести изъ нашихъ данныхъ и изъ нашей Исторіи своенародной системы Права; онъ взялъ готовую систему Римскаго Права, къ которому прилагалъ Русскіе законы и въ этомъ отношеніи вліяніе его было сильно и отражалось весьма долго. Приложеніе было не многообъемлющее, а потому противорѣчія не выдавались слишкомъ рѣзко: немногія данныя изъ

Русской жизни легко теряли свой характеръ въ огромной массѣ отвлеченныхъ воззрѣній и системы. Эту двойственность мы видимъ во всемъ, что выходило изъ-подъ пера Дильтея: положительныя основанія получали у него самый произвольный смыслъ и ничѣмъ не связывались ни между собою, ни съ общею теоріею, которая представлялась чѣмъ-то извнѣ даннымъ. Таково было общее ученое направленіе того вѣка, въ которомъ жилъ Дильтей; Философія поглощала въ себѣ всѣ науки; не дожидаясь ихъ послѣднихъ выводовъ, она предписывала ихъ, не собирая, а развѣтвляясь въ отвлеченныхъ умствованіяхъ, запутываясь въ дробномъ анализѣ, отрѣшаясь отъ жизни общества. Дильтей перенесъ то же направленіе и къ намъ въ Россію; мы смотримъ на него, какъ на памятникъ безплодно-погибшихъ усилій въ наукѣ, преждевременныхъ попытокъ создать Философію Права. Это общее замѣчаніе относится ко всѣмъ сочиненіямъ Дильтея, а потому мы, въ исчисленіи ихъ, остановимся на главнѣйшихъ.

Въ торжественныхъ рѣчахъ своихъ, произнесенныхъ на Университетскихъ актахъ, Дильтей касался общихъ предметовъ и частныхъ положеній, интересныхъ для слушателей; къ панегирикамъ онъ присоединялъ всегда небольшія разсужденія изъ юридической сферы. Такъ въ 1757 году онъ говорилъ: «*О правахъ и преимуществахъ отъ торжественнаго коронованія происходящихъ*»; въ 1763 г.—«*О воинственномъ истинномъ и полномъ основаніи Естественнаго Права*»; въ 1764 г. «*О различіи истинной и точной юриспруденціи отъ ложной*»; въ 1768 г.—«*Чего требуетъ справедливость законовъ, защищающихъ малолѣтный возрастъ, когда малолѣтные окажутся обманщиками?*»; въ 1771 г. —«*О предоставленіи конкурса вексельныхъ кредиторовъ и векселей однимъ только купцамъ*»; въ 1773—«*Oratio gratulatoria;*» въ1774—«*О присутственныхъ мѣстахъ и разныхъ родахъ дѣлъ, вѣдѣнію каждаго принадлежащихъ*»;—«*Рѣчь по случаю Кучукъ-Кайнарджійскаго мира*», гдѣ исчисляются выгоды Россіи отъ этого мира въ отношеніи вѣры и торговли, съ прибавленіемъ латинской оды: *In pacem;* въ 1776 г.— «*О разныхъ родахъ челобитенъ и просьбъ*»: наконецъ въ 1780 — «*О пользѣ знанія судебныхъ дѣлопроизводствъ и ихъ рѣшеній*». Такимъ образомъ рѣдкій годъ Дильтей не вы-

ступалъ передъ публикой представителемъ Юридическаго Факультета, своимъ словомъ возбуждая вопросы или рѣшая ихъ поверхностно. Нѣкоторыя задачи этихъ рѣчей Дильтей обработывалъ потомъ болѣе тщательно и издавалъ въ видѣ особыхъ разсужденій.

Такъ въ 1768 и 1772 годахъ онъ издалъ «*Начальныя основанія Вексельнаго Права, а особливо Россійскаго купно съ Шведскимъ*» (331 стр.): книга посвящена Н. Ѳ. Дурасову, Президенту Главнаго Магистрата. Здѣсь, кромѣ началъ Вексельнаго Права, помѣщено два разсужденія: — «о преимуществахъ малолѣтныхъ» и «о конкурсѣ», и перепечатаны важнѣйшіе указы (всего 46), относящіеся къ торговымъ законамъ, какъ напр. о судѣ таможенномъ 1727 года и Вексельный уставъ 1729 года. Вексельное Право имѣло еще изданія 1787, 1794 и 1801 годовъ, — это показываетъ уже его практическую пользу. Въ изложеніи авторъ держался Гейнекція, но вездѣ, сколько могъ, приводилъ въ подлинникѣ Русскіе законы; самый характеръ торговыхъ законовъ вообще былъ причиною особенной доступности подобнаго дѣла для Дильтея, такъ что, безспорно, это самый удачный его опытъ.

Въ 1779 году Дильтей напечаталъ «*Изслѣдованіе Юридическое о принадлежащемъ для суда мѣстѣ, о судебной власти, о должности судейской, о челобитной и доказательствѣ судебномъ*» — на Латинскомъ и Русскомъ языкахъ (209 стр.). Предметы, входящіе въ составъ сочиненія, сравнены со всѣми Русскими законодательными памятниками, начиная съ Генеральнаго Регламента; впрочемъ это сравненіе не даетъ у автора никакихъ существенныхъ выводовъ: онъ говоритъ только, что такое-то явленіе или ему подобное замѣчаемъ и въ Россіи; но главнымъ предметомъ его разсужденія постоянно остаются положенія Римскаго Права; для примѣра можно взять послѣднюю главу, «*о незаконныхъ доказательствахъ*», куда отнесены всѣ ордаліи; Дильтей выписываетъ мѣста изъ Судебниковъ и этимъ доказываетъ существованіе ордалій въ Россіи — не болѣе; свидѣтельства Цицерона, Цöзія, наконецъ Морери (его лексиконъ) — все перемѣшано безъ системы. Самъ Дильтей называетъ свое изслѣдованіе введеніемъ въ Право Россійское и посвящаетъ его Императрицѣ.

Изъ разсужденій Дильтея, читанныхъ на актахъ, болѣе другихъ замѣчательно произнесенное въ 1780 году. Дильтей доказываетъ различными доводами пользу отъ обнародованія судебныхъ рѣшеній (Gallis «mémoires raisonnés et causes célèbres» dictatum); такъ, говоритъ онъ, дедукціи объясняютъ истину въ отношеніи факта и права, судью и секретаря удерживаютъ отъ несправедливыхъ приговоровъ и превратнаго толкованія дѣлъ (стр. 8 и 9). Къ сожалѣнію, мысли эти высказаны вскользь и не объяснены всесторонне въ приложеніи къ законодательству.

Въ этихъ немногихъ сочиненіяхъ, преимущественно же въ рѣчахъ, выражается ясно юридическое направленіе Дильтея. Онъ касался самыхъ разнообразныхъ предметовъ, но не внесъ въ нихъ живаго пониманія; весь практическій характеръ изложенія ограничивается приведеніемъ или перепечатываніемъ отдѣльныхъ указовъ, которые стоятъ внѣ всякой связи съ крайне-отвлеченными положеніями, имъ предшествующими; не зная Русской жизни, Дильтей не для нея бралъ изъ общей теоріи то, что можно было взять, а напротивъ отвлеченную теорію оставлялъ неприкосновенною, отвергалъ все, что не подходило подъ заготовленный планъ и мысли. Но къ чести Дильтея должно сказать, что онъ, особенно въ послѣднее время своей дѣятельности, не оставался чуждымъ новому направленію, указанному Императрицею; труды Новикова и отечественныхъ историковъ обнаруживали вновь родившуюся потребность. Дильтей чувствовалъ въ себѣ недостатокъ данныхъ для успѣшныхъ результатовъ на новомъ поприщѣ, и потому приглашалъ трудиться вмѣстѣ съ нимъ молодыхъ Русскихъ студентовъ; онъ понималъ, что наука Права глубже другихъ должна проникнуть въ существо Русской жизни, что ей должно предшествовать много трудовъ приготовительныхъ, что нельзя было разомъ освѣтить всю массу законодательнаго движенія: каждый вопросъ дробился до безконечности, вызывая новыя задачи. Исполненіе не могло быть удачно; мы должны оцѣнить по крайней мѣрѣ пониманіе. Дѣйствительно, всякій разъ, когда Дильтей обращался къ Русскому Праву, все у него выходило отрывочно, безъ связи, безъ общей мысли; но съ другой стороны Дильтей пытался уяснить себѣ хотя современное Русское законода-

тельство и съ этою цѣлью составилъ *Сводъ Законовъ.* Неизвѣстно почему этотъ Сводъ не былъ изданъ, и мы не можемъ судить объ его полнотѣ; вѣроятно, онъ былъ не совершеннѣе многихъ Сводовъ, издававшихся въ началѣ нынѣшняго столѣтія частными лицами, но во всякомъ случаѣ если не исполненіе, то мысль замѣчательна: видно, что Дильтей не только сознавалъ трудности, представлявшіяся ему въ оживленіи Науки Права, но и старался преодолѣть ихъ.

Кромѣ того изученіе Россіи проявилось у Дильтея изданіемъ *Топографіи Тульской губерніи*, напечатанной въ 1781 году, на Русскомъ и Французскомъ языкахъ (подъ заглавіемъ: *Recueil des pièces nécéssaires pour une nouvelle Géographie russe*. Pièce I, Du Gouvernement Toula etc; Русскій переводъ сдѣланъ И. Пестелемъ) и еще болѣе изданіемъ *Атласа для дѣтей.*

Этотъ атласъ напечатанъ былъ Дильтеемъ на Французскомъ языкѣ сначала въ Амстердамѣ, въ 1766 году; потомъ перевели его на Русскій языкъ питомцы Университета, служившіе большею частію въ гвардейскихъ полкахъ. Такъ въ числѣ переводчиковъ мы находимъ имена Князей Ухтомскаго и Оболенскаго, Новосильцова, Бутурлина, Бибикова, Горчакова и другихъ. Атласъ состоитъ изъ 6 частей (послѣдней одно отдѣленіе), печатанныхъ отъ 1768 до 1777 года; это—описаніе 24-хъ странъ, изложенное въ вопросахъ и отвѣтахъ. Дильтей такъ дорожилъ Атласомъ, что каждый томъ его посвящалъ кому либо изъ государственныхъ лицъ: Ададурову, Гр. Воронцову, Амвросію, Потемкину, Маслову и Платону. Географія Россіи составляетъ 4-й томъ атласа, который носитъ особое заглавіе: Essay géographique sur la Russie avec le Blason et la généalogie de la maison régnante, compilé de différens auteurs et manuscripts, 1771 — 1775 г. (436 стр. 33, карты и 4 приб.). Кромѣ общаго географическаго описанія Россіи и ея 20 губерній, Дильтей въ свою Географію ввелъ и другіе предметы, не прямо относящіеся къ ней. Трудно предполагать, чтобы авторъ имѣлъ то понятіе о Географіи, которое ей придаютъ въ настоящее время; гораздо вѣроятнѣе, что онъ хотѣлъ сообщить больше живости и занимательности своей книгѣ. Такъ напр. въ географіи Россіи онъ помѣстилъ описаніе Молдавіи и Валахіи, «земель, покоренныхъ въ послѣднюю войну,»

и почти половину книги занялъ XI главою: «О замѣчательностяхъ въ Россіи»; въ этой главѣ Дильтей говоритъ о Царствующемъ Домѣ, о древней Русской Исторіи, о Законодательствѣ и Литературѣ, — т. е. о писателяхъ ему современныхъ. Наконецъ въ прибавленіяхъ помѣщены разные указы съ 1772 до 1775 года, относящіеся къ устройству и управленію Россіи, каковы Наказы и Учрежденія о губерніяхъ, Манифестъ объ уничтоженіи Запорожцевъ и т. д. Атласъ Дильтея не былъ никогда принятъ учебнымъ руководствомъ, хотя по заглавію можно думать, что авторъ имѣлъ это въ виду; относительная обширность была однимъ изъ главныхъ къ тому препятствій, сухость же изложенія дѣлала атласъ непригоднымъ для простаго чтенія; только 4-й томъ, имѣвшій нѣсколько изданій, достигалъ цѣли ознакомленія иностранцевъ съ Россіею и могъ быть изучаемъ у насъ. Если бы дѣйствительно подобный трудъ отвѣчалъ всѣмъ потребностямъ тогдашняго общества, онъ уже по широкому своему плану долженъ бы произвести огромное вліяніе, — ничего подобнаго не видимъ; послѣдующіе географы нисколько не заимствовали у Дильтея, котораго трудъ былъ слишкомъ поспѣшенъ; едва только вышли въ свѣтъ труды Миллера, Новикова, Крашенинникова, едва только начались ученыя путешествія, какъ Дильтей вздумалъ написать полную географію Россіи; чтобы убѣдиться въ бѣдности матеріаловъ, довольно сказать, что почти $\frac{3}{4}$ книги авторъ наполнилъ предметами, не относящимися къ Географіи.

Вообще у Дильтея мы замѣчаемъ стремленіе созидать изъ немногихъ матеріаловъ цѣлую систему; эта система была уже принесена, уже готова прежде: дожидаться собранія фактовъ Дильтей не хотѣлъ. Отъ того событія и данныя у него являются вездѣ какъ бы случайно, между прочимъ, не даютъ изъ себя живаго вывода, а по обязанности играютъ роль примѣровъ. Новая земля и новое общество поражали Дильтея; онъ наблюдалъ поверхностно всѣ особенности, которыя его занимали,—и тотчасъ же хотѣлъ научать. Одно только Вексельное Право въ каждомъ новомъ изданіи являлось въ лучшемъ видѣ; по нимъ можно видѣть, какъ самъ авторъ знакомился ближе съ своимъ предметомъ, хотя далеко не достигъ

до окончательной отдѣлки., даже для своего времени: вездѣ видимъ у него Пуффендорфа, Гейнекція, — и примѣры изъ Русскаго Права.

ДРАШУСОВЪ, Александръ Николаевичь, Адъюнктъ и Магистрѣ Астрономіи, Коллежскій Совѣтникъ, родился 1816 года Апрѣля 5-го и получилъ первоначальное образованіе въ Москвѣ, въ домѣ родителей. Въ 1831 г. поступилъ студентомъ въ Физико-Математическій Факультетъ Московскаго Университета. По окончаніи курса, получилъ степень Кандидата и награжденъ золотою медалью за сочиненіе на заданную по каѳедрѣ Астрономіи тему: *«Аналитическое изложеніе системы Коперника.»*

По выходѣ изъ Университета, Драшусовъ поступилъ въ гражданскую службу, но оставался въ ней менѣе мѣсяца, получивъ возможность продолжать свои занятія астрономіей, начатыя въ Университетѣ. Министръ Народнаго Просвѣщенія Графъ С. С. Уваровъ, въ бытность свою въ Москвѣ, въ 1834 году доставилъ ему счастливый случай остаться въ ученомъ вѣдомствѣ; по благосклонному распоряженію Г. Министра, Драшусовъ былъ оставленъ при обсерваторіи, для продолженія своихъ занятій, и черезъ два года отправленъ на счетъ Московскаго Университета за границу.

Двухлѣтнее пребываніе въ Москвѣ Драшусовъ употребилъ на приготовленіе къ экзамену на степень Магистра и на пріобрѣтеніе навыка въ употребленіи снарядовъ обсерваторіи, находившейся подъ завѣдываніемъ Профессора Перевощикова. Въ это время имъ составлена для Ученыхъ Записокъ, издававшихся при Москов. Университетѣ, *Карта пути Галлеевой кометы,* и переведены для этого журнала главнѣйшія части изъ вышедшаго тогда сочиненія Гумбольдта: *L'Asie centrale.*

Во время своего путешествія, продолжавшагося около двухъ съ половиною лѣтъ, Драшусовъ занимался преимущественно Астрономіей и Физикой въ Вѣнѣ, Мюнхенѣ, Миланѣ, Женевѣ, Геттингенѣ, Берлинѣ и Кенигсбергѣ. По данной ему инструкціи онъ долженъ былъ изучать оба предмета, и каждые четыре мѣсяца представлять Гг. Министру и Попечителю отчеты своихъ занятіяхъ, которые и были напечатаны въ Журналѣ

Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ Мюнхенѣ, Геттингенѣ и Берлинѣ онъ участвовалъ въ магнитныхъ наблюденіяхъ, которыя дѣлали Профессоры Штейнгейль, Веберъ и Энке Гаусовымъ магнитометромъ, снарядомъ въ то время новымъ. Наблюденія Драшусова, вмѣстѣ съ другими, напечатаны въ Resultaten aus den Beobachtungen des magnetischen Vereins, изданныхъ Профессоромъ Веберомъ.

Въ 1840 г., по возвращеніи изъ-за границы, Драшусовъ опредѣленъ въ Московскій Университетъ исправляющимъ должность Адъюнкта по каѳедрѣ Астрономіи; но по причинѣ тяжкой болѣзни онъ не могъ начать своего преподаванія прежде 1842 г. До 1851 г. онъ читалъ Студентамъ I, II и III курсовъ различныя части Астрономіи; а съ этого времени, по увольненіи Заслуженнаго Профессора Перевощикова, на немъ лежитъ все теоретическое преподаваніе этой науки.

Въ 1843 г. Драшусовъ, по приказанію Попечителя Графа С. Г. Строганова, составилъ, при содѣйствіи архитектора Авдѣева, проэктъ для устройства болѣе обширной обсерваторіи при Московскомъ Университетѣ. Въ 1830 г. по ходатайству Профессора Перевощикова и подъ его надзоромъ, на подаренномъ Университету Грекомъ Зосимою мѣстѣ, была построена обсерваторія, состоявшая изъ каменнаго зала съ разрѣзомъ въ направленіи меридіана, примыкавшаго къ нему небольшаго кабинета и двухъ террасъ съ восточной и западной стороны. Въ этомъ залѣ былъ поставленъ выписанный Профессоромъ Перевощиковымъ изъ Мюнхенскаго заведенія Утцшнейдера и Фрауенгофера двухфутовой полуденный кругъ и помѣщались другіе снаряды, секстантъ Троутона, маленькій пассажный инструментъ Эртеля, двѣ трубы Фрауенгофера—одна шестифутовая, другая въ четыре съ половиною фута, небольшая діалитическая труба Плесселя, кометоискатель Фрауенгофера, часы, барометръ и проч. Всѣ эти снаряды были пріобрѣтены въ непродолжительное время основателемъ Московской обсерваторіи, Профессоромъ Перевощиковымъ. Здѣсь онъ сперва секстантомъ а потомъ полуденнымъ кругомъ, опредѣлилъ ея географическое положеніе, а Студенты, подъ его руководствомъ, знакомились съ употребленіемъ астрономическихъ снарядовъ.

Въ этомъ видѣ обсерваторія, удовлетворительная какъ заве-

деніе учебное, не могла быть поставлена на ряду съ роскошными обсерваторіями другихъ Русскихъ Университетовъ. Графъ С. Г. Строгановъ рѣшился исправить и этотъ недостатокъ. По составленному Драшусовымъ проэкту предполагалось имѣть на обсерваторіи три главные снаряда: полуденный кругъ, пассажный снарядъ въ первомъ вертикалѣ и рефракторъ съ параллактическимъ движеніемъ. Представленный Г. Министру Народнаго Просвѣщенія планъ новаго зданія, приспособленнаго къ удобному помѣщенію этихъ трехъ инструментовъ и заключавшаго еще два теплые зала: одинъ для библіотеки, другой для сбереженія снарядовъ, не находящихся въ частомъ употребленіи, былъ разсмотрѣнъ и одобренъ Императорскою Академіею Наукъ и удостоенъ Высочайшаго утвержденія.

Ближайшій надзоръ за всѣми работами на обсерваторіи, устройство механизма ставней и вертящихся крышъ надъ двумя отдѣльными павильонами, назначавшимися для помѣщенія малыхъ инструментовъ и практическихъ упражненій Студентовъ, и заказъ художникамъ самыхъ снарядовъ былъ порученъ Г. Попечителемъ Драшусову.

Какъ всѣ расходы по покупкѣ снарядовъ и перестройкѣ зданія должны были падать на счетъ экономическихъ суммъ Университета, и по значительности предстоявшихъ расходовъ нельзя было сдѣлать всего вдругъ, то пріобрѣтеніе большаго рефрактора и устройство обширнаго подвижнаго павильона надъ террасою предназначенной для его помѣщенія круглой двухъэтажной башни были на нѣкоторое время отложены. Гамбургскимъ художникамъ, братьямъ Репсольдамъ, заказанъ полуденный трехфутовой кругъ съ трубою, которой объективъ долженъ былъ имѣть 60 линій въ діаметрѣ. Пассажный снарядъ для перваго вертикала, для уменьшенія расходовъ, предположено сдѣлать въ малыхъ размѣрахъ. Онъ былъ заказанъ, по особому предложенному Драшусовымъ плану, Пулковскому механику Брауеру. Оба снаряда оказались превосходными. Сверхъ того при Попечителѣ Графѣ Строгоновѣ, съ его разрѣшенія, пріобрѣтены Драшусовымъ покупкою въ разное время: 12-ти вмѣстѣ дюймовой вертикальный кругъ Эртеля, часы съ ртутнымъ маятникомъ Кессельса, четыре хронометра, одинъ Кессельса и три Дента, рычагъ для испытанія уровней

Порта, два барометра у него же, два нормальныхъ термометра и нѣкоторые другіе менѣе важные аппараты.

Въ 1847 г. новое зданіе было окончено. Въ концѣ 1848 г. Драшусовъ, по возвращеніи изъ Парижа, куда онъ былъ уволенъ на четыре мѣсяца для излѣченія болѣзни, приступилъ къ установкѣ большаго полуденнаго круга. Въ промежуткѣ, съ разрѣшенія Г. Попечителя В. И. Назимова, были сдѣланы всѣ техническія принадлежности для сбереженія и употребленія снаряда, изготовлена нужная мебель и положено основаніе небольшой библіотекѣ.

По предварительномъ изученіи и изслѣдованіи превосходнаго инструмента братьевъ Репсольдовъ, Драшусовъ приступилъ къ длинному ряду наблюденій для составленія точнаго каталога околополярныхъ звѣздъ, преимущественно 7 и 8 величины. Каждую звѣзду предположено наблюдать не менѣе 8 разъ въ двухъ различныхъ положеніяхъ снаряда. Эта продолжительная работа, требующая долговременныхъ наблюденій и обширныхъ вычисленій, подвигается впередъ, хотя преподаваніе въ Университетѣ на трехъ курсахъ, и неимѣніе въ настоящее время при обсерваторіи помощника не позволяютъ дать этому предпріятію болѣе быстраго хода. Журналы приводятся въ порядокъ, всѣ предварительныя вычисленія оканчиваются по мѣрѣ накопленія наблюденій, которыя будутъ въ свое время изданы. Опредѣленныя Драшусовымъ положенія новыхъ планетъ были помѣщены имъ въ *Astronomische Nachrichten*.

Въ 1851 году доставленъ на Московскую обсерваторію Пулковскимъ механикомъ Брауеромъ сдѣланный имъ снарядъ для наблюденій въ первомъ вертикалѣ. Въ прошломъ 1853 году, исходатайствовано Г. Попечителемъ разрѣшеніе Министра на пріобрѣтеніе большаго рефрактора, который и заказанъ уже въ Мюнхенскомъ Оптическомъ Институтѣ Мерца. Объективъ Московскаго рефрактора долженъ имѣть въ діаметрѣ 10 дюймовъ. Черезъ два года можно такимъ образомъ ожидать, что обсерваторія Московскаго Университета будетъ вполнѣ окончена и по богатству своихъ средствъ станетъ на ряду съ первыми астрономическими учрежденіями Россіи и Европы.

Лѣтомъ 1847 г. Драшусовъ, по приглашенію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, дѣлалъ хронометрическіе поѣздки во Владимірскую губернію для опредѣленія долготы и широты городовъ: Владиміра, Суздаля, Юрьева-Польскаго, Переславля-Залѣскаго, Александрова, Киржача и Покрова. Результаты сдѣланныхъ имъ для этой цѣли наблюденій помѣщены въ его диссертаціи на степень Магистра: *Объ опредѣленіи географическихъ положеній помощію пассажной трубы и хронометра*, которую онъ защищалъ въ Университетѣ Св. Владиміра въ 1850 году. Въ періодическихъ изданіяхъ было помѣщено Драшусовымъ въ разное время нѣсколько статей ученаго содержанія, и теперь сколько позволяютъ наблюденія и вычисленія, отъ готовитъ къ печати лекціи, читаемыя имъ на четвертомъ курсѣ объ опредѣленіи орбитъ планетъ и кометъ.

Дядьковскій, Іустинъ Евдокимовичь, Ординарный Профессоръ Патологіи, Терапіи и Клиники, Директоръ Клиническаго Института, Обществъ: Московскаго Испытателей природы и Физико-Медицинскаго Д. Членъ, Статскій Совѣтникъ, Св. Анны 2-й степени съ короною и Св. Владиміра 4-й степени Кавалеръ, родился 1-го Іюня 1784 года, отъ бѣдныхъ родителей духовнаго званія, близь губернскаго города Рязани, въ селѣ Дядьковѣ. Природа наградила его въ избыткѣ своими дарами. Онъ былъ сложенія крѣпкаго. Въ тѣлоустроеніи его особенно замѣчательна голова по чрезвычайно развитой передней ея части, такъ что лобъ образовалъ большой, почти квадратный четвероугольникъ съ равнокруглою выдавшеюся площадью; волосы орѣховаго цвѣта, большею частію переходящаго въ красный; глаза большіе, нѣсколько выдавшіеся, всегда живые, всегда блестящіе; темперамента сангвинико-холерическаго; характера живаго, воли постоянно твердой, преодолѣвавшей большія трудности.

Способность къ ученію открылась въ Дядьковскомъ съ раннихъ лѣтъ. Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ Іеронимъ, истинный любитель просвѣщенія и цѣнитель талантовъ, вскорѣ во множествѣ учениковъ замѣтилъ мальчика Дядьковскаго, и всегда радушно утѣшалъ бѣднаго отца, что сынъ его

будетъ умный и ученый человѣкъ. Успѣхами въ наукахъ и добрымъ поведеніемъ Дядьковскій обратилъ на себя вниманіе и самаго Архіепископа, который вошелъ въ бѣдное положеніе отца и далъ ему средства довести сына до философскаго класса. Безъ сего пособія Дядьковскій, не смотря на высокія дарованія, остался бы навсегда въ неизвѣстности. Въ Семинаріи Дядьковскій во всѣхъ наукахъ успѣвалъ превосходно; особенно раскрылась въ немъ въ высшей степени сила сужденія, такъ что нерѣдко и самые учители приходили въ затрудненіе отъ его неотразимыхъ силлогизмовъ.

Окончивъ курсъ Философіи, Дядьковскій отправился въ Москву въ 1809 году и поступилъ въ Московское отдѣленіе Медико-Хирургической Академіи. Здѣсь начинается вторая эпоха умственной дѣятельности Дядьковскаго. Жажда къ познанію безпрерывно томила его душу, и онъ принялся за изученіе преподаваемыхъ предметовъ съ любовію пламенною, восторженною. Его разсудокъ, отъ природы здравый, образованный логикою и укрѣпляемый собственною дѣятельностію, всегда и вездѣ искалъ причины, почему какой-либо предметъ существуетъ такъ, а не иначе, и часто, не удовлетворясь объясненіями, заставлялъ его входить въ споры съ преподавателями. Дядьковскій не любилъ божиться словами своихъ учителей; мудрое изреченіе: noli jurare in verba magistri,— было имъ вполнѣ уважаемо; ученикамъ своимъ всегда совѣтовалъ учиться болѣе изъ природы, а не изъ книгъ; онъ всѣми силами стремился къ мышленію самостоятельному. Одно чисто-эмпирическое ученіе для него казалось слабымъ, неудовлетворительнымъ, хотя бы оно было проповѣдываемо и поддерживаемо первою ученою знаменитостію. Съ самаго начала развитія умственной дѣятельности Дядьковскаго, въ душу его запала мысль, служившая ему путеводною звѣздою въ ученыхъ трудахъ, и въ 1836 году обнаруженная въ слѣдующемъ изреченіи: «не признавать ничьего умоположенія за истину иначе, какъ только убѣдившись въ истинности его вѣрностію и логическаго, и нравственнаго, и физическаго его употребленія». Со времени рожденія этой мысли, Дядьковскій, окончивъ академическій курсъ наукъ Лѣкаремъ I-го отдѣленія, съ награжденіемъ серебряною медалью, и за отличіе по

Высочайшему повелѣнію оставленный при Академіи для достиженія Докторской степени и занятія со временемъ должности преподавателя, во многомъ не удовлетворенный, принялся за вторичное полное изученіе всѣхъ медицинскихъ наукъ. Слѣдствіемъ такого изученія было то, что Дядьковскій почти равно зналъ всѣ части Медицины.

Слѣпое подражаніе и слѣдованіе иностранной учености всегда возбуждало въ немъ благородное негодованіе, которое онъ, вмѣстѣ съ благоговѣйною благодарностію къ Монархамъ, благодѣтелямъ Россіи, выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: «если бы не благодѣющая намъ воля самихъ Отцевъ-Монар«ховъ нашихъ и не ревностное содѣйствіе избранныхъ пат«ріотовъ, то долго бы намъ еще, по всѣмъ отраслямъ просвѣ«щенія, оставаться учениками чужихъ и не быть даже у «самихъ себя учителями.»*

Ботаника и Фармакологія, Общая Патологія и Общая Терапія, Частная Терапія и Клиника—вотъ Науки, коихъ Дядьковскій въ разное время былъ преподавателемъ. Сверхъ сего любимымъ его занятіемъ было изученіе Зоологіи, Минералогіи, Ботаники и собираніе естественныхъ произведеній всѣхъ трехъ царствъ природы, въ особенности растительнаго. Труды его постоянно были цѣнимы, какъ разнаго рода наградами, такъ и важными порученіями. Въ 1812 году, вскорѣ по полученіи званія Лѣкаря, онъ былъ отправленъ для лѣченія больныхъ и раненыхъ во временный военный Головинскій госпиталь, а потомъ откомандированъ въ Рязань для пользованія Штабъ и Оберъ-офицеровъ, откуда, по Высочайшему повелѣнію, вызванъ для прекращенія повальной народной болѣзни Московской губерніи въ городъ Верею и уѣздъ онаго, за что и былъ пожалованъ Кавалеромъ ордена Св. Владиміра 4-й степени.

Конференція Академіи безпрестанно слѣдила за занятіями Дядьковскаго. Замѣтивъ въ немъ особенный талантъ къ практической Медицинѣ, перемѣстила его съ каѳедры Ботаники и Фармакологіи на каѳедру Патологіи и Терапіи. Кромѣ обязанности Профессора, Дядьковскій занималъ должность Библіотекаря Академіи, привелъ въ систематическій порядокъ книги,

* Общая Терапія. Москва, 1836. стр. VI.

напечаталъ каталогъ ихъ, и въ то же время былъ Инспекторомъ Академіи. По Высочайшему повелѣнію, былъ командированъ для сопровожденія Графа Кочубея, во время его болѣзни. Въ 1830 году былъ назначенъ Членомъ центральной Коммиссіи для прекращенія эпидемической болѣзни холеры.

Въ Московскій Университетъ Дядьковскій опредѣленъ Ординарнымъ Профессоромъ Терапіи и Директоромъ Терапевтической Клиники 1831 года Октября 9-го. Онъ продолжалъ занимать эту каѳедру до конца 1835 года. Содержаніемъ послѣдняго курса, имъ читаннаго, было: 1) Введеніе въ Частную Терапію, 2) Критическое обозрѣніе ея Систематики, 3) Общія понятія о лихорадочныхъ болѣзняхъ, 4) важнѣйшія воспаленія.

Горячая любовь къ наукѣ, постоянное стремленіе къ самостоятельному Русскому образованію были причиною неутомимой дѣятельности Дядьковскаго, всю свою жизнь проведшаго съ книгами, больными, учащимися, и вообще людьми любознательными.

Чтеніе его не ограничивалось одними сочиненіями по части Естественныхъ Наукъ и Медицины. Онъ любилъ сочиненія историческія; много употреблялъ времени для изслѣдованія системъ философскихъ; часто занимался чтеніемъ и изученіемъ Св. Отцевъ Церкви, преимущественно Василія Великаго. Всѣ отрасли знанія человѣческаго онъ почиталъ для врача не только полезными, но и необходимыми. Дядьковскій имѣлъ память необыкновенную: въ совершенномъ возрастѣ онъ изучилъ языки Нѣмецкій, Французскій, Англійскій и Итальянскій. Изъ древнихъ языковъ онъ зналъ хорошо Греческій, и особенно Латинскій, на которомъ объяснялся съ полною свободою.

Владѣя полнымъ современнымъ знаніемъ преподаваемаго предмета и высокимъ даромъ выражать мысли въ правильной послѣдовательности языкомъ точнымъ, Дядьковскій вполнѣ овладѣвалъ вниманіемъ слушателей. Желаніе дать ясное понятіе слушателямъ о каждомъ предметѣ науки было такъ велико, такъ, можно сказать, безпредѣльно, что лекція его часто продолжалась четыре и рѣдко менѣе трехъ часовъ. Такой тяжелый трудъ, ежедневно повторяемый, могла выносить только грудь Дядьковскаго. Лекціи Частной Терапіи не только его слушателями, но и многими пожилыми врачами-практика-

ми, высоко были цѣнимы и доселѣ пріобрѣтаются за дорогую цѣну.

Такое уваженіе къ высокимъ талантамъ Дядьковскаго не пресѣклось ни съ окончаніемъ его служебнаго, ни даже земнаго поприща: Студенты Московскаго Университета и Академіи и многіе врачи, нѣкогда его слушатели, и теперь безпрерывно повторяютъ свое требованіе о напечатаніи его лекцій Частной Терапіи. Дядьковскій часто говаривалъ, что понятія о предметахъ какой бы то ни было науки должны быть истинны и точны; безъ сихъ качествъ издавать ученыя сочиненія въ свѣтъ значитъ умножать заблужденія; и потому малѣйшая въ чемъ-либо неудовлетворительность удерживала его отъ изданія.

Изданныхъ его сочиненій четыре; два на латинскомъ языкѣ, именно: 1) докторская диссертація *О дѣйствіи лѣкарствъ на человѣческое тѣло*. Въ этомъ то сочиненіи и заключаются вышеизложенныя начала его ученія, коему онъ слѣдовалъ какъ въ своихъ лекціяхъ, такъ и въ практикѣ, безпрерывно развивая его болѣе и болѣе; 2) *Система болѣзней* — конспектъ лекцій Частной Терапіи. Другія два сочиненія на Русскомъ языкѣ: 1) *Часть трактата о холерѣ, сочиненнаго при центральной коммисіи*. Объ этомъ сочиненіи сдѣланъ отъ Медицинскаго Совѣта слѣдующій отзывъ: «Сужденіе о предметѣ семъ Профессора Дядьковскаго заслуживаетъ всякаго уваженія. По указанной имъ дорогѣ, дальнѣйшія изслѣдованія, конечно, могутъ служить къ основательнѣйшему познанію сей болѣзни»*. 2) *Первая часть Общей Терапіи* или Пропедевтика имѣетъ также свои неотъемлемыя достоинства. Русская медицинская литература доселѣ еще лишена двухъ весьма важныхъ трудовъ Дядьковскаго: Общей Патологіи и Фармакологіи, кои хранятся въ рукописяхъ, писанныхъ подъ его дикцію на лекціяхъ.

Въ началѣ 1841 года, по настоянію Студентовъ, Дядьковскій рѣшился было издать терапевтическія лекціи; но состояніе здоровья его не позволило сего сдѣлать.

Одинъ изъ его сослуживцевъ, понимая всю важность тера-

---

* Трактатъ о повальной заразительной болѣзни холерѣ. Спб. 1831 г. стр. 11.

певтическихъ его лекцій, готовъ былъ перевести ихъ на Нѣмецкій языкъ, чтобы сдѣлать ихъ доступными для Германскихъ ученыхъ, въ числѣ коихъ нѣсколько знаменитыхъ врачей знали Дядьковскаго лично и имѣли съ нимъ переписку.

Упомянутые труды Дядьковскаго важны для нашей Медицинской литературы потому, что въ нихъ содержится многое, созданное собственно умомъ Русскимъ, стряхнувшимъ съ себя иго рабскаго подражанія. Талантъ Дядьковскаго великъ и блистателенъ не одними его лекціями, но и практическими занятіями при постеляхъ больныхъ. Присутствовавшіе при его клиническихъ лекціяхъ или бывавшіе при посѣщеніяхъ имъ больныхъ въ частной практикѣ, хорошо знаютъ, до какой степени совершенства Дядьковскій владѣлъ діагностикою, *практическимъ*, говоря словами знаменитаго Гуфеланда, *взглядомъ на болѣзни, талантомъ при лѣченіи ихъ вникать въ тончайшіе индивидуальные оттѣнки, опытнымъ знаніемъ лѣкарствъ и ихъ дѣйствій, навыкомъ съ перваго раза употреблять ихъ въ мѣру и кстати*, удивительною силою предсказанія, особенно въ болѣзняхъ хроническихъ, въ коихъ онъ часто съ математическою точностію опредѣлялъ время, какое нужно для ихъ излѣченія.

Изъ множества болѣзней, въ коихъ Дядьковскій обнаруживалъ точность въ распознаваніи и предсказаніи, болѣзнь Г. Каспара, около 18 лѣтъ страдавшаго безпрерывною рвотою и мучительною икотой, лѣчившагося почти во всѣхъ Европейскихъ столицахъ, у лучшихъ врачей, числомъ 80, представляетъ полное торжество знанія и искусства Дядьковскаго, который, въ присутствіи Студентовъ, вѣрно опредѣлилъ, до какой степени болѣзнь уступитъ лѣченію въ клиникѣ, и сколько времени нужно для совершеннаго ея излѣченія Кавказскими минеральными водами. Такихъ примѣровъ весьма много въ практикѣ Дядьковскаго.

Собственныя почти тридцатилѣтнія наблюденія, для коихъ онъ имѣлъ особый даръ, дали ему средство замѣтить и передать своимъ слушателямъ нѣкоторыя новыя формы болѣзней. Глубокое изученіе болѣзненныхъ процессовъ тѣла человѣческаго, основанное на изученіи всѣхъ естественныхъ наукъ, служило ему для поясненія сущности многихъ болѣзней. Все-

стороннее знаніе врачебныхъ средствъ, подтвержденное собственною опытностію, руководило его къ установленію прочнаго постояннаго способа лѣченія весьма важныхъ болѣзней.

Предупрежденіе развитія и излѣченіе начинавшейся головной водянки у дѣтей представляютъ другой, столь же разительный примѣръ полнаго торжества Врачебной Науки и искусства. Въ одномъ семействѣ всѣ дѣти въ первые годы по рожденіи умирали отъ головной водянки. Дядьковскій подвергъ лѣченію отца и мать, казавшихся и считавшихъ себя здоровыми. Родившіяся послѣ сего дѣти, при надлежащемъ врачебномъ попеченіи, всѣ живутъ доселѣ, наслаждаясь здоровьемъ и благословляя имя своего избавителя. Такое могучее искусство необходимо предполагаетъ могущество знанія. При назначеніи больному діэты, Дядьковскій соблюдалъ чрезвычайную разсчетливость, которая всегда основывалась на точномъ знаніи свойствъ пищи и питья. Употребленіе пищи и питья у него было также опытно раціональное, какъ и употребленіе лѣкарствъ. Вообще Дядьковскій считалъ истиннымъ знаніемъ только то, которое основано на опытѣ и подтверждается разумомъ. Ни раціонализмъ, ни эмпиризмъ, отдѣльно взятые, не доводятъ до истины: это положеніе было всегдашнимъ его убѣжденіемъ. И потому въ его знаніяхъ было совершенное сочетаніе того и другаго: раціонализмъ всегда былъ воплощенъ въ эмпиризмъ, а сей послѣдній проникнутъ, оживотворенъ раціонализмомъ.

Дядьковскій не любилъ имѣть много больныхъ; онъ дѣлалъ шесть, семь визитовъ въ день; за то посѣщенія его имѣли полный характеръ посѣщенія истиннаго, которое, по выраженію Гуфеланда, *всегда спокойно, съ полнымъ размышленіемъ, довольно продолжительно.* Къ учащимся Дядьковскій имѣлъ такое же отношеніе, какое имѣетъ добрый и умный отецъ къ своимъ дѣтямъ. Всегда радушный, всегда готовый на добрый совѣтъ, онъ принималъ живѣйшее участіе въ Студентахъ. Въ бытность свою Инспекторомъ Академіи, входя отечески въ нужды ихъ, онъ весьма много способствовалъ ихъ нравственному образованію. Этимъ участіемъ, всегда правдивымъ, всегда откровеннымъ, Дядьковскій снискалъ себѣ вполнѣ заслуженное уваженіе не только тѣхъ учащихся, кои были подъ его надзоромъ, но и отдаленнѣйшихъ курсовъ, даже до сего

времени. Въ бесѣдѣ Дядьковскій всегда былъ веселъ, разговорчивъ; часто любилъ поспорить, особенно съ людьми молодыми, любознательными, имѣя постоянную цѣль: представить предметъ спора въ настоящемъ свѣтѣ и возбудить въ молодомъ человѣкѣ умственную дѣятельность. По живости характера, твердости воли, по здравому, всегда обдуманному сужденію, онъ въ спорѣ былъ настойчивъ; впрочемъ всегда радовался, когда побѣда оставалась на сторонѣ мыслящей молодости; видѣть въ учащихся развивающуюся умственную дѣятельность, способствовать дальнѣйшему ея развитію и укрѣпленію, было величайшимъ наслажденіемъ въ его жизни.

Между нравственными качествами Дядьковскаго, первое мѣсто занимаетъ чувство правоты, которое иногда въ немъ рѣзко обнаруживалось, оправдывая изреченіе: Summum jus, summa injuria. Но кто зналъ Дядьковскаго поближе, кто зналъ, сколько онъ дѣлалъ добра, оставшагося неизвѣстнымъ въ силу заповѣди: *Да не увѣсть шуйца, что творитъ десница,* тотъ не можетъ не уважать этого чувства въ немъ. Притомъ, въ основаніе чувства правоты Дядьковскій всегда полагалъ *любовь* въ высшемъ значеніи этого слова. Его любовь не иное что была, какъ радость о совершенствахъ другаго, и вмѣстѣ постоянное стремленіе къ совершенствованію. Эти два чувства правоты и любви, сдруженныя между собою волею ихъ обладателя, неразрывно соединены своею сущностію: ибо безъ правоты нельзя содѣйствовать совершенствованію, нельзя имѣть истинной любви.

Дядьковскій вообще наслаждался цвѣтущимъ здоровьемъ. Во все продолженіе своей жизни, до 1835 года, онъ не болѣе двухъ разъ былъ боленъ. Предпослѣдняя его болѣзнь началась ревматизмомъ въ колѣнѣ, и до того усилилась, что онъ долженъ былъ оставить службу и весною 1836 года отправиться къ Кавказскимъ минеральнымъ водамъ. Болѣзнь значительно уступила лѣченію, такъ что по возвращеніи въ Москву, онъ опять сталъ заниматься практикою; но въ немъ уже не было прежней энергіи, прежняго веселаго расположенія духа. Чрезъ два года, онъ поѣхалъ за границу. Цѣлію его путешествія были не столько Европейскія, сколько другія государства. Его намѣреніе было видѣть болѣе природу съ роскошными

произведеніями всѣхъ трехъ ея царствъ. Его всегдашнимъ желаніемъ было видѣть всю роскошь растительнаго царства въ странахъ жаркихъ; но на пути постигла его жесточайшая болѣзнь—Египетское воспаленіе глазъ, принудившее его сократить путешествіе. Отъ этой мучительнѣйшей болѣзни онъ, при помощи самыхъ обильнѣйшихъ кровопусканій и другихъ сильныхъ средствъ, едва могъ сохранить жизнь свою. Съ сего времени тѣло его мало помалу видимымъ образомъ разрушалось и въ продолженіи двухъ лѣтъ онъ сдѣлался согбеннымъ и казался столѣтнимъ старцемъ. Несмотря на крайнее изнеможеніе тѣла, духъ его бодрствовалъ; всѣ душевныя способности и въ особенности сила разсудка и память сохранились, такъ что предъ послѣднимъ отъѣздомъ изъ Москвы, онъ для нѣкоторыхъ больныхъ сдѣлалъ описаніе ихъ болѣзней и назначилъ лѣтнее лѣченіе, увѣнчавшееся полнымъ успѣхомъ.

Предсмертпая его поѣздка на Кавказъ не обѣщала ему выздоровленія. Онъ надѣялся, по крайней мѣрѣ, получить нѣкоторое облегченіе; но и эта надежда не исполнилась. 22 Іюля 1841 года, на 56 году жизни, кончились навсегда шестилѣтнія страданія человѣка, который въ продолженіе почти тридцати лѣтъ всю свою дѣятельность употреблялъ на облегченіе страданій другихъ.

Кавказскія горы приняли послѣдній вздохъ того, кто неоднократно углублялся въ изслѣдованіе ихъ внутренняго состава, кто любилъ собирать съ нихъ роскошныя растенія, кто опредѣлилъ и ввелъ въ употребленіе многіе ихъ источники. Величественный Машукъ заключилъ въ нѣдра свои прахъ того, кто нѣкогда всходилъ на него и съ вершины его любовался на окрестныя горы.

Москва, мѣсто его практической и ученой 29-лѣтней дѣятельности, уступила прахъ его Пятигорску. Друзьямъ и благословляющимъ память его за избавленіе отъ тяжкихъ болѣзней, кромѣ Г. Каспара, поселившагося въ Пятигорскѣ, и еще нѣсколькихъ особъ, бывшихъ на водахъ, не суждено отдать ему и послѣдняго долга на его отдаленной могилѣ.

Въ заключеніе біографіи Дядьковскаго постараемся предложить характеристику его ученія. Для того кстати припомнимъ

приведенное выше обстоятельство, удерживавшее его отъ изданія въ свѣтъ своихъ сочиненій. Онъ говорилъ, что «понятія о предметахъ какой бы то ни было науки должны быть истинны и точны, и что безъ сихъ качествъ издавать ученыя сочиненія въ свѣтъ значитъ умножать заблужденія.» Стремясь постоянно къ истинѣ и точности въ знаніи своего предмета, Дядьковскій никогда не чувствовалъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ. Такой образъ пониманія вещей, въ высшей степени добросовѣстный и честный, былъ причиною, что Пр. Дядьковскій не оставилъ намъ полнаго собственнаго, ни писменнаго изложенія, ни печатнаго изданія ученія своего.

Ученіе его должно быть отнесено къ числу такихъ явленій въ исторіи науки, которыя невольно возбуждаютъ удивленіе и внушаютъ благоговѣніе передъ причиною ихъ. Слова эти могутъ показаться для незнакомыхъ съ ученіемъ Дядьковскаго гиперболою: поэтому необходимо бы было разсмотрѣть дѣло ближе.

Дядьковскій учился Медицинѣ съ 1809 по 1812 годъ у стариковъ изъ школы прошлаго столѣтія. Поэтому онъ не могъ отсюда вынести другихъ понятій, кромѣ эмпирическихъ, всегда и вездѣ пользующихся правомъ гражданства, и отвлеченныхъ, трансцендентальныхъ, господствовавшихъ въ то время въ Германіи, изъ которой какъ-то больше всего, и преимущественно въ началѣ нынѣшняго столѣтія, черпалась мудрость Русская. Но ученіе, которое излагалъ Дядьковскій въ своихъ лекціяхъ и начала котораго обнародовалъ печатно въ своей диссертаціи еще въ 1816 г., не носитъ на себѣ ни малѣйшей тѣни ни эмпиризма, ни трансцендентализма;—напротивъ, оно есть естественно-историческое, опытно-раціональное, которое онъ выработалъ самъ, такъ сказать, изъ себя, т. е. изъ собственныхъ наблюденій и изслѣдованій натуры силою своего таланта. Это ученіе, основанное имъ тогда, теперь болѣе и болѣе подтверждается въ началахъ своихъ всѣми открытіями, сдѣланными послѣ того въ области Естественныхъ Наукъ при помощи тонкихъ анатомическихъ изысканій, микроскопическихъ изслѣдованій, химическихъ анализовъ, физіологическихъ опытовъ на живыхъ животныхъ и патологическо-анатомическихъ вскрытій на трупахъ.

Пр. Дядьковскій составлялъ и доселѣ составляетъ предметъ разногласія: одни чрезвычайно хвалятъ его за его ученіе — таковы всѣ ученики его, слушавшіе его безъ предубѣжденія; другіе, какъ слушатели, тѣмъ наиболѣе не слушавшіе его, большею частію не Русскіе, порицаютъ его, напротивъ, за его ученіе, то будто бы діалектическое, въ которомъ онъ истиною умоположеній жертвовалъ такъ называемой строгости логическаго развитія, то будто бы матеріальное, въ которомъ онъ, по ихъ словамъ, отвергалъ совсѣмъ духовную сторону въ человѣкѣ, и пр. и пр.

Ученіе Дядьковскаго, ученіе самостоятельное, можетъ быть названо *физико-химическимъ* ученіемъ. Дядьковскій былъ глубокомыслящій физикъ и химикъ въ Медицинѣ, врачь-философъ. Ученіе его было полное, всестороннее, а не одностороннее, какъ ученіе гуморальное, солидарное, раздражительное, возбудительное, воспалительное, и пр. и пр.

Что же касается до упрека въ матеріализмѣ, что будто бы Дядьковскій въ ученіи своемъ отвергалъ духовную сторону человѣка, это мы обязаны торжественно признать клеветою вражды противъ Русскаго ученаго. Если Дядьковскій не разсуждаетъ въ ученіи своемъ о духовной сторонѣ человѣка, въ правѣ ли отсюда кто нибудь заключить, что онъ матеріалистъ? Напротивъ, это значитъ только, что онъ строго опредѣляетъ свой вопросъ и точно понимаетъ свой предметъ: избравъ предметомъ своего изслѣдованія тѣло, слѣдуетъ ли разсуждать о духѣ? Это значило бы не понимать границъ своего вопроса, значило бы не выразумѣть объема своего предмета ясно, отчетливо, опредѣленно.

Е.

ЕЖОВСКІЙ, Іосифъ, Преподаватель Греческаго языка, Кандидатъ Словесныхъ наукъ, окончилъ курсъ Филологическихъ Наукъ Кандитатомъ въ Виленскомъ Университетѣ. Въ 18$\frac{3}{7}$ г. преподавалъ Греческій языкъ въ Московскомъ Университетѣ. Послѣ выѣхалъ на Волынь. Извѣстны два его ученые труда: 1) сочиненіе, написанное на Польскомъ языкѣ по

поводу перевода разговоровъ Платона о Законахъ В. И. Оболенскимъ подъ заглавіемъ: O postępie badań filologicznych we względzie pism Platona, Москва. 1829 г. 2) Изданіе первыхъ 6 книгъ Одиссеи съ Латинскими примѣчаніями, въ 1830 году, въ Москвѣ.

ЕРШОВЪ, Александръ Степановичъ, Исправляющій должность Экстраординарнаго Профессора, Дѣйствительный Членъ Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, Коллежскій Совѣтникъ, сынъ потомственнаго дворянина, родился Рязанской Губерніи Зарайскаго уѣзда въ деревнѣ Ивачевѣ, Іюля 20-го дня 1818 года. — Первоначальное образованіе получилъ въ Рязанской Гимназіи, изъ которой, по окончаніи курса, былъ выпущенъ въ 1835 году съ золотою медалью. Въ томъ же году поступилъ въ Физико-Математическій Факультетъ Московскаго Университета, въ которомъ и пробылъ четыре года; при выпускѣ получилъ степень Кандидата и золотую медаль за сочиненіе на заданную отъ Факультета тему. — По окончаніи курса наукъ въ Университетѣ въ 1839 году, отправленъ былъ, съ разрѣшенія Министра Народнаго Просвѣщенія, въ С.-Петербургскій Технологическій Институтъ и Институтъ Корпуса Путей Сообщенія для изученія Практической Механики и Начертательной Геометріи, которыя тогда не преподавались въ Московскомъ Университетѣ, а между тѣмъ въ преподавателяхъ этихъ наукъ открывалась нужда, по случаю открытія реальныхъ классовъ при нѣкоторыхъ Гимназіяхъ Округа. По возвращеніи изъ С.-Петербурга, Ершовъ подвергался испытанію на степень Магистра Чистой и Прикладной Математики. Послѣ сего, въ 1841 году, былъ посланъ за границу и преимущественно въ Парижъ. Безспорно, нигдѣ не развито такъ преподаваніе Практической Механики и Начертательной Геометріи, какъ въ этомъ городѣ; можно сказать даже, что эти науки своимъ существованіемъ и расширеніемъ обязаны Французскимъ ученымъ. Одинъ изъ такихъ мужей, знаменитый Понселе, преподавалъ тогда Практическую Механику въ Парижскомъ Физико-Математическомъ Факультетѣ. На его-то лекціи Ершовъ преимущественно обратилъ свое вниманіе.

Но, кромѣ Понселе, онъ слушалъ въ Консерваторіи Искусствъ и Ремеслъ лекціи Морена, преподававшаго популярный курсъ Механики, и въ Школѣ Мостовъ и Дорогъ—Беланже, излагавшаго въ возможно-полномъ объемѣ приложенія Механики къ построеніямъ, теоріи машинъ и Гидравликѣ. Этотъ послѣдній курсъ былъ читанъ окончившимъ ученіе въ Политехнической Школѣ. Такимъ образомъ можно было слѣдить за различными методами преподаванія одной и той же науки. Моренъ имѣлъ въ виду преимущественно рабочаго, проводящаго дни нерѣдко въ тяжеломъ трудѣ и только вечеромъ находящаго время для слушанія лекцій. Очевидно, что понятія рабочаго и знанія окончившаго курсъ въ знаменитой школѣ требовали различныхъ пріемовъ и способовъ преподаванія. Кромѣ того одно преподаваніе было публичное, открытое для всѣхъ желающихъ; другое производилось въ заведеніи, закрытомъ для публики. Впослѣдствіи эти разные образцы изложенія науки принесли Ершову большую пользу, когда ему самому привелось преподавать Практическую Механику и въ Университетѣ и въ Ремесленно-Учебномъ Заведеніи. Въ лѣтнія и осеннія вакаціи осматривалъ онъ механическія заведенія и фабрики въ Парижѣ, Мюльгаузенѣ, Цюрихѣ и въ нѣкоторыхъ городахъ Белгіи. Начертательную Геометрію слушалъ у Оливье въ Консерваторіи, и начертилъ самъ довольно полную коллекцію эпюръ подъ руководствомъ Арманго старшаго. По выслушаніи курсовъ въ Парижѣ, Ершовъ отправился въ Англію, для обозрѣнія замѣчательнѣйшихъ мануфактуръ.

По возвращеніи изъ-за границы, въ Іюлѣ 1843 года, Ершову поручено было преподаваніе Практической Механики и Начертательной Геометріи въ старшемъ реальномъ классѣ Московской третьей Гимназіи. Въ слѣдующемъ году, по защищеніи диссертаціи и утвержденіи въ степени Магистра, онъ началъ преподаваніе тѣхъ же наукъ въ Московскомъ Университетѣ, въ званіи Доцента. Въ 1848 году утвержденъ Адъюнктомъ, а въ 1853 году Исправляющимъ должность Экстраординарнаго Профессора. Его Преподаваніе Механики объемлетъ всѣ главнѣйшія части этой науки, именно: Кинематику или ученіе о механизмѣ, Динамометрію, Теорію

двигателей, Динамическую Теорію машинъ и ученіе тивленія матеріаловъ. Начертательная Геометрія пре съ приложеніями къ перспективѣ, теоріи тѣней и ги

Изъ трудовъ Ершова напечатаны отдѣльною кни *водѣ, какъ о двигателѣ*, 1844 г., и статьи: *Объ ускор номъ судоходствѣ* (въ Журн. Путей Сообщенія, 1843 г.); *подаваніи Практической Механики* (въ Журналѣ Мин ства Народнаго Просвѣщенія), *Поѣздка въ село Иваново*, *тическій разборъ сочиненія Майера о мукомольныхъ мел цахъ*, и многія другія въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, и ваемыхъ Университетомъ; *Электрическіе телеграфы вообщ телеграфъ Сименса, употребляемый въ Пруссіи и въ Ро въ особенности* (въ Вѣстникѣ Естественныхъ Наукъ, 1854 г. Въ настоящее время печатаетъ отдѣльное сочиненіе подъ за главіемъ: *Основанія Кинематики*.

ЕФРЕМОВЪ, Александръ Павловичь, Преподаватель Всеобщей Географіи, сынъ Статскаго Совѣтника, родился 11-го Декабря 1815 года въ губернскомъ городѣ Костромѣ и прожилъ тамъ до 1828 года, воспитываясь въ домѣ своихъ родителей. Въ 1828 году переѣхалъ въ Москву и въ 1830 году поступилъ въ Императорскій Московскій Университетъ Студентомъ въ Словесное Отдѣленіе, гдѣ получилъ степень Кандидата въ 1834 году 5-го Іюля. Въ началѣ слѣдующаго года опредѣлился Актуаріусомъ въ Коммиссію Печатанія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ при Московскомъ главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ должность перваго переводчика для Европейскихъ языковъ. Въ 1839 году 14-го Апрѣля вышелъ въ отставку и черезъ мѣсяцъ уѣхалъ за границу, гдѣ и пробылъ до 1843 года, занимаясь преимущественно географическими науками въ Берлинѣ, подъ руководствомъ Профессора Риттера. Во время пребыванія своего за границею, получилъ въ Іенскомъ Университетѣ степень Доктора Философіи. Возвратившись въ Россію, по приглашенію Г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа Графа Сергія Григорьевича Строганова, поступилъ преподавателемъ въ Императорскій Московскій Университетъ, гдѣ и занималъ каѳедру Всеобщей Географіи въ продолженіе трехъ лѣтъ. Въ

это время выдержалъ экзаменъ на степень Магистра Историческихъ Наукъ. Оставивъ службу, въ 1848 году, 31-го Января, избранъ въ Дѣйствительные Члены Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Статьи свои помѣщалъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ и журналахъ.

Ж.

✓**Желѣзновъ,** Николай Ивановичъ, Ординарный Профессоръ Сельскаго Хозяйства, Адъюнктъ Императорской Академіи Наукъ по части Физіологіи растеній, Статскій Совѣтникъ, сынъ Тайнаго Совѣтника, родился въ С.-Петербургѣ Октября 22-го 1816 года. Въ 1827 году поступилъ въ Горный Институтъ, гдѣ началъ изученіе Естественныхъ Наукъ. Въ 1834 г. перешелъ въ Физико-Математическій Факультетъ С.-Петербурскаго Университета и въ вакантное время посѣщалъ окрестности Петербурга, Финляндію для ознакомленія съ флорою этихъ странъ. По окончаніи курса въ 1838 году, Профессоръ Желѣзновъ продолжалъ заниматься Естественными Науками, преимущественно Физіологіею Ботаники, въ 1840 году получилъ степень Магистра, въ 1842 г. степень Доктора Естественныхъ Наукъ. Въ этомъ же году посланъ былъ за границу для изученія Сельскаго Хозяйства съ тѣмъ, чтобы, по возвращеніи, заняться преподаваніемъ этого предмета. Въ продолженіи года выслушалъ курсъ Сельскаго Хозяйства со всѣми его отраслями въ Гогенгеймскомъ Королевскомъ Институтѣ близь Штутгардта. Лѣто 1844 года употреблено на практическія занятія земледѣліемъ въ имѣніи Лангенъ-Ринне близь Фрейберга и таксаціею въ окрестностяхъ Вурцена. Первая половина 1845 года посвящена слушанію лекцій Земледѣлія и Техническихъ Наукъ въ Парижской Консерваторіи Ремеслъ и Искусствъ и нѣкоторыхъ Естественныхъ Наукъ въ Сорбоннѣ. Остальное время употреблено на путешествія, на осматриваніе сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній, замѣчательныхъ хозяйствъ и нѣкоторыхъ техническихъ производствъ въ Сѣверной Франціи, Белгіи, гдѣ изучена первоначальная обработка льна, Голландіи, Англіи, Шотландіи, Голстиніи, Мекленбургѣ, Пруссіи, Австріи и

нѣкоторыхъ другихъ Германскихъ Государствахъ, въ Богеміи, Ломбардіи и Швейцаріи.

По возвращеніи изъ-за границы въ Ноябрѣ 1845 года, Профессору Желѣзнову поручено было чтеніе Лѣсоводства въ Петербургскомъ Университетѣ въ званіи Адъюнкта. Въ продолженіи лѣта 1846 года совершено имъ путешествіе по губерніямъ Московской, Владимірской, Ярославской, югозападной части Костромской, Нижегородской, отчасти Казанской, Симбирской и Саратовской. Въ 1847 году послѣдовало назначеніе его въ Московскій Университетъ въ званіи Экстраординарнаго Профессора.

Въ преподаваніи Сельскаго Хозяйства онъ обнималъ всѣ главнѣйшія отрасли этой науки, именно: Земледѣліе, Лѣсоводство, Скотоводство и устройство имѣній. Оно состояло во 1) въ изложеніи началъ, заимствованныхъ преимущественно изъ Естественныхъ наукъ, служащихъ основаніемъ Сельскому Хозяйству; эти начала служатъ исходною точкою для правильнаго пониманія явленій въ жизни хозяйственныхъ растеній и животныхъ, безъ чего образованный хозяинъ въ настоящее время не можетъ предпринять существенныхъ улучшеній. Во 2) преподаваніе состояло въ изложеніи правилъ, выведенныхъ изъ опыта и оказывающихся наиболѣе полезными въ примѣненіи при извѣстныхъ условіяхъ.

Для пополненія неизбѣжнаго недостатка въ практическомъ изученіи Сельскаго Хозяйства, по временамъ дѣлаемы были экскурсіи на опытный Хуторъ Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, также на нѣкоторыя замѣчательныя хозяйства и фабрики земледѣльческихъ орудій для ознакомленія съ производствомъ главнѣйшихъ полевыхъ работъ, съ устройствомъ земледѣльческихъ орудій и хозяйственныхъ строеній. — Наконецъ слушатели упражнялись въ изслѣдованіяхъ почвъ и главнѣйшихъ земледѣльческихъ произведеній, каковы разнаго рода хлѣбныя зерна, кормовыя и фабричныя растенія, молоко, дерево и прочее. Такого рода изслѣдованія, основанныя на простыхъ и удобоисполнимыхъ способахъ, составляютъ драгоцѣнное пособіе для практическаго хозяина; но въ практической жизни рѣдко могутъ быть изучены съ надлежащею основательностію.

Профессоръ Желѣзновъ издалъ слѣдующіе труды: 1) *О развитіи цвѣтка и яичка въ растеніи Tradescantia virginica*, диссертація на степень Магистра, 1840 г.; 2) *О происхожденіи зародыша и теоріяхъ происхожденія растеній*, диссертація на степень Доктора, 1842 г.; 3) *Объ образованіи зародыша въ лиственницѣ*, 1849 г.; 4) *О разведеніи хмѣля въ средней Россіи*, 1851 г.; 5) *Наблюденія надъ развитіемъ почекъ въ продолженіи зимы*, 1851 г.

Въ началѣ 1853 года Профессоръ Желѣзновъ перешелъ изъ Московскаго Университета въ С.-Петербургъ, въ Императорскую Академію Наукъ, Адъюнктомъ по Физіологіи растеній, какъ главному предмету своихъ ученыхъ занятій.

Жодейко, Флоръ Антоновичь, Магистръ Физико-Математическихъ наукъ, Надворный Совѣтникъ, Директоръ имѣнія Ея Императорскаго Величества Студенецъ и Школы Садоводства, родился въ Смоленской губерніи 1800 года, и воспитывался въ тамошней Гимназіи на казенномъ коштѣ. По окончаніи въ ней курса, посланъ былъ 1819 г., для усовершенствованія въ наукахъ, въ Московскій Университетъ на томъ же коштѣ, съ обязанностію возвратиться въ мѣсто первоначальнаго воспитанія на службу, въ званіи учителя. Вступилъ Студентомъ въ Физико-Математическое Отдѣленіе. За лучшее разсужденіе на тему, заданную Профессоромъ Г. И. Фишеромъ по Зоологіи: «*de animalibus sinevertebratis*» награжденъ серебряною медалью, 1821 г. Іюня 30-го. По окончаніи же Университетскаго курса, 1822 года Іюня 28-го, удостоенъ степени Кандидата. Обязанность принять званіе Учителя Математики и Физики въ Смоленской Гимназіи, съ дозволенія Начальства и по взаимному соглашенію, передана имъ Университетскому его товарищу младшаго курса, Баранову, сыну извѣстнаго Академика-живописца, который вскорѣ и поступилъ въ сію должность. Кандидатъ же Жодейко, при основаніи Московской Земледѣльческой Школы, опредѣленъ въ нее, 1822 г. Августа 15-го, Учителемъ Математическихъ Наукъ и Черченія; между тѣмъ по Университету удостоенъ, 1827 г. Декабря 14-го, степени Магистра, при чемъ сочинилъ и публично защищалъ разсужденіе: «*О явленіяхъ въ атмосферѣ*,

зависящихъ отъ преломленія и отраженія лучей свѣта» (Москва, 1826 года). Сверхъ службы при Земледѣльческой Школѣ, онъ причисленъ, 1828 года Февраля 22-го, Совѣтомъ Университета къ каѳедрѣ Сельскаго Хозяйства, съ порученіемъ преподавать Математику и Физику гражданскимъ чиновникамъ, обязаннымъ службою, а въ 1829 г. Февраля 8, опредѣленъ Секретаремъ Училищнаго Комитета. Далѣе, съ утвержденія Г. Попечителя Университетскаго Округа, предоставлено ему было, 1829 г. Декабря 16-го, показывать и изъяснять употребленіе физическихъ инструментовъ Студентамъ Математическаго Отдѣленія; а по порученію Ректора Университета, по случаю болѣзни Профессора, преподавалъ онъ Физическія лекціи. Отъ должности же Секретаря Училищнаго Комитета уволенъ, 1830 Іюня 23, съ опредѣленіемъ Старшимъ Учителемъ Математики и Физики въ высшихъ классахъ 1-й Московской Гимназіи (нынѣ 4-я), преобразованной тогда изъ Университетскаго Благороднаго Пансіона, въ которомъ уже два года предъ тѣмъ преподавалъ Алгебру въ III классѣ; того же года Октября 13-го поручена ему должность Инспектора Земледѣльческой Школы. Отъ службы изъ 1-й Московской Гимназіи, переименованной вскорѣ въ Дворянскій Институтъ, уволенъ 1833 г. Окт. 4-го и вновь опредѣленъ, 1834 г. Апр. 13-го съ утвержденія Г. Попечителя, въ Московскій Университетъ, для преподаванія по Физико-Математическому отдѣленію; а кромѣ того, 1834 г. Мая 7-го, поручено ему преподаваніе Ариѳметики, Геометріи и Физики чиновникамъ, обязаннымъ службою. По прошенію же отъ службы при Университетѣ уволенъ, 1834 г. Октября 17-го; а опредѣленъ въ Константиновскій Межевой Институтъ, для преподаванія Физики и Земледѣльческой Химіи, 1835 г. Сентября 23. Какъ помощнику во всѣхъ распоряженіяхъ и управленіи Земледѣльческою Школою, объявлено ему Высочайшее Его Императорскаго Величества благоволеніе, 1835 г. Октября 12-го. Всемилостивѣйше пожалованъ бриліантовымъ перстнемъ 1836 г. Апр. 17-го. Сверхъ дѣйствительной службы при Земледѣльческой Школѣ, по случаю новаго устройства сего заведенія и опытнаго хутора, избранъ единогласно, 1838 г. Января 31-го, въ должность управляющаго симъ хуторомъ: посему отъ службы

при Константиновскомъ Межевомъ Институтѣ по прошенію уволенъ, того же года Февраля 25-го; а отъ должности Учителя Математическихъ Наукъ и Черченія при Земледѣльческой Школѣ, того же года и мѣсяца 28-го дня. Въ 1838 году утвержденъ Директоромъ опытнаго хутора и, по собственному желанію, уволенъ отъ сей должности 1839 г. Декабря 17-го. Въ 1841 году опредѣленъ Директоромъ имѣнія Ея Императорскаго Величества Студенецъ и Школы Садоводства, состоящей при Россійскомъ обществѣ любителей сей вѣтви промышленности, и по прошенію отъ сей должности уволенъ за болѣзнію, 1850 г. Апрѣля 1-го. Находясь же, по собственнымъ дѣламъ, осенью 1852 года, во время холерной эпидеміи, въ С.-Петербургѣ, вдали отъ семейства, скончался.

З.

ЗАГОРСКІЙ, Василій Андреевичъ, Физико-Математическаго Факультета Адъюнктъ, былъ родомъ Малороссіяниnъ. Первый каталогъ Университетскихъ лекцій, въ которомъ мы встрѣтили его имя между преподавателями Московскаго Университета, принадлежитъ 1805—1806 г., а послѣдній 1809—1810 г. Въ столь короткое время не виденъ кругооборотъ его преподаванія; но предметы онаго заслуживаютъ всякаго вниманія. Выписываемъ ихъ по порядку: 1805—1806 г.—Алгебра съ примѣненіемъ къ Геометріи; 1806 — 1807 г. — Всеобщая Ариѳметика, по Эйлеру; 1807—1808 г.—Геометрія, обѣ Тригонометріи, Приложеніе Алгебры къ Геометріи и изъясненіе первыхъ началъ Дифференціальнаго и Интегральнаго исчисленія, по Безу и Лакруа; 1808—1809 г.—Высшая Геометрія, по руководству Безу; 1809—1810 г.—Дифференціальное и Интегральное исчисленія, по Безу и Лакруа. Въ недѣлю онъ имѣлъ 4 лекціи по часу.

Такая полнота преподаванія въ Московскомъ Университетѣ была еще новостію. Профессоръ собственно Чистой Математики, В. К. Аршеневскій, началъ преподавать высшія части Математики весьма незадолго до 1805—1806 г.—

По поводу преподаванія Интегральнаго исчисленія Адъюнктомъ Загорскимъ, случилось намъ найти благодарныя воспо-

минанія въ ежедневныхъ, собственноручныхъ запискахъ покойнаго Профессора П. С. Щепкина, бывшаго его слушателемъ. Очевидцы, какіе до сей поры пощажены временемъ, единогласно называютъ его преподавателемъ «хорошимъ, твердымъ, отчетливымъ.»

Но болѣе прочную память оставилъ по себѣ Загорскій переводомъ *Курса Математики Безу*, въ пяти частяхъ, одного изъ первыхъ, явившихся на Русскомъ языкѣ 1798—1803 г. Изъ нихъ первыя двѣ: 1) *Ариѳметика* и 2) *Начальная Геометрія съ плоскою Тригонометріею* назначались для Университетскаго Благороднаго Пансіона, гдѣ переводчикъ служилъ преподавателемъ еще прежде Университета. Остальныя же три: 3) *Алгебра съ приложеніемъ къ Ариѳметикѣ и Геометріи вообще и къ коническимъ сѣченіямъ и другимъ кривымъ въ особенности*, 4) *Дифференціальное и Интегральное исчисленіе съ Механикою*, 5) *Примѣненіе общихъ правилъ Механики къ разнымъ случаямъ движенія и равновѣсія* — собственно для Университета. Однако видно, что не одни Студенты пользовались этою книгою; ибо первыя четыре части ея изданы были вторично 1804—1806 г.

Братъ его, Петръ Андреевичь, сохранилъ свое имя въ Русской литературѣ изданіемъ нѣсколькихъ книгъ по Медицинѣ.

Въ 20-хъ годахъ Загорскій бывалъ у Профессора Д. М. Перевощикова, и приносилъ ему изъисканіе свое объ Интегральномъ исчисленіи, выводимомъ изъ свойствъ логариѳмовъ. Такъ какъ у старожиловъ Университета мы нашли о семъ противорѣчащія воспоминанія, то считаемъ неизлишнимъ привести мѣсто изъ письма, писаннаго Перевощиковымъ по сему случаю, заключающее кстати и приговоръ г. Академика о трудѣ покойнаго: «Онъ дѣйствительно сообщилъ мнѣ свое сочиненіе, о «которомъ вы упоминаете, и оно казалось мнѣ весьма не «безъ достоинствъ.» Однако участь сего сочиненія, равно и причина, столь рано удалившая сего трудолюбиваго и талантливаго ученаго отъ Университета, остались, кажется, совершенно неизвѣстными.

Наружнымъ видомъ Загорскій былъ черноволосъ, худощавъ до чахлости, и часто кашлялъ.

Залозѣцкій, Карлъ Акинѳіевичь, Ординарный Профессоръ Гражданскихъ Законовъ Царства Польскаго, вѣроисповѣданія Римско-Католическаго, родился 4-го Ноября 1798 года, въ городѣ Мендзиборжѣ, Подольской губерніи. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ родительскомъ домѣ, а въ 1809 году родители отдали его для дальнѣйшаго образованія въ училище, находящееся въ городѣ Баръ.

По окончаніи наукъ въ этомъ училищѣ въ 1817 году, онъ поступилъ въ Кременецкій Лицей, гдѣ оставался до 1824 года. Здѣсь за особенное прилежаніе и отличное поведеніе онъ получилъ серебряную и золотую медали и нѣсколько похвальныхъ отзывовъ.

Окончивъ курсъ наукъ въ Лицеѣ, Карлъ Акинѳіевичь поступилъ въ Александровскій Варшавскій Университетъ и въ 1827 году удостоился степени Магистра обоихъ Правъ. По окончаніи наукъ въ Королевско-Александровскомъ Университетѣ, онъ назначенъ былъ Регентомъ Любартовскаго Округа, 1829 года. Любопытно свидѣтельство, приносящее честь покойному Залозѣцкому, выданное ему Любартовскимъ Мирнымъ Судомъ, а именно: «что Залозѣцкій, будучи назначенъ Регентомъ Гипотеческой Канцеляріи послѣ Нотаріусовъ и Гипотечныхъ Консерваторовъ, привелъ весь Архивъ въ порядокъ личною дѣятельностью и на собственное иждивеніе, и что онъ, во время военныхъ дѣйствій, 10-го Мая 1831 года, предоставивъ свое собственное личное имущество истребленію отъ пожара, заботился только объ участи Архива, который единственно ему обязанъ своимъ спасеніемъ, и что Залозѣцкій въ теченіе всего времени исправленія должности Регента принималъ акты отъ лицъ бѣдныхъ безвозмездно.» — Въ 1834 г. Залозѣцкій переведенъ былъ въ городъ Люблинъ Регентомъ Земской Канцеляріи, и ему поручено было имѣть надзоръ за Архивомъ древнихъ актовъ той же губерніи. Сверхъ должности Регента онъ былъ назначенъ преподавателемъ Юридическихъ Наукъ въ Люблинской Губернской Гимназіи. — Въ 1837 году опредѣленъ былъ исправляющимъ должность Подсудка Мироваго Суда Люблинскаго округа съ оставленіемъ въ должности Преподавателя. Въ 1838 году назначенъ былъ Подпрокураторомъ при Люблинскомъ Гражданскомъ Трибуналѣ

1-й Инстанціи и кромѣ того Членомъ Экзаминаціонной Коммиссіи, и эту послѣднюю должность онъ исполнялъ безвозмездно. — По случаю отставки Профессора Даниловича, онъ опредѣленъ былъ въ Московскій Университетъ въ должность Профессора Польскихъ Гражданскихъ Законовъ; эту каѳедру занималъ онъ до самой своей смерти, послѣдовавшей 13-го Іюля 1848 года во время холеры.

ЗЕРНОВЪ, Николай Ефимовичь, Ординарный Профессоръ Чистой Математики, Статскій Совѣтникъ, родился въ Москвѣ 1804 года. Отецъ его происходилъ изъ духовнаго званія Владимірской епархіи, изъ села Зернилова, кончилъ курсъ въ Московскомъ Университетѣ, и въ то время служилъ въ Почтамтѣ. Грамотѣ, вмѣстѣ съ Краткимъ Катихизисомъ, первою частію Ариѳметики и Русскою Грамматикою, по руководствамъ, изданнымъ отъ Главнаго Училищъ Правленія, Зерновъ учился дома, у отца и матери. Событія 1812 года были причиною, что семейство его поселилось въ Ярославлѣ, гдѣ въ 1814 г. поступилъ онъ во 2-й классъ Уѣзднаго училища. Черезъ годъ былъ переведенъ въ Гимназію, и при выпускѣ изъ 4-го (тогда высшаго) класса, записанъ за отличіе золотыми буквами на установленной для того доскѣ. Это отличіе заслужено имъ преимущественно по Математикѣ, подъ руководствомъ учителя Михаила Ивановича Морошкина, въ послѣдствіи монаха Толгскаго монастыря, что близь Ярославля. Морошкинъ самъ получилъ образованіе въ Педагогическомъ Институтѣ, и своимъ радушіемъ, а еще болѣе преданностію къ наукѣ, много способствовалъ успѣхамъ Зернова. Руководствомъ въ его преподаваніи по Математикѣ служилъ курсъ Фусса, по Физикѣ сочиненіе Шрадера. По другимъ же предметамъ Зерновъ, кромѣ учителей Гимназіи, имѣлъ великую помощь въ образованномъ отцѣ своемъ, который всегда слѣдилъ за его ученіемъ.

Въ 1819 г. Зерновъ былъ принятъ въ Студенты бывшаго Ярославскаго Демидовскаго Высшихъ Наукъ Училища, что нынѣ Лицей. Тамъ Проф. А. Н. Николаевъ преподавалъ Математику по Войтяховскому, именно въ этотъ годъ Прямолинейную Тригонометрію, съёмку плановъ и Артиллерію. Но, по семейнымъ

обстоятельствамъ, въ 1820 г., Зерновъ переведенъ въ Московскій Университетъ, въ Физико-Математическое Отдѣленіе. Здѣсь преимущественныя занятія его составляли: Чистая Математика, которая преподаваема была Профессоромъ Т. И. Перелоговымъ, сначала по Безу, потомъ по Бушарла, Адъюнктами Д. М. Перевощиковымъ и П. С. Щепкинымъ по Франкеру,—и Прикладная, которую преподавалъ Ѳ. И. Чумаковъ по Пуассону (Механику) и Лакалю (Оптику), вмѣстѣ съ Военными науками, которыя преподавалъ Адъюнктъ Г. И. Мягковъ по собственнымъ запискамъ. Въ 1822 году Зерновъ произведенъ въ Кандидаты, а въ 1827 г. въ Магистры. Для полученія сей степени, было сочинено имъ и защищаемо разсужденіе на тему: *«О суточномъ и годовомъ движеніяхъ земли»* (напечатанное въ Москвѣ, 1826 г.), заданную Д. М. Перевощиковымъ, который въ то время, въ званіи Профессора, занималъ каѳедру Астрономіи.

Въ семъ же году Зерновъ опредѣленъ Учителемъ Ариѳметики въ бывшій Университетскій Благородный Пансіонъ во второй классъ, и оставался въ сей должности до преобразованія его въ 1-ю Московскую Гимназію (что нынѣ 4-я) въ 1830 г. Съ небольшимъ чрезъ годъ (1832) онъ опредѣленъ Учителемъ въ бывшій Александринскій Сиротскій Институтъ, съ оставленіемъ при Гимназіи. Въ Институтѣ онъ преподавалъ сначала одну Математику, а потомъ вмѣстѣ съ Физикою. Въ томъ же году поручено ему было, съ разрѣшенія Начальства, исправленіе должности Помощника Астронома—наблюдателя при Университетской обсерваторіи, безъ жалованья, но съ назначеніемъ казенной квартиры въ зданіяхъ сего заведенія, на которой онъ и оставался до 1840 г., т. е. до прибытія изъ чужихъ краевъ Адъюнкта Драшусова.

Въ 1834 году Зернову предоставлены были высшіе классы Гимназіи; но вскорѣ, когда Проф. П. С. Щепкинъ подалъ прошеніе объ увольненіи отъ Московскаго Университета, то онъ, по выбору въ Совѣтѣ, утвержденъ Адъюнктомъ, для преподаванія Чистой Математики въ семъ высшемъ учебномъ заведеніи, съ увольненіемъ изъ 1-й Гимназіи, переименованной въ тоже время въ Московскій Дворянскій Институтъ. Въ слѣдующемъ же (1835) году утвержденъ Экстраординар-

нымъ Профессоромъ, и при введеніи, того же года, въ дѣйствіе новаго устава Университетовъ, назначенъ для преподаванія Чистой же Математики. По сему уставу Профессоръ долженъ имѣть ученую степень не ниже Доктора, между тѣмъ, какъ въ Русскихъ Университетахъ многіе, подобно Зернову, занимали уже Профессорскія должности, не имѣя еще сей степени. Дабы исполнить эту статью устава, было дозволено отъ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія достигать Докторской степени лицамъ, занимающимъ Профессорскія каѳедры, безъ экзамена, представляя только диссертацію. Потому Зерновымъ было сочинено и защищаемо: «*Разсужденіе объ интеграціи уравненій съ частными дифференціалами*» (напечатанное въ Москвѣ, 1837 г.): за тѣмъ онъ и утвержденъ Докторомъ Философіи, 1837 г., а потомъ Ординарнымъ Профессоромъ 1842 г., и сверхъ того, 1845 г., Ценсоромъ Московскаго Ценсурнаго Комитета, въ которомъ оставался до преобразованія его, въ 1850 г., по новому уставу, воспрещающему соединеніе ценсорской должности со всякою другою. Сверхъ же упомянутыхъ должностей, Зерновъ былъ Секретаремъ въ своемъ Факультетѣ отъ 1834 до 1842 г.

Руководствами въ преподаваніи Профессора Зернова сначала служили: по Аналитической Геометріи—сочиненіе Проф. Брашмана; по Высшей Алгебрѣ—Энциклопедія Проф. Перевощикова, съ дополненіями изъ Майера и Шоке; а потомъ они замѣнены по той и другой сочиненіями Лефебюра де-Фурси, съ дополненіями изъ Алгебры Серре. Для Дифференціальнаго и Интегральнаго исчисленій употребляема была также Энциклопедія Проф. Перевощикова, съ дополненіями изъ Лакруа, Леруа и Коши; а потомъ Зерновъ издалъ самъ для руководства Студентовъ *Дифференціальное Исчисленіе*, удостоенное отъ С.-Петербургской Академіи Наукъ половинной Демидовской преміи; для Интегральнаго же исчисленія принялъ руководителями Курно и Моаньо.

Проф. Зерновъ, при самомъ вступленіи въ Университетъ на службу, засталъ уже Студентовъ, раздѣленныхъ на курсы по годамъ: потому, до введенія новаго устава 1835 г., занималъ слушателей по 6 часовъ, а со введенія по 8.

Въ преподаваніи высшихъ исчисленій онъ долженъ былъ

сдѣлать одно существенное измѣненіе. Предшественникъ его П. С. Щепкинъ, по причинамъ изложеннымъ въ біографіи, оставилъ употребленіе безконечно-малыхъ Лейбница, и ввелъ исключительно систему производныхъ функцій Лагранжа. Но не смотря на то, что въ Théorie des fonctions analytiques послѣдній знаменитый Геометръ даетъ приложеніе своей системы и къ Геометріи и къ Механикѣ, другое его твореніе, Mécanique analytique, представляло обширное поприще употребленію безконечно-малыхъ, которыя не устранены и при новомъ изданіи книги, позднѣйшемъ, чѣмъ Теорія функцій. Всѣ послѣдующіе Геометры, по примѣру его и по тому удобству, которое доставляетъ Лейбницева система прикладнымъ частямъ Математики, удержали его. Въ слѣдствіе сего, на лекціяхъ Зернова возстановлены безконечно-малыя, а употребленіе производной функціи удержано только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она сокращаетъ или упрощаетъ выраженіе, какъ это вездѣ дѣлается со времени Théorie des fonctions. Но чтобы отклонить отъ себя всякое обвиненіе, Зерновъ старался въ приложеніи безконечно-малыхъ соблюсти сколько возможно строгость: потому онъ вездѣ отличаетъ приращенія величинъ отъ дифференціаловъ ихъ, принимая только, что предѣлъ отношенія первыхъ равенъ отношенію вторыхъ, а самыя приращенія и дифференціалы сближаются по мѣрѣ ихъ уменьшенія. Такимъ образомъ учащійся, руководимый строгостію свойственною древнимъ Геометрамъ, въ чистомъ анализѣ и Геометріи свыкается съ мыслію Лейбница о безконечно-маломъ, а потомъ уже смѣло пользуется ею въ прикладныхъ частяхъ Математики. Это составляетъ главный характеръ изданнаго Зерновымъ «Дифференціальнаго исчисленія;» тотъ же характеръ поддерживается у него и въ Интегральномъ исчисленіи.

Кромѣ сей книги и упомянутыхъ двухъ разсужденій, Проф. Зерновъ издалъ: *Начальныя Основанія Ариѳметики* для приготовительнаго класса Благороднаго Университетскаго Пансіона (Москва, 1827 г.) и двѣ рѣчи, произнесенныя имъ на публичныхъ актахъ: одну по должности Старшаго Учителя Гимназіи, содержащую *«изложеніе постепеннаго хода и настоящаго со-*

стоянія положительныхъ свѣдѣній и мнѣній о явленіяхъ свѣта» (Москва, 1833 г.); другую по должности Ординарнаго Профессора—«*Теорія вѣроятностей, съ приложеніемъ преимущественно къ смертности и страхованію»* (Москва, 1843 г.). Въ журналахъ же онъ помѣщалъ нѣкоторыя статьи, какъ-то: 1) *О пространствѣ Россійской Имперіи*, въ Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета, 1833 г., № II-й. Найденный имъ результатъ, не считая Киргизской степи, составляетъ 330.755,85 геогр. квад. миль. Академикъ Крафтъ рѣшалъ эту задачу предъ симъ въ 1786 году; продолжателемъ же такого труда былъ Г. Швейцеръ (нынѣ Адъюнктъ Москов. Универ.), имѣвшій въ виду рѣшить подобную задачу для каждой губерніи отдѣльно и давшій результаты для 37 губерній; 2) *Разборъ разсужденія Коши «о рѣшеніи числовыхъ уравненій и теоріи исключенія»* ibid. 1836 г. № II; 3) *Объ измѣреніи градусовъ меридіана, особенно въ Россіи*, помѣщ. въ Магазинѣ Ест. Ист. 1830 г. ч. II, № IV, какъ приготовленіе къ первой статьѣ; 4) *Разборъ 1 ч. курса Франкёра*, помѣщ. въ Телеграфѣ и пр.

По службѣ Зерновъ былъ удостоенъ чиновъ: Надворнаго Совѣтника въ 1839 г., Коллежскаго 1843 г. и Статскаго Совѣтн. 1844 г., — особыхъ наградъ: а) по Университету Ордена Св. Анны 3-й степени 1845 и 2-й 1853 г., въ узаконенное время знаками отличія безпорочной службы, изъ коихъ послѣдній за XXV лѣтъ полученъ имъ въ 1853 г.; b) по Александринскому Институту: золотою табакеркою 1835 г., брилліантовымъ перстнемъ 1837 г., единовременными выдачами: 600 р. асс. 1839 г. 251 р. сер. 1843 г. и годоваго оклада жалованья 340 р. сер. 1849, при увольненіи, по прошенію, изъ сего Института.

ЗЫБЕЛИНЪ, Семенъ Герасимовичь, Ординарный Профессоръ Анатоміи и Хирургіи, Практической Медицины и Химіи, Докторъ Медицины, Коллежскій Совѣтникъ, Ордена Св. Владиміра 4-й степени Кавалеръ, Членъ Императорской Россійской Академіи, получилъ первоначальное образованіе свое въ Московской Духовной Академіи и, по указу Святѣйшаго Синода, поступилъ студентомъ въ Московскій Университетъ, при самомъ открытіи его въ 1755 году, въ товариществѣ съ

Веніаминовымъ. Изъ біографіи сего послѣдняго* можно видѣть, какія лекціи слушали они въ Московскомъ Университетѣ, какъ, по назначенію Куратора Шувалова, были отправлены за границу, сначала въ Кенигсбергскій Университетъ, а потомъ въ Лейденскій, и у какихъ Профессоровъ слушали лекціи. Въ Лейденѣ въ 1764 году Зыбелинъ защищалъ диссертацію: *Dissertatio inauguralis de saponilus medicis nativis ex triplici regno naturae petitis.* Lugd. Bat. 1764 г. и удостоенъ степени Доктора. Между тѣмъ, какъ Веніаминовъ, товарищь его, оставался въ Лейденѣ, для изученія Ботаники, Зыбелинъ отправился въ Берлинъ, и здѣсь занимался Минералогіей подъ руководствомъ Профессора Брандеса, Химіею у Маргравія, посѣщая его лабораторію; постоянно ходилъ въ гошпиталь Charité и здѣсь приготовлялъ себя къ клинической практикѣ, слушалъ Анатомію у Проф. Мекелея. По приказанію Куратора Ададурова, Зыбелинъ и Веніаминовъ возвратились въ Москву, въ 1765 году, Августа 26-го. Кураторъ предписалъ Конференціи немедленно подвергнуть вновь прибывшихъ Докторовъ испытанію посредствомъ разговора съ ними и къ 3 Сентября назначить имъ пробныя лекціи изъ Медицины теоретической, Натуральной Исторіи и Ботаники. 3-го Сентября Зыбелинъ читалъ пробную лекцію на Афоризмы Иппократовы: Sect. VI a 18. За тѣмъ Профессоры Керштенсъ и Эразмусъ испытывали Зыбелина, въ теченіи двухъ часовъ, изъ Теоретической Медицины и Натуральной Исторіи, особенно Ботаники и Минералогіи. Лекція Зыбелина признана была хорошею и даръ изложенія удовлетворительнымъ; а потому Конференція и опредѣлила поручить ему Экстраординарную каѳедру Теоретической Медицины. Въ заключеніе экзамена оба ученые представили по Латыни curriculum vitae, или отчетъ въ своихъ учебныхъ занятіяхъ въ Москвѣ и за границею. Съ тѣхъ поръ Зыбелинъ началъ преподаваніе и довольно долго, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Веніаминовымъ, добивался права заниматься медицинскою практикою, ибо дарованіе этого права зависѣло не отъ Университета, а отъ Медицинской Коллегіи. Званіе Ординарнаго Профессора и право засѣдать въ

---

* См. стран. 151 и слѣд.

Конференціи Университета Зыбелинъ получилъ, Мая 17-го 1768 года.

Дѣятельность его Университетская, какъ преподавателя, продолжалась въ теченіи 36 лѣтъ, начиная съ половины 1765 года до самой смерти его, послѣдовавшей 26-го Апрѣля 1802 года *. Въ первый разъ объявлены были подъ именемъ экстраординарныхъ лекціи Зыбелина въ каталогѣ 1765 года. Онъ читалъ всѣ части Медицины Теоретической по руководству *Лудвига*, начиная съ Физіологіи здороваго человѣка, далѣе присоединяя Физіологическую Семіологію и Діэтетику, а потомъ уже переходя къ Патологіи и соединенной съ нею Семіологіи, и наконецъ къ общей Терапіи. Въ слѣдующемъ году онъ продолжалъ то, чего не докончилъ въ предъидущемъ. По каталогамъ $177\frac{0}{1}$ и $177\frac{1}{2}$ годовъ читалъ онъ Анатомію и Хирургію, слѣдуя тому же *Лудвигу*; въ 1772—1775 годахъ то Анатомію по Винслову, то Хирургію по *Лудвигу*; въ $177\frac{5}{6}$ г. Химію по Фогелю и въ слѣдующемъ $177\frac{6}{7}$ г. Врачебное Веществословіе съ показаніемъ фармацевто-химическаго приготовленія важнѣйшихъ лѣкарствъ; въ $177\frac{7}{8}$ читалъ клиническую Медицину по *Лудвигу* и излагалъ способы лѣченія, какъ древнихъ, такъ и новыхъ врачей, вмѣстѣ съ новыми открытіями, и продолжалъ фармацевтическія упражненія; въ $178\frac{0}{1}$ снова Химію и Materia medica, а въ слѣдующемъ $178\frac{1}{2}$ рецептуру по Гаубію, и объяснялъ Медицинско-практическое руководство де Меза (Compendium medicum practicum); тѣ же лекціи продолжались и въ слѣдующихъ годахъ до $179\frac{5}{6}$; къ Меза присоединяется Боэргавъ и другіе ученые, славные новыми изобрѣтеніями; также Фогелева Исторія матеріи Медицинской. Подъ руководствомъ и смотрѣніемъ Зыбелина, съ $178\frac{2}{3}$ года по $179\frac{5}{6}$, ученый Аптекарь Готлибъ Гильтебрандтъ, а съ $179\frac{5}{6}$ Іаковъ Биндгеймъ, показывали Студентамъ приготовленіе лѣкарствъ. Въ каталогѣ лекцій за $180\frac{0}{1}$ годъ показано, что Зыбелинъ читаетъ *Медицину консультаторію*.

Кромѣ диссертаціи, напечатанной въ Лейденѣ, сочиненія Зыбелина состоятъ въ торжественныхъ словахъ, предметы ко-

---

* Такъ показано въ Исторіи Медицины Рихтера; въ Сочиненіяхъ же и Переводахъ И. Россійской Академіи — 6-е Апрѣля.

торыхъ, по большей части, избирались изъ врачёбной науки, въ приложеніи ея къ пользамъ благосостоянія общественнаго. 1) *Слово о дѣйствіи воздуха въ человѣкѣ и путяхъ, которыми въ него входитъ*, говоренное 30 Іюня 1766 г. 2) *Слово*, говоренное 1768 года Августа 23-го по случаю полученія достоинства Орд. Профессора, *о причинѣ внутренняго союза частей тѣла между собою и о происходящей изъ того крѣпости въ тѣлѣ человѣческомъ*. Оно помѣщено во 2-й части Опыта Трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія, котораго Зыбелинъ былъ Членомъ. 3) *Слово о пользѣ прививной оспы и о преимуществѣ оной предъ естественною, съ моральными и физическими возраженіями противъ неправомыслящихъ*, говорен. 5-го Декабря 1768 г. 4) *Слово о вредѣ, проистекающемъ отъ содержанія себя въ теплотѣ излишней*, говорен. 30-го Іюня 1773 г. 5) *Слово о правильномъ воспитаніи съ младенчества въ разсужденіи тѣла, служащемъ къ размноженію въ обществѣ народа*, говорен. 22-го Апрѣля 1775 года. 6) *О сложеніяхъ тѣла человѣческаго и о способахъ, какъ оныя предохранять отъ болѣзней*, говорен. 30-го Іюня 1777 г. Здѣсь весьма ясно изложено ученіе о темпераментахъ съ точки зрѣнія діэтетической и дано весьма много полезныхъ совѣтовъ въ этомъ отношеніи. 7) *Слово о способѣ, какъ предупредить можно немаловажную между прочими медленнаго умноженія народа причину, состоящую въ неприличной пищѣ, младенцамъ даваемой въ первые мѣсяцы ихъ жизни*, говорен. 30-го Іюня 1780 г. 8) *Слово похвальное Императрицѣ Екатеринѣ II, при благополучномъ окончаніи двадцати-пяти-лѣтняго Ея царствованія*, говор. 30-го Іюня 1787 г. Императрица пожаловала Автору за это слово бриліантовый перстень.

Зыбелинъ принадлежитъ къ числу краснорѣчивѣйшихъ Профессоровъ Московскаго Университета. Онъ, одинъ изъ первыхъ, много содѣйствовалъ тому, чтобы создать правильный, ясный, точный и изящный языкъ для врачебной науки въ Россіи. Императорская Россійская Академія уважила эту заслугу въ Профессорѣ и признала его своимъ Дѣйствительнымъ Членомъ, въ засѣданіи 1-го Іюня 1784 года.

Московскій Университетъ, получивъ въ даръ рукописную Россійскую Исторію Василья Никитича Татищева отъ сына

его, Евграфа Васильевича, опредѣлилъ напечатать ее. Смотрѣніе за печатаніемъ поручено было Профессору Зыбелину; но по изданіи первыхъ трехъ листовъ, такъ какъ въ правописаніи собственныхъ именъ, рукопись представляла большія трудности, надзоръ за печатаніемъ перешелъ къ Академику Миллеру.

Въ продолженіи пятнадцати лѣтъ безъ всякой платы, единственно изъ любви къ мѣсту воспитанія, находился Зыбелинъ врачемъ при Университетской больницѣ. Въ 1771 году, во время моровой язвы въ Москвѣ, былъ Членомъ учрежденной по сему случаю Коммиссіи и съ отличнымъ рвеніемъ исправлялъ всѣ ея порученія, жертвуя собственною жизнію. Бѣдные и сироты находили въ немъ врача, утѣшителя и благодѣтеля. Долго хранилась его память во многихъ домахъ Москвы, куда приходилъ онъ облегчать участь недужныхъ, помогать своимъ имуществомъ и поддерживать слабыхъ вѣрою въ милосердіе Провидѣнія. Всегда благодарный Университету за воспитаніе ему данное, Зыбелинъ завѣщалъ ему свою библіотеку, которая, по смерти его, отдана была Физико-Медицинскому Обществу.

И. Ѳ. Тимковскій, бывшій студентомъ вь 1793 году, въ своихъ Воспоминаніяхъ объ Университетѣ такъ описываетъ наружность Зыбелина: «роста ближе къ высокому, старъ, широкоплечь и сухъ, лица большаго, длиннаго, бѣлокуръ.»

И.

ИВАШКОВСКІЙ, Семенъ Мартыновичь, Ординарный Профессоръ Греческаго языка и Древностей, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ, изъ духовнаго званія, родился въ Смоленской губерніи. Первоначально обучался въ Смоленской Духовной Семинаріи, а потомъ для дальнѣйшаго образованія поступилъ въ Московскій Университетъ.—По окончаніи Академическаго курса наукъ, съ 1801 по 1812 годъ былъ преподавателемъ въ бывшей Академической Гимназіи. Въ началѣ 1804 г. поступилъ Учителемъ въ Московскую Губернскую Гимназію, и занималъ эту должность до Сентября 1827 г.; въ тоже время

продолжая ученыя свои занятія, получилъ степень Доктора Философіи, 1806 года Августа 30-го. Въ 1819 г. 19-го Февраля утвержденъ Адъюнктомъ въ Московскомъ Университетѣ по каѳедрѣ Греческой Словесности. Чрезъ шесть лѣтъ послѣ того избранъ былъ въ Экстраординарные Профессоры по той же каѳедрѣ, въ 1825 г. Февр. 11 дня; въ Ординарные 8 Декаб. 1826 г., и въ этомъ званіи находился около 9 лѣтъ, до конца своей службы.

Занятія покойнаго Семена Мартыновича и ученая его дѣятельность были довольно различны. Проходя ученое поприще отъ Студента до Доктора Философіи, и въ продолженіе 35 лѣтъ занимая различныя учебныя должности при Университетѣ и Гимназіяхъ, онъ долженъ былъ познакомиться со многими отраслями наукъ филологическихъ, историческихъ и философскихъ. Но главнымъ предметомъ его занятій и преподаванія была древняя Филологія, въ особенности Греческая, которой онъ былъ постоянно преданъ, и которой посвящалъ многолѣтніе и полезные труды свои. Мысль, что изученіе классическихъ писателей и познаніе древней жизни должно бытъ основаніемъ истиннаго образованія и вкуса, равно какъ и всякаго знанія твердаго и совершеннаго, руководила всею его дѣятельностію; она развивается у него въ рѣчахъ, выказывается въ изданіи нѣкоторыхъ сочиненій, она же одушевляетъ и подкрѣпляетъ его въ предпріятіи и исполненіи продолжительныхъ кропотливыхъ и не всегда благодарныхъ трудовъ филологическихъ.—Встрѣчая большія затрудненія въ пособіяхъ и средствахъ къ изученію преподаваемыхъ имъ предметовъ, особенно по древней Филологіи, для которой тогда еще менѣе, нежели послѣ, было учебныхъ пособій и книгъ, приноровленныхъ къ преподаванію ея въ нашемъ отечествѣ,—Семенъ Мартыновичъ старался самъ, по возможности, пополнять этотъ недостатокъ и удовлетворять потребностямъ своей науки изданіемъ нѣкоторыхъ руководствъ и составленіемъ словарей.—Здѣсь являются на помощь наукѣ просвѣщенные Греческіе дворяне, знаменитые братья Зосимы, которые своимъ ободреніемъ, содѣйствіемъ и матеріальными средствами, какъ вторые Медичи, старались распространять знаніе классическаго языка своихъ предковъ по всей Европѣ; они издавали на своемъ иждивеніи

множество Греческихъ книгъ, открывали при учебныхъ заведеніяхъ особые классы по предмету Греческаго языка, поощряли учащихъ и учащихся къ занятію и изслѣдованію различныхъ отраслей древней Филологіи и распространенію своихъ познаній между соотечественниками.—Ихъ содѣйствію обязанъ былъ и Семенъ Мартыновичь въ исполненіи важнѣйшаго труда своего при составленіи и изданіи Полнаго Греко-Россійскаго Словаря. За такое содѣйствіе, онъ неоднократно съ торжественностью прославляетъ ихъ просвѣщенный умъ, любовь къ наукѣ и своему отечеству, благодаритъ ихъ отъ лица науки за себя, за учащихся юношей и своихъ соотечественниковъ.

Изъ сочиненій, переводовъ и изданій, сдѣланныхъ Ивашковскимъ, остались извѣстными: 1) Переводъ съ Греческаго и Латинскаго на Русскій языкъ: «*Краткой дотолѣ еще неизданной на Греческомъ языкѣ исторіи животныхъ*,» помѣщенный вмѣсто предисловія въ объявленіи о публичныхъ ученіяхъ 1808—1809.—2) *Рѣчь, о пользѣ Еллинскаго языка*, произнесенная по случаю открытія Греческаго класса въ Московской Губернской Гимназіи на иждивеніи почтеннѣйшихъ любителей и насадителей Наукъ братьевъ Зосимъ, послѣдовавшаго Октября 3-го 1815 г. 3) *Рѣчь о тѣхъ отличительныхъ качествахъ, которыми преимущественно древніе греческіе классики заслужили неоспоримое право быть всегдашними руководителями хорошаго вкуса въ словесности, не только во время политическаго существованія Греціи, но и по уничтоженіи онаго*, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета, Іюня 27-го 1827 г. Въ этой рѣчи показываются сперва главныя основанія и причины эстетическаго вкуса и многостороняго развитія умственнаго древнихъ Грековъ, заимствованныя отъ условій ихъ жизни физической, политической и нравственной, потомъ въ короткихъ очеркахъ, излагается почти вся исторія Греческой Литературы, въ главныхъ представителяхъ всѣхъ родовъ поэзіи и прозы. Языкъ обѣихъ рѣчей представляетъ смѣсь Русскаго съ Славянскимъ, посредствомъ котораго сочинитель, какъ замѣтно, старался возвысить слогъ торжественнаго краснорѣчія.—Въ другихъ, въ особенности позднѣйшихъ его сочиненіяхъ, не такъ замѣтна

эта пестрота въ языкѣ и способъ выраженія. 4) *Ксенофонтовы Достопамятности Сократа*, въ четырехъ книгахъ, изданы съ полнымъ Еллино-Россійскимъ словаремъ, въ пользу обучающагося въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ юношества. Москва. 1829 г.—Въ началѣ этого изданія помѣщено предувѣдомленіе Дав. Бихлинга (въ Русскомъ переводѣ), которое, по мнѣнію издателя, «кромѣ лучшаго объясненія какъ самаго предмета, такъ и цѣли славнаго произведенія сладкорѣчивой Аттической музы, удовлетворительно показываетъ, чѣмъ именно Сократъ, какъ главное дѣйствующее въ немъ лице, заслужилъ всегдашнее уваженіе современниковъ и потомства, и что значитъ быть истиннымъ философомъ.»—Греческій текстъ изданъ безъ варіантовъ и безъ критическихъ замѣчаній. Но словарь для Ксенофонтовыхъ Достопамятностей, находящійся въ концѣ изданія, довольно полонъ и удовлетворителенъ и, кромѣ перевода и объясненія Греческихъ словъ и выраженій, содержитъ въ себѣ указанія на употребленіе ихъ въ другихъ мѣстахъ того же сочиненія. — 5) *Начала Логики*, изданныя Семеномъ Ивашковскимъ. Москва. 1829 г. — Книга эта въ подлинникѣ составлена на Французскомъ языкѣ изъ двухъ извѣстныхъ въ этомъ родѣ сочиненій Гравезанда и Дю Мерее, и предназначена была для воспитанниковъ Королевской Военной Школы. Въ этомъ руководствѣ двѣ первыя статьи: объ идеяхъ и сужденіяхъ, признаваемыя тогда обработанными съ возможнымъ тщаніемъ, принадлежатъ Гравезанду, а двѣ послѣднія: объ умозаключеніяхъ и методѣ взяты изъ Логики Дю Мерсе, считавшейся въ то время классическою книгою. Къ переводу и изданію этой книги побудилъ покойнаго Профессора недостатокъ въ хорошихъ руководствахъ для этой науки, который онъ, по должности наставника при Московскомъ Университетѣ и особливо при Губернской Гимназіи, постоянно чувствовалъ въ преподаваніи этого предмета,—какъ объ этомъ самъ говоритъ въ посвященіи книги А. С. Шишкову. 6) *Начала Риторики I. А. Эрнеста*, на Россійскій языкъ переложенныя С. Ивашковскимъ. М. 1828 г.

Но обширнымъ трудомъ С. М. Ивашковскаго, стоившимъ ему продолжительныхъ и великихъ усилій, безъ сомнѣнія, надобно признать его 7) *Полный Греко-Россійскій Словарь, составлен-*

ный по руководству лучшихъ и *извѣстнѣйшихъ въ семъ родѣ образцовъ*, въ четырехъ томахъ, и напечатанный иждивеніемъ любителей отечественнаго просвѣщенія, Греческихъ Дворянъ, братьевъ Зосимъ. Москва. 1838 г.

До этого времени не было на Русскомъ языкѣ полнаго и достаточнаго Греческаго Словаря, кромѣ трехъ-язычнаго, за сто лѣтъ прежде изданнаго, который впрочемъ, за исключеніемъ труда и благонамѣренности издателя, почти во всѣхъ отношеніяхъ былъ незначителенъ.—Но сколь ни важно, сколь ни полезно составленіе и изданіе полнаго и удовлетворительнаго Греческаго словаря у насъ въ Россіи, однакожъ почтенный Профессоръ, какъ самъ объ этомъ говоритъ въ предисловіи, никакъ не рѣшился бы на такое трудное предпріятіе, если бы не возбудили въ немъ охоты и ревности къ оному извѣстные ученому свѣту своими примѣрными для наукъ пожертвованіями братья Зосимы, съ одинаковымъ усердіемъ стремившіеся къ распространенію образованнѣйшаго языка своихъ предковъ какъ между своими соотечественниками, такъ и между сродными съ ними по вѣрѣ и древнимъ обычаямъ Россіянами.— При составленіи этого Словаря С. М. Ивашковскій руководствовался лучшими тогда въ этомъ родѣ Нѣмецкими образцами: въ первыхъ двухъ частяхъ, особенно І. Г. Шнейдеромъ и Ф. В. Римеромъ, а въ послѣднихъ Ф. Пассовомъ и В. Х. Ф. Ростомъ, которымъ онъ отдаетъ полную справедливость, выражая чувство благодарности и уваженія къ ихъ самостоятельнымъ заслугамъ. При обработкѣ своего Словаря, Ивашковскій старался обращать вниманіе преимущественно на полноту и опредѣленность, два необходимыя условія для каждаго хорошаго сочиненія въ этомъ родѣ.—Перваго изъ этихъ качествъ онъ старался достигнуть во 1-хъ помѣщеніемъ въ Словарѣ всѣхъ Греческихъ словъ и употребительнѣйшихъ выраженій, какія только остались въ Греческой Литературѣ, начиная отъ Гомера до послѣднихъ Византійскихъ писателей, во 2-хъ изложеніемъ различныхъ значеній, въ какихъ одно и тоже слово, въ разныя времена у разныхъ писателей, или въ различныхъ родахъ литературы, употребляется, и въ 3-хъ указаніемъ на самихъ писателей и ихъ сочиненія, въ коихъ извѣстное реченіе такъ или иначе встрѣчается. Второе изъ вышеупомяну-

тыхъ свойствъ и условій Словаря сохранено у него, по возможности, 1) посредствомъ означенія вѣрнаго и точнаго смысла словъ, 2) показаніемъ, для этой цѣли, этимологическихъ производствъ, особенно въ словахъ трудныхъ и неясныхъ, 3) послѣдовательнымъ выводомъ и развитіемъ значеній одного изъ другаго, 4) присоединеніемъ, по мѣстамъ, эпитетовъ и синонимическихъ словъ, и 5) отличеніемъ настоящихъ и чистыхъ Греческихъ словъ отъ сомнительныхъ и варварскихъ. Вообще объ соблюденіи этого втораго качества онъ прилагалъ наиболѣе старанія. Чѣмъ ближе составитель держался подлинныхъ образцовъ своихъ, тѣмъ изложеніе его вѣрнѣе, послѣдовательнѣе и опредѣленнѣе. Жаль что онъ, какъ самъ говоритъ, при началѣ труда своего не могъ имѣть всѣхъ упомянутыхъ пособій въ одно время, для бо́льшаго соображенія и равномѣрнаго изложенія всѣхъ четырехъ томовъ, на которые раздѣленъ Словарь его.

Издатель, Греческій Дворянинъ и Кавалеръ, Николай Зосима, посвятилъ этотъ первый опытъ полнаго Греко-Россійскаго Словаря Графу С. С. Уварову, Президенту Императорской Академіи Наукъ, бывшему тогда Министромъ Народнаго Просвѣщенія. — Для облегченія въ пріобрѣтеніи этого Словаря, ревнители просвѣщенія братья Зосимы назначили ему въ продажѣ самую незначительную цѣну, что и было причиною того, что все изданіе разошлось въ непродолжительное время.—Форма изданія въ 4-ку и довольно крупный неубористый шрифтъ, распространившій этотъ Словарь до 4-хъ неровныхъ томовъ, дѣлаютъ его для внѣшняго употребленія не совсѣмъ удобнымъ. Теперь Словарь этотъ, полезный для среднихъ учебныхъ заведеній, не можетъ впрочемъ вполнѣ удовлетворять высшимъ потребностямъ науки и выдержать строгой филологической критики, равно какъ и самые образцы Нѣмецкіе, въ прежнемъ своемъ изданіи.

Послѣднимъ трудомъ покойнаго Профессора Ивашковскаго былъ 8) *Полный Русско-Латинскій Словарь, обогащенный словами и примѣрами, заимствованными изъ Латинскихъ и Русскихъ писателей, прозаиковъ и стихотворцевъ*, и удостоенный Императорскою Академіею Наукъ Демидовской преміи.—Словарь этотъ, по предложенію покойнаго сочинителя, издается

теперь И. Эйнерлингомъ, который въ 1838 – 1841 г. выдалъ свой Латинско-Русскій Лексиконъ, въ 2-хъ частяхъ.—О достоинствѣ Руско-Латинскаго Словаря Ивашковскаго свидѣтельствуетъ присужденная сочинителю отъ Императорской Академіи Наукъ Демидовская премія. Знаменитый Академикъ и Пр. Ѳ. Б. Грефе, которому Академія поручила это сочиненіе на разсмотрѣніе, въ донесеніи своемъ Академіи говоритъ, что онъ, пересмотрѣвши въ рукописи словарь Ивашковскаго, вполнѣ убѣдился въ достоинствѣ труда, въ добросовѣстномъ стараніи, съ какимъ отъ выполненъ въ такомъ огромномъ объемѣ, и съ удовольствіемъ, а не рѣдко даже съ удивленіемъ, замѣчалъ, съ какимъ искусствомъ, съ какою вѣрностію снаровки и начитанностію Авторъ, въ большей части случаевъ, умѣлъ находить надлежащее слово, собрать такое обиліе правильно выраженной фразеологіи и, однимъ словомъ, соорудить такой трудъ, что даже въ Германіи нѣтъ столь обильнаго Нѣмецко-Латинскаго Словаря и, по увѣренію Грефе, по Демидовскому конкурсу, еще не встрѣчалось по этой части ни одного сочиненія такого объема и такого достоинства. — Полный Русско-Латинскій Словарь состоитъ изъ 4-хъ спорыхъ томовъ, въ два столбца, въ 8-ю долю листа. Доселѣ издано три части, въ С.-Петербургѣ, 1849-1852 г. Кромѣ ученыхъ и учебныхъ своихъ занятій при Московскомъ Университетѣ и Гимназіи, С. М. Ивашковскій, по назначенію Начальства и Совѣта, отправлялъ, по временамъ, и другія должности. Не разъ назначался Членомъ Училищнаго Комитета, въ разныя времена; а съ 1832 года до конца своей службы при Университетѣ былъ Библіотекаремъ Университетской Библіотеки.

За ревностное прохожденіе своихъ должностей Всемилостивѣйше награжденъ былъ, въ 1818 году, Орденомъ Св. Анны 3-й степени; а въ 1834 г. Орденомъ Св. Владиміра 4-й степени.

С. М. Ивашковскій скончался въ 1850 году, Апрѣля 23-го дня.

Изъ сочиненій его въ рукописяхъ, приготовленныхъ, какъ видно, къ напечатанію, остались: 1.) *Русско-Греческій Словарь—полный*; 2) *Грамматика Греческаго языка*; 3) *Грамматика Латинскаго языка*; 4) *Краткое изложеніе* сочиненія, приписы-

ваемаго Цицерону *de Consolatione* (одобр. Ценсурою къ печати.) 5), *Примѣчанія на сочиненія Өеофраста: ἠθικοὶ χαρακτῆρες.* 6) *Примѣчанія на Корнелія Непота,* (изданн. кѣмъ-то подъ его именемъ); 7) *Греческія Древности*; 8) *Парафразисъ на Евангеліе отъ Іоанна и Матѳея*; 9) *Толкованія на многіе псалмы Давидовы*; 10) *Слова, рѣчи, бесѣды и другія сочиненія духовнаго содержанія, переведенныя съ разныхъ языковъ, древнихъ и новѣйшихъ*; 11) *Переводъ и объясненіе Ирмосовъ, съ Греческаго на Русскій.* (Остались въ Духовной Ценсурѣ).

Иде, Иванъ А., Математики Профессоръ Публичный Экстраординарный, выписанъ, вмѣстѣ съ Проф. Рейсомъ, изъ Геттингена, и пріѣхалъ Москву въ томъ же году, какъ Профф. Рейнгардтъ, Гофманъ, Фишеръ, Буле и др. Публичное преподаваніе его на Латинскомъ языкѣ началось 1805—1806 года, и имѣло предметомъ начала исчисленія безконечно малыхъ, съ приложеніемъ онаго къ Высшей Геометріи, Динамикѣ и Гидродинамикѣ, по руководству Эйлера и Бюржа, въ одинъ годъ, по три часовыя лекціи въ недѣлю. Кромѣ того онъ преподавалъ приватныя лекціи на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, по выбору слушателей. Изъ письма его къ Куратору М. Н. Муравьеву, отъ 3-го Сентября 1806 г., видно, что онъ желалъ въ особенности ознакомить Московскій Университетъ съ новѣйшимъ анализомъ (neuere Analysis), не безъизвѣстнымъ впрочемъ сотоварищамъ его Проф. Аршеневскому, Ад. Загорскому и даже предшественнику, молодому ученому Александру Барсову*. Но желаніе это не увѣнчалось успѣхомъ; ибо Иде скончался отъ горячки въ слѣдующемъ 1806—1807 году. Немногія лекціи его Студенты слушали съ большою охотою и дорожили ими.

Это былъ у насъ единственный выписной Профессоръ Математики: такимъ образомъ все достояніе Москвы, а за нею почти и всей Руси, по этой части возрастало собственными силами. Ибо И. Я. Ростъ, единственный иностранецъ изъ предшественниковъ Иде, началъ свое поприще въ Москов-

* См. Біографіи первыхъ двухъ въ семъ словарѣ, а послѣдняго въ спискѣ питомцевъ Университета.

скомъ Университетѣ преподаваніемъ Англійскаго языка, а потомъ случайно перешелъ къ Математикѣ, и преподавалъ только начала Чистой и Прикладной, вмѣстѣ съ Физикою (см. его біографію).

Профессоръ Иде былъ лѣтъ тридцати, хорошаго роста, красивой наружности, очень образованный ученый, прекрасный музыкантъ на скрипкѣ, хорошо пѣлъ, имѣлъ голосъ баритонъ или теноръ-басъ. Онъ былъ привѣтливъ ко всякому и ласковъ къ мальчикамъ гимназистамъ, часто любовался ихъ забавами на Университетскомъ дворѣ, и самъ показывалъ имъ иностранныя игры. Въ Москвѣ женился на сестрѣ Профессора Рейнгардта, которую оставилъ вдовою съ малолѣтною дочерью, получившею воспитаніе въ Институтѣ.

ИННОКЕНТІЙ, Платоновъ, Архимандритъ, Профессоръ Богословія и Церковной Исторіи, сынъ Священника. Первоначальное образованіе получилъ въ Калужской Семинаріи, потомъ продолжалъ и окончилъ курсъ ученія въ Семинаріи, бывшей въ Свято-Троицкой Сергіевой Лаврѣ, гдѣ обучался Богословію, Философіи, Риторикѣ и языкамъ Еврейскому, Латинскому, Греческому и Французскому. По окончаніи Учебнаго семинарскаго курса, былъ въ Перервинской Семинаріи Учителемъ Словесности, Географіи, Ариѳметики, и языковъ, Латинскаго и Греческаго. Въ 1799 году рукоположенъ во Священника къ Московской Софійской, на Лубянкѣ, церкви, а въ 1801 г. переведенъ къ Церкви Неопалимой Купины близь Дѣвичьяго поля. Пользуясь особенною довѣренностію Начальства, съ обязанностями пастырскими соединялъ и должности увѣщателя въ Московскомъ Надворномъ Судѣ и Депутата Священно-церковно-служительскаго. Въ 1819 году постриженъ въ монашество и произведенъ въ Архимандрита, и въ семъ званіи проходилъ должности Ректора Духовныхъ уѣзднаго и приходскаго Училищъ въ Москвѣ, а потомъ Ректора и Учителя Богословскихъ наукъ въ Семинаріяхъ Пензенской (1821) и Новгородской (1822). Въ 1823 году переведенъ въ Москву и опредѣленъ Настоятелемъ Богоявленскаго монастыря, а въ 1824 занялъ каѳедру Богословія и Церковной Исторіи въ Московскомъ Университетѣ съ жалованьемъ по 1,500 руб. асс.

Въ 1825 г., Іюля 3-го дня, въ торжественномъ собраніи Университета говорилъ на Русскомъ языкѣ слово: *«О могуществѣ вѣры какъ въ Святой Церкви, такъ и въ вѣрующихъ порознь во всѣ времена и во всѣхъ состояніяхъ.»* Въ 1827 году уволенъ отъ должности Профессора въ Университетѣ и вскорѣ послѣ того переведенъ въ Рожественскій монастырь въ Нижегородской Епархіи. Въ бытность свою Настоятелемъ этого монастыря кончилъ жизнь.

ИНОЗЕМЦЕВЪ, Ѳедоръ Ивановичь, Ординарный Профессоръ Практической Хирургіи, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, 52 лѣтъ отъ роду, православнаго исповѣданія, родился 1802 года Февраля 12-го въ деревнѣ Бѣлкино, Боровскаго уѣзда, Калужской губерніи, куда удалился отецъ его, едва начавшій свою гражданскую службу и вскорѣ, почти въ первомъ чинѣ, оставившій оную, по семейнымъ обстоятельствамъ. До 12-лѣтняго возраста оставаясь въ этой деревнѣ, учился читать, писать и первымъ началамъ Закона Божія у тамошняго Священника, очень образованнаго человѣка. — До 1815 года продолжалъ свое ученіе въ Харьковскомъ уѣздномъ училищѣ; но окончаніи же ученія въономъ, былъ принятъ въ казеннокоштные воспитанники Харьковской Губернской Гимназіи и наконецъ съ 1819 года продолжалъ дальнѣйшее свое образованіе въ Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ. Въ то время, всякій учащійся въ этомъ Университетѣ, долженъ былъ слушать, въ продолженіи двухъ лѣтъ, такъ называемыя общія публичныя лекціи и потомъ уже избирать для спеціальнаго своего образованія тотъ факультетъ, который онъ находилъ для себя нужнымъ.—Въ послѣднихъ классахъ гимназическаго ученія, съ особенною любовію и прилежаніемъ занимался естественными науками, подъ руководствомъ теперь извѣстнаго нашего естествоиспытателя и Профессора В. М. Черняева, который, будучи самъ страстнымъ ботаникомъ, съ необыкновеннымъ искусствомъ и увлеченіемъ, умѣлъ развивать въ ученикахъ своихъ любовь къ Ботаникѣ и вообще Естественной Исторіи.—По окончаніи двухъгодичнаго изученія въ Университетѣ приготовительныхъ общихъ наукъ, необходимо нужныхъ для учащагося въ каж-

домъ Факультетѣ, Иноземцевъ изъявилъ желаніе учиться Медицинѣ. Однакожь вопреки желанію, какъ казеннокоштный студентъ, былъ назначенъ слушателемъ въ Словесный Факультетъ и, по прошествіи года т. е. трехъ-лѣтняго пребыванія въ Университетѣ, 28-го Іюня 1822 года, былъ, по распоряженію Совѣта, отправленъ учителемъ историческихъ наукъ, въ Льговское уѣздное училище, Курской губерніи. — По прибытіи на мѣсто назначенія, онъ узналъ, что университетское опредѣленіе совѣтомъ уѣзднаго училища было измѣнено: ему объявили, что учитель математическихъ наукъ взялъ на себя обязанность преподавать историческія науки; а ему оставалось заняться преподаваніемъ наукъ математическихъ. Благодаря общему публичному образованію въ Университетѣ, это измѣненіе назначенія не затруднило Иноземцева, и онъ началъ учить учениковъ 1-го и 2-го классовъ Ариѳметикѣ, Геометріи, Нѣмецкому языку.—Въ 1825 году, по разстроенному здоровью, съ дозволенія Высшаго Начальства, оставилъ эту службу и, поправивъ здоровье, въ 1826 году Апрѣля 19-го дня, вступилъ опять въ Харьковскій Университетъ и тогда уже началъ учиться давно желаемой имъ Медицинѣ.—Въ то время, изъ числа душевно и глубоко уважаемыхъ учителей въ Медицинскомъ Факультетѣ, знаменитый Профессоръ Хирургіи Николай Ивановичь Еллинскій, преимущественно увлекалъ студентовъ своимъ высокимъ образованіемъ въ Медицинѣ.—Его краснорѣчивое и ученое преподаваніе Хирургіи сдѣлало Иноземцева, уже со втораго курса, поклонникомъ высокаго его таланта и Хирургіи.—Обширныя и современныя его свѣдѣнія по этой части и самое счастливое приложеніе этой положительной части врачебной науки, блистали повсюду въ преподаваніи этого, можно смѣло сказать, Европейскаго Профессора. — Посему нимало неудивительно, что Иноземцевъ вскорѣ началъ предпочитать Хирургію всѣмъ прочимъ частямъ прилежно имъ изучаемой Медицины.—Дѣйствительно, кромѣ лекцій, назначенныхъ 2-му курсу, въ которомъ тогда находился, онъ посѣщалъ и внимательно перечитывалъ лекціи 3-го и 4-го курсовъ, въ которыхъ излагалась общая, частная и оперативная Хирургія. — Уже при началѣ 3-го курса, онъ получилъ позволеніе произвести

больному въ клиникѣ отсѣченіе голени.—Чрезвычайно наставительные уроки знаменитаго учителя и эта первая на живомъ операція, окончившаяся съ счастливымъ успѣхомъ, положили первое начало впослѣдствіи непремѣнному желанію Иноземцева посвятить себя исключительному изученію Хирургіи. — Оканчивая курсъ наукъ въ Университетѣ, онъ не могъ располагать собою; но долженъ былъ, какъ учившійся на казенномъ содержаніи, прослужить по назначенію Правительства 6 лѣтъ.—На основаніи этого, надежды Иноземцева на дальнѣйшее образованіе въ Хирургіи состояли въ томъ, что онъ думалъ, по окончаніи казенной службы, посѣтить Русскіе Университеты и въ одномъ изъ нихъ учиться далѣе Хирургіи. — Вскорѣ представился случай осуществить эти пылкія желанія другимъ образомъ. — По Высочайшему повелѣнію, долженствовалъ образоваться такъ называемый Профессорскій Институтъ, въ который должны были избираться, преимущественно Русскіе, хорошо учившіеся Студенты, по различнымъ отраслямъ наукъ. — Не чувствуя себя способнымъ стать въ ряды этихъ избранныхъ, отлично учившихся соискателей такихъ мѣстъ, Иноземцевъ не смѣлъ и думать о правѣ попасть въ число членовъ составлявшагося Профессорскаго Института и потому не искалъ этого лестнаго назначенія.—Профессоръ Еллинскій, ободряя его и въ этомъ случаѣ, почти принудилъ согласиться на объявленный тогда вызовъ Университета.—Повинуясь душевно уважаемому наставнику, онъ согласился на предложеніе; но, принимая оное, никоимъ образомъ не находилъ себя достойнымъ онаго, ибо требованія отъ поступавшаго въ этотъ Институтъ, относительно свѣдѣній, были чрезвычайно велики.—Наконецъ послѣ должнаго и многократнаго испытанія въ Университетѣ, въ 1828 году, Иноземцевъ отправленъ былъ съ другими товарищами въ С.-Петербургъ, гдѣ, выдержавъ окончательный экзаменъ въ Академіи Наукъ, поступилъ въ Профессорскій Институтъ и отправился въ Дерптскій Университетъ, къ которому тогда самый Институтъ былъ причисленъ. Повторивъ опять полный курсъ Медицины и занимаясь специально Хирургіею подъ руководствомъ просвѣщеннаго наставника И. Ф. Моіера, онъ выдержалъ въ Дерптскомъ Университетѣ экзаменъ на степень Доктора

Медицины и, защитивъ диссертацію: De lithotomia bilaterali, напечатанную въ Дерптѣ же, былъ утвержденъ въ этой степени, 13-го Марта 1833 года.—Въ этомъ же году, по Высочайшему повелѣнію, отправленъ былъ за границу для дальнѣйшаго усовершенствованія въ Хирургіи и обучался оной преимущественно въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Вѣнѣ и другихъ Германскихъ Университетахъ.

По возвращеніи изъ-за-границы, читалъ пробную публичную лекцію въ Академіи Наукъ: о *камнераздробленіи*[*] и въ 1835 году, Сентября 19-го дня, былъ назначенъ Преподавателемъ въ Императорскій Московскій Университетъ. — Въ слѣдствіе новаго устава, преподаваніе Хирургіи раздѣлилось тогда: 1) на преподаваніе Теоретической и 2) преподаваніе Практической Хирургіи. — По назначенію Университетскаго Совѣта, преподаваніе послѣдней было поручено Иноземцеву. Въ составъ онаго входили слѣдующіе пять предметовъ, а именно: 1) клиническое ученіе о хирургическихъ и глазныхъ болѣзняхъ; 2) теоретическое изложеніе оперативной Хирургіи; 3) упражненіе слушателей въ технической части оперативной Хирургіи или такъ называемое производтсво операцій на трупахъ; 4) прикладная или такъ называемая хирургическая Анатомія, которая до прибытія Иноземцева въ Московскомъ Университетѣ вовсе не преподавалась и наконецъ 5) практическое ученіе о хирургическихъ повязкахъ. Наука о хирургическихъ инструментахъ (Аккологія) и хирургическихъ снарядахъ (Механургія) излагалась или вмѣстѣ съ теоретическимъ изложеніемъ операцій или же при клиническомъ изложеніи лѣченія тѣхъ болѣзней, въ коихъ перевязные снаряды оказывались нужными. — Въ этомъ же, 1835 году, Декабря 31-го дня, при введеніи новаго устава, былъ избранъ и утвержденъ Экстраординарнымъ Профессоромъ практической Хирургіи, а въ 1837 году, Марта 24-го утвержденъ Ординарнымъ Профессоромъ по этой же каѳедрѣ. — 1838 года, Октября 11-го дня, Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ Ордена Св. Анны 3-й степени.—Съ Высочайшаго

[*] Эта лекція впослѣдствіи была напечатана въ Военно-Медицинскомъ Журналѣ.

соизволенія Государя Императора, въ 26 день Апрѣля 1839 года состоявшагося, былъ отправленъ за границу для узнанія современныхъ усовершенствованій по части практической Хирургіи съ сохраненіемъ жалованья. Въ слѣдствіе таковой Высочайшей воли, отправившись за границу въ этомъ же году, осматривалъ Госпитали и клиническіе Институты Германіи, Франціи и Италіи и въ то же время учился опять у лучшихъ Профессоровъ этихъ странъ, какъ Хирургіи въ полномъ ея объемѣ, такъ и самому способу преподаванія оной.— По возвращеніи въ Россію, въ 1840 году, по порученію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, обозрѣвалъ сравнительно съ иностранными заведеніями Госпитали и учебныя заведенія въ С.-Петербургѣ. — Собравъ такимъ образомъ всѣ нужныя свѣдѣнія по части устройства Клиническихъ Институтовъ и преподаванія практической Хирургіи, онъ составилъ особенный трактатъ, сообразно съ нашими условіями и средствами преподаванія практической Медицины вообще въ Россіи, и представилъ оный на разсмотрѣніе Г. Попечителю Московскаго Университета, бывшему тогда Президентомъ Коммиссіи для присоединенія Московской Медико-Хирургической Академіи къ здѣшнему Университету. Въ 1843 году, Февраля 27-го дня, Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ Св. Станислава 2-й степени; 1843 года, Іюня 3-го дня, произведенъ въ Коллежскіе Совѣтники.—1847 года, Декабря 12-го дня, произведенъ въ Статскіе Совѣтники, со старшинствомъ; 1848 года, Декабря 25-го дня, Всемилостивѣйше пожалованъ за отлично-усердную службу и особые труды Кавалеромъ Ордена Св. Анны 2-й степени; 1849 года, Августа 22-го дня, получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ.—Въ воздаяніе отлично-ревностной службы и особыхъ трудовъ по мѣрамъ прекращенія бывшей въ Москвѣ эпидемической холеры, Всемилостивѣйше пожалованъ Орденомъ Св. Анны 2-й степени съ Императорскою Короною.—1850 года, Августа 20-го дня. Его Сіятельство Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, въ числѣ прочихъ, объявилъ Профессору благодарность за найденный въ Московскомъ Университетѣ по учебной части отличный порядокъ.—1851 года, Августа 22-го дня, получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XX лѣтъ.—1852 года,

въ Декабрѣ мѣсяцѣ, Всемилостивѣйше пожалованъ за отлично усердную службу чиномъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника.—Имѣя при преподаваціи науки практическую цѣль и вмѣстѣ исполняя обязанность практическаго врача въ Москвѣ, Иноземцевъ старался всячески удовлетворять главному и важному требованію отъ преподавателя Медицины въ Россіи, именно: *образовывать какъ можно болье научно-практическихъ врачей*. Этой важной отечественной потребности врачь-Профессоръ, кромѣ Университетскихъ своихъ занятій, удовлетворялъ еще особенными трудами во время утреннихъ практическихъ занятій своихъ на дому, гдѣ окончившіе курсъ наукъ въ Университетѣ врачи, имѣли случай ежедневно видѣть большое количество различныхъ болѣзней и, наблюдая оныя подъ руководствомъ Профессора, учились приложенію теоретическихъ своихъ свѣдѣній къ дѣйствіямъ практическаго врача въ полномъ смыслѣ этого слова.—Вездѣ, гдѣ было возможно, Профессоръ старался начинающимъ практиковать выводить правила практики изъ научныхъ началъ и такимъ образомъ согласовать по возможности теорію съ практикою. — При посильномъ выполненіи сихъ двухъ важныхъ обязанностей, т. е. обязанности Профессора и практическаго врача въ Москвѣ, Иноземцевъ не имѣлъ много свободнаго времени для кабинетныхъ ученыхъ работъ, и если что либо писалъ и печаталъ, то все это было заимствовано большею частію или изъ практичеекой дѣятельности врача, или же взято изъ самой натуры, при постелѣ больнаго и въ анатомическомъ театрѣ наблюдаемой. Слѣдующія краткія замѣтки были имъ публикованы: 1) *Изложеніе способа* Лодера отнятія голени съ усовершенствованіями Берлинскаго Хирурга Грефе, напечатанное въ особенной брошюрѣ подъ заглавіемъ: *О заслугахъ Христіана Иванвича Лодера въ Хирургіи*, Москва, 1827 г.; 2) *Замѣчанія на два случая грибовидныхъ наростовъ* (fungus medularis), обнародованныя впослѣдствіи во Франціи и Германіи; С. - Петербургъ, 1845 г.; 3) *De scirrhi et cancri genuini fonte et progressu*, commentatio physiologico-pathologica; Mosquae. 1845 г.; 4) *Нѣкоторыя критико-практическія замѣчанія относительно лѣченія водяной болѣзни сывор точной оболочкой яичка по способу Траверсе и Китта*. С.-Петербургъ, 1846 г.; 5) *Нѣ*-

сколько словъ о назначеніи операціи для вскрытія дыхательнаго горла, Москва, 1847 г.; 6) *О перенось грибовидной матеріи*, Москва, 1848 г.; 7) *Объ анатомическо-патологическомъ значеніи холеры*, С.-Петербургъ, 1847 г.; 8) *Подлинный составъ Воронежскаго эликсира и его употребленіе*, Москва 1846 г.; 9) *О брюшномъ раздраженіи*, Москва, 1852 г.; 10) *О лѣченіи холернаго процесса сложною ревенною настойкою*, Москва, 1853 г. 11) *Терапевтическій опытъ*, Москва, 1851 г.; 12) *О вліяніи нервной раздражительности на образованіе и ущемленіе грыжъ*, С.-Петербургъ, 1853 г.; 13) *О вліяніи мутной мочи (urina jumentosa) на ходъ и заживленіе ранъ, послѣ хирургическихъ операцій остающихся*, Москва, 1854 г.

I.

ІОВСКІЙ, Александръ Алексѣевичъ, Экстраординарный Профессоръ Фармаціи, Докторъ Медицины, Статскій Совѣтникъ, Членъ разныхъ ученыхъ Обществъ, родился 1796 года 29-го Августа, Воронежской губерніи въ г. Острогожскѣ, гдѣ родитель его, Алексѣй Егоровичъ, былъ Протоіереемъ. По окончаніи курса наукъ въ Воронежской Семинаріи, исправлялъ должность рисовальнаго учителя въ продолженіи двухъ лѣтъ; по увольненіи изъ духовнаго званія, принятъ въ число Студентовъ Москов. Университета 1816 года Августа 20-го и въ 1817 года помѣщенъ на казенное содержаніе. Въ Физико-Математическомъ отдѣленіи награжденъ сер. медалью 1817 г. Авг. 20-го; потомъ въ Медицинскомъ золотою 1818 г. Іюля 4-го; по законномъ испытаніи удостоенъ степени Доктора Медицины и причисленъ къ Университетской службѣ 1822 г. Іюля 28-го. По предписанію Г. Министра Духовныхъ дѣлъ и Народн. Просвѣщ. отправленъ былъ въ Рязанскую, Тульскую, Калужскую и Московскую губерніи съ инструкціею; въ отчетѣ своемъ объ этой поѣздкѣ Іовскій представилъ описаніе открытыхъ имъ мѣсторожденій каменнаго угля въ Тульской губерніи, коихъ существованіе утверждено съ 1841 г. чиновниками Корпуса Горныхъ Инженеровъ. Въ 1823 г. Апр. 16-го отправленъ былъ отъ Университета въ чужіе краи для усовершенствованія въ Химіи и

Фармаціи. Пребываніе его за границею длилось три года. Почти цѣлый годъ онъ оставался во Фрейбергѣ, что въ Саксоніи, въ Лабораторіи Проф. тамошней Академіи Лампадіуса, гдѣ отъ 9 часовъ утра до двухъ часовъ по полудни, кромѣ воскресенья, занимался съ нимъ ежедневно химическими производствами, что́ самъ Профессоръ Лампадіусъ засвидѣтельствовалъ письменно передъ Совѣтомъ Московскаго Университета, по его требованію. Предъ окончаніемъ курса присоединились къ нему два товарища Шведа, ученики Берцеліуса — Бридбергъ и Шегренъ. Первый былъ очень привязанъ къ Іовскому. Имѣя особымъ предметомъ Металлургію, онъ во все время поѣздки своей по Нѣмецкимъ горнымъ заводамъ, не лишалъ его извѣстій о себѣ и даже, по возвращеніи Іовскаго въ Москву, далъ знать, что онъ уже въ Швеціи и опредѣленъ Директоромъ горныхъ заводовъ въ Фалунѣ. Бридбергъ и Берцеліусъ, Берцеліусъ и Бридбергъ, были одно и тоже по сущности занимавшаго ихъ предмета:—разница только въ томъ что Бридбергъ былъ химикъ, воспитанный щедротами Берцеліуса, — но по обширности естественныхъ знаній былъ выше Берцеліуса, который уже склонялся къ старости. Другое лицо, которое не менѣе Бридберга расположено было къ Іовскому, былъ Проф. Лампадіусъ. Онъ любилъ его, можетъ быть, по привычкѣ ежедневныхъ съ нимъ занятій. Онъ не переставалъ писать къ нему всюду, увѣряя, что ему пріятно слѣдовать за каждымъ его шагомъ. Переписка эта продолжалась до самой смерти Лампадіуса—и послѣднее письмо его получено было Іовскимъ уже послѣ кончины Лампадіуса, котораго имя никакая вражда не уничтожитъ на страницахъ Исторіи Химіи. По программѣ своего незабвеннаго наставника, съ его письмами, Іовскій ѣхалъ чрезъ Атенбергъ, Теплицъ, Карлсбадъ, Прагу и Вѣну до Парижа, останавливаясь тамъ, гдѣ слѣдовало по его совѣтамъ. Въ переѣздахъ Іовскій провелъ около трехъ мѣсяцевъ. Парижъ былъ тогда центромъ Естественныхъ наукъ. Въ его знаменитомъ Институтѣ слагалось то, что совершалось въ области естествовѣдѣнія всѣхъ странъ. Тенаръ, Гелюссакъ, Дюлонгъ, Бѐданъ, Броньяръ, Крувелье, Орфила и соревнователи ихъ — Деви, Томсонъ, Вольстонъ, Фарадей, Берцеліусъ и пр. и пр. дѣйствовали тогда на поприщѣ Хи-

міи, которой размѣры въ то время были огромны. Вліяніе ея на другія отрасли естествознанія отъ допотопныхъ растеній и животныхъ до букашекъ Эренберга, — было безгранично: для всего искали примѣненія въ Химіи, даже въ пищѣ и въ питьѣ. Значитъ, довѣріе къ ней было безусловно. А каково довѣріе было къ преподавателямъ, — вотъ примѣръ. Тенаръ, во время химическаго своего восторга, вмѣсто сахарной воды, хлебнулъ изъ стакана растворенной сулемы, и къ счастію не много. Въ то же мгновеніе почувствовалъ свою ошибку и, выскочивъ въ лабораторію, онъ немедленно принялъ яичный бѣлокъ. Тотчасъ же нашли доктора, который бѣгомъ проскочилъ сквозь изумленную толпу къ знаменитому химику. Трудно представить оцѣпенѣніе цѣлой аудиторіи, когда распространилась молва о несчастіи Профессора, быстро ускользнувшаго изъ залы. Нѣсколько секундъ — мертвенное молчаніе, и потомъ мало по малу начали вставать со скамеекъ— образовались кружки—послѣдовалъ шопотъ, говоръ и общее согласіе: пока Г. Тенаръ выздоровѣетъ, собираться въ его аудиторіи всѣмъ его слущателямъ и оставаться въ оной, какъ будто бы онъ дѣйствительно присутствовалъ. Двумъ поочереди ежедневно освѣдомляться въ домѣ Профессора о состояніи его здоровья и прикрѣплять бюллетени къ дверямъ аудиторіи. Наконецъ было объявлено: по совершенномъ выздоровленіи, Г. Тенаръ въ слѣдующій вторникъ начнетъ свой курсъ. Вторникъ этотъ никогда не изгладится въ памяти того, кто былъ его свидѣтелемъ. Пришедши за часъ ранѣе обыкновеннаго, Іовскій долженъ былъ остановиться на срединѣ двора Сорбонны, куда уже достигалъ хвостъ слушателей отъ обѣихъ дверей аудиторіи, нетерпѣливыхъ войти въ залу, гдѣ обыкновенно производились лекціи Химіи. Передняя часть тяготѣла къ дверямъ залы такъ, что ихъ принуждены были отворить ранѣе. Но въ залу входили тихо, всякій занималъ свое мѣсто тихо—усѣлись; помѣщенія оказалось мало—остальные стали у дверей, даже на лѣстницѣ. Но вездѣ тишина, даже шопота не слышно. И вотъ является Тенаръ съ блѣднымъ лицемъ, съ своими длинными курчавыми волосами и почтительно до пояса кланяется собранію. Двѣ тысячи слушателей огласили рукоплесканіями и кликами восторга своды залы. Первый звукъ голоса Тенаро-

ва снова возбудилъ тотъ же восторгъ. Въ слѣдующую лекцію повторилось тоже, когда увидѣли на столѣ у Тенара и стаканъ для сахарной воды и графинъ съ водою лазореваго цвѣта.

Въ практической части науки Іовскому помогало, въ особенности, заведеніе химическихъ издѣлій Робине, память о которомъ останется для него навсегда дорога. Въ его заведеніи химическихъ издѣлій, отстоявшемъ отъ Парижа въ 5 или 6 верстахъ, онъ занимался два раза въ недѣлю, употребляя собственный матеріалъ, платя за уголья и свѣчу, которой иногда требовалъ для себя, когда приходилось ночевать въ заведеніи, а произведеніе оставалось въ пользу хозяина. Англійскіе джентельмены расхвалили Іовскому частныя лекціи Готье де Глобри, преемника Вокелена; полный курсъ его стоилъ 120 фр., и слѣдовало внести половину впередъ. Половина была заплачена, но невыдержана даже и вся. Это было хорошо для праздношатающихся Англичанъ, но не могло удовлетворить добросовѣстной жаждѣ знанія. По окончаніи курса въ Парижѣ, Іовскій отправился въ Лондонъ для чисто практической цѣли. Докторъ Oleavy и Химикъ Barthélèmy взялись быть его руководителями; но въ Лондонѣ онъ нашелъ еще для своихъ цѣлей благодѣтеля въ Я. И. Смирновѣ, по слову котораго отворились многія двери, накрѣпко запертыя въ неприступномъ Лондонѣ. Въ Англіи же Іовскій окончилъ статью, написанную по требованію Г. Министра Народн. Просвѣщенія: *«О ходѣ и успѣхахъ Народнаго Просвѣщенія въ Германіи, Франціи и Англіи»* (1825 г., въ Ноябрѣ).

Послѣ трехъ-лѣтняго пребыванія въ чужихъ краяхъ, Іовскій явился въ Моск. Университетъ къ должности 1826 г. Августа 1-го; утвержденъ Адъюнктомъ для преподаванія Аналитической Химіи въ приложеніи къ Медицинѣ 1826 г. Дек. 22-го. Въ 1827 году Іовскій началъ преподаваніе Аналитической Химіи по руководству Шевалье и Пайена: Traité des réactifs, а потомъ уже руководствуясь собственными своими сочиненіями. Съ $18\frac{32}{33}$ г. онъ читалъ Общую Химію, съ половины 1835 года еще и Фармацію по руководству Шевалье Студентамъ 2-го курса; Фармакологію по Ратье и Эдвардсу и Рецептуру по Рейссу для Студентовъ 3-го курса. Съ 1836 года, по преобразованіи Университета, согласно вновь введен-

ному Уставу, читалъ Фармацію на 2 курсѣ, на третьемъ Фармакологію съ Токсикологіею, съ изъясненіемъ Минеральныхъ водъ и Рецептурою, по 184⅞ Академическій годъ включительно, когда по прошенію былъ уволенъ въ отставку.

Іовскимъ изданы: 1) *Лѣкарственникъ или Фармакологія Курта Шпренгеля*, пер. съ Лат., М. 1820 г.—2) *Руководство къ осмотру Аптекъ и прочихъ Врачебныхъ запасовъ* и проч. соч. *Іоанна Ниманна*, пер. съ Нѣм., М. 1822 г. — 3) *Начальныя основанія Химіи, изданныя сообразно новѣйшимъ открытіямъ Александромъ Іовскимъ*. 2 части., М. 1822 г. Тоже, изданіе 2-е совершенно вновь переработанное, 2 части, 1827 и 1828 г.— Автору изъявлена была благодарность Г. Министра за изданіе этихъ книгъ.—4) *О важности Химическихъ изслѣдованій въ кругу наукъ и искусствъ*, соч. Александра Іовскаго, М. 1827 г. — 5) *Дополненія къ Фармакологіи К. Шпренгеля, содержащія описаніе силы и дѣйствія вновь открытыхъ лѣкарствъ, соч. Александра Іовскаго* М. 1827 г. — 6) *Вѣстникъ Естественныхъ Наукъ и Медицины, издаваемый Александромъ Іовскимъ*, съ Мая 1828 по 1832 г. по 12 книжекъ въ годъ М. 7) *Журналъ Хозяйственной Химіи*, М. 1829 г.—Г. Министръ ободрилъ Издателя изъявленною ему благодарностію за изданіе этихъ журналовъ, въ 1829 году.—8) *Руководство къ распознаванію ядовъ, противоядій и къ вѣрнѣйшему опредѣленію первыхъ какъ въ организмѣ, такъ и внѣ онаго, посредствомъ химическихъ средствъ, названныхъ реактивными*. Москва, 1834 г. — 9) *Начертаніе общей Фармакологіи*, М. 1835 г. — 10) *Памятная книжка для занимающихся Фармаціею и Рецептурою*, М. 1837 г.—11) *Начертаніе Фармаціи*, М. 1838 г.

Кромѣ преподаванія лекцій и изданія книгъ, Іовскій имѣлъ еще слѣдующія занятія по порученіямъ Начальства. По распоряженію Комитета, учрежденнаго при Университетѣ для охраненія отъ холеры живущихъ въ оономъ и заведеніяхъ ему подвѣдомыхъ, назначенъ былъ врачемъ во временную больницу въ Университетскій Благородный Пансіонъ съ 1830 г. Сент. 19-го по 1831 г. Февр. 17-го, и по прекращеніи болѣзни получилъ Монаршее благоволеніе, 1831 г. Авг. 25-го. — Въ Январѣ 1831 г. командированъ былъ, по предложенію Г. Главнокомандующаго Москвою, чтобы изслѣдовать камень для

построекъ въ Москвѣ, близь деревни Татаровой, вмѣстѣ съ членами Строительнаго Комитета. Участвовалъ своими статьями въ изданіи Ученыхъ Записокъ Московскаго Университета, за что объявлено ему Высочайшее благоволеніе, 1834 г. Авг. 6-го.—Въ 1836 году, поручено ему было завѣдываніе Университетской Аптекою.—Г. Министръ Внутреннихъ дѣлъ, 1840 г. Дек. 10, изъявилъ совершенную признательность Профессору Іовскому за участіе въ дѣлѣ народнаго продовольствія по важности тѣхъ замѣчаній, какія представилъ онъ въ запискѣ своей по сему предмету, принятой къ соображенію при составленіи общаго проэкта преобразованія системы обезпеченія народнаго продовольствія.

ІОВСКІЙ, Петръ Алексѣевичь, Адъюнктъ по каѳедрѣ права Политическаго и Народнаго, Магистръ Нравственныхъ и Политическихъ наукъ, по смерти Профессора Цвѣтаева, съ Февраля 1835 г. читалъ Право Политическое и Народное, а въ первой половинѣ 183$\frac{5}{6}$ академическаго года Россійское Государственное Право, слѣдуя Своду Законовъ Россійской Имперіи. Въ это время онъ былъ и Секретаремъ Отдѣленія Нравственныхъ и Политическихъ наукъ. Съ новымъ образованіемъ каѳедръ Юридическаго Факультета Іовскій выбылъ изъ Московскаго Университета. Онъ издалъ: 1) *О Монархическомъ правленіи*, 1826. Москва; 2) *Элизіумъ*, альманахъ на 1832 г. М.

К.

КАВЕЛИНЪ, Константинъ Дмитріевичь, Адъюнктъ Исторіи Русскаго Законодательства, родился въ С.-Петербургѣ, въ 1818 году, 4-го Ноября. Отецъ его, Д. С. С. Кавелинъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, записаннаго сначала по Воронежской губерніи, а впослѣдствіи по Калужской губерніи. Мать—родомъ Англичанка, пресвитеріанскаго исповѣданія,—прибыла изъ Англіи четырехъ лѣтъ отъ роду, и, еще въ дѣтствѣ оставшись круглой сиротой, взята была на воспитаніе въ семейство Левашевыхъ, въ которомъ и находилась до вступленія въ замужество.—Дѣтство и юность свою Ка-

велинъ провелъ въ С. Петербургѣ (до-пяти лѣтъ), Рязани (до 11-ти лѣтъ) и въ Москвѣ. Двѣ трети этого времени онъ проводилъ лѣтомъ въ деревнѣ, Тульской губерніи въ Бѣлевскомъ уѣздѣ.—До самаго вступленія своего въ Московскій Университетъ, онъ постоянно воспитывался дома и не находился ни въ частномъ, ни въ казенномъ учебномъ заведеніи.—Въ 1835 г., Кавелинъ вступилъ по экзамену въ Московскій Университетъ по Филологическому Факультету; но вскорѣ, именно уже въ Ноябрѣ того же года, перешелъ на Юридическій Факультетъ, въ которомъ и окончилъ курсъ въ 1839 году. При выпускѣ удостоенъ степени Кандидата, получилъ золотую медаль за разсужденіе на заданную тогда тему: *«о Римскомъ владѣніи»* и право начать службу въ мѣстахъ высшаго управленія.

Черезъ годъ по выходѣ изъ Университета, въ 1840 году, Кавелинъ выдержалъ экзаменъ на степень Магистра Гражданскаго Законодательства, но защищалъ диссертацію гораздо позднѣе, именно въ 1843 году, на тему: *«Основныя начала Русскаго судоустройства и Гражданскаго судопроизводства въ періодъ времени отъ Уложенія до Учрежденія о губерніяхъ»*. Въ промежутокъ времени отъ магистерскаго экзамена до защищенія диссертаціи онъ состоялъ на службѣ въ Департаментѣ Министерства Юстиціи.

Въ 1844 году Кавелинъ удостоился чести быть принятымъ въ ученую службу при Московскомъ Университетѣ, въ званіи Адъюнкта по Юридическому Факультету. При самомъ вступленіи на каѳедру, ему поручено было преподаваніе Исторіи Русскаго Законодательства, а черезъ годъ и преподаваніе Русскихъ государственныхъ и губернскихъ учрежденій и Законовъ о Состояніяхъ Студентамъ всѣхъ Факультетовъ, кромѣ Юридическаго. — Въ изложеніи нынѣ дѣйствующихъ законовъ Кавелинъ слѣдовалъ Своду Законовъ, только сокращая его и дѣлая, гдѣ было нужно, краткія историческія обозрѣнія. Въ Исторіи же Русскаго Законодательства, главномъ предметѣ его занятій, онъ раскрывалъ студентамъ Юридическаго Факультета 1-го курса преимущественно родовыя начала Русскаго быта въ ихъ историческомъ развитіи. Первый курсъ (1844—1845 г.) былъ имъ доведенъ до царствованія

Петра Великаго; во второмъ (1845—1846) онъ успѣлъ представить и краткій очеркъ законодательства Петра Великаго въ области Государственнаго права; послѣдній учебный его курсъ (1847—1848) былъ преимущественно монографическій. Кавелинъ большую часть лекцій посвятилъ весьма подробному обозрѣнію первоначальнаго быта Славянъ и изслѣдованію происхожденія древнѣйшихъ Славянскихъ учрежденій, при чемъ пользовался данными изъ теперешняго быта Славянскихъ племенъ и историческими письменными памятниками ихъ древнѣйшей исторіи. Въ тоже время онъ отдѣлялъ одну лекцію въ недѣлю для чтенія и объясненія Студентамъ древнихъ памятниковъ Русскаго законодательства, начиная съ Русской Правды. Кавелинъ предполагалъ такимъ образомъ пройти монографически всю Исторію Русскаго законодательства и объяснить постепенно всѣ главнѣйшіе памятники нашей юридической жизни. Планъ этотъ, разсчитанный на много лѣтъ, не могъ быть приведенъ въ исполненіе за выходомъ Кавелина, въ томъ же 1848 г., изъ Московскаго Университета. Взглядъ, положенный имъ въ основаніе своего курса, представленъ въ сжатомъ очеркѣ, въ статьѣ, напечатанной въ первой книжкѣ Современника, 1847 года, въ отдѣлѣ Наукъ, подъ заглавіемъ: *«Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи»*.

Всѣ дальнѣйщіе труды Кавелина по части Русской Исторіи и Исторіи Русскаго Законодательства, во все время служенія его при Московскомъ Университетѣ, состояли въ однѣхъ критическихъ статьяхъ и рецензіяхъ о сочиненіяхъ и собраніяхъ источниковъ по этимъ предметамъ. Почти всѣ, вышедшія въ теченіе 1846, 1847 и 1848 года книги и брошюры по древней Русской Исторіи и древнему Русскому Законодательству были имъ разбираемы въ Отечественныхъ Запискахъ и въ Современникѣ.

КАЛАЧОВЪ, Николай Васильевичъ, Исправляющій должность Экстраординарнаго Профессора Исторіи Русскаго Законодательства, Магистръ Гражданскаго Законовѣдѣнія, Коллежскій Совѣтникъ, родился, 1819 г. Мая 26, старшимъ въ семействѣ, Владимірской губерніи Юрьево-Польскаго уѣзда въ селѣ Алексинѣ, въ домѣ дѣда своего.—Родъ Калачовыхъ ведетъ

свое начало отъ Посника Калачова, жившаго въ XVI и XVII вѣкѣ, дьяка Земскаго Приказа, дворцоваго ключника и Московскаго Объѣзжаго головы.* Калачовы владѣли издревле помѣстьями и вотчинами и внесены въ шестую часть дворянской Родословной Книги. Покойный отецъ Калачова, Василій Андреевичь оставилъ военную службу Штабсъ-Капитаномъ Артиллеріи и служилъ по выборамъ Предводителемъ Дворянства Юрьевскаго уѣзда. Большую часть жизни своей провелъ онъ въ родовомъ имѣніи своемъ Владимірской губерніи Юрьево-Польскаго уѣзда, въ сельцѣ Вескѣ. Здѣсь Калачовъ провелъ почти все свое дѣтство. Здѣсь получилъ и первоначальное образованіе подъ бдительнымъ надзоромъ родителей, при пособіи иностранныхъ наставниковъ, которые постоянно жили въ домѣ. Къ числу ихъ принадлежалъ Докторъ Философіи Гегерманъ, оставившій въ своемъ питомцѣ память уваженія и любви. Онъ первый поселилъ въ Калачовѣ наклонность къ историческимъ занятіямъ, заставляя его читать Тита Ливія, то на Латинскомъ языкѣ, то въ Нѣмецкомъ переводѣ, хотя ему было тогда не болѣе 12 лѣтъ. Когда же онъ уѣхалъ за границу, то Калачовъ былъ отвезенъ въ Москву и отданъ въ Пансіонъ Чермака, гдѣ впрочемъ находился недолго. Въ 1833 году помѣстили его въ бывшій Московскій Дворянскій Институтъ. Здѣсь, подъ руководствомъ В. С. Межевича, Калачовъ съ особенною любовью занимался отечественною словесностью и потому готовился въ Университетъ по Словесному Факультету, а для того, кромѣ Латинскаго языка, сталъ заниматься и Греческимъ. Но когда окончилъ курсъ въ Дворянскомъ Институтѣ (въ 1836 г.), то, исполняя желаніе отца, поступилъ не въ Словесный, а въ Юридическій факультетъ Московскаго Университета. Время поступленія сюда всегда ему было очень памятно по наставшей для него совершенно новой жизни не только въ отношеніи къ ученымъ занятіямъ, но и въ обществѣ. Первые шесть мѣсяцевъ Университетскаго ученія онъ жилъ въ домѣ Директора Московскаго Дворянскаго Института С. Я. Унковскаго, которому

* См. Акт. историч. изд. Археограф. Коммиссі й, т. II, № 234; т. III. № 92 и Дворц. разряды. изд. II Отд. Канц. Е. И. В. т. II.

обязанъ не только самою нѣжною заботливостью о его нравственномъ направленіи, но также первымъ знакомствомъ съ Англійскимъ языкомъ и съ произведеніями Англійской Литературы въ подлинникахъ. Основательное преподаваніе наукъ юридическихъ и историческихъ въ Московскомъ Университетѣ вызвало въ Калачовѣ рѣшительную наклонность къ историко-юридическимъ занятіямъ, которымъ онъ и посвятилъ себя на будущее время.

Въ Университетѣ окончилъ курсъ въ 1840 году, и тогда же, по рекомендаціи М. П. Погодина, былъ принятъ на службу въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія самимъ, бывшимъ тогда въ Москвѣ, Министромъ Народнаго Просвѣщенія, графомъ С. С. Уваровымъ, который сначала откомандировалъ его для занятій въ состоящую при Департаментѣ Археографическую Коммиссію, а потомъ опредѣлилъ Чиновникомъ этой Коммиссіи. Здѣсь открылось для Калачова новое поле археографическихъ занятій. Подъ наблюденіемъ самого Предсѣдателя Коммиссіи, впослѣдствіи Министра Народнаго Просвѣщенія, онъ вскорѣ научился разбирать старинные почерки, и это самое возбудило въ немъ наклонность къ отысканію древнихъ матеріаловъ для отечественной исторіи и права. Между тѣмъ полученное въ Университетѣ направленіе къ историко-юридическимъ наукамъ побуждало его продолжать начатыя теоретическія занятія по этой части. Разбирая древніе Русскіе памятники, онъ сталъ въ то же время готовиться для полученія степени Магистра по Юридическому Факультету, съ цѣлью немедленно по полученіи этой степени отправиться за границу для изученія нѣкоторыхъ Славянскихъ нарѣчій и памятниковъ Славянской старины. Но вскорѣ обстоятельства во многомъ измѣнили его предположенія. Въ 1843 году, когда онъ пріѣхалъ опять въ Москву держать экзаменъ на Магистра, скончался отецъ его; почему на него, какъ на старшаго въ семействѣ, пали всѣ хозяйственныя заботы и попеченія о младшихъ братьяхъ. Выдержавъ магистерскій экзаменъ, онъ поспѣшилъ ознакомиться съ сельскимъ хозяйствомъ тѣхъ губерній, гдѣ находились родовыя имѣнія. Отдаленность нѣкоторыхъ изъ этихъ имѣній отъ Москвы принудила его оставить службу въ Археографической Коммиссіи, такъ что

въ теченіи трехъ лѣтъ не было ему никакой возможности думать о ея возобновленіи. Лишь въ 1846 году онъ могъ опять поступить на службу, но не въ Петербургѣ, а въ Москвѣ, гдѣ все таки было необходимо его присутствіе для его семейства; почему самому онъ тогда же принялъ мѣсто Библіотекаря въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Въ томъ же 1846 году онъ защищалъ въ Московскомъ Университетѣ Магистерскую диссертацію «*О Русской Правдѣ*», и вновь поступилъ чиновникомъ въ Археографическую Коммиссію съ откомандированіемъ для археографическихъ занятій въ Москву. Въ продолженіи трехъ лѣтъ, проведенныхъ на службѣ въ Московскомъ Архивѣ, онъ имѣлъ превосходный случай ознакомиться съ хранящимися здѣсь богатыми матеріалами Русской Исторіи, а отыскиваемые вновь изъ нихъ доставлялъ въ Археографическую Коммиссію. Въ 1847 году Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ избрало его въ свои Дѣйствительные Члены; а въ 1848 году, когда въ Московскомъ Университетѣ каѳедра Исторіи Русскаго Законодательства, за отбытіемъ К. Д. Кавелина, осталась праздною, Калачовъ былъ опредѣленъ на его мѣсто, что̀ самое заставило его отказаться отъ службы въ Архивѣ, не оставляя впрочемъ службы въ Археографической Коммиссіи. Въ 1851 году Калачовъ былъ сдѣланъ Членомъ сей Коммиссіи, а въ 1852 г. вмѣстѣ съ порученіемъ ему изданія: «Дополненія къ актамъ юридическимъ», разрѣшено было г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія отправиться на свой счетъ въ археографическое путешествіе по Россіи для отысканія историческихъ и юридическихъ матеріаловъ, съ оставленіемъ также Исправляющимъ должность Экстраординарнаго Профессора въ Московскомъ Университетѣ. Съ Августа мѣсяца этого года онъ объѣхалъ губерніи Орловскую, Владимірскую и Саратовскую. Описаніе путешествія и найденныхъ имъ матеріаловъ, преимущественно юридическаго содержанія, сдѣлано частію въ отдѣльной статьѣ, подъ названіемъ: «*Историческія замѣтки, собранныя въ Орлѣ и Мценскѣ*», частію въ особыхъ донесеніяхъ о путешествіи г. Предсѣдателю Археографической Коммисіи. Лѣтомъ 1853 года объѣхалъ губерніи Самарскую, Тамбовскую и Рязанскую.

Что касается до преподаванія науки въ Университетѣ — до 1852 г., когда отправился въ археографическое путешествіе, Калачовъ читалъ въ одно время и Исторію Русскаго Законодательства и объясненіе, по выбору, важнѣйшихъ юридическихъ памятниковъ Русской старины. Послѣднее было предпринято по желанію самаго бывшаго Министра Народнаго Просвѣщенія, Графа С. С. Уварова. Съ 1852 г., такъ какъ, по причинѣ продолжающагося путешествія, преподаваніе Исторіи Русскаго законодательства поручено было другому, Калачовъ читалъ только «критическое обозрѣніе памятниковъ Исторіи Русскаго Законодательства,» на 4-мъ курсѣ Юридич. Факультета.

Преподавая Исторію Русскаго Законодательства въ продолженіи четырехъ лѣтъ, онъ имѣлъ преимущественно въ виду знакомить студентовъ съ такъ называемою внѣшнею Исторіею, или съ обозрѣніемъ источниковъ, какъ матеріаловъ для Исторіи Русскаго Законодательства въ собственномъ смыслѣ. Поэтому послѣдняя, извѣстная подъ названіемъ внутренней, была читана имъ только въ очеркѣ, съ указаніемъ на существенныя черты и явленія каждаго ея періода въ отдѣльности. Краткое изложеніе этой части Исторіи Русскаго Законодательства онъ предпочиталъ подробному, частію по причинѣ ея необработанности и неустановившагося окончательно взгляда на разныя явленія Русской древней жизни, частію по недостатку времени, которое не позволяло вдаваться въ подробности при изложеніи предмета молодымъ людямъ, только что вступившимъ въ Университетъ и слишкомъ мало знакомымъ съ самими его источниками. Такимъ образомъ, обращая главное вниманіе на сіи послѣдніе, Калачовъ имѣлъ въ виду, что, ознакомившись съ ними, студенты впослѣдствіи, и безъ его руководства, будутъ имѣть всѣ средства къ самостоятельному изученію и разработкѣ излагаемаго имъ предмета. Но смотря съ этой точки зрѣнія на важность болѣе подробнаго преподаванія внѣшней Исторіи Русскаго Законодательства и считая сообщенныя имъ свѣдѣнія относительно внутренней Исторіи для студентовъ 1-го курса достаточными, онъ не могъ однако не коснуться нѣкоторыхъ выводовъ, кои собственно относятся къ внутренней Исторіи, но также удобно могутъ быть предлагаемы и при обозрѣніи внѣшней. Такъ,

разсматривая разные памятники, принадлежащіе къ одному и томуже времени, онъ считалъ долгомъ указывать иногда на существенныя черты этого времени и на тѣ начала, которыя ярко выражаются во всѣхъ составленныхъ подъ вліяніемъ ихъ источникахъ права и живо характеризуютъ бытъ и духъ эпохи, куда относятся. Такой способъ преподаванія заставлялъ его дѣлить Исторію Русскаго Законодательства на періоды преимущественно по различію важнѣйшихъ памятниковъ, имѣвшихъ у насъ обязательную силу въ то или другое время. Отдѣливъ періодъ Варягорусскій, какъ это сдѣлано было Эверсомъ, подъ названіемъ древнѣйшаго Русскаго права, слѣдующій за тѣмъ первый періодъ со 2-й половины XI вѣка онъ продолжалъ до вступленія на Московскій Великокняжескій престолъ В. К. Іоанна Васильевича III. Это было время, въ теченіи котораго дѣйствовали Русская Правда и близко подходящія къ ней грамоты, уставныя и судныя, XIV и XV вѣка. За тѣмъ оба Судебника, съ дополнительными къ нимъ статьями и Кормчей, слившіеся въ Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича, признавались за принадлежащія къ одному и тому же періоду Русской жизни, раздѣленному только на два отдѣла по различію между Судебниками и Уложеніемъ. Но какъ самые Судебники еще во многомъ отражаютъ въ себѣ начала предъидущаго времени и даже мѣстами буквально сходны съ предшествующими имъ памятниками, то всему пространству времени съ половины XI вѣка по 1696 годъ, или до единодержавія Петра Великаго, по справедливости принадлежитъ названіе *древней* Исторіи Русскаго Законодательства. Начиная же съ Петра Великаго, узаконеніями котораго открывается новая Исторія Законодательства, до послѣдняго времени, Калачовъ разсматривалъ почти исключительно одни законодательные памятники, въ хронологическомъ порядкѣ изданія ихъ въ свѣтъ, приводя только содержаніе ихъ въ систематическую связь для бо̀льшей краткости и ясности изложенія.

Второй предметъ преподаванія Калачова въ Университетѣ— критическое обозрѣніе и разборъ памятниковъ Исторіи Русскаго Законодательства—имѣетъ, какъ извѣстно, два способа изложенія. Одинъ изъ нихъ заключается въ томъ, что изби-

рается какой нибудь одинъ памятникъ, который объясняется по статьямъ. Другой способъ предполагаетъ разборъ нѣсколькихъ памятниковъ вмѣстѣ, которые сличаются между собою и поясняются одинъ другимъ. Какъ ни различны между собою могутъ казаться оба эти способа, но на самомъ дѣлѣ они существенно сходны. Объясняя какой нибудь одинъ памятникъ, наприм. Русскую Правду, нельзя оставить безъ вниманія другіе современные ей источники, которые поясняютъ ее и наоборотъ сами ею поясняются, точно также какъ нельзя не коснуться, для сличенія съ Русской же Правдой, памятниковъ предъидущаго и послѣдующаго періодовъ. Но-что, при такомъ способѣ преподаванія, дѣлается собственно для объясненія только Русской Правды, то же самое, при другомъ способѣ, дѣлается для объясненія многихъ памятниковъ вмѣстѣ. Впрочемъ нельзя не отдать преимущества послѣднему способу, т. е. разбору нѣсколькихъ современныхъ памятниковъ вмѣстѣ, на томъ основаніи, что здѣсь возможно болѣе систематическое изложеніе выражающихся въ нихъ главныхъ началъ и явленій эпохи, къ которой они принадлежатъ. Такимъ образомъ разборъ нѣсколькихъ памятниковъ, вмѣстѣ взятыхъ, дѣлается самостоятельною, живою частью или отдѣломъ Исторіи Русскаго Законодательства вообще, и притомъ дѣлится на двѣ половины, изъ коихъ одна есть обозрѣніе памятниковъ съ ихъ внѣшней стороны, а другая въ отношеніи къ ихъ внутреннему содержанію.

Руководствуясь сначала первымъ способомъ преподаванія, Калачовъ объяснялъ Студентамъ, начиная съ самаго перваго года вступленія въ Университетъ, Договоры Русскихъ Князей съ Греками, Русскую Правду и нѣкоторыя отдѣльныя главы Уложенія Царя Алексѣя Михайловича, а руководствуясь вторымъ способомъ, въ 1851—52 академическомъ году, разсматривалъ нѣкоторые избранные имъ памятники XVII вѣка, изданные въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ. На будущее же время, ограничиваясь исключительно обозрѣніемъ и разборомъ Русскихъ древнихъ памятниковъ, какъ отдѣльнымъ предметомъ, онъ будетъ имѣть возможность на каждомъ новомъ академическомъ курсѣ, объяснять памятники какого либо отдѣльнаго столѣтія, начиная съ древнѣйшаго времени и

продолжая такое объясненіе въ хронологическомъ порядкѣ столѣтій.

Кромѣ Исторіи Русскаго Законодательства и критическаго обозрѣнія памятниковъ, читаннаго въ продолженіи четырехъ лѣтъ, Калачовъ читалъ еще Студентамъ Историко-Филологическаго, Математическаго и Медицинскаго Факультетовъ «Государственныя и Губернскія Учрежденія» и «Законы о состояніяхъ». При изложеніи этихъ предметовъ, онъ руководствовался исключительно Сводомъ Законовъ Россійской Имперіи, изданія 1842 г. и вышедшими къ нему Продолженіями, дозволяя себѣ только иногда приводить въ систему и въ слѣдствіе этого соединять статьи, находящіяся въ разныхъ мѣстахъ Свода.

Первые опыты литературной дѣятельности Калачова состояли въ сочиненіяхъ и рѣчахъ, читанныхъ отъ 1834 — 1835 г. г. на языкахъ Нѣмецкомъ, Латинскомъ и Русскомъ въ Московскомъ Дворянскомъ Институтѣ, изъ коихъ нѣкоторыя были напечатаны въ «Рѣчахъ,» произнесенныхъ на актахъ этого заведенія въ 1834 и 1835 годахъ. Въ продолженіи двухъ послѣднихъ лѣтъ Университетскаго ученія онъ занимался статьей «*О Судебникѣ Царя Іоанна Васильевича*,» которая была впослѣдствіи напечатана въ «Юридическихъ Запискахъ», изданныхъ Профессоромъ Рѣдкинымъ, въ 1-мъ и 2-мъ томѣ. — Переселившись въ Петербургъ и принявъ участіе въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и въ Отечественныхъ Запискахъ, Калачовъ доставлялъ въ эти журналы преимущественно статьи критическаго содержанія, разбирая выходившія вновь книги по Русской исторіи и Праву. Тогда же въ «Маякѣ» онъ напечаталъ переводъ Италіянскаго писателя Чилли о Димитріи Самозванцѣ, съ предисловіемъ объ иностранныхъ писателяхъ, относящихся до Русской исторіи вообще. Въ 1846 году были изданы Калачовымъ въ Москвѣ: «*Текстъ Русской Правды, на основаніи четырехъ списковъ разныхъ редакцій*», перепечатанный вторымъ изданіемъ въ 1847 году, и первая часть «*Изслѣдованій о Русской Правдѣ.*» Это была диссертація для полученія степени Магистра Гражданскаго Законовѣдѣнія, о которой упомянуто уже выше. Въ 1847 году, въ Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ помѣщено было изслѣдованіе: «*О Кормчей книгѣ*,»

вышедшее впослѣдствіи (въ 1850 году) отдѣльной книгой. Въ томъ же 1847 и 1848 году Калачовъ занимался редакціей «*Иностранныхъ сочиненій и актовъ, относящихся до Россіи,*» собранныхъ Княземъ М. И. Оболенскимъ, которые помѣщались также въ Чтеніяхъ, и въ то же время издавались отдѣльными выпусками, коихъ вышло въ свѣтъ четыре. Оставаясь съ тѣхъ поръ постоянно въ Москвѣ, Калачовъ принималъ участіе въ Москвитянинѣ и Московскихъ Вѣдомостяхъ, гдѣ помѣщалъ разборы выходящихъ вновь книгъ историческаго и юридическаго содержанія. Въ 1850 году издана имъ 1-я книга «*Архива историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи,*» предпринятаго въ видѣ сборника, имѣющаго выходить безсрочно; вторая книга этого изданія вышла въ 1854 году. Но главнымъ занятіемъ Калачова въ теченіи послѣднихъ пяти лѣтъ было собираніе матеріаловъ для разсужденія «*О сошномъ письмѣ въ древней Россіи,*» которое готовится теперь къ печати. Съ 1852 года къ этому труду присоединилось еще собираніе матеріаловъ для «*Дополненія къ актамъ юридическимъ,*» котораго изданіе поручено ему Археографической Коммиссіей.

√**КАЛИНОВСКІЙ,** Яковъ Николаевичъ, Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства Экстраординарный Профессоръ, Надворный Совѣтникъ, изъ дворянъ, Православнаго исповѣданія, родился въ гор. Екатеринославлѣ, 1814 года, Октября 9-го. По окончаніи полнаго курса ученія въ Екатеринославской Гимназіи, онъ поступилъ, въ 1831 году, въ число Студентовъ Харьковскаго Университета, по Медицинскому Факультету, откуда, въ 1836 году, выпущенъ Лѣкаремъ 1-го Отдѣленія.—1837 года Января 11-го, съ разрѣшенія Г. Начальника Главнаго Морскаго Штаба Его Императорскаго Величества, онъ опредѣленъ въ службу Лѣкаремъ по Морскому Вѣдомству и помѣщенъ въ 22-й флотскій экипажъ, а 1838 года Февраля 17-го уволенъ, по прошенію, отъ службы Морскаго Вѣдомства.

Практическія медицинскія занятія ему не понравились: по этому онъ оставилъ службу, и съ 1838 по 1842 годъ, путешествовалъ, на собственномъ иждивеніи, за границею, съ цѣлію усовершенствовать себя въ тѣхъ наукахъ, къ кото-

рымъ онъ имѣлъ болѣе влеченія. Онъ посѣщалъ Университетскіе курсы въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Мюнхенѣ, Галле, Виттенбергѣ и Гейдельбергѣ. Въ Берлинѣ, онъ слушалъ: Химію—у Митчерлиха, Генриха Розе и Маршана, Минералогію—у Густава Розе, Физику—у Дове и Магнуса, Технологію—у Магнуса, микроскопическія наблюденія надъ инфузоріями — у Эренберга, Ботанику—у Линка и Кунта, Физіологію растеній—у Мейена, съ которымъ онъ находился въ постоянныхъ дружественныхъ отношеніяхъ, занимаясь у него въ особенности микроскопическими наблюденіями надъ внутреннимъ строеніемъ растеній. Въ Мюнхенѣ, онъ слушалъ курсъ Ботаники у Марціуса, пользуясь рѣдкимъ гербаріемъ этого знаменитаго ученаго путешественника. Въ Гейдельбергѣ, онъ продолжалъ практическія занятія Ботаникою у Бишофа, слушалъ полный курсъ Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства у знаменитаго Рау, и сверхъ того подъ руководствомъ извѣстнаго ученаго агронома-практика Мецгера, практически знакомился съ подробностями тамошняго сельскаго хозяйства. Въ письмахъ своихъ изъ Гейдельберга, помѣщенныхъ въ Московскомъ Земледѣльческомъ Журналѣ, онъ описалъ Баденское Общество Сельскаго Хозяйства и состояніе сельской промышленности въ Рейнпфальцѣ. Въ 1842 году, онъ избранъ въ Почетные Члены Велико-Герцогскаго Баденскаго Общества Сельскаго Хозяйства.

По положенію Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, удостоенному Высочайшаго утвержденія 12-го Іюня 1842 года, Калиновскій, на иждивеніи Общества, отправился изъ Берлина, въ Гогенгеймскій высшій Земледѣльческій Институтъ, на два года, для усовершенствованія себя въ теоріи и практикѣ Сельскаго Хозяйства, съ тѣмъ, чтобы, по возвращеніи въ Москву, занять мѣсто Директора или Земледѣльческой Школы или Учебнаго опытнаго хутора, подвѣдомственныхъ Обществу, и вмѣстѣ съ тѣмъ преподавать Сельское Хозяйство ученикамъ Земледѣльческой Школы.

Въ теченіе двухъ лѣтъ, проведенныхъ въ Гогенгеймѣ, находящемся близъ Штутгардта, Калиновскій изучалъ теорію и практику Сельскаго Хозяйства, подъ главнымъ руководствомъ бывшаго въ то время Директоромъ этого Института, фонъ Веккерлина, знаменитаго ученаго агронома, автора и извѣст-

нѣйшаго практическаго сельскаго хозяина, въ особенности скотовода; собственно технику Сельскаго Хозяйства изучалъ Калиновскій у Инспектора тамошней фермы, Гинца, бывшаго воспитанника земледѣльческой школы во времена незабвеннаго Шверца, и потомъ практически изучавшаго Сельское Хозяйство въ Белгіи; техническимъ сельско-хозяйственнымъ производствомъ, какъ-то винокуреніемъ и т. д., занимался Калиновскій подъ руководствомъ извѣстнаго въ ученомъ мірѣ своимъ практическимъ знаніемъ Профессора Сельской Технологіи Сименса; практическими занятіями въ Сельской Бухгалтеріи руководилъ его Совѣтникъ Экономіи Шмидтъ, извѣстный писатель по части Сельскаго Хозяйства; теоретическую часть Сельскаго Хозяйства слушалъ онъ у Профессора Гёрица, Скотоводство—у самаго Директора Веккерлина; Садоводство и Огородничество изучалъ онъ у Лукаса; организацію превосходной крестьянской земледѣльческой школы, самобытно существующей при Гогенгеймскомъ Институтѣ, онъ изучалъ во всей подробности у почтеннаго Директора этой Школы, Шлипфа, извѣстнаго автора популярнаго Курса Сельскаго Хозяйства.

Такимъ образомъ, проходя полный теоретическій и практическій курсъ Сельскаго Хозяйства и обращая особенное вниманіе на все замѣчательное въ образцовой Гогенгеймской фермѣ и наиболѣе примѣнимое къ нашимъ отечественнымъ потребностямъ, Калиновскій посылалъ подробные отчеты въ Общество о своихъ занятіяхъ, которые, равно какъ и его статья: *О воздѣлываніи табаку*, помѣщены въ Московскомъ Земледѣльческомъ Журналѣ за 18⁴²⁄₄₃ г. По окончаніи же полнаго двухъ-лѣтняго курса ученія въ Гогенгеймскомъ Институтѣ, онъ добровольно подвергался экзамену, установленному для воспитанниковъ, окончившихъ курсъ наукъ въ этомъ высшемъ сельско-хозяйственномъ учебномъ заведеніи.

Въ 1844 году, Императорское Московское Общество Сельскаго Хозяйства, согласно съ предложеніемъ своего Президента Его Свѣтлости Кн. Д. В. Голицына, опредѣлило: продлить пребываніе Калиновскаго за границею, сверхъ назначенныхъ для его ученія двухъ лѣтъ, еще на одинъ годъ, преимущественно для практическихъ занятій по Сельскому Хозяйству и для

обозрѣнія сельскаго хозяйства въ Белгіи и другихъ земляхъ на возвратномъ пути въ Россію. Въ слѣдствіе этого опредѣленія, Калиновскій обозрѣвалъ извѣстнѣйшія хозяйственныя учебныя заведенія: Тарандтъ, Меглинъ и проч. и замѣчательныя хозяйства въ Германіи, Швейцаріи и Белгіи; въ г. Ельвангенѣ, въ Виртембергскомъ Королевствѣ, онъ изучалъ организацію тамошней крестьянской земледѣльческой школы, которая пріобрѣла всеобщую извѣстность неусыпными трудами и рѣдкою практическою опытностію ученаго ея Директора, Вальца, въ настоящее время завѣдывающаго Гогенгеймскимъ Институтомъ. Калиновскій и до сихъ поръ съ признательностію вспоминаетъ искреннее радушіе и всегдашнюю готовность, съ какими многоуважаемый Директоръ Вальцъ принималъ его въ своемъ домѣ и сообщалъ ему всѣ свѣдѣнія и подробности относительно Ельвангенской школы и вообще состоянія многосторонней сельской промышленности тамошней мѣстности.

Калиновскій принималъ также участіе въ годичныхъ съѣздахъ Германскихъ ученыхъ агрономовъ, гдѣ имѣлъ честь познакомиться съ корифеями Сельск. Хозяйства Пабстомъ, Коппе и многими другими; по приглашенію Коппе, онъ подробно осматривалъ замѣчательное его хозяйство, находящееся въ Пруссіи.

Коротко познакомившись, еще въ Берлинѣ, съ Профессоромъ Химіи Маршаномъ и занимавшись тамъ химическими анализами въ его лабораторіи, Калиновскій съ великимъ удовольствіемъ встрѣтилъ, въ 1845 году, своего достойнѣйшаго и благосклоннаго наставника въ Галле, гдѣ Маршанъ занялъ въ Университетѣ каѳедру Химіи и устроилъ превосходную лабораторію. Калиновскій, знакомясь съ сельскою промышленностію тамошняго края и обозрѣвая тамъ знаменитые крахмальные заводы, занялся, между прочимъ, подъ руководствомъ Маршана, въ его лабораторіи, химическими изслѣдованіями *«надъ дѣйствіемъ концентрированной сѣрной кислоты на крахмалъ»*; они были помѣщены въ Журналѣ Практической Химіи, издаваемомъ Эрдманомъ и Маршаномъ. — Въ это же время, по предварительномъ испытаніи и представленіи диссертаціи: *«О свойствахъ крахмала и его добываніи»* въ Философскій Факультетъ Галле-Виттенбергскаго Университета, Калиновскій

удостоенъ отъ него степени Доктора Философіи по отдѣленію Естественныхъ Наукъ. Вслѣдъ за тѣмъ, Общество Испытателей Природы въ Галле избрало его въ свои Дѣйствительные Члены.

По возвращеніи своемъ въ Россію, въ 1845 году, Калиновскій командированъ былъ, отъ Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, въ южныя наши губерніи, для ближайшаго знакомства съ отечественною сельскою промышленностію. По окончаніи этой агрономической поѣздки, онъ представилъ Обществу отчетъ объ исполненіи возложеннаго на него порученія. Но такъ какъ, еще до пріѣзда его изъ за границы, должности Директоровъ Земледѣльческой Школы и учебнаго Опытнаго Хутора были замѣщены другими лицами, то онъ, съ согласія Общества, перешелъ въ Вѣдомство Министерства Народнаго Просвѣщенія и въ 1846 г. Авг. 6-го, съ разрѣшенія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, опредѣленъ Исправляющимъ должность Профессора въ Ярославскомъ Демидовскомъ Лицеѣ. Въ 1847 г., по предварительномъ испытаніи и публичномъ защищеніи диссертаціи въ Харьковскомъ Университетѣ: *«О наружныхъ признакахъ рогатаго скота, относительно его способности къ работѣ, молочности, откармливанія на мясо и приплоду»*, Калиновскій утвержденъ Магистромъ Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства. Въ этомъ же году, Калиновскій издалъ въ свѣтъ два разсужденія: 1) *«О необходимости учрежденія въ Россіи высшихъ сельско-хозяйственныхъ институтовъ для дворянскаго сословія»* и 2) *«О крестьянскихъ земледѣльческихъ школахъ въ Виртембергѣ»*, а Императорское Вольное Экономическое Общество удостоило избрать его въ свои Члены-Корреспонденты. Въ 1849 году, онъ утвержденъ Профессоромъ Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства въ Ярославскомъ Демидовскомъ Лицеѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, перемѣщенъ, по прошенію, въ Почетные Смотрители Юрьевскихъ Училищъ. 1853 года, Мая 5-го, Калиновскій, за выслугу лѣтъ, пожалованъ въ Надворные Совѣтники. — 17-го Сентября того же года, онъ удостоенъ званія Экстраординарнаго Профессора Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, съ увольненіемъ отъ прежней должности. Въ 1854 году Московское Общество

Испытателей Природы избрало его въ свои Дѣйствительные Члены.

КАМЕНЕЦКІЙ, Титъ Алексѣевичъ, Магистръ, Адъюнктъ Географіи и Статистики, Директоръ Московскаго Коммерческаго Училища, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ, родился въ 1790 году; первоначальное образованіе получилъ сперва въ Академической, а потомъ въ Губернской Гимназіи, по окончаніи курса въ которой поступилъ Студентомъ въ Московскій Университетъ (1808). Въ 1811 году, онъ удостоенъ степени Кандидата, а въ 1815 г. степени Магистра. Географія и Статистика были, въ теченіи многихъ лѣтъ, предметами специальнаго его изученія. Познанія его по этой отрасли наукъ были оцѣнены наставникомъ его, Проф. Гейномъ, и даже, прежде утвержденія своего въ ученой степени, Каменецкій допущенъ былъ къ чтенію лекцій по упомянутымъ предметамъ въ Университетѣ для гражданскихъ чиновниковъ, службою обязанныхъ, сперва въ званіи преподавателя, а съ 1817 года въ званіи Адъюнкта. Съ 1816 года онъ кромѣ того читалъ публичныя лекціи Всеобщей и Россійской Географіи, продолжавшіяся до самаго выхода его изъ Университета (1824). Плодомъ этихъ занятій его по Географіи было между прочимъ изданіе *Руководства къ Географіи*, безъ сомнѣнія лучшаго въ свое время и еще недавно употреблявшагося во многихъ училищахъ Имперіи и въ частномъ преподаваніи. Специальныя познанія его доставили ему между прочимъ мѣсто Учителя Географіи, Исторіи и Статистики въ Московскомъ Коммерческомъ Училищѣ (1815), въ которомъ, чрезъ три года потомъ, по повелѣнію въ Бозѣ почившей Императрицы Маріи Ѳеодоровны, сдѣланъ былъ Директоромъ; эту должность занималъ онъ съ честію въ продолженіи 20 лѣтъ, а преподавателемъ въ томъ же Училищѣ былъ 19 лѣтъ. Изъ его сочиненій ученое значеніе имѣетъ разсужденіе: *О началѣ, обширности и вспомогательныхъ средствахъ Англійской торговли*, написанное въ 1815 году для полученія степени Магистра Словесныхъ наукъ. Его занятія въ Университетѣ не ограничивались впрочемъ однимъ преподаваніемъ Географіи и Статистики: до нашествія непріятеля онъ препода-

валъ въ тогдашней Академической Гимназіи Нѣмецкій языкъ; во время нашествія Наполеона, онъ сопровождалъ въ Нижній Новгородъ Студентовъ Университета и воспитанниковъ Московской Академической Гимназіи и надзиралъ за ними до самаго ихъ возвращенія; въ 1817 году назначенъ былъ надзирателемъ курсовъ, преподаваемыхъ въ Университетѣ для гражданскихъ чиновниковъ. За всѣ эти разнообразныя занятія получалъ различныя награды, какъ по представленію Университетскаго Начальства, такъ и въ особенности отъ Высочайшихъ Особъ, подъ покровительствомъ которыхъ находилось Коммерческое Училище. Университетъ оставилъ Каменецкій въ чинѣ Надворнаго Совѣтника; но съ выходомъ его въ отставку не вполнѣ разорвалъ связь свою съ заведеніемъ, которому онъ обязанъ былъ своимъ воспитаніемъ и которому посвящалъ труды свои въ продолженіе многихъ лѣтъ: чрезъ два мѣсяца онъ избранъ былъ Дѣйствительнымъ Членомъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, состоящаго при Университетѣ. Послѣднія шесть лѣтъ жизни своей онъ состоялъ въ званіи Помощника Оберъ-Директора Коммерческаго Училища и Члена Совѣта сего заведенія. Скончался 7-го Ноября 1844 года.

Капустинъ, Михаилъ Николаевичъ, Адъюнктъ и Магистръ Общенароднаго Права, родился въ 1828 году, 11-го Января. Отецъ его, происходившій изъ Запорожскихъ Казаковъ, по выходѣ въ отставку изъ военной службы, переѣхалъ въ Екатеринославскую Губернію, гдѣ и записанъ былъ въ родословную дворянскую книгу по Александровскому уѣзду. Первое воспитаніе Капустинъ получилъ въ Екатеринославлѣ, сначала въ частномъ пансіонѣ одного иностранца, а потомъ въ Гимназіи, гдѣ, по окончаніи курса, награжденъ золотою медалью. Изъ Гимназіи, въ 1845 году, поступилъ въ Московскій Университетъ по Юридическому факультету; здѣсь слушалъ, кромѣ Профессоровъ, теперь занимающихъ каѳедры, лекціи П. Г. Рѣдкина и К. Д. Кавелина. При выпускѣ въ 1845 году, удостоенъ степени Кандидата и тогда же поступилъ Преподавателемъ Законовѣдѣнія въ Московскую 3-ю Реальную Гимназію, при первоначальномъ введеніи этого пред-

мета въ Гимназіяхъ; кромѣ Общихъ Законовъ, по особому устройству Реальной Гимназіи, преподавалъ въ ней курсъ Торговыхъ Законовъ. — Въ концѣ 1850 года, Капустинъ выдержалъ экзаменъ на степень Магистра Общенароднаго Правовѣдѣнія, диссертацію же защищалъ въ Апрѣлѣ 1852 года на тему: *«Дипломатическія сношенія Россіи съ Западною Европою во 2-й половинѣ XVII вѣка»*. Въ Сентябрѣ того-же года, по представленію Начальства, удостоенъ чести быть допущеннымъ къ чтенію Общенароднаго Права въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, съ званіемъ Исправляющаго должность Адъюнкта; въ 1853 году утвержденъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ степени Магистра и въ званіи Адъюнкта по занимаемой каѳедрѣ. — Сверхъ общихъ занятій, Капустинъ состоялъ въ должности Секретаря Совѣта въ Гимназіи и занимаетъ должность Секретаря Юридическаго Факультета въ Университетѣ.

Въ изложеніи Науки Общенароднаго Права Капустинъ слѣдуетъ направленію историческому, основывая свои выводы и положенія на трактатахъ и положительныхъ законахъ и руководствуясь какъ общими собраніями Мартенса, Шёлля, Кюсси, Мургарда и Гардена, такъ и тѣми актами внѣшнихъ сношеній Россіи, которые обнародованы Правительствомъ въ Полномъ Собраніи Законовъ и другихъ оффиціальныхъ изданіяхъ. На дѣятельное участіе Россіи въ сферѣ международныхъ сношеній обращается особое вниманіе при изложеніи.

Кромѣ диссертаціи на степень Магистра, напечатанной въ 1852 году, Капустинъ не издавалъ въ свѣтъ отдѣльныхъ монографій; всѣ труды его ограничивались небольшими статьями и рецензіями юридическихъ книгъ, напечат. въ Моск. Губ. Вѣд. 1848 г., въ Москвитянинѣ отъ 1848—1852 г. и въ Моск. Вѣдомостяхъ 1851 года, безъ означенія имени, подъ буквами М. К. Въ настоящее время Капустинъ готовитъ къ изданію въ свѣтъ сочиненіе: *«Объ осмотрѣ и обыскѣ по началамъ Международнаго Права.»*

КАТКОВЪ, Михаилъ Никифоровичъ, Адъюнктъ Философіи и Магистръ Русской Словесности, Редакторъ Московскихъ Вѣдомостей, издаваемыхъ при Университетѣ, Коллежскій Со-

вѣтникъ, сынъ Титулярнаго Совѣтника, родился въ Москвѣ въ 1818 г. Рано лишившись отца, онъ, вмѣстѣ съ младшимъ братомъ, всѣмъ своимъ воспитаніемъ и дальнѣйшимъ образованіемъ обязанъ любви и самопожертвованію матери, урожденной Тулаевой. Ею самою, или подъ ея надзоромъ, были преподаны ему первые уроки. Впослѣдствіи учился онъ нѣкоторое время въ Преображенскомъ Сиротскомъ училищѣ, потомъ около года въ 1-й Московской Гимназіи; наконецъ поступилъ въ пансіонъ Профессора М. Г. Павлова. Въ этомъ заведеніи, отличавшемся какъ общимъ своимъ устройствомъ, такъ и учебною частію, онъ кончилъ приготовительный къ Университету курсъ ученія. Въ 1834 году поступилъ въ Московскій Университетъ по Словесному (нынѣ Историко-Филологическому) Отдѣленію; въ 1838 г. кончилъ Университетскій курсъ Кандидатомъ съ отличіемъ. Черезъ годъ за тѣмъ выдержалъ экзаменъ на степень Магистра; а въ 1841 г. отправился, для довершенія своего образованія, за границу; посѣтилъ Германію, Францію и Бельгію. Полтора года провелъ въ Берлинѣ, слушая лекціи въ тамошнемъ Университетѣ, и здѣсь своимъ развитіемъ обязанъ преимущественно знаменитому Шеллингу, который преподавалъ тогда въ Берлинѣ свою «Положительную Философію.» Въ началѣ 1843 г. возвратился въ Петербургъ, и намѣревался вступить на открывавшееся ему поприще гражданской службы; но здѣсь встрѣча съ бывшимъ тогда Попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа, Графомъ С. Г. Строгановымъ, измѣнила его предположенія. Онъ прибылъ въ Москву, и, по устроеніи семейныхъ обстоятельствъ, занялся сочиненіемъ диссертаціи для довершенія выдержаннаго уже имъ экзамена на степень Магистра. Въ 1845 г. защищалъ публично диссертацію, напечатанную подъ заглавіемъ: *«Объ элементахъ и формахъ Славяно-Русскаго языка»*, и въ томъ же году опредѣленъ Адъюнктомъ въ Московскомъ Университетѣ по каѳедрѣ Философіи, которую, и преподавалъ до новаго положенія по сей каѳедрѣ, послѣдовавшаго въ 1850 г., въ силу коего она должна быть занимаема Профессоромъ Богословія. Оставаясь на службѣ при Университетѣ въ званіи Адъюнкта, Катковъ былъ прикомандированъ нынѣшнимъ Г-мъ Попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа къ изданію Московскихъ Вѣдомостей.

Въ настоящее время онъ состоитъ на службѣ чиновникомъ особыхъ порученій при Министрѣ Народнаго Просвѣщенія, и продолжаетъ завѣдывать редакціею этой газеты.—Кромѣ означенной диссертаціи на степень Магистра, многихъ статей, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, Катковъ издалъ еще, въ 1853 г., сочиненіе подъ заглавіемъ: «*Очерки древнѣйшаго періода Греческой Философіи*», первоначально помѣщенное въ сборникѣ Профессора Леонтьева «Пропилеи.»

КАЧЕНОВСКІЙ, Михаилъ Трофимовичь, Ординарный Академикъ, Заслуженный Профессоръ Археологіи, Русской и Всеобщей Исторіи и Статистики, Исторіи и Литературы Славянскихъ Нарѣчій, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, происходилъ изъ незнатной и недостаточной Греческой фамиліи Качони, родился въ Харьковѣ, 1775 г. Ноября 1-го; обучался въ Харьковскомъ Коллегіумѣ; пріобрѣлъ здѣсь познанія въ Латинскомъ, Греческомъ языкѣ, новымъ же языкамъ: Французскому, Нѣмецкому, Англійскому и Италіанскому, выучился послѣ; уже въ преклонныхъ лѣтахъ занимался Шведскимъ языкомъ. По выходѣ изъ Коллегіума въ 1788 году поступилъ на службу въ Екатеринославское казачье ополченіе урядникомъ; въ 1793 г. переведенъ въ бывшій Харьковскій Губернскій Магистратъ съ переименованіемъ въ Канцеляристы; въ томъ же году былъ произведенъ въ Провинціальные Регистраторы, а въ 1794 г. въ Губернскіе Регистраторы. Въ 1795 г. опредѣленъ въ Таврическій Гренадерскій полкъ Сержантомъ; въ 1796 г. переведенъ въ Ярославскій пѣхотный полкъ; въ 1798 г. произведенъ въ полковые Квартирмейстеры, а въ 1801 году отставленъ отъ военной службы по прошенію, послѣ чего былъ Библіотекаремъ и Правителемъ Канцеляріи у Графа А. К. Разумовскаго, Попечителя Московскаго Университета.

Ученое поприще Каченовскаго начинается съ 1805 г., когда онъ получилъ званіе Магистра Философіи при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, и назначенъ Преподавателемъ Риторическихъ лекцій въ Академической Гимназіи, гдѣ занималъ также высшій классъ Россійскаго языка. Въ 1806 г. получилъ степень Доктора Философіи и Изящныхъ Наукъ; въ

1808 году утвержденъ Адъюнктомъ; въ томъ же году поручено было ему управленіе дѣлами въ Канцеляріи Г. Попечителя Моск. Универ., и утвержденъ въ должности Старшаго Письмоводителя при Попечителѣ. Въ 1810 году онъ оставилъ послѣднюю должность, потому что былъ утвержденъ Экстраординарнымъ Профессоромъ, а въ слѣдующемъ 1811 г. произведенъ въ Ординарные Профессоры Изящныхъ Искусствъ и Археологіи, а въ 1821 г. перемѣщенъ на каѳедру Исторіи, Статистики и Географіи Россійскаго Государства; съ 1830 по 1831 годъ поручена была ему каѳедра Россійской Словесности, а въ 1832—33 году временно преподавалъ Всеобщую Исторію и Статистику. Въ 1835 году утвержденъ въ званіи Заслуженнаго Профессора и вмѣстѣ съ тѣмъ поручено ему чтеніе лекцій; въ томъ же году поручено ему преподаваніе Всеобщей Исторіи для Студентовъ II-го и III-го курсовъ Словеснаго отдѣленія, но при введеніи новаго устава, назначенъ Преподавателемъ Исторіи и Литературы Славянскихъ Нарѣчій (31-го Декабря 1835 г.). Эту каѳедру занималъ онъ до кончины, послѣдовавшей 19-го Апрѣля 1842 года.

Занимаясь преподаваніемъ означенныхъ предметовъ, Каченовскій въ то же время занималъ и другія должности по порученію Начальства: такъ въ 1810 году въ качествѣ Визитатора обозрѣвалъ училища Калужской губерніи; въ 1817 г. обозрѣвалъ училища губерній—Костромской и Ярославской, въ 1818—Владимірской и Рязанской; былъ членомъ Комитета для возстановленія Университета послѣ непріятельскаго нашествія; въ 1813 году, по выбору и утвержденію Министра, былъ одинъ годъ Деканомъ Словеснаго Отдѣленія; былъ Членомъ Училищнаго Комитета съ 1816 по 1820 и съ 1821 по 1829 годъ; обозрѣвалъ ежегодно, въ качествѣ Визитатора, казенныя въ Москвѣ училища и частные пансіоны; отправлялъ должность Начальника Университетской Типографіи съ 1815 по 1816 г.; въ 1819 г. опредѣленъ Членомъ Правленія Университетскаго Благороднаго Пансіона, и отправлялъ эту должность до 1825 года; въ 1830 г. утвержденъ Директоромъ Педагогическаго Института, и въ томъ же году былъ Членомъ Комитета, учрежденнаго при Университетѣ, для

охраненія отъ холеры живущихъ въ немъ и въ заведеніяхъ, ему подвѣдомыхъ; въ 1831 году избранъ и утвержденъ Деканомъ Словеснаго Отдѣленія; въ 1832 г. избранъ Членомъ Комитета для испытанія гражданскихъ чиновниковъ; на тотъ же годъ избранъ Членомъ Училищнаго Комитета и Секретаремъ Совѣта; въ 1833 году Высочайше утвержденъ Цензоромъ. Въ 1836 году назначенъ Членомъ въ Комитетъ, составленный, по Высочайшему повелѣнію, для разсмотрѣнія Историческаго описанія древняго Россійскаго Музея, подъ названіемъ Московской Оружейной Палаты, соч. Малиновскимъ, и повѣрки онаго съ самыми вещами; въ 1837 году Высочайше утвержденъ Ректоромъ Московскаго Университета, и въ этой должности находился до своей кончины, будучи снова избранъ и утвержденъ въ ней въ 1840 году. За службу свою удостоился получить слѣдующія награды: въ 1817 году награжденъ Орденомъ Св. Владиміра 4-й степени; въ 1819 г. пожалованъ въ Коллежскіе Совѣтники, въ 1824 въ Статскіе Совѣтники; въ 1831 году получилъ Монаршее благоволеніе по Комитету охраненія отъ холеры Университета; въ томъ же году пожалованъ Орденомъ Св. Анны 2-й степени; въ 1834 г. Орденомъ Св. Анны, Императорскою Короною украшеннымъ; въ томъ же году объявлено ему Высочайшее благоволеніе за участіе въ изданіи Ученыхъ Записокъ; въ 1838 г. пожалованъ Орденомъ Св. Владиміра 3-й степени; въ 1840 г. пожалованъ въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники.—Въ 1819 г. Каченовскій былъ избранъ въ Дѣйствительные Члены Императорской Россійской Академіи; въ 1833 г. избранъ Корреспондентомъ Императорской С.-Петербургской Академіи Наукъ; въ 1835 г. избранъ Университетомъ Св. Владиміра въ Почетные Члены; въ 1841 году Высочайше утвержденъ Ординарнымъ Академикомъ по отдѣленію Русскаго языка и Словесности при Императорской Академіи Наукъ.

Въ предложенномъ обзорѣ служебной дѣятельности Каченовскаго мы видимъ пробѣлъ отъ 1801 до 1805 года; нельзя удержаться отъ удивленія, видя переходъ изъ Квартирмейстера въ Профессоры. Но этотъ переходъ не былъ рѣзокъ, потому что, въ продолженіе означеннаго времени и еще преж-

де, мы начинаемъ часто встрѣчать имя Каченовскаго въ тогдашнихъ повременныхъ изданіяхъ. Въ журналѣ «Иппокрена» на 1799 годъ, во второй части, встрѣчаемъ его прозаическую статью: «*Отпускная жаворонку*»; въ статьѣ легко замѣтить, что она принадлежитъ 24-хъ-лѣтнему молодому человѣку, проникнутому господствовавшею въ то время сентиментальностію. Въ третьей части того же журнала, на тотъ же годъ, встрѣчаемъ стихи Каченовскаго: «*Чувство по прочтеніи Орла*»; такъ какъ это единственное стихотворное произведеніе, подписанное именемъ К., то мы и выпишемъ его здѣсь:

Полнощный Оссіянъ едва коснулся лирѣ
И сладкострунный гласъ звенитъ въ подлунномъ мірѣ,
Потомки поздніе услышатъ эха звукъ,
Со искренней слезой Суворова вспомянутъ,
И кто Державинъ былъ, любитель музъ, наукъ,
Въ глубокой вѣчности ихъ лавры не увянутъ.

Въ четвертой части того же журнала, на тотъ же годъ, Каченовскій помѣстилъ двѣ переводныя статьи съ Французскаго: идилліи: «*Источникъ дружбы*» и «*Цѣна несчастія*». Въ одинадцатой части Иппокрены, на 1801 годъ, помѣщены его три переводныя съ Франц. статьи: «*Парижанинъ и Караибъ*» (разговоръ), «*Лейбницъ и Карлъ XII*» (разговоръ), «*Письма Фонтенеля и доктора Юнга, по смерти ихъ изданныя.*» Въ 5-й части журнала: Новости Русской Литтературы (1803 года) Каченовскій перевелъ статьи: *О геніи и вкусѣ* изъ книги: Theorie der schönen Künste und Wissenschaften; тамъ же *Письмо путешественника въ Эрменонвиль*, переведенное съ Нѣмецкаго Каченовскимъ; *Анекдотъ о танцовщицѣ*; потомъ переводъ изъ Виланда *Умирающая Поликсена Еврипидова*; *Езопъ и Солонъ* изъ него же. Здѣсь уже можно замѣтить, чѣмъ руководился молодой литераторъ при выборѣ статей для переводовъ; онъ переводитъ статьи нравственныя и эстетическія. Въ IX части того же журнала (1804 г.) находимъ сочиненіе Каченовскаго: «*Письмо къ пріятелю*». Цѣль письма показать превосходство общественнаго воспитанія предъ домашнимъ именно потому, что послѣднее обыкновенно поручалось тогда Французскимъ гувернерамъ, большею частію неспособнымъ къ исполненію своихъ обязанностей. Объ этой статьѣ Каче-

новскаго издатели выразились такъ: «Сія піеса, разительными истинами наполненная, подлинная *новость Русской Литтературы*, дѣлающая честь уму и сердцу почтеннаго автора, *Русскаю*—не по одному имени, съ благодарностію помѣщается въ «Новостяхъ Русской Литературы.» Каждый патріотъ, каждый отецъ семейства прочтетъ ее нѣсколько разъ съ одинакимъ удовольствіемъ, и пожелаетъ, чтобъ она принесла соотечественникамъ нашимъ всю ту пользу, какую имѣлъ въ виду г. сочинитель.» Въ томъ же журналѣ Каченовскій помѣщалъ отрывки переведеннаго имъ романа—*Тереза и Фальдони* (ч. IX и X). Съ 1804 года мы видимъ Каченовскаго сотрудникомъ Вѣстника Европы; въ это время онъ занимался переводомъ *Аѳинскихъ писемъ* и нѣсколько отрывковъ изъ этого труда доставилъ въ редакцію В. Е. Издатель выразился объ нихъ такъ: «Чистота и правильность перевода удостовѣряютъ, что переводить оную книгу предпринялъ человѣкъ съ талантомъ и свѣдѣніями». Кромѣ означенныхъ отрывковъ, Каченовскій доставилъ въ В. Е. еще нѣсколько переводовъ: *Жена сумабродная по наружности* изъ Жанлисъ; *Мысли* (изъ Польскаго журнала); *Дѣйствіе совѣсти* (Лафонтена); *Діогенова Бочка* (Лафонтена), и нѣсколько статей въ Смѣси. Наконецъ въ В. Е. встрѣчаемъ оригинальную статью Каченовскаго: *Взглядъ на Благородный Пансіонъ при И. М. У.* Приведемъ нѣсколько строкъ изъ этого сочиненія. «Плоды наукъ,» говоритъ Каченовскій, «зрѣютъ медленно. Полезное дерево просвѣщенія, перенесенное изъ климатовъ чужестранныхъ въ любезное наше Отечество, уже глубоко пустило корни; благодѣтельные лучи нашего свѣтозарнаго Феба ускорятъ дѣйствіе природы, и мы увидимъ молодыя вѣтви, покрытыя цвѣтами—а плоды? станемъ надѣяться. Любовь къ ученію и у насъ сдѣлается модою. Уже дворяне Русскіе чувствуютъ необходимость просвѣщенія, видятъ, что для снисканія себѣ уваженія надобно по крайней мѣрѣ казаться ученымъ, по крайней мѣрѣ знать нѣсколько словъ не русскихъ, слѣд. стыдятся невѣжества. Начало доброе! станемъ надѣяться.... Университеты не воспитываютъ, а принимаютъ уже воспитанныхъ юношей, для усовершенствованія ихъ въ высшихъ наукахъ: между тѣмъ что дѣлать небогатому дворянину, желающему дать хорошее вос-

питаніе своимъ дѣтямъ?... Здѣшніе пансіоны, содержимые иностранцами, изобилуютъ всѣми неудобствами публичнаго воспитанія, не имѣя ни одной изъ его выгодъ; въ нихъ платятъ немалыя суммы за наставленіе дѣтей, по большой части только во Французскомъ произношеніи и въ танцовальномъ искусствѣ, между тѣмъ какъ Отечество можетъ уволить дворянина отъ сихъ отличныхъ совершенствъ, а требуетъ отъ него непремѣнно знаній и разсудительности.... Послѣ всего того, что я видѣлъ въ семъ училищѣ, и еще недавно читалъ о немъ въ одномъ изъ лучшихъ Французскихъ журналовъ (Archives Littéraires), я почелъ для себя пріятнѣйшимъ долгомъ войти въ нѣкоторыя подробности, конечно не всѣмъ извѣстныя. Смѣю обнаружить свое удивленіе, что въ такое время, когда число авторовъ у насъ ежедневно умножается, когда мы съ патріотическою гордостію любимъ хвалиться хорошими заведеніями, никто еще не написалъ о семъ пансіонѣ. Стыдно намъ дожидаться, пока иностранцы укажутъ намъ то, въ чемъ можемъ съ ними равняться; стыдно справляться съ чужестранными журналами, сколь велико наше достоинство.»

Эта статья замѣчательна тѣмъ, что въ ней высказалось уже то направленіе, которому Каченовскій остался вѣренъ во все продолженіе своего литературнаго поприща: какъ истинный ученый, Каченовскій всю жизнь ратовалъ противъ двухъ крайностей: съ одной стороны противъ равнодушія и даже отвращенія, презрѣнія къ образованности, которыя прикрывались чувствомъ отвращенія къ чужому и любви къ своему; съ другой стороны противъ равнодушія и презрѣнія къ своему, которыя происходили отъ пристрастія къ чужому. Замѣчательно, что и въ отношеніи къ слогу Каченовскій велъ борьбу только съ двумя крайностями: съ одной стороны ратовалъ противъ слѣпаго подражанія Карамзинскому слогу, съ другой противъ излишней приверженности къ славянизму.

Съ 1805 года *Вѣстникъ Европы* перешелъ въ завѣдываніе Каченовскаго. Что значило тогда издавать журналъ, видно изъ слѣдующихъ словъ Каченовскаго (Августъ, 1805 г.) къ читателямъ Вѣстника: «Вышедшія въ свѣтъ 16 книжекъ *моего* журнала составляютъ четыре части; слѣдующія восемь книжекъ будутъ выданы въ свое время съ такою же исправ-

ностію, какъ и прежде, если только не воспрепятствуютъ обстоятельства, отъ меня независящія. Я трудился *одинъ* и по возложенной на себя должности буду трудиться до истеченія нынѣшняго года. Кромѣ піесъ: Рюрикъ, о Музеѣ г. Дубровскаго, о Краснорѣчіи Бридена, Письмо о языкѣ древнихъ Сарматъ, двухъ писемъ изъ Грузіи, и статьи о благости Владѣтелей, все въ прозѣ писано мною. Піесы политическія и извѣстія взяты изъ разныхъ журналовъ и газетъ; нѣкоторыя піесы, относящіяся до наукъ и словесности, почерпнуты изъ тѣхъ же источниковъ; все прочее или сочинено, или переведено большею частію изъ книгъ новѣйшихъ.... Въ заключеніе могу предварительно увѣрить всѣхъ благомыслящихъ, что никакая статья, оскорбляющая вкусъ, противная приличностямъ общежитія, возбуждающая омерзѣніе, словомъ, никакая статья, похожая на критику, или лучше на пасквиль, помѣщенный въ одномъ изъ періодическихъ нашихъ сочиненій и въ которомъ безыменный авторъ изволитъ забавляться па счетъ писателей, украшающихъ Парнассъ Россійскій, и ставитъ ихъ наравнѣ съ безыменными пачкунами, не обезобразитъ моего журнала.»

Каченовскій издавалъ Вѣстникъ Европы съ 1805 до 1809 года; замѣчательнѣйшею изъ статей редактора въ этотъ періодъ была статья *О книжной цензурѣ въ Россіи* (Февраль, № 5, 1805). Въ Вѣстникѣ на 1807 годъ Каченовскій помѣстилъ свой переводъ драмы Коцебу: «*Береговое право*», который потомъ изданъ отдѣльно въ 1819 году. Политическія извѣстія, особенно извѣстія о второй войнѣ Россіи съ Франціею замѣчательны по горячему патріотизму, ихъ одушевлявшему. Съ 1809 года Каченовскій, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, долженъ былъ сложить съ себя званіе издателя Вѣстника Европы, которое принялъ Жуковскій. Но Каченовскій и при новомъ издателѣ, остался самымъ ревностнымъ сотрудникомъ журнала; весь политическій отдѣлъ находился въ его завѣдываніи. Кромѣ того въ 1 № Января 1809 г. помѣщена имъ статья: *О состояніи словесности и наукъ у нынѣшнихъ Грековъ*, цѣль которой доказать, что новые Греки не варвары. Потомъ помѣщена статья: *О чтеніи отечественныхъ писателей*, въ которой авторъ, между прочимъ, говоритъ: «Холод-

ности своей мы не можемъ, подобно Нѣмцамъ, извинить упражненіемъ въ древней Словесности, которою совсѣмъ не занимаемся, но безъ которой однакожъ, сколько бы ни старались, никогда не сравнимся съ хорошими иностранными писателями. Ревнуя славѣ Попе и Гиббона, Расина и Монтескю мы чуждаемся тѣхъ способовъ, какими они пріобрѣли себѣ незабвенную память въ потомствѣ.» Съ Ноября 1809 г. Каченовскій опять начинаетъ издавать Вѣстникъ Европы, вмѣстѣ съ Жуковскимъ; съ 1811 года начинаетъ издавать его снова одинъ. Въ этомъ году издатель помѣстилъ въ Вѣстникѣ и потомъ въ первой части Трудовъ Общества Любит. Росс. Слов. статью: «*Взглядъ на успѣхи Россійскаго витійства въ первой половинѣ истекшаго столѣтія.*» Къ 1812 году относится: «*Разсужденіе о похвальныхъ словахъ Ломоносова*», напечатанное въ третьей части Трудовъ Общества. Оба эти сочиненія долго оставались образцовыми; долго мнѣнія Каченовскаго о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ и Ломоносовѣ заучивались воспитанниками Университетовъ и Гимназій. Въ научномъ отношеніи важно указаніе на отношеніе похвальныхъ словъ Ломоносова къ образцамъ древняго краснорѣчія. Въ 1812 же году должно указать въ Вѣстникѣ на статьи издателя: «*Прибавленіе къ разговорамъ о словесности*»; и здѣсь Каченовскій, какъ вездѣ, вооружаясь противъ вреднаго подражанія всему иностранному, вооружается не менѣе и противъ другой крайности, противъ презрѣнія ко всему иностранному говоря: «Чужестранныя слова, употребляемыя безъ всякой надобности и единственно по незнанію своего собственнаго языка, конечно весьма вредны; но къ числу ихъ совсѣмъ не принадлежатъ слова, принятыя нами вмѣстѣ съ наукою и искусствами.»

Въ 1814 г. Каченовскій передалъ изданіе Вѣстника Владиміру В. Измайлову, но съ 1815 г. опять началъ издавать его; въ объявленіи къ читателямъ онъ говоритъ: «Я не ожидалъ и даже вовсе не думалъ, что Вѣстникъ Европы, Университетскою Типографіею издаваемый, будетъ снова препорученъ моему распоряженію. Благосклонное вниманіе Начальства ускорило медленный ходъ моего выздоровленія.» Въ 1817 г. Каченовскій издалъ *Библіотеку повѣстей и анекдотовъ*, въ пяти

частяхъ, въ которыхъ помѣщены сочиненія извѣстнѣйшихъ въ Европѣ романистовъ, и преимущественно нравоучительныя. Въ томъ же году въ Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности помѣстилъ статью: «*О Славянскомъ и въ особенности церковномъ языкѣ.*» Здѣсь два положенія: «Древній коренный Славянскій языкъ намъ неизвѣстенъ; нынѣшній церковный нашъ языкъ есть старинное Сербское нарѣчіе.» Въ томъ же году и въ томъ же изданіи помѣстилъ статью: «*Историческій взглядъ на грамматику Славянскихъ нарѣчій,*» гдѣ впервые обращено было вниманіе на литературу Славянскихъ народовъ — Поляковъ и Чеховъ. Въ 1819 г. на Университетскомъ актѣ произнесъ рѣчь: «*О художественныхъ произведеніяхъ, какъ памятникахъ древнихъ народовъ.*» Въ 1821 издалъ *Выборъ изъ сочиненій Лорда Бейрона*, переведенныхъ съ Французскаго.

Кромѣ этихъ трудовъ по части Русской Словесности, Каченовскій занимался также изданіемъ руководствъ для изученія Греческаго языка: такъ въ 1807 году онъ издалъ «*Учебную книжку древняго Греческаго языка*,» имѣвшую пять изданій (послѣднее 1827 года); въ 1821 году издалъ первую часть *Якобсовой Греческой Христоматіи*, перепечатанной вторымъ изданіемъ въ 1824 г.

Такова была дѣятельность Каченовскаго, какъ литератора и ученаго вообще; теперь обратимся къ тѣмъ его трудамъ ученымъ, которыми онъ преимущественно пріобрѣлъ себѣ имя: къ трудамъ по Русской и Славянской Исторіи. Въ 3-мъ № Вѣстника Европы (Февраль) на 1809 годъ Каченовскій помѣстилъ статью: «*Объ Источникахъ для Русской Исторіи,*» въ которой между прочимъ высказанъ очень вѣрный взглядъ на состояніе Славянскихъ племенъ до призванія Рюрика. Въ Октябрьской книжкѣ того же года встрѣчаемъ другую статью: «*Краткая выписка о первобытныхъ народахъ въ Россіи обитавшихъ,*» въ которой авторъ приходитъ къ отрицательному результату, что Варяго-Руссы были не Финны, не Пруссы и не Славяне. Въ Ноябрьской книжкѣ Каченовскій помѣстилъ строгій *Разборъ переведенной на Русскій языкъ Исторіи Россійской Имперіи въ царствованіе Петра Великаго*, соч. Вольтера, къ которому Каченовскій вообще обнаруживаетъ сильное не-

расположеніе, и нападаетъ на него въ своемъ журналѣ при первомъ удобномъ случаѣ. Въ Сентябр. книжкѣ В. Е. 1811 г. Каченовскій помѣстилъ замѣчательную статью по поводу перевода Шлецерова Нестора. Въ Русскомъ Вѣстникѣ сдѣланы были кѣмъ-то странныя нападенія на знаменитый трудъ Шлецера, за то только, что авторъ этого труда былъ иностранецъ; нападки эти были тѣмъ неприличнѣе, что прикрывались именами добродѣтели, вѣры, отечества. Каченовскій показалъ все неприличіе подобныхъ нападокъ, всю неблагонамѣренность подобнаго смѣшенія вопросовъ чисто ученыхъ съ вопросами нравственными, и показалъ всѣ погрѣшности автора статьи, который вооружается на Шлецера именно за самыя свѣтлыя его мысли, наприм. порицаетъ его за отверженіе странныхъ производствъ народовъ, за мнѣніе объ образованіи народовъ посредствомъ наростовъ (colluvies gentium). Уже прежде было замѣчено, что Каченовскій постоянно держался средины между двумя вредными крайностями, съ одной стороны неумѣренною привязанностію, а съ другой презрѣніемъ ко всему иностранному; такъ и въ статьѣ о Шлецерѣ, по поводу возраженій Р. В., Каченовскій говоритъ: «Сіи самыя догадки и замѣчанія, слогъ ихъ и расположеніе, ходъ мыслей, неправильныя заключенія, неизвѣстныя ссылки на авторовъ, не доказываютъ ли, что мы должны учиться грамматикѣ, риторикѣ, логикѣ, критикѣ и прочимъ *иноплеменнымъ* наукамъ, ежели хотимъ писать что-нибудь достойное просвѣщенной публики?... Надобно ли намъ чуждаться наукъ, потому только, что иностранцы (разумѣется не похожіе на здѣшнихъ гувернеровъ и учителей) прежде насъ стали упражняться въ наукахъ, больше насъ въ нихъ успѣли, даже обогатили ихъ новыми полезными правилами и открытіями?»

Въ 1812 году Каченовскій напечаталъ *Изслѣдованіе о банномъ строеніи* (В Е. № 17-й); мнѣніе его, послѣ внимательнѣйшаго изученія источниковъ, оправдывается. Въ Январской книжкѣ 1815 года встрѣчаемъ отзывъ Каченовскаго о книгѣ: «Опытъ начертанія Россійскаго частнаго гражданскаго права, соч. Вельяминова-Зерпова;» этотъ отзывъ замѣчателенъ слѣдующею мыслію: «Греческіе законы и вообще ученость переходила къ намъ наиболѣе посредствомъ другихъ племенъ Сла-

вянскихъ, а особливо Булгаровъ, и это не трудно было бы доказать историческими соображеніями; но оставимъ ихъ, краткости ради, и замѣтимъ только, что во второмъ томѣ Кормчей упоминается о Жупанахъ.» Съ самаго начала Каченовскій обнаружилъ сильное нерасположеніе къ изслѣдованіямъ, не ведущимъ насъ ни къ какому вѣрному результату, изслѣдованіямъ о такомъ предметѣ, который по отдаленности своей, по недостатку вѣрныхъ историческихъ извѣстій, открываетъ широкое поле разнаго рода догадкамъ и предположеніямъ, ни къ чему не ведущимъ, какъ напр. вопросъ о происхожденіи разныхъ древнихъ народовъ. Въ Январской книжкѣ 1815 г. Каченовскій вооружился противъ изысканія Капниста о Гипербореяхъ и о коренномъ Русскомъ стихотворствѣ, читаннаго въ С.-Петербург. Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова, и въ которомъ высказано было мнѣніе, что Гипербореяне были Славяне. «Что сказать на это должно? спрашиваетъ Каченовскій — то, что почтенному сочинителю надлежало руководствоваться авторами, коихъ многолѣтнія ученыя изслѣдованія озарены животворнымъ свѣтомъ исторической критики, а не тѣмъ, которые во всемъ полагаются на первую попавшуюся къ нимъ въ руки книгу, или на мечты своего воображенія. Давно уже въ ученомъ свѣтѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что между древними Гипербореями, Скиѳами, Сарматами и между Славянами нѣтъ никакой видимой связи. Догадокъ много и онѣ разообразны; но истина должна быть одна. А кто можетъ сказать, что ее постигнулъ? Всего надежнѣе замѣчать дѣянія народа съ того времени, съ котораго онъ является въ Исторіи подъ настоящимъ своимъ именемъ. Но довольно о Гипербореяхъ.... Помѣщаемъ переводъ цѣлой главы изъ Маннерта, сдѣланный однимъ изъ молодыхъ нашихъ пріятелей.» — Въ томъ же году въ Запискахъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ Каченовскій помѣстилъ разсужденіе *О судебныхъ поединкахъ*; по мнѣнію автора «хотя трудно съ историческою достовѣрностію опредѣлить время, когда приняты въ Россіи судебные поединки; однакожъ, придерживаясь вѣроятнѣйшихъ догадокъ, можно по крайней мѣрѣ показать, что они перешли къ намъ отъ Германскихъ народовъ еще до появленія Татаръ въ Европѣ.»

Въ Январской книжкѣ В. Е. 1816 г., помѣщая извѣстіе о *Славянинѣ и Славянкѣ* Добровскаго, Каченовскій говоритъ: «У насъ до сихъ поръ еще мало думали о томъ, сколь близкое имѣютъ родство съ нашимъ Россійскимъ языкомъ многіе другіе, употребляемые какъ внутри отечества, такъ и внѣ предѣловъ онаго на великомъ пространствѣ Европы, и сколь великую пользу пріобрѣло бы отечественное наше слово, когда бы мы обратили вниманіе свое на составъ разныхъ Славянскихъ нарѣчій, на образованіе ихъ и взаимныя отношенія между ними.»

Въ Январской книжкѣ 1817 года Каченовскій помѣстилъ статью: *Нѣчто для древней Русской Нумизматики*, гдѣ доказывалъ, что слово *скотъ*, въ значеніи денегъ, употреблялось въ древности какъ родъ, а куны и гривны какъ видъ. Авторъ приводитъ извѣстіе, что въ Польшѣ употреблялась монета *скоты*, скотъ содержалъ 24-ю часть гривны; происхожденіе слова: *скотъ*, по мнѣнію Каченовскаго, Германское. Въ Февральской книжкѣ того же года Каченовскій помѣстилъ *Пробные листки изъ руководства къ познанію Исторіи и Древностей Россійскаго Государства;* въ примѣчаніи авторъ говоритъ: «За четыре года передъ симъ я началъ было писать учебную книжку Русской Исторіи, которая должна была служить руководствомъ для меня самаго и для моихъ слушателей, съ тѣмъ чтобъ они могли повѣрять предлагаемыя истины въ самыхъ источникахъ. Сперва жестокая болѣзнь заставила меня прекратить сіе занятіе; потомъ, обозрѣвая предметъ свой съ разныхъ сторонъ, я находилъ планъ свой недостаточнымъ; напослѣдокъ, прочитавши напечатанныя въ прошломъ году весьма важныя касательно Россійскихъ древностей критическія изысканія ученаго, проницательнаго, трудолюбиваго Лерберга, котораго преждевременную утрату никогда не перестанетъ оплакивать Россійская Кліо, прочитавши глубокія изслѣдованія почтеннѣйшаго Эверса, достойнаго Профессора Дерптскаго Университета, я принужденнымъ нахожусь предпринять другія мѣры. Не смотря на то авторскимъ самолюбіемъ убѣждаюсь нѣсколько пробныхъ листковъ сообщить читателямъ Вѣстника Европы.»

Въ объявленіи о подпискѣ на В. Е. 1818 года видимъ

предметы занятій редактора, какъ ученаго, Профессора: «Между прочимъ вниманіе редактора,» говоритъ онъ въ объявленіи, «и впредь будетъ направляемо на предметы, любезные патріоту, на старину отечественную, на исторію Россійскаго и родственныхъ ему языковъ, на дѣянія и обычаи народовъ Славянскихъ.»

Явилось знаменитое твореніе Карамзина: *Исторія Государства Россійскаго.* Подробнаго, всецѣлаго разбора его нельзя было ожидать отъ современниковъ, ибо другаго Карамзина между ними не было; могли явиться и явились замѣчанія относительно общаго взгляда исторіографа на свой предметъ; явились замѣчанія спеціалистовъ относительно нѣкоторыхъ вопросовъ древностей Русскихъ; явились замѣчанія относительно нѣкоторыхъ слишкомъ рѣзкихъ и одностороннихъ приговоровъ Исторіографа извѣстнымъ лицамъ историческимъ. Карамзинъ не отвѣчалъ на замѣчанія; это оскорбляло авторовъ ихъ, видѣвшихъ въ такомъ молчаніи презрѣніе и презрѣніе незаслуженное, потому что почти всѣ замѣчанія были справедливы; отвѣты же друзей Карамзина только вредили ему своею заносчивостію, своими непонятными уже въ наше время притязаніями на непогрѣшимость произведенія. Отсюда уже болѣе рѣзкій, менѣе приличный тонъ въ нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ замѣчаніяхъ на Исторію Государства Россійскаго; Каченовскій разобралъ предисловіе, и допустилъ въ свой журналъ замѣчанія Ходаковскаго, Арцыбашева: это доставило ему отъ извѣстной стороны названіе Зоила; но заслужилъ ли онъ это названіе?

Каченовскій рѣшился разобрать предисловіе, ибо, по собственнымъ словамъ его, онъ хотѣлъ оказать вниманіе къ достопамятному феномену отечественной литературы. Въ предисловіи есть планъ, и планъ превосходный, а особливо въ первой половинѣ, по мнѣнію Каченовскаго: «Если бы не высказалась въ предисловіи посторонняя, не принадлежащая къ дѣлу мысль о Шлецерѣ; то я смѣло назвалъ бы его *совершеннымъ* за легкость въ ходѣ, за связь въ главныхъ мысляхъ. Ты повѣришь* истинѣ словъ моихъ; ибо знаешь, какъ мало

* Статья написана въ формѣ письма: отъ Кіевскаго жителя къ его другу. (В. Е. 1819, Январь и слѣд. №).

боюсь вашихъ столичныхъ словесниковъ-антикарамзинистовъ: они для меня столь же забавны, какъ и господа ультракарамзинисты, сіе братство рыцарей, обрекшихъ себя на слѣпое, безотвѣтное служеніе своему единственному просвѣтителю.»

Высказавши свое мнѣніе относительно плана предисловія, Каченовскій вполнѣ убѣдительно опровергаетъ одностороннее сужденіе Исторіографа о знаменитыхъ историкахъ древности; опровергаетъ мнѣніе, что древняя Русская Исторія до Іоанна III лишена интереса и можетъ читаться только добрыми Россіянами, обязанными имѣть въ этомъ случаѣ болѣе терпѣнія, чѣмъ иноземцы, и проч. Но безпристрастіе мнѣній Каченовскаго о Карамзинѣ вполнѣ выражается въ его разборѣ XII-го т. Исторіи Гос. Росс.* «Немногіе писатели,» говоритъ Каченовскій, «столь самовластно господствовали надъ умами современниковъ, какъ нашъ покойный Исторіографъ, и немногіе столь постоянно удерживали за собою право завиднаго повелительства въ области литтературы. Позволялось не имѣть понятія о безсмертныхъ образцахъ древней словесности, объ источникахъ знаній и вкуса: но не читать Карамзина значило не любить никакого чтенія; не говорить о Карамзинѣ было то же, что не пламенѣть усердіемъ къ его славѣ; говорить объ немъ безъ восторга было тоже, что обнаруживать (мнимое) зложелательство къ его особѣ; находить погрѣшности въ его писаніяхъ значило обратить себя въ жертву ядовитымъ вѣтренникамъ, или даже изступленнымъ гонителямъ.... И съ писателемъ нашимъ сбылось то, что сказано Дюкомъ дела Рошфуко о модныхъ людяхъ: La pluspart des gens ne jugent les hommes que par la vogue qu'ils ont, ou par leur fortune— сбылось, но единственно въ отношеніи къ цѣнителямъ его литтературныхъ произведеній; ибо повѣрье моды проходитъ, а Карамзинъ *бзсмертенъ*. Такъ, безсмертенъ Карамзинъ! Эта самая охота говорить о немъ, хвалить или порицать его сочиненія, находить въ нихъ красоты или недостатки; самыя несогласія, споры, вражда между разномыслящими, покровительство съ одной стороны, гоненіе съ другой, самыя подозрѣнія, падающія на однихъ въ непочтительности, на другихъ

* В. Е. Сентябрь, 1829.

въ привязанности къ имени, славѣ и твореніямъ Карамзина— все это не служитъ ли неопровержимымъ доводомъ, что мощный талантъ его собственною силою достигъ недосягаемой высоты на горизонтѣ литературы отечественной, возсіялъ на немъ и привлекъ на себя взоры современниковъ? Подобныя въ мірѣ явленія сохраняются вѣками и передаются отдаленному потомству. Надобно, чтобъ какой-нибудь вѣсъ имѣли голосъ и мнѣнія людей, которые при жизни писателя знаменитаго страшились даже мысли обольщать его хвалами, искренними или притворными, а по кончинѣ его не замедлили принять сердечное участіе въ общемъ сѣтованіи. Говорить непріятныя истины о трудахъ живаго автора безъ сомнѣнія не выгодно по многимъ отношеніямъ, но и нисколько не зазорно, если сужденія подкрѣплены доказательствами; отдать должное умершему, sine ira et studio, когда ни опасенія, ни надежды не препятствуютъ дѣйствовать съ благородною свободой, есть пріятнѣйшая обязанность для человѣка, привыкшаго быть *самимъ собою* всегда, неизмѣнно. Послѣдуемъ сему правилу и скажемъ прямо: Карамзинъ не имѣетъ себѣ равнаго на трудномъ поприщѣ бытописателя въ нашемъ отечествѣ—такъ, и виновны передъ памятію незабвеннаго во-первыхъ тѣ, которые на славномъ имени его еще покушаются основывать неблагонамѣренные свои виды, виновны легкомысленно произносящіе рѣшительный судъ о трудахъ его, не помышляя ни о предкахъ, ни о потомкахъ, не принимая въ соображеніе ни состоянія наукъ въ отечествѣ нашемъ, ни начала словесности съ возможными успѣхами, ни хода происшествій какъ причинъ дѣйствующихъ; виновны изрекающіе приговоръ свой о трудахъ ума созрѣвшаго по опытамъ игривой молодости; виновны съ похвалами своими и порицаніями тѣ, которые, не зная обязанностей бытописателя, нашего современника, не изучивши источниковъ, даже не читавши самой *Исторіи Государства Россійскаго*, ни съ критическою разборчивостію, ни поверхностно, играютъ легковѣріемъ людей, готовыхъ всѣмъ обольщаться. Опытъ, смѣю думать, многимъ доказалъ уже справедливость словъ незабвеннаго Исторіографа, который находитъ удовольствіе предпочтительно въ трудѣ своемъ, надѣясь быть полезнымъ, т. е.

сдѣлать Россійскую Исторію извѣстнѣе для многихъ, даже и для строгихъ судей своихъ. Мы знаемъ людей, кои изучая безсмертный трудъ Карамзина по любви къ самымъ истинамъ историческимъ, по привычкѣ упражняться въ литературѣ существенно полезной, по предпочтенію къ хорошему слогу автора, наконецъ даже по самой обязанности, отчасу болѣе убѣждались и въ значительности новыхъ своихъ пріобрѣтеній и въ томъ, сколь должны быть они важны впослѣдствіи. Omnia vincit labor improbus. Трудился Карамзинъ, преодолѣвалъ великія препятства—для чего? Безъ сомнѣнія для того, чтобы проложить путь младшимъ подвижникамъ. Довольно сдѣлано имъ для своей славы, для пользы отечеству; но его подвигъ не можетъ служить предлогомъ къ бездѣйствію для насъ, для сыновъ нашихъ и внуковъ.»

Указывая на лучшія мѣста XII тома, Каченовскій называетъ ихъ *лебедиными пѣснями*; по его словамъ «они очаровываютъ душу прелестію гармоніи, возвышающей всѣ другія принадлежности слога изящнаго—грамматическую исправность, искусный выборъ и сочетаніе словъ, яркую живость колорита, движенія, наконецъ заманчивую ясность смысла и удовлетворительную выразительность.» Но, исчисливши эти лебединыя пѣсни, Каченовскій продолжаетъ: «Занимаясь яркими красотами, которыя сами собою представляются взорамъ читателя, не упустимъ изъ виду и *тѣней*. У писателей великихъ все поучительно—и совершенства ихъ и недостатки. Нѣкогда, разбирая Похвальныя Слова Ломоносова, отваживались указывать на темныя мѣста въ семъ лучезарномъ солнцѣ и никто не подумалъ вмѣнять въ уголовную вину того, что не воспрещается ни въ одномъ изъ кодексовъ Словесности. Смѣемъ надѣяться равной пощады....»

Отыскивая эти *тѣни* въ XII томѣ Исторіи Государства Россійскаго, Каченовскій останавливается на неудовлетворительномъ объясненіи причинъ брака Василія Шуйскаго въ преклонныхъ лѣтахъ; не нравится ему и то, что авторъ даетъ слишкомъ много мѣста въ своей книгѣ похожденіямъ Марины Мнишекъ. «Никто не станетъ спорить,» говоритъ Каченовскій, «что жизнь панны Мнишковны богата похожденіями, изъ которыхъ всѣ могутъ быть чрезвычайно занимательны въ романѣ,

казаться сносными въ біографіи, но что весьма немногія изъ нихъ годятся для Исторіи *Государства* Россійскаго, и то съ условіемъ, чтобы онѣ заняли мѣсто въ приличной перспективѣ.» Каченовскій сомнѣвается, должна ли быть допущена въ Исторію *Государства* осада Троицкаго монастыря Сергіева со всѣми подробностями и съ преувеличенными обстоятельствами описанная Палицынымъ, а вслѣдъ за нимъ, съ его же словъ, и другими. Незабвенные подвиги защитниковъ и заманчивый разсказъ Историка говорятъ въ пользу осады; несоразмѣрность описанія, не нужныя и едва ли справедливыя подробности, слабая связь между дѣйствіями обороны монастыря и ходомъ главныхъ происшествій, кажется, требовали бы, чтобъ этотъ многосложный эпизодъ занималъ въ книгѣ меньшее пространство.—Такимъ образомъ Каченовскій указывалъ уже на преувеличенныя обстоятельства и едва ли справедливыя подробности, которыя оказались именно такими въ слѣдствіе новѣйшихъ открытій и изслѣдованій.

Воздавая должное знаменитому творенію Карамзина, Каченовскій воздалъ должное и предшественнику его, трудолюбивому, добросовѣстному и умному Кн. Щербатову; отзывъ его о послѣднемъ совершенно вѣренъ, нисколько не преувеличенъ. Вотъ этотъ отзывъ: «Не смотря на разстояніе времени между окончаніемъ одного труда и началомъ другаго, (Исторіи Кн. Щербатова и Исторіи Карамзина), не смотря на различіе въ средствахъ, въ силахъ ума, въ учености Карамзина и Князя Щербатова, оба писателя имѣютъ много общаго между собою: первый весьма часто слѣдовалъ системѣ втораго; имѣя въ распоряженіи своемъ пособія новѣйшія, послѣдовалъ источникамъ Князя Щербатова.... Трудъ Князя Щербатова, забытый публикою, никогда не перестанетъ быть полезнымъ и никогда не сдѣлается излишнимъ для изучающаго Исторію нашего отечества: въ немъ разбросаны сужденія, соображенія и виды, не рѣдко обнаруживающіе умъ отлично смѣтливый прилѣжнаго наблюдателя, догадливость необыкновенную въ человѣкѣ, не проникавшемъ до глубины святилища Музъ и Грацій. Томы его, обогащенные выписками, указаніями на источники, представляютъ еще и важное удобство пріискивать желаемые предметы — выгоду, которою дорожатъ

записные подвижники словесности, обрекшіе себя на терпѣніе, непобѣждаемое всѣми возможными претткновеніями не правильнаго, неровнаго, вялаго, безцвѣтнаго и безхарактерпаго слога.»

Таково было мнѣніе Каченовскаго о величайшемъ явленіи въ Русской исторической литтературѣ сравнительно съ предшествовавшими историческими трудами. Обратимся опять къ собственнымъ трудамъ Профессора на томъ же поприщѣ и на поприщахъ смежныхъ, въ какой мѣрѣ они появлялись въ Вѣстникѣ Европы и въ другихъ повременныхъ изданіяхъ. Въ 1820 году, въ В. Е. Каченовскій высказалъ слѣдующее замѣчательное мнѣніе о народныхъ пѣсняхъ по поводу изданія Сербскихъ пѣсенъ Вука Стефановича: «Кто хочетъ узнать короче нравы, обычаи и почти все, что составляетъ національность или отличительные признаки цѣлаго народа, тотъ внимательно читай или слушай его пѣсни, тѣ пѣсни, которыя переходятъ изъ устъ въ уста, передаются отъ предковъ потомкамъ, вмѣстѣ съ голосами сохраняются отъ ѣдкости времени, повторяясь въ массѣ народа. Сербы намъ не чужіе люди. Сербы народъ историческій; они имѣли политическое бытіе, оставившее драгоцѣнныя воспоминанія для потомства.» Въ 1822 году, Каченовскій напечаталъ замѣчанія на изданныя Калайдовичемъ Памятники Словесности XII вѣка и высказалъ сомнѣнія свои на счетъ возможности сочиненій Кирилла Туровскаго; въ томъ же году напечаталъ розысканіе по поводу старинной золотой медали, съ выводомъ, что это амулетъ; въ 1826 г. «*Историческія справки объ Іоаннѣ, Экзархѣ Болгарскомъ*,» съ слѣдующимъ выводомъ: «То достовѣрно, что онъ (Іоаннъ Экзархъ) жилъ или въ концѣ XII вѣка, или въ воображеніи писцовъ трудолюбивыхъ и простодушныхъ.» Въ объявленіи объ изданіи Вѣстника на 1827 годъ издатель опять говоритъ: «В. Е. отнынѣ преимущественно будетъ заключать въ себѣ Исторію и Статистику Имперіи Россійской, Царства Польскаго и В. К. Финляндскаго, какъ предметы, которымъ редакторъ особенно посвящаетъ свои труды по обязанностямъ службы, также древнюю и новую словесность нашего и прочихъ Славянскихъ языковъ, дѣянія и обычаи народовъ намъ соплеменныхъ.» Согласно съ этимъ объявленіемъ

въ слѣдующихъ годахъ Вѣстника Европы, равно какъ въ изданіи, смѣнившемъ этотъ журналъ, въ Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета*, помѣщены самыя замѣчательныя изслѣдованія Каченовскаго о Русской Исторіи: 1) *О кожаныхъ деньгахъ*, *съ примыкающимъ сюда изслѣдованіемъ*: *О способѣ узнавать вѣкъ и значеніе старинныхъ монетъ Русскихъ*; 2) *О баснословномъ времени въ Россійской Исторіи*; 3) *О Русской Правдѣ*.

Всѣ эти изслѣдованія находятся въ тѣсной связи другъ съ другомъ, всѣ имѣютъ одну цѣль.—Въ XVIII и первой четверти XIX вѣка было много сдѣлано для Русской Исторіи: много собрано матеріаловъ, предложены образцы ихъ критической обработки, указаны важнѣйшія, характеристическія явленія, сдѣланы попытки для ихъ объясненія; наконецъ исторія явилась въ изящномъ разсказѣ, доступномъ и привлекательномъ для всѣхъ. Но когда Исторія Государства Россійскаго блестящимъ образомъ закончила труды XVIII вѣка, XIX вѣкъ выставилъ новыя требованія. До сихъ поръ главнымъ препятствіемъ къ уразумѣнію хода отечественной исторіи служило то обстоятельство, что различныя эпохи ея изображались одинакими красками, событія временъ давнихъ представлялись, характеры дѣйствующихъ лицъ въ этихъ событіяхъ оцѣнивались по понятіямъ временъ новыхъ; на исторію смотрѣли преимущественно какъ на художественное словесное произведеніе, и потому старались изображать событія и лица украшенно, часто въ ущербъ простотѣ и правдѣ. Слѣдовательно первое дѣло, которымъ должна была заняться теперь наука, состояло въ томъ, чтобъ уничтожить это смѣшеніе эпохъ, выставить каждую изъ нихъ съ соотвѣтствующимъ ей характеромъ, уяснить такимъ образомъ постепенный ходъ исторіи, преемство явленій, естественный, законный выходъ однихъ явленій изъ другихъ, послѣдующихъ изъ предыдущихъ. Согласно съ требованіями времени, Каченовскій высказалъ слѣдующее главное положеніе: «Исторія свѣта есть цѣпь великихъ происшествій: первое звѣно ея въ десницѣ Всемогущаго, всѣ другія—у предѣловъ бытія міра. Каждое

* Изданіе В. Е. прекратилось въ 1830 году.

происшествіе въ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ; каждое имѣетъ свою причину и свои слѣдствія. Событій отдѣльныхъ нѣтъ въ природѣ.» Согласно съ требованіями времени, Каченовскій задалъ вопросъ: «Такъ ли изображали до сихъ поръ древнюю Русь, какъ слѣдовало?» Чтобъ рѣшить этотъ вопросъ, надобно было прежде всего заняться оцѣнкою трехъ явленій, которыя лучше всего могли дать понятіе о состояніи древняго Русскаго общества, а именно, во первыхъ, рѣшить вопросъ о древнѣйшемъ литературномъ памятникѣ, о древнѣйшемъ источникѣ Русской Исторіи, о начальной лѣтописи; во вторыхъ, рѣшить вопросъ о древнѣйшемъ законодательномъ памятникѣ, о такъ называемой Русской Правдѣ; въ третьихъ наконецъ, опредѣлить экономическое состояніе древняго Русскаго общества, рѣшивши вопросъ объ орудіи мѣны, въ немъ употреблявшемся. Отсюда три важнѣйшіе для Каченовскаго вопроса: о Лѣтописи, о Русской Правдѣ, о кожаныхъ деньгахъ.

Отвѣтомъ на первый вопросъ послужило изслѣдованіе о баснословномъ времени въ Россійской Исторіи. Здѣсь опредѣленъ древнѣйшій источникъ лѣтописныхъ извѣстій—преданія устныя; указанъ тотъ характеръ нашихъ лѣтописей, который въ настоящее время служитъ предметомъ обильныхъ важными выводами изслѣдованій: указаны сшивки, описанія одного событія двумя, иногда тремя различными образами, невѣрности лѣтосчисленія; признано вѣроятнымъ существованіе основы лѣтописи—монастырскихъ записокъ въ XII, даже въ XI вѣкѣ. Здѣсь мы не можемъ не привести важнаго замѣчанія Каченовскаго относительно характера древнихъ нашихъ памятниковъ: «Всякая рукопись тѣхъ вѣковъ есть *особенная* книга, единственная въ своемъ родѣ.»

Въ изслѣдованіи о Русской Правдѣ Каченовскій занимается вопросами: «Могла ли Русская Правда явиться въ XI в., во времена Ярослава I-го? Тогдашнее состояніе Руси, разсмотрѣнное въ связи съ современнымъ состояніемъ другихъ Европейскихъ государствъ, могло ли условливать подобное явленіе?» Важная заслуга Каченовскаго, въ которой не отказываютъ ему даже отъявленные враги его, состояла въ стараніи сближать явленія Русской Исторіи съ однохарактерными яв-

леніями у другихъ и, что всего важнѣе, преимущественно у Славянскихъ народовъ, при чемъ отрицаніе Скандинавскаго происхожденія Руси освобождало отъ вредной односторонности, давало просторъ для другихъ разнородныхъ вліяній, для другихъ объясненій, отъ чего наука много выигрывала.

Вопросъ *о кожаныхъ деньгахъ*, такъ долго и сильно занимавшій Каченовскаго, имѣлъ для него важное значеніе, именно по связи съ его главнымъ вопросомъ. Кожаныхъ денегъ древней Руси иначе не могли представить себѣ, какъ въ видѣ нынѣшнихъ ассигнацій; отсюда раждался вопросъ: было ли древнее Русское общество до такой степени развито, чтобъ въ немъ могло произойти подобное явленіе? Предположить существованіе ассигнацій въ XI, XII вѣкѣ значило приравнять эти вѣка къ XVIII и XIX: отсюда понятно стараніе Каченовскаго рѣшить вопросъ проще, сообразнѣе съ состояніемъ цивилизаціи въ древности.

Таковъ былъ Каченовскій какъ ученый. Распространяться о немъ, какъ о человѣкѣ, не нужно: всѣ знаютъ, что труженическую жизнь честнаго человѣка онъ окончилъ тихою смертію праведника.

КЕЛЛНЕРЪ, Христіанъ Готтлибъ, Баккалавръ Философіи и Членъ Лейпцигскаго Общества изящныхъ искусствъ, пріѣхалъ въ Москву изъ Лейпцига, въ 1757 году Іюня 21-го, въ товариществѣ съ Рейхелемъ, для занятія каѳедры Нѣмецкой Словесности. Миллеръ, по порученію Шувалова, выписалъ Келлнера по рекомендаціи Готтшеда. Въ Московскомъ главномъ Архивѣ Иностранныхъ дѣлъ сохранилось нѣсколько писемъ Келлнера къ Миллеру, изъ которыхъ можно видѣть подробности его прибытія въ Москву и непріязненныхъ отношеній къ Профессору и Ректору Гимназіи, Шадену, не любившему Готтшеда со всѣми его приверженцами. Келлнеру поручены были два предмета: Универсальная Исторія и Нѣмецкое краснорѣчіе. Такъ обозначено его преподаваніе въ зимнемъ каталогѣ лекцій 1757 года. Но такъ какъ для Нѣмецкой Словесности сочли достаточнымъ имѣть одного Лектора, въ лицѣ Рейхеля, то на Келлнера возложено было только преподаваніе Всеобщей Исторіи, которую читалъ онъ впрочемъ

недолго, потому что, 1760 г. 25-го Февраля, скончался въ Москвѣ, послѣ долговременной и тяжкой болѣзни, въ домѣ Профессора Дильтея, предоставивъ Московское свое имущество другу своему Рейхелю, а Лейпцигское Обществу изящныхъ искусствъ.

КЕРЕСТУРИ, Францъ Францовичь (Ferentz Kereszturi), Ординарный Профессоръ Анатоміи и Хирургіи, Докторъ Медицины, Статскій Совѣтникъ, Ордена Св. Анны 2 Ст. Кавалеръ, Римско-Императорской Леопольдинской Академіи Членъ, Общества Соревнованія Медико-Физическихъ наукъ Президентъ, родился близь города Кашау, въ Венгріи, 28-го Мая 1735 г. Родители его были благороднаго происхожденія. Рано лишился онъ ихъ; но успѣлъ получить довольно хорошее образованіе. Въ молодости онъ преимущественно занимался изученіемъ Латинскаго языка и до такой степени усвоилъ его себѣ, что писалъ на немъ свободно и изящно. Впрочемъ Керестури не пренебрегалъ природнымъ языкомъ своимъ: когда, въ 1780 г. 9-го Іюня, Императоръ Австрійскій Іосифъ II, подъ именемъ Графа Фалкенштейна, посѣтилъ Московскій Университетъ, Керестури поднесъ ему четверостишіе на Венгерскомъ языкѣ, которое было тогда же напечатано вмѣстѣ съ Нѣмецкою одою неизвѣстнаго автора, Русскою одою Кострова, Латинскою Дильтея и Греческою эпиграммою Маттеи. Высшее образованіе Керестури получилъ въ Пестскомъ Университетѣ. Въ 1762 году онъ прибылъ въ Москву, и въ томъ же году поступилъ въ военный госпиталь и въ медико-хирургическую школу. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву, въ 1764 году Іюня 16-го, Керестури вступилъ въ бракъ съ Екатериною Ортлебенъ. Онъ жилъ съ нею счастливо и въ согласіи 19 лѣтъ, до самой ея кончины, послѣдовавшей въ Ноябрѣ 1783 г. Дѣти отъ этого брака умерли при жизни Керестури, кромѣ одной дочери. Въ 1784 г. Керестури женился на Софьѣ Шварцъ, которая пережила своего мужа. Въ Москвѣ Керестури съ величайшимъ рвеніемъ продолжалъ изучать медицинскія науки: постоянно посѣщая больныхъ въ госпиталѣ, онъ практическія свои наблюденія дополнялъ прилежнымъ чтеніемъ сочиненій, спеціально посвященныхъ ме-

дицинѣ. Въ лицѣ знаменитаго въ свое время Московскаго врача, барона Петра д'Ашъ, Керестури нашелъ себѣ не только надежнаго руководителя въ ученыхъ занятіяхъ, но и покровителя въ жизни: по его рекомендаціи кругъ практической дѣятельности Керестури расширился. Неутомимое трудолюбіе, преданность своему дѣлу сдѣлали Керестури однимъ изъ первыхъ Московскихъ врачей. Получивши, по предварительномъ испытаніи, отъ Медицинской Коллегіи степень Хирурга, въ 1764 г., онъ сдѣланъ былъ въ слѣдующемъ году Прозекторомъ при Московскомъ Университетѣ и врачемъ Ун. больницы. Въ 1772 г. Керестури получилъ степень перваго Хирурга (protochirurgus), а въ 1784 г. Доктора Медицины. Въ 1777 году Керестури сдѣланъ былъ Экстраординарнымъ Профессоромъ Анатоміи и Хирургіи, а въ 1778 г. произведенъ въ Ординарные. Имя Керестури въ первый разъ встрѣчаемъ въ объявленіяхъ о публичныхъ лекціяхъ въ Университетѣ въ 1775 г.; здѣсь названъ онъ Прозекторомъ и Операторомъ.

Въ $177\frac{5}{6}$ г. онъ преподавалъ «въ зимнее время Неврологію и Спланхнологію по Винслову руководству», присовокупляя и то, что «новѣйшимъ раченіемъ другихъ уже открыто,» въ лѣтнее же время «толковалъ Хирургію по Лудвигу.» Тоже самое преподавалъ онъ и въ $177\frac{7}{8}$ г., но въ зимнее время «показавъ слушателямъ первыя черты Анатоміи,» Керестури «въ разныхъ повтореніяхъ, изъ Анатоміи взятыхъ, упражнялся.» Получивъ званіе Ординарнаго Профессора Анатоміи и Хирургіи, Керестури «изъяснялъ Каллизеновы наставленія нынѣшней Хирургіи» и преподавалъ Анатомію по руководству Пленка (въ $177\frac{8}{80}$ г.) Въ каталогахъ лекцій за послѣднее десятилѣтіе прошлаго вѣка такъ обозначено преподаваніе Керестури: «будетъ показывать строеніе тѣла человѣческато надъ трупами, разнимая и пріуготовляя оные искусственнымъ образомъ. А дабы точнѣе опредѣлить дѣйствія многихъ частей одушевленнаго тѣла, то покажетъ строеніе оныхъ частей и въ животныхъ разнаго рода; почему для дѣланія *Анатомико-физіологическихъ* опытовъ будетъ иногда разсѣкать живыхъ животныхъ. Для разсмотрѣнія жъ тончайшаго строенія малѣйшихъ частей въ помощь употребитъ микроскопъ; а временемъ будетъ показывать случаи, касающіеся до такъ называемой

Судебной Медицины». Керестури извѣстенъ болѣе какъ практическій врачь, нежели какъ ученый. Изъ сочиненій его назовемъ три небольшія рѣчи, произнесенныя въ Университетскихъ собраніяхъ: 1) Oratio *de sensationibus tam in tuenda sanitate, quam in corrigenda adversa valetudine, homini necessaria et amica auxilia praebentibus*, recitata anno 1778 die 22 April. a Fr. Keresturi. 2) Dissertatio *de cognoscenda vita, ut intima corporis humani indoles clarius elucescat*, hab. anno 1783, die XXX Iunii. 3) Oratio *de politia medica ejusque in Rossia usu* A. D. XXVIII Iunii anni CIϽIϽCCXCV habita. Какъ практическій врачь, Керестури всегда пользовался уваженіемъ и вполнѣ заслужилъ его. Во время Московской чумы онъ дѣятельно, съ опасностію своей жизни, помогалъ страждущимъ. Въ продолженіи 30 лѣтъ онъ былъ постояннымъ медикомъ у Кураторовъ и Директоровъ Университета—Мелиссино, Хераскова, Фонвизина, Тургенева. Въ 1781 г. Императорская Леопольдино-Каролинская Академія Испытателей Природы признала его своимъ членомъ.

Керестури оставался Профессоромъ Московскаго Университета до 1805 г. Въ 1804 году онъ былъ избранъ Президентомъ основаннаго М. Н. Муравьевымъ Общества Соревнованія Медико-физическихъ Наукъ; мѣсто это оставилъ онъ незадолго до своей смерти.

Въ послѣдніе годы жизни Керестури находился въ болѣзненномъ состояніи. Въ 1803 году съ нимъ случился первый параличный ударъ, поразившій различныя части его тѣла. Кровопусканіе, повторяемое по нѣскольку разъ въ годъ, удивительно помогло ему въ этомъ случаѣ. Апоплексія возобновлялась нѣсколько разъ, пока не послѣдовалъ, 14-го Декабря 1810 г., сильнѣйшій ударъ. Напрасно, по желанію Керестури, прибѣгли къ кровопусканію: оно не помогло; больной лишился употребленія ноги и руки, силы его ослабѣли. Въ половинѣ Января новый апоплексическій ударъ поразилъ Керестури. 16-го Февраля 1811 г., въ восьмомъ часу утра, онъ скончался въ самыхъ жестокихъ страданіяхъ.

КЕРШТЕНСЪ, Іоганнъ Христіанъ (Johann Christian Kerstens), Ординарный Профессоръ Химіи и Минералогіи, Медицины Докторъ и Магистръ Философіи, пріѣхалъ изъ Лейпцига въ Россію въ 1758 году, и въ томъ же году поступилъ на службу Московскаго Университета Ординарнымъ Профессоромъ Химіи и Минералогіи и врачемъ Университетской больницы. Ученое образованіе получилъ онъ въ Лейпцигскомъ Университетѣ, и въ 1757 году напечаталъ въ Лейпцигѣ двѣ диссертаціи: 1) *De maturatione ut causa perfectionis corporum organicorum*, 2) *De maturatione ut causa novae valetudinis*. Въ каталогѣ публичныхъ лекцій, съ 13-го Авг. 1758 г. по 28-е Іюня 1759 г., сказано, что «Керштенсъ, Химіи и Минералогіи Профессоръ, для предуготовленія тѣхъ, кои Медицинѣ обучаться желаютъ, преподавать имѣетъ Физику Теоретическую и Экспериментальную; а по окончаніи оной учить будетъ Минералогіи, послѣдуя Картеузеру». По каталогу лекцій, 1761 г. Апр. 26-го, видно, что Керштенсъ читалъ Химію Общую и Частную, слѣдуя Фогелевой книгѣ: Institutiones Chemiae и Боэргава: Elementa Chemiae. Въ каталогѣ лекцій, съ 1-го Августа 1763 г. по 28-е Іюня 1764, сказано: І. Х. Керштенсъ, Медицины Докторъ и Профессоръ, имѣетъ продолжать начатое въ прошедшемъ году публичное свое ученіе о Минералогіи, съ принадлежащею къ ней рудокопною и пробирною Химіею, вопервыхъ для тѣхъ, которые впредь къ горному и монетному дѣлу опредѣлены быть могутъ, по собственнымъ своимъ наставленіямъ, которыя слушатели у него писать имѣютъ, употребляя притомъ 4 часа въ недѣлю на Минералогію и на теорію Химіи рудокопной и пробирной, прочіе же часы (также 4) на практику оной». За тѣмъ прибавлено: «для преподаванія Минералогіи Керштенсъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи весьма богатый Минералогическій Кабинетъ, который былъ подаренъ Университету наслѣдниками Акинѳія Никитича Демидова».—Въ 1764 году Керштенсъ читалъ Врачебное веществословіе; въ 1766 году опять Химію въ связи съ Натуральною Исторіею простыхъ аптекарскихъ лѣкарствъ: изъ всѣхъ этихъ свидѣтельствъ мы видимъ, что Керштенсъ былъ первымъ Профессоромъ Медицинскаго Факультета и можно сказать его основателемъ по той связи, какую естественныя науки имѣютъ съ

медицинскими. Онъ же былъ врачемъ и Университеской больницы. Въ 1766 г. Апрѣля 22-го Керштенсъ говорилъ рѣчь на Латинскомъ языкѣ о томъ, что *человѣкъ не въ физическомъ, но только въ нравственномъ разсужденіи назваться можетъ благороднѣйшею и достойнѣйшею тварью.*—Въ 1769 г. Апрѣля 22-го онъ говорилъ въ публичномъ собраніи Университета рѣчь на Латинскомъ языкѣ: *Ad augendum incolarum in Russia insufficientem numerum pro ruricolis plebeiis maxime monita et praecepta medica diaetetico-therapeutica.* Въ этой рѣчи заключается довольно подробное изложеніе причинъ, которыя пораждаютъ болѣзни между деревенскими жителями въ Россіи, и подаютъ поводъ ко многимъ смертнымъ случаямъ. Средства предотвратить эти случаи большею частію почерпнуты имъ изъ сочиненій Цельса (*De Medicina.* Lib. 1), Боэргава (*Institutiones medicae* также *Aphorismi de cognoscendis et curandis morbis*, и *Commentaria* на эти афоризмы Свитена), *Тиссота* (Tissot, *Avis au peuple sur la santé*) и другихъ весьма немногихъ. Сверхъ того, рѣчь Керштенса заключаетъ въ себѣ столько наблюдательности и приложимости къ быту крестьянъ, что переведена была на Русскій языкъ особою книжкою, in 8°, вѣроятно для того, чтобы она могла распространиться между народомъ *.

Въ 1770 году Керштенсъ оставилъ Университетскую службу, и уѣхалъ на свою родину. При сдачѣ Минералогическаго Кабинета, которымъ онъ завѣдывалъ около 10 лѣтъ, оказались нѣкоторые безпорядки, и подали поводъ къ перепискѣ между Керштенсомъ и Конференціею. Керштенсъ оставилъ Кабинетъ безъ всякой описи, и передалъ своему преемнику, Проф. Афонину, только счетомъ, и то не совсѣмъ полнымъ. Въ свое оправданіе Керштенсъ писалъ въ Конференцію слѣдующее:

* Заглавіе этой книжки въ Русскомъ переводѣ: *Наставленія и правила врачебныя для деревенскихъ жителей, служащія къ умноженію недовольнаго числа людей въ Россіи.* Печатано при Императ. Москов. Университетѣ. Находится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Иностранныхъ дѣлъ.

«По рапорту, представленному Г. Профессором Афонинымъ о пріемѣ Минералогическаго Кабинета, видно, что въ немъ недостаетъ нѣкоторыхъ штуфовъ, впрочемъ весьма немногихъ, на 6,000 № не болѣе 40, но и эта утрата, говоритъ Керштенсъ, произошла не отъ моей вины.

1) Есть такіе минералы, которые, по своей натурѣ, не могутъ не вывѣтриваться или, что все равно, не могутъ не распадаться въ порошокъ или даже не разливаться; въ слѣдствіе такого вывѣтриванія въ Минералогическихъ Кабинетахъ отъ одного года до другаго происходятъ значительныя измѣненія.

2) Другіе минералы, особенно мягкіе и хрупкіе, отъ перенесенія ихъ съ одного мѣста на другое, легко разрушаются и дѣлаются безполезными. Университетскій Кабинетъ былъ перевозимъ нѣсколько разъ, и притомъ на весьма большія разстоянія, именно изъ Фрейберга въ С.-Петербургъ, оттуда въ Сибирь (на Уралъ), изъ Сибири опять въ Петербургъ, и наконецъ въ Москву. Послѣ этого неудивительно, что тутъ недостаетъ нѣкоторыхъ штуфовъ.

3) Легко могло быть, что въ самой Саксоніи, во время укупорки этого Кабинета для отсылки въ Россію, всѣ вывѣтрѣвшіе и распавшіеся штуфы, какъ безполезные, были отброшены.

4) Весьма вѣроятно, что первый владѣтель этого Кабинета въ Россіи, Ак. Ник. Демидовъ, желая видѣть, что прислали ему за его деньги, распаковывалъ ящики съ минералами; при этомъ случаѣ и при новой запаковкѣ также могли утратиться нѣкоторые штуфы.

5) Его Превосход. Иванъ Ивановичь Шуваловъ также любопытствовалъ видѣть этотъ Кабинетъ, когда онъ былъ пожертвованъ наслѣдниками Демидова. Я самъ, говоритъ Керштенсъ, видѣлъ это собраніе въ домѣ Его Превосходительства, въ бытность свою въ Петербургѣ 1757 года, передъ отправленіемъ своимъ въ Москву.

6) Наконецъ въ 1759 году, когда этотъ Кабинетъ былъ доставленъ уже въ Моск. Университетъ, то, какъ извѣстно Конференціи, онъ болѣе году находился въ завѣдываніи тогдашняго Ассессора и Библіотекаря, нынѣшняго Директора Г. Хераскова и Помощника Библіотекаря, Профессора Савича, и былъ разложенъ по столамъ въ Библіотекѣ. Тогда каждый

приходившій въ Библіотеку могъ разсматривать и брать въ руки выложенные минералы, пока наконецъ они переданы были мнѣ для пособія на минералогическихъ лекціяхъ, и для приведенія въ порядокъ, безъ каталога. Я долженъ былъ употребить большой трудъ, чтобы привести перемѣшанные минералы въ какой нибудь порядокъ.

Относительно того, что Кабинетъ остался безъ описанія, Керштенсъ отвѣчалъ, что онъ не обязанъ былъ этого дѣлать; поелику такая работа требовала особеннаго лица, которое бы не имѣло никакихъ другихъ занятій, кромѣ этого. Я же, пишетъ Керштенсъ, поставленъ былъ для преподаванія Минералогіи, а не для приведенія въ систематическій порядокъ весьма запутаннаго Кабинета; сверхъ того, самое завѣдываніе Кабинетомъ я принялъ на себя не въ силу контракта (въ которомъ не говорится ни слова о Кабинетѣ), а по просьбѣ и убѣжденію моего начальника, безъ всякой надежды получить за это какое либо вознагражденіе и т. д.

По всему видно, что Керштенсъ относительно Минералогическаго Кабинета передъ Конфеценціею былъ правъ, но неправъ передъ наукою. Впрочемъ эти свѣдѣнія мы привели не въ упрекъ Профессору Керштенсу, а для исторіи нашего Минералогическаго Кабинета.

КИКИНЪ, Алексѣй Ивановичь, Адъюнктъ Ветеринарной Полиціи, Гигіэны и Діэтетики, Докторъ Медицины, Статскій Совѣтникъ, сынъ Діакона, воспитывался на казенный счетъ въ Московскомъ отдѣленіи Императорской Медико-Хирургической Академіи, куда поступилъ въ 1825 году. Необыкновенное прилежаніе и особая наклонность къ зоотомическимъ занятіямъ Студента Кикина обратили на него вниманіе Начальства, и потому онъ, съ утвержденія Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, еще въ бытность Студентомъ, исправлялъ должность Прозектора Зоотоміи. Въ 1829 году Кикинъ утвержденъ Лѣкаремъ 1-го отдѣленія. Ему выдано свидѣтельство на серебряную медаль и, кромѣ того, за превосходные успѣхи въ наукахъ и похвальное поведеніе, онъ оставленъ при Академіи для достиженія Докторской степени и занятія ученыхъ должностей. Въ томъ же году онъ опредѣленъ Прозек-

торомъ Зоотоміи при Московскомъ отдѣленіи Медико-Хирургической Академіи. Во время свирѣпствовавшей въ Москвѣ эпидемической холеры, Кикинъ отличился необыкновеннымъ самопожертвованіемъ, подавая помощь больнымъ и съ тѣмъ вмѣстѣ изслѣдывая болѣзнь: онъ не только занимался лѣченіемъ разныхъ холерныхъ больныхъ и между прочимъ воспитанниковъ Академіи; но, по опредѣленію Конференціи, также вскрывалъ трупы умершихъ отъ холеры въ особо устроенномъ для того мѣстѣ. Онъ изложилъ свои изслѣдованія, и они были напечатаны на счетъ Академіи. За ревностное исполненіе обязанностей и примѣрное самопожертвованіе для блага ближнихъ Кикинъ былъ удостоенъ Всемилостивѣйшаго награжденія. Въ 1834 году, по окончаніи словеснаго экзамена и по защищеніи диссертаціи: «*De scorbuto*,» онъ утвержденъ въ степени Доктора Медицины. Полнота изслѣдованія, правильная оцѣнка собранныхъ данныхъ и ясность взгляда отличаютъ это разсужденіе. Кикинъ полагалъ, что измѣненія твердыхъ частей въ скорбутѣ суть послѣдовательныя, второстепенныя, зависящія отъ измѣненій крови. Его мнѣніе о сущности скорбута кратко изложено въ двухъ первыхъ положеніяхъ, которыя онъ защищалъ. Вотъ эти положенія: 1) qualis sanguis, talis nutritio in scorbuto; 2) vitia solidorum in scorbuto sunt consecutiva vel secundaria. Кромѣ степени Доктора Медицины, Кикинъ по экзамену пріобрѣлъ званія Акушера и Инспектора Врачебной Управы. Съ 1833 года онъ преподавалъ Зоотомію, Сравнительную Физіологію и ученіе объ эпизоотическихъ болѣзняхъ. Въ 1835 году утвержденъ Адъюнктъ-Профессоромъ, а въ 1836 году при распредѣленіи Профессорскихъ каѳедръ по новому штату, оставленъ при должности Прозектора Зоотоміи. Занимаясь постоянно Зоотоміею и имѣя въ виду облегчить воспитанникамъ Академіи изученіе Анатоміи домашнихъ животныхъ, Кикинъ издалъ *Краткую Зоотомію или руководство къ познанію строенія домашнихъ животныхъ* (част. I, 1837 г., стр. XXVI и 421; часть II, 1839 г., стр. VII и 405). При составленіи этого учебника, онъ руководствовался образцовыми иностранными зоотомическими сочиненіями (особенно сочиненіемъ К. Л. Шваба — Lehrbuch der Anatomie der Hausthiere, München,

1833 г. и зоотомическими таблицами Гурльта Anatomische Abbildungen der Haus-Säugethiere, Berlin, 1826 г.), лекціями Профессора Б. К. Мильгаузена и собственными наблюденіями. Учебникъ Кикина есть первый на Русскомъ языкѣ по предмету Анатоміи домашнихъ животныхъ. Онъ признанъ Конференціею Медико-Хирургической Академіи за классическую книгу и до сихъ поръ служитъ руководствомъ изучающимъ Ветеринарную Медицину. Незадолго до закрытія Московской Медико-Хирургической Академіи, Кикинъ, по предписанію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, преподавалъ Студентамъ 5-го класса общій обзоръ Ветеринарной Медицины и въ особенности науку о повальныхъ болѣзняхъ домашнихъ животныхъ. Въ 1845 году, по случаю упраздненія Московской Медико-Хирургической Академіи, онъ былъ уволенъ отъ занимаемой должности съ правомъ на половинную пенсію, а въ 1846 г. опредѣленъ въ Императорскій Московскій Университетъ Адъюнктомъ по каѳедрѣ Государственнаго Врачебновѣдѣнія, для изложенія ученія объ эпизоотическихъ болѣзняхъ и Ветеринарной Полиціи. Кромѣ того, Медицинскій Факультетъ поручилъ ему преподаваніе Гигіены и Діэтетики.

Алексѣй Ивановичь былъ необыкновенно ревностенъ къ исполненію своихъ обязанностей. Лекціи его отличались полнотою и ясностію изложенія. Онъ всегда готовъ былъ на помощь больнымъ. Обращаясь съ товарищами, уважалъ совѣты знающихъ и дружески помогалъ словомъ и дѣломъ тѣмъ, которые искали его помощи. Необыкновенное добродушіе и рѣдкая прямота отличали его характеръ. Онъ былъ любимъ и уважаемъ всѣми знавшими его, и нѣтъ такого между ними, который бы могъ помянуть его зломъ.

А. И. Кикинъ скончался 8-го Февраля 1852 г., на 42 году отъ роду, оставивъ вдову и десятилѣтняго сына. 10-го Февраля друзья, товарищи, ученики и люди, облагодѣтельствованные покойнымъ, собрались отдать ему послѣдній долгъ. Отпѣваніе тѣла происходило во храмѣ Св. Троицы, что въ Троицкой. Тѣло предано землѣ на Лазаревомъ кладбищѣ.

КИСТЕРЪ, Ѳедоръ Ивановичь, Лекторъ Нѣмецкаго языка и Словесности, Докторъ Правъ, Коллежскій Совѣтникъ и Ка-

валеръ, сынъ Брауншвейгскаго уѣзднаго Казначея Іоанна Кистера, родился 5-го Мая 1772 года въ Штатольдендорфѣ, въ герцогствѣ Брауншвейгскомъ. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ домѣ своихъ родителей; впослѣдствіи посѣщалъ Гимназію въ Гольцминденѣ, а въ 1792 году поступилъ въ Гельмштедтскій Университетъ, гдѣ посвятилъ себя изученію Юриспруденціи. Кромѣ того, посѣщая еще часто лекціи Бейрейса, онъ успѣлъ снискать благосклонность знаменитаго Профессора. По окончаніи Университетскаго курса наукъ, въ 1795 году, Кистеръ былъ вызванъ въ Россію въ качествѣ наставника. Здѣсь, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ занимаясь съ большимъ успѣхомъ воспитаніемъ юношества въ частныхъ домахъ, онъ такъ свыкся съ страною, что въ 1797 году принялъ присягу на подданство Россіи, которую съ тѣхъ поръ всегда считалъ своимъ вторымъ отечествомъ. Въ 1808 году, въ слѣдствіе испытанія, сдѣланнаго ему въ Моск. Университ., онъ получилъ степень Доктора Правъ; а въ 1811 году назначенъ Главнымъ Смотрителемъ Московской Коммерческой Академіи. Эту должность занималъ онъ до роковаго 1812 года, когда Академія вмѣстѣ съ другими зданіями первопрестольной столицы была истреблена знаменитымъ пожаромъ. По изгнаніи непріятеля, возвратясь въ обновленную Москву, Кистеръ былъ избранъ Директоромъ Школы при Евангелической Лютеранской церкви Св. Михаила. Но въ 1819 году онъ сложилъ съ себя эту должность и основалъ собственное учебное заведеніе для благородныхъ дѣтей мужескаго пола. Въ теченіи 20-ти-лѣтняго управленія его, это заведеніе, въ которомъ получило воспитаніе столько молодыхъ людей, занимающихъ теперь высшія военныя и гражданскія должности, постоянно обращало на себя своимъ превосходнымъ устройствомъ вниманіе Правительства; основатель его неоднократно удостоивался получать письменные похвальные отзывы отъ тогдашняго Училищнаго Комитета и Министерства Народнаго Просвѣщенія, и наконецъ за пользу, приносимую его заведеніемъ отечественному просвѣщенію, былъ всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ Ордена Св. Анны 3-й степени. Въ 1818 году онъ былъ опредѣленъ въ Университетскій Благородный Пансіонъ преподавателемъ Нѣмецкой Словесности въ высшихъ

классахъ, а въ 1823 году, Лекторомъ Нѣмецкаго языка при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ; отъ сей послѣдней должности въ 1834-мъ г. уволенъ по прошенію. Въ 1838 году онъ вступилъ въ Московскую Евангелическо-Лютеранскую Консисторію, въ качествѣ свѣтскаго засѣдателя, и за отлично-усердную и ревностную службу удостоился получить Высочайшее Его Императорскаго Величества благоволеніе. Кромѣ того съ 1841 по 1845-й годъ состоялъ онъ на службѣ въ Депутаціи, учрежденной при Коммиссіи строенія въ Москвѣ, Депутатомъ избраннымъ отъ Дворянства.

Кистеръ скончался 28 Марта 1849 г. Во время своей многолѣтней педагогической дѣятельности издалъ онъ нижеозначенныя учебныя руководства, за которыя Ея Величество Государыня Императрица всемилостивѣйше пожаловала автору драгоцѣнный бриллiантовый перстень. Всѣ изданія Кистера были введены во многія казенныя и частныя учебныя заведенія, а нѣкоторыя изъ его руководствъ достигли нынѣ пятаго изданія: 1) Handbuch der Geschichte und Characteristik der schönen Literatur der Deutschen. Zum Gebrauche der Vorlesungen über deutsche Literatur. Moskau, 1833; 2) Kurze Theorie der Dichtungsarten nebst einer vollständigen Beispielsammlung. Mit einem bibliographischen Verzeichniss der angeführten Dichter und einem deutsch-russischen Wörterbuche. 2 Theile. Moskau, 1834 und 1835; 3) Deutsches Lesebuch zum Gebrauch für Schulen und Gymnasien, nebst einem vollständigen deutsch-russischen Wortregister. Moskau, 1844. 4-te Auflage; 4) Der kleine Kinderfreund. Erster Unterricht in der deutschen Sprache, nebst einem Abriss der deutschen Sprachlehre. Mit sieben Kupfern. 3-te Auflage. Moskau. 1847; 5) Kurzer Abriss des etymologischen Theils der deutschen Sprachlehre. 2-te vermehrte Auflage. Moskau, 1836; 6) Neue deutsche Sprachlehre, mit Berücksichtigung der Sprachlehren von Heyse und Becker. 2 Theile, 1844; 7) *Постепенныя Занятія въ переводахъ съ Русскаго языка на Нѣмецкій и Французскій, въ трехъ отдѣленіяхъ*: a) *1-е для знающихъ Этимологію* и b) *2-е для знающихъ Синтаксисъ*. Обѣ части въ одномъ томѣ, 5-е исправленное изданіе. 1848 г. c) *3-е для высшихъ классовъ*, 3-е исправленное изданіе. Москва. 1847 г.

Добродущіе и желаніе услужить каждому были основными чертами характера Кистера. Онъ любилъ веселую бесѣду, былъ скроменъ въ сужденіяхъ о другихъ, и потому всѣми любимъ и уважаемъ. Многочисленные ученики покойнаго, представлявшіе ему при жизни неоднократныя доказательства своей привязанности, и теперь вспоминаютъ о немъ съ признательностью. Ко второму своему отечеству онъ питалъ горячую привязанность, такъ, что за нѣсколько минутъ до смерти, въ роковой годъ всеобщаго волненія въ Европѣ, послѣднія слова его заключили желаніе благъ и спокойствія усыновившей его Россіи.

КЛИМЕНКОВЪ, Степанъ Ивановичь, Адъюнктъ Государственнаго Врачебновѣдѣнія, Гигіэны и Діэтетики, Докторъ Медицины, Коллежскій Совѣтникъ, родился въ Смоленскѣ. Въ самомъ дѣтствѣ его, счастливый бытъ семьи былъ разрушенъ въ 1812 году внезапнымъ нашествіемъ непріятелей. При бѣдности и даже незнаніи грамотѣ, родители его желали только одного, чтобы старшій изъ двухъ сыновей умѣлъ читать и писать, и зналъ Священное Писаніе.—Два года Клименковъ учился грамотѣ у Діакона, но наставникъ не выучилъ его даже и чтенію, а въ заключеніе объявилъ ученика неспособнымъ. Тогда родители, по совѣту добрыхъ людей, помѣстили его въ 1-й классъ Смоленскаго Уѣзднаго училища. Учитель Н. Гриневъ въ два мѣсяца научилъ его правильному чтенію и хорошему письму и подалъ добрую надежду родителямъ. При его заботливомъ наблюденіи, ученикъ скоро сравнялся съ товарищами, переходилъ изъ класса въ классъ, былъ награжденъ четырьмя книгами, и окончилъ курсъ ученія съ отличными успѣхами. Не одинъ разъ отзывались въ памяти его слова родителя, сказанныя однажды при немъ одному близкому знакомому: «Я знаю, мой сынъ заплатитъ намъ за любовь нашу; онъ будетъ Докторомъ и подпорою нашею.»

Эти слова глубоко врѣзались въ сердцѣ его,—и мысль отца какъ будто указала сыну прямое его призваніе. Но для того, чтобы ему послѣдовать, надобно было побѣдить большое препятствіе: выучиться Латинскому языку, а за этотъ языкъ онъ

весьма поздно принялся въ Гимназіи. Потому все наступившее за годичными экзаменами вакаціонное время и слѣдующіе за тѣмъ 2 мѣсяца посвящены были изученію Латинскаго языка и Русской Словесности; въ это время ученикъ прошелъ почти всю Латинскую Грамматику, выучилъ до 4 тысячь Латинскихъ словъ и, испытавъ себя въ переводахъ, явился опять въ Гимназію. Здѣсь въ классѣ Латинскаго языка, занявши мѣсто на пустой лавкѣ, проходилъ всѣ уроки наравнѣ съ другими. Постоянное его посѣщеніе Латинскаго класса обратило на ученика вниманіе учителя и на вопросъ его «что ты здѣсь дѣлаешь?» онъ отвѣчалъ: «учусь по-Латинѣ.»—Спустя лѣто по малинку, другъ мой, сказалъ онъ ему, но постой, я посмотрю на успѣхъ твой. Переводъ нѣсколькихъ строчекъ изъ Корнелія Непота, и правильный грамматическій разборъ вызвали добрую улыбку и истинное родственное участіе учителя. «Теперь ты ученикъ мой,» говорилъ онъ ему, трепля его по плечу; «учись въ 4-мъ классѣ, но ходи и во 2-й, гдѣ еще лучше изучишь Грамматику.» Къ концу года ученикъ сдѣлался первымъ Латинистомъ 2-го курса и авдиторомъ въ 4-мъ классѣ.

По окончаніи учебнаго года, въ 1823 году, въ Августѣ мѣсяцѣ Клименковъ отправился въ Москву съ письмомъ истиннаго благодѣтеля своего, Директора Смоленской Гимназіи, Льва Ѳедоровича Людоговскаго, * къ другу его и современнику по образованію, Ректору Университета, А. А. Прокоповичу-Антонскому. Въ письмѣ этомъ была исключительная рекомендація объ успѣхахъ Гимназиста въ Русской Словесности и Поэзіи. По прочтеніи письма, Антонъ Антоновичь далъ ему двѣ темы, — и написанными имъ сочиненіями остался очень доволенъ.

Въ Сентябрѣ, Клименковъ поступилъ въ число слушателей Университета, и вѣрный цѣли, указанной покойнымъ отцемъ, вопреки волѣ Ректора, который почиталъ за лучшее идти ему по Словесному отдѣленію, поступилъ въ Медицинскій Факуль-

---

* Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, бывшаго въ 1790 году секретаремъ при главномъ Кураторѣ Шуваловѣ и 35 лѣтъ Директоромъ Гимназіи.

тетъ. Въ горькой и тяжкой нуждѣ, добрый землякъ рекомендаціею на урокъ помогъ Студенту. Но со 2-го курса онъ уже поступилъ на казенное содержаніе. Въ 1827 году 7-го Сентября, Клименковъ утвержденъ, по экзамену, въ степени Лѣкаря 1-го отдѣленія съ отличіемъ и, 15-го Декабря, оставленъ для достиженія Докторской степени. — Въ 1828 году 24-го Мая, опредѣленъ Помощникомъ Инспектора Студентовъ.—Въ 1829 году 4-го Сентября, переименованъ Помощникомъ Директора Медицинскаго Института. Въ 1830 году, въ Январѣ, принялъ въ завѣдываніе Библіотеку Медицинскаго Института, названную потомъ Библіотекою казенныхъ Студентовъ Московскаго Университета. — Въ 1834 году 2-го Апрѣля, опредѣленъ врачемъ Студентской Больницы Московскаго Университета. — Съ 15-го Мая, по утвержденіи новой инструкціи Инспектору Студентовъ, переименованъ опять въ Помощники Инспектора. — Съ 1-го Мая по 1-е Октября, исправлялъ 5 мѣсяцевъ должность Инспектора казенныхъ Студентовъ и Директора Медицинскаго Института. Съ этого же 1834 по 1852 годъ, исправлялъ 21 разъ должность Инспектора Студентовъ: 18 разъ при бывшемъ Инспекторѣ, Капитанѣ 2-го ранга П. С. Нахимовѣ, во время командировокъ, отпусковъ, болѣзни его и каждый разъ въ вакаціонное время,—и 6 мѣсяцевъ (съ 1-го Октября по 18-е Апрѣля) по выходѣ его изъ Университета; потомъ 3 мѣсяца въ 1849, 1850 и 1851 годахъ, во время отсутствія Инспектора Студентовъ Дѣйств. Ст. Совѣт. И. А. Шпеера. Съ того же 1834 до конца 1850 года (въ теченіе 17 лѣтъ), сверхъ обязанности врача Студентской больницы, по распоряженію Гг. Попечителей Московскаго Учебнаго Округа, постоянно бывалъ командированъ при всѣхъ судебно-медицинскихъ случаяхъ по Университету, и подавалъ врачебныя пособія Студентамъ, слушателямъ, чиновникамъ и служителямъ Университета, проживающимъ въ Университетѣ и на вольныхъ квартирахъ, а въ продолженіи 10 лѣтъ всегда бывалъ командированъ, какъ консультантъ, въ 1-ю и 2-ю Московскія Гимназіи, — въ случаѣ опасныхъ болѣзней воспитанниковъ.

Въ 1838 году составилъ и напечаталъ *Алфавитный Ката-*

логъ книгъ Библіотеки Студентовъ Московскаго Университета. Этотъ каталогъ раздѣленъ былъ, по содержанію ихъ, на 4 отдѣла, по четыремъ Факультетамъ Университета. — Въ 1839 и 1841 годахъ напечатаны были имъ два дополнительныхъ списка къ этому каталогу.—Въ 1849 году составленъ и напечатанъ новый полный Каталогъ Студентской Библіотеки. Къ четыремъ отдѣламъ его прибавлены: отдѣлъ 5) книги Польскія, Сербскія, Чешскія и другихъ Славянскихъ нарѣчій; 6) книги, служащія для перевода съ одного языка на другой; 7) журналы и другія періодическія изданія, и 8) смѣсь.

Эта подручная Библіотека казенныхъ Студентовъ, принятая Клименковымъ въ числѣ 700 томовъ, заключала уже по послѣднему каталогу до 8000 томовъ и вмѣщала въ себѣ всѣ новѣйшія изданія по всѣмъ отраслямъ наукъ.

Въ 1840 году Октября 26-го дня, по предложенію Г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, возложена была на него обязанность покупать у книгопродавцевъ и выписывать изъ-за границы книги, какъ для Студентской Библіотеки, такъ и въ собственность Студентовъ. При исполненіи этого порученія, въ продолженіи 9 лѣтъ, Клименковъ ежегодно дѣлалъ противъ объявленныхъ книгопродавцами цѣнъ 5-ю долю экономіи.

Въ 1847 и 1848 годахъ, во время свирѣпствованія въ Москвѣ эпидемической болѣзни—холеры, Клименковъ завѣдывалъ, по распоряженію Гг. Попечителей Графа Строганова и Голохвастова, учрежденною при больницѣ Студентовъ холерною больницею.—Въ 1847 году, съ 18-го Сентября по 13-е Декабря, и въ 1848 г., съ 28-го Мая по 5-е Сентября, подавалъ пособія заболѣвавшимъ холерою, казеннымъ и своекоштнымъ Студентамъ, чиновникамъ и служителямъ Университета, членамъ семействъ ихъ и крѣпостнымъ людямъ чиновниковъ Университета.—Таковыя же пособія подаваемы были имъ, въ лѣтнее время казеннокоштнымъ Студентамъ на занимаемой ими дачѣ, и своекоштнымъ Студентамъ на квартирахъ, въ разныхъ мѣстахъ Москвы и въ окрестныхъ селеніяхъ.

Всѣ расходы по холерной больницѣ и на раздачу лѣкарствъ на сторону производились имъ изъ годичной суммы, положен-

ной на Студентскую больницу, 2228 р. 50 к., съ соблюденіемъ 494 р. 64¼ к. экономіи *.

Съ 1-го Октября 1847 по 1851-й годъ, имѣлъ особыя порученія по наблюденію за Студентами.—Уволенный, по прошенію, въ разное время отъ всѣхъ означенныхъ должностей, изъ которыхъ исправлялъ постоянно отъ 4 до 5 вмѣстѣ, въ 1852 году Іюня 30-го дня, удостоенъ званія Адъюнкта по каѳедрѣ Государственнаго Врачебновѣдѣнія, съ возложеніемъ на него, по распоряженію Г. Попечителя, преподаванія Гигіэны и Діэтетики и должности врача Университета. Въ 1833 году Ноября 2-го дня, произведенъ въ званіе Штабъ-Лѣкаря; въ 1838 году получилъ, по установленному порядку, степень Доктора Медицины, защитивъ диссертацію: *de Haemorrhoidibus.* — За содѣйствіе въ предохраненіи учебныхъ заведеній отъ холеры, въ 1835 году, Всемилостивѣйше пожалованъ за отлично-усердную службу бриллiантовымъ перстнемъ. — Въ 1853 году Ноября 27-го дня, награжденъ за отлично-усердную службу и особые труды орденомъ Св. Анны 2-й степени. Въ 1853 году Мая 24-го дня, выслужилъ знакъ отличія безпорочной службы за XXV лѣтъ.

Клинъ, Эрнстъ Ѳедоровичь (Ernst Klien), Преподаватель Латинскаго языка и Стилистики, родился въ 1795 г., въ Барутѣ, мѣстечкѣ верхней Лузаціи, гдѣ отецъ его, Пасторъ Наѳанаилъ Клинъ, жилъ съ семьею, состоявшею изъ девяти сыновей и трехъ дочерей. Отецъ его, не взирая на свою обязанность

* Изъ отчетовъ по холерной Больницѣ, поданныхъ въ Правленіе Университета, видно, что въ осеннюю эпидемію 1847 г. и въ лѣтнюю 1848 года, a) больныхъ холерою *въ полномъ ея развитіи* было: a) въ больницѣ 24, b) на квартирахъ 10; B) больныхъ холерою *въ легкой степени ея:* a) въ больницѣ 19, b) на квартирахъ и приходящихъ съ начальными легкими признаками болѣзни и съ кровавымъ поносомъ, какъ измѣненною собственно въ формѣ своей холерою, 272. Изъ больныхъ холерою въ полномъ развитіи ея умерло 3. Отправлены въ опасномъ положеніи въ другія больницы 2. Видимые результаты лѣченія ея отнесены врачемъ собственно къ своевременной помощи.

проповѣдывать каждое воскресенье на Нѣмецкомъ и на Лужицкомъ языкахъ и во другія воскресныя занятія, посвящалъ сво добросовѣстно дома, вмѣстѣ съ другими дѣтьми. На тринадцатомъ году возраста Эрнстъ Клинъ поступилъ въ Будишинскую Гимназію, которою въ то время управлялъ ученый Зибелисъ. Въ это самое время большое несчастіе постигло всю семью:—въ день битвы при Бауценѣ сгорѣлъ домъ Пастора, и онъ остался безпомощнымъ съ восемью дѣтьми на рукахъ. Старшій братъ Эрнста Клина вступилъ одинакожъ въ этомъ же самомъ году въ Лейпцигскій Университетъ для изученія Богословія, а Эрнстъ, пробывъ еще въ Гимназіи два года, поступилъ туда же, снабженный свидѣтельствомъ maturitatis et paupertatis, съ намѣреніемъ изучать Медицину; но, слѣдуя желанію отца, сталъ слушать лекціи Богословія и посѣщалъ курсы филологическіе Готфрида Германа и Христіана Даніэля Бёка, философскіе Круга, Гейнрота, Венда и Платнера, историческіе Бёка, Пёлица и Чирнера, экзегетическіе и догматическіе Бёка и Титмана. Будучи въ Университетѣ, онъ имѣлъ счастіе своими сочиненіями заслужить королевскую и большую стипендію.—Окончивъ черезъ три года курсъ Богословія и проповѣдывавъ нѣсколько разъ на Лужицкомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, Эрнстъ Клинъ занялся Филологіею и Педагогіею. Раннее знакомство съ Директоромъ такъ называемой Thomasschule, Ростомъ и учеными Плато и Долцемъ возбудило въ немъ призваніе къ этимъ наукамъ, которымъ онъ посвятилъ себя совершенно. По этому онъ сталъ слушать лекціи: Христіана Бёка, Шпона, Линднера и Долца. Черезъ покровительство Долца получилъ онъ частное мѣсто у Бургомистра Эйнерта. Смерть отца заставила его заботиться объ оставшемся семействѣ и потому онъ долженъ былъ занять каѳедру въ Шварцбургъ-Зондергаузенскомъ Институтѣ. Оттуда перешелъ онъ въ Лейпцигъ учителемъ при Thomasschule. Здѣсь здоровье его разстроилось отъ чрезмѣрныхъ занятій, и потому онъ вступилъ въ домъ Графа Вилопольскаго, гдѣ оставался цѣлый годъ. Наконецъ онъ прибылъ въ Дрезденъ, гдѣ имѣлъ счастіе пріобрѣсти знакомство въ ученомъ кругу Бёттигера, Тика, Тидге, Аммона, Гребеля и Зиллига.—Здѣсь же, услышавъ отъ многихъ о гостепріимствѣ, съ которымъ Россія при-

нимаетъ иностранцевъ, рѣшился онъ избрать ее новымъ отечествомъ. Вскорѣ, по прибытіи его въ Москву, познакомился онъ съ знаменитыми учеными Лодеромъ и Фишеромъ Фонъ-Валдгеймъ, и поступилъ черезъ ихъ посредничество домашнимъ учителемъ въ семейство Д. Т. Совѣтника, Князя Павла Павловича Гагарина, гдѣ и пробылъ два года съ половиною. Въ этомъ домѣ онъ еще болѣе сблизился съ Профессоромъ Лодеромъ. Во время проѣзда Александра Гумбольдта черезъ Москву на Уралъ, Клинъ, по просьбѣ Профессора Лодера, привѣтствовалъ этого великаго мужа Латинскими стихами, въ день празднества, устроеннаго для принятія его въ Дворянскомъ собраніи. Гумбольдтъ, прочитавши стихи, срѣзалъ всѣ цвѣты съ розана, который передъ нимъ стоялъ, и передалъ ихъ Клину передъ всѣмъ собраніемъ руками самаго Г. И. Фишера. Также, по просьбѣ Лодера, два Латинскія стихотворенія были написаны Клиномъ въ 1828 году, для празднованія дня рожденія Гёте, и Лодеръ, противъ воли Клина, послалъ эти стихотворенія великому поэту Германіи, который изъявилъ ему свою благодарность очень ласковымъ письмомъ. Два государственныхъ мужа предлагали Клину выгодныя мѣста домашнихъ наставниковъ въ Петербургѣ; но Клинъ, не желая оставить Москвы, не принялъ этихъ предложеній. Въ 1837 году, Клинъ, по предложенію Попечителя Университета, Графа С. Г. Строганова, вступилъ Преподавателемъ Латинскаго языка въ Московскій Университетъ на мѣсто Проф. Якубовича. По смерти Проф. Крюкова, онъ два года занималъ его каѳедру. Сначала слушали его Студенты Медицинскаго и Юридическаго Факультетовъ, но потомъ онъ былъ переведенъ въ Историко-Филологическій Факультетъ и съ этихъ поръ преподаетъ Студентамъ IV курса Латинскую Стилистику по своимъ запискамъ; руководствуетъ занятіями Студентовъ Греко-Латинской Семинаріи и упражняетъ I, II и IV-го курса Студентовъ въ Латинскихъ сочиненіяхъ.

По прибытіи Клина въ Россію, кромѣ *трехъ стихотвореній* на Латинскомъ языкѣ, имъ написаны были: *вторая часть Анатоміи* Лодера, которая впрочемъ не была напечатана, по случаю его смерти, рѣчь при открытіи Греко-Латинской Семинаріи и разсужденіе на степень Доктора: *Quo modo et quo*

ordine classici Graecorum et Romanorum auctores in scholis legendi sunt?

КНИРИМЪ, Егоръ Ивановичь (Johann Georg), второй Лекторъ Нѣмецкаго языка, изъ дворянъ, сынъ Рижскаго Ратмана Ивана Фонъ-Книримъ, родился въ 1807 году въ Ригѣ, гдѣ и получилъ первое воспитаніе въ Соборной школѣ (Domschule), потомъ продолжалъ ученіе въ Рижской Гимназіи. Окончивъ полный курсъ въ семъ заведеніи, онъ вступилъ въ Дерптскій Университетъ, гдѣ слушалъ лекціи по Юридическому Факультету, съ 14-го Января 1824 года. Оттуда, по окончаніи трехгодичнаго курса, не подвергшись испытанію на степень Дѣйствительнаго Студента, онъ уволенъ, 1827 года 17-го Декабря, съ свидѣтельствомъ безъ права на чинъ 12-го класса, Высочайше дарованнаго Студентамъ, окончившимъ полный Университетскій курсъ. Тогда онъ возвратился въ отцовскій домъ, и жилъ тамъ нѣсколько лѣтъ безъ должности, занимаясь Педагогіею для приготовленія себя къ учительскому званію. Въ 1834 г. онъ отправился въ Москву, и 7-го Сентября того же года опредѣленъ учителемъ Нѣмецкаго языка въ Московскую Губернскую Гимназію.—Въ 1836 г. Октября 17-го, съ разрѣшенія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, приглашенъ въ Университетъ для преподаванія Нѣмецкаго языка. На основаніи Высочайше утвержденнаго 4-го Октября 1838-го года положенія Комитета Гг. Министровъ предписано считать Книрима въ дѣйствительной службѣ при Университетѣ и пользоваться ему всѣми правами и преимуществами, штатнымъ Лекторамъ предоставленными, со дня допущенія къ должности Лектора, 1838 года 8-го Октября.—1839 г. Марта 17-го, Всемилостивѣйше пожалованъ единовременною денежною наградою по службѣ въ Александринскомъ Сиротскомъ Институтѣ, гдѣ также занимался преподаваніемъ Нѣмецкаго языка въ высшихъ классахъ.—Въ 1843 г. Мая 25-го, произведенъ въ Коллежскіе Ассессоры. Кромѣ службы онъ занятъ былъ преподаваніемъ Нѣмецкаго языка въ училищѣ при Лютеранской Церкви Св. Ап. Петра и Павла и во многихъ частныхъ заведеніяхъ для благородныхъ дѣвицъ, и вездѣ пріобрѣлъ себѣ уваженіе и любовь учащихся. Преподаваніе

его отличалось особенною ясностью и умѣньемъ приноравливаться къ дѣтскимъ понятіямъ. Но на этомъ поприщѣ, за недостаткомъ времени, онъ не могъ ничего ни издать, ни приготовить къ печати. Въ концѣ 1844 года продолжительная болѣзнь принудила его прекратить уроки, какъ въ частныхъ, такъ и въ казенныхъ заведеніяхъ, и въ 1845 году онъ уволенъ отъ должностей своихъ до выздоровленія. Однакожъ онъ скончался весною 1846 года, и благодарныя ученицы воздвигли прекрасный памятникъ на могилѣ искренно любимаго ими наставника.

КОНОПЛЕВЪ, Николай Гавриловичь, Преподаватель Арабскаго языка, изъ купеческаго званія, вступилъ въ Императорскій Московскій Университетъ въ 1822 году, вольнымъ слушателемъ. Въ 1825 г. произведенъ былъ въ Дѣйствительные Студенты; а въ 1826 г. Правительствующимъ Сенатомъ исключенъ изъ податнаго сословія и удостоенъ степени Кандидата. Въ 1828 г., по Высочайшему повелѣнію, отправленъ въ С.-Петербургъ на счетъ хозяйственныхъ суммъ Московскаго Университета, для изученія Восточныхъ языковъ, на три съ половиною года, съ жалованьемъ по 1,200 р. асс. въ годъ. По окончаніи полнаго курса языковъ Арабскаго, Персидскаго и Турецкаго, онъ получилъ свидѣтельство отъ Профессоровъ С.-Петербургск. Университ. къ отправленію на Востокъ для усовершенствованія. Въ 1832 году, возвратился въ Москву и, получивъ отъ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія отсрочку своего путешествія, занялся преподаваніемъ Арабскаго языка при Университетѣ съ $183\frac{3}{4}$ Академ. года. Въ преподаваніи онъ слѣдовалъ руководствамъ Профессора Болдырева. Успѣвшимъ въ Арабскомъ языкѣ изъяснялъ Абдулъ-Латифа о достопримѣчательностяхъ Египта, Муаллакаты, и занималъ ихъ переводами съ Русскаго языка на Арабскій. Такъ продолжалъ онъ до Іюня 1836 г. Занимался переводами Гюлистана и Туртинаме. Въ Ученыхъ Запискахъ Моск. Ун. за $183\frac{4}{5}$ годъ помѣстилъ нѣсколько переводовъ и статей своихъ.

КОРКУНОВЪ, Михаилъ Андреевичь, Экстраординарный Академикъ, Членъ и Правитель дѣлъ Археографической Ком-

миссіи, бывшій Преподавателемъ Историческихъ наукъ въ Московскомъ Университетѣ, Статскій Совѣтникъ, Кавалеръ Ордена Св. Владиміра 3-й степ., сынъ Берггешворена Андрея Коркунова, родился 2-го Сентября 1806 года, въ городѣ Перми. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ домѣ дѣда Оберъ-Гиптенферваятера Козмы Коркунова и потомъ въ Пермской Семинаріи, какъ вольноприходящій ученикъ. Въ Семинаріи онъ пробылъ пять лѣтъ, годъ въ Уѣздномъ училищѣ и по два года въ классахъ Риторики и Философіи. Дѣдъ желалъ, чтобы внукъ его, по выходѣ изъ Семинаріи, посвятилъ себя горной службѣ, но не такъ думалъ Коркуновъ; онъ думалъ только объ Университетѣ, и приготовилъ просьбу на имя Вѣнценоснаго Покровителя наукъ; но просьба эта была открыта и уничтожена на семейномъ совѣтѣ, и Коркуновъ обратился къ П. П. Свиньину, бывшему, въ 1824 г., въ Перми. Свиньинъ, съ помощію Бергъ-Инспектора Булгакова, выхлопоталъ молодому Коркунову позволеніе дѣда и отца его на отправленіе въ Университетъ. Въ Москвѣ П. П. Свиньинъ представилъ Коркунова Ивану Ивановичу Дмитріеву и по обычаю своему примолвилъ: «онъ пѣшкомъ, какъ Ломоносовъ, пришелъ въ Москву и пишетъ стихи.» (Коркуновъ ѣхалъ изъ Перми въ Москву на долгихъ и потому находился въ пути болѣе мѣсяца). Дмитріевъ, въ отвѣтъ на рекомендацію Свиньина, совѣтовалъ Коркунову заниматься въ Университетѣ Исторіею, особенно Русскою, а не стихами. Совѣтъ ли Дмитріева подѣйствовалъ на Коркунова или лекціи Профессоровъ, только въ теченіе всего курса онъ не писалъ стиховъ, и на актѣ 1827 года, по окончаніи Университетскаго курса, изъ рукъ Дмитріева получилъ медаль за историческое сочиненіе. Дмитріевъ, забывшій безъ сомнѣнія о прежнемъ своемъ совѣтѣ, снова повторилъ Коркунову на актѣ почти тѣ же слова, какія Коркуновъ слышалъ отъ него при вступленіи своемъ въ Университетъ, въ квартирѣ Свиньина.

Небольшое историческое сочиненіе, напечатанное Коркуновымъ въ томъ же 1827 году, обратило на него вниманіе членовъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, и онъ былъ удостоенъ званія Соревнователя Общества. Званіе это, лестное для молодаго ученаго, вызывало его на труды по

Русской Исторіи, но другое назначеніе вскорѣ отвлекло его отъ историческихъ занятій: въ Августѣ 1828 года Коркуновъ опредѣленъ былъ преподавателемъ Арабскаго языка въ Московскомъ Университетѣ. Недостаточность получаемаго имъ по сей должности содержанія (85 руб. въ годъ) заставила Коркунова, въ 1830 году, принять званіе Учителя Географіи въ бывшемъ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ, гдѣ и оставался онъ до преобразованія сего Пансіона въ Гимназію. Въ Октябрѣ 1832 года, Коркунову поручено было, вмѣсто Арабскаго языка, чтеніе лекцій по Древней Географіи для Студентовъ перваго курса Словеснаго Отдѣленія. Кромѣ того, въ 1834 году, онъ читалъ лекціи Всеобщей Исторіи, Географіи и Статистики для чиновниковъ, обязанныхъ службою, а въ 1835 году, за отъѣздомъ Профессора Погодина за границу, преподавалъ Всеобщую Исторію для первогодичныхъ Студентовъ и былъ Помощникомъ Профессора, завѣдывающаго Университетскимъ Минцъ-Кабинетомъ. За изслѣдованія по Древней Географіи, напечатанныя Коркуновымъ въ издаваемыхъ тогда отъ Университета Ученыхъ Запискахъ, онъ удостоился Высочайшаго благоволенія 1834 г. Авг. 6-го, и благодарности Начальства 1835 г. Іюля 24-го.

Въ 1836 году 7-го Января Коркуновъ оставилъ Университетъ и Москву и переѣхалъ въ Петербургъ. Въ томъ же 1836 году 22-го Февраля онъ избранъ въ Дѣйствительные Члены Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ; въ началѣ 1837 г. 13-го Марта, опредѣленъ чиновникомъ Археографической Коммиссіи и вскорѣ за тѣмъ 15-го Мая Правителемъ дѣлъ той же Коммиссіи.

Во время службы въ Московскомъ Университетѣ, Коркуновъ напечаталъ слѣдующія сочиненія и переводы: а) сочиненія: 1) *Описаніе города Оханска, по матеріаламъ, собраннымъ на мѣстѣ*; помѣщено въ Вѣстникѣ Европы; 2) *Описаніе рукописнаго сборника*, въ Трудахъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ; 3) *Географическія свѣдѣнія Гомера, изложенныя систематически*, въ Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета; 4) *О мѣстоположеніи Фарсиса*, въ Телескопѣ и 5) *Три пятницы*, статья нравоописательная, въ

томъ же журналѣ; б) переводы: 1) *Чертоги Майи* изъ Арабской касиды, помѣщено въ Московскомъ Вѣстникѣ; 2) *О мнимомъ путешествіи Финикіянъ вокругъ Африки при Нехао*, изъ Госелена, въ Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета, и 3) *О мѣстоположеніи Офира*, въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ то же время онъ издалъ *Путешествіе къ Святымъ мѣстамъ, совершенное въ XVIII ст. Іеродіакономъ Троицкой Сергіевой Лавры*, Москва, 1836 г. — Въ бытность Правителемъ дѣлъ Археографическ. Коммиссіи К. исполнялъ слѣдующія ученыя порученія: осмотрѣлъ собранія рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Санктпетербургской Духовной Академіи и при Императорскомъ Эрмитажѣ, разсмотрѣлъ многочисленныя коллекціи старинныхъ столбцевъ, поступившія въ Коммиссію изъ Иркутскаго Губернскаго Правленія, изъ Бѣжецкаго, Верхотурскаго и Соликамскаго Уѣздныхъ Судовъ, изъ Каширскаго Городническаго Правленія и Рославльскаго Магистрата, и составилъ подробную опись 493 грамотамъ и столбцамъ Новгородской Казенной Палаты. Между тѣмъ, будучи и постояннымъ сотрудникомъ журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, занимался составленіемъ обозрѣнія статей, помѣщенныхъ въ періодическихъ изданіяхъ по части Русской Исторіи, и напечаталъ критическіе разборы книгъ: 1) Словаря достопамятныхъ людей Русской земли, составленнаго Бантышъ-Каменскимъ, 2) Рукописи Филарета Патріарха Московскаго, изданной Мухановымъ, 3) Географическаго, историческаго и статистическаго описанія Соловецкаго Монастыря, составленнаго Архимандритомъ Досиѳеемъ, 4) Крымскаго сборника, составленнаго Кеппеномъ, 5) О Россіи, сочиненія Кошихина, изданнаго Археографическою Коммиссіею, и 6) Опыта алфавитнаго указателя къ Русскимъ періодическимъ изданіямъ, составленнаго Быстровымъ. Сверхъ того, помѣстилъ въ журналѣ же Министерства Народнаго Просвѣщенія статьи: 1) *Карта военныхъ дѣйствій между Русскими и Поляками въ 1579 г. и тогдашніе планы города Полоцка и окрестныхъ крѣпостей*, и 2) *Описаніе старинняго Русскаго перстня.*

Въ 1840 году М. А. Коркуновъ опредѣленъ Членомъ Археографической Коммиссіи, и въ этомъ званіи участвовалъ

въ изданіи древнихъ Русскихъ документовъ, а именно: 1) третьяго тома Актовъ историческихъ, вышедшаго въ свѣтъ въ 1841 году, 2) пятаго тома тѣхъ же Актовъ, напечатаннаго въ 1842 году, 3) перваго и 4) втораго томовъ Дополненій къ Актамъ историческимъ, въ 1846 году. Въ 1848 году продолжалъ участвовать въ изданіи третьяго тома Дополненій къ означеннымъ актамъ. Независимо отъ ученыхъ трудовъ по Коммиссіи, Коркуновъ, по порученію Г. Предсѣдательствующаго во 2-мъ Отдѣленіи Академіи Наукъ, оказывалъ въ теченіе 1846 г. успѣшное содѣйствіе въ изданіи 2 тома Церковно-Славянскаго и Русскаго Словаря, и представилъ Отдѣленію значительное собраніе словъ, пропущенныхъ въ прежнихъ словаряхъ и выбранныхъ имъ изъ Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи и другихъ книгъ.

По представленію Отдѣленія Русскаго языка и Словесности, (въ 1847 г.) избранъ въ Адъюнкты Общимъ Собраніемъ Академіи, на что послѣдовало и Высочайшее утвержденіе. Въ 1851 г. избранъ Академіею въ Экстраординарные Академики Отдѣленія Русскаго языка и Словесности, на что послѣдовало и Высочайшее соизволеніе. Въ занятіяхъ Отдѣленія онъ принималъ самое живое участіе съ 1847 года. Плоды ученыхъ трудовъ его ощутительны, кромѣ II-го Отдѣленія Академіи, въ Археографической Коммиссіи и въ Императорскихъ Географическомъ и Археологическомъ Обществахъ.

Въ то время, когда еще издавался Словарь Церковно-Славянскаго и Русскаго языка, Коркуновъ исполнилъ одну изъ труднѣйшихъ обязанностей при редакціи: онъ провѣрилъ ссылки на памятники Церковно-Славянскіе и старинные Русскіе, не только во 2-мъ томѣ, котораго онъ былъ редакторомъ съ Академикомъ А. Х. Востоковымъ, но и въ значительной части прочихъ трехъ томовъ. Равнымъ образомъ для всего изданія этого словаря имъ приготовлено было большое количество примѣровъ изъ новыхъ Русскихъ писателей. Едва въ Отдѣленіи принято было намѣреніе о приготовленіи матеріаловъ для дополненія въ новомъ изданіи отпечатаннаго тогда словаря, онъ приступилъ къ пересмотру старинныхъ актовъ, выбирая изъ нихъ пропущенныя слова, или внесенныя въ словарь безъ объяснительныхъ примѣровъ. Въ 1849 году

приступлено было Отдѣленіемъ къ печатанію «Опыта словаря областныхъ словъ.» Для облегченія умноженныхъ трудовъ его редактора, Академика А. Х. Востокова, Коркуновъ постоянно занимался повѣркою и пополненіемъ многочисленныхъ сборниковъ, служившихъ основою при его составленіи. Ученая и даже матеріальная корректура изданія находитъ въ немъ труженика всегда готоваго на совершенствованіе дѣла, которое въ своемъ родѣ еще первое у насъ въ Россіи и требуетъ не только постоянной внимательности, но и безпрерывныхъ розысканій.

Труды по Археографической Коммиссіи нисколько не ослаблены имъ для успѣховъ занятій по Отдѣленію. Долговременными опытами онъ убѣдился, въ какомъ соотношеніи находятся они, и какую можно изъ одного дѣла извлечь пользу для другаго. Въ теченіе двухъ лѣтъ, съ 1848 года, подъ наблюденіемъ главнаго редактора Коммиссіи Академика Я. И. Бередникова, Коркуновъ напечаталъ III и V томы Актовъ Историческихъ, также I, II и III томы Дополненій къ нимъ. Въ 1850 г. кончено имъ изданіе IV тома тѣхъ же дополненій. Изъ находящихся въ Коммиссіи многочисленныхъ рукописей, онъ, въ продолженіе 1851 г., отобралъ матеріалы и приступилъ къ печатанію упомянутыхъ дополненій въ V томѣ. Здѣсь читатели встрѣтятъ любопытные акты о походѣ противъ Стеньки Разина, отрывки изъ Патріаршихъ выходовъ, документы объ осадѣ Соловецкаго монастыря, акты касательно пріисковъ рудъ при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ и т. д. Составитель подобныхъ изданій, ежели они вполнѣ удовлетворяютъ требованіямъ историковъ, по праву занимаетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ ученой литературѣ, обнаруживая проницательный взглядъ при выборѣ матеріаловъ и большія филологическія свѣдѣнія при разрѣшеніи безпрерывныхъ недоумѣній въ старинномъ языкѣ и часто испорченномъ текстѣ.

Императорское Русское Географическое Общество, желая воспользоваться опытностью и знаніями нашего Академика, включило его въ число Членовъ своего редакціоннаго Комитета. (Изъ Отчетовъ Императорской Академіи Наукъ, изданныхъ въ 1852 году).

Ученые труды Коркунова по изданію древнихъ докумен-

товъ неоднократно удостоивались Высочайшихъ наградъ. Въ настоящее время Академикъ Коркуновъ занимается печатаніемъ VI тома Дополненій къ Актамъ Историческимъ, заключающимъ въ себѣ документы послѣднихъ лѣтъ царствованія Алексія Михаиловича.

КОРОВНИЦКІЙ, Александръ Сикстовичъ, Ординарный Профессоръ Польскихъ Уголовныхъ Законовъ, Статскій Совѣтникъ, изъ Дворянъ Виленской губерніи, родился 1797 г. въ Нововосточной Пруссіи (бывшемъ воеводствѣ Подляскомъ), въ послѣдствіи Бѣлостокской области, въ родительскомъ помѣстьѣ, называемомъ Сколимово. Первоначальное воспитаніе получилъ въ родительскомъ домѣ. По достиженіи девятилѣтняго возраста, былъ посланъ въ Дрогичинское училище, бывшее подъ управленіемъ Ордена Піаристовъ, послѣ же въ Бѣлостокскую Гимназію, гдѣ и продолжалъ ученіе до поступленія въ Виленскій Университетъ. Здѣсь, по окончаніи курса, произведенъ Кандидатомъ обоихъ правъ, 1816 г. Іюня 28-го; а, 1821 г. Мая 25-го, утвержденъ въ степени Магистра. — Назначенъ въ Виленскомъ Университетѣ къ преподаванію лекцій Судопроизводства 1822 года Марта 1-го; Россійскаго Права и присоединенныхъ отъ Польши губерній 1824 года Ноября 20-го. По поводу назначенія особаго Профессора къ преподаванію Польско-Литовскаго Права, оставленъ при курсѣ Россійскаго Гражданскаго и Уголовнаго Правъ, 1826 г. Сент. 1-го.—Уволенъ отъ службы при Виленскомъ Университетѣ, по случаю упраздненія онаго, 1833 г. Февр. 2-го. —Издалъ сочиненія: 1) *Process cywilny litewski;* 2) *Process graniczny;* 3) *Senat i Rada Panstwa;* 4) *Историческое обозрѣніе Россійскаго Гражданскаго и Уголовнаго Права;* 5) *Process Krymïnalny Rossyyski.* Назначенъ Членомъ Комитета Высочайше утвержденнаго при II Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, для ревизіи Свода Законовъ западныхъ губерній 1834 г. Декабря 14-го; по окончаніи занятій сего Комитета и закрытіи онаго, Всемилостивѣйше пожалованъ, за ревностные труды и дѣятельное участіе при пересмотрѣ и повѣркѣ означеннаго Свода, Кавалеромъ ордена Св. Анны 3-й степени и единовременною выдачею 6,000 р.,

1838 г. Янв. 1-го.—Состоялъ при Коммиссіи Высочайше утвержденной для ревизіи и составленія законовъ Царства Польскаго, съ 1838 г. Мая 15-го по 1839 г. Іюля 14-го. Опредѣленъ въ Московскій Университетъ Исправляющимъ должность Профессора Юридическихъ курсовъ, для юношества Царства Польскаго, по каѳедрѣ Уголовныхъ и Административныхъ законовъ, 1841 г. Іюня 4-го. Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія утвержденъ въ званіи Профессора по той же каѳедрѣ, 1845 г. Іюля 12-го. Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія объявлена ему, въ числѣ прочихъ, благодарность за найденный въ Московскомъ Университетѣ по учебной части отличный порядокъ, 1850 г. Авг. 20-го; получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XX л., 1850 г. Авг. 22-го. Высочайшимъ Приказомъ по Гражданскому Вѣдомству 14-го Дек. 1852 года произведенъ за выслугу лѣтъ въ чинъ Статскаго Совѣтника, со старшинствомъ съ 12-го Іюля 1852 г.

Профессоръ Коровицкій читаетъ Студентамъ Царства Польскаго Исторію Законовъ Царства Польскаго, Каноническое право, Административные Законы, Уголовное Право и Судопроизводство Царства Польскаго. При чтеніи Церковнаго права придерживается сочиненія Cappelli: Manuale juris Canonici; Уголовное Право проходитъ по собственнымъ тетрадямъ, основываясь на дѣйствующемъ уложеніи 1847 г.; при чтеніи же Уголовнаго Судопроизводства руководствуется сочиненіями Гафсмана и Епуля, по этому предмету изданными.

✓ **КОТЕЛЬНИЦКІЙ**, Василій Михайловичь, Врачебнаго Веществословія, Фармаціи и Врачебной Словесности Профессоръ Ординарный, Медицины Докторъ, Статскій Совѣтникъ, сынъ Губернскаго Секретаря, родился въ Москвѣ 1770 г. — Первоначальное образованіе получилъ въ Гимназіи Московскаго Университета, которую онъ въ продолженіи 8 лѣтъ посѣщалъ; въ число Студентовъ Университета принятъ въ 1789 г. Въ разныя времена получилъ двѣ серебряныя медали за успѣхи въ Медицинскихъ наукахъ. 1804 г. удостоенъ степени Доктора Медицины и въ томъ же году избранъ Университетскимъ Совѣтомъ въ Адъюнкты. Въ началѣ преподавалъ Медицинскую Химію, по руководству Жаненя, переведенному съ Нѣмец-

каго Профессоромъ Венсовичемъ, и Пленка, потомъ Фармакологію, Фармацію, Рецептуру и Врачебную Исторію по Геккеру. Въ Экстраординарные Профессоры произведенъ 1810 г. Апр. 15-го, и въ томъ же году, Октября 30-го, въ Ординарные. — Пожалованъ Всемилостивѣйше Кавалеромъ Ордена Св. Владиміра 4-й степ. въ 1819 г., а въ 1822 г., въ Статскіе Совѣтники.— Награжденъ знакомъ отличія безпорочной службы за XXV л. въ 1831 году.

Особыя его занятія были слѣдующія: 1810 г. опредѣленъ, по новому положенію Ценсуры, Ценсоромъ на одинъ годъ. 1814 г. избранъ Конференціею Московской Медико-Хирургической Академіи въ Ученые Секретари; отъ сей должности уволенъ съ награжденіемъ 1,500 руб. годоваго жалованья 1819 г. Отъ 1819 до 1822 г. былъ Членомъ Училищнаго при Университетѣ Комитета. 1826 г. опредѣленъ Инспекторомъ надъ своекоштными студентами, а по увольненіи отъ сей должности, 1827 г., Инспекторомъ казенныхъ Студентовъ, каковую должность исполнялъ по 1828 годъ. Пять разъ былъ избираемъ Деканомъ Медицинскаго Факультета, а именно на 1814, 1815, 1826, 1827 и 1830 г. Котельницкій исполнялъ возложенныя на него обязанности съ величайшимъ усердіемъ. Отъ долговременной службы по прошенію уволенъ Іюня 13-го 1835 г., съ назначеніемъ ему полной пенсіи.—Скончался въ Москвѣ Января 11-го 1844 г. и погребенъ на Дорогомиловскомъ кладбищѣ.

Онъ напечаталъ: 1) *О врачебныхъ и хирургическихъ свойствахъ опія, разсужденіе Делароша*, перев. съ Французскаго. Москва, 1803 г.; 2) *De corporum combustione vitae animalium analoga*. Diss. Inaug. Mosquae. 1804 г.; 3) *Слово о началѣ, успѣхахъ и постепенномъ усовершенствованіи Химіи*, произнесенное въ торжественномъ собраніи Университета Іюля 5-го 1811 г.; 4) издалъ *вторую часть Журнала Медико-Физическаго Общества.*

Кохъ, Владиміръ Ивановичь, Экстраординарный Профессоръ Акушерства и Директоръ Акушерской Клиники, Коллежскій Совѣтникъ, изъ мѣщанъ города Митавы, родился въ 1817 году. Получивъ первоначальное образованіе въ ро-

дительскомъ домѣ, поступилъ въ 1830 году въ Митавскую Гимназію, откуда былъ выпущенъ въ 1835 году cum testimonio maturitatis. Пробывъ домашнимъ учителемъ еще годъ въ Митавѣ, онъ, въ 1836 году, поступилъ Студентомъ Медицинскаго Факультета въ Дерптскій Университетъ. По совершеніи пятилѣтняго курса, онъ въ 1841 году выдержалъ экзаменъ на Лѣкаря 1-го отдѣленія, и занимался частною практикою, сперва въ деревнѣ, по приглашенію помѣщиковъ, потомъ въ С.-Петербургѣ. Въ 1843 году определенъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія въ Ассистенты при Дерптской Акушерской Клиникѣ, гдѣ исправлялъ временно и должность Ассистента при другихъ клиническихъ отдѣленіяхъ. Въ 1846 году, получивъ степень Доктора Медицины, назначенъ Адъюнктомъ Акушерской Клиники Императорскаго Московскаго Университета; въ 1852 году, опредѣленъ Исправляющимъ должность Экстраординарнаго Профессора по каѳедрѣ Акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней и Директора Акушерской Клиники; въ 1853 году съ Высочайшаго соизволенія уволенъ былъ за границу на четыре мѣсяца въ Германію, Францію и Англію, съ ученою цѣлью, и по возвращеніи утвержденъ въ званіи Экстраординарнаго Профессора.

Коцауровъ, Николай Васильевичь, Адъюнктъ Чистой Математики, Магистръ Физико-Математическихъ наукъ, Коллежскій Совѣтникъ, сынъ Поручика, родился въ Тулѣ, въ Маѣ 1798 года; до 8-лѣтняго возраста находился въ родительскомъ домѣ, гдѣ и получилъ первоначальное воспитаніе и ученіе. Когда покойная мать его овдовѣла, то, приготовивъ прошенія о принятіи его съ братомъ (которому было тогда 5 лѣтъ) въ казенное заведеніе, отправилась въ Августѣ мѣсяцѣ 1806 года съ двумя сыновьями изъ Тулы въ Москву. На дорогѣ все семейство занемогло и по пріѣздѣ въ Москву на другой день, по бѣдности, мать съ дѣтьми должна была отправиться въ Голицынскую больницу, куда всѣ были приняты, 25-го Августа, на излѣченіе. На другой день, т. е. 26-го Августа, пришли за дѣтьми, привели ихъ въ палату, гдѣ лежала мать, и сказали: поклонитесь вашей умершей матушкѣ.— Безъ родства, безъ знакомыхъ, въ чужомъ городѣ, остались

оба Коцауровы круглыми сиротами; но Богъ послалъ имъ покровителей.

По милости покойнаго Оберъ-Камергера, Князя Александра Михайловича Голицына, помѣстили обоихъ для продолженія ученія къ регенту пѣвчихъ при Голицынской больницѣ, которому платили за ихъ содержаніе по 2 руб. 60 коп. ассиги. въ мѣсяцъ. 27-го Августа 1808 года, оба приняты въ сиротское заведеніе, учрежденное при матросской богадѣльнѣ въ Преображенскомъ. Здѣсь кончивши курсъ ученія, и получивъ награжденіе на публичномъ экзаменѣ, Коцауровъ былъ переведенъ, 23-го Августа 1810 г., на казенное содержаніе въ Московскую Губернскую Гимназію, гдѣ въ 1813 году, по тогдашнему обыкновенію въ Гимназіи, сдѣланъ былъ старшимъ для надзора надъ казенными учениками нѣсколькихъ классовъ; ибо въ тогдашнее время не было особыхъ надзирателей; должность сію исправлялъ до выхода своего изъ Гимназіи. — Окончивъ полный курсъ гимназическихъ наукъ, удостоенъ степени Студента, 1-го Сентября 1816 года, и переведенъ въ Московскій Университетъ. — Здѣсь, по неимѣнію казенной ваканціи, долженъ былъ цѣлый годъ содержать себя на своемъ иждивеніи. Благосклонные наставники доставили ему мѣсто въ одномъ домѣ, гдѣ обучалъ дѣтей, за что, кромѣ стола и квартиры, получалъ 10 рубл. ассиг. въ мѣсяцъ. Черезъ годъ былъ помѣщенъ въ число казенныхъ Студентовъ Московскаго Университета.

Въ продолженіи трехъ лѣтъ слушалъ лекціи Физико-Математическаго отдѣленія. За весьма хорошіе успѣхи, оказанные при публичномъ испытаніи, и за лучшее сочиненіе на заданный предметъ отъ Отдѣленія Физико-Математическихъ наукъ: *de interna structura plantarum*, награжденъ серебряною медалью, Іюля 5-го 1819 года, и въ тотъ же день произведенъ въ Кандидаты.

Служба Коцаурова по Университету была слѣдующая. Преподавалъ Математику въ Университетскомъ Пансіонѣ съ 18-го Января 1820 года и продолжалъ въ немъ свои занятія до преобразованія его въ Дворянскую Гимназію. — Въ томъ же году Іюля 7-го дня, опредѣленъ въ должность Письмоводителя при Библіотекѣ Университета, а Октября 17-го того же

1820 года, препоручена ему была библіотека казенныхъ Студентовъ Университета; послѣднюю должность исправлялъ по 15-е Февраля 1825 года. 27-го Ноября 1823 года, по избранію Совѣта Московскаго Университета, поручено было ему чтеніе лекцій Алгебры и Геометріи для первогодичныхъ Студентовъ всѣхъ факультетовъ, кромѣ Медицинскаго. — Въ продолженіе всего времени службы не оставлялъ занятій науками Физико-Математическими и по предварительномъ испытаніи словесномъ и письменномъ изъ всѣхъ предметовъ Физико-Математическаго Факультета, и по защищеніи напечатаннаго разсужденія: «*Объ измѣреніи высотъ посредствомъ барометра*», утвержденъ въ степени Магистра, 10-го Генваря 1824 года. — По избранію Совѣта Московскаго Университета утвержденъ, 6-го Февраля 1824 года, Помощникомъ Библіотекаря Императорскаго Московскаго Университета; въ сей должности вмѣстѣ съ Библіотекаремъ приводилъ въ порядокъ библіотеку, и составлялъ систематическій каталогъ. Должность сію исправлялъ по 27-е Сентября 1828 года. — По избранію Совѣта утвержденъ Адъюнктомъ Университета, 1828 года Марта 5-го. — Въ сей должности, кромѣ чтенія лекцій Аналитической Геометріи, назначаемъ былъ каждогодно экзаминаторомъ при пріемѣ студентовъ; поручаемо ему было цензорованіе нѣкоторыхъ рукописей.—31-го Декабря 1828 г., утвержденъ Секретаремъ Физико-Математическаго Факультета.

Сверхъ службы при Университетѣ и Благородномъ Пансіонѣ удостоился служить подъ вѣдѣніемъ Ея Императорскаго Величества въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ. По избранію Инспектора классовъ, опредѣленъ 1-го Декабря 1822 года учителемъ Математики классическихъ воспитанницъ. — 1828 года Августа 27-го дня, по журналу Опекунскаго Совѣта, поручено ему было обученіе и классическихъ воспитанниковъ Алгебрѣ, Геометріи и Тригонометріи.—По предложенію Инспектора классовъ Московскаго Воспитательнаго Дома занять должность его Помощника, просилъ Совѣтъ Московскаго Университета уволить его отъ службы при Университетѣ, и былъ уволенъ 16-го Апрѣля 1834 года. Съ сего времени вся служба его была сосредоточена только при Воспитательномъ Домѣ. 1834 года Октября 18-го дня, Высочайше

утвержденъ Помощникомъ Инспектора классовъ въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ. — Здѣсь преподавалъ Математику, и, по смерти Инспектора классовъ, двукратно исправлялъ должность Инспектора.

За службу при Воспитательномъ Домѣ, кромѣ многократной благодарности отъ начальства, удостоивался многихъ Высочайшихъ наградъ. Всемилостивѣйше пожалованъ знакомъ отличія безпорочной службы за XXV лѣтъ 1846 года, Орденами Св. Владиміра 4-й степени, Св. Станислава 2-й степени съ Императорскою короною.

Для воспитанія дѣтей просилъ начальство объ увольненіи отъ службы и, 22-го Марта 1848 года, былъ уволенъ съ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества соизволенія, по докладу Московскаго Опекунскаго Совѣта, во уваженіе 25-лѣтняго отлично-усерднаго служенія, съ мундиромъ, единовременнымъ окладомъ годоваго жалованья и производствомъ пенсіи полнаго оклада.

КРЫЛОВЪ, Никита Ивановичь, Ординарный Профессоръ Римскаго Права, Докторъ Правъ, Статскій Совѣтникъ, Кавалеръ Ордена Св. Анны 2-й степени, имѣющій знакъ отличія безпорочной службы за XX лѣтъ, изъ духовнаго званія, Ярославской губерніи, Пошехонскаго уѣзда, сынъ умершаго Діакона, родился въ 1807 году. Первоначальное образованіе получилъ въ Ярославской Семинаріи; окончивъ полный курсъ, по назначенію Начальства, въ 1827 г. вызванъ былъ въ С.-Петербугскую Духовную Академію, для дальнѣйшаго образованія въ наукахъ богословскихъ. Но въ 1829 г., по Высочайшему повелѣнію, изъ Студентовъ Духовной Академіи Крыловъ поступилъ во II Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, для образованія въ законовѣдѣніи. Съ этого времени началась новая эпоха въ жизни его: прежнее назначеніе, для котораго онъ такъ долго былъ приготовляемъ, смѣнилось новымъ. Подъ личнымъ и непосредственнымъ руководствомъ Графа М. М. Сперанскаго, Главноуправляющаго въ то время II Отдѣленіемъ Канцеляріи, совершалось новое воспитаніе Крылова въ наукахъ юридическихъ. Для призванныхъ къ новому поприщу, молодыхъ

Студентовъ Духовной Академіи, составленъ былъ особый курсъ, совмѣщавшій въ себѣ и общія науки, преподаваемыя въ Университетахъ, и спеціальныя — юридическія; для преподаванія первыхъ приглашены были Профессоры С.-Петербургскаго Университета, а для послѣднихъ назначены были старшіе чиновники Канцеляріи, составители свода законовъ, нѣкогда бывшіе знаменитыми Профессорами Русскихъ Университетовъ — Куницынъ, Плисовъ, Арсеньевъ, Клоковъ. Статсъ-Секретарь, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Балугьянскій, бывшій Ректоръ С.-Петербугскаго Университета, завѣдывалъ выполненіемъ учебной программы и ближайшимъ надзоромъ за успѣхами молодыхъ ученыхъ. По прошествіи двухъ лѣтъ, сдѣлано было лично Графомъ Сперанскимъ испытаніе въ пройденныхъ наукахъ, и въ 1831 г., Октября 4-го, состоялось Высочайшее повелѣніе объ отправленіи Крылова, вмѣстѣ съ товарищами, въ Берлинскій Университетъ, для дальнѣйшаго образованія въ наукахъ юридическихъ. — По Высочайшему довѣрію молодые Русскіе ученые препоручены были личному руководительству знаменитѣйшаго современнаго Юриста—Савиньи. Берлинскій Университетъ, какъ бы нарочно въ эту пору, украшенъ былъ самыми славными именами въ исторіи наукъ.—Юридическій его Факультетъ имѣлъ тогда своими членами—Савиньи, Эйхорна, Бинера, Кленце, Ганса, Гомейера, Ярке, Филипса, Рудорфа, Ланцицолле. — Крыловъ, въ теченіи трехъ лѣтъ, выслушалъ полный курсъ юридическихъ наукъ, преподаваемыхъ въ Университетѣ; а для полноты знаній, присоединилъ къ нему вспомогательный курсъ Исторіи, Географіи, Политической Экономіи и Статистики, Философіи и Богословія, которыя тогда преподавали—Раумеръ, Ранке, Риттеръ, Гофманъ, Гегель и Шлейермахеръ. При такомъ разнообразіи наукъ и при такой извѣстности Профессоровъ, Крыловъ слѣдилъ за ними съ любовію; но изъ всѣхъ наукъ, по какой-то таинственной склонности ума, Римское Право имѣло для него самый высокій интересъ, и на немъ сосредоточивались по преимуществу его ученыя занятія. Вѣроятно, могущественный авторитетъ Савиньи такъ же много содѣйствовалъ этому направленію. Историческая школа, творцемъ и представителемъ которой былъ Савиньи, оставила неизмѣнныя

впечатлѣнія въ душѣ Русскаго молодаго ученаго, и образовала то господствующее направленіе, которому онъ неуклонно слѣдуетъ на поприщѣ профессорской своей дѣятельности въ Россіи.

По окончаніи трехгодичнаго курса въ Берлинѣ, Крыловъ, для методической цѣли, посѣтилъ и другіе Германскіе Университеты; выслушалъ нѣсколько лекцій у Гуго, Тибо, Миттермайера, Шиллинга, Вальтера и другихъ знаменитостей Германскихъ; не оставилъ безъ вниманія и богословскія науки, къ которымъ прежде онъ имѣлъ призваніе.

По возвращеніи изъ чужихъ краевъ, въ 1834 г., онъ причисленъ, по Высочайшему повелѣнію, ко II Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, и немедленно, по распоряженію Начальства, началъ приготовляться къ испытанію на степень Доктора Правъ. По выдержаніи испытанія въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, онъ получилъ искомую степень и, въ 1835 г. Декабря 31-го, при введеніи въ дѣйствіе новаго Устава для Университетовъ, опредѣленъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія въ званіи Экстраординарнаго Профессора Римскаго Права въ Московскій Университетъ; а въ 1837 г. утвержденъ Ординарнымъ Профессоромъ по тойже каѳедрѣ.

Въ литературномъ мірѣ имя Профессора Крылова извѣстно только по одному сочиненію: *Объ историческомъ значеніи Римскаго Права въ области наукъ юридическихъ*: это рѣчь, которую онъ произнесъ въ торжественномъ собраніи Университета 1838 г. Всѣ занятія его до сихъ поръ сосредоточены были въ лекціяхъ. Но въ скоромъ времени онъ приступитъ къ изданію въ свѣтъ полнаго курса своихъ лекцій по Римскому Праву и Исторіи онаго.

Кромѣ Профессорской дѣятельности, на Крылова возлагаемы были Правительствомъ другія должности. — Отъ 1839 г. до 1847 г., въ теченіи двухъ четырехлѣтій, онъ былъ Деканомъ Юридическаго Факультета; отъ 1839 по 1844 г. — былъ Цензоромъ въ Московскомъ Цензурномъ Комитетѣ; отъ 1844 по 1848 г., былъ Инспекторомъ классовъ на мужской половинѣ Института Оберъ-Офицерскихъ сиротъ Московска-

го Воспитательнаго Дома, и должность сію исправлялъ до закрытія самаго отдѣленія.

КРЮКОВЪ, Дмитрій Львовичь, Ординарный Профессоръ Римской Словесности и Древностей, Докторъ Философіи, Статскій Совѣтникъ, родился въ Казани, 8-го Апрѣля 1809 г. и получилъ первое воспитаніе въ домѣ родителей. Отецъ его, преподаватель рисованія въ Казанскомъ Университетѣ, былъ человѣкъ образованный эстетически; садъ и музыка, послѣ служебныхъ обязанностей, были предметами его любимыхъ занятій. Такимъ образомъ Дмитрій Львовичь возросъ подъ самыми благопріятными впечатлѣніями и уже въ ранней молодости принялъ сѣмена того щеголеватаго изящества, которымъ впослѣдствіи отличался весь его внѣшній видъ. До 11-го года онъ былъ лѣнивъ и дѣлалъ мало успѣховъ; но съ этого возраста онъ началъ быстро успѣвать, такъ что родители могли замѣтить въ немъ необыкновенныя способности и обратить все возможное вниманіе на его воспитаніе. Ничто не было пощажено съ ихъ стороны для этой цѣли. Несмотря на ограниченность средствъ своихъ, они положили воспитывать его дома и дали ему возможность пользоваться уроками лучшихъ Казанскихъ Преподавателей. Для каждаго предмета былъ отдѣльный учитель. Такъ Латинскій языкъ преподавалъ А. Т. Ананьевъ, бывшій потомъ Инспекторомъ и Директоромъ Тверской Гимназіи, человѣкъ, о которомъ Дмитрій Львовичь во все время своей жизни говорилъ съ большимъ уваженіемъ и благодарностью; по Гречески училъ Г. Мистаки, по Французски Г. Краузе, потомъ Директоръ Дворянскаго Института; Нѣмецкимъ языкомъ Дмитрій Львовичь занимался подъ руководствомъ Профессора Эрдмана, который былъ особенно расположенъ къ даровитому мальчику. На музыку было обращено вниманіе въ ранней молодости; молодой Крюковъ хотѣлъ было сначала учиться на скрипкѣ, но потомъ, по совѣту родителей, предпочелъ фортепьяно, на которомъ впослѣдствіи, особенно за границею, достигъ замѣчательныхъ успѣховъ. Въ Университетъ Крюковъ вступилъ въ 1824 году по Словесному Отдѣленію, и по окончаніи курса, въ 1827 году удостоенъ степени Кандидата Словесныхъ наукъ. Будучи

Студентомъ, онъ пользовался расположеніемъ и вниманіемъ Попечителей Казанскаго Учебнаго Округа, Магницкаго и Мусина-Пушкина, изъ которыхъ первый отличалъ его на своихъ бесѣдахъ, а послѣдній пригласилъ, тотчасъ по окончаніи курса, къ преподаванію Латинской Словесности Студентамъ 1-го курса. Почти весь $18_{2}\frac{7}{8}$ Академическій годъ Димитрій Львовичь занимался этимъ дѣломъ. Между тѣмъ Казанскій Университетъ долженъ былъ представить нѣсколько человѣкъ изъ числа лучшихъ своихъ воспитанниковъ для поступленія въ новоучреждавшійся тогда Профессорскій Институтъ. Выборъ палъ, между другими, и на Крюкова, который былъ отправленъ въ С.-Петерб. для испытанія. Познанія его въ Латинскомъ языкѣ были уже тогда на столько значительны, что удивили Академиковъ, не ожидавшихъ найти въ Казанцѣ человѣка, такъ хорошо приготовленнаго.

Въ Маѣ 1828 года, Димитрій Львовичь былъ принятъ въ первый Профессорскій Институтъ и отправился въ Дерптъ для усовершенствованія себя въ наукахъ. Съ этихъ поръ начинается новая эпоха въ его жизни, время занятій, имѣющихъ опредѣленную цѣль—поступленіе на каѳедру Латинской Филологіи. Въ Дерптѣ, какъ свидѣтельствуютъ товарищи его, Димитрій Львовичь трудился прилежно и сдѣлалъ необыкновенные успѣхи въ предметѣ, который онъ могъ уже называть своимъ. Въ это время онъ пріобрѣлъ ту ловкость говорить по Латинѣ легко и изящно, которая ставила его наравнѣ съ немногими современными намъ латинистами, владѣющими блистательною Латинскою рѣчью. По собственному его отзыву онъ былъ обязанъ своимъ знаніемъ древнихъ языковъ Профессорамъ Дерптск. Университета, Моргенштерну, Франке и Нейе, особенно послѣднему. Въ 1832 году, онъ выдержалъ экзаменъ на степень Доктора Философіи и по защищеніи диссертаціи: In Taciti Agricolam Observationes, былъ утвержденъ въ этой степени, Января 25-го 1833 года, какъ значится въ его формулярномъ спискѣ. Вмѣстѣ съ другими стипендіатами перваго Профессорскаго Института онъ былъ отправленъ за границу по Высочайшему повелѣнію въ томъ же 1833 г., и слушалъ лекціи въ Берлинскомъ Университетѣ, съ Мая 1835 года. Онъ посѣщалъ курсъ Бёка, мнѣнія котораго о значеніи финансовъ

и послѣ придерживался. Но вообще Филологіей, въ которой былъ уже достаточно силенъ, онъ не имѣлъ повода много заниматься вмѣстѣ съ Студентами Берлинскаго Университета, и слушалъ болѣе лекціи другихъ наукъ, преимущественно Философскія, для пополненія своего общаго образованія. Въ Берлинѣ же онъ усовершенствовалъ свое музыкальное образованіе.

По возвращеніи изъ за границы вмѣстѣ съ другими сотоварищами, Крюковъ читалъ пробныя лекціи въ Академіи Наукъ. При этихъ лекціяхъ присутствовалъ Графъ Сергій Григорьевичь Строгановъ, опредѣленный тогда Попечителемъ Московскаго Университета. Обративъ вниманіе на дарованія молодаго ученаго, Графъ Строгановъ пригласилъ его къ себѣ и убѣдилъ вступить въ Московскій Университетъ, хотя самъ Крюковъ желалъ избрать Казанскій Университетъ, чтобы жить вмѣстѣ съ своими родителями, и потому долго нерѣшался послѣдовать совѣту Графа.

Августа 31-го 1835 года, Дмитрій Львовичь былъ опредѣленъ преподавателемъ въ Московскій Университетъ, гдѣ служилъ до смерти своей. При введеніи въ дѣйствіе новаго устава онъ былъ утвержденъ, Декабря 31-го того же года, Экстраординарнымъ Профессоромъ для преподаванія Римской Словесности и Древностей. Въ 1837 году получилъ порученіе руководствовать въ практическихъ упражненіяхъ Студентовъ Педагогическаго Института и былъ утвержденъ Ординарнымъ Профессоромъ. Въ томъ же году на него возложено преподаваніе Древней Исторіи.

Кромѣ этихъ собственно Университетскихъ занятій, онъ преподавалъ въ 18$\frac{37}{38}$ академическомъ году Латинскій языкъ въ двухъ высшихъ классахъ Дворянскаго Института, и занималъ должность Инспектора надъ частными учебными заведеніями въ Москвѣ, съ 1839 по 1843 г., отъ которой былъ уволенъ по прошенію, Февр. 3-го 1844 года; съ 20-го Декабря 1841 года по 1-е Сентября 1842 г., онъ былъ уволенъ въ отпускъ за границу: посѣтилъ Германію и Италію, двѣ страны ему особенно дорогія, изъ которыхъ въ послѣдней онъ не былъ во время своего перваго путешествія. Скоро по возвращеніи онъ началъ часто хворать; болѣзнь постоянно

усиливалась и свела его въ могилу въ цвѣтущей порѣ мужества. Онъ скончался въ Москвѣ 5-го Марта 1845 года, имѣя 35 лѣтъ отъ роду.

Ранняя смерть не позволила ему занять своими сочиненіями мѣсто въ наукѣ, соотвѣтствующее его необыкновеннымъ дарованіямъ. Кромѣ упомянутой Докторской диссертаціи онъ издалъ: 1) Тацита Агриколу, вновь пересмотрѣнный текстъ съ примѣчаніями другихъ и своими (М. 1837 г. Іюня 8-го; изданіе посвящено Графу Сергію Григорьевичу Строганову); 2) рѣчь De Q. Curtii Rufi aetate, говоренную на Университетскомъ актѣ 1836 года и 3) на Нѣмецкомъ языкѣ подъ псевдонимомъ Dr. D. Pellegrino (во время второй поѣздки за границу) Andeutungen über den ursprünglichen Religionsunterschied der Römischen Patricier und Plebeier (Leipzig, 1849, in 8). Кромѣ того онъ помѣстилъ въ Москвитянинѣ 1841 года двѣ статьи: *О трагическомъ характерѣ исторіи Тацита* и *Нѣсколько словъ въ дѣлѣ драматическаго искусства по поводу игры Г. Каратыгина.*

Сочиненіемъ, изданнымъ въ Лейпцигѣ, онъ занимался долго, съ особенною любовію. Онъ сдѣлалъ обширныя выписки изъ древнихъ писателей относительно религіозныхъ древностей Римскаго народа (эту тетрадь выписокъ, или какъ говорятъ Филологи, эти коллектанеи, онъ называлъ Noctes Mosquenses въ подражаніе Авлу Геллію, съ которымъ особенно часто ему приходилось имѣть дѣло) и приготовилъ вчернѣ довольно обширный трудъ о Римской религіи. Главная мысль его была та, чтобы подмѣтить и прослѣдить различіе Римскихъ Патриціевъ и Плебеевъ въ ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ и учрежденіяхъ. Мысль эта возникла при изученіи послѣднихъ; изслѣдуя различіе жреческихъ сановъ, патриціанскихъ и плебейскихъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что различались не только учрежденія, относящіяся къ религіи, но и вѣрованія. Но въ сочиненіи, которое онъ задумалъ, онъ избралъ обратный порядокъ: въ двухъ первыхъ главахъ, которыя онъ издалъ отдѣльною книжкою въ Лейпцигѣ, онъ говоритъ о собственно-религіозномъ различіи Патриціевъ и Плебеевъ; въ слѣдующихъ за тѣмъ двухъ главахъ должны были подвергнуться изслѣдованію жреческіе саны, въ особенности санъ жреца-царя, rex sacrificulus, который собственно и навелъ его

на мысль о религіозномъ различіи Патриціевъ и Плебеевъ. Судьба не позволила ему докончить этой второй половины труда, которая однакоже была почти готова къ печати въ концѣ 1849 года, и потому мысль Крюкова осталась въ ученой литературѣ безъ самаго главнаго своего подтвержденія.

Труды, изданные въ свѣтъ Дмитріемъ Львовичемъ Крюковымъ, даютъ возможность прослѣдить главное направленіе его дѣятельности и показываютъ предметы, наиболѣе привлекавшіе его вниманіе—Тацитъ и религіозныя древности Рима. Но они не исчерпываютъ всей его ученой дѣятельности, которая выражалась лишь въ его многостороннихъ лекціяхъ. Какъ Профессоръ, онъ имѣлъ необыкновенное вліяніе на своихъ слушателей. Всѣ питомцы Московскаго Университета, 1837 года и далѣе, помнятъ, какое впечатлѣніе произвели на нихъ его блистательныя лекціи о древней Исторіи. Казалось, новая наука, доселѣ неизвѣстная, открывала предъ нимъ всю полноту и все богатство своей жизни. Блистательный, и вмѣстѣ строго-достойный характеръ его чтеній, его рѣдкое умѣнье заинтересовать слушателя величіемъ предмета, изящество изложенія, никогда не спускавшагося съ извѣстной высоты, наконецъ искусство пользоваться богатствомъ языка, избѣгая многорѣчія и изысканныхъ фразъ, — все это соединялось, чтобы обаять слушателей и представить имъ преподавателя въ свѣтѣ, казавшемся недосягаемымъ. Дмитрій Львовичь владѣлъ вполнѣ способностью, нерѣдко весьма важною въ педагогѣ, — возбудить въ ученикахъ удивленіе къ себѣ и чрезъ то желаніе слѣдовать за собою. Онъ держалъ себя съ слушателями крайне вѣжливо, но въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ; являлся передъ ними неиначе, какъ окруживъ себя нѣкоторымъ блескомъ; давая совѣты, никогда не открывалъ предмета со всѣхъ сторонъ. Онъ читалъ только тогда, когда былъ совершенно приготовленъ, т. е., когда лекція была вся написана на бумагѣ; Студентовъ принималъ въ опредѣленные дни и часы. Такимъ образомъ и личность его и совѣты заманивали молодыхъ людей и, возбуждая уваженіе къ наставнику, вызывали во многихъ—желаніе показаться ему съ выгодной стороны, а въ нѣкоторыхъ—стремленіе къ труду и самодѣятельности. Онъ постоянно слѣ-

дилъ за своими учениками, старался сдѣлать для нихъ всякое добро и былъ чуждъ всякихъ разсчетовъ мелочнаго самолюбія, заграждающаго для другихъ проходъ на свое поприще. Такъ, еще будучи въ цвѣтѣ силъ, онъ началъ ходатайствовать объ отправленіи за границу *по своей каѳедрѣ* двухъ учениковъ своихъ, занимающихъ теперь Профессорскія мѣста въ Московскомъ Университетѣ, Гг. Леонтьева и Пѣховскаго. Довѣріе, которымъ онъ пользовался у Попечителя, Графа С. Г. Строганова, онъ употреблялъ преимущественно на то, чтобы замѣщать учительскія мѣста въ Гимназіяхъ знающими и способными людьми. При дѣятельности, едва ли десятилѣтней, онъ не могъ создать школу учениковъ, школу, въ которой была бы извѣстная полнота стремленій и взаимодѣйствіе; но начатки, изъ которыхъ могла бы впослѣдствіи организоваться школа, уже были видимы, и теперешнее состояніе Университета и Гимназій представляетъ слѣды дѣятельности Крюкова.

Преподаваніе свое онъ началъ съ Исторіи Римской Словесности и объясненія избранныхъ стихотвореній Горація; потомъ перешелъ къ Римскимъ государственнымъ и религіознымъ древностямъ и объясненію другихъ писателей, Тацита, Цицерона, Виргилія, Ювенала. Древнюю исторію онъ преподавалъ шесть разъ, но не доводилъ ее далѣе пуническихъ войнъ. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ много говорилъ о намѣреніи издать учебникъ Древней Исторіи. При немъ бывали между Студентами диспуты на Латинскомъ языкѣ, имъ возобновленные.

КУБАРЕВЪ, Алексѣй Михайловичъ, Адъюнктъ Римской Словесности, и Магистръ Словесныхъ наукъ, Надворный Совѣтникъ, сынъ Священника церкви Св. Троицы на Листахъ, близъ Сухаревой башни, Мих. Митроф. Кубарева, родился въ Москвѣ 1796 г. Сентября 25-го.—До поступленія въ Московскій Университетъ обучался въ Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи. Въ Университетѣ на полученіе степени Кандидата представилъ разсужденіе: *De utilitate Latini sermonis;* на полученіе степени Магистра: *De origine, summo perfectionis gradu variisque fatis eloquentiae Romanae.* — Съ 182$\frac{4}{5}$ Академ. года по 183$\frac{1}{2}$ годъ преподавалъ Римскую Сло-

весность. — Издалъ: 1) *Краткую Латинскую Грамматику Цумпта:* 2) *Собраніе темъ на правила этой грамматики по руководству Дронке*; 3) *Краткій Латинскій синтаксисъ по Бредеру*; 4) *Теорію Русскаго стихосложенія*; 5) *Разсужденіе о Патерикѣ Печерскомъ и описаніе Харатейнаго списка онаго*, помѣщенное въ Чтеніяхъ Историческаго Общества; 6) разсужденіе о Несторѣ, подъ названіемъ: *Несторъ, первый писатель отечественной исторіи, церковной и гражданской.*

КУДРЯВЦЕВЪ, Петръ Николаевичь, Исправляющій д. Экстраординарнаго Профессора и Магистръ Всеобщей Исторіи, родился въ Москвѣ, 1816 года Августа 4-го дня, отъ родителей духовнаго званія; учился въ Московской Духовной Семинаріи; дальнѣйшее образованіе продолжалъ въ Московскомъ Университетѣ по (бывшему) 1-му Отдѣленію Философскаго Факультета, и по окончаніи курса утвержденъ въ степени Кандидата (1840 года, Іюня 10-го). Въ 1843 году, для усовершенствованія въ наукахъ, отправленъ былъ съ Высочайшаго соизволенія за границу, гдѣ оставался до половины 1847 года; по возвращеніи изъ-за границы, назначенъ былъ, 1847 года Августа 15-го, преподавателемъ Всеобщей Исторіи въ Московскомъ Университетѣ; Сентября 18-го того же года утвержденъ Исправляющимъ должность Адъюнкта по каѳедрѣ Всеобщей Исторіи и въ этой должности читалъ попеременно курсы Средней, Новой и Древней Исторіи; сверхъ того, Сентября 1-го 1848 года опредѣленъ былъ Учителемъ Исторіи при Институтѣ Оберъ-Офицерскихъ Сиротъ, гдѣ продолжалъ службу до Августа 1853 г.—1851 г. Апрѣля 14-го утвержденъ въ степени Магистра Всеобщей Исторіи и Исправляющимъ должность Экстраординарнаго Профессора въ томъ же Университетѣ. Издалъ историческое сочиненіе, подъ названіемъ: «*Судьбы Италіи*,» написанное для полученія степени Магистра Всеобщей Исторіи.

КУРИКА, Ѳеодосій Константиновичь, Экстраординарный Профессоръ Натуральной Исторіи, Докторъ Медицины, въ 1777 г. произведенъ въ Студенты изъ обучавшихся въ Ака-

демической Гимназіи. Въ 1778 г. получилъ золотую медаль по Медицинскому Факультету. По окончаніи курса Медицинскихъ наукъ, былъ вмѣстѣ съ товарищемъ Политковскимъ на казенномъ иждивеніи, отъ Московскаго Университета отправленъ во Францію и Голландію. Удостоенъ степени Доктора въ Лейденѣ 1784 г. Въ томъ же году, въ началѣ Апрѣля, возвратился въ Москву и опредѣленъ Преподавателемъ Натуральной Исторіи «для Студентовъ и знающихъ Латинскій языкъ.» Читалъ на Латинскомъ языкѣ Минералогію по Валлерію, Зоологію по современнымъ ему новѣйшимъ писателямъ и правила Ботаники по Линнею. Скончался 1785 г.

КУРТЕНЕРЪ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, второй Лекторъ Французскаго языка, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ, родился въ Москвѣ, 12-го Сентября 1795 года, отъ родителей, Французскихъ подданныхъ изъ Стразбурга, поселившихся въ Москвѣ съ 1785 года. Въ 1803 году, когда было ему 8 лѣтъ, родители отправили его въ Стразбургъ для ученія; но онъ пробылъ тамъ только два года и возвратился въ Россію, гдѣ продолжалъ свое воспитаніе, сначала въ домѣ родителей нашего славнаго романиста Лажечникова, а потомъ въ домѣ Князя Черкасскаго. Въ 1806 году, онъ со всѣмъ своимъ семействомъ принялъ присягу на подданство Россіи. Въ 1811 году, будучи 16-ти лѣтъ, выдержалъ экзаменъ въ Московской Гимназіи и получилъ право преподавать Французскій и Нѣмецкій языки и Математику, и посвятилъ себя съ тѣхъ поръ преподаванію.

Въ 1816 году, поступилъ на службу въ Чертежную къ Инженеръ-Генералъ-Майору Карбоньеру изъ экзаменованныхъ учителей, по предложенію бывшаго въ Москвѣ Г. Военнаго Генералъ-Губернатора и Кавалера Графа Тормасова, и былъ при строеніи Московскаго Экзерциргауза. По предписанію того же Военнаго-Генералъ-Губернатора опредѣленъ (1819 г.) въ званіе младшаго чиновника военно-рабочихъ баталіоновъ, при сооруженіи публичныхъ зданій, откуда уволенъ по про-

шенію въ 1821 г. Преподавалъ Французскій языкъ въ Московскомъ Александринскомъ училищѣ (съ 1817 г.), въ Воспитательномъ Домѣ (съ 1818 г.), въ Институтахъ Александринскомъ и Восточныхъ языковъ съ 1832 г., а 1830 г. Декабря 10-го, опредѣленъ въ Московскій Университетъ вторымъ Лекторомъ Французскаго языка и занималъ эту каѳедру до 1848 года.—Всемилостивѣйше пожалованъ (1835 г. Апрѣля 16-го) бриліантовыми перстнями за службу въ Университетѣ, и въ томъ же году Октября 21-го, за службу при Александринскомъ Сиротскомъ Институтѣ; орденами Св. Станислава 4-й и Св. Анны 3-й степени; чиномъ Статскаго Совѣтника въ 1852 г.; знакомъ отличія безпорочной службы за XXV лѣтъ въ 1846 г. и тогда же пожизненною пенсіею въ 857 р. сер. Занимаясь постоянно обученіемъ Русскаго юношества, и публично и частно, Французскому языку, Куртенеръ издалъ для этой цѣли слѣдующія учебныя пособія и руководства, и кромѣ того другія учебныя книги. Вотъ ихъ заглавія: 1) *Abécédaire du précepteur français;* 2) *Abécédaire en action;* 3) *Le livre de l'Enfance*; 4) *La clef des dialogues français*; 5) *Le Précepteur français.* 6) *Recueil des principales règles de l'orthographe française avec un traité des Participes*; 7) *Orthographe et syntaxe en XII leçons pour les commençants;* 8) *Syntaxe française;* 9) *Chréstomatie française*; 10) *L'Histoire de la littérature française;* 11) *Fragments littéraires;* 12) *Cours complet de lanque française*, 2-de partie comprenant les conjugaisons, la traduction du russe en français, et l'Orthographie française, faisant suite au Livre de l'Enfance; 13) *Le livre de dictée pour les commençants;* 14) *L'Encyclopédie du jeune âge;* 15) *Exercices pratiques de traduction et d'orthographe adoptés à un cours d'histoire ancienne;* 16) *Le jeune Géographe;* 17) *L'histoire de Russie;* 18) *Древняя Исторія;* 19) *Исторія о великомъ переселеніи народовъ;* 20) *Исторія Испаніи;* 21) *Исторія Португалліи;* 22) *Исторія Франціи;* 23) *Исторія Англіи*; 24) *Собраніе ариѳметическихъ задачъ;* 25) *Выборъ изъ выборовъ для перевода съ Русскаго на Французскій;* 26) *Практическія упражненія въ переводахъ съ Русскаго на Французскій*; 27) *Руководство къ переводамъ съ Русскаго на Французскій,* и проч.

Л.

Лави, Генрихъ де (Henri de Lavie), Лекторъ Французскаго языка, въ теченіи 40-ка лѣтъ былъ домашнимъ учителемъ въ Россіи; по смерти Лектора Лёри, онъ занялъ его должность въ 1765 году; преподавалъ Французскій языкъ въ теченіи 5-ти лѣтъ и умеръ въ 1770 г., Октября 17-го.

Лангеръ, Карлъ Генрихъ, Естественнаго и Народнаго Права Публичный Ординарный Профессоръ, Докторъ обоихъ Правъ, Секретарь Конференціи Московскаго Университета, Почетный Членъ ученаго Общества при Кенигсбергскомъ Университетѣ, питомецъ Геттингенскаго и Іенскаго Университетовъ, въ Московскій Университетъ опредѣлился по контракту, на три года, съ 11-го Августа 1764 г., съ жалованьемъ по 500 р. въ годъ. Этотъ контрактъ возобновлялся три раза, такъ что Лангеръ прослужилъ въ Университетѣ 9 лѣтъ, и выбылъ изъ него Мая 8-го дня 1774 года.—При введеніи въ должность Профессора, Лангеръ прочелъ публичную вступительную лекцію, 1764 г. Августа 12-го, и за тѣмъ открылъ курсъ Естественнаго и Народнаго Права и Политики. Естественное и Народное Право читалъ онъ по Неттельбладту, какъ право отвлеченное, или философское, безъ особеннаго вниманія къ Государственнымъ трактатамъ. Политику излагалъ онъ по собственнымъ запискамъ, но придерживаясь системы Вольфа. По этимъ двумъ предметамъ онъ долженъ былъ имѣть чтенія ежедневно два часа, отъ 2-хъ до 4-хъ по полудни.

Памятниками ученой дѣятельности Лангера остались четыре Латинскія слова, или рѣчи, произнесенныя имъ въ дни торжественныхъ собраній Университета, и Географическій Словарь на Русскомъ языкѣ. Первая рѣчь произнесена Лангеромъ 1766 г., по случаю торжества, въ день рожденія Государыни Императрицы Екатерины II, подъ заглавіемъ, въ современномъ переводѣ: *Слово о началѣ и распространеніи положительныхъ законовъ, и о неразрывномъ союзѣ Философіи съ ихъ ученіемъ, 1766 г., Апр. 26-го* (De origine ac progressu legum positivarum deque cum earum studio Philosophia arctissime conjun-

genda). «Бѣдное натуральное состояніе!» восклицаетъ ораторъ, разсказывая судьбу человѣка въ такъ называемомъ естественномъ состояніи. «Невѣрность имуществъ, опасеніе сильнѣйшаго нападенія, общее мщеніе, всѣхъ вооружавшее — все это должно было заставить людей соединиться въ общество, и подчиниться его положительнымъ законамъ. Отсюда глубокая древность положительныхъ законовъ, которые были у Египтянъ, Евреевъ, Грековъ. Особенно славны законы Рима, извѣстные намъ по Собранію Юстиніана».—Послѣ этого ораторъ спрашиваетъ: «какая же связь сихъ законовъ съ философіею?» Приводитъ мнѣнія различныхъ писателей въ пользу этой связи, и потомъ заключаетъ: «чего ради и Цицеронъ (говоритъ), разсуждая, что Юриспруденцію не изъ Преторскихъ опредѣленій, какъ то многіе въ его время дѣлали, и не изъ двѣнадцати Таблицъ, но изъ самой Философіи производить должно.»—И, вопервыхъ, безъ *Логики* невозможно обойтися юристу, и во вторыхъ, *практическая Философія* неразрывна съ правомъ. Нѣтъ въ практической Философіи ни одного положенія, которое не было бы полезно юристу.—По сей же причинѣ ораторъ считаетъ для юриста необходимою Исторію, ибо она есть «*Философія, примѣрами наставляющая.*» Вторая рѣчь, произнесенная Лангеромъ въ день восшествія на престолъ Государыни, 1767 г. Іюня 26-го, озаглавлена: *О происхожденіи и свойствѣ вышняго криминальнаго суда, и что употребленіе онаго разсуждать надлежитъ по различному состоянію гражданствъ, и по намѣренію, которое въ наказаніе людей имѣть должно.* (De ortu et indole summae jurisdictionis criminalis, dequè ejus usu, ex diversa civitatum ratione poenarumque humanarum scopo, dijudicando). «Коль много обязано человѣчество и правосудіе Государынѣ, которая, уничтоживъ предразсудки и злоупотребленія, которымъ подвержена бо̀льшая часть криминальныхъ законовъ, основываетъ его (правосудіе) не на застарѣлыхъ мнѣніяхъ, не на порядкахъ, древностію введенныхъ, а на здравомъ разумѣ и пользѣ управляемаго общества.»—Послѣ этого Профессоръ переходитъ къ вопросу о происхожденіи обществъ и криминальныхъ законовъ. Общество и здѣсь выводится изъ необходимости защиты и безопасности, а криминальные законы изъ того, что власть общая,

верховная *принимаетъ на себя отмщеніе всѣхъ обидъ, наносимыхъ частнымъ лицамъ, какъ скоро онѣ касаются общей безопасности.*—Въ заключеніе ораторъ нападаетъ на пытки, и хвалитъ милосердіе Государыни. Третья рѣчь произнесена Лангеромъ по случаю торжества, въ день рожденія Государыни, 1771 г.; въ ней Проф. разсуждаетъ: *О содержаніи Политики, и о писателяхъ по этой части*, или: de ambitu et praecipuis doctrinae politicae scriptoribus. — «Политика есть искусство счастливо управлять народомъ, prudentia feliciter regnandi.» «Эта prudentia, или благоразуміе можетъ быть и въ частной и въ общественной жизни. Въ частной жизни, по Бакону, благоразуміе необходимо въ разговорѣ и въ веденіи своихъ дѣлъ; въ общественной жизни, оно состоитъ въ искусствѣ управленія.» Это искусство пріобрѣтается изученіемъ Политики, которая требуетъ знанія Естественнаго и Народнаго Права, Статистики, Политической Исторіи, особенно Военной, и Краснорѣчія.—За тѣмъ Ораторъ излагаетъ содержаніе Политики, которая должна показать: 1) цѣль Государства, состоящую въ благосостояніи народа, 2) ученіе о формахъ правленія, и 3) собственно искусство управленія. Послѣднее состоитъ въ искусствѣ законодательства, въ счастливомъ выборѣ орудій управленія по части судебной, учебной, административной, и т. д. — Въ заключеніе ораторъ вычисляетъ важнѣйшія того времени сочиненія по разнымъ частямъ политическихъ наукъ, напр. Реаля, Бильфельда, Ахенваля и другихъ. Четвертое слово, произнесенное Лангеромъ, въ Іюнѣ 1773 года, на день восшествія на престолъ, извѣстно только по заглавію: De praecipuis veri Jureconsulti partibus, и по Русски: *объ отличительныхъ знакахъ истиннаго законовѣдца.* Бакмейстеръ, въ своей Русской Библіотекѣ (II, 231), говоритъ объ этой Рѣчи: Langer nennt einen Rechtsgelehrten überhaupt «eruditum circa leges (latas) versantem», und leitet aus dieser Definition diejenigen Kenntnisse und Geschicklichkeiten her, die er an ihm für nothwendig hält.

Послѣднее изъ сочиненій Профессора есть *Полный Географическій Лексиконъ, содержащій въ себѣ, по азбучному порядку, подробное описаніе всѣхъ частей свѣта; изъ новѣйшихъ и до-*

стовѣрнѣйшихъ извѣстій, *собранный Карломъ Лангеромъ*, *въ 3 частяхъ*, Москва, въ Типографіи Клаудія (1791—1792).

Какъ Профессоръ, Лангеръ оставилъ нѣкоторые слѣды своей дѣятельности въ актахъ Конференціи. Такъ въ Февралѣ 1765 г., онъ подавалъ мнѣніе на счетъ прибавки содержанія Десницкому и Третьякову, которые находились въ то время въ Гласговѣ, и требовали себѣ ежегодно по 600 руб. въ годъ, по причинѣ дороговизны содержанія въ этомъ городѣ. Лангеръ предлагалъ конференціи снестись съ какимъ-нибудь довѣреннымъ лицомъ въ Гласговѣ, и отъ него узнать о степени настоятельной нужды означенныхъ Студентовъ. Апрѣля 13-го въ томъ же 1765 г., Лангеръ подалъ просьбу о томъ, чтобъ ему доставляли Русскіе указы, касающіеся судопроизводства, mandata Ruthenica, quibus in judiciis cancellariae vulgo utuntur, для руководства при преподаваніи, и притомъ въ двухъ экземплярахъ, такъ чтобы одинъ могъ оставаться въ рукахъ Профессора, а другой служилъ бы для Студентовъ, ad compilandum. 17-го Августа 1767 г., въ качествѣ экзаминатора Десницкаго и Третьякова, державшихъ испытаніе на степень Доктора, Лангеръ подалъ мнѣніе отличное отъ мнѣнія Профессора Дильтея и отдавалъ преимущество Десницкому, тогда какъ Дильтей уравнивалъ обоихъ экзаменующихся.

ЛЕБЕДЕВЪ, Козьма Васильевичь, Адъюнктъ по каѳедрѣ Общей Патологіи и Терапіи, Докторъ Медицины, Членъ Обществъ: Русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ и Физико-Медицинскаго при Московскомъ Университетѣ, Надворный Совѣтникъ. — По окончаніи курса наукъ въ Рязанской Семинаріи, поступилъ Студентомъ въ Московскій Университетъ (1820 г.), гдѣ получилъ степени Лѣкаря 1-го отдѣленія (1824 г.) и Доктора Медицины (1829 г.); былъ командированъ для содѣйствія къ прекращенію болѣзни, возникшей на Воробьевыхъ горахъ между чернорабочими людьми; служилъ Частнымъ Лѣкаремъ въ Москвѣ съ 11-го Марта по 9-е Дек. 1825 г.; въ качествѣ Адъюнктъ-Профессора преподавалъ Общую Патологію и Общую Терапію въ Московскомъ Университетѣ съ 4-го Іюля 1831 г. по 1-е Мая 1836 г., а съ 7-го Дек. 1839 г. по 27-е Сентября 1843 г. преподавалъ Общую Те-

рапію и Рецептуру въ Московской Медико-Хирургической Академіи; уволенъ изъ обоихъ мѣстъ за реформою, съ выдачею единовременно годоваго жалованья. За участіе въ изданіи Ученыхъ Записокъ объявлено ему Высочайшее Его Императорскаго Величества благоволеніе; за изданіе сочиненій неоднократно изъявлена ему благодарность отъ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія и Помощника Попечителя Московскаго Учебнаго Округа.

Кромѣ статей разнаго содержанія, помѣщенныхъ въ періодическихъ изданіяхъ, изданы имъ слѣдующія сочиненія: 1) *Разсужденіе о гнилой горячкѣ,* на Латинскомъ языкѣ, для полученія Докторской степени, 1829 г.; 2) *Краткое ученіе о горячкахъ,* 1831 г.; 3) *Краткое начертаніе Общей Антропопатологіи,* 1833 г.; 4) *Общая Антропопатологія*, 1835 г.; 5) *Опытъ критическаго обозрѣнія нозологическихъ системъ,* 1840; 6) *Общая Терапія,* 1841 г.; 7) *Общая Фармакологія,* 1842 г.; 8) *Практическая Фармакологія,* 1842 г.; 9) *Рецептура* 1843 г.; 10) *Наука о лѣкарствахъ или Фармакологія,* 1853 г. Сверхъ того въ 1847 году издалъ лекціи наставника своего, Профессора Дядьковскаго, подъ заглавіемъ: *Практическая Медицина.*

ЛЕБЕДЕВЪ, Никифоръ Димитріевичь, Адъюнктъ по каѳедрѣ Исторіи и Литтературы Медицины, Докторъ Медицины, Статскій Совѣтникъ, врачь при Типографіи Московскаго Университета, родился 13-го Марта 1799 года, Тверской губерніи Бѣжецкаго уѣзда въ селѣ Орловомъ городкѣ, отъ родителей духовнаго званія. Съ осьмилѣтняго возраста началъ учиться грамотѣ и помнить время дѣтства. Читать, писать и пѣть выучился въ домѣ родителей. Азбука, Часословъ, Псалтирь и Богослужебныя книги были единственными источниками для образованія его въ дѣтствѣ до 10-ти лѣтъ. — Поступя въ 1809 году въ Бѣжецкое Духовное училище, учился Катихизису, Священной исторіи, Русскому языку, Ариѳметикѣ, Латинскому и Греческому языкамъ, Исторіи и Географіи. Перешедъ въ Тверскую Семинарію, въ 1815 г. получилъ возможность учиться Словесности, Всеобщей Исторіи, Философіи, Математикѣ, Еврейскому, Французскому и Нѣмецкому языкамъ, Физикѣ и Богословію. Вызовъ учениковъ изъ Семинаріи

учиться Медицинѣ, доставилъ Лебедеву благопріятный случай вступить въ Московскій Университетъ въ 1818 г. и довершить высшее ученіе въ 1825 г. Получивъ званіе Лѣкаря 1-го отдѣленія, былъ оставленъ при Университетѣ для достиженія степени Доктора и въ теченіи сего времени сперва опредѣленъ былъ Помощникомъ Инспектора казеннокоштныхъ Студентовъ, а потомъ преподавателемъ въ Медицинскомъ Факультетѣ Исторіи и Литтературы Медицины. Въ 1826 г. назначенъ врачемъ при Типографіи Московскаго Университета. Въ 1827 г. утвержденъ Адъюнктомъ Университета; въ 1828 г., поступилъ также Адъюнктомъ въ Московское отдѣленіе Императорской Медико-Хирургической Академіи. Издалъ *Краткую Исторію Медицины*, за что получилъ благодарность Г. Министра. Въ 1830 г. занималъ должность Секретаря Врачебнаго отдѣленія. Въ 1831 г. удостоился Монаршаго благоволенія по прекращеніи въ Москвѣ холеры, а въ 1834 г. за участіе въ изданіи Ученыхъ Записокъ Московскаго Университета. Въ 1840 г. опредѣленъ отъ Медицинскаго Департамента для страховыхъ операцій скота по Москвѣ главнымъ врачемъ. Избранъ въ Д. Члены Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, Всемилостивѣйше пожалованъ въ Статскіе Совѣтники и получилъ въ 1852 г. знакъ отличія безпорочной службы за XXV лѣтъ.

Левитскій, Григорій Александровичъ, Магистръ Богословскихъ наукъ, Профессоръ Богословія и Церковной Исторіи, Священникъ Московской Покрова Пресвятыя Богородицы, что въ Левшинѣ, церкви, Малороссіянинъ, сынъ Священника. По окончаніи курса наукъ въ Кіевской Духовной Академіи, въ 1808 году, поступилъ въ С.-Петербурскую, въ которой проходилъ высшій курсъ наукъ Богословскихъ, Философскихъ, Словесныхъ и Историческихъ и языковъ Греческаго, Еврейскаго и Нѣмецкаго, и въ 1814 году, по удостоеніи степени Магистра, опредѣленъ въ Московскую Духовную Академію Баккалавромъ Богословскихъ наукъ и Членомъ Цензурнаго при оной Комитета. Въ 1818 году рукоположенъ въ Священника Московской Покровской, что въ Левшинѣ, церкви, а въ 1819 г. опредѣленъ въ Московскій Университетъ Профессо-

ромъ Богословія и Церковной Исторіи съ жалованьемъ по 1,200 р. асс. Въ 1823 году Іюля 5-го дня, въ торжественномъ собраніи Университета, говорилъ на Русскомъ языкѣ слово: *О свойствахъ духовнаго просвѣщенія и нравственныхъ качествахъ ищущихъ онаго.* Въ 1824 г., по трудности соединять службу въ Университетѣ съ обязанностями приходскаго Священника, оставилъ Университетскую каѳедру.

Леонтьевъ, Павелъ Михайловичъ, Исправляющій должность Экстраординарнаго Профессора и Магистръ Римской Словесности, родился въ городѣ Тулѣ, 18-го Августа 1822 года. Первую молодость провелъ онъ въ деревнѣ Епифанскаго уѣзда Тульской губерніи, въ домѣ родителей, употреблявшихъ всѣ средства своего весьма небольшаго состоянія для хорошаго воспитанія дѣтей. Съ ранняго возраста онъ привыкъ видѣть постоянныя занятія людей, окружавшихъ его: отца, любящаго чтеніе и хозяйство, мать, приготовляющую лѣкарства для окрестныхъ простолюдиновъ, со всѣхъ сторонъ стекавшихся къ ней за пособіями домашней медицины, и употреблявшую досугъ съ особенною охотою на рукодѣлія трудныя и изысканныя*. Любознательное уваженіе къ книгамъ получилъ онъ вмѣстѣ съ первыми впечатлѣніями младенчества; дома было книгъ много и еще болѣе у прапрадѣда его по матери, Андрея Тимоѳеевича Болотова, къ которому каждый годъ его возили родители до смерти почтеннаго старца въ 1832 г. Первое обученіе получилъ онъ отъ матери и трехъ домашнихъ учительницъ, изъ которыхъ одна была воспитанница Московскаго Екатерининскаго Института и двѣ иностранки. Въ началѣ 1833 года его отдали въ Пансіонъ, который г. Бегагель содержалъ въ Тулѣ; въ этомъ же году скончалась мать его. Пансіонское ученье шло не совсѣмъ удовлетворительно, но въ Латинскомъ языкѣ и Математикѣ лучше нежели въ другихъ предметахъ; Математику преподавалъ г. Сытинъ, учитель Гимназіи, бывшій потомъ Инспекто-

* Ею былъ, напримѣръ, сдѣланъ чепецъ изъ паутины, обращавшій на себя вниманіе въ собраніи г. Свиньина. Она любила также рисовать на паутинѣ.

ромъ. Лѣтомъ 1834 года Леонтьевъ вышелъ изъ Пансіона и продолжалъ заниматься дома въ деревнѣ подъ надзоромъ родителя, а въ Январѣ 1835 года поступилъ въ Дворянскій Институтъ, въ Москвѣ, въ 4-й классъ. Вслѣдствіе особыхъ распоряженій тогдашняго Директора Института С. Я. Унковскаго онъ оставался по полугоду въ 4, 5 и 6-мъ классахъ (классовъ было 8), успѣвая особенно въ Латинскомъ языкѣ подъ руководствомъ Т. П. Сиринова и въ Математикѣ, которую преподавалъ А. И. Мохтинъ. Лѣтомъ 1836 г. Институтъ былъ преобразованъ. Ученіе, сдѣлавшееся гимназическимъ, по выходѣ изъ 8-го класса послѣднихъ воспитанниковъ бывшаго Университетскаго Благороднаго Пансіона, было распредѣлено по особому плану и раздѣлено на шесть годовыхъ курсовъ. Вслѣдствіе того Леонтьевъ былъ переведенъ изъ прежняго 6-го класса въ 6-й новый, соотвѣтствовавшій 7-му классу Гимназій. Въ преподавателяхъ произошли также перемѣны; Латинскій языкъ въ двухъ высшихъ классахъ былъ порученъ Профессору Московскаго Университета Д. Л. Крюкову, который однимъ своимъ появленіемъ въ Институтъ сильно подѣйствовалъ на учениковъ. По его совѣту, Леонтьевъ сталъ брать у г. Клина, теперь преподавателя въ Московскомъ Университетѣ, частные уроки въ Греческомъ языкѣ, который не преподавался въ Дворянскомъ Институтѣ. Курсъ окончилъ онъ первымъ ученикомъ и получилъ серебряную медаль лѣтомъ 1837 года, когда ему не исполнилось еще 15 лѣтъ. Вступленіе въ Университетъ представляло трудности: тогдашнее собственное желаніе вело его въ Математическое отдѣленіе; но Попечитель Моск. Учебн. Округа, Графъ С. Г. Строгановъ, постоянно слѣдившій за успѣвающими не только въ Университетѣ, но и въ Гимназіяхъ, совѣтывалъ ему избрать Словесное отдѣленіе и на томъ же настаивалъ Профессоръ Крюковъ. Представляя себѣ, что отъ исполненія этого совѣта зависитъ принятіе его въ Университетъ ранѣе установленнаго возраста, Леонтьевъ рѣшился вступить въ Словесное отдѣленіе тогдашняго Философскаго Факультета. Будучи Студентомъ, онъ занимался преимущественно подъ руководствомъ Профессора Крюкова, которому наиболѣе обязанъ своимъ филологическимъ образованіемъ.

Окончивъ курсъ въ 1841 году, былъ опредѣленъ Графомъ С. Г. Строгановымъ въ должность Помощника Библіотекаря, которую занималъ до конца 1843 года. По выдержаніи Магистерскаго экзамена, отправленъ за границу на казенномъ иждивеніи въ Январѣ 1843 г., слушалъ лекціи въ Кенигсбергскомъ (Профессоровъ Лобека и Розенкранца), Лейпцигскомъ (Готфрида Германа, Гаупта, Штилльбаума), Берлинскомъ (Бёка, Лахмана, Шеллинга, Гергарда) и другихъ Университетахъ и посѣтилъ замѣчательнѣйшіе города Италіи. Возвратившись оттуда, былъ опредѣленъ Исправляющимъ должность Адъюнкта (въ Сент. 1847 г.) и Экстраорд. Професс. (въ Маѣ 1851 г.) по каѳедрѣ Римской Словесности и Древностей.

Издалъ сочиненіе: *О поклоненіи Зевсу* (М. 1850 г., in 8, магистерская диссертація) и четыре тома Сборника статей по классической древности подъ заглавіемъ: «*Пропилеи.*»

Лери, Яковъ Пркло-де (Jacques Préclos-de Lery), Лекторъ Французскаго языка, въ каталогѣ лекцій за 176¾ академическій годъ значился Преподавателемъ этого предмета. Онъ наслѣдовалъ Лектору Билону, а на мѣсто его въ слѣдующемъ году поступилъ Лави. Программа одна и таже. Въ 1764 году Лери говорилъ похвальное слово на актѣ. Изъ писемъ Рейхеля къ Миллеру видно, что онъ былъ прежде Полковникомъ на службѣ у Короля Польскаго, издавалъ во Франкфуртѣ на Майнѣ Французскую газету, и въ Москвѣ, въ 1764 году, предпринималъ также изданіе Французскаго журнала; но смерть ему въ томъ воспрепятствовала.

Лешковъ, Василій Николаевичъ, Ординарный Профессоръ по каѳедрѣ Законовъ Государственнаго Благоустройства и Благочинія, Соревнователь (membre associé) Королев. Общества сѣверныхъ антикваріевъ, по Русскому отдѣленію, Дѣйст. Членъ Императорскаго Московскаго Общест. Русской Исторіи и Древностей, Статскій Совѣтникъ, изъ духовнаго званія. Родился 2-го Августа 1810 г., Черниговской губерніи, Стародубскаго уѣзда, въ селѣ Медвѣдовѣ, гдѣ и учился грамотѣ и письму, Священной Исторіи и первымъ правиламъ Ариѳметики, а въ 1820 г. былъ отправленъ въ Черниговское духов-

ное уѣздное училище. Въ 1825 году переведенъ въ Семинарію, въ 1829 году окончилъ курсъ Философіи или средняго отдѣленія, и тогда же помѣщенъ въ Главный Педагогическій Институтъ.

Въ Институтѣ, по принятому тогда порядку, сначала пройденъ полный Гимназическій курсъ, при содѣйствіи лучшихъ преподавателей, Гг. Талызина, Тимаева, Буссе, Ободовскаго, и другихъ. Потомъ уже были открыты спеціальные факультетскіе курсы. Лешковъ избралъ Факультетъ Философско-Юридическій, въ которомъ выслушалъ: 1) Богословіе съ Исторіею Церкви у Протоіерея В. Б. Бажанова, 2) Философію съ Исторіею системъ у Профессора Фишера, 3) Римское Право съ Исторіею у Профессора Штекгардта, 4) Русское Право съ его Исторіею у Профессора Барона Врангеля, и 5) Политическую Экономію у Профессора Бессера. Сверхъ того Лешковъ слушалъ курсъ Русской Словесности у Профессора П. А. Плетнева; Русской Исторіи у Профессора Н. Г. Устрялова; Римской Словесности у Профессора Гримма; посѣщалъ лекціи Профессора Лоренца, по Всеобщей Исторіи, и, подъ руководствомъ Профессоровъ, занимался новѣйшими языками. — Въ концѣ 1835 года, когда Лешковъ выдержалъ экзаменъ изъ всѣхъ поименованныхъ предметовъ, Директоръ Института Ѳ. И. Миддендорфъ и конференція Профессоровъ присудили ему за успѣхи и поведеніе, серебряную медаль, съ девизомъ: *«достойнѣйшимъ изъ будущихъ образователей юношества,»* и право воспользоваться Высочайшимъ дозволеніемъ, довершить свое образованіе за границей. Юристы были отправлены въ Берлинъ, гдѣ тогда еще читалъ знаменитый Савиньи. Здѣсь, въ продолженіи двухъ лѣтъ, или четырехъ семестровъ, Лешковъ выслушалъ курсъ лекцій Савиньи объ институціяхъ, о древностяхъ Римскаго Права, и о пандектахъ, у Кленце о Правѣ Естественномъ и объ Исторіи Римскаго Права, у Геффтера объ Уголовномъ Правѣ, у Ганса объ Уголовномъ и Общенародномъ, у Гомейера о Нѣмецкомъ Правѣ и Прусскомъ Ландрехтѣ, у Рёстеля о Каноническомъ Правѣ, у Раумера о Всеобщей Исторіи. Кромѣ того посѣщалъ лекціи Гельвинга о Политической Экономіи, Риттера о Географіи, Ранке объ Исторіи и др. Наконецъ желаніе, по-

знакомиться съ Университетомъ Лейпцигскимъ, съ учеными Праги, и преподаваніемъ въ Вѣнѣ, вызвало Лешкова въ эти города, откуда онъ въ 1838 году обратно пріѣхалъ въ С. Петербургъ. Всѣмъ возвратившимся изъ-за границы предписано было тогдашнимъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія, С. С. Уваровымъ, прочесть, по очереди, въ Академіи Наукъ, пробныя лекціи, въ его личномъ присутствіи и многихъ ученыхъ особъ. Лешковъ читалъ въ Академіи лекцію: *О семейномъ правѣ Римлянъ, Германцевъ и Славянъ.* Послѣ чего Г. Министру угодно было назначить Лешкова, 1839 г. Января 26-го, Адъюнктомъ въ Юридическій Факультетъ Московскаго Университета.

Первая каѳедра, порученная Лешкову Начальствомъ, была каѳедра Народнаго Права, по предмету которой, выдержавъ экзаменъ изъ Юридическ. Наукъ, онъ писалъ и защищалъ диссертацію на степень Доктора Правъ, подъ заглавіемъ: *О Морскомъ торговомъ неутралитетѣ.* 1841 г. Мая 22-го того же года утвержденъ въ степени Доктора.—Между тѣмъ, сначала въ Юридическомъ, а потомъ въ Словесномъ и Математическ. Факультетахъ, читалъ онъ Законы о Состояніяхъ, Губернскія и Государственныя учрежденія; сверхъ того ему поручено было экзаменовать поступавшихъ въ Юридическій Факультетъ изъ Латинскаго языка, потомъ изъ Исторіи Всеобщей и Русской. Въ тоже время, съ 10-го Мая 1839 г., онъ занималъ должность Секретаря Факультета, а съ Декабря 24-го 1840 г., Секретаря при Московскомъ Цензурномъ Комитетѣ. Отъ сей послѣдней должности уволенъ по прошенію 16-го Января 1842 года, вскорѣ послѣ того, какъ утвержденъ въ званіи Экстраординарнаго Профессора, Января 10-го. Уже въ званіи Профессора, былъ перемѣщенъ на каѳедру Государственнаго Благоустройства, Апрѣля 7-го 1843 г., съ обязанностію продолжать чтенія по каѳедрѣ Народнаго Права, до замѣщенія оной отдѣльнымъ преподавателемъ. Сверхъ того, на время отсутствія, въ теченіи года, Профессора Энциклопедіи, Лешкову поручаема была и каѳедра Юридической Энциклопедіи.

1845 года былъ избранъ и потомъ Мая 21-го утвержденъ Ординарнымъ Профессоромъ; въ 1847 г. Марта 31-го опредѣленъ Цензоромъ Московскаго Цензурнаго Комитета, изъ

котораго, за реформою, 1850 г. Ноября 17-го, уволенъ, съ изъявленіемъ благодарности Начальства. Высочайшимъ Приказомъ отъ 2-го Іюля 1849 г., за выслугу лѣтъ, произведенъ въ Статскіе Совѣтники.

Въ теченіи службы написаны Лешковымъ и изданы въ свѣтъ: 1) Означенная выше *диссертація*; 2) статья въ журналѣ Москвитянинъ за 1843 г.: *О томъ, что такое Полиція, или о законахъ Государственнаго Благоустройства*; 3) Рѣчь *о Древней Русской Дипломатіи*, читанная на актѣ 1847 г.; 4) въ Москвитянинѣ 1851 г. статья: *О древней Московской Полиціи*; 5) тамъ же въ Январской 1-й книжкѣ 1852 г. *Историческій очеркъ Русскаго законодательства о путяхъ сообщенія и ямской гоньбѣ, или почтахъ*; 6) Тамъ же и въ томъ же году: *Историч. очеркъ древнихъ Русскихъ законовъ о промышленности*; 7) Въ 18 кн. Сборника Моск. Истор. Общества: *Древніе Рус. законы о сохраненіи народнаго богатства*; 8) Въ 1853 г. въ Москвитянинѣ: *О древней Русской медицинѣ;* и 9) тамъ же, въ 1854 г., *О народномъ продовольствіи, въ древней Россіи*; 10) нѣсколько рецензій на юридическія сочиненія и изданія, и нѣсколько мелкихъ статей, въ разныхъ №№ журн. Москвитянинъ, за разные годы, начиная съ 1843 года.

Линовскій, Ярославъ Альбертовичь, Исправлявшій должность Экстраординарнаго Профессора Сельскаго Хозяйства, Магистръ, изъ дворянъ Кіевской губерніи, вѣроисповѣданія Римско-Католическаго, окончилъ курсъ гимназическаго ученія въ Умани и потомъ поступилъ въ Императорскій Московскій Университетъ студентомъ 2-го отдѣленія Философскаго Факультета. Здѣсь онъ съ особенною любовью и успѣхами занимался Естественными науками, и тѣмъ обратилъ на себя вниманіе Университетскаго начальства; онъ получилъ отъ 2-го Отдѣленія Философскаго Факультета золотую и серебряную медали за сочиненныя имъ диссертаціи, и наконецъ, въ 1836 году, окончилъ Университетскій курсъ и выпущенъ Кандидатомъ 2-го отдѣленія Философскаго Факультета. По выходѣ изъ Университета, Линовскій опредѣленъ былъ учителемъ Математики и Физики во 2-ю Кіевскую Гимназію, въ Университетѣ св. Владиміра выдержалъ экзаменъ на степень Ма-

гистра Ботаники и Зоологіи, и вскорѣ за тѣмъ вышелъ въ отставку. Въ 1839 году, мы уже встрѣчаемъ Линовскаго на службѣ въ Московской Палатѣ Государственныхъ Имуществъ. Дѣятельное Министерство, въ вѣдомство коего поступилъ покойный, командировало его для оцѣнки Государственныхъ имуществъ, въ южную полосу Россіи, а по возвращеніи его въ Москву, въ 1840 году, поручило ему осмотрѣть, вмѣстѣ съ ученымъ лѣсничимъ г. Боде, всѣ уѣзды Московской губерніи, съ цѣлію составить описаніе казенныхъ торфяныхъ болотъ и указать удобнѣйшія мѣры къ разработкѣ сего произведенія. Линовскій, съ свойственною ему ревностію, исполнилъ это возложенное на него порученіе, осмотрѣвъ около ста болотъ, изъ которыхъ въ 45-ти оказался торфъ; подробную карту этимъ болотамъ помѣстилъ онъ въ 1-мъ номерѣ Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ за 1841 годъ.

1841 года, Мая 16 дня, Линовскій причисленъ къ вѣдомству Народнаго Просвѣщенія, и отправленъ, на иждивеніи Московскаго Университета, для усовершенствованія себя въ Сельскомъ хозяйствѣ, въ Германію, Белгію, Францію и Англію, гдѣ пробылъ до половины 1844 года.

Находясь въ Германіи, Линовскій слушалъ теоретическій курсъ Сельскаго Хозяйства въ Гогенгеймскомъ сельско-хозяйственномъ Институтѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ руководствомъ знаменитаго Директора этого Института, фонъ Веккерлина, изучалъ во всей подробности технику образцоваго хозяйства тамошней фермы.—Обозрѣвъ и другія сельско-хозяйственныя заведенія и замѣчательныя хозяйства Германіи, Линовскій посѣтилъ Италію, Швейцарію, Белгію, Францію, и Англію. Практическій сельскохозяйственный тактъ Англійскихъ фермеровъ пришелся по душѣ нашему молодому Профессору. «Въ Англіи», говоритъ онъ, «въ этой странѣ практическихъ людей, наука Сельскаго Хозяйства, это — совокупность свѣдѣній, заимствованныхъ изъ опытности разныхъ тамошнихъ фермеровъ или земледѣльцевъ.» — «Отъ этихъ-то фермеровъ Великобританіи, продолжаетъ онъ, можно научиться хозяйству подробнѣе и лучше, чѣмъ во многихъ учебныхъ заведеніяхъ. Къ нимъ-то отдаютъ въ ученье Англійскіе

помѣщики сыновей своихъ и оставляютъ у нихъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Никогда не забуду живой ихъ бесѣды, и той простоты и радушія, съ которыми дѣлились они со мною, иностранцемъ, результатами продолжительной опытности своей.»

Одаренный отъ природы многосторонними внутренними дарованіями, пытливымъ и быстропостигающимъ умомъ, счастливою памятью, живымъ воображеніемъ, при неутомимой любознательности и практическомъ смыслѣ, лично знакомый, притомъ, со всѣми извѣстнѣйшими, современными учеными агрономами, химиками и физіологами, Линовскій основательно изучилъ за границею Сельское Хозяйство. Изъ отчетовъ, которые онъ присылалъ оттуда своему начальству, и которые были помѣщаемы въ разныхъ періодическихъ Русскихъ изданіяхъ, попечительное наше начальство и внимательная публика видѣли уже, чего можно было ожидать отъ будущаго молодаго Профессора, такъ хорошо знакомаго съ многостороннею Русскою сельскою промышленностію, и умѣвшаго такъ искусно понять и подмѣтить, что̀ именно изъ всей безграничной западной учености наиболѣе примѣнимо въ ней на самомъ дѣлѣ, — и надежды эти вполнѣ сбылись!

Первая вступительная лекція, читанная Линовскимъ въ Московскомъ Университетѣ, 1844 г. Сент. 20, привлекла многочисленную избранную Московскую публику, внимавшую съ живымъ сочувствіемъ молодому преподавателю, увлекательному по своему краснорѣчію, воодушевленному пламенною любовью къ избранному предмету. Такое счастливое начало сдѣлалось для него истиннымъ торжествомъ, и навсегда привязало къ нему сердца увлеченныхъ слушателей и приверженцевъ его.

Линовскій обладалъ необыкновеннымъ даромъ слова и обобщенія; онъ постигъ вполнѣ искусство—объяснять своимъ слушателямъ самые трудные вопросы науки языкомъ для каждаго удобопонятнымъ; онъ излагалъ свой предметъ съ неизмѣнною любовью, благороднымъ увлеченіемъ и совершеннымъ знаніемъ дѣла. Неудивительно же, что отъ самаго начала до той печальной катастрофы, когда Линовскій навсегда оставилъ каѳедру, публичный курсъ его лекцій постоянно былъ посѣщаемъ многочисленною публикою.

Чувствуя ощутительный у насъ недостатокъ хозяйственной литературы и желая доставить своимъ слушателямъ какое нибудь руководство для ихъ занятій, «а еще болѣе (по его словамъ), сознавая, что всякія вообще мысли объ отчетливомъ раціональномъ хозяйствѣ тогда только могутъ развиться и принести пользу отечеству, когда наука сблизится съ жизнью, когда лекціи профессоровъ, не ограничиваясь однѣми только стѣнами Университетскихъ аудиторій, начнутъ переходить въ жизнь сельскаго хозяина, въ его занятія, а сами, въ свою очередь, будутъ пополняться его наблюденіями, будутъ подкрѣпляться сочувствіемъ и знаніями просвѣщенныхъ, образованныхъ людей,» —чувствуя и сознавая все это, Линовскій предпринялъ изданіе Курса сельскаго хозяйства, въ формѣ простыхъ, но живыхъ бесѣдъ.—Надобно отдать должную честь той возвышенной цѣли, которую предпослалъ своимъ «*Бесѣдамъ*» ученый авторъ. «Во всѣхъ странахъ,» говоритъ онъ, «довольство и благосостояніе народа зависятъ предпочтительно отъ распространенія улучшеннаго хозяйства. Но это улучшеніе должно быть всегда сообразное и потребностямъ и образованности края. Не безотчетное подражаніе иностраннымъ системамъ и методамъ даетъ твердую основу народному хозяйству. Нѣтъ, оно должно, напротивъ, развиваться *изъ своихъ внутреннихъ силъ*. Въ жизни и занятіи каждаго народа, самаго даже грубаго, есть непремѣнно и хорошая, разумная сторона. *Умѣть подмѣтить ее, потомъ развивать, укрѣплять ее—вотъ благороднѣйшая цѣль для занятій каждаго просвѣщеннаго гражданина.*»

Всѣ «*Бесѣды*» покойнаго автора глубоко проникнуты сознаніемъ этой высокой цѣли и неподдѣльною любовью къ самому дѣлу. Сверхъ того въ этихъ «Бесѣдахъ», съ достовѣрностью учено-опытнаго, проницательнаго и безпристрастнаго наблюдателя-очевидца, изображена сельско-хозяйственная дѣятельность разныхъ областей нашего Отечества, со всѣми ея достоинствами, недостатками и средствами къ ихъ устраненію или ослабленію, независимо отъ увлекательнаго популярнаго изложенія самой науки, примѣненной къ потребностямъ многосторонняго Русскаго Сельскаго Хозяйства. Какъ не пожалѣть, что этотъ значительный трудъ неоконченъ! Сверхъ этого, Линовскій издалъ въ свѣтъ два разсужденія: первое,

Критическій разборъ мнѣній ученыхъ объ условіяхъ плодородія земли, съ примѣненіемъ общаго вывода къ земледѣлію, представленное имъ во 2-е Отдѣленіе Философскаго Факультета С. Петербургскаго Университета для полученія степени Магистра Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства; второе—*Объ окончательномъ отмѣненіи хлѣбныхъ законовъ въ Англіи*, и нѣсколько статей, помѣщенныхъ въ различныхъ періодическихъ Русскихъ изданіяхъ.

Два года преподавалъ Линовскій Сельское Хозяйство въ Московскомъ Университетѣ. Въ этотъ промежутокъ времени, онъ получилъ въ С.-Петербургскомъ Университетѣ степень Магистра Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства, утвержденъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія въ должности Экстраординарнаго Профессора по занимаемой имъ каѳедрѣ и предпринималъ, по порученію Университетскаго Начальства, агрономическую поѣздку въ губерніи: Ярославскую, Владимірскую, Вятскую, Нижегородскую, Казанскую и Пермскую.

Внезапная смерть, постигшая его рукою слуги-убійцы, въ 1846 г., Октября 1-го, прекратила неутомимую, благородную и общеполезную дѣятельность 28-лѣтняго, даровитаго Профессора, всѣми уважаемаго, всѣми любимаго, такъ много обѣщавшаго и для науки, и для общества, и для Отечества.

ЛОБАНОВЪ, Семенъ, Адъюнктъ и Магистръ Математическихъ наукъ, родился въ Осташковской слободѣ, обучался въ Тверской Семинаріи; въ спискахъ Университета упоминается Студентомъ отъ 1757 до 1760 года. Въ Прибавленіяхъ къ Московскимъ Вѣдомостямъ 1758 года аттестованъ, какъ отличный ученикъ Магистра Барсова въ классѣ Теоретической Математики. Въ 1760 году, получилъ золотую медаль. Въ каталогѣ лекцій 176$\frac{1}{2}$ года показанъ преподавателемъ Чистой Математики. Въ 1762 г., произведенъ Адъюнктомъ и перемѣщенъ въ Сухопутный Кадетскій Корпусъ учителемъ Математики. Профессоръ Рейхель, рекомендуя его въ письмѣ къ Академику Миллеру, хвалитъ его свѣдѣнія, нравственныя качества и трудолюбіе. Въ Кадетскомъ корпусѣ, спустя нѣсколько времени онъ былъ произведенъ въ Профессоры Физики и Математики. Въ 1769 году, изъ Корпуса уволенъ и

опредѣленъ въ Правительствующій Сенатъ, а въ 1770 г. пожалованъ Сенатскимъ Секретаремъ и въ томъ же году умеръ чахоткою. Онъ сочинилъ «Физику» и «Математику», которыя однакожъ не напечатаны, а у нѣкоторыхъ хранились рукописными.

Ловецкий, Алексѣй Леонтьевичъ, Ординарный Профессоръ Натуральной Исторіи, Статскій Совѣтникъ, Кавалеръ Орденовъ: Св. Владиміра 3-й степени и Св. Анны 2-й степ., Императорскою Короною украшеннаго, Академикъ, Докторъ Медицины и Членъ Ученыхъ Обществъ, родился въ Ловцахъ, селеніи Рязанской губерніи. Получивъ достаточное образованіе въ тамошней Духовной Семинаріи, онъ вступилъ въ Московское Отдѣленіе Императорской Медико-Хирургической Академіи 1809 года и принятъ былъ въ число казенныхъ воспитанниковъ по Медицинской части. Ловецкій отличался благонравіемъ, постояннымъ прилежаніемъ, прекрасными способностями и успѣхами въ наукахъ, за что въ 1812 году произведенъ Лѣкаремъ I-го Отдѣленія, съ награжденіемъ серебряною медалью, и оставленъ для занятія Адъюнктскаго мѣста. Въ слѣдующемъ году, уже въ званіи Репетитора по части Минералогіи и Зоологіи при Профессорѣ сихъ наукъ Фишерѣ Фонъ-Вальдгеймъ, Ловецкій имѣлъ счастливую возможность заниматься подъ руководствомъ нашего высокоуважаемаго Естествоиспытателя, нашего Русскаго Кювье, какъ называютъ его Французскіе ученые, и съ того времени начинается эпоха занятій покойнаго Профессора по Зоологіи, части, имъ преимущественно любимой, и смежнымъ вѣтвямъ Медицины, изученію коихъ онъ, по обстоятельствамъ времени, удѣлялъ часы своего досуга. Въ 1815 году удостоенъ степени Доктора Медицины, а потомъ вскорѣ и Адъюнкта по Минералогіи и Зоологіи. Въ Московскомъ Университетѣ сталъ онъ преподавать Естественную Исторію съ 1824 года, уже въ званіи Экстраординарнаго Профессора, продолжая службу свою и въ Академіи, гдѣ, спустя два года, утвержденъ Ординарнымъ по Минералогіи и Зоологіи, а 1828 года въ Университетѣ Ординарнымъ же Профессоромъ Минералогіи и Сельскаго Хозяйства. Наконецъ въ 1833 году перемѣщенъ въ Академіи на каѳедру Физіологіи и Патологіи, а въ 1834 въ

Университетѣ на Демидовскую Натуральной Исторіи, при чемъ поручено ему было завѣдываніе Музеемъ. Въ 1835 году, при введеніи новаго Устава въ Университетѣ, назначенъ для преподаванія Зоологіи. Ловецкій, кромѣ главныхъ занятій по ввѣреннымъ ему должностямъ, имѣлъ отъ Начальства разныя важныя порученія, и получалъ за то справедливыя награды.

Въ характерѣ покойнаго особенно рѣзко высказывались добродушіе и христіанское смиреніе: онъ никогда ни надъ кѣмъ не насмѣхался, никого не осуждалъ, никого ни въ чемъ не обвинялъ; ежели же о комъ говорилъ, то на вѣрное съ единственною цѣлью указать хорошую сторону въ своемъ ближнемъ. Послѣ занятій по службѣ, главнымъ, постояннымъ трудомъ его было неусыпное стараніе передать соотечественникамъ своимъ лучшее изъ всего, что ни выходило въ свѣтъ по его предмету. Ловецкій имѣлъ собственную библіотеку, богатую многими драгоцѣнными классическими книгами, и пользовался лучшими журналами Европы.

За нѣсколько дней до своей смерти, онъ постоянно и неутомило слѣдилъ за успѣхами наукъ, преподаваніе коихъ ему было ввѣрено; какъ истинный ревнитель просвѣщенія въ Россіи, онъ добросовѣстно, съ рѣдкою скромностію и примѣрнымъ самоотверженіемъ, сообщалъ слушателямъ всѣ новыя пріобрѣтенія. Ловецкій принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ ученыхъ, которые, трудясь на пользу общую, мало заботятся о томъ, какъ принимаютъ ихъ трудъ благонамѣренный, и ни сколько не стараются придать ему искусственную цѣну свыше достоинства. Конечно, напрасно стали бы вы въ сочиненіяхъ покойнаго искать много оригинальнаго, ему исключительно принадлежащаго; но за то вы найдете въ нихъ неоцѣненное сокровище—свѣдѣнія, почерпнутыя изъ лучшихъ иностранныхъ писателей и переданныя намъ своевременно, добросовѣстно и вѣрно.

Неоспоримымъ доказательствомъ сказаннаго нами о характерѣ и достоинствѣ трудовъ покойнаго Профессора служитъ единодушное свидѣтельство 30 курсовъ Академическихъ и 16 Университетскихъ, общая любовь и уваженіе слушателей, многія сочиненія, частію напечатанныя и служившія долгое время исключительнымъ руководствомъ или по крайней мѣрѣ зна-

чительнымъ пособіемъ при преподаваніи Зоологіи и Минералогіи, частію же оставшіяся въ рукописяхъ *.

Алексѣй Леонтьевичь скончался 22-го Февраля на 53 году отъ роду, отъ удара, такъ неожиданно, что большая часть знакомыхъ и сослуживцевъ узнали о смерти его только послѣ похоронъ. Даже намъ, отдавшимъ Ловецкому послѣдній долгъ, не вѣрилось, или не хотѣлось вѣрить, что онъ умеръ. Не смотря однакожъ на то, на похоронахъ его были многіе изъ Г-дъ Профессоровъ Университета и Академіи; изъ принадлежащихъ къ послѣдней Студентовъ, многіе явили собою умилительный примѣръ благоговѣйнаго чувства благодарности къ своему Наставнику: не смотря на сильный морозъ, стоявшій уже нѣсколько дней въ Москвѣ, они несли, въ однихъ мундирахъ, тѣло и знаки отличія своего Профессора изъ дома въ церковь Успенія въ Гончарахъ, что за Яузою, а оттуда въ Покровскій монастырь, близь Таганской заставы.

Указываемъ на ученые труды покойнаго Профессора Ловецкаго. I. *По Зоологіи*: 1. Diagnosis piscium ad genus accipenserum pertinentium praeprimis eorum, qui habitant in aquis Imperii Rossici (въ Nouv. Mémoir. d. l. Soc. Imp. d. Nat. d. Moscou, T. III. p. 253). Здѣсь описанъ новый видъ изъ рода осетровъ. Эта статья была переведена въ Магаз. Ест. Ист. и Физ. Двигубск. — 2. *Тальменъ* (Salmo fluviatilis Tilesii) помѣщено въ Нов. Магаз. Ест. Ист. и Физ. Двиг. 1830. Ч. I. р. 181, съ рис. — 3. *Наблюденія Проф. Эренберга надъ наливчатыми животными* (Ученыя Зап. Московъ. Унив. 1836. № 3, р. 461. sqq.). — 4. *Краткое начертаніе Естественной Исторіи, содержащее въ себѣ анатомію животныхъ, съ краткимъ физіологическимъ объясненіемъ, систематическое оныхъ расположеніе и описаніе породъ, преимущественно имѣющихъ отношеніе къ*

---

* Послѣ покойника остались составленныя имъ весьма полныя записки Физіологіи и Патологіи, которыми онъ руководствовался при чтеніи сихъ наукъ въ Медико-Хирургической Академіи. Онъ неоднократно намъ говорилъ, что хочетъ заняться изданіемъ ихъ въ свѣтъ по окончаніи перевода Мильнъ-Эдварса.

Медицинѣ и Экономіи, Часть I. Животн. Позв. Москва. 1823. —Часть II. 1827. Живот. безпозвоночныя.—Было второе изданіе, существенно исправленное сообразно новѣйшимъ открытіямъ того времени. Оба изданія служили руководствомъ при преподаваніи лекцій въ Академіи и Университетѣ. — 5. *О микроскопической глистѣ*, Trichina spiralis, найденной въ мышицахъ человѣческаго тѣла Ришардомъ Овеномъ. Извлечено изъ Transactions Society Zoological of London Vol. I. 4 pars (въ Терапевт. Журн. Зацѣпина, 1837 г. № 6 p. 147, sqq.), съ рисункомъ.—6. *О жемчугѣ найденномъ въ Вятской губерніи* (Bull. d. l. Soc. d. Nat. d. Moscou. 1830, p. 223.).—7. *Краткое руководство къ познанію племенъ человѣческаго рода, съ присовокупленіемъ главныхъ признаковъ, отличающихъ его отъ другихъ животныхъ*, составленное изъ сочиненій объ этомъ предметѣ Доктора Сосерота и Профессора Брока, съ литографированными картинами. Москва, 1838. Картины заимствованы изъ соч. Каупа: Das Thierreich in seinen Hauptformen. etc. Darmstadt. 1835, также Tableau Synoptique des races humaines comp. par le Dr. G. Saucerotte, представляющихъ лица разныхъ племенъ, орангутанга и карту географическаго размѣщенія племени по земной поверхности. Приложено изображеніе Боссеманки, заимствованное изъ общеуважаемаго сочиненія Geoffroy Saint-Hilaire и Fréd. Cuvier: Histoire Naturelle des mammifères etc. 1824.—8. *Начальныя основанія Зоологіи, или уроки, содержащіе въ себѣ Анатомію, Физіологію, классификацію и нравы животныхъ*, соч. Мильна-Эдуарда. Переводъ съ Франц. Москва, 1838, изданіе Ширяева. Изданіе увеличено многими прибавленіями, до Русскихъ животныхъ относящимися, и украшено весьма многими изображеніями, ни въ чемъ неуступающими оригинальнымъ. Профессоръ успѣлъ перевести и напечатать только двѣ первыя части (три книги); третья же и послѣдняя часть отпечатана не вполнѣ: смерть воспрепятствовала окончить переводъ, заранѣе уже заготовленный.* Мы видѣли у Ловецкаго матеріалы для подробнаго описанія животныхъ изъ класса глистовъ и наливчатыхъ, двухъ

* Послѣдняя часть послѣ окончена была печатаніемъ.

классовъ, которые, какъ извѣстно, описаны у Мильна Эдуарда болѣе, нежели поверхностно. Для наливчатыхъ животныхъ онъ хотѣлъ даже издать въ видѣ прибавленія особенный атласъ.—9. Enthelmintognosia physico-medica corporis humani. Mosq. 1834. cum figur.

II. По Физіологіи: 10. *Замѣчанія Г-дъ Бреше, Руселя и Безема, касательно строенія и отправленій общихъ покрововъ* (въ Учен. Записк. Московскаго Унив. 1835, № IX p. 371 sqq; продолженіе въ № X p. 35 sqq.).—11. *О существованіи электрическихъ токовъ, составляющихъ кислотности и щелочности въ тѣлахъ организованныхъ* (Учен. Зап. Моск. Универс. 1835. № I. p. 341).—12. *О температурѣ органическихъ тѣлъ* (Учен. Зап. Моск. Унив. 1835. № XI p. 793; продолженіе № XII. p. 367.). — 13. *О первоначальномъ зарожденіи глистовъ* (Enthelmintogenesia) *въ тѣлахъ животныхъ* (Н. Магаз. Двигуб. 1830. Т. III. p. 17; продолженіе тамъ же p. 87).—14. *О развитіи свѣта въ тѣлахъ органическихъ* (Учен. Зап. Моск. Универс. 1836 № X p. 93.).—15. *О способности животныхъ млекопитающихъ предвѣщать будущія перемѣны атмосферическаго воздуха* (Н. Магаз. Двигуб. 1822. Томъ II. p. 181.) — 16. *О способности птицъ предвѣщать* и проч. (Н. Магаз. Двигуб. 1822. Часть III. p. 3). — 17. *О способности животныхъ пресмыкающихся* etc. (Ibid. p. 79.)—18. *О способности рыбъ* etc. (Ibid. p. 83).—19. *Кровообращеніе, разсматриваемое въ человѣческомъ зародышѣ, сравнительно съ зародышемъ первыхъ четырехъ классовъ или животныхъ позвоночныхъ*, изъ соч. М. Сентъ-Анжа, съ Франц.; съ гравированною картин. Москва. 1838.—20. *Физіологія приспособленная къ понятіямъ всѣхъ образованныхъ сословій*, соч. Ахилломъ Контомъ и объясненная на одиннадцати картинахъ посредствомъ вырѣзанныхъ накладныхъ чертежей, съ Французск. Москва. 1838.—21. *Конспектъ Физіологіи, или Антропобіологіи*. Москва. 1835

III. *По Минералогіи*: 22. *Ориктогнозія* и пр. Мы знаемъ, что она существуетъ: мы сами по ней учились и готовы прочесть наизусть нѣсколько страницъ. Но при всемъ стараніи не могли найти ее ни въ одной книжной лавкѣ. Судите же, какъ расходились руководства почтеннаго Профессора.

30*

IV. *По Патологіи*: 23. *Общая Патологія Фердинанда Яна* (Съ Нѣмецкаго большаго сочиненія: System der Physiatrik oder der Hyppocratischen Medicin, перев. Сандеръ, Студентъ Императорской Московской Медико-Хирургической Академіи). Москва, 1838. За переводомъ надзиралъ самъ Профессоръ. 24. *О холерѣ* М. 1832. Описанію болѣзни предшествуетъ ученіе о повѣтріяхъ и заразахъ.

V. *По Токсикологіи*: 25. *Руководство къ Токсикологіи или Наука о ядахъ и средствахъ противъ оныхъ*, соч. Іосифа Франка etc. Перев. съ Нѣмец. А. Ловецкій, Москва, 1815.— Первый литературный опытъ покойнаго Профессора.

Ловецкій преподавалъ Сельское Хозяйство въ Московскомъ Университетѣ, съ 1828 по 1834 г.—Изъ представленной имъ програмы Курса Сельскаго Хозяйства видно, что онъ читалъ этотъ предметъ подробно и отчетливо, руководствуясь въ особенности сочиненіями Теэра и Павлова.

Въ хозяйственной нашей литературѣ имѣется только одна его рѣчь, произнесенная имъ въ торжественномъ собраніи Московскаго Университета, Іюня 26-го дня, 1829 г.: *Объ условіяхъ, содѣйствующихъ произрастанію растеній вообще, и въ особенности экономическихъ.*

Въ этой рѣчи, Ловецкій, исчисливъ въ естественномъ порядкѣ ходъ видоизмѣненій, коимъ подвергаются растенія во время ихъ произрастанія, излагаетъ условія, при которыхъ послѣднее можетъ совершаться; первое условіе для этого есть состояніе самаго зерна, изъ котораго образуется растеніе; второе условіе—есть земля или почва.

Изъ числа условій, требуемыхъ отъ почвъ, для успѣшнаго произрастанія на нихъ растеній, Ловецкій считаетъ главнѣйшими: 1) способность земли поглощать воду; 2) измѣненіе температуры въ почвахъ различнаго свойства и бо́льшую или меньшую способность ихъ поглощать и удерживать теплоту; 3) измѣненіе составныхъ частей почвъ въ количествѣ и качествѣ, смотря по свойству растеній, для коихъ онѣ назначаются; 4) глубина почвы; 5) положеніе земли относительно странъ свѣта; 6) землевоздѣлываніе; 7) системы хозяйства, или такое

раздѣленіе земли, по которому бы она, не истощаясь въ своемъ плодородіи, могла ежегодно производить растенія того или другаго рода, при чемъ только плодоперемѣнная система можетъ доставлять такія выгоды; 8) чтобы земля снабжена была въ достаточномъ количествѣ питательными веществами.— Послѣ этого, Ловецкій разбираетъ другія обстоятельства, содѣйствіе которыхъ къ произрастанію растеній столько же необходимо, по его мнѣнію, какъ и содѣйствіе самой земли, куда принадлежатъ: вода, воздухъ, теплота, свѣтъ, электричество и отчасти среднія соли, о которыхъ почтенный авторъ говоритъ, что онѣ дѣйствуютъ не какъ питательныя, но какъ раздражающія вещества.

Хотя Ловецкій нигдѣ не высказываетъ самобытнаго мнѣнія объ избранномъ предметѣ, придерживаясь сочиненій Теэра и Павлова: однако излагаетъ дѣло обстоятельно и ясно; нельзя также не замѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, находясь подъ вліяніемъ господствовавшихъ тогда идей, онъ обнаруживаетъ динамическій взглядъ на природу; такъ на пр. въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Черноземъ есть полуразрушенная и раздробленная организація животныхъ и растеній, — есть совокупное смѣшеніе органическаго царства природы въ одну общую массу, гдѣ плесень и кедръ, монада (monas) и китъ соединяются въ однообразное вещество, лишенное организаціи и ея свойствъ, но въ минеральныя тѣла не превращающееся. Слѣдовательно черноземъ не есть вещество совершенно мертвое и безжизненное, напротивъ того онъ есть величайшее и всеобщее растеніе безъ организаціи, носящее на себѣ всѣ прочія организованныя растенія, и ихъ питающее точно такъ, какъ почки древесныя бываютъ носимы и питаемы отъ самаго дерева, или какъ стебелекъ кактуса питается на счетъ стараго листвянаго корешка» и т. д.

Кромѣ этой рѣчи Ловецкій болѣе ничего не писалъ о сельскомъ хозяйствѣ.

ЛОДЕРЪ, Христіанъ Ивановичь, Почетный Членъ Московскаго Университета, преподававшій Анатомію, Докторъ Медицины, Хирургіи и Философіи, Двора Его Императорскаго

Величества Лейбъ-Медикъ, Тайный Совѣтникъ, Орденовъ св. Владиміра 2-й степени, св. Анны 2-й степени, алмазами украшеннаго, Прусскаго Краснаго Орла 2-й степени Кавалеръ, Императорской Академіи Наукъ и многихъ другихъ ученыхъ Обществъ Почетный Членъ, родился въ 1753 году въ Ригѣ, гдѣ отецъ его былъ Пасторомъ и Консисторіальнымъ Ассессоромъ. Первоначально обучался въ Рижской Гимназіи, въ Медицинскихъ же и прочихъ наукахъ усовершенствовался въ Геттингенскомъ Университетѣ подъ руководствомъ: Врисберга, Бальдингера, Рихтера, Муррея, Штромейера, Эрксле- бена, Миллера, Дица, Гейне, Кестнера, Мейстнера, Шлецера, Гаттерера и другихъ. Въ 1777 году, въ день основанія Геттингенскаго Университета, получилъ Лодеръ званіе Доктора Медицины и Хирургіи и принялъ предложенное ему званіе Ординарнаго Профессора Медицины въ Іенскомъ Университетѣ. Путешествуя въ продолженіе двухъ лѣтъ по Франціи, Англіи и Голландіи, Лодеръ познакомился съ извѣстнѣйшими того времени учеными: Камперомъ, Сандифортомъ, Бонномъ, Ліонетомъ, Дезольтомъ, Порталемъ, Викъ-Дaзиромъ, Франклиномъ, Боделокомъ, Давидомъ, Гунтеромъ, Банксомъ, Шельдономъ, Белли, Поттомъ и другими.

Возвратившись въ Іену, Лодеръ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Университета: ибо, кромѣ преподаванія Анатоміи, Физіологіи, Хирургіи, Повивальнаго Искусства, Медицинской Антропологіи, Судебной Медицины и Естественной Исторіи, онъ построилъ новый анатомическій театръ, учредилъ родильный Госпиталь, при коемъ помощникомъ его былъ Штаркъ, и Музей Естественной Исторіи, при коемъ помощникомъ находился Ленцъ; имъ также устроена Медико-Хирургическая Клиника, при чемъ помогали ему Гуфеландъ, Гимли, Сукковъ и Бернштейнъ. Сверхъ того Лодеръ нѣсколько разъ былъ Проректоромъ Университета, исправлялъ должность Физика города Іены и его округа; упражнялъ слушателей своихъ въ медицинскихъ диспутахъ, на Латинскомъ языкѣ, и преподавалъ повивальнымъ бабкамъ правила повивальнаго искусства. Необыкновенная ясность въ преподаваніи и обширныя свѣдѣнія по всѣмъ, въ особенности же медицинскимъ наукамъ, изданія превосходныхъ анатомическихъ таблицъ, содѣлали Ло-

дера тогда уже извѣстнымъ ученому свѣту и однимъ изъ славнѣйшихъ анатомовъ. Въ сіе время Лодеръ былъ Тайнымъ Надворнымъ Совѣтникомъ и Лейбъ-Медикомъ Великаго Герцога Саксенъ-Веймарскаго. Въ 1803 году вступилъ онъ, съ чиномъ Тайнаго Совѣтника, въ Прусскую службу и былъ опредѣленъ Ординарнымъ Профессоромъ въ Галле, гдѣ имъ учреждена также Хирургическая Клиника. Въ семъ Университетѣ занимался Лодеръ преподаваніемъ Анатоміи, Физіологіи, Хирургіи, Повивальнаго искусства и Судебной Медицины. Получивъ отставку отъ Прусскаго Короля, при чемъ возведенъ былъ въ дворянское Прусскаго Королевства достоинство, Лодеръ возвратился въ 1806 году въ свое отечество, Россію, для пользы коей прилагалъ неусыпныя попеченія съ сего времени и по самую свою кончину. Въ Россійскую службу онъ вступилъ Лейбъ-Медикомъ съ чиномъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника; въ продолженіе оной нерѣдко дѣлаемы были ему Монархомъ и Начальствомъ разныя порученія, ревностнымъ исполненіемъ коихъ онъ всегда заслуживалъ себѣ похвалу и одобреніе. Въ 1812 г. Лодеру поручено было устроить военные госпитали на 6,000 Офицеровъ и 31,000 нижнихъ чиновъ. Сими Госпиталями управлялъ онъ до самаго упраздненія оныхъ; за это Лодеръ удостоенъ былъ Высочайшаго Рескрипта, даннаго въ С.-Петербургѣ 29-го Ноября 1812 года, и награжденъ Орденомъ Св. Анны 2-го класса, алмазами украшеннымъ. Потомъ завѣдывалъ онъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, Московскимъ Военнымъ Госпиталемъ и посредствомъ добровольныхъ приношеній постороннихъ особъ много способствовалъ къ улучшенію Госпиталя для больныхъ Офицеровъ. Въ 1818 году, куплено было блаженной памяти Государемъ Императоромъ Александромъ Павловичемъ богатое собраніе анатомическихъ препаратовъ Лодера и подарено Московскому Университету. Чтобы сдѣлать свой кабинетъ болѣе полезнымъ, Лодеръ предложилъ безвозмездно преподавать лекціи въ семъ Университетѣ; на сей конецъ выстроенъ былъ по его плану новый анатомическій театръ, отличающійся отъ подобныхъ заведеній своимъ удобствомъ, обширностію и убранствомъ. Добровольно принятую на себя обязанность ежедневно преподавать лекціи исполнялъ Лодеръ

съ примѣрнымъ усердіемъ и раченіемъ, хотя чтеніе лекцій было часто для него затруднительно, какъ по многочисленнымъ прочимъ занятіямъ, такъ и по преклоннымъ лѣтамъ и разстроенному здоровью. Сіи причины побудили Лодера въ 1827 году просить, чрезъ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Высочайшаго дозволенія прекратить лекціи свои при Университетѣ; въ слѣдствіе чего Государю Императору благоугодно было поручить Г. Министру уговорить Лодера о продолженіи его полезныхъ занятій при Университетѣ. Воля Монарха была для Лодера священною и Государь Императоръ соизволилъ на докладной запискѣ надписать собственноручно: «объявить Лодеру спасибо.» Въ 1831 году наконецъ изнурительная болѣзнь лишила его возможности продолжать лекціи. Лодеръ издалъ въ пользу Студентовъ Московскаго Университета, слушателей своихъ, первую часть Анатоміи тѣла человѣческаго на Латинскомъ языкѣ; прочихъ же частей не могъ издать, будучи одержимъ болѣзнію; имъ же принесены въ даръ Университету собраніе анатомическихъ инструментовъ и разныя убранства для анатомическаго театра; чрезъ его ходатайство подарена Университету покойнымъ Д. Круберомъ богатая и единственная коллекція микроскопическихъ препаратовъ знаменитаго Либеркина и другимъ споспѣшествователемъ просвѣщенія коллекція таковыхъ же препаратовъ славнаго Прохаски. Значительное собраніе книгъ, составлявшее нѣкогда библіотеку Лодера, было куплено купцомъ Грачевымъ и принесено въ даръ Университету.

Сверхъ многотрудныхъ занятій по Университету, *Лодеръ* старался быть полезнымъ отечеству и соотчичамъ во многихъ отношеніяхъ. Такъ, въ продолженіе болѣе 10-ти лѣтъ, бывъ Президентомъ Евангелической Церкви Св. Михаила и Школы, при ней учрежденной, Лодеръ прилагалъ неутомимыя старанія о благѣ заведеній, ввѣренныхъ его управленію. Попеченіемъ, ходатайствомъ и неусыпной дѣятельностію Лодера учреждено въ Москвѣ заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ, по методѣ Д. Струве въ Дрезденѣ, источникъ изцѣленія и облегченія страждущему человѣчеству. Послѣдніе годы и дни жизни Лодера посвящены были построенію и учрежденію Городской Больницы: онъ былъ Высочайше

назначенъ Президентомъ Комитета о построеніи сей Больницы. Какъ сіе порученіе, такъ и всякое другое, Лодеръ не только исполнялъ самъ со всевозможнымъ усердіемъ, но и побуждалъ другихъ споспѣшествовать общей пользѣ и видамъ просвѣщеннаго Правительства.

Въ 1827 году торжественно празднуемъ былъ 50-лѣтній Докторскій юбилей Лодера врачами и прочими его Московскими друзьями, при чемъ говорены были въ честь почтеннаго старца рѣчи и пѣты стихи. Сіе собраніе удостоилось посѣщенія знаменитѣйшихъ особъ столицы.

Лодеръ, кромѣ дисертацій и переводовъ Паркса, Джонсона и другихъ, издалъ анатомическія сочиненія: 1) Anatomisches Handbuch. Iena. 1788; 2-te Auflage-Iena, 1800.—2) Anfangsgründe der medicinischen Anthropologie und gerichtlichen Arzneiwissenschaft. Iena. 1791; 3-te Auflage-Weimar, 1800.—3) Tabulae anatomicae mit lateinischem und deutschem Text. Weimar, 1803. 2 B-de. Kupfer 4 B-de, Text in folio.—4) Elementa anatomiae humani corporis. Vol. 1. Mosquae, Rigae et Lipsiae. 1822. — 5) Index praeparatorum aliarumque rerum, ad Anatomen spectantium, quae in Museo Caesareae Universitatis Mosquensis servantur. Mosquae, 1823. (съ Русскимъ переводомъ Студента Эйнбродта.) Editio altera, cui additae sunt duae orationes, in theatro anatomico Universitatis palam recitatae, 1826. — 6) *Объ эпидеміи холеры въ Москвѣ.* 1831 г. въ 8 д. и прибавленіе къ сему сочиненію 1831 г.

Кромѣ того, Лодеръ оказалъ нѣкоторыя заслуги и въ Хирургіи и написалъ слѣдующія сочиненія: 1) Programma I—VII: de nova Alansonii amputationis methodo. Ienae, 1784 — (8) 2) Progr., cui inest observatio herniae diaphragmatis. Ienae, 1784 (4)—3) Programma: Lithotomiae le Catianae emendatae descriptio. Ienae, 1785 (4) — 4) Progr. de succi gastrici in Chirurgia usu. Ienae, 1787.—5) Prog. I—XIX. Historiae amputationum feliciter institutarum. Ienae, 1789 — 1793 (4) — 6) Pr. observationis hypopii et inde enatae synizeseos pupillae. Partic. I—II. Ienae 1791 (4) — 7) Beobachtungen und Erfahrungen über die Balggeschwülste und deren Ausrottung,

herausgegeben von B. H. Iacobsen. Aus dem Lateinischen. Leipzig. 1793 (4)—8) Pr. paracenteseos sinus maxillaris historia. Ienae, 1793. 4.—9) Pr. Cancri labii inferioris feliciter extirpati historia. Ienae, 1794 (4)—10) Digiti pedis per amputationem curati historia. Ienae. 1794 (4)—11) Chirurgisch-medicinische Beobachtungen, mehrerentheils in der Herzoglich-Sachsen-Weimarschen Medicinisch-Chirurgischen Krankenanstalt *in Iena* gesammelt. 1. Bd. Weimar. 1794 (8) mit Kupf.—12) Pr. I—III. historia aneurysmatis spurii arteriae brachialis feliciter curati. Ienae, 1795—1796. — 13) Pr. Observationis scroti per sphacelum destructi et reproductionis ope restituti. Part. I—II. 1796 (4) Ienae.—14) Pr. Observata quaedam circa strumam. Ienae. 1796 (4). — 15) Journal der Chirurgie, Geburtshülfe und gerichtlichen Arzneikunde. Bd. I—IV. Iena. 1797—1806 (8).— 16) Pr. Examen hypotheseos de glandulae thyreoideae usu. Ienae. 1797 (4). — 17) Descriptio calculi urinarii singularis. Ienae. 1798 (4). — 18) Anfangsgründe der Chirurgie. Ienae. 1799 (8).—19) Descriptio calculi renalis conspicuae magnitudinis. Ienae. 1801 (4).—20) Observatio calculi vesicae urinariae feminae sponte excessi. 1801 (4).—21) Calculorum renalium ingens numerus in femineo cadavere observatus. Ienae. 1801 (4). — 22) Arteriolarum corneae brevis descriptio. Ienae. 1801 (4).

Тяжкая и продолжительная грудная водяная болѣзнь, изнурявшая въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ тѣлесныя силы Лодера, не помрачала духа его, пребывшаго во всей его силѣ до самой его кончины, послѣдовавшей 4-го Апрѣля 1832 г. Въ память Лодера бывшимъ его слушателемъ Профессоромъ Эйнбродтомъ, произнесена была рѣчь въ анатомическомъ театрѣ, а въ анатомическомъ кабинетѣ Университета доселѣ хранится воздвигнутый ему мраморный бюстъ.

ЛЮБИМОВЪ, Семенъ Ивановичь, Адъюнктъ и Магистръ Этико-Политическаго Факультета, Дѣйств. Ст. Совѣтникъ и Кавалеръ, изъ духовнаго званія (отецъ его былъ Священникомъ Московской губерніи Дмитровскаго уѣзда въ селѣ Куликовѣ), кончивъ курсъ ученія въ Московской Духовной Академіи, поступилъ въ Московскій Университетъ, гдѣ, по вы-

держаніи экзаменовъ на степень Кандидата и Магистра по Нравственно-Политическому Отдѣленію, удостоенъ былъ званія Адъюнктъ-Профессора, въ 1820 году, и вмѣстѣ опредѣленъ Секретаремъ Училищнаго Комитета. Въ семъ Университетѣ преподавалъ онъ чиновникамъ, гражданскою службою обязаннымъ, Право Общее гражданское и Римское, а по Кизеветтеру и начала Нравственной Философіи, по Рейнгарду два года Студентамъ Логику. Въ 1820 и 1822 академич. годахъ поступилъ въ гражданскую службу; сперва былъ Московскимъ губернскимъ уголовныхъ дѣлъ Стряпчимъ, потомъ Московскимъ губернскимъ Прокуроромъ, и наконецъ, по избранію купечествомъ Высочайше утвержденъ Предсѣдателемъ Московскаго Коммерческаго Суда. Чинами награждаемъ былъ большею частію за отличіе, и сверхъ того за отлично усердную службу пожалованъ былъ Орденами: Св. Анны 3-й степ. по учебной части, а по гражданской — Св. Анны 2-й ст. съ короною, Св. Владиміра 4-й и 3-й степ. и знакомъ безпорочной службы за XX лѣтъ. Какъ отъ духовной Академіи, такъ и отъ Университета аттестовался отлично; отъ службы былъ уволенъ за болѣзнію, съ назначеніемъ ему пенсіи и дозволеніемъ, носить въ отставкѣ Предсѣдательскій мундиръ.—Онъ былъ первый Предсѣдателемъ Моск. Коммерческаго Суда, и при немъ послѣдовало торжественное открытіе онаго. За десятилѣтнюю въ семъ званіи службу удостоился получить, сверхъ пенсіи, единовременное денежное награжденіе.

✓ **Лясковскій,** Николай Эрастовичъ, исправляющій должность Ученаго Аптекаря, Докторъ Медицины, происходитъ изъ Польской дворянской фамиліи, переселившейся въ Россію, и родился въ 1816 году, 12-го Апрѣля, въ Маріенбургѣ, гдѣ родители его, Эрастъ Іосифовичъ и Дарья Ивановна, урожденная Бауеръ, временно пребывали. Дѣтство свое, до 12-тилѣтняго возраста, онъ провелъ въ деревнѣ, Борисоглѣбскаго уѣзда Тамбовской губерніи; а за тѣмъ, вмѣстѣ съ родителями своими, переѣхалъ въ Москву. Первоначальное воспитаніе и ученіе его происходили въ деревнѣ, подъ руководствомъ наставниковъ, жившихъ въ домѣ его роди-

телей; изъ нихъ ему особенно памятны Г-жа Жардиньè и Гг. Гуртеръ и Буровъ. По пріѣздѣ въ Москву, родители Николая Эрастовича, сообразуясь впрочемъ съ его собственнымъ желаніемъ, рѣшили приготовить его къ медицинскому поприщу. Слѣдуя совѣту одного друга, ученаго врача, они сочли нужнымъ, чтобы сынъ ихъ предварительно совершилъ практическій курсъ Фармаціи. Для этой цѣли молодой Лясковскій былъ помѣщенъ въ Большую Тверскую Аптеку, въ Москвѣ, и порученъ попеченіямъ управлявшаго этою аптекою Г. Флюхрата, который обращался съ нимъ какъ съ сыномъ и, доставляя ему всѣ удобства къ изученію фармацевтическихъ наукъ, заботился о томъ, чтобы онъ имѣлъ достаточный досугъ для приготовленія себя къ Медицинскому Факультету. Съ этой поры, рядомъ съ Фармаціею и ея основными науками, изъ которыхъ болѣе прочихъ его привлекала Химія, его особенно занимало изученіе древнихъ языковъ и писателей, Греческихъ и, преимущественно, Латинскихъ; чтенію послѣднихъ онъ посвящалъ значительную часть своихъ досуговъ. Послѣднее время своего фармацевтическаго ученичества Лясковскій провелъ въ Калугѣ, куда его съ собою взялъ Г. Флюхратъ, арендовавшій тамъ аптеку. Затѣмъ, въ 1832 году, будучи 16-ти лѣтъ, выдержавъ въ Московскомъ Университетѣ экзаменъ, онъ былъ удостоенъ диплома на первую фармацевтическую степень. Послѣ этого онъ прожилъ нѣкоторое время въ домѣ родителей, жившихъ тогда въ Полтавской губерніи и, возвратясь въ Москву, продолжалъ въ теченіе 2½ лѣтъ прежнія занятія, работая въ это время въ аптекахъ Арбатской, Ново-Полянской и Лубянской. Въ 1836 г., онъ поступилъ въ число своекоштныхъ Студентовъ Медицинскаго Факультета Московскаго Университета, а въ 1841 году былъ удостоенъ степени Лѣкаря 1-го отдѣленія. Непосредственно послѣ окончанія Университетскаго курса, Лясковскій былъ соискателемъ стипендіи Баронета Вилье, на иждивеніи которой посылается за границу, для дальнѣйшаго образованія, одинъ изъ Русскихъ молодыхъ врачей. Для дополнительнаго удовлетворенія програмы конкурса, требующей, чтобы соискатели имѣли, сверхъ медицинской ученой степени, степень Кандидата Словесныхъ наукъ, Лясковскій,

въ 1842 г., написалъ, въ присутствіи Гг. Профессоровъ 1-го Отдѣленія Философскаго Факультета (переименованнаго нынѣ въ Факультетъ Историко-Филологическій), на заданныя тутъ же темы, разсужденія на Греческомъ, Нѣмецкомъ, Французскомъ и Англійскомъ языкахъ и, вмѣстѣ съ покойнымъ Х. В. Кабановымъ, былъ принятъ въ число соискателей. Выборъ между обоими соискателями былъ рѣшенъ жребіемъ, который выпалъ на долю Кабанова. Въ 1843 году, по выбору Факультета и съ Высочайшаго соизволенія, Лясковскій былъ отправленъ за границу, гдѣ пробылъ до половины 1846 года, занимаясь различными отраслями химико-фармацевтическихъ наукъ. Главными мѣстами его занятій за границею были Берлинъ, Гисенъ и Парижъ. Въ Берлинѣ онъ преимущественно слѣдилъ за курсами Гейнриха Розе и обоихъ Мичерлиховъ и работалъ въ лабораторіи Гейнца и въ своей квартирѣ, гдѣ имѣлъ нужнѣйшіе снаряды для химико-аналитическихъ работъ. Въ Гисенѣ онъ работалъ въ тамошней главной химической лабораторіи, подъ личнымъ руководствомъ Либиха, и въ первое пребываніе свое въ этомъ городѣ произвелъ, вмѣстѣ съ Г. Ильенковымъ, изслѣдованіе Лимбургскаго сыра. Результаты этой работы, доказавшіе присутствіе въ сырѣ кислотъ масляной, валеріяновой, капроновой, каприльной и каприновой и представившіе въ первый разъ формулу маргарина, заслужили одобрительное вниманіе Берцеліуса. Въ Парижѣ Лясковскій пробылъ около года, слѣдя за способомъ преподаванія и изучая тѣ научныя пособія, которыми обладаетъ столица Франціи. Изъ преподавателей ему здѣсь особенно нравились Дюма и Араго. По возвращеніи своемъ изъ Парижа въ Гисенъ, вслѣдствіе данной ему, по ходатайству Либиха, Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія отсрочки, онъ занимался изслѣдованіемъ бѣлковинныхъ или такъ называемыхъ протеиновыхъ веществъ. Результаты этого изслѣдованія изложены первоначально въ написанной Лясковскимъ критической статьѣ: *«о протеиновой теоріи.»* Они возбудили чрезвычайно ожесточенную полемику со стороны основателя протеиновой теоріи, Мульдера—, вызвали въ Германіи, Англіи и Голландіи рядъ химическихъ работъ, вполнѣ подтвердившихъ показанія Лясковскаго, и измѣнили теоретическія воззрѣнія химиковъ на бѣлковинныя ве-

щества. Напечатавъ, въ 1846 году, этотъ трудъ, *Лясковскій* возвратился въ Россію и былъ опредѣленъ въ званіи исправляющаго должность Ученаго Аптекаря при Московскомъ Университетѣ, 1846 года, Іюля 27-го, и съ тѣхъ поръ преподаетъ Фармакогнозію и Фармацію. — *Лясковскій* читалъ, въ началѣ 1847 года, публичный курсъ Органической Химіи. — Избранъ въ Дѣйствительные Члены Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы, 1847 года Ноября 18-го. Опредѣленъ Членомъ Медицинской Конторы по Фармацевтической части, 1848 года, Марта 6-го. По представленію Г-на Московскаго Гражданскаго Губернатора, Г-мъ Московскимъ Военнымъ Генералъ-Губернаторомъ утвержденъ въ званіи Члена Комитета Высочайше утвержденнаго для производства опытовъ уличнаго освѣщенія спиртомъ въ Москвѣ, 1848 г. Ноября 3-го. По испытаніи въ Медицинскомъ Факультетѣ и послѣ публичнаго защищенія диссертаціи: *«De cholerae epidemiae nonnullis causis atmosphaericis»*, утвержденъ Докторомъ Медицины, 1849 г. Декабря 1-го. Въ 1850 г., избранъ въ Дѣйствительные Члены Московскаго Физико-Медицинскаго Общества. Въ 1852 году читалъ публичный курсъ *объ органическихъ веществахъ, важныхъ въ Технологіи.* Въ томъ же году избранъ въ Дѣйствительные Члены Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства и, по приглашенію этого Общества, предсѣдательствовалъ при совѣщаніяхъ Экспертовъ о достоинствѣ химическихъ продуктовъ, представленныхъ на выставку сельскихъ произведеній. По засвидѣтельствованію Г-на Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія и согласно удостоенію Комитета Гг. Министровъ, Всемилостивѣйше пожалованъ обыкновеннымъ подаркомъ въ 500 р. сер. 1853 г., Дек. 1-го. Нѣкоторыя ученыя изслѣдованія Лясковскаго читаны въ засѣданіяхъ Обществъ Физико-Медицинскаго и Испытателей Природы, или напечатаны въ Московскомъ Врачебномъ Журналѣ и въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Подробности о главнѣйшихъ изъ названныхъ и остальныхъ работъ Лясковскаго можно прочитать, между прочимъ, въ слѣдующихъ изданіяхъ: Annalen der Chemie und Pharmacie, v. Fr. Wöhler u. J. Liebig. Bd. LVIII, S. 127.—Annuaire de Chimie

etc., par E. Millon et. J. Reiset. 1847. Paris. p. 677 et 685.— Pharmaceutisches Central-Blatt. 1846. S. 511.—Vollständiges etymologisch-chemisches Handwörterbuch u. s. w., v. Dr. G. C. Wittstein. Bd. II. S. 347. — Ergänzungsheft. 1849. S. 148. — Annal. der Chemie u. Pharm. Bd. LX, S. 104.— *Курсъ Физiологической Химiи Ходнева*, стран. 232, 233, 235, 246, 249. — Chemische Untersuchung über das Fleisch, v. J. Liebig, S. 21, 15.—De cholerae epidemiae nonnullis causis atmosphaericis. Scripsit N. Laskowski. Mosquae, 1849. p. 142. —Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou. Année 1850, N III, p. 3. — Annal. der Chemie u. Pharm. Bd. LXXV, S. 176. — Pharmaceut. Central-Blatt. 1851, S. 173. — Annal. der Chemie u. Pharm. Bd. LV, S. 78.— Berzelius' Jahresbericht. XXVI-ster Jahrgang. S. 618 u. 911.— Berzelius' Lehrbuch der Chemie. 5-te Aufl. Bd. V. S. 454. — Annuaire de Chimie, par E. Millon et J. Reiset. 1846. Paris. p. 538. — Pharmaceut. Central-Blatt. 1845. S. 711. — *Московск. Врачебн. Журн.* Т. V, кн. 1 и 2, отд. IV, стран. 61 и 84.

ДОПОЛНЕНІЯ

къ первому тому Словаря.

АНИЧКОВЪ, Иванъ, Коллежскій Регистраторъ, первый преподаватель практическаго Русскаго законоискусства. Въ каталогахъ лекцій на академическіе годы $178\frac{3}{4}$, $178\frac{4}{5}$ и $178\frac{5}{6}$, сказано, что Аничковъ «въ обыкновенные дни отъ 4-хъ до 6-ти часовъ послѣ обѣда будетъ упражняться въ показаніи *Практической Россійской Юриспруденціи и Судопроизводства* Студентамъ Юридическаго Факультета.»

ГАСТЕВЪ,* Михаилъ Степановичъ, Преподаватель вспомогательныхъ Историческихъ наукъ, Магистръ бывшаго Отдѣленія Словесныхъ наукъ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Орденовъ Св Владиміра 4-й степени и Св. Анны 2-й степ., имѣющій знакъ отличія безпорочной службы за XXV лѣтъ, родился въ Ноябрѣ 1804 года, въ Тульской Губерніи. Отецъ его поступилъ, въ 1805 г., изъ духовнаго званія въ военную службу и, произведенный въ послѣдствіи въ Офицеры, неизвѣстно ему, когда, гдѣ и въ какомъ чинѣ, скончался или убитъ послѣ 1812 года. Гастевъ, оставшись у родственниковъ, сначала учился дома, потомъ въ Тульской Семинаріи и въ Тульской Гимназіи, но мало тамъ выучился и ко вступленію въ Университетъ приготовилъ себя самъ: въ четыре года выучилъ Лексиконы Латинскій, Французскій, Нѣмецкій, до половины Греческій и Италіянскій, чтобы не терять времени на пріисканіе словъ при переводахъ; грамматики этихъ языковъ училъ въ разбивку; для отдыха и разнообразія вмѣсто прогулокъ читалъ и перечитывалъ извѣстнѣйшихъ писателей;

---

* Эта біографія печатается въ дополненіяхъ потому, что доставлена была уже послѣ отпечатанія буквы Г.

особенно любилъ сочиненія В. А. Жуковскаго и зналъ ихъ большею частію наизусть; по выходѣ Исторіи Карамзина, сократилъ ее въ два большихъ тома, имѣя въ виду издать это сокращеніе; перевелъ съ Французскаго одно математическое сочиненіе Тиссота. Въ Университетъ поступилъ въ 1825 Студентомъ. Мѣсяца черезъ три по вступленіи, замѣтилъ его знанія въ Русской Исторіи, пріобрѣтенныя имъ при сокращеніи Исторіи Карамзина, Профессоръ, М. Т. Каченовскій, и вниманіемъ и одобреніемъ заставилъ его заниматься преимущественно Русскою Исторіею. По окончаніи курса, въ 1828 году 19-го Іюня получилъ онъ степень Кандидата и въ Августѣ того же года поступилъ на службу, Учителемъ Исторіи и Географіи, въ Московскую Коммерческую Академію, гдѣ служилъ уже два съ половиною года частнымъ образомъ. Въ 1830 г. поручено ему преподаваніе Хронологіи, Генеалогіи, Нумизматики, Геральдики, и Дипломатики Студентамъ Московскаго Университета. Въ 1831 г. онъ выдержалъ испытаніе, написалъ разсужденіе на степень Магистра и утвержденъ въ этой степени въ 1832 г. Въ 1833 г. онъ вынужденъ былъ прекратить службу въ Университетѣ и остался 1. Старшимъ Учителемъ Исторіи, Географіи и Статистики въ Коммерческой Академіи, гдѣ прослужилъ двадцать два съ половиною года, до 1847 г.; 2. Старшимъ Учителемъ Исторіи и Статистики въ бывшемъ Московскомъ Дворянскомъ Институтѣ, гдѣ служилъ три съ половиною года, и 3. Преподавателемъ Географіи, Исторіи, Миѳологіи и Членомъ Конференціи въ Московскомъ Дворцовомъ Архитектурномъ Училищѣ, гдѣ служилъ тринадцать лѣтъ, до 1847 г. По этой службѣ онъ получилъ чины Коллежскаго Ассессора въ 1838 г., Надворнаго Совѣтника въ 1841 г., и Коллежскаго Совѣтника въ 1844 году, и знакъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ въ 1845 году.

Въ бытность свою въ Университетѣ онъ перевелъ для Вѣстника Европы разныя статьи, до Исторіи и Географіи относящіяся; съ Италіянскаго языка: трактаты Гроберга о Норманахъ (Su la falsita dell'origine scandinava data ai popoli, detti barbari, che distrussero l'impero di Roma. Pisa 1815) напеч. въ №№ 1 и 3 1829 г., и о Финляндцахъ и Лапон-

цахъ, напеч. въ №№ 13 и 14 Вѣстника Европы того же года; съ Латинскаго Географію Помпонія Мелы, отрывки Страбона и Плинія старшаго; съ Нѣмецкаго и Франиузскаго: о неправильности въ лѣтосчисленіи, о Стенографіи, напеч. въ 1830 г., о Кавказскихъ народахъ и другія. Сверхъ того напечаталъ въ Вѣстникѣ же Европы нѣсколько своихъ оригинальныхъ статей. Отдѣльно напечатаны изъ сочиненій его: 1. *Лекція о вспомогательныхъ наукахъ для Исторіи* въ 1830 г.; 2. *Руководство къ Политической Географіи* въ 1832 г.; 3. *Разсужденіе о причинахъ, замедлившихъ Гражданскую образованность въ Русскомъ Государствѣ до Петра 1-го.*, на степень Магистра, въ 1832 г.; *Хронологія*, въ 1833 г.; 5. *Физическое обозрѣніе Глобуса* въ 1834 г. и, 2-е измѣненное изданіе, въ 1836 г.; 6. *Ариѳметика*, въ 1834 г. и 2-е изд. въ 1838 г.; 7. *Генеалогія* въ 1835 г.; 8. *Рѣчь о достовѣрности Исторіи*, замѣчательная по сбору мнѣній объ этомъ предметѣ, произнесенная на Актѣ въ Дворянскомъ Институтѣ, въ 1834 г., и 9. *Рѣчь объ Исторіи въ отношеніи къ Изящнымъ Искусствамъ*, произнесенная на Актѣ въ Дворцовомъ Архитектурномъ Училищѣ. Изъ приготовленныхъ къ изданію, но неизданныхъ, осталась *Дипломатика*, въ двухъ большихъ томахъ, со множествомъ рисунковъ, написанная, по особой къ ней его склонности, для руководства въ Университетѣ. Кромѣ того онъ помѣщалъ въ 1842 и 43 годахъ свои Историческія и Статистическія статьи въ Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, по должности Правителя дѣлъ Губернскаго Статистическаго Комитета, и въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

По порученію Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, Свѣтлѣйшаго Князя Д. В. Голицына, въ началѣ 1841 г., издалъ первую часть матеріаловъ для полной и сравнительной Статистики Москвы, съ 27-ю рисунками. По содержанію своему она показалась столько новою и любопытною, что два раза была перепечатана почти вся въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Издалъ также выгравированное на мѣди Родословное древо Князей Голицыныхъ. По кончинѣ Князя Димитрія Владиміровича, напечаталъ два отрывка изъ его Біографіи въ Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ.

Съ поступленія своего въ 1840 г. на службу по особымъ

порученіямъ къ Московскому Военному Генералъ-Губернатору, Гастевъ на этой службѣ занимался преимущественно разборомъ и приведеніемъ въ порядокъ архивныхъ дѣлъ. Съ 1844 года ввѣренъ его управленію Московскій Губернскій Архивъ. Его стараніемъ и дѣятельностію, по порученію нынѣшняго Московскаго Генералъ-Губернатора, Графа Арсенія Андреевича Закревскаго, Губернскій Архивъ, въ коемъ до 1847 г. всѣхъ дѣлъ было 450,000, теперь увеличился до 2-хъ милліоновъ номеровъ дѣлъ, расположенныхъ въ одиннадцати отдѣленіяхъ; по составленнымъ имъ таблицамъ всякое дѣло тамъ можно пріискать минутъ въ пять. Кромѣ управленія Губернскимъ Архивомъ и занятій по архивнымъ дѣламъ Губернскихъ Присутственныхъ мѣстъ ему поручены съ 1848 и 1849 годовъ: постоянное наблюденіе за ходомъ дѣлъ по торговой Депутаціи, Торговой Полиціи, надзоръ за ремонтнымъ содержаніемъ городскихъ бульваровъ, казенной городской мостовой, пріемъ городскихъ казенныхъ построекъ и другія временныя дѣла, преимущественно по частямъ хозяйственной и экономической. — На этой службѣ онъ, по представленію Генералъ-Губернатора Князя Алексѣя Григорьевича Щербатова, награжденъ въ 1848 г. Орденомъ Св. Анны 3-й степени за отлично-ревностную службу и особые труды; по представленію Графа Арсенія Андреевича Закревскаго пожалованъ въ 1850 г., Орденомъ Св. Владиміра 4-й степени, за отлично-усердную службу и примѣрное трудолюбіе; въ 1851 году произведенъ въ Статскіе Совѣтники за выслугу лѣтъ, по должности Директора Богоугодныхъ Заведеній; въ 1853 г. награжденъ Орденомъ Св. Анны 2-й степени за отлично-усердную службу и особые труды. Сверхъ того ему изъявлено отъ Графа Арсенія Андреевича 8 письменныхъ благодарностей.

✓ **ГОДИ** (Gaudy) Петръ, Адъюнктъ Ботаники. Въ каталогѣ лекцій $178\frac{8}{9}$ Академическаго года сказано, что при каѳедрѣ Натуральной Исторіи Профессора Политковскаго Годи читалъ Линнееву ботаническую Философію и показывалъ потомъ употребительныя въ Медицинѣ травы, слѣдуя порядку Матеріи Медицинской Г. Бергія; но далѣе Годи уже не упоминается.

ЛЮБИМОВЪ, Николай Алексѣевичь, Исправляющій должность Адъюнкта Физики и Физической Географіи, родился 26 Янв. 1830 г. и былъ воспитанъ покойнымъ Профессоромъ Московскаго Университета Алексѣемъ Леонтьевичемъ Ловецкимъ. Окончивъ въ 1847 году курсъ наукъ въ 3-ей Московской Гимназіи, былъ при выпускѣ награжденъ серебряною медалью и принятъ въ томъ же году въ число своекоштныхъ Студентовъ Московскаго Университета. Выпущенъ въ 1851 году изъ Университета со степенью Кандидата Физико-Математическихъ наукъ и черезъ годъ опредѣленъ Старшимъ Учителемъ въ 4-ую Московскую Гимназію. Занимался преимущественно Физикою, выдержалъ словесное и письменное испытаніе на степень Магистра Физики и съ 20-го Октября 1854 года назначенъ Исправляющимъ должность Адъюнкта по каѳедрѣ Физики и Физической Географіи при Московскомъ Университетѣ. Вступительная лекція его по предмету Физики напечатана въ Ноябрскомъ № Московскихъ Вѣдомостей 1854 года.

ОПЕЧАТКИ

ВЪ ПЕРВОМЪ ТОМѢ СЛОВАРЯ.

Стран.	*строк.*	*Напечатано:*	*Читай:*
226	2 сн.	въ Боде	къ Боде
230	14 св.	Northly	Monthly
238	2 сн.	85°31'32",6	58°31'32,"6
313	3 сн.	12-ти вмѣстѣ дюймовой	12-ти дюймовой

3 2044 014 699 417

